Право народов Китая и Центральной Азии

Памяти
Евгения Ивановича Кычанова
(1932-2013)

Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева

Право народов Китая и Центральной Азии

Памяти
Евгения Ивановича Кычанова
(1932-2013)

(историко-правовые исследования)

Сборник воспоминаний и научных трудов
к 90-летию со дня рождения
и 10-летию со дня кончины

Екатеринбург
2024

УДК 340.15, 340.130, 340.152, 340.153, 93/94, 94(510)
ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)
Т 63

Кузьмин В.А. – Заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения
Департамента международных отношений Уральского гуманитарного
института Уральского федерального университета (Екатеринбург)
Зайков А.В. – к.и.н., доцент, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник *В.М. Рыбаков*
доктор юридических наук, профессор *А.С. Смыкалин*,
кандидат исторических наук, доцент *Р.А. Насибуллин*
кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Суровень*

Т 63 **Право** народов Китая и Центральной Азии: Памяти Евгения Ивановича Кычанова (1932-2013). Сборник воспоминаний и научных трудов (историко-правовые исследования) / Ред. кол. В.М. Рыбаков, А.С. Смыкалин, Р.А. Насибуллин, Д.А. Суровень. –Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2024. – 511 с.

ISBN 978-5-9078870-0-8

В сборник включены воспоминания о выдающемся российском востоковеде, специалисте по истории народов, стран и правовых систем государств Центральной Азии и Дальнего Востока – Евгении Ивановиче Кычанове, а также статьи и переводы источников по истории китайского и тангутского права, представленные российскими и зарубежными исследователями.

Для научных работников академических учреждений, преподавателей, аспирантов, студентов восточных и исторических факультетов, и всех интересующихся проблемами истории общества, государства и права народов Китая и Центральной Азии.

Статьи представлены авторами в 2023 году.

ISBN 978-5-9078870-0-8

© Авторы статей, 2024
© Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева, 2024

Евгений Иванович Кычанов,
Институт восточных рукописей РАН,
22 октября 2012 г.
(*фотография В.П. Зайцева*)

Русский самородок

Выдающийся историк, китаевед, специалист по этнографии, кочевниковедению, текстологии народов Центральной Азии, дешифровщик письменности древнего народа тибето-бирманской группы тангутов, Евгений Иванович Кычанов (1932-2013) занимает в истории российской и мировой науки особое, уникальное, только им заслуженное место. Его работы, основанные на впервые им прочитанных и им же введённых в научный оборот источниках, дали абсолютно новое прочтение истории Центральной Азии в древности и средневековье.

Переворот произвести в науке удаётся далеко не каждому, а вот Евгению Ивановичу это удалось. Причиной стали, прежде всего, его природные таланты, дарованные природой, родителями и семьей; образование от «петербургской-ленинградской школы» классического востоковедения; стабильная атмосфера научной жизни 1960–80-х годов в его родном Институте.

Евгений Иванович Кычанов родился 22 июня 1932 г. в небольшом городе Сарапуле на реке Каме в Удмуртии в семье Кычанова Ивана Кузьмича, инженера-землеустроителя, работавшего в ту пору начальником Прикамского земотряда, и Кычановой (Зылёвой) Галины Павловны, воспитателя детского сада. Родители Евгения Ивановича происходили из семей мещан-ремесленников и крепких крестьян, сполна испытавших на себе трудности революций, войн и раскулачивания.

В 1950 г., окончив мужскую среднюю школу № 16 родного города, Евгений Иванович отправился в Ленинград с намерением поступить на Исторический либо Филологический факультет Ленинградского государственного университета. Однако благодаря счастливой случайности он поступил на Восточный. Перед подачей документов, встретив в главном здании Университета Бориса Михайловича Новикова (1929-2021), тогда студента третьего курса и затем доцента ЛГУ, Евгений Иванович разговорился с ним и после некоторых раздумий, решил посвятить себя изучению истории Китая.

Студенческие годы для Евгения Ивановича, как и для всего послевоенного поколения, были трудными, но наполненными духом романтики и настоящей дружбы. В одной группе с ним учились ставшие

потом известными исследователями Китая и Центральной Азии Владислав Семенович Кузнецов, Виталий Епифанович Ларичев, Эрнст Владимирович Шавкунов, Юрий Владимирович Зуев, с которыми Евгений Иванович на всю жизнь сохранял тёплые товарищеские отношения.

Е.И. Кычанов учился легко и с удовольствием, был одним из самых блестящих студентов не только факультета, но всего Университета: за дипломную работу «Крестьянское движение в провинции Гуандун и Хунань в период первой гражданской революционной войны»» (руководитель Л.А. Березный) он был удостоен первой премии ЛГУ. Весной 1955 г. Евгений Иванович был рекомендован Восточным факультетом в аспирантуру Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР по специальности *тангутоведение*. Сдав успешно конкурсные вступительные экзамены, он 1 ноября 1955 года стал аспирантом ИВ АН СССР.

В истории Института востоковедения 1950-е гг. были периодом активной реорганизации. Перемены в мире после второй мировой войны потребовали более серьёзной научной поддержки политики СССР в странах Востока. В связи с этим Президиум АН 1 июля 1950 г. принял Постановление (Протокол № 17 заседания Президиума, § 372), в котором говорилось: «В целях усиления научной работы, а также обеспечения повседневного руководства Институтом востоковедения со стороны Президиума … просить Совет Министров СССР разрешить Академии наук перевести Институт востоковедения Академии наук СССР из Ленинграда в Москву».[1] Предполагалось также полностью переместить в Москву рукописный, архивный и книжный фонды Института. Но затем «в связи с недостатком служебных помещений в Москве … собрание восточных рукописей и фундаментальную библиотеку Института востоковедения» было разрешено оставить в Ленинграде.[2]

В 1951 г. после переезда Института востоковедения в Москву в Ленинграде остался Сектор восточных рукописей ИВ, заведующим которым был назначен Д.И. Тихонов (1906-1987). Был разработан план мероприятий, направленных на улучшение хранения, реставрации,

---

[1] Архив востоковедов Институт восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 50.

[2] Постановление Президиума АН СССР от 2 августа 1950 г. (Протокол № 23 заседания Президиума, § 421) // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 58.

технической и научной обработки рукописного собрания. В докладной записке на имя С.П. Толстова (1907-1976), тогдашнего директора ИВ АН, от 30 мая 1951 г. Д.И. Тихонов сообщал, что научное описание некоторых фондов Института не ведется из-за отсутствия специалистов.[1] К числу таких фондов относился и уникальный *тангутский фонд*, доставленный в 1909 г. в Россию Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (1863-1935).

Народ тангутов сошёл с исторической сцены в XIII в., когда был полностью уничтожен нашествием монголов. Все тангуты, включая женщин, стариков и детей, были уничтожены; язык их полностью забыт к XV в., после этого на нем никто не мог уже ни разговаривать, ни читать. И только в ходе археологических раскопок П.К. Козлова во Внутренней Монголии Китая (в «мертвом городе» Хара-Хото) в 1908-1910 гг. удалось обнаружить памятники утраченной письменной культуры тангутов, включая словари, благодаря чему стала возможной дешифровка этой забытой письменности.

Уже в 1909 г. к работе с тангутскими материалами приступили профессора Петербургского университета китаевед Алексей Иванович Иванов (1878-1937) и монголист Владислав Людвигович Котвич (1872-1944). Обнаруженный ими ксилографический тангутско-китайский и китайско-тангутский словарь «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени» открыл путь к дешифровке тангутской письменности. Настоящий прорыв в тангутоведении был связан с именем Н.А. Невского (1892-1937). Этот выдающийся исследователь проделал огромную работу, заложившую основу для развития всего мирового тангутоведения. Н.А. Невский представил проект работы с тангутским материалом на годы вперед, но этому плану не скоро суждено было воплотиться в жизнь.

А.И. Иванов и Н.А. Невский погибли в 1937 г., К.К. Флуг (1893-1942), ведший инвентарь тангутского фонда, и сотрудник Государственного Эрмитажа В.Н. Казин (1907-1942), занимавшийся историей и локализацией Хара-Хото, скончались в блокадном Ленинграде в 1942 году. В 1950-е гг. работа с тангутским фондом была возобновлена Зоей Ивановной Горбачевой (1907-1979), научным руководителем Е.И. Кычанова по аспирантуре. Неоценимым её вкладом в тангутоведение стала подготовка к печати словаря и работ Н.А. Невского в

[1] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 1099. Л. 2.

двух книгах «Тангутская филология (М.: Издательство восточной литературы, 1960). В 1962 г. этот труд по представлению академика Н.И. Конрада (1891-1970) был удостоен Ленинской премии СССР.

На аспирантские годы Е.И. Кычанова приходится важный этап преобразования Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. В 1957 г. значительно расширилась площадь Института, штат стал пополняться новыми сотрудниками, были сформированы новые кабинеты. В это время Евгений Иванович вживался в жизнь разраставшегося коллектива, собирал материал для диссертации, ходил на занятия по французскому языку. Тогда он работал только с опубликованными источниками на китайском языке. По личным воспоминаниям Евгения Ивановича, после реабилитации Н.А. Невского в 1957 г. ходили слухи, что он жив и скоро вернётся, а затем в связи с подготовкой к изданию его трудов З.И. Горбачевой тангутский рукописный фонд и архив Н.А. Невского, возвращенный из ГПУ в 1938 г. (в том числе и его рукописный словарь), были закрыты для пользователей.

К осени 1958 г. Е.И. Кычанов подготовил текст кандидатской диссертации «Государство Си-Ся (982-1227)». Эту работу он блестяще защитил 30 июня 1960 г. на Восточном факультете ЛГУ. Диссертация стала первой в мировой науке специальной работой, посвященной истории тангутского государства. Евгений Иванович исчерпывающе использовал китайские источники по данной теме, впервые затронул вопросы этногенеза тангутов, их экономического развития и распространения буддизма в государстве Си Ся.

1 декабря 1958 года Е.И. Кычанов был зачислен в ЛО ИВ АН на должность младшего научного сотрудника. Тогда же по заданию дирекции он стал выполнять научно-техническую работу в рукописном фонде Института. Первым данным ему поручением был разбор тибетского фонда. К разбору тангутского фонда Е.И. Кычанов приступил осенью 1959 года. Эта работа была нацелена на завершение начатой А.И. Ивановым и Н.А. Невским полной инвентаризации коллекции из Хара-Хото. Усилиями предшественников Евгения Ивановича в инвентарные книги было внесено около половины фонда. Через год с небольшим, аттестуя Евгения Ивановича в должности младшего научного сотрудника, заведующий Дальневосточным кабинетом В.М. Штейн (1890-1964) написал: «Кычанов ведет большую, можно сказать, “черную работу”, на какую не всякий из молодых людей со-

гласится, разбирает и шифрует тангутский фонд, продолжая тем самым линию, начатую в свое время Н.А. Невским». Результатом работы по первичной инвентаризации фонда стала публикация составленного совместно с З.И. Горбачевой краткого аннотированного каталога «Тангутские рукописи и ксилографы» (М.: Издательство восточной литературы, 1963).

Во время Всемирного конгресса востоковедов, проходившего в Москве летом 1960 г., Е.И. Кычанов находился в Ленинграде и в числе группы молодых сотрудников давал пояснения гостям по выставке рукописей, временно развернутой в Зеленом зале Института. Среди востоковедов, посетивших ЛО ИВ АН, был классик тангутоведения, сэр Жерар Клосон (Gerard Clauson, 1891-1974), который подробно осмотрел тангутские рукописи и заинтересованно побеседовал с Е.И. Кычановым о перспективах его работы. Спустя несколько лет в 1964 г. Клосон опубликовал в *Asia Major* статью «Будущее тангутоведения», в которой как представитель «более раннего и менее научного этапа» развития этой отрасли суммировал собственный опыт работы, чтобы передать его в распоряжение «нового и энергичного поколения молодых исследователей».[1] Тогда же Ленинград посетил японский этнолог Ока Масао 岡 正雄 (1898-1982), в молодые годы знавший Н.А. Невского и его семью. По его поручению Евгений Иванович отправился на улицу Блохина в «дом академиков», на поиски дочери Невского Елены Николаевны, но сумел лишь выяснить, что она, врач по профессии, находится на временной работе в Камбодже.

С 1962 г. вместе с М.В. Софроновым Евгений Иванович занимался дешифровкой тангутских фонетических таблиц, итоги работы были опубликованы в совместном «Исследовании по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)» (М.: Издательство восточной литературы, 1963). Монография наметила методику, с помощью которой стало возможным определять чтение знаков, содержащихся в фонетических словарях тангутского языка. В работе были охарактеризованы основные внешние (тибетские и китайские) и внутренние (фонетические таблицы и словари) источники для реконструкции фонетики тангутского языка. В 1963 г. Евгений Иванович подготовил ещё одну работу «Звучат лишь письмена» (М.: Наука,

[1] *Clauson Gerard*. The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // Asia Major (New Series). – 1964. – Vol. XI, pt. 1. – P. 77.

ГРВЛ, 1965), предназначенную для широкого круга читателей. В этой небольшой монографии, представляющую серию очерков по истории тангутоведения, раскрылся его прекрасный литературно-повествовательный дар.

Необходимо отметить, что и организаторские способности Е.И. Кычанова также были сразу отмечены и использованы руководством: после зачисления на работу он в течение двух лет выполнял обязанности учёного секретаря Дальневосточного кабинета ЛО ИВ АН, а в 1964 г. был избран председателем профсоюзного или, как тогда говорили, местного комитета. В январе 1963 г. в составе Дальневосточного кабинета под руководством Е.И. Кычанова была организована тангутская группа. Работа вошедших в её состав сотрудников распределялась следующим образом: В.С. Колоколову поручалась работа с переведёнными с китайского языка памятниками китайской классики, К.Б. Кепинг – работа с неканоническими переводными сочинениями, а также изучение грамматики тангутского языка, А.П. Терентьев-Катанский должен был изучать книжную культуру тангутов. Е.И. Кычанов приступил к исследованию оригинальных тангутских сочинений, в частности, к переводу сборника пословиц XII века «Вновь собранные драгоценные парные изречения». Факсимиле и исследование этого памятника было опубликовано им в 1974 г.[1]

С марта по июль 1964 г. Е.И. Кычанов находился в Пекине в Высшей подготовительной школе для иностранных студентов, оказавшись одним из последних стажеров, направленных из Советского Союза в Китай по обмену накануне длительного периода охлаждения отношений между нашими государствами. По собственному признанию Е.И. Кычанова, тема, связанная с изучением малого народа, обитавшего в древности на территории КНР, не встретила энтузиазма руководителей стажировки с китайской стороны, поэтому формально ему не был предоставлен научный руководитель, и его пребывание в Китае имело целью лишь усовершенствование в языке. Е.И. Кычанов не раз заявлял о своем желании встретиться с выдающимся языковедом Ван Цзин-жу 王静如 (1903-1990), который с 1930-х гг. вёл исследования в области тангутоведения, но тогда эти пожелания выполнены не были, и с Ван Цзин-жу Евгений Иванович увиделся только в

[1] Вновь собранные драгоценные парные изречения / Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е.И. Кычанова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – 224 с. (Памятники письменности Востока XL).

1989 г.

Между тем, именно в начале 1960-х гг. в Китае была возобновлена активная работа по дешифровке тангутской письменности. Стимулом этому послужила в первую очередь публикация труда Н.А. Невского. В 1964 г. была создана исследовательская группа под руководством Ван Цзин-жу, о результатах работы которой Е.И. Кычанов, находившийся тогда же в Пекине, также узнал значительно позже.

С мая 1965 г. Евгений Иванович работал в ЛО ИВ АН в должности старшего научного сотрудника, а в июне 1965 г. заведующий ЛО ИВ АН Ю.А. Петросян пригласил его на должность своего заместителя по науке. На этом посту Евгений Иванович оставался до 1 января 1997 г.

В 1966 г. совместно с В.С. Колоколовым Е.И. Кычанов публикует факсимиле тангутских переводов китайских классических произведений «Лунь юй», «Мэн-цзы» и «Сяо цзин» из коллекции ИВ АН.[1] Важной частью этой работы стал тангутско-китайский словарь на 1 350 знаков, встречающихся в публикуемых текстах. Многие из этих знаков не вошли в словарь Н.А. Невского и были отождествлены впервые. Кроме того, работа была снабжена китайско-тангутским словником, таблицей скорописных элементов тангутских знаков, а также текстом главы IV «Сяо цзина» с параллельным написанием стандартных тангутских знаков и соответствующих китайских иероглифов. Введение в научный оборот уникальных текстов имело большое значение для изучения идеологии Китая и Си Ся и стало важным вкладом в дешифровку тангутской письменности.

В 1968 г. выходит в свет одна из основных работ Е.И. Кычанова «Очерк истории тангутского государства», которую он в 1970 г. защитил в качестве докторской диссертации. Этот труд впервые в мировой науке представил историю народа тангутов с момента зарождения до трагической гибели в 1227 г. Подробное освещение получили вопросы этногенеза, становления и упрочения государства Западное Ся, его политической, экономической и военной истории, а также особенностей самобытной культуры, религии и письменности тангутов. В книге было показано, что Западное Ся играло важную политическую роль в Центральной Азии и на протяжении двух с половиной веков было

[1] Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1966. – 148, 211 с. (Памятники письменности Востока IV).

одним из трёх наиболее могущественных государств Дальнего Востока наряду с Сунским Китаем и киданьским Ляо (позже Цзинь). В рецензии на эту работу Ж. Клосон отметил: «Навряд ли будет преувеличением сказать, что если бы Бартольд имел те же самые интересы и познания, то он написал бы книгу наподобие этого «Очерка истории тангутского государства», а выше похвалы и быть не может».[1]

В том же 1969 г. Евгений Иванович приступил к работе над темой «Памятники тангутского законодательства», поставив цель перевести «Измененный и заново утвержденный свод законов девиза царствования Небесное процветание (1149-1168). Работа над этим уникальным и объёмным (20 глав, 1460 статей) памятником дальневосточного права продолжалась почти 20 лет и завершилась фундаментальной 4-томной публикацией в 1987-1989 гг. в серии «Памятники письменности Востока».[2] Этот труд сразу же привлек внимание специалистов, был частично опубликован в Китае в 1987 г.[3], а в 1997 г. удостоен Премии РАН им. С.Ф. Ольденбурга.

Помимо того, что в ходе подготовки этого издания Е.И. Кычанов выявил и проработал многие другие памятники законодательства тангутов, он подошел также к решению целого ряда крупных проблем государственного устройства и правового регулирования кочевых и полукочевых обществ народов Азии. Изучая социальный уклад тангутов, он изыскивал параллели в истории Китая, Тибета и Монголии. В результате в свет вышли десятки статей, в которых получили освещение вопросы государственного управления и сословного деления в Китае и Центральной Азии, роли рабства и принудительного труда в

---

[1] [*Clauson Gerard*. Rev. on:] Ye.I. Kychanov: *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva.* (Akademia Nauk SSSR. Institut norodov Asii,) 355 pp. Moscow: Izdatel'stvo 'Nauka', 1968, Rbls 1.65. M.V. Sofronov: Grammatika tangutskogo yazyka. (Akademia Nauk SSSR. Institut norodov Asii,) 2 vols.: 275 pp.; 404 pp. Moscow: Izdatel'stvo 'Nauka', 1968, Rbls 3.13 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – London: University of London, 1969. – Vol. 32. – No. 2. – P. 417.

[2] Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987-1989. – 464, 702, 624, 680 с. (Памятники письменности Востока LXXXI, 1-4).

[3] Си Ся фа дянь --- Тянь-шэн нянь гай цзю дин синь люйлин (ди 1-7 чжан) [Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (главы 1-7)] 西夏法典 — 天盛年改舊定新律令 / Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫俄譯; пер. на кит. яз. Ли Чжун-саня 李仲三漢譯, ред. перевода Ло Мао-кунь 羅矛昆校訂. – Иньчуань 銀川: Нинся жэньминь чубаньшэ 寧夏人民出版社, 1988. – 212 頁.

хозяйственной деятельности на Востоке в средние века.

Исследование тангутского кодекса привело Е.И. Кычанова к занятию средневековым китайским правом. В России, если не считать публикаций Алексея Леонтьева конца XVIII в., старым китайским правом почти не занимались. Итогом работы Е.И. Кычанова по изучению законодательства династий Тан и Сун стала монография «Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)» (М.: Наука, ГРВЛ, 1986), которая впервые в систематическом и полном виде представила основные положения традиционного права Китая. Эта справочное издание не имеет пока аналогов в мировом китаеведении.

Занимаясь историей этногенеза тангутов и их судьбой после монгольского завоевания, Е.И. Кычанов стал интересоваться этнической и политической историей сопредельных с ними народов – киданей, чжурчжэней, ойратов, монголов. Наиболее ярким результатом его исследований в этом направлении в 1970–1980-е гг. стала серия научно-популярных работ, представивших исторические портреты правителей кочевого мира: «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» (М.: Наука, ГРВЛ, 1973), «Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане» (Новосибирск: Наука, СО, 1980), «Абахай» (Новосибирск: «Наука», СО, 1986) и др. Позже биография Чингисхана вышла в переводе на монгольский язык (2000 г.), а биография Галдана на русском языке была переиздана в столице Калмыкии Элисте (1999 г.).

Следует отметить, что Е.И. Кычанов высоко ценил достижения японских тангутоведов и всегда старался получить доступ к японской литературе по изучаемым им направлениям. В 1967 г. выдающийся тангутовед Нисида Тацуо 西田 龍雄 (1928-2012) впервые посетил ЛО ИВ АН, а затем в 1975 г. Евгений Иванович впервые побывал в Киото по линии научного обмена в Университете Рицумэйкан. С конца 1960-х годов Евгений Иванович поддерживал научные контакты также и с европейскими исследователями Центральной Азии – Луи Гамбисом, Гербертом Франке, Эриком Гринстедом, Марией Ференци, Дьердем Карой, Ральфом Штейном и др.

Китай до начала 1980-х гг. оставался для отечественных исследователей закрытой страной. С современными работами на китайском языке по истории права и тангутоведению Евгений Иванович удалось познакомиться в 1978 г. в Копенгагене во время научной стажировки в NIAS (Nordic Institute for Asian Studies). Но непосредственные личные контакты с китайскими тангутоведами установились лишь спустя

почти десять лет, когда зимой 1987 г. в Ленинград прибыли занимающие сейчас лидирующее положение в китайском тангутоведении профессор Ли Фань-вэнь 李范文 (р. 1932) и профессор Ши Цзинь-бо 史金波 (р. 1940). Им было известно о работах Евгения Ивановича, часть которых была даже переведена в 1978 г. на китайский язык. В 1989 г. Евгений Иванович впервые после долгого перерыва посетил Китай.

Именно в этот период Академия общественных наук КНР обратилась к руководству АН СССР с предложением полностью издать факсимиле рукописные материалы из Дуньхуана и Хара-Хото, хранящиеся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН (ныне – Институт восточных рукописей РАН). Предложение было встречено согласием, что положило начало многолетнему сотрудничеству. В рамках этого издательского проекта в 1993-2000 гг. в ЛО (Санкт-Петербургский филиал) ИВ РАН несколько раз приезжала группа исследователей и фотографов, возглавляемая профессором Ши Цзинь-бо. В неё входили тангутоведы Бай Бинь и Не Хун-инь, а также сотрудники Шанхайского издательства «Древняя книга» Цзян Вэй-сун и Янь Кэ-цинь. Редактором с российской стороны был Е.И. Кычанов. Результатом стало издание 14 томов памятников тангутской письменности. Публикация коллекции из Хара-Хото сразу же дала мощный импульс развитию тангутоведения во всём мире, в первую очередь в Китае.

В 1990-2000 гг. выходят крупные обобщающие работы Е.И. Кычанова, над которыми он трудился многие годы. В 1997 г. была издана монография «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» (М.: «Восточная литература» РАН), содержавшая анализ процессов становления государственности у кочевых народов Центральной Азии. Книга стала результатом изучения Е.И. Кычановым структуры обществ сопредельных с Китаем народов и их государственной идеологии. В работе была также поставлена проблема выявления общего и особенного в формировании неханьских кочевых, государств, а также предложена методология изучения особенностей их политического и административного управления. Второе расширенное издание монографии было опубликовано в 2010 г.[1]

---

[1] *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с. (Nomadica).

В 1999 г. в издании Университета Киото выходит «Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук».[1] В своё время в список 1963 г., составленный Е.И. Кычановым вместе с З.И. Горбачевой, вошло описание небуддийской части тангутского фонда, буддийские же памятники на тангутском языке были только перечислены. На выявление и отождествление буддийских сочинений из Хара-Хото Е.И. Кычанову понадобилось более 30 лет. «Огромный объем материала, – отмечал он во введении, – потребовал многие годы на то, чтобы данное описание стало достоянием науки».[2] Теперь научной общественности было представлено полное содержание тангутского фонда ИВР РАН за исключением коллекции административных и хозяйственных документов.

В 2006 г. была опубликована выдающаяся работа, которая стала итогом более чем 40-летнего труда Е.И. Кычанова – «Тангутско-русско-англо-китайский словарь». С первых же дней работы над тангутским фондом в 1959 году Евгений Иванович вёл рабочую картотеку-словарь, которую он расширял и дополнял в течение всей своей жизни, учитывая и собственные данные, выявляемые в ходе дешифровки рукописных текстов, и данные, публикуемые в трудах его коллег. Поэтому Словарь стал итогом, обобщившим достижения мировой науки по дешифровке тангутской письменности за всю историю её развития, и не имеет аналогов.[3] Словарь был особо отмечен в Отчете РАН среди основных достижений за 2006 г.

В 2008 г. в издательстве Факультета филологии и искусств СПбГУ вышел сборник статей Е.И. Кычанова «История тангутского государства», объединивший более 50 статей по истории, праву, военному делу и культуре Западного Ся. Публикация статей разных лет имела не только фундаментально-научное значение, но и показывала динамику исследования проблемы, пути совершенствования переводов и интерпретации источников, изменения в подходах к изучению цивилизации тангутов.

---

[1] Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Составитель Е.И. Кычанов. Вступительная статья Т. Нисида. Издание подготовлено С. Аракава. – Киото: Университет Киото, 1999. – 797 с.

[2] *Кычанов Е.И.* Введение // Каталог тангутских буддийских памятников. С. 1.

[3] Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов. – Киото: Университет Киото, 2006. – xv, 781 с.

Помимо трудов общего характера Е.И. Кычанов продолжал публиковать исследования и переводы памятников тангутской письменности, имеющих непреходящее значение для изучения истории и культуры дальневосточного региона. В 2000 г. выходит исследование апокрифического сочинения «Запись у алтаря о примирении Конфуция», представляющего собой редкий сохранившийся пример дискуссии даосов с конфуцианцами в период «ста школ» или сразу после него.[1] Это сочинение, китайский оригинал которого не сохранился, свидетельствует о распространенности идей даосизма в государстве Си Ся и их влиянии на определенную часть его населения.

Следует отметить, что Евгений Иванович писал все свои работы, выполняя большую научно-организационную работу в Институте. Находясь в должности заместителя директора по науке ЛО ИВ АН, он с 1978 г. заведовал также Сектором Дальнего Востока, а после его реорганизации с 1983 г. – Сектором историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии. В непростое время с 1997 по 2003 гг. он был директором СПб Филиала ИВ АН. Он состоял членом многих редколлегий, ученых и диссертационных советов, был удостоен звания почетного профессора целого ряда зарубежных университетов. При этом Евгений Иванович подготовил десятки учеников – аспирантов ЛО (СПбФ) ИВ АН и студентов Восточного факультета СПбГУ. В 1986 г. ему было присуждено ученое звание профессора.

Важным событием, объединившим тангутоведов России, Китая, Японии и Европы, стало проведение международной конференции «Тангуты в Центральной Азии» в честь 80-летия Е.И. Кычанова в июне 2012 года. Материалы, подготовленные к Конференции, вошли в издание «Тангуты в Центральной Азии. Сборник статей в честь 80-летия профессра Е.И. Кычанова» (М.: Восточная литература, 2012).

До последних дней, пока болезнь не ослабила его, Евгений Иванович неустанно трудился на благо науки. Он готовил к изданию документы из Хара-Хото, вместе с К.М. Богдановым занимался инвентаризацией тангутского фонда, которая была направлена на то, чтобы учесть всю совокупность достижений по определению и соединению памятников тангутского письма.

---

[1] Запись у алтаря о примирения Конфуция. Факсимиле рукописи / Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья, комментарий и словарь Е.И. Кычанова. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – 151 с.

Евгений Иванович был выдающимся человеком, обладавшим редким врожденным талантом к исследовательскому труду. Связав свою научную судьбу с тантутоведением, он вписал одну из самых ярких страниц в историю этой сложнейшей дисциплины, составляющей гордость отечественного востоковедения. При этом Евгений Иванович блестяще разработал и многие актуальные общие проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии.

90-летие Е.И. Кычанова было отмечено спустя десять лет после его кончины родным Институтом восточных рукописей РАН 23-24 июня 2022 г. международной конференцией «Перспективы и проблемы тангутоведения в XXI веке». Несмотря на формат участия, определяемый условиями пандемии, конференция позволила всем выступавшим и знавшим Евгения Ивановича при его жизни не только рассказать о том, как намеченные им направления тангутоведения реализуются в настоящее время, но поделиться личными воспоминаниями об этом выдающемся учёном [см.: ИВР РАН (Санкт-Петербург) – Публикации (orientalstudies.ru)].

И.Ф. Попова, член-корреспондент РАН,
Директор Института восточных рукописей РАН

Статьи даны в хронологической последовательности

ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 94(510)

Кычанов Е.И.

Первый раз в Китае

(Предисловие и публикация Натальи Стругач)[1]

Предисловие

Евгений Иванович Кычанов

Мой отец, Кычанов Евгений Иванович, был востоковедом с мировым именем. Он был замечательным отцом и очень хорошим человеком. До сих пор, стоит только кому-нибудь из востоковедов сказать, что я дочка Евгения Кычанова, я вижу, как люди начинают улыбаться, говорить тёплые слова, будто приоткрывают мне дверь в мир добра и света. Хотя после смерти отца прошло уже 7 лет[2], я ощущаю иногда его присутствие. Когда я вижу на Каменноостровском проспекте высокого широкоплечего старика в длинном пальто и кепи с лёгкой тросточкой в руке, мне кажется – это он идёт на работу в Институт восточных рукописей, как всегда пешком через Троицкий мост, на Дворцовую набережную. Так он ходил много лет, в любую погоду, почти до последних дней своей жизни. После похорон папы нашу семью пригласили в Институт, где он работал, в рукописный отдел, который находится с старинном особняке недалеко от Эрмитажа. Нам показали древние тангутские[3] рукописи, белые перчатки и кисть для удаления пыли, лёсса. Такими оставил их отец, когда в последний раз ушёл домой, и больше уже не было сил дойти до Института. Я помню, что отец постоянно работал. Дома писал, печатал на машинке, потом появился компьютер… Осталась большая картотека для тангутско-русско-англо-китайского словаря, которым он занимался в последние годы. Этот словарь дал ключ к древним тангутским рукописям учёным разных стран.

Наталья Евгеньевна Стругач (*Кычанова*) – дочь Е.И. Кычанова; врач–нефролог Мариинской больницы (*Россия*, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 56).

[1] Впервые опубликовано в журнале: Семь искусств. – №5 • 31.05.2020 [Электронный ресурс] // URL: http:// 7iskusstv.com (дата обращения: 25.12.2023).

[2] [На момент написания статьи в 2020 году. – *Прим. ред.*].

[3] *Тангуты* – древний вымерший народ, проживавший на Тибете. На территории современного Китая находилось тангутское государство Си Ся.

Когда я жила ещё с родителями, мы с отцом вечером часто ходили гулять вокруг Петропавловской крепости. Если была хорошая погода, проходили «большой круг» через крепость, мимо зоопарка, до метро «Горьковская», если было холодно – «малый круг» – прогулка по крепости и домой, на Кировский проспект.[1] Сейчас мы так же гуляем с мужем. Во время прогулки отец рассказывал мне об истории Китая, о своём детстве, об учёбе и работе. Многие рассказы я встретила в тексте его воспоминаний. Эту рукопись мой брат Сергей Кычанов, востоковед-тюрколог, нашёл у отца в письменном столе, уже после его смерти. Нашёл, оцифровал и отредактировал. Для меня особенно интересна та часть, которая относится к детству, к нашим предкам, к обычаям и нравам русского провинциального города Сарапула конца XIX – начала XX века. Мы планируем издать их отдельной книгой. Данная публикация – это часть воспоминаний о первой поездке Евгения Ивановича на учёбу в Китай в 1964 году.

Евгений Иванович Кычанов родился в городе Сарапуле в 1932 году в семье, где все родственники, выходцы из крестьян, до Октябрьской революции имели свои небольшие коммерческие предприятия: пекарню, ателье по пошиву одежды. Они успели дать детям хорошее образование. В 30-е годы, после НЭПа обе семьи родителей Евгения Ивановича были репрессированы, отобраны дома, всё имущество. Остался деревянный родительский дом отца, Кычанова Ивана Кузьмича, где родился и провёл своё детство мой папа. Его родители имели высшее образование: отец был землемером, мать – заведующая детским садом. Своим детям они дали очень хорошее нравственное воспитание, приучили их к труду, привили любовь к чтению. Отец мой после учёбы в школе поехал в Ленинград и поступил в ЛГУ. Учился он с интересом и удовольствием, хотя времена были сложные. Жил он в общежитии, часто не хватало денег даже на еду. Он был одним из самых блестящих студентов. Хотя иногда в шутку сочинял о себе такие стихи:

День так скучен и мрачен — завыл бы, как дикий скиф.
В глазах упорно маячит мёртвый иероглиф.
Вслед глядя годам ушедшим, вскочил, издав дикий свист:
Не считайте меня сумасшедшим, я просто лишь китаист!..

За дипломную работу он был удостоен первой премии ЛГУ. В 1955 году он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения института востоковедения. Успешно защитил кандидатскую, затем докторскую. С 1997 года по 2003 год он был директором института, где проработал всю свою жизнь. В год его восьмидесятилетия (2012 год) в его честь состоялась в Институте восточных рукописей научная конференция «Тангуты в Центральной Азии» и была выпущена одноимённая книга, где целая глава «Стало судьбой…» проф. И.А. Поповой посвящена его жизни и работе.

Наталья Стругач

[1] Так в советское время назывался Каменноостровский проспект.

ПЕРВЫЙ РАЗ В КИТАЕ

На поездку в Китай я оформился ещё будучи аспирантом в 1957 году. Мой научный руководитель З.И. Горбачёва[1] тоже надеялась на научную командировку в Китай, хотя на тот момент имела шанс вообще уехать в КНР. В самом начале тридцатых она вышла замуж за китайца, и у них было двое детей – сын и дочь. Муж Зои Ивановны – Чжу У-шан (Осипов Павел Иванович[2]) в 1937 г. был репрессирован. После реабилитации он звал её вместе с детьми в Китай. Зоя Ивановна не поехала. Чжу У-шан стал в КНР министром культуры[3], и Зоя Ивановна, естественно, рассчитывала на его поддержку в получении служебной командировки. Но с образованием в конце 1956 года ЛО ИВАН в институте сменилась власть, и её шансы на командировку в

---

[1] Зоя Ивановна Горбачёва родилась в 1907 году в рабочей семье, в 1930 году окончила исторический факультет ЛГУ, кандидат наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения института востоковедения. Занималась историей крестьянского движения в Китае. Скончалась в 1979 году.

[2] *Чжу У-шан* (Осипов Павел Иванович, 1901–?) – китаевед-историк. Родился в г. Личжоу, пров. Хунань, Китай. Окончил Пекинский национальный университет (1919-1925). С 1921 г. член КПК; в 1921-1926 гг. участвовал в её подпольной деятельности, подвергался репрессиям. С 1926 г. в СССР. Окончил Коммунистический университет трудящихся Китая [КУТК] (1926-1927) [до 17 сентября 1928 года назывался Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК) – учебное заведение Коминтерна для китайцев из Гоминьдана и Коммунистической партии Китая, действовавшее в Москве с 1925 по 1930 год и названное в честь Сунь Ятсена – *прим. ред.*], ВПАТ в Ленинграде [Военно-политическая Академия РККА им. Толмачёва – *прим. ред.*]. С 1926 г. член ВКП (б); исключен во время «чистки» 1929 года («за карьеризм и за отсылку письма одному гоминьдановцу с просьбой посылки нам кит. г.»). Преподавал китайский язык в ЛВИ [Ленинградский восточный институт – *прим. ред.*]. С 1932 г. научный сотрудник ИВ АН СССР. Главная тема занятий – социально-экономическая история древнего Китая; в статьях 1934-1935 гг. предвосхитил утвердившуюся позже точку зрения на древнекитайское общество как рабовладельческое. Занимался совместно с А.С. Поляковым описанием китайских документов, найденных вместе с согдийскими рукописями в 1933 г. в пещере на горе Муг в Таджикистане. Жил в Ленинграде (Васильевский остров, 7-я линия, д. 18, кв. 4). Арестован 10 февраля 1937 г. УНКВД ЛО; обвинён по ст. 58-10, 11 УК РСФСР. 28 июля 1937 г. постановлением ОСО при НКВД СССР осужден на 5 лет ИТЛ. Отбывал срок в УхтИжемЛаге. Освобожден 5 ноября 1945 г. Хлопоты коллег о возвращении на работу по специальности результатов не дали, и до 1951 г. П.И. Осипов работал начальником санчасти УхтИжемЛага. Постановлением ОСО при МГБ СССР от 16 июня 1951 г. был сослан на спецпоселение в Коми АССР под надзор органов МГБ. В феврале 1954 г. реабилитирован по делу 1937 г., отменено и постановление о его спецпоселении. Вернулся в Ленинград в 1956 г. Впоследствии репатриировался в КНР.

[3] Точное подтверждение этому не найдено.

Китай резко упали. Да и вообще по линии китаеведения ленинградцы в научном обмене с Китаем ещё не участвовали. Как всегда, первенствовала Москва. Только осенью 1957 г. первая группа студентов и аспирантов из университета уехала на учёбу и стажировку в КНР.

Но то, что я оформлялся ещё в годы учёбы в аспирантуре на стажировку в Китай, возможно, способствовало тому, что при формировании группы в поездку на 1963-[19]64 гг. я был включён в такую группу. До меня из ЛО ИВАН в Китай ни один китаевед ещё не ездил.

Отношения между руководством КНР и СССР к этому времени уже давно осложнились. Группа не получила добро на въезд в Китай в 1963 г. Лишь в середине первого квартала 1964 г. договорённость сторон, наконец, была достигнута. 6 марта мы погрузились в поезд «Москва-Пекин». Промелькнул столб «Европа-Азия», который так всем хотелось увидеть. Позади осталась заснеженная, залитая ярким солнцем, ослепительно сверкающая Западносибирская равнина, Обь и Енисей, скованный льдом Байкал, и вот на станции Защита мы пересекли советско-китайскую границу. Часть из нас, как и я, ехали в Китай впервые, поэтому старались не отрываться от окна, увидеть, наконец, Китай. Было пустынно, мелькали небольшие посёлки, заснеженные «*фанзы*» с высокими трубами, некоторые трубы дымились. Это топились «*каны*», работала маньчжурско-северокитайская древняя система отопления, когда топка находилась в сенях или даже снаружи дома, а жилое помещение отапливалось за счёт сложной системы дымоходов. Когда поезд подходил к станции, перрон был обычно пуст – всех сгоняли в помещение вокзала. Там, где имелись остеклённые двери, к стёклам были приклеены многочисленные лица любопытных. Кое-где велись дорожные работы. Раньше, глядя на китайские рисунки, я удивлялся, что чуть не десять человек катят или несут небольшое бревно. Я полагал, что это некий художественный приём выражения трудового энтузиазма. Теперь понял, что это реализм. Количество рабочих рук было чрезмерным.

11 марта мы прибыли на новый, недавно отстроенный пекинский вокзал. Нас встречали атташе по науке и культуре Ю. Галенович[1] и представители тех китайских вузов, в которые мы уже заранее

[1] *Юрий Михайлович Галенович* (1932-2020) – доктор исторических наук, профессор. В 1956 году был переводчиком Микояна во время его поездки в Ухань. С 1960 по 1967 год работал в КНР в посольстве СССР.

были распределены. Главой нашей группы был В. Сорокин[1], «пекинский ветеран» – он ещё в 40-х гг. [XX века] до образования КНР с последних курсов Московского института востоковедения (учебного) призывался на работу в Китай переводчиком. Потом работал в Пекине в корпункте ТАСС. Сейчас в Институте востоковедения в Москве он занимался историей китайской драмы. Прямо с вокзала он был увезён в Театральный институт, где жил в одиночестве, чем очень был доволен и пользовался только китайской кухней. Большинство поехало в Пекинский университет – Бэйда. Среди членов этой группы был один студент из МГУ, преподавательница из МГИМО, остальные, если мне память не изменяет, сотрудники нашего Института востоковедения из Москвы. Одну коллегу взяли в Институт национальных меньшинств (учебный), где она должна была изучать тибетский язык. Остальных шестерых человек, в том числе и меня, в Высшую подготовительную школу для иностранных учащихся.

Школа была предназначена для того, чтобы в течение двух лет с нуля готовить иностранных учащихся для поступления в китайский вуз. В школе была разработана хорошая методика обучения китайскому языку, и я лично мог наблюдать её эффективность. Юные болгары, румыны, немцы, албанцы и др., которые пришли в школу сразу после окончания учёбы на родине в средней школе, через два года уверенно болтали по-китайски и имели неплохие начатки иероглифической грамотности. Таких же, как мы, преподаватели школы не любили. С их точки зрения мы были безнадёжно испорчены, и нас было трудно, а то и невозможно переучить.

Большинство учащихся школы составляли корейцы, вьетнамцы, албанцы и чуть позже нас приехавшие кубинцы. Корейцы и вьетнамцы не видели нас в упор. Они с нами абсолютно не общались. Албанцы наоборот были рады нашему приезду. Почти все они являлись бывшими студентами советских вузов или курсантами советских военных училищ. Все говорили по-русски. Часть из них даже доучивалась в Китае на русском языке, например, бывшие курсанты ленинградской «Дзержинки».[2] Албанцы-лётчики (из Краснодара) не могли летать из-за плохого питания. Теперь их готовили для поступления в

---

[1] *Владислав Фёдорович Сорокин* (1927-2015) – доктор филологических наук, историк китайской драмы.

[2] Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. С 2012 года Военно-морской политехнический институт.

китайские вузы. Кубинцы общались с нами легко и охотно, бренчали на гитарах, пели «Катюшу». Среди них были люди в возрасте. Они быстро поняли, что китайский язык не для них и, насколько я помню, часть из них не доучилась даже в подготовительной школе. Немцы из ГДР держались дружелюбно, но сдержанно. Румыны старались с нами дружить, но по возможности незаметно. Были люди из Европы, Афганистана, Африки, Пакистана. Мусульмане имели отдельную столовую.

Общежитие было устроено по коридорной системе. В нашем корпусе каждый учащийся имел отдельную комнату. Туалеты и душевые были общими. Меня и двух коллег – В. Мясникова[1] и А. Бокщанина[2] – поселили на первом этаже. Кроме нас на этаже проживало несколько пакистанских офицеров. Они нас не чурались, но общались с нами только по случаю. Это были холёные ребята, по-видимому, из богатых семей. Один из них как-то спросил меня (по-английски): «Евгений, а вы бывали в Монако?» Что я ему должен был сказать, что я вообще впервые выехал за границу?

Когда нам выдавали постельное бельё, то выдали и «*вэньму*» – занавеси против комаров. Была ещё зима, и это вызвало некоторое недоумение, но позже мы весьма быстро оценили важность этой постельной принадлежности. Несмотря на то, что окно было забрано частой проволочной стенкой, комары ночью, чуть раскроешься, жрали немилосердно.

В 1964 г. Китай был на перепутье между строительством народных коммун и «большим скачком» и надвигающейся «культурной революцией». Повсюду висели лозунги: «Социализм – это хорошо, коммуна – небесный мост (в счастливое будущее)». А в окрестностях Пекина были видны удручающие картины провала «малой металлургии» – полуразрушенные печи, спёкшиеся груды так и не сваренного железа – немые свидетели затраченных впустую сил и средств. Страна голодала. Продовольствие и дешёвые виды тканей были нормированы. На всё были карточки – талоны «*пяо*». Питание было централи-

---

[1] *Владимир Степанович Мясников* (род. 15 мая 1931 г., г. Москва) – советский и российский историк, востоковед, китаист, специалист в области российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Академик РАН (1997), доктор исторических наук, профессор.

[2] *Алексей Анатольевич Бокщанин* (1935-2014) – доктор исторических наук, специалист по истории средневекового Китая.

зованным, и мы были жёстко привязаны к своим столовым, покупали талоны и расплачивались за еду талонами. Китайская сторона выдавала нам по 150 *юаней* в месяц. Лично я на питание тратил примерно 90. Это при том, что наша основная преподавательница языка Фань Пин, «Фанечка», как мы её называли, получала в месяц 75 *юаней*. К нашей столовой была прикреплена часть русских жён, советских женщин, вышедших замуж за китайских специалистов, и их детей. В городе практически не было продовольственных магазинов. Имелись рестораны, но цены в них не были доступны для большинства пекинцев.

Народ был откровенно беден. Большинство людей носило синие робы. К курткам изнутри были подшиты куски шерстяной ткани, войлока, чего-нибудь ватного для утепления. Ещё при нас в Пекине два-три раза выпадал снег. На ногах у большинства тряпичные тапочки. Солдаты ходили в кедах. Если шёл военный в ботинках, это значило, что это был старший офицер, начиная с майора. Рядом с нами был Институт иностранных языков. Я не ручаюсь за абсолютную подлинность информации, но студенты получали стипендию где-то в пределах 15 *юаней*. Как и весь Китай, они питались централизованно. Нехорошо, но я пытался не раз заглянуть в чужую чашку – очевидно, мест в столовой не хватало, и многие выходили во двор, ели, сидя на скамейках и даже стоя. Часто в чашке был сорный рис и сверху горстка варёных овощей.

В Пекине в 1964 г. ещё нередко можно было видеть пожилых женщин с маленькими детскими ножками[1] – дань китайской мужской чувственности, просуществовавшей до этого около тысячи лет. То, что обычай бинтования ног у девочек не описан у Марко Поло, используется в качестве веского доказательства теми, кто утверждает, что сам Марко Поло в Китае не был. Эти женщины в детских калошах на изуродованных ногах двигались с трудом, они не могли самостоятельно сесть в автобус или троллейбус.

---

[1] Полоской материи девочкам привязывали к ступне все пальцы ноги, кроме большого, и заставляли ходить в обуви малого размера, отчего ступни значительно деформировались, иногда лишая возможности ходить в будущем. Такие ноги традиционно назывались «золотыми лотосами». От размера ступни зависел престиж невесты, к тому же считалось, что принадлежащей к высокому обществу даме не следует ходить самостоятельно. Это бессилие, неспособность к передвижению без посторонней помощи составляло, по литературным свидетельствам, одну из привлекательных черт женщины-аристократки: здоровые и недеформированные ноги ассоциировались с крестьянским трудом и «подлым происхождением».

Занятия у нас в школе были только языковые по 4-6 часов в день. Мы не изучали иероглифику, считалось, что мы её уже знаем, да, в общем, так оно и было. Когда вывешивали свежий номер «Жэньминьжибао», мы стояли у стенда и читали газету, к удивлению многих, учившихся с нуля. Они уже неплохо болтали по-китайски, а читать газету не могли. Конечно, нам трудно было поставить произношение. Я буду говорить только о себе. Пока я держал перед собой текст, в котором были обозначены тона, я ещё изображал какое-то жалкое подобие живого китайского языка. Не было такого текста, и я попросту не знал, да и сейчас не знаю тонов. К сожалению, я учился с 1950 по 1955 год, да ещё в группе историков Китая, когда мы практически не изучали разговорного китайского языка. К этому следует добавить отсутствие у меня музыкального слуха, а его наличие имеет немалое значение в овладении живым китайским языком. В Ленинграде были китайские студенты. Но не было стимула для личного усердия, поскольку довольно быстро стала ясна полная бесперспективность получить работу с китайским языком. Я написал об этом в статье «От большого набора до большого разгона», только что опубликованной в сборнике воспоминаний бывших выпускников Восточного факультета к его 150-летию.[1]

Занятия оценивали по 100-бальной системе. Я был крепкий троечник. Упражнения были серьёзные. На магнитофоне был записан текст, его прокручивали два-три раза. После этого текст следовало или пересказать, или записать, естественно, в пределах того, что и как ты понял. Основная преподавательница Фань Пин, которую я уже упоминал выше, была молода, характера лёгкого, смешливого. Она искренне, не обижая нас, смеялась над нашими ошибками, и если не было посторонних глаз, держалась с нами запросто.

Весной, когда во дворе появилась трава, всех преподавателей на глазах учащихся каждую неделю выгоняли во двор эту траву убирать. Без травы двор был пыльным и неприглядным. Мы не без ехидства говорили преподавателям о бесполезности этой работы. Они отмалчивались. Им особенно неприятно было перед учащимися ползать по двору и вырывать эту траву. Мы и, пожалуй, все учащиеся предлагали свою помощь, предлагали делать эту работу вместо преподавателей,

---

[1] См.: Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – С. 279-287.

если уж она так необходима. Нас и слушать не хотели. Мы не понимали простых законов трудового воспитания (а не перевоспитания, как это произошло через пару лет).

Через 20 лет я вдруг встретил Фань Пин в Доме дружбы народов на Фонтанке. Она с мужем приехала преподавать разговорный китайский язык в университет. Муж её был большой специалист по преподаванию китайского языка для иностранцев. Они прожили в Ленинграде два или три года и один раз даже пригласили меня к себе домой на пельмени. Фань Пин, если память мне не изменяет, была родом из какой-то западной провинции – Шаньси или Шэньси. Второй наш преподаватель Лю Шань (в просторечии «Люсик») был южанин. Он окончил университет Сунь Ятсена в Гуанчжоу. По характеру был человек сдержанный, слегка чопорный. По слухам, я хочу подчеркнуть, что именно по слухам, он не очень достойно вёл себя во время «культурной революции», и после неё вскоре умер относительно молодым. В том же Доме дружбы я случайно встретил его вдову. Дружба крепла. И там появились приёмы с чаепитием. Мы оказались с вдовой Лю Шаня за одним столом. Маленькая, хрупкая женщина, она оказалась преподавателем русского языка в Пекинском университете, с великолепным русским языком. Мы много говорили о Лю Шане. Ей приятно было встретить бывшего ученика покойного мужа.

Третий преподаватель, я забыл его имя, появился не сразу. Он вёл старый китайский язык. Для нас предлагаемые им тесты не были сложными. Сложность была только в том, что их следовало переводить и толковать на современном живом китайском языке.

Направляясь в Китай, большинство из нас рассчитывало не столько на языковые, сколько на научные занятия и получение нужных источников и литературы. Часть из нас, в том числе и я, уже имели кандидатские степени, часть рассчитывала на защиту уже после возвращения из Китая. В КНР для иностранных стажёров существовала неплохая система «*фудао*», «помощников», когда к стажёру прикреплялся китайский коллега, близкий по специализации, в задачу которого входил подбор литературы по теме стажёра и, по возможности, помощь в её освоении. Если я не ошибаюсь, в нашей группе все получили доступ к научным занятиям и «*фудао*», кроме трёх человек: В. Мясникова (ныне академика) с темой российско-китайские отношения, А. Бокщанина (он много лет являлся зав. Отделом Китая Института востоковедения, г. Москва) с темой Китая и страны южных

морей (Юго-Восточная Азия) и меня (изучение тангутского государства Си Ся, 982-1227 гг.). Нам официально было отказано в содействии нашим научным занятиям, хотя формально пользование пекинскими библиотеками было не запрещено при наличии «*цзешао синь*» – «рекомендательного письма» из нашей школы.

Отказ в научной поддержке мог быть определён одним словом – «границы». Китай переживал острый пограничный конфликт с Индией, уже ставилась под сомнение советско-китайская граница. Отношения КНР и СССР были натянутыми. Китай вёл борьбу с «современным ревизионизмом». Трудно было осознавать, что «современными ревизионистами» являемся и мы. Я узнал об этом почти через 40 лет из воспоминаний китайского коллеги Бай Биня. Он писал, что он и его коллеги, Ши Цзинь-бо и др., были мобилизованы КПК на борьбу с «современным ревизионизмом» в «изучении Си Ся», т.е. конкретно со мной и моими коллегами. Когда в 1960 г. вышла «Тангутская филология» Н.А. Невского[1], академик Н.И. Конрад лично выслал экземпляр книги Го Мо-жо. Никакой реакции не последовало. В 1962 г. Н.А. Невскому посмертно была присуждена Ленинская премия. Бай Бинь в своих мемуарах патетически восклицает: «Ленинскую премию за ворованные материалы!» Это отражает то отношение к трудам Н.А. Невского, которое господствовало в Китае в 1962-[19]63 гг.

У меня был с собой список старых китайских книг, которые я хотел бы просмотреть. Первоначально я, как это и было положено, делал заказ через библиотеку школы. Ответ постоянно был один: «*чжаобудао*» – «не нашли!» Библиотекарша была женщина немолодая и совестливая, ей было неловко лгать, и она своё «*чжаобудао*» произносила чуть ли не со слезами на глазах. Через какое-то время я просто решил больше не беспокоить её. А вот в Пекинской национальной библиотеке я раз сорвался. Услышав очередное «*чжаобудао*», я в ответ бросил читательский билет и ушёл. Это было нехорошо, тем более что в Пекинской библиотеке мне кое-какие книги выдавали. Работа в Пекинской библиотеке осложнялась тем, что обедать я мог только по талонам в школе. От центра Пекина это было далеко, а в окрестностях библиотеки трудно было поесть. Помню, я зашёл в одну харчевню. Хозяин мялся-мялся, но, в конце концов, покормил меня,

---

[1] *Николай Александрович Невский* (1892-1937) – выдающий учёный-востоковед, один из основоположников изучения мёртвого тангутского языка. Репрессирован в 1937 году.

потребовав расписку за ту чашечку риса, которую я там получил. В то время китайцы, во всяком случае, пекинцы, получали по талону 250 *г.* свинины в месяц. В один из месяцев нашего пребывания в Китае мясной талон не был отоварен. Газеты объяснили, что мяса нет оттого, что всё оно отправлено в СССР, который жёстко требует платы за оказанную ранее помощь.

В библиотеке Пекинского университета мне дали посмотреть рукопись «Си Ся цзи» («Записки о Си Ся»[1]). Но меня не усадили в читальный зал, а заперли на ключ в пустой комнате, в которой я просидел около 5 часов, даже без права посетить туалет. Чья-то невидимая властная рука постоянно следила за мной.

В 1964 г. Пекин был совсем не тот, чем сегодняшний. Главная современная улица Чанъаньцзе тянулась от Пекинского вокзала до Музея армии. Площадь Тяньаньмэнь в принципе имела тот же вид, только не было мавзолея Мао Цзэ-дуна, а напротив императорского дворца монументально возвышались ворота Цяньмэнь. За центром шли ряды в основном четырёхэтажных домов постройки 30-х гг. [XX века] и более позднего времени. А в остальном это было море построек конца династии Мин и династии Цин (XVII–XX вв.). В улицу выходили ограды с разного рода, иногда очень красивыми, воротами. Дома были внутри двора. Масса *хутун*ов-переулков образовывала запутанную сеть городских кварталов. Как в провинциальных городах ещё послевоенной России, по городу тянулись обозы ассенизаторов. Только если в России «золото» возили в круглых бочках, то в Пекине – в квадратных ящиках. Мулы, а они были основной тяговой силой, шли с подвязанными под хвостами мешками для сбора удобрений.

Много грузов перевозили *рикши*. В маленьких кабачках, утерев неизменно висевшим на шее полотенцем пот, они заказывали водку-*байгар* и кружку пива. Водка стояла на прилавке в больших глиняных корчагах, откуда её черпали мерным половником и разливали по стаканам. *Рикши* возили и людей. Нам сразу по приезду объявили, что советским гражданам пользоваться *рикшами* категорически запрещается.

Городской транспорт в основном состоял из троллейбусов и автобусов. Надо сказать, что в то время при посадках не было никакой давки. Люди соблюдали порядок, и это производило очень хорошее

[1] Древнее тангутское государство.

впечатление. У Западных ворот (Сичжимэнь) находилась перевалочная база из центра города в направлении университета. Собиралась большая очередь, но люди стояли друг за другом, не толкаясь. Нередко продажа билетов была организованна прямо в очереди до подхода автобуса. 1964 год ещё является временем, когда все «белые» люди считались «*сулянь*» – «советскими», независимо от того являлись они таковыми или нет. Когда я приехал в Китай во второй раз через 25 лет в 1989 г. все «белые» уже были «*мэйгожэнь*» – «американцами». В 1964 г. кондуктор автобуса мог строго сказать молодому китайцу: «Ну-ка, ты, уступи место иностранцу!» И тот покорно вставал. Нас это смущало, и мы не пользовались любезностью кондуктора. Короче, в 1964 г. в Китае в транспорте была дисциплина. Чего уже не было в 1989 г. Народ штурмовал автобусы в лучших российских традициях. Гостиницы осаждали толпы нищих, а в 1964 г. нищие были упрятаны неизвестно куда.

Китайцы, простой народ, относились к нам, иностранцам, в целом доброжелательно. Я лично ни разу не столкнулся с враждебным отношением. Как-то раз одной из женщин нашей группы подростки кричали вслед «*суляньфаньту*» («советские предатели»). Но она была одна и шла по какой-то глухой улице. Или подростков подучили, или наша дама не всё точно поняла. Мы с А. Бокщаниным вдвоём не раз ездили в пригороды Пекина на обычных рейсовых автобусах, часто заполненных крестьянами, и никогда нас никто не обижал. Было ли это искренне или это была та самая дисциплина, о которой я писал выше, не знаю.

Каждый четверг после обеда из посольства выезжал автобус, который собирал всю группу. В посольстве с нами проводили беседу «по текущему моменту». Мы получали письма. Переписка была через посольство. Парадокс, но письмо из Москвы или Ленинграда шло месяц, а письма моей мамы, опущенные в простой почтовый ящик г. Сарапуле, доходили до посольства за неделю. В посольском буфете иногда можно было купить колбасу и хлеб. Особенно мне запомнились содержательные беседы советника-посланника Щербакова, родного брата покойного секретаря московского горкома партии. Он много рассказывал о сущностных переменах в советско-китайских отношениях, начиная с 1958 г., с событий у острове Мацзудао в Тайваньском

проливе[1], когда китайцы чуть не втянули нас в войну с США. 1 мая 1964 г. премьер Чжоу Эньлай[2] должен был встретиться с иностранными студентами и стажёрами в парке имени Сунь Ятсена.[3] Нас не только не пустили на встречу с ним, но и собрали всех в посольстве и заперли там. Сотрудники посольства и внешторга разбрелись кампаниями по квартирам праздновать Первомай или уехали загород, а мы были предоставлены сами себе. Мы были обязаны ночевать в посольстве и провести там взаперти ещё и 2 мая. К ночи выяснилось, что в посольской гостинице-общежитии на всех не хватает спальных мест. Между нами и комендантом посольства возникла перепалка, дошедшая до крепких выражений, благо комендант был в законном подпитии. Мы, несколько мужчин, которым спать было негде, потребовали, чтобы комендант или организовал отправку нас по нашим общежитиям, или вызвал такси, и мы уехали бы сами, за свой счёт. Нас растолкали по двое на одну койку. На следующий день 2 мая появился Щербаков. Он распорядился выделить автобус и отправил нас в г. Тяньцзинь. Мы провели в Тяньцзине день, отобедали в бывшем английском клубе, а вечером нас развезли по нашим общежитиям. До сих пор жалею, что не повидал Чжоу Эньлая.

По воскресеньям мы все собирались в каком-либо обусловленном месте, поближе к объекту нашего предстоящего туристического интереса. Мы систематически осматривали достопримечательности Пекина и его окрестностей. И после экскурсии шли обедать в ресторан. Вскладчину мы себе могли кое-что позволить, и это было недорого. В Пекине были рестораны, представлявшие кухни всех провинций Китая. У китайских партийных и государственных чиновников особым расположением пользовались рестораны сычуаньской (очень острой) и синьцзянской (уйгуро-узбекской кухни). В синьцзянском ресторане имелись относительно недорогие шашлыки. В самом центре Пекина, на углу улиц Чанъаньцзе и Ванфуцзин в то время находился огромный торговый комплекс Дунъаньшичан. Теперь его давно нет. В Дунъаньшичане было два известных ресторана – «Самовар» и японский. «Самовар» – это довольно широко распространённый в Китае и Японии способ угощения. В большой ёмкости, в том числе как

---

[1] Военный конфликт, произошедший между КНР и Тайванем из-за спорных островов.
[2] *Чжоу Эньлай* (1898-1976) – политический деятель КНР, видный дипломат, он пытался налаживать отношения и с Западом и с Советским Союзом.
[3] *Сунь Ятсен* (1866-1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдан.

Дунъаньшичане, действительно в самоваре без крышки кипятилась вода. По достатку нарезалось сырое мясо и разнообразные овощи. Посетители (обязательно компания) сами клали палочками в кипящую воду мясо и овощи. Если они были очень голодны, то поначалу всё ели полусырым. Но по мере насыщения мясо и овощи хорошо проваривались. В сосуде с водой (самоваре) в итоге получался очень вкусный, наваристый суп. Суп китайцы обычно едят последним блюдом. Примерная очерёдность еды в Китае – чай, закуски, основные блюда, суп. В японском ресторане подавали «*сусияки*». В принципе это был вариант самовара – нарезанное ломтиками сырое мясо тоже отваривали или поджаривали. К мясу подавалось много соусов, в том числе сырые яйца. Японцы яйца вообще едят сырыми. Японский ресторан любила посещать национальная китайская буржуазия. Как известно, китайцы не конфисковали полностью многие промышленные предприятия. Их бывшие собственники в разных формах участвовали в производстве и управлении этими предприятиями и получали часть прибыли. Это были модно и добротно одетые люди, контраст с улицей был разителен. У них были автомобили. Среди них встречались и «*хуацяо*» – зарубежные китайцы, имеющие бизнес в КНР. Я бы не сказал, что японский ресторан поразил меня какой-то изысканностью пищи или даже своей дороговизной – он поразил меня китайской национальной буржуазией и «*хуацяо*», которые беспечно обедали в дорогом ресторане, за стенами которого лежала громадная полуголодная страна.

Мы-то тоже были не лучше. Ещё работал старый ресторан «Пекинская утка». Утку выбирали гости. Потом гостей водили смотреть, как она готовится в специальной печи, висящая на крючке над огнём, обдаваемая жаром и сочащаяся собственным жиром. Официант на глазах гостей виртуозно разделывал утку на куски. Подавались маленькие пресные блинки, наиболее лакомые части зелёного лука, те, где лук из луковицы переходит в перо, специальный соус для поедания пекинской утки и другие приправы.

В самом конце учебного года политика неожиданно ворвалась в нашу жизнь. В нашей школе было объявлено об общем собрании учащихся. С докладом «Отношение китайцев к иностранцам» выступал сам директор школы, которого до этого мы никогда не видели. Это был типичный «*ганьбу*» – короткая стрижка, холёное лицо, полувоенный китель, отутюженные брюки, начищенные ботинки. Насторожи-

ло уже то, что нас пятерых (Мясников, глава нашей маленькой группы где-то отсутствовал) усадили нас в первых рядах, но не рядом друг с другом, о через 2-3 человека одного от другого, разделив преподавателями. Не буду врать, что я понимал дословно всё, что директор говорил, тем более что он был сычуанец, чувствовался диалект, да ещё он постоянно повторял «*чжэгэ – чжэгэ*», одно из тех слов-паразитов, которые есть во всех языках. Но основную канву доклада я улавливал: в Китае всё больше появляется иностранцев, к ним нужно относиться дружелюбно, китайский народ дружит со всеми народами мира. Но имеются случаи недружелюбного отношения к иностранцам: где-то иностранца неприлично обругали, где-то несознательные мальчишки кинули в иностранца камнем. Но есть иностранные государства, которые недружелюбно относятся к Китаю и к китайцам. Последовал короткий перечень, и затем было особо выделено – это и современные ревизионисты, и их лидер Хрущёв. Мы насторожились. А директор продолжал произносить разные недобрые слова в адрес Хрущёва и современных ревизионистов. В зале стали оборачиваться и смотреть на нас. Мы переглянулись, все пятеро встали и демонстративно покинули зал. Заседание продолжалось без нас, а мы столпились у выхода из здания – на улице лил проливной дождь. Посоветовавшись, мы решили позвонить в посольство. Это было поручено мне как заму Феди Быкова, партгрупорга нашей группы. Я позвонил из автомата в вестибюле. Из посольства мне ответили: «Ждите, за вами пришлют машину». Через некоторое время, ещё собрание не кончилось, как приехала посольская машина, и я один отправился в посольство. До этого, ожидая машину, мы впятером обсуждали ситуацию и решили, что поступили правильно, ещё неизвестно, как бы к нам отнеслись, если бы стало известно, что мы спокойно выслушивали все поношения в адрес Хрущёва.

В посольстве меня встретил секретарь парторганизации посольства Ганшин, который наши действия не одобрил: «Что вы суётесь не в своё дело. Можно подумать, что на воре шапка горит!» Я промолчал, но подумал: «Как бы ты заговорил, если бы мы остались?» Ганшин повёл меня к послу Червоненко.[1] Посол очень внимательно выслушал мой рассказ, расспросил не только о нашей маленькой, но и обо всей группе, как учёба, занятия, быт и т.п. А потом объявил: «Молодцы ре-

[1] *Червоненко Степан Васильевич* (1915-2003) – советский дипломат. С 1959 по 1965 годы чрезвычайный и полномочный посол в КНР.

бята! Правильно сделали!»

Меня отвезли обратно в школу, и я доложил всем своим коллегам, что наш поступок одобрен самим послом.

На следующий день наши преподаватели делали вид, что ничего не произошло. Большинству учащихся на всё это было наплевать. Их начальники – корейцы, вьетнамцы, румыны, албанцы – были на стороне китайцев. Неловко чувствовали себя ГДР-овцы и болгарка. Они приватно принесли нам свои извинения, ссылаясь на то, что не имели на такой случай инструкций от своего начальства.

Жизнь продолжалась. Автобус повёз нас в посольство на просмотр фильмов «Славное десятилетие» и «Наш Никита Сергеевич». С нами поехала болгарка, её молодой ухажёр румын тоже поехал с нами. При выезде из школы он обычно прятался за сидения автобуса, чтобы его не засекли китайцы и не донесли его начальству.

В конце 40-х – начале 50-х гг. у части советских людей складывалось и даже поощрялось покровительственное отношение к китайцам. Завуч и преподаватель географии в моей школе в городе Сарапуле, где я родился и вырос, много говорил о Китае и о Корее. Он воевал в Маньчжурии и Корее, в его рассказах было два главных мотива – китайская бедность и наша не очень одобрявшаяся им щедрость: наши войска отдавали НОА Китая японские склады продовольствия, обмундирования, боеприпасов и техники, ничего не считая, по принципу смены караулов – наш караул ушёл, солдаты НОА встали на караул. В ВУЗах Ленинграда всё больше становилось китайских студентов. В университете иностранных студентов селили на Мытне, в том числе и китайцев. Всех своих выселили на Малую Охту, оставив в каждой комнате на Мытне по одному советскому. Когда я в 1955 г. перебрался в аспирантское общежитие АН на Петрозаводской, там если не каждый пятый, то уж каждый шестой жилец был китаец. Казалось бы, надо было с кем-то подружиться, тренироваться в языке. Однако китайцы держались дружелюбно, но отчуждённо. Они постоянно ссылались на свою большую занятость, и действительно были поглощены учёбой и своими бесконечными собраниями по воскресеньям. На стене появились китайские стенгазеты «Дацзыбао». Некоего коллегу, интеллигентного аспиранта-астронома, предлагали вытащить из грязной ямы буржуазной идеологии, в которую он попал (я иногда

почитывал «Дацзыбао»[1], особенно если текст статьи не был написан скорописью). И наши и китайские газеты ещё писали о «старшем брате» и «вечной и нерушимой» дружбе, а дружба уже давала свои трещины.

В 1964 г. я в Пекине дважды встретил аспирантку, с которой жил в одном общежитии на Петрозаводской и которая к тому же была аспиранткой Института электромеханики, размещавшегося в том же здании, что и наш Институт востоковедения. Оба раза я встретил её в троллейбусе, который шёл от Сичжимэнь в центр города. В первый раз она ехала одна. Она меня узнала, и мы всю дорогу проболтали, она расспрашивала о своих знакомых, институте и т.д. Во второй раз я увидел её с её коллегами. Она тоже заметила меня и до того, как я хотел подойти и поздороваться, незаметно покачав головой, сделала мне знак, чтобы я этого не делал. Всю дорогу она даже не взглянула на меня и вышла, не оглянувшись. Я был для неё опасен.

Также раз в автобусе, шедшем от Сичжимень в сторону Бэйда, позади меня сидел китаец. Я его не помнил, но он знал меня в лицо и стал расспрашивать об одном коллеге из нашего института, с которым жил в общежитии на Мытне. Это был обычный спокойный разговор. И вдруг китаец резко, даже агрессивно перешёл на политику, обвиняя СССР в бедах Китая. Я ничего не ответил, только понял, что на последней остановке в автобус зашёл кто-то, кто хорошо понимает по-русски. Следующей была моя остановка Байшицяо. Я не стал ввязываться в дискуссию и вышел из автобуса.

Конечно, за нами следили, и это было нормально. Нас предупредили, что в комнатах могут быть подслушивающие устройства и потребовали, чтобы все непростые проблемы мы обсуждали друг с другом только на улице. Кстати, и наше роскошное посольство, построенное китайцами, было нашпиговано подслушивающей техникой. Имелось лишь несколько помещений, которые считались «чистыми».

Со мной решили познакомиться поближе сотрудники Института национальностей (учебного). Там в одиночестве жила Ира Мангутова. Она изучала тибетский язык. Её преподаватель Ху Тань пригласил её и меня на пленэр, на старые минские могилы.[2] Он свободно говорил по-русски. На природе мы выпили и закусили. Он расспрашивал меня, чем я занимаюсь. Мне скрывать было нечего, и я полностью

[1] Рукописная китайская газета, вывешивалась на стенах, для выражения протеста.
[2] Могилы времен династии Мин.

удовлетворил его любопытство. В свою очередь, я спрашивал его, кто сейчас в Китае занимается тангутскими текстами и историей государства Си Ся. Я подавал прошение о встрече с известным китайским тангутоведом 30-х гг. профессором Ван Цзин-жу и снова подтвердил свою просьбу Ху Таню. Раньше мне говорили, что Ван Цзин-жу нет в Пекине. Ху Тань сказал, что Ван Цзин-жу, к сожалению, не здоров и встретиться со мной не может. Выяснилось, что, кроме русского, Ху Тань свободно говорит по-тибетски и по-английски. Это был специалист высокого класса. Лет через десять я встретил Ху Таня в Венгрии на симпозиуме памяти Чома де Кёреши. Он делал доклад по тибетской грамматике на английском языке. Встрече со мной был явно нерад, и всячески избегал говорить по-русски. В 1989 г. я увидел Ху Таня в Пекине в Центре по изучению Тибета. Директором Центра был тибетец, Ху Тань служил его заместителем. Центр был (и, вероятно, и есть) солидным научным учреждением с огромной библиотекой тибетских старопечатных книг. Ху Тань был приветлив, мы обсуждали возможные каналы сотрудничества.

Ван Цзин-жу я встречал в 1989 и 1990 гг. Он и его сын сильно пострадали в культурную революцию. Однако в начале 70-х гг. [XX века] он был привлечён лично Чжоу Эньлаем к продолжению занятиями тангутоведением и составлению тангуто-китайского словаря, судьба которого мне не известна.

Со своими сверстниками, молодыми коллегами тангутоведами, которые в 1964 г. уже ковали основы современного китайского тангутоведения, я во время первого пребывания в Китае также не получил возможности встретиться.

В середине июня занятия в школе кончились. У нас стало много времени осматривать город. Императорский дворец Гугун работал, но его линии строений от сотни главных дворцовых павильонов были ещё в запустении. Во дворах росла трава. Но это лёгкое запустение создавало даже особую прелесть, придавало лёгкий шарм этой бывшей императорской резиденции. Когда я пришёл в Гугун через 25 лет, меня ошеломило обилие ларьков, торгующих напитками, сувенирами и ещё, бог знает, чем. Вход в Музей напоминал торговые ряды. Незадолго до нашего приезда открыли первую могилу одного из минских императоров. Рассказывали, что тайный вход в могилу, огромную массивную каменную дверь с хитроумным запором, сумел открыть известный пекинский вор. В 90-е годы могила была в совершенстве уст-

роена для посещения туристов, но там, где в 1964 г. был вход, теперь сделали выход. Так же сильно изменился тот кусок Великой китайской стены, на который всегда возили туристов. Ныне отремонтированы и находившиеся в 1964 г. в запустении буддийские храмы в окрестностях Пекина – храм Спящего Будды, комплекс храмов Бадачу и т.д. Не сразу узнаешь теперь парк Ихэюань и пригородный горный комплекс Сяншань, но мне они были милее в том виде, в котором я застал их в 1964 г. Восстановлены храмы в самом Пекине, например, знаменитый храм тибето-монгольского буддизма Юнхэгун. В 1964 г. Юнхэгун мы ходили смотреть буддийскую тантрическую деревянную эротическую скульптуру. Экскурсии были отдельно для мужчин и для женщин.

В июле наступил сезон дождей – «*футянь*». Стояла изнурительная жара. Раньше я не видел ничего подобного. Прошедший проливной дождь оставлял на асфальте слой воды в 10–20 см. Через полтора-два часа эта вода на ваших глазах вся испарялась. Влажная жара при температуре +35–37ºС изматывала. Ночью к этому добавлялись комары. Поскольку занятий не было, а пользование библиотеками было затруднено, часть нашей группы в первой декаде августа возвратилась домой.

Никакие книги не заменят увиденного лично. Я увидел Китай, точнее, только его столицу и её окрестности, но это существенно изменило мои представления о стране, о народе, о его истории и его культуре. И это помогало мне в моей дальнейшей работе.

УДК 340.15, 94(510)

Богданов К.М.

Е.И. Кычанов о перспективах исследования материалов Тангутского фонда ИВР РАН

В статье излагается мнение Е.И. Кычанова относительно перспектив исследования материалов Тангутского фонда ИВР РАН и развития всего тангутоведения в целом. Это своего рода итог его более чем полувековой научно-исследовательской работы в данной области востоковедения.

Ключевые слова: Тангутский фонд ИВР РАН; Си Ся (тангутское государство); тангутоведение.

В последний десятилетие своей научной деятельности Евгений Иванович Кычанов (1932-2013) символически решил вернуться к началу своих исследований в области тангутоведения, которые начались 60 лет назад. Он решил заново полностью просмотреть все материалы Тангутского фонда ИВР РАН[1], исправить возможные ошибки в отождествлении тангутских книг. Эта работа продолжалась с 2005 г. до того дня в январе 2013, когда была просмотрена последняя коробка с текстами, и после которого Евгений Иванович из-за болезни уже не смог прийти в институт. В результате этой продолжительной работы было выявлено значительное количество неотождествлённых текстовых фрагментов. Таким образом, являющееся крупнейшим в мире собранием тангутских книг, насчитывающее в данный момент 9000 единиц хранения[2], после завершения инвентаризации может увеличится ещё на две-три тысячи единицы хранения.[3] Е.И. Кычанов также внёс ряд дополнений в первоначальные каталожные описания, выполненные им самим. В итоге он пришёл к выводу о необходимости составления нового, полного каталога Тангутского фонда, состоящего из не-

Богданов Кирилл Михайлович – научный сотрудник Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (*Россия*, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

E-mail: khmae@list.ru

[1] В дальнейшем в тексте – ТФ ИВР РАН.

[2] В библиотечном деле при инвентаризации под единицей хранения подразумевается один книга или один фрагмент текста.

[3] Точное количество текстовых фрагментов разной величины в настоящий момент указать невозможно, это можно сделать только после завершения полной инвентаризации.

скольких томов.[1] Являясь на протяжении десятилетий хранителем фонда и автором двух каталогов, он как никто другой представлял масштабы данного проекта, неизбежные трудности, связанные с количеством книг и спецификой текстового материала. Вместе с тем, только он один, учитывая его колоссальные знания и опыт, мог осуществить его. Перспектива работы над новым каталогом необыкновенно вдохновляла его, он уже начал обдумывать его концепцию составления и думать над его структурой. Идея издания нового каталога, отождествление новых текстов являлись для него целью и стимулом для борьбы с болезнью, которая все-таки победила. Несомненно, огромная работа последних лет его жизни имеет большое значение для последующих поколений исследователей. Внесённые им исправления и комментарии зафиксированы письменно: в виде записей на обложках рукописей и в блокнотах. Мне посчастливилось работать под его началом в эти годы, быть, так сказать, его «техническим помощником», и хотелось бы поделиться мнением Е.И. Кычанова относительно перспектив исследований материалов Тангутского фонда и всего тангутоведения в целом, которое он иногда высказывал разговорах в процессе работы.

Первостепенной задачей, связанной напрямую с каталогизацией материалов Тангутского фонда Е.И. Кычанов считал работу по отождествлению буддийских канонических текстов на тангутском языке[2] с помощью информационных технологий, в первую очередь – китайского мультимедийного проекта СВЕТА.[3] Следует упомянуть о дру-

---

[1] Предыдущие два каталога включали часть коллекции. См.: *Горбачева З.П.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – 173 с.; *Кычанов Е.И.* Каталог тангутских буддийских памятников. – Киото: Университет Киото, 1999. – 739 с.

[2] «Трипитака» была, вероятно, полностью переведена на тангутский язык в XI в. (*Кычанов Е.И.* История тангутского государства. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. – С. 535).

[3] Огромное количество тангутских текстов в фонде представлено в виде различной величины фрагментов, т.е. начало и конец, где мог быть колофон с названием – отсутствуют. Использованиее компьютерной программы СВЕТА (Chinese Buddhist Electronic Text Association) позволяет достаточно точно найти фрагмент текста в китайском буддийском каноне и отождествить его. Совместной опыт работы с Евгением Ивановичем на тангутском материале подтвердил эффективность этого метода. Однако, нужно помнить, что для данной работы необходим специалист, знающий тангутский, китайский языки, а также буддийскую литературу. Редкий случай, когда все эти качества совмещал в себе один человек – Е.И. Кычанов.

гом его неосуществлённом проекте, также связанном с отождествлением буддийских текстов: составление словаря буддийской лексики, которая наиболее часто встречается в тангутских текстах. Этот вокабулярий должен был включать, в первую очередь, всю буддийскую лексику из словаря Н.А. Невского[1] (1892-1937) с переводами на китайский, тибетский и русский языки, а также примеры употребления соответствующих терминов в тангутских текстах.[2] Новая лексика, выделенная за весь период современных исследований, также должна была быть включена словарь.

Говоря о перспективе кодикологических исследований, Е.И. Кычанов, считал необходимым создать справочное пособие для дешифровки тангутской скорописи. В Тангутском фонде хранится значительное количество текстов и фрагментов текстов, которые являются различного рода официальными документами: военные, административно-правовые, торговые, хозяйственные. Все они, как правило, написаны скорописью, которую чрезвычайно трудно прочитать. Именно в них содержится информация о повседневной жизни тангутов, особенностях быта, прямые свидетельства о реализации на местах законотворческой и административной деятельности. Также он считал необходимым изучение тангутской каллиграфии, выделение стилей, заимствованных по аналогии из китайской каллиграфической тради-

---

[1] *Невский Николай Александрович* (1892-1937) – крупнейший российский востоковед-филолог, японист, специализировавшийся, в том числе, на изучении языка и культуры айнов. Однако, он известен в первую очередь как основатель российского и европейского тангуговедения.

[2] Словарь Н.А. Невского – первый в мировой тангутологии билингвальный словарь (тангутско-русский с параллельными переводами на китайский, тибетский и санскрит, иногда на английский язык, с примерами из тангутских, китайских и тибетских текстов). Словарь был создан Невским в первую очередь на материалах дешифровки тангутского перевода «Лотосовой сутры». Он был опубликован в двухтомном труде «Тангутская филология» в 1960 г. Следует сказать, что публикация словаря была выполнена на основе архивных материалов, которые Невский не успел подготовить для научной публикации. В настоящий момент, судя по записям в словаре, можно предположить, что в составлении словаря наряду с Н.А. Невским принимал участие Александр Александрович Драгунов (1900-1955), лингвист, китаист и тибетолог, изучал язык *дунган*. Примерно в одно время с Невским самостоятельно приступил к изучению тангутского язык, первым до возвращения Невского из Японии начал каталогизировать материалы Тангутского фонда, какое-то время работал вместе с Невским. После его смерти продолжил каталогизацию коллекции (См.: *Богданов К.М.* К истории описания Тангутского фонда ИВР РАН // Памятники письменности Востока. Вып. 46. – М.: Наука, 2021. – Т. 18. – С. 221-230.

ции, а также выделение оригинальной тангутской каллиграфической стилистики.[1]

Характеризуя конкретные перспективы исследований Тангутского фонда, Е.И. Кычанов писал следующее (ввиду крайней информативности, позволю себе привести эту цитату практически целиком): «Исследование ксилографов из фонда П.К. Козлова из Хара-Хото – … важная для истории книгопечатания работа. Следует сделать анализы всех сортов бумаги, сравнить эти бумаги с бумагами рукописной книги …, выяснить какая бумага годилась для ксилографии, какая нет. Необходим анализ туши, анализ дерева сохранившихся досок для печатания… Проследить совершенствование искусства ксилографии… Может быть, действительно удастся выделить ксилографы на китайском языке, происходящие из Сунского Китая, государств киданей Ляо и чжурчжэней Цзинь… В данном случае интересно установить меру участия этнических китайцев в осуществлении работ по книгопечатанию.

Тибетские ксилографы абсолютно уникальное явление. Тибетских ксилографов XII–XIII вв., кажется, нет больше ни в одной библиотеки мира. Это книги, созданные под китайским влиянием, по способу брошюровки книги-бабочки, которые позже исчезли из репертуара тибетской книги.

Что касается печатания наборным шрифтом, то на тангутском языке имеется единственная книга, в колофоне которой точно указано, что она напечатана подвижным шрифтом, и упомянут резчик литер… В рукописном тексте, датированном 1216 г., в … колофоне сообщается о наличии должностного лица, ответственного за печатание книг подвижными шрифтом. Некоторые исследователи пытаются выделить ряд признаков, по которым можно было бы определить, что книга напечатана набором. Чаще всего указывают на неровность строки, пропечатки знаков в одной строке и т.п. Эта работа непременно должна быть продолжена.[2] …Таким образом, собрание печатной книги из

---

[1] В ТФ есть тексты, написанные весьма характерным округлым курсивным почерком, в котором угадывается явное влияние индийского или тибетского письма.

[2] Основываясь уже на собственных исследованиях по данной теме, могу сказать, что все эти признаки не являются доказательством печати наборным шрифтом, им может являться только колофон с указанием на способ производства книги. Тем не менее, добавлю, что, судя по всему, в Тангутском фонде ИВР РАН хранится значительное количество книг, напечатанных наборным шрифтом. Этот новый взгляд на печатные книги из ТФ в последние годы жизни Е.И. Кычанов высказывал постоянно.

мёртвого города Хара-Хото является уникальным материалом для изучения истории книгопечатания – этого уникального способа хранения и распространения информации, возможности которого еще далеко не исчерпаны».[1]

Дополню также, что крайне важным и ценным для истории книгопечатания Е.И. Кычанов считал выделение тангутских книг, напечатанных подвижным шрифтом, именно на китайском языке. В случае обнаружения такого издания, оно явилось бы крайне ценной находкой, так как, по его мнению, в Китае не сохранилось книг Сунского и более ранних периодов, изданных этим способом. Он также считал необходимым составление отдельного каталога книжных иллюстраций, в первую очередь гравюр. Именно в книжных иллюстрациях, по его мнению, наиболее разнообразно и отчётливо проявляется самобытность тангутского изобразительного искусства. Добавлю также, что, несмотря на книгу А.П. Тереньтева-Катанского[2], посвященную тангутскому книжному делу[3], Евгений Иванович был убеждён в необходимости нового исследования по данной теме и в перспективе собирался написать её сам.

Размышляя о перспективах научного исследования тангутских письменных источников, а точнее о переводах и исследованиях новых текстов, которые могут быть ещё обнаружены, он был сдержанно оптимистичен, считая, что тщательное изучение даже небольшого фрагмента может принести неожиданные результаты, которые могут существенно дополнить уже сложившуюся историческую и культурную концепцию существования Си Ся.

Е.И. Кычанов всегда считал тангутскую культуру оригинальной и самобытной, возникшей как синтез китайской и тибетской тради-

---

[1] См.: *Кычанов Е.И.* Книга из мертвого города Хара-Хото как источник по истории книгопечатания // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 65-72.

[2] *Анатолий Павлович Терентьев-Катанский* (1934-1998) – китаевед и тангутовед, сотрудник ИВР РАН, автор четырёх книг, посвященных истории и культуре тангутского государства, среди которых самая известная и востребованная специалистами «Материальная культура Си Ся», которая была не так давно переведена на китайский язык – факт, означающий её ценность в глазах китайских тангутоведов. Следует отметить, что эту книгу Терентьев-Катанский написал только на основе данных, полученных из тангутских письменных источников, хранящихся в Тангутском фонде. См.: *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. – М.: Наука, 1993. – 235 с.

[3] *Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов. – М.: Наука, 1981. – 196 с.

ций.[1] При этом тибетское влияние он ставил наравне с китайским, считая, что они оказали равное влияние на разные сферы жизни тангутского государства и общества. В связи с этим он оценивал критически традиционно сложившееся доминирование китаеведов в тангутоведении и считал необходимым привлечение к исследованиям тибетологов и специалистов по тибето-бирманским языкам.

Отдельно следует сказать о Е.И. Кычанове правоведе, специалисте и знатоке Дальневосточного права. Его переводы и исследования тангутских законодательных документов – наиболее значимые труды в данной научной дисциплине, так как никто кроме него не занимался данной темой. Впервые обнаруженный Н.А. Невским тангутский кодекс, был в полном объёме выделен из собрания Тангутского фонда, переведён и исследован Е.И. Кычановым в 80-е годы прошлого века.[2] С конца 90-х до начала 2000-х он работает над переводом и исследованием текста «Новых законов», дополнения к кодексу 1149-1169 гг.[3] Все эти книги в настоящий момент уже являются библиографической редкостью. Уверен, что редактированное переиздание хотя бы первого тома «Новых законов», содержащего полное источниковедческое и текстологическое исследование памятника было бы востребовано специалистами, занимающимися историей средневеко-

---

[1] Данная позиция, которой всегда придерживалась отечественное (русское, советское, российское) китаеведение не совпадала с позицией китайских исследователей, которые рассматривали Си Ся как одну из разновидностей китайской культуры и государственности. Е.И. Кычанов всегда последовательно и обоснованно доказывал самобытность и самостоятельность тангутского государства, чем неоднократно вызывал критику со стороны китайских коллег.

[2] Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149-1169); в 4-х кн. / Памятники письменности Востока LXXX. (1,2,3,4). – М.: Наука, 1987-1989. – 464 с., 704 с., 624 с., 680 с. В ТФ ИВР РАН хранится полная печатная версия кодекса, а также рукописные фрагменты разной величины (ТФ ИВР РАН, шифр Танг 55). Это 4-х томное издание недавно было переиздано в КНР, при этом перевод на китайский язык был выполнен с русскоязычного перевода Е.И. Кычанова. Китайские издатели вносили только некоторые правки в комментарии.

[3] «Новые Законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Памятники письменности Востока CXL. – М.: Вост. лит., 2013. – 500 с. Следует также упомянуть исследование: Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-Гуань (1101-1113 гг.)» // История тангутского государства. – СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. – С. 224-234. Помимо названных работ Евгению Ивановичу принадлежит целый ряд статей, посвященных различным правовым, административным, социальным аспектам существования тангутского государства.

вого права стран Центральной и Восточной Азии. Замечу также, что его обширные научные комментарии к переводам тангутской законотворческой литературы составили бы полноценную монографию, посвященную тангутскому праву, которая, несомненно, была бы востребована специалистами.

Е.И. Кычанов работал самоотверженно и увлеченно. Закончив последнюю проверку Тангутского фонда, он сказал: «Через какое-то время надо начать всё сначала». Неизвестные тексты он отождествлял, как правило, быстро, бегло просмотрев фрагмент. Если сочинение невозможно было атрибутировать в данный момент, на обложках, в которых завернуты книги; делал краткие записи и комментарии, которые должны были помочь в дальнейшем. Если текст был абсолютно непонятен, он любил повторять китайскую поговорку: «Подождем тех, кто знает». Как настоящий знаток своего дела, сознавая свою лидирующую роль в тангутоведении, он спокойно признавал возможные ошибки, которых у него практически не было. Его высочайший научный профессионализм помимо тангутских исследований проявлялся в самых разных областях востоковедной науки: китаеведение, монголоведение, японистика, изучение Центральной Азии. Его последний научный проект (2011-2012) – учебный курс «Введение в тангутоведение» включал в себя краткое изложение истории тангутского государства, описание культуры, религии, социального и государственного устройства Си Ся, филологический раздел, посвященный тангутской письменной культуре (характеристика тангутского языка, рекомендации по его изучению, описание наиболее значимых для тангутской словесности текстов, хранящихся в ТФ ИВР РАН), а также очерк истории тангутоведения от его возникновения как востоковедной науки до настоящего времени. Курс сопровождался подробной и обширной библиографией, в которую были включены все работы, имеющие отношение к изучению Си Ся, изданные к моменту написания этой работы. К сожалению, он не был опубликован в виде монографии – как это планировал Евгений Иванович.[1]

Как-то с удивлением он сказал, что самой популярной его книгой по какому-то научному рейтингу, была названа монография «Ки-

[1] Данная работа была осуществлены по гранту РГНФ. Под руководством Е.И. Кычанова в написании учебного курса принимали участие К.М. Богданов, К.Ю. Солонин, В.П. Зайцев.

тайское средневековое право».[1] Именно переиздание этой книги он подготовил буквально в конце жизни. Мне довелось видеть «сигнальный» экземпляр-макет нового издания. Судя по всему, это издание существенно отличалось от первого: было дополнено иллюстрациями, видимо появились новые главы. К сожалению, книга так и не была издана. Как и не была написана книга о Хубилай-хане, план которой он уже начал составлять. Наверняка, у Евгения Ивановича были и другие творческие проекты, как всегда интересные и неожиданные, способные дать импульс новым исследованиям, но, увы… Остаётся только повторить вслед за ним слова, которые он, продолжая надеяться на удачу, часто произносил в последний год жизни: «Что поделаешь, так устроен мир…».

Источники и использованная литература:

1. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149-1169) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и прим. Е.И. Кычанова: в 4-х кн. – М.: Вост. лит., 1987-1989. – 464 с., 704 с., 624 с., 680 с.
2. «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и прим. Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2013. – 500 с.
3. *Богданов К.М.* К истории описания Тангутского фонда ИВР РАН // Памятники письменности Востока (вып. 46). – М.: Наука, 2021. – Т. 18 – С. 221-230.
4. Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Сост. Е.И. Кычанов. – Киото: Университет Киото, 1999. – 792 с.
5. *Кычанов Е.И.* Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-Гуань (1101-1113) // История тангутского государства. – СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербург. ун-та, 2008. – С. 224-235.
6. *Кычанов Е. И.* Книга из мертвого города Хара-Хото как источник по истории книгопечатания // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 65-72.
7. *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. – М.: Вост. лит., 1966. – 601 с., 682 с.
8. Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов

[1] *Кычанов Е.И.* Основы китайского средневекового права (VII–XIII вв.) – М: ГРВЛ, 1986. – 264 с.

Азии АН ССР / Сост. З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. – М.: Вост. лит., 1963. – 170 с.
9. *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов. – М.: Вост. лит., 1981. – 196 с.
10. *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. – М.: Вост. лит., 1983. – 232 с.

Bogdanov K.M.

Professor E.I. Kychanov on research prospects of IOM RAS Tangut Foundation's materials

This article focuses on professor Evgeniy I. Kychanov opinion on prospect of research based on material from IOM RAS Tangut collection, and also on future development of Tangut Studies. It is a kind of summing up of his half century experience work in this research field. He expressed these views personally to this article author during his last work on preparing new catalogue of IOM RAS Tangut collection in period 2005-2013.

Keywords: Tangut Fund of IOM RAS; Xi Xia (Tangut state); Tangut Studies.

Bogdanov Kirill Mikhailovich – researcher, IOM RAS, Manuscript Department, Researcher (*Russia*, Saint Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 18).

E-mail: khmae@list.ru

УДК 93/94, 94(510)

Рыбаков В.М.

НЕ НУЖНО БЫТЬ БОГОМ

Один из учеников Е.И. Кычанова вспоминает некоторые эпизоды своего обучения в аспирантуре под руководством этого замечательного востоковеда.

Ключевые слова: Евгений Иванович Кычанов, традиционный Китай, советская аспирантура, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

Светлой памяти моего учителя

Этапы долгой научной деятельности и поразительные достижения Евгения Ивановича Кычанова в востоковедении превосходно, детально и исчерпывающе, описаны Ириной Федоровной Поповой в статье[1], открывающей капитальный сборник «Тангуты в Центральной Азии», изданный в честь 80-летия Евгения Ивановича. Более или менее краткие изложения его биографии и перечни его научных работ можно найти без труда и в сети, и во многих печатных изданиях. Нет смысла повторяться. Мои воспоминания будут очень краткими и очень личными. Краткими – потому, что человеку свойственно подробно помнить и много говорить о том, что с ним приключилось плохого, или опасного, или требующего от него экстраординарных усилий, а вот о том, что было хорошо, ничего особенно пространного не скажешь. Можно долго описывать симптомы удушья, но нечего сказать про то, что просто вволю дышишь. Так и тут. Когда тебе ничто не мешает, ты просто свободен, растешь и развиваешься без помех, потому что тебе дано вдоволь солнца, дождя и воздуха – тогда вроде бы и сказать нечего.

А личными потому, что…

Потому что мне сильно повезло в жизни.

Моим научным руководителем в аспирантуре стал Евгений

Рыбаков Вячеслав Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Дальнего Востока, Институт восточных рукописей РАН (*Россия*, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

[1] *Попова И.Ф.* Стало судьбой… / Тангуты в Центральной Азии. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 3-14.

Иванович.

Тогдашняя сотрудница библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, куда я стал ходить читать ещё на четвёртом курсе университета, Изольда Эмильевна Циперович, сама прекрасный китаист, видимо, приметила, сколько времени я проводил в читальном зале, изучая книги отнюдь не студенческого набора – в то время студентов ориентировали больше на становление Компартии Китая или на критику маоизма, а я курсовые и диплом ухитрился писать по девятнадцатому веку, по имперскому Китаю, – и, когда в 1976-ом году пришёл урочный час моих выпускных экзаменов, познакомила меня с великим учёным. Просто привела к нему в маленький отдельный кабинетик, который он занимал как заместитель директора института. И после нескольких собеседований он предложил мне попробовать поступить к нему в аспирантуру, а там на материале уголовного кодекса танской династии «Тан люй шу и» заняться темой «Правовое положение чиновничества при династии Тан».

Как он угадал? Как сработала его поразительная интуиция? Да, исследования китайского традиционного права в те годы ещё только начинались, были в зачаточном состоянии, и надлежало срочно латать эту брешь в тематике российского (тогда – советского) китаеведения, но… Чиновники!

Эта тема, если вспомнить название упомянутой выше статьи И.Ф. Поповой, действительно стала моей судьбой.

Я возвращался домой после беседы с моим будущим учителем, и сердце у меня пело от сладостного предвкушения. Уже тогда я соображал, или, скорее, чувствовал, что бюрократия – это не только про средневековый Китай. Рожденный в СССР, я отлично понимал, что и моя страна тоже управляется громадной бюрократической машиной, и управляется не очень, мягко говоря, хорошо, ибо бюрократия раздута, раскормлена и неэффективна. Многие века успешного, хотя, разумеется, далеко не беспроблемного существования Китая уже тогда наводили на мысль, что там как-то научились повышать эффективность и добросовестность своих управленческих кадров. И у меня возникла совершенно детская мечта открыть в китайской истории некий секрет, который затем поднести на блюдечке с голубой каёмочкой Отчизне, и тогда жизнь наша изменится к лучшему, потому что управленческая машина заработает, как работала в первые десятилетия каждого успешного династийного цикла в Поднебесной.

Мечта была детской, однако, похоже, именно теперь, десятилетия спустя, я начинаю понемножку её осуществлять…[1]

Но решилось всё в одночасье – короткой фразой будущего руководителя моей диссертации: «А тема у тебя будет такая…».

Можно очень по-разному вспоминать о Евгении Ивановиче.

Можно, например, вспомнить его стиль руководства.

Поначалу раз, а то и два в неделю мы с ним вместе сидели над текстом тогда ещё едва понимаемого, непаханого у нас в стране никем Танского уголовного кодекса, и Кычанов учил меня тому, что успел к тому времени понять в нём сам. Потом я нашёл в библиотеке института рекомендованный опять-таки самим же Кычановым микрофильм докторской диссертации американского синолога Уоллеса Джонсона, которую он защитил по переводу первых трех глав «Тан люй шу и» – в Штатах исследования китайского традиционного права тогда тоже ещё только начинались. И я стал просиживать за аппаратом для чтения микрофильмов буквально с рассвета до заката, пришлось даже выклянчить у пожарной охраны института разрешение работать вечерами, после окончания рабочего дня; кстати сказать, без помощи Кычанова такое разрешение я вряд ли бы получил. Буквально пофразно, пословно я сравнивал китайский текст и его английский перевод, где-то хлопал себя по лбу («как же это я сам не догадался!» или «так вот же что оно значит!»), кое-где недоверчиво крутил носом – главным образом по поводу модернизаций, казавшихся мне недопустимыми; скажем, иероглиф в тексте значит «полагается», «надлежит», «ответ закона должен быть таким-то и таким-то», а у американца он переведен как «имеет право» (*have a right*), это в средневековом-то Китае... И параллельно уже начал как-то анализировать прочитанное, набрасывать свои соображения... К руководителю я ходить совсем перестал. Недели две Кычанов терпел, потом забеспокоился – заподозрил, что я бью баклуши. Настоятельно пригласил отчитаться. И я принёс ему свою первую статью. Он прочитал и сказал только: «Ну, работай, а если что-то понадобится – заходи».

Или вот несколькими годами позже, буквально накануне предварительного обсуждения моей кандидатской диссертации. В ту пору я уже и писанием литературных трудов занимался, причём, как водилось в 80-х годах прошлого века – весьма вольнодумных. И, конечно,

---

[1] См. напр.: *Рыбаков В.М.* Образ желанного мира и бюрократия // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 4. – С. 22-43.

давал читать всем друзьям и знакомым. Кто-то из них, может быть, и не один – не утерпел. Потом, судя по обмолвкам беседовавших со мной сотрудников КГБ, я подумал даже, что в «телеге» повесть была представлена куда более крамольной, чем на самом деле. Я тогда подумал, что донос мог накатать человек, вообще текста не видевший, опиравшийся, скажем, на пересказ. Кто-то из моих приятелей, гордый тем, что читал рукопись, в дружеской беседе излагал, набивая цену уже самому себе: «Ну, Рыбаков их приложил! Ну, там такое!..» А уж один из слушателей дал делу ход. Возможно. Во всяком случае, Евгений Иванович вдруг поймал меня в коридоре института и в лоб сказал: «Говорят, у тебя антисоветская повесть есть, а я и возразить не могу. Дай посмотреть». Через несколько дней вернул, пробурчав нечто вроде: «Совсем с ума посходили… Ну, теперь если спросят, отвечу: читал и ни черта крамолы не обнаружил…».

Сколько мужества от него затем потребовал простой ответ «не обнаружил», и сколько раз, в каких вариантах ему пришлось его произносить, в каких инстанциях и для кого, он мне не говорил, и я этого не узнаю уже никогда. Но защитить свою диссертацию – опять-таки с его помощью, по его рекомендации, – я смог подальше от райотдела питерской Конторы, который мою повесть в конце концов все же конфисковал, в Москве, на ученом совете, которым руководил тогда Ким Владимирович Малаховский.

Или вот тоже о стиле руководства, но немножко по-другому. В середине 80-х годов Кычанов был заведующим институтским подразделением, которое называлось сначала Сектором Дальнего Востока, потом – Сектором историографии и источниковедения Китая и стран Центральной Азии. И вот, помню, обсуждалась на секторе работа одного из ведущих наших тогдашних китаеведов. То вообще было время, не побоюсь этих слов, титанов, вновь поднявших отечественное востоковедение на мировой уровень, а то и выше: Александр Степанович Мартынов, Лев Николаевич Меньшиков, Юрий Львович Кроль… Нет, не буду продолжать: список растёт, в алфавитом порядке его не выстроить, и может возникнуть подозрение, будто я расставляю замечательных, уникальных учёных по ранжиру, а это невозможно и немыслимо. Работа была посвящена, в частности, такой сложной и многозначной китайской идеологической и философской категории, как мироустроительная, гармонизирующая сила «*дэ*» императора, благодаря проявлению которой он только и мог считаться и

являться не самозванцем и узурпатором, невесть откуда взявшимся, а действительным избранником Неба, свыше уполномоченным на правление. С какого-то момента обсуждение стало переходить на повышенные тона, темпераментные таланты начали горячиться вовсю. Пару раз Евгений Иванович, ведший заседание, призывал их сбавить обороты, но не тут-то было. Накал нарастал. И тут Кычанов с улыбкой сказал: «Похоже, моей мироустроительной силы не хватает, чтобы в помещении восторжествовала гармония…» Все засмеялись – кто-то с некоторой натянутостью, большинство – от души, и, в общем, все – с облегчением. Напряжение было снято.

А можно вспоминать сугубо бытовые детали.

Скажем, где-то в конце первой половины 80-х, в начале лета, получилось так, что почти одновременно защитили кандидатские диссертации сразу два наших талантливых аспиранта. И на квартире одной из сотрудниц Сектора был по тогдашней практике учинён роскошный сабантуй. В ту пору институт был единым маленьким самостоятельным мирком, там не только работали, там жили, взаимодействовали, взрослели, там складывались и распадались товарищеские и романтические отношения… Конечно, без общих праздников такая жизнь не могла обойтись. А общие праздники – это, помимо прочего, и общие возлияния. Помню, вдвоём с товарищем и коллегой мы, как сотрудники наиболее молодые, обеспечивали спиртное; на такси, за её неподъёмностью, привезли на праздник характерно позвякивавшую здоровенную сумку напитков, и долго потом все смеялись, эта легенда жила в Секторе годами, потому что на счётчике, когда машина остановилась у подъезда, было ровно 3,62 – цена тогдашней поллитры…

Потом я проводил Евгения Ивановича до дому, мы оба были навеселе, но, клянусь, не критично и не катастрофичною. Это в 90-х, когда россиян поголовно, невзирая на профессии и таланты, принялись травить водкой «Распутин» и спиртом «Роял», праздники выродились в пьянки, и, увы, не все мои коллеги смогли выжить во время этой химической атаки. В пору моей молодости такого ещё не было и не могло быть, все хотели общаться, веселиться, флиртовать, в конце концов, а не завивать горе импортной веревочкой. Однако, когда мы поднялись к учителю в квартиру, его супруга, решив, что это именно я его напоил и вот попался ей наконец под руку, накинулась на меня, как на последнего злодея и погубителя. И я, ошеломленно скатившись

с лестницы на улицу, подумал тогда, что она его очень любит…

Однако я хотел бы сказать совсем о другом, не бытовом. Ещё более коротко. Потому что об этом не принято вспоминать.

Году этак в 82-ом – не помню, в каком контексте – один из старших коллег, сам блестящий ученый, вдруг поразил меня фразой: «Пример вашего учителя, Слава, показывает, что не боги горшки обжигают».

Кого же он полагал богами?

О, я отлично понимаю, в чём критерий.

Помню, на одной из встреч с читателями я упомянул, что в детстве, ещё до школы, в деревне у бабушки в деревянном корыте рубил лопатой крапиву для бабушкиных утят. И как это было смешно: мелкое крошево попадало мне на штаны, и когда мама утка приводила свой выводок с речки домой, голодные мягкие комочки своими клювиками меня едва не раздевали, выщипывая травинки из штанин и стараясь стащить их к себе вниз, на землю, чтобы удобней было подкрепляться после трудового дня. Ведущий встречи, петербуржец то ли в пятом, то в шестом поколении, во всяком случае, точно с царских ещё времен, интеллигентно грассируя «*р*», вскоре не преминул заметить: «Не всем выпало счастье задавать отруби поросятам…». За какую-то четверть часа он никак не мог забыть, что именно я сказал, и перепутал поросят с утятами. То была сознательная и не очень-то добрая ирония. Мол, это ваш уровень – «Свинарка и пастух». А наш – ну, скажем, «Жертвоприношение». Или, на худой конец, «Скорбное бесчувствие».

А ведь Евгений Иванович провинился ещё пуще.

В детстве он пас гусей!

И рассказывал об этом с удовольствием.

А когда я поступил в аспирантуру, он был заместителем директора по науке. На общественных началах, насколько я помню. Ведь ни единицы такой, ни ставки в штатном расписании института не было. Волок всю институтскую текучку просто так. Потому что надо, и еще потому что иначе не пробиться.

Не имею на сей счёт никаких достоверных данных, но сильно подозреваю, что именно многолетним, явно систематическим усилиям кого-то из московских богов мы обязаны тем, что Евгений Иванович, при более чем трёхстах научных работах, будучи почётным членом венгерского Общества востоковедов имени Чома де Кёрёши, по-

чётным профессором университета Нинся и университета Ланьчжоу в Китае, почётным членом Центра по изучению государства тангутов при Академии Общественных Наук КНР, умер, так и не став российским хотя бы член-кором.

Зато он оставил целую библиотеку не стареющих книг, и строго научных, и научно-популярных, но равно фундаментальных.

Зато он оставил целый сонм учеников, которые сами стали далеко не последними людьми в науке. И я вовсе не себя имею в виду, поверьте. Да одна Татьяна Скрынникова из нашего института чего стоит!

Пасти в детстве гусей – отличная прививка от божественности.

Потому что в начале было дело.

Источники и использованная литература:

1. *Попова И.Ф.* Стало судьбой… // Тангуты в Центральной Азии. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 3-14.
2. *Рыбаков В.М.* Образ желанного мира и бюрократия // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 4. – С. 22-43.

Rybakov V.M.

You don't have to be a god

One of E.I. Kychanov's students recalls some episodes of his postgraduate studies under the guidance of this remarkable Orientalist.

Keywords: Evgeny Ivanovich Kychanov; traditional China; Soviet postgraduate studies; the past of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences.

Rybakov Vyacheslav Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

УДК 340.15, 94(510)

克恰诺夫西夏学成果的翻译与评介

王　　颖[①]

摘　要：克恰诺夫教授是国际著名的西夏学专家，是俄罗斯西夏学研究涉猎领域最宽广、著述最丰富的学者。他对黑水城出土文献的编目整理、对西夏历史、法律、现代西夏语词典的编纂代表了俄罗斯西夏学研究的最高水平。各国学者长期关注克恰诺夫教授及其西夏学研究成果，对其一些西夏学研究成果进行了整理编目、汉译介绍与评述研究。

关键词：克恰诺夫；西夏；译介

俄罗斯收藏有丰富的黑水城出土西夏文献文物资料，其西夏学研究起步早、研究领域宽广、研究成果丰富，在国际西夏学研究中占有重要地位。克恰诺夫（Евгений Иванович Кычанов，1932–2013）是国际著名的西夏学专家、俄罗斯科学院东方文献研究所前任所长，是俄罗斯西夏学研 究涉猎领域最宽广、著述最丰富的学者。克恰诺夫精耕西夏学研究领域五十余载，对黑水城出土文献的编目整理、对西夏历史、法律、现代西夏语词典编纂等研究代表了俄罗斯西夏学研究的最高水平。他研究西夏学的学术实践丰富了西夏学研究的学术成果，推动了西夏学研究进程，能够为各国西夏学者提供可供借鉴的研究方法和治学门径。2022 年克恰诺夫诞辰九十周年，谨以此文纪念。

[①] **作者简介：**王颖（1983— ），法学博士，宁夏大学外国语学院副教授，主要从事中国少数民族史（西夏 历史与文献方向）、俄语语言文学研究。

E-mail: WANGYING_EYU@163.COM

一、克恰诺夫西夏学主要研究成果

克恰诺夫研究西夏学学术视野宽阔、成果数量丰富，出版了 20 部论著（独著 12 部、合著 8 部），发表了 150 余篇学术论文，其西夏学研究成就主要涵盖：

1. 对黑水城出土西夏文献的整理、编目与刊布。俄罗斯科学院东方文献研究所所藏西夏文献占世界西夏文献总量的 80%以上。有此便利条件，克恰诺夫在整理、翻译、研究、刊布西夏文献方面做出了巨大贡献。“目录乃治学之津梁”，他与戈尔巴乔娃合编了《苏联科学院亚洲民族 研究所列宁格勒分所所藏唐古特语写本和刊本已考定者目录》、独编《俄罗斯科学院东方学研究 所唐古特佛教文献目录》，为国际西夏学界研究俄藏黑水城文献提供了极大便利。他作为俄方主 编，全程参与大型丛书《俄藏黑水城文献》的图版整理、登录和拍摄工作。该书开创了西夏文献 刊布之先河，此后，中国（《中国藏西夏文献》）、日本（《日本藏西夏文文献》）、英国（《英 藏黑水城文献》）、法国（《法藏敦煌西夏文文献》）的西夏文献陆续出版。

2. 对西夏语言的研究，主要包括对西夏语语音和文字的研究。西夏学学科属性的内因决定了西夏学的开展必须立足于文献研究，尤其是西夏文文献的译释。克恰诺夫通晓俄语、汉语、英语 等多种语言，学习并熟悉藏文、西夏文等民族语言文字。他继承和发扬了俄罗斯中国学研究的优良传统，采用“以语言为依托、以文献为基础”的科学方法进行研究。1963 年，克恰诺夫与索夫罗诺夫合作，在聂历山研究西夏语语音的基础上进一步研究并出版了苏联第一部研究西夏语语 音的专著——《唐古特语语音研究》，主要使用了《语音表》《文海》《文海杂类》及无名的手稿词典等文献资料，从西夏语音构拟的资料来源、西夏语的辅音、西夏语的元音三个方面对西夏语语音进行阐释。后来，克恰诺夫根据自己阅读使用西夏文献的积累，花费大量精力编撰了从西

夏字的右下偏旁进行检索的四种语言词典——《西夏语词典(夏-俄-英-汉词典)》,成为学界解读西夏文献的工具。

3. 对西夏历史、法律和文化的研究。克恰诺夫的研究工作并不满足于释读西夏文献,而是把考证作为研究基础,孜孜于对大量西夏文献作史学上的阐释,研究范围涉及西夏经济、政治、军事、法律、文化以及民族关系等,涵盖西夏王朝的方方面面,最终汇聚成《只有文字流传》《唐古特国史纲》《大夏皇帝》《唐古特国历史》等大作。克恰诺夫为研究西夏法律,首先研究了对西夏法律形成产生巨大影响的唐宋法律,出版了《中世纪中国法律的基础(7—13世纪)》,后出版研究著作——四卷本《天盛改旧新定律令》和《唐古特国<新法>译释》。此外,他还对反映西夏社会生活的文书、原创谚语集《新集锦合辞》及西夏语译汉文经典著作文献《论语》《孟子》《孝经》《文海》进行了大量译释与研究。总结克恰诺夫研究西夏历史、法律和文化的路径、研 究手段和学术观点,评价其研究贡献和不足,可以弘扬西夏学界以丰富的实证去探索西夏社会发展规律的优良传统。

4. 对西夏学国际合作研究所做的工作和贡献。克恰诺夫在西夏学方面学术研究合作广泛,与苏联俄罗斯本国学者、中国、日本等国的学者都有合作,为刊布俄藏黑水城文献、出版西夏学研 究成果和推动国际西夏学学术交流做出了突出贡献。在苏联,克恰诺夫领导并与“西夏学研究小组”成员索夫罗诺夫、克平、捷连季耶夫–卡坦斯基、克罗克罗夫合作攻坚西夏文献;与格拉姆科夫斯卡娅共同为聂历山书写传记。在俄罗斯外,克恰诺夫与中国史金波、李范文、白滨、聂鸿音、杜建录等著名西夏学专家进行学术交流合作,推动俄罗斯科学院东方文献研究所与中国社会 科学院、上海古籍出版社三方机构合作出版《俄藏黑水城文献》,积极支持举办西夏学国际学术论坛、建立中俄(俄中)西夏学联合研究所;与日本西夏学者西田龙雄、荒川慎太郎等进行学术交流与合作,出

版西夏学研究成果;与欧美学者克劳逊、弗兰克(傅海波)、鲁斯·唐纳尔(邓如萍)等进行了学术交流合作等。

二、俄、日、欧美学者对克恰诺夫西夏学研究成果的评介

俄罗斯、日本及欧美学者对克恰诺夫西夏学成果的评介主要体现在两个方面。一是，整理克恰诺夫西夏学成果目录索引。其中既有涵盖克恰诺夫西夏学研究成果的综合性目录([美]陆宽田、苏珊海希的《西夏学研究书目目录》[①])，又有专门对克恰诺夫西夏学成果目录进行汇总（[俄]扎伊采夫的《历史学博士叶甫根尼·伊万诺维奇·克恰诺夫教授学术著作目录》[②])。二是，介绍和评论克恰诺夫西夏学成果。主要包括：(1)俄罗斯学者的述评。如波波娃在《叶甫根尼伊万诺维奇克恰诺夫》对克恰诺夫的西夏学研究成果及贡献进行了概括评述，她认为：克恰诺夫 1958 年秋完成的副博士学位论文《西夏国(982—1227)》“是学术界对西夏国史首次进行专门研究的成果。”“克恰诺夫非同凡响，具有罕见的研究天赋。他将自己的学术使命与西夏学研究紧密相连，写下了这一复杂学科历史上最光辉的一页，是国家东方学的骄傲 。他指出如果不了解西夏历史，亚洲历史的很多问题都难以说清。他出色地阐释了中国和中亚民族历史、法律、民族起源、文字文献等方面的问题。”[③] 德米特里耶夫在《苏联的唐古特(西夏)学研究》译文中指出“叶甫盖尼伊万诺维奇是 20 世纪六十年代初老一辈西夏学家的杰出代表，正是这一代西夏学家

[①] [美] *Kwanten Luc*, *Hesse Susan*. Tangut (Hsi-Hsia) Studies: A Bibliography. – Burmington: Research Institute for Inner Asian Studies Indiana University, 1980. – 125 p.

[②] [俄] Библиография научных трудов доктора исторических наук, профессора Евгения Ивановича Кычанова / Составитель В.П. Зайцев // Тангуты в Центральной Азии: сборник статей в честь 80-летия профессора Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2012. – С. 15-57.

[③] [俄] *Попова И.Ф*. Евгений Иванович Кычанов (1932-2013) // Письменные памятники Востока. – 2013. – № 1 (18). – С. 306.

的辛勤耕耘奠定了苏联在当时世界西夏学中的领导地位。”[①] 波波娃和索罗宁撰文介绍克恰诺夫《唐古特国新法译释》，写道：“尽管《新法》是对之前法律的补充并与之有很多共同的词汇，但也有很多新词与唐古特人的生活有关，人们对此知之甚少。此外，还有一些更正之处难以阅读。译者的工作受这些情况阻碍。但克恰诺夫出色地完成了他的任务并成功向学界展示了一部唐古特法律的重要著作，它的重要意义甚至超越了西夏学研究的界限。”[②]

(2)日本、欧美学者 的述评。如日本学者西田龙雄将克恰诺夫的《文海——西夏语刊本复制》[③]和《西夏史纲》[④]两部著作介绍给日本西夏学界。此外，西田龙雄为克恰诺夫《俄罗斯科学院东方学研究所唐古特佛教文献目录》撰写了序言，以《西夏语佛典目录上编纂的诸问题》[⑤] 命名。英国学者杰拉德克劳逊 1964 年发表《唐古特（西夏）学研究的未来》[⑥]一文，展望了国际西夏学研究的未来发展方向，并对上世纪六十年代苏联西夏学领军人物克恰诺夫等学者开展的西夏学研究工作赞赏有加。美国 学者鲁斯·唐纳尔（邓如萍）在《苏联的唐古特学：研究现状》中除了称赞克恰诺夫对西夏历史、法律进行的研究工作，还对其《新集锦合辞》研究做了评述：“对于文化史而言，克恰诺夫对唐古特谚语、格言和以韵文为基础的百科全书的翻译是相当有意义

[①] [俄] *Дмитриев С.В.* Tangut (Xi Xia) Studies in the Soviet Union: Quinta Essentia of Russian Oriental Studies // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol. 19. – P. 178-196. 其中，叶甫盖尼·伊万诺维奇是克恰诺夫的名 和父称。

[②] [俄] *Попова И.Ф.*, *Солонин К.Ю.* «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) // Вестник РГНФ. – 2014. – № 4. – С. 197.

[③] [日] 西田龙雄：《评克恰诺夫等著〈文海——西夏语刊本复制〉》，载《东洋学报》1969年第52卷 第2 号，第1–19页。

[④] [日] 西田龙雄：《评克恰诺夫〈西夏史纲〉》，载《东洋史研究》1969 年 第 28 卷 第 2/3 号，第 246–252 页。

[⑤] [日] 西田龙雄：《西夏语佛典目录上编纂的诸问题》，载克恰诺夫著《俄罗斯科学院东方学研究所唐古特佛教文献目录》. – 京都大学，1999 年，第 IX–XLVII 页。

[⑥] [英] *Clauson Gerard*. The Future of Tangut (Hsi-Hsia) Studies // Asia Major. – 1964. – Vol. 11. – P. 54-77.

的”[①]。俄、日、欧美学者对克 恰诺夫西夏学研究成果的评介以褒扬为主，称赞他对西夏学研究所做的贡献。(3)召开专题性 国际学术研讨会。2012年和2022年，在克恰诺夫诞辰八十、九十周年之际，俄罗斯科学院东方文献研究所先后为他举办了“中亚的唐古特 ”与“21 世纪西夏学的研究视角与问题”国际学术会议，来自俄、中、日、美、法等国学者共话克恰诺夫在西夏文字、历史和法律研究方面取得的 丰硕成果以及其在国际西夏学领域做出的卓越贡献。

三、中国学者对克恰诺夫西夏学研究成果的翻译与评介

中国学者长期关注、翻译、介绍并研究克恰诺夫的西夏学研究成果，增进了对克恰诺夫及俄罗斯西夏学研究状况的了解。许多中国著名的西夏学专家——史金波、李范文、白滨、聂鸿音等与克恰诺夫建立了深厚的友谊，为推动中俄两国西夏学研究及国际西夏学交流合作做出了重要贡献。相较于他国研究，中国学者对克恰诺夫西夏学成果研究多了汉译领域、对克恰诺夫西夏学学术观点的评价也更客观。

第一，汉译克恰诺夫西夏学成果。中国学者汉译克恰诺夫西夏学成果始于1978年白滨、黄振华翻译《西夏文写本和刊本目录》[②] 和史金波翻译《西夏文字典〈文海〉和〈文海杂类〉及其在西夏辞书中的地位》[③]。之后在 1988 年，李仲三、罗矛昆译校了克恰诺夫俄文版《天盛改旧新定律令（1149-1169）》（第二卷）[④]，即《天盛律令》第 1 至 7 章之法条；2021 年，崔红芬、文志勇

[①] [美] *Dunnel Ruth W*. Tangut Studies in the Soviet Union: State of the Field // Bulletin of Sung and Yuan Studies. – 1981. – No. 17. – P. 101-105.

[②] [俄] 戈尔芭切娃、克恰诺夫著，白滨、黄振华译:《西夏文写本和刊本目录》,《民族史译文集》(3)，1978 年，第 1—113 页。

[③] [俄] 克恰诺夫著，史金波译，黄振华校：《西夏文字典〈文海〉和〈文海杂类〉及其在西夏辞书中的地位》，《民族史译文集》(3)，1978 年，第 114-123 页。

[④] [俄] 克恰诺夫俄译，李仲三汉译，罗矛昆校订:《西夏法典 —— 天盛年改旧定新律令》(第1–7章)，宁夏人民出版社，1988 年。

合译出版了克恰诺夫《俄藏黑水城西夏文佛经叙录》[①]；2022 年，张海娟、马雅琼合译出版了克恰诺夫《西夏历史》[②]。除翻译著作外，霍升平、吴月英、张佩琪、崔红芬、彭向前、杨富学、王培培、闫廷亮、栗瑞雪、唐克秀、王颖等学者还汉译了克恰诺夫一些研究西夏历史、法律、文献、诗歌、与周边民族交往交流关系、社会文书、文字、科技、宗教、生产生活等方面的 论文选译其西夏学著作片段或他对俄罗斯科学院东方文献研究所西夏文文献收藏与研究状况的介绍，共计 30 余篇。[③] 中国学者汉译克恰诺夫西夏学研究成果新作不断发表出版，对克恰诺夫西。

第二，在汇编西夏学成果目录索引中梳理了克恰诺夫西夏学成果。如祝尚书《前苏联宋辽夏 金元文化研究论著目录索引》[④]、李胜刚《百年西夏学国内外著作概述》[⑤]、杨志高《二十世纪西夏学论著资料索引》[⑥] 和周峰《21 世纪西

[①] [俄] 克恰诺夫著，崔红芬、文志勇译：《俄藏黑水城西夏文佛经叙录》，甘肃文化出版社，2021年。

[②] [俄] 克恰诺夫著，张海娟、马雅琼译：《西夏历史》，甘肃文化出版社，2022年。

[③] 中国学者已汉译发表的克恰诺夫教授西夏学研究论文有《十二世纪西夏法典》《党项人的古文字与文化》《从采集资料看哈拉浩特的钱币流通》《俄罗斯科学院东方写本研究所西夏文文献之收藏与研究》《〈三代相照言文集〉——活字印刷术独一无二的明证》《唐古特译本〈贞观政要〉残卷考》《俄藏第8203号 西夏文书考释》《西夏国和僧侣》《俄藏黑水城西夏文佛经文献叙录·绪论》《夏圣根赞歌》《西夏文本学》《黑水城所出1224年的西夏文书》《唐古特国的起源问题》《〈天盛改旧新定律令—(1149–1169年)〉—— 西夏法律文献《天盛律令》研究专著节选译文》《“他山之作”：11-12世纪远东国家使节交 往的文献资料 —— 西夏〈天盛改旧新定律令〉》《西夏国的水利灌溉》《元帝国时期(13—14世纪)唐古特民族与宗教变更》《敦煌作为西夏王国疆域的一部分(982～1227)》《西夏的“自然人”与“法人” ——〈天盛律令〉研究专著第二部分译文》《西夏人论中原 —— 以西夏文资料为中心》《西夏的〈新法〉导言》等，数量约有三十篇，总数占其西夏学研究论文总量的五分之一左右。

[④] 祝尚书编译：《前苏联宋辽夏金元文化研究论著目录索引》，《宋代文化研究》（第二集），1992 年。

[⑤] 李胜刚：《百年西夏学国内外著作概述》，《宁夏大学学报》（人文社会科学版）2003 年第1 期，第61—66页。

[⑥] 杨志高：《二十世纪西夏学论著资料索引》，《二十世纪西夏学》，宁夏人民出版社，2004年，第277—478页。

夏学论著目录（2001–2015 年）》[①]。已出版的汇编成果为国内学届提供了俄罗斯西夏学研究成果目录，但也存在收集不全面、翻译不准确或俄文信息 录入不正确等问题。笔者在自己博士学位论文《俄罗斯西夏学史研究》附录三 ——《俄罗斯西夏学研究成果目录》中对相关问题进行了研究和更正，在此不一一赘述。

第三，介绍克恰诺夫西夏学成果并开展评论，典型的如聂鸿音为《西夏文佛教文献目录》《孔子和坛记》和《唐古特国“新法”译释》撰写的读后感。聂鸿音认为“克恰诺夫教授的这部新著 在著录文献的广度和深度上都大大超过了此前的所有研究其中‘目录’部分著录迄今识别出 的西夏文佛教典籍 768 种，对每种典籍都尽可能详细地介绍了经题、原本出处、装式、行格、残 损情况、纸张和款题，提供的大量第一手资料都是学界此前从不知道的，其对于西夏学和佛教史 研究的巨大价值自不待言我们在克恰诺夫教授《目录》中看到一些瑕疵，大都是固守这种传 统的逐字对译法造成的克恰诺夫教授对西夏语法规则当然是烂熟于心的，但他却没有把这一规则始终如一地贯彻到翻译实践中去，以致在《目录》中仍存在一些不合汉语习惯的‘硬译’经题。”[②] “我们感谢克恰诺夫教授又为学术界提供了一种前所未闻的道家新书并进行了精彩的阐释，他的著作将对中国文献史和西夏文化史的研究起到有益的推动作用。”[③] “对《新法》的俄 文翻译和详细的注释显示了一位杰出学者令人羡慕的博学和成熟的判断力。相比之下，中国的西 夏学者，包括我自己，经常通过不流畅的翻译和没有任何注释的翻译来表达他们对西夏语句的可 疑理解。克恰诺夫的《唐古特国新法》为

[①] 周峰：《21 世纪西夏学论著目录(2001—2015 年)》，《古典文献研究辑刊》第二十八编第五册，台湾花木兰文化事业有限公司，2019 年。

[②] 聂鸿音：《〈西夏文佛教文献目录〉读后》，《西夏学述论》，甘肃文化出版社，2018年，第90—94页。

[③] 聂鸿音：《〈孔子和坛记〉读后》，《西夏学述论》，甘肃文化出版社，2018年，第97 页。

研究者提出了一个新的标准。”[①] 聂鸿音不仅褒扬了克恰诺夫所做的突出贡献，还举例分析了其著作中存在的翻译理解错误问题，有理有据，论证翔实。

第四，评析克恰诺夫西夏学研究。史金波、李范文总结并高度评价了克恰诺夫在西夏学研究领域做出的贡献。史金波认为“克恰诺夫教授对西夏研究的贡献是多方面的，其学术成就多带有开创性，非一般人所能企及。克恰诺夫教授是国际西夏研究的一座令人敬仰的丰碑。”[②] 李范文认为：“当代俄国学者对西夏学做出杰出贡献者首当克恰诺夫。”[③] 也有学者指出克恰诺夫西夏学成果中的错讹之处，如黄振华列举了《西夏史纲》一书中 30 处史料征引错误，“我们通读《西夏史稿》全书，竟发现作者许多论断都出于误读汉文史籍文句，造成不应有的常识性错误，这自然不能不影响到作者论断的正确性。”[④] 吴光耀批驳了克恰诺夫“把西夏、党项族说成为外国、外族”的“谬论”[⑤]。针对克恰诺夫认为“西夏是独立国家”的论断，黄振华给予有力批驳：“这不是实事求是，因为大量史料证明，西夏自始至终接受唐、宋、辽、金封号，在建立官制、法制、兵制、学制、立法和文化等方面，均受我国当时中央政权影响。符合史实的正确论断应当是：西夏是中世纪中国地方割据政权，而不是独立国家。”[⑥] 李华瑞认为“毋庸置疑，俄罗斯西夏学界因长期独占黑水城出土西夏文文献，得天时地利，对国际西夏学做出重大贡献，但是

[①] 聂鸿音：《克恰诺夫所著〈唐古特国“新法”译释〉》，《西夏学述论》，甘肃文化出版社，2018 年，第 148 页。

[②] 史金波：《西夏学的丰碑 —— 克恰诺夫教授西夏研究的重要贡献和影响》，《华西语文学刊》 第六辑，2012 年，第10、17 页。

[③] 李范文：《克恰诺夫与黑水城出土文献 —— 祝嘏克氏八十华诞纪念》，《西夏研究》2010年第2期，第5 页。

[④] 黄振华：《评苏联近三十年的西夏学研究》，《社会科学战线》1978年 第2期，第313页。

[⑤] 吴光耀：《西夏疆域之形成与州府建置沿革 —— 兼斥克恰诺夫关于西夏疆域的谬论》，《武汉大学学报》（社会科学版）1982年 第1期，第90页。

[⑥] 黄振华：《评苏联近三十年的西夏学研究》，《社会科学战线》1978 年 第 2 期，第 313 页。

俄罗斯学者对西夏历史的看法多基于俄罗斯和欧洲中心论的价值标准，以及他们为读汉文献能力所限，并不能算是真正对于西夏历史的理解之论，甚至存有某种偏见。”[①] 针对克恰诺夫等俄罗斯学者认为“西夏是中亚国家”等错误论断，如克恰诺夫在《唐古特国史纲》中指出“西夏在中亚发挥着重 要的政治作用，并在长达近两个半世纪的存续期间与远东地区最强大的国家宋、辽（辽灭亡后是女真金）并立，形成三足鼎立之势。”[②] 李华瑞进行了批评。他认为克恰诺夫“在史观上也存在 错误 ... 就西夏历史文化而言，其建立和发展是中华历史文明史的一部分，这是毋庸置疑的。”[③] 杜建录在讲座中强调“要从各民族交往交流交融的角度研究西夏历史；要坚持正确的历史观、文化观、民族观、祖国观，把西夏文明作为中华文明的组成部分来研究”[④]的正确立场。在 2022 年 6 月俄罗斯科学院东方文献研究所举办的“21 世纪西夏学的研究视角与问题”国际学术会议上，杜建录特别强调“克恰诺夫认为西夏是中亚国家的论断是错误的”，并阐明正确观点 ——“西夏是中华民族共同体的重要组成部分”。他提出“无论契丹建立的辽朝，还是党项建立的西夏以及女真建立的金朝，都是包括汉族在内的多民族政权，其文化在多样杂糅的基础上，占主导地位的是中华传统文化，最有意义的是，三个政权都自认为是中国而非夷狄。这种文化上的认同，是历史上中华民族共同体的重要体现，值得我们进一步深入探讨。”[⑤]

[①] 李华瑞：《西夏是一个中亚国家吗？—— 评俄国近三十年的西夏史研究》，《西夏学》2020 年 第1 期，第47 页。

[②] [俄] *Попова И.Ф.* Евгений Иванович Кычанов (1932-2013) // Письменные памятники Востока. – 2013. – № 1 (18). – С. 304.

[③] 华瑞：《西夏是一个中亚国家吗？—— 评俄国近三十年的西夏史研究》，《西夏学》2020 年 第 1 期，第46 页。

[④] 宁夏大学西夏学研究院：《杜建录教授为全院师生作“铸牢中华民族共同体视域下的西夏学研究”专题辅导报告》，2021 年 10 月 30 日（https://xixia.nxu.edu.cn/info/1073/3466.htm）。

[⑤] 杜建录：《民族交往交流交融中的西夏文化》，《光明日报》2022 年 10 月 8 日。

四、结语

克恰诺夫对西夏学的研究做出了突出贡献。各国学者对克恰诺夫西夏学研究成果已进行了卓富成效的评介，为后续研究奠定了坚实基础。总体而言，与在俄罗斯、日本和欧美的译介评析现状不同，中国学者对克恰诺夫西夏学研究成果的翻译与评价成果数量更加丰富，使得克恰诺夫西夏学研究成果在中国的传播更为广泛。但已有研究仍存在一定的局限性，例如：评介方面缺乏系 统性和精细化，缺乏既能从整体上准确评析克恰诺夫西夏学成果、又能分领域对其研究方法、研究内容和学术观点展开具体阐述。此外，缺乏对同时代、同领域各国西夏学研究成果的综合对比研究。例如中、俄、日学者都研究西夏文献、语言文字、历史、法律、社会等内容，但目前少有学者探究、对比和评价各国学者研究观点及结论的异同等问题。

翻译和评介克恰诺夫西夏学研究成果极具现实意义。能够扩充俄罗斯西夏学学术史研究资料，丰富中国学者域外西夏学史研究资料，增进学界对俄罗斯西夏学研究者及其研究成果的关注和了解，还能够为将来全面而客观评价俄罗斯西夏学学术史提供参考资料及研究思路。此外，能够拓展西夏学和俄语专业师生研究领域。译介研究俄罗斯西夏学成果，开拓研究思路，推动西夏学与俄语跨学科研究优势互补，形成特色。

西夏学研究是中俄两国学者共同关注的学术领域。译介研究克恰诺夫西夏学研究成果有助于 为中俄西夏学联合研究提供新的研究成果，为推动国际西夏学学术交流与合作、中俄人文合作实 质性交流及两国全面战略协作伙伴关系的发展做出应有贡献。因此，我们呼吁更多学者参与到译介域外西夏学研究成果的队伍中来，为西夏学的发展添砖加瓦。

Ван Ин

Переводы и комментарии к исследованиям Е.И. Кычанова по Западному Ся

Резюме: Профессор Кычанов – всемирно известный специалист в области исследования западного Ся, учёный с самым широким спектром изучения Западного Ся и самыми значительными трудами в России по этим вопросам. Его каталогизация и сопоставление документов, найденных в городе Хэйшуй (Хара-Хото), труды по истории государства и права Западного Ся, составление современного словаря Западного Ся представляют собой высочайший уровень исследований Западного Ся в России. Учёные со всего мира давно обратили внимание на профессора Кычанова и его научные результаты исследований Западного Ся, а также сопоставили и каталогизировали некоторые результаты его исследований Западного Ся, представили переводы на китайский язык и комментарии к ним.

Ключевые слова: Е.И. Кычанов; Западное Ся; переводы.

Ван Ин (род. в 1983 г.) – доктор юридических наук, доцент факультета иностранных языков Университета Нинся (г. Иньчуань, *Китайская народная республика*), в основном занимается историей китайских этнических меньшинств (направление истории и литературы Западного Ся), исследованиями русского языка и литературы.

E-mail: WANGYING_EYU@163.COM

УДК 93/94, 94(510)

Шаталов О.В.

Сплетая венок...

Рассказать о Евгении Ивановиче Кычанове в немногих словах вряд ли возможно в силу несомненной колоссальности и абсолютной неординарности этого выдающегося учёного и замечательного человека, но и оставить без внимания предоставленную возможность поделиться хотя бы маленькой толикой памяти о нём я тоже не имею права. Современный учёный мир приметно беднеет на яркие фигуры и выдающиеся научные события, если за основу данного утверждения взять исключительно область гуманитарных наук, изъяв из этого числа лишь некоторые направления исследовательской мысли. И это, безусловно, не укор, а всего лишь констатация того непреложного факта, что многое из того, что становится объектом изучения, или уже было тщательно изучено ранее или не может быть подвергнуто удовлетворительному изучению из-за недостатка имеющихся разнородных и аутентичных материалов для исследования. Именно в этом контексте уместно привести слова ленинградского китаеведа Виктора Васильевича Петрова (1929-1987) о своём учителе – академике Василии Михайловиче Алексееве (1881-1951) – когда он, сравнивая масштабы научной деятельности двух поколений учёных, своего великого предшественника уподоблял тигру, а себя всего лишь на всего котёнку. Данное уподобление можно смело экстраполировать и на те множественные случаи, когда речь заходит о первопроходцах в науке и тех, кто следует за ними.

Однако, говоря о Евгении Ивановиче, отмечая его несомненное и подлинное величие, как специалиста-востоковеда и разностороннего учёного, мы должны чтить в нём и замечательные качества челове-

---

Шаталов Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (*Россия*, г. Санкт-Петербург, Казанская улица, д. 3Б).

E-mail: oleg-5577@yandex.ru

С 1989 по 1999 гг. работал в должности младшего научного сотрудника Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР, а затем Сектора Центральной Азии СПбФИВ РАН. В период с 1999 по 2011 гг. работал доцентом на факультете международных отношений Воронежского государственного университета. С сентября 2011 г. по июль 2022 г. в качестве профессора преподавал в ряде китайских университетов провинций Цзянсу, Цзилинь и Хэйлунцзян.

ка, весьма неординарной личности, о которых он всегда свидетельствовал только своим личным примером, никогда не прибегая к велеречивым нравоучениям и назойливым наставлениям. Учитель был с избытком наделён великим тактом человеческого общения. В нём нас обычно подкупали: всегдашняя спокойная и несуетливая манера говорить; неторопливость и внятность тона; умение и готовность выслушать мнение собеседника, независимо от его статуса и роли в жизни коллектива; постоянная и неформальная забота о личных проблемах сотрудников и учеников сначала руководимого им сектора, а затем и целого института. Поразительным казалось его умение в одиночку браться за трудоёмкие и по времени затратные научные проекты, впоследствии гранты и доводить их до логического конца. Удивляла разносторонность его научных интересов: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации и национальные меньшинства КНР, история востоковедения, на каждом из этих направлений добиваясь весомых научных результатов. При этом, обладая врождённой и непритворной скромностью, Евгений Иванович часто преуменьшал или невысоко ценил значение тех своих работ, которые находились, как он считал, вне основной сферы его научных штудий. Так в беседе с нидерландским учёным Д. Схиммельпэннинком ван дер Ойе он сказал, что «написание истории востоковедения было любимым времяпрепровождением российских ориенталистов на пенсии». И это было сказано учёным, который ещё в 1978 году в соавторстве с Л.Л. Громковской выпустил замечательную монографию о Николае Александровиче Невском, память которого он глубоко чтил и считал одним из самых выдающихся российских учёных. Как не упомянуть о даре Евгения Ивановича, как писателя, который наглядно проявился в большой серии научно-популярных книг, открывших целому поколению советских читателей удивительный мир Востока: «Звучат лишь письмена» (М., 1965); «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» (М., 1973), «Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры» (в соавторстве с Л.С. Савицким, М., 1975). Уже после кончины Евгения Ивановича, благодаря стараниям его дочери, мы узнали ещё об одном таланте учёного – мемуаристе.

Евгений Иванович был также одарённым и прекрасным лектором. Однажды в институте в рамках свободного лектория для жителей Ленинграда он читал лекцию о Чингис-хане, на которой мне при-

шлось быть. Во время вдохновенного рассказа об особенностях тактики монгольской конницы, которая во время ложного отступления прибегала к так называемому «варварскому» способу стрельбы из лука (слева–сзади), он своим невозмутимым голосом так поднял градус настроения в читальном зале института, отведённом для этого мероприятия, что многие из слушателей стали невольно прикрываться подручными средствами (сумками, сиденьями стульев, просто руками) от невидимо летящих и разящих стрел всадников.

Не могу не вспомнить ещё об одном великом даре Евгения Ивановича – быть прекрасным другом (союз Евгения Ивановича с О.Ф. Акимушкиным и Л.С. Савицким институтская молодежь называла «тремя мушкетёрами»). И, конечно же, очень трогательной была дружба Евгения Ивановича с ярчайшим учёным-японистом и колоритнейшим человеком – Михаилом Васильевичем Воробьёвым, с которым он крепко был связан общим профессиональным интересом и разительной схожестью характеров.

УДК 93/94, 94(510)

Ши Шу

Памяти моего научного руководителя Евгения Ивановича Кычанова

Прошло 15 лет с тех пор, как я защитила кандидатскую диссертацию. И я так и не вернулась в Санкт-Петербург. Я пообещала своему научному руководителю, что вернусь повидаться с ним когда-нибудь в будущем, но так и не сделала этого. Недавно я узнала, что выйдет юбилейный сборник в память о моём дорогом руководителе – Евгении Ивановиче Кычанове, и мне действительно захотелось поместить в нём свои собственные воспоминания о моём дорогом наставнике.

За десять лет учёбы в России я всегда глубоко интересовалась историей китайско-зарубежных культурных обменов. Моя специальность – религиоведение, поэтому для получения степени магистра я выбрала изучение истории распространения иностранных религий в Китае во времена династии Тан. Когда я поступила аспирантуру, мне посчастливилось получить рекомендацию известного китаеведа профессора Решидова, и я стала учеником Е.И. Кычанова. Когда я впервые вошла в кабинет учёного Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Академии наук, Евгений Иванович произвёл на меня впечатление очень дружелюбного человека. После того, как я выразила своё намерение попросить его стать моим научным руководителем, я подумала, что он может не согласиться, но чего я не ожидала, так это того, что Евгений Иванович сразу согласится.

Когда я предложила продолжить свои исследования по истории китайско-зарубежных религиозных культурных обменов, Евгений Иванович горячо поддержал мою идею, но он также указал, что предложенный мной объём исследований был слишком широким, поэтому он посоветовал мне очертить более конкретную область исследования. По его совету область исследований моей кандидатской диссертации было ограничена изучением распространения христианства и ислама в Китае во времена династии Тан. Поскольку мои исследования должны опираться на большое количество китайской литературы, мой дорогой руководитель предоставил мне доступ к библиотеке Института востоковедения и порекомендовал мне много соответствующей литературы. Это очень помогло моим исследованиям.

Евгений Иванович очень трудолюбивый человек в своей науч-

ной работе. Всякий раз, когда я отчитывалась о своих исследованиях перед руководителем, он никогда строго не критиковал меня. Он очень хорошо понимал мои трудности как иностранки. Он внимательно читал мои работы, которые я предоставляла, и мягко указывал, где их следует доработать. Каждый раз, когда я ходила в Институт востоковедения, чтобы отчитаться перед руководителем о состоянии моих исследований и общей ситуации, я часто видела Евгения Ивановича выходящим из хранилища древних текстов. На руках были видны следы от перелистывания древних документов. Тогда я глубоко прочувствовала его любовь к науке, хотя ему тогда было около 80 лет – уже преклонный возраст. Такой его энтузиазм в научных исследованиях оказал на меня глубокое воздействие.

Евгений Иванович также поощрял меня публиковать статьи в сборнике «Письменные памятники Востока». В то время вышел журнальный номер, который содержал мою статью. Хотя тогда я уже возвратилась в Китай, и у меня не было постоянного телефонного номера, Евгений Иванович всё-таки, в то время, когда он приехал в Китай для участия в научной конференции, попросил китайских учёных найти меня и передать мне журнал. В конце концов, я получила этот журнал.

После того, как я закончила свою учёбу и исследования, я вернулась домой в Китай. Каждый год накануне Нового года я звонила своему наставнику, чтобы передать поздравление. Наставник всегда любезно расспрашивал меня о моей текущей ситуации и любезно просил меня не тратить деньги на международные звонки. Каждый раз, когда я спрашивала Евгения Ивановича как у него дела, он всегда отвечал, что всё в порядке, и он всё ещё занимается исследованиями. В 2013 году, поскольку я была занята разными делами, поэтому забыла позвонить Евгений Ивановичу. Только перед Новым 2014-м годом я захотела снова поздравить своего наставника с Новым годом. Когда я узнала о его смерти, мне было очень грустно. Так жаль, что я не успела услышать его слова в последний раз. По сей день у меня всё ещё нет возможности вернуться в Петербург, и мне очень жаль.

Я всегда помню и буду помнить моего дорогого учителя, уважаемого наставника, помню его слова, его дружелюбную улыбку, помню его профессионализм, и его строгость к науке!

17.09.2023 г.

Ши Шу,
Хэйлунцзянский университет КНР

УДК 340.15, 340.152, 340.153, 94(510)

Суровень Д.А.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЫЧАНОВ
КАК ИСТОРИК ПРАВА

В статье проанализирована научная деятельность Евгения Ивановича Кычанова как историка права. Показан огромный вклад учёного в развитие российской науки истории права. Проанализированы его научные достижения в исследовании тангутского, тибетского, монгольского и китайского государства и права.

Ключевые слова: тангутское государство и право; тибетское государство и право; монгольское государство и право; китайское государство и право.

Евгений Иванович Кычанов был человеком чрезвычайно одарённым. Его таланты проявились в разных сферах научных исследований. Он – знаменитый востоковед, китаевед и тангутовед, специалист по средневековой монгольской истории. Но кроме этого научные дарования Евгения Ивановича проявились и в такой специальной научной сфере как история права – Евгений Иванович является ведущим специалистом по тангутскому и тибетскому праву, монгольскому праву, а также – большим знатоком средневекового китайского права. Именно эту сферу проявления талантов Е.И. Кычанова мы попытаемся осветить в данной статье.

Изначально Евгений Иванович исследовал проблемы возникновения и развития тангутского государства Си Ся (982-1227) и, в силу этого, так или иначе касался вопросов государственного права, характеризуя те или иные институты государственного управления тангутов. Этой теме была посвящена кандидатская диссертация, защищённая в 1960 году[1], а также ряд статей. Одна из первых, написанная

Суровень Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (*Россия*, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21). *E-mail*: Yamato.ur@mail.ru

[1] *Кычанов Е.И.* Государство Си Ся (982–1227). Автореф. … канд. ист. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: ЛГУ, 1960. – 20 с.; *Кычанов Е.И.* Государство Си Ся (982–1227 гг.). Дис. … канд. ист. наук / Науч. рук. ст. науч. сотрудник, канд. ист. наук З.И. Горбачева; АН СССР, Ин-т востоковедения, Ленингр. отд-ние. – Л., 1960. – [1], [1], 372, [5], [1], [2] л.

по теме диссретационного исследования – «Государственное устройство Си Ся» (1959 г.) посвящена государственному строю тангутского государства, где характеризуется система органов государственного управления Си Ся.[1] Тема была продолжена в статье «Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся» (1965 года).[2] Евгений Иванович подчёркивал: «Как бы ни были ценны китайские источники, они дают нам информацию из вторых рук, часто отрывочную, требующую систематизации и тщательной проверки. Поэтому только комплексное использование и тангутских, и китайских источников поможет нам нарисовать приблизительно верную картину истории Тангутского государства».[3]

В данной статье исследовались обнаруженные в тангутской коллекции ЛО ИНА «Табель о рангах» и перечень административных учреждений Си Ся в десятом томе «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания (1149-1170)» – переводы данных текстов с комментариями приведены в этой работе.[4] Статья содержит информацию, относимую к сфере правового регулирования государственного и административного права (различные ведомства и управления, а также титулы разных рангов).

Е.И. Кычанов установил, что в Си Ся существовала система деления государственных учреждений на пять классов и семь рангов титулов тангутских чиновников и сановников.[5] Во фрагменте 10-й главы свода законов эпохи Небесное Процветание содержится подробный перечень различных ведомств и управлений.[6] Перечень титулов дал учёным сведения о существовании в Си Ся ряда учреждений, неизвестных ранее, наличие которых лишь предполагалось. Это прежде всего управления, ведавшие различными государственными мастер-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Государственное устройство Си Ся // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А.А. Жданова, № 281. Сер. востоковедческих наук. Вып. 10: История и филология Китая. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – С. 103-115. К сожалению, данная статья в интернете не имеет свободного доступа.

[2] *Кычанов Е.И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии. № 69: Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1965. – С. 180-196, 210-218.

[3] Там же. С. 180.

[4] Там же. С. 182-195.

[5] Там же. С. 195.

[6] См.: Там же. С. 182-186.

скими, управления высшими тангутской и китайской школами, музыкой.[1]

Из китайских источников тангутоведы знали о существовавшей в Си Ся практике передачи должностей по наследству.[2] Но в тангутских законах порядок наследования должностей разработан досконально, с точным указанием прав наследования всех родственников различных степеней родства по мужской и женской линиям. В источнике, в частности, говорится (т. X, с. 7 б, инв. № 170): «Среди сыновей и внуков гражданских, военных и ...(?) чиновников, состоящих на службе в государственных учреждениях, должности наследуют представители знатных фамилий (букв.: “больших семей, фамилий”, кит.: 大姓). Наследование должностей представителями незнатных (малых) фамилий не разрешается. Если же закон будет нарушен и должность наследует представитель незнатной фамилии, то повинные в этом чиновники наказываются тринадцатью ударами палкой».[3]

Гла̀вы тех или иных учреждений Си Ся не могли занимать свои посты более трёх лет. В своде законов (т. X, с. 1 б) говорится: «Главы всех управлений и присутствий, больших и малых, подлежат замене по истечении трех лет [службы]. Не подлежащие замене должны продолжать свою деятельность. По прошествии трех лет подготовки к их (чиновников) замене осуществляется по указанию (ведомств – *С.Д.*) *Чжуншу* и *Шуми*».[4] Так, в одном месте мы читаем (т. X, с. 14 а): «Все чиновники при получении служебного ранга не имеют права вносить в жалуемую при этом грамоту свою фамилию и титул, если не получено на то правительственное предписание. В случае нарушения закона виновные наказываются тринадцатью ударами палкой».[5] Как и в чжурчжэньском государстве Цзинь, наказание тангутских чиновников палками, по-видимому, было весьма распространённым явлением. Законы предусматривали телесные наказания за самые разнообразные преступления.[6]

---

[1] Там же. С. 195.
[2] Там же. С. 195. См.: *Кычанов Е.И.* Государственное устройство Си Ся. С. 111.
[3] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся. С. 196.
[4] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 196.
[5] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 196.
[6] *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 196.

Характеристике возникновения, территориальной протяжённости и границ государства Си Ся посвящена статья «Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина».[1] Автор указывал, что тангутское государство занимало большую территорию, протянувшуюся вдоль северных склонов Наньшаньских гор. На западе, в районе современных городов Дуньхуана и Юймыня, оно граничило с *уйгурами*, на севере, в устье реки Эдзин-гол и по южной границе пустыни Гоби – с племенами *дадань*, на севере и северо-востоке, по реке Хуанхэ – с киданьской империей Ляо, на востоке, юго-востоке и юге – с пятью областями Сунской империи: Линьфу, Фуянь, Хуаньцин, Цзинъюань и Сихэ, на юго-западе – с тибетскими племенами.[2] Е.И. Кычанов в данном исследовании проявил источниковедческое мастерство. В связи с тем, что до нас не дошли подробные карты Тангутского государства и его областей, которыми, несомненно, располагали как сами тангуты, так и китайцы, учёный указал на необходимость использования китайского рукописного атласа карт тангутского государства объёмом 38 страниц (хранившийся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина).[3] В статье приведена фотокопия карт, изображающих территорию государства Си Ся, и сделан перевод Введения к атласу и комментариев к картам, установлено время составления атласа и её первоисточников.[4]

Старинная сунская карта, воспроизведённая в атласе, помогает проверить точное местоположение центральных округов Ся – Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу, Яньчжоу и др. Она даёт возможность установить местонахождение городов Шичжоу, Хуайчжоу и Юнчжоу, которое до этого оставалось неясным. Карта помогает точно установить места дислокации тангутских армий и центры военных округов, один из которых, Чжэньяньцзюнь в г. Хэйчэн, расположенный на реке Хэйшуй [Эдзин-гол], можно смело отождествить с городом Хара-хото, много лет тому назад обогатившим науку ценной коллекцией тангутских ру-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // Страны и народы Востока. Выпуск I. География, этнография, история. – М.: ИВЛ, 1959. – С. 204-212.
[2] *Кычанов Е.И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся… С. 204.
[3] Там же. С. 205.
[4] Там же. С. 205-210.

кописей.[1] Исследование Е.И. Кычанова ввело в научный оборот данный источник по истории тангутского государства.[2]

Дополнительный материал по истории государства и права тангутов (описание некоторых правовых обычаев и правовых предписаний тангутов [кит. *дансян*], приводимые в китайских источниках) даёт статья «Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов» (1959 г.).[3] Описаны бытовые обычаи, внешний облик и одежда тангутов[4], хозяйство и жилища тангутов[5], брачные и похоронные обычаи тангутов[6], характеризуется обычай кровной мести[7], обычаи в сфере международных отношений[8], религиозные обычаи.[9] Сделан вывод о сходстве с обычаями и обрядами тибетцев и других тибетоязычных народов Китая.[10] Продолжением данной тематики стали статьи «Сведения источников XII в. о чжурчжэнях, монголах и татарах» (1960 г.)[11] и «Из истории буддизма в государстве Си Ся» (1961 г.).[12] В связи с данным направлением исследований Е.И. Кычанова не осталась в стороне от его научных интересов история общества и государства *чжурчжэней*, как одного их народов, обитавших на территории Китая и создавших там своё государство.[13]

---

[1] Там же. С. 210-211.
[2] Там же. С. 212.
[3] *Кычанов Е.И.* Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов // Советская этнография. –1959, июль-август. – № 4. – С. 110-115.
[4] Там же. С. 111, 112-113.
[5] Там же. С. 112-113.
[6] Там же. С. 113-114.
[7] Там же. С. 114.
[8] Там же. С. 114.
[9] Там же. С. 114-115.
[10] Там же. С. 115.
[11] *Кычанов Е.И.* Сведения источников XII в. о чжурчжэнях, монголах и татарах // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений [Подсекция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. Сообщения]. – Иркутск: [б. и.], 1960. – Ч. V. – С. 27-30.
[12] *Кычанов Е.И.* Из истории буддизма в государстве Си Ся // Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. – М.: ИВЛ, 1961. – С. 140-157, 254-255.
[13] *Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Вып. 2: Сибирский археологический сборник (Материалы по истории Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. – С. 269-281; *Кычанов Е.И.* К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР: Материалы секции ис-

В основном направлении своих научных интересов, Е.И. Кычанов опубликовал ряд статей, посвящённых этнической истории тангутов: «К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам)» (1961 г.)[1], «К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо)» (1964 г.) (на русском и английском языках)[2], «К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо)» (1970 г.).[3] Е.И. Кычанов не исключал, что в этногенезе тангутских (кит. *дансян*) этногрупп могли принимать участие *сянбийцы*.[4] В 1970 году учёным был опубликован текст на языке оригинала, транскрипция и перевод с комментарием «Гимна священным предкам тангутов»[5], проливающим свет на раннюю историю тангутов.[6]

Евгением Ивановичем с коллегами осуществлялась систематизация, делались переводы и публикация толковых словарей тангутского языка и источников по истории тангутского общества, государства и права.[7] В труде «Тангутские рукописи и ксилографы» VI-й раздел по-

---

тории дооктябрьского периода, археологии, этнографии и филологии народов Дальнего Востока IV Дальневосточной научной конференции [Владивосток, 5-9 октября 1965 г.] (Труды. Серия историческая / Дальневосточный фил. им. В.Л. Комарова АН СССР; Т. VI). – Владивосток: [б. и.], 1968. – С. 179-185.

[1] *Кычанов Е.И.* К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // Вопросы филологии и истории стран Советского и Зарубежного Востока. – М.: ИВЛ, 1961. – С. 148-160.

[2] *Кычанов Е.И.* К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо) / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). – М.: Наука, 1964. – 9, [1] с.; *Kychanov E.I.* On the problem of Tangut ethnogenesis (Topa–Weimin–Wamo) / VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (Moscow, August 1964). – M.: “Nauka” Publ. House, 1964. – 14, [1], [1] p.

[3] *Кычанов Е.И.* К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3-10 августа 1964 г.). Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IX. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 440-445.

[4] *Кычанов Е.И.* К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо). С. 8.

[5] *Кычанов Е.И.* «Гимн священным предкам тангутов» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 217-231

[6] См.: Там же. С. 217, 230.

[7] *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Предисловие Н.И. Конрада. М.: ИВЛ, 1963. – 173 с.; Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Ч. 1. / Пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского.– М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 607, [1] с.; Море письмен. Факсимиле

священ памятникам тангутского законодательства: «Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин»[1] (тангут. 𗤶𗥤𗍊𗥤𗍊𗥤𗍊𗥤𗍊𗥤 *Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси*[2] – Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания [1149-1170 гг.]) и «Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин мин цзянь» (Оглавление к Измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи Небесного процветания)[3] (разд. 55)[4], содержание которого Е.И. Кычанов охарактеризовал так: «Свод законов тангутского государства годов правления *Тянь-шэн* (1149-1170), всесторонне иллюстрирующий жизнь населения страны и содержащий характеристику всех государственных учреждений Си-ся».[5] Продолжением данного законодательства стали так называемые «Новые законы» (кит. *Синь фа*[6]; тангут. 𗥤𗍊 *Цзе сёу*[7]) (разд. 56); «Новые законы года *свиньи* [1212 г.]» (кит. *Чжу нянь синь*

тангутских ксилографов. Ч. 2 / Пер. с тангутского, вступ. ст. и прилож. К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 271, [1] с.; *Kychanov E.I.* Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) / XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July 16-22, 1973). Papers Presented by Soviet Scientists. – M.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1973. – 16 p.; *Кычанов Е.И.* Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. Сборник статей / Под ред. И.Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – С. 130-147. Историю появления тангутской письменности и характеристику тангутских рукописей см.: *Кычанов Е.И.* Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга вторая. – М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – С. 373-422.

[1] 天盛年改新定禁令 «*Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин*» (Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания [1149-1170 гг.]). – *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 68.

[2] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. // Общество и государство в Китае. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 75.

[3] 天盛年改新定禁令名剪 «*Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин мин цзянь*» (Оглавление к Измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи Небесного процветания). – Там же.

[4] *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 68-86.

[5] Там же. С. 86.

[6] 新法 «*Синь фа*» (Новые законы). – См.: *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 86-89.

[7] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 75.

фа[1]; тангут. [illegible]) (разд. 57); а также рукопись без названия, предположительно, законы, относящиеся к «Синь фа» и «Чжу нянь синь фа» (разд. 58).[2]

В 1974 году Евгений Иванович опубликовал статью, в водном разделе которой он кратко охарактеризовал историю разработки и принятия свода законов «Измененный и заново утвержденный кодекс законов периода Небесного процветания (1149-1169)».[3] Исследователь сообщает, что этот свод законов «был составлен по указу тангутского государя Жэнь-сяо (1139-1193) комиссией из 23 человек, в числе которых были: Вэймин Тхиндзиу, Вэймин [?]нде[4], Вэймин Тхикхва, Вэймин Ньджиндиеу, Шеулиен Шиопон, Вэймин [?][?], Хату, Вэймин Тундже, Хуань Ли-чжо, Валхи Канндиунджи, Чжао Цзы, Ян Ту, Мэн [?], Рунгхе [?][?], Ян [?][?], Э Ли, Вэймин Лиушань, Цзю Цзин-чжоу, Лвепу Ниекхие, Ян [?]чжун, Гхому [?]су, Пхали Киуцу и Сучжили. Таким образом, судя по именам членов комиссии, в её составе было, вероятно, пятнадцать тангутов и восемь китайцев. Из пятнадцати тангутов – семь принадлежали к правящей фамилии Вэймин. Глава комиссии Вэймин Тхиндзиу имел великокняжеский титул Северного *вана*, восемь следующих членов комиссии носили княжеский титул *гуна*. Все члены комиссии занимали высокие посты в различных руководящих учреждениях Ся. Три последних из перечисленных выше членов комиссии – тангуты Гхому [?]су, Пхали Киуцу и Сучжили имели официальные звания переводчиков с китайского языка».[5]

О проделанной комиссией работе, кроме её результата – самого свода законов – исследователи могут судить лишь по краткому предисловию к этому своду. В нём говорится: «Волею Неба путь ука-

---

[1] 猪年新法 «*Чжу нянь синь фа*» (Новые законы года *свиньи* [1212 г.]).). – См.: *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 89-90.

[2] См.: *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 90-92.

[3] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 309-326. История разработки и принятия данного свода законов дана в статье: *Кычанов Е.И.* Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах // Страны и народы Востока. Выпуск XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 137-138.

[4] Знак [?] означает лакуну в тексте или знак, чтение которого не установлено.

[5] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.). С. 309.

зующий, являющий воинскую доблесть, прославленный литературными заслугами, божественных замыслов и священномудрый, утверждающий справедливость и противоборствующий злу, умиротворитель, почитающий красоту император[1], почтительно унаследовав заслуги предков и продолжая хранить добродетели древности, стремясь целиком постичь замыслы мудрецов прошлого, пожелал исправить смысл великих законов. Поэтому мы, верноподданные сановники, сообща обсудили [этот указ], просмотрев старые и новые кодексы законов и сопоставив одни с другими, выявили [в них] неясное, сомнительное и вредное и, отобрав все то, что годилось для [нашего] народа, составили [кодекс] из двадцати глав. По высочайшему повелению [этот кодекс] назван ″Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания″. Когда вырезывание текста [законов] на досках для печатания было закончено, [кодекс] был представлен перед ступенями [трона].[2] Поскольку высочайшее повеление [о принятии законов] доведено до всеобщего сведения и [кодекс законов] вводится в действие в Поднебесной[3], то [впредь] надлежит поступать, исходя из имеющегося, в этих новых законах».[4]

«Таким образом, – делает вывод Е.И. Кычанов, – по свидетельству самих составителей ″Измененного и заново утвержденного кодекса″, их труд явился результатом изучения и переосмысления применительно к тогдашним тангутским условиям имевшихся ранее сводов законов, как тангутских, так и китайских, ибо китайское право к этому времени было уже отлично разработано и влияло на право народов Дальнего Востока. О тангутских законах до появления ″Измененного и заново утвержденного кодекса″ мы знаем крайне мало, за исключением сохранившихся фрагментов свода военного законодательства ″Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань

---

[1] Полный титул тангутского государя Жэнь-сяо (Жэнь-цзуна). – Там же. С. 322, прим. 3.

[2] Т.е. государю. – *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 322, прим. 4.

[3] Употребление тангутами термина “Поднебесная”, равнозначного китайскому “Тянься”, разумеется, означало введение новых законов только на территории Великого Ся (982-1227), а не по всему Китаю. Но этим подчеркивалась сила и величие тангутского государстве и его известные притязания на равенство с соседним Китаем и чжурчжэньским государством Цзинь. – Там же. С. 322, прим. 5.

[4] ″Измененный и заново утвержденный кодекс законов периода Небесного процветания″, гл. 1, стр. 16. Тангутский фонд ЛО ИВАН, Инв. № 2570. – Цит. по: *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 309-310.

(1101-1113)″.[1] Из китайских кодексов комиссия, очевидно, в первую очередь использовала танский уголовный кодекс ″Тан люй шу и″ (653 г., обнародован в 737 г.) и действовавший в то время в Китае кодекс Сунов ″Сун син тун″[2], составленный на основе танского (составление завершено в 959 г., опубликован в 963 г.). Следовательно, рецепция тангутским правом ряда положений китайского права может быть предусмотрена заранее».[3] Продолжением темы стала статья о данном своде законов XII в. (1983 г.).[4]

В исследовании 1980 года Евгений Иванович раскрыл причины того, почему этот свод законов и другие источники права оказались в Хара-Хото. «Его обнаружение в Эдзина-Хара-Хото, в застенном субургане одного из городов северной окраины тангутского государства, в месте, согласно данным ″Свода законов″ официально служившем для ссылки каторжан; не представляется удивительным. Ни одно административное учреждение тангутов не обходилось без ″Свода законов″ и дополнений к нему, ибо любое управление Великого Ся (982–1227) было и судом, где решались тяжбы и дела обвиняемых, находившихся в подчинении или ведении данного учреждения. Теперь уже очевидно, что в субурган при угрозе нашествия орд Чингисхана с севера были где-то в конце 1225 – начале 1226 г. упрятаны не только книги местного буддийского храма, но и часть бумаг местной администрации, в том числе и книги законов, ибо, только руководствуясь такими книгами, тангутский чиновник мог судить или миловать всех обоснованно или необоснованно попавших в поле зрения правосудия».[5]

Ещё один важный источник по истории права тангутов – это «Чжэнь-гуань юй цзин тун» (тангут. 綀氣蔣纔續 *Чхиа мбиоу сы ти*

---

[1] См.: *Кычанов Е.И.* Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101-1113 гг.)» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 229-243.

[2] См.: *Кычанов Е.И.* Понятие “простой человек” в кодексе «Сун син тун» // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 145-152.

[3] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 310-311.

[4] *Кычанов Е.И.* Кодекс Тангутского государства XII в. // Народы Азии и Африки. – 1983. – № 2. – С. 118-126.

[5] *Кычанов Е.И.* Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах. С. 137.

мбиу[1] – «Яшмовое зерцало управления годов *Чжэнь-гуань*» [1102-1114 гг.])[2] (разд. 59) – свод военных законов, относящихся к годам правления *Чжэнь-гуань*.[3]

Переводу данных законодательных актов в дальнейшем будет посвящена последующая научная деятельность Евгения Ивановича как историка права.[4]

Интересный источник, на который историкам права следует обратить внимание – фрагмент судебника или судебной (тюремной) книги без названия (разд. 60).[5] Лист разлинован на восемь колонок, из них первая – широкая и две обычных с ксилографическим текстом, гласящим: «Коли кто-либо прежде совершил много зла, в тюрьме необходимо указать ему на правила потайного поведения и характер его преступления, на то, велико оно или мало; содержать преступника на казенный счет не разрешается».[6]

В 1962-1963 годах Е.И. Кычанов опубликовал несколько статей, посвящённых международным отношениям *тангутов* и *уйгуров*[7], а также истории народов Средней Азии[8] и Дальнего Востока.[9] Тема ис-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 75.

[2] 貞觀玉鏡統 «Чжэнь-гуань юй цзин тун» («Яшмовое зерцало управления годов *Чжэнь-гуань*»). – *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Указ. соч. С. 92-93.

[3] Там же. С. 93.

[4] См.: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Пер. Е.И. Кычанова. В 4-х кн. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987-1989. – 464 с., 704 с., 620 с., 674 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 1–4); Новые законы тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангут., введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2013. – 501 с. (Памятники письменности Востока. CXL); Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101-1113) / Пер. Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2005. № 1 (2). – С. 5-34.

[5] *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 93.

[6] Цит. по: *Горбачева З.И.*, *Кычанов Е.И.* Тангутские рукописи и ксилографы. С. 93.

[7] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Т. 15). – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. – С. 146-153.

[8] *Кычанов Е.И.* Государство кара-китаев // История Киргизии. – Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1963. – Т. I. – С. 120-126; *Кычанов Е.И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Известия АН Кирг. ССР. Сер. обществен. наук. Т. V. Вып. 1 (история). – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – С. 59-65.

[9] *Кычанов Е.И.* Дальний Восток в XIII–XVI веках / Е.И. Кычанов, Э.В. Шавкунов // Материалы по древней истории Сибири = Древняя Сибирь. Материалы к I тому Исто-

следований была продолжена в 1966 (о народах Маньжурии и Приморья XIII–XVI вв. и их отношениях с Китаем династий Юань и Мин)[1] и 1968[2], 1970[3], а также 1971 г. (о набегах маньчжуров на Приморье)[4], 1973 г.[5], 1977 и 1978 гг. (новые материалы об этногенезе *дунган*)[6]. Статья «Тангуты и запад» (1971 г.) специально посвещена характеристике международных отношений *тангутов* со своими западными соседями – *уйгурами*, восточными *тибетцами*, *тюрками* (информация по истории международного права)[7]; статья «Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь» (1973 г.) – тангутско-чжурчжэньским отношениям (здесь также есть информация по истории международного права).[8]

Накопленный научный материал позволил перейти к более

рии Сибири. – Улан-Удэ: [б. и.], 1964. – С. 639-648.

[1] *Кычанов Е.И.* Дальний Восток в XIII–XVI вв. / Е.И. Кычанов, Э.В. Шавкунов // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти тт. Т. 1: Древняя Сибирь. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 402-408.

[2] *Кычанов Е.И.* Государство кара-киданей // История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – С. 140-142.

[3] *Кычанов Е.И.* О некоторых тангутских наименованиях соседних народов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Апрель 1970 года. – М.: ГРВЛ, 1970. – С. 87-89.

[4] *Кычанов Е.И.* Из истории Приамурья и Приморья в первой половине XVIII в. // [Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока]. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1971. – С. 60-63.

[5] *Кычанов Е.И.* Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии (Международный симпозиум в Улан-Баторе) / Е.И. Кычанов, Э.А. Новгородова // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 6. – С. 219-223. В 1974 году в Монголии вышел сборник материалов симпозиума на русском языке: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Материалы Международного симпозиума, 7-9 мая 1973 г. Улан-Батор. – Улан-Батор: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. – 408 с.

[6] *Кычанов Е.И.* Новые материалы об этногенезе *дунган* // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Часть 1. – М.: ГРВЛ, 1977. – С. 31-38; *Кычанов Е.И.* Новые материалы об этногенезе *дунган* // Советская этнография. – 1978, март–апрель. – № 2. – С. 95-99.

[7] *Кычанов Е.И.* Тангуты и Запад // Страны и народы Востока. Выпуск X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – С. 157-162.

[8] *Кычанов Е.И.* Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология) (Труды ИИАЭНДВ; Т. IX). – Владивосток: [Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока], 1973. – С. 136-142.

крупным формам научных публикаций. В 1968 году была опубликована монография по истории тангутского государства «Очерк истории тангутского государства».[1] Начиная данную работу Е.И. Кычанов написал: «До сих пор мы не располагаем ни одним исследованием, достаточно полно характеризующим историю тангутского государства… А между тем знание истории тангутского народа, несомненно, имеет немалое значение для изучения прошлого Центральной Азии в домонгольскую эпоху. Тангутский народ сыграл некогда заметную роль в жизни этого района и оказал влияние на культуру соседних народов. Изучение его прошлого поможет исследовать процессы становления государственности у соседних с Китаем народов, а также весьма актуальные вопросы взаимовлияния китайской культуры и местных самобытных культур народов Дальнего Востока и Центральной Азии».[2] Этот пробел как раз и должна была восполнить данная монография.

В 1968 году Евгений Иванович так сформулировал задачу для тангутоведов: «И если китайские источники не в состоянии дать ответ на многие интересующие нас вопросы прошлого тангутского народа, то, используя их, мы постараемся расшифровать тангутские письменные памятники, которые откроют новые перспективы в изучении культуры тангутского государства и, возможно, сопредельных стран и народов».[3]

Исследование имеет следующую структуру. После Введения (С. 3-10), где характеризуются китайские источники, содержащие сведения о тангутах и тангутском государстве, и историография Си Ся, идёт Глава первая «Тангутские племена до возникновения государства Си Ся», посвящённая проблемам этногенеза тангутского народа, происходящего от этнической группы *цянов*, называемой по-китайски *дансян* (С. 11-23).

Глава вторая «Возникновение независимого тангутского государства» (С. 24-51) рассказывает о создании самостоятельного государства тангутов в конце X века в борьбе против китайского государства династии Сун (960-1279 гг.), формировании собственной системы государственного управления (а, значит, и появления своего государственного права как отрасли правового регулирования государст-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. – М.: Наука, ГРВЛ, 1968. – 353, [3] с., [1] вкл. с картой.
[2] Там же. С. 3.
[3] Там же. С. 4.

венно-правовых отношений), своей системы международных отношений (что связано с историей международного права).

Глава третья «Государство Си Ся» (С. 52-135) содержит наибольшее количество информации, связанной с историей тангутского права (в том числе, и государственного права как отрасли правового регулирования). Автор касается происхождения названия тангутского государства, очерчивает границы территории страны (С. 52-57), характеризует различные обычаи тангутов (С. 67-79), экономическую систему (С. 79-99)[1], социальную структуру и правовой статус различных категорий населения (С. 99-108), систему органов государственного управления (С. 108-115), военную организацию (С. 115-132).

Глава четвёртая «Политика тангутского государства в период правления Юань-хао» (С. 136-166) касается внешнеполитических отношений тангутского государства с соседями, предоставляя информацию по истории международного права.

Глава пятая «Ослабление центральной власти и войны Си Ся в середине XI в.» (С. 167-209) характеризует внутреннюю и внешнюю политику тангутского государства, сообщая информацию по истории государственного и международного права.

Глава шестая «Тангутское государство на пути к новому подъёму (годы правления Цянь-шуня и Жэнь-сяо)» (С. 210-235) характеризует внутреннюю и внешнюю политику тангутского государства в конце XI – первой половине XII вв., также предоставляя информацию по истории государственного и международного права.

Глава седьмая «Тангутское государство во второй половине XII в.» (С. 236-258) характеризует внутреннюю и внешнюю политику тангутского государства второй половины XII столетия, содержит информацию по истории государственного и международного права.

Глава восьмая «Культура Си Ся» (С. 259-297) характеризует письменность и памятники письменности, просвещение, музыку, живопись тангутов, их религиозные верования.[2]

---

[1] Данная тема будет продолжена в статье: *Кычанов Е.И.* Из истории экономики тангутского государства Ся (982-1227 гг.) // Страны и народы Востока. Выпуск VIII. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – С. 113-121.

[2] В 1980 г. была опубликована статья на английском языке о юридическом аспекте взаимоотношений в Си Ся государства и буддийской церкви, находившейся под полным государственным контролем: *Kučanov E.I.* Buddhism and State in Hsi Hsia from juridical aspect // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1980. –

В последней, девятой главе «Гибель Си Ся» (С. 298-330) рассказывает о тангутско-монгольских[1], тангуто-чжурчжэньских отношениях и войнах, разгроме тангутского государства монголами (тем самым предоставляя информацию по истории международного права) и судьбах тангутов и их культуры после гибели государства Си Ся.

Данная монография, хотя не является специальным исследованием по истории права, тем не менее служит источником информации по истории тангутского трава и истории международного права в Центральной и Восточной Азии. Новым обобщающим исследованием по данной теме стала монография «История тангутского государства» 2008 года.[2]

Не остались без внимания исследователя обстоятельства падение государства Си Ся, охарактеризованные в статьях «Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся» (1970 г.[3], 2-е изд. 1977 г.[4]) и «Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана» (1965 г.).[5] Автор указывает, что «тангутское государство Си (Западное), или Да (Великое) Ся (982-1227), было первым большим государством, которое подверглось нашествию войск

T. XXXIV. – Fasc. 1-3. – P. 105-111. Ещё одна статья, связанная с буддизмом в Си Ся, это: *Kychanov E.I.* From the History of the Tangut Translation of the Buddhist Canon // Tibetan and Buddhist Studies. Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Kőros. Vol. 1 / Ed. by L. Ligeti. – Budapest: Akademiai Kiado, 1984 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIX/1). – P. 377-387.

[1] С данной тематикой связана статья: *Кычанов Е.И.* Тангутские (Си Ся) источники о татарах // Mongolica-VIII. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 34-36.

[2] *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 767 с. Исследование о статусе Дуньхуана как части тангутского государства см.: *Kychanov E.* 葉甫根尼•克恰諾夫. Dunhuang as Part of the Tangut Empire (982-1227) 敦煌作為西夏王國疆域的一部分 (982-1227) // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research 敦煌學:第二個百年的研究視角與問題. – St. Petersburg: Slavia Publishers, 2012. – P. 127-130.

[3] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 46-61.

[4] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. / Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 46-61.

[5] *Кычанов Е.И.* Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана // Краткие сообщения Института народов Азии. № 76: Материалы к хронике Советского востоковедения. История Монголии и Китая. – М.: Наука, ГРВЛ, 1965. – С. 154-165.

Чингисхана. Почти по всей северной границе[1], протянувшейся от Ордоса до Хамийского оазиса, вдоль южной окраины пустыни Гоби, тангуты граничили с татаро-монгольскими племенами[2]...[3] Как бы там ни было, именно тангутское государство стало первым объектом походов Чингисхана. Сам он в этом походе не участвовал, он воевал с найманами на Алтае».[4] Перед этим «тангуты выдержали семь кровопролитных войн с китайским государством Северное Сун и две больших войны с киданями, разгромили уйгуров, выиграли сражения с тибетцами и чжурчжэнями. Однако последние полвека перед первым нашествием монголов были годами мирной жизни тангутского государства. И давно не воевавшие тангуты не сумели дать должный отпор сильному врагу».[5] В статье на основе разных источников подробно анализируются перипетии войн тангутов против монголов 1205-1227 гг.[6] В 1227 году, во время смерти Чингисхана, «монголы, овладев столицей Си Ся, подвергли её страшному опустошению. Государство Си Ся перестало существовать… И тангутский народ и тангутская культура погибли от нашествия Чингисхана. Те, кто уцелел от меча завоевателей, постепенно ассимилировались тибетцами, монголами, китайцами. Лишь отрывочные сведения говорят о том, что среди современного населения предгорий Наньшаня могут быть найдены прямые потомки тангутов Си Ся. Самобытная тангутская культура ис-

---

[1] Тема тангутско-татарской границы в первой четверти XIII века исследуется в статье: *Кычанов Е.И.* Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся) // Mongolica-X. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. – С. 58-64. В статье подробно характеризуется устройство тангутско-татарской границы, организация пограничной службы тангутского государства первой черверти XIII века, законодательное регулирование режима приграничных территорий, контроля за торговлей в приграничных территориях, характеризуются события тангуто-монгольских войн данного периода.

[2] Сведения о татарах в тангутских источниках собраны и проанализированы в небольшой статье: *Кычанов Е.И.* Тангутские (Си Ся) источники о татарах // Mongolica-VIII. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 34-36.

[3] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. С. 46.

[4] Там же. С. 47.

[5] Там же. С. 47.

[6] Там же. С. 46-56. Важным источником о событиях весны 1225 г. стал документ из Хара-хото, составленный помощником командующего Хара-Хото, который перевёл и прокомментировал Е.И. Кычанов. – См.: *Кычанов Е.И.* Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 139-145.

чезла почти бесследно. Оригинальное тангутское письмо было забыто навсегда».[1]

Евгений Иванович показал последствия разгрома Тангутского государства в истории Китая. «Тангутское государство первым приняло на себя удар армий Чингисхана. Вражда Си Ся и Цзинь помешала этим странам объединиться в войне с Чингисханом, и это ускорило их гибель. При сунском дворе, как и за сто лет до этого, не поняли опасности, угрожавшей Китаю. Как когда-то северосунские войска помогали чжурчжэням добивать киданей, а потом половина Китая оказалась под властью Цзинь, так и в XIII в. южносунские полководцы оказывали помощь монголам в их походах на Цзинь, и во второй половине XIII в. весь Китай оказался в руках новых завоевателей. Китайский народ сотнями тысяч жизней заплатил за это…».[2]

По мнению учёного, эти события оказали воздействие и на судьбы народов Восточной Европы: «Завоевание Си Ся (1227), а затем и Цзинь (1234) задержало монголов на Дальнем Востоке по крайней мере на 10 лет и тем самым отсрочило их вторжение в Восточную Европу».[3]

В связи с той ролью, которую Чингисхан (он же – Темучжин) сыграл в гибели тангутского государства Си Ся, Евгений Иванович занялся исследованием сведений разнообразных источников (монгольских, китайских, среднеазиатских, ближневосточных, кавказских и европейских) о Чингисхане[4], в результате чего в 1973 году была опубликована книга «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир».[5]

---

[1] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. С. 56.
[2] Там же. С. 57.
[3] Там же. С. 58.
[4] Интересный сюжет, связанный с происхождением Чингис-хана, исследован в статье: *Кычанов Е.И.* Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана // Mongolica-VII. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – С. 57-58.
[5] *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. – М., Наука, ГРВЛ, 1973. – 142, [1], [1] с., с илл.; *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; Школа-Пресс, 1995. – 272 с: ил. Эта книга была издана на монгольском языке в 2000 году: *Кычанов Е.И.* Ертонцийг эзэгнэн дагуулсан тэмужиний уйламьдрал. – Улаанбаатар, 2000. В связи с монгольской тематикой можно отметить также: *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII вв. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980 (История и культура востока Азии). – С. 136-148: и статью Евгения Ивановича, опубликованную в Улан-Баторе: *Кычанов Е.И.* К вопросу об уровне социально-эконо-

В связи с историей монгольского права важным стало комментированное истолкование Е.И. Кычановым *билик* Чингис-хана.[1] Монгольское государство управлялось *ясой*-законом, *ясун*-обычаем и *биликом* (поучением, указом государя).[2] «У нас не так много источников, чтобы пытаться понять, какие идеи двигали лично Чингис-ханом и его сподвижниками в созидании монгольского государства, в организации власти. И в этом плане бесценным источником являются *билики* (поучения) Чингис-хана, частично записанные великим историком Чингисовой эпохи Рашид-ад-дином примерно через 70-75 лет после смерти великого хана. Вполне естественно, что его интерпретация была несколько субъективной. Рашид-ад-дин писал, что он "привел от себя эти *билики*"».[3] *Билики* Чингис-хана – это изречения, которые представляли собой доктринальный источник – теорию и идеологию имперского права. Они служили основой для правовых норм, *яс*, ярлыков и судебных решений. *Билики* предписывалось знать членам рода Чингис-хана, претендовавшим на ханский титул, и судьям монгольского имперского суда (*дзаргу*), чтобы руководствоваться не столько буквой, сколько духом представлений Чингис-хана о праве и законности. В монгольском государстве *билики*, которые государь был обязан издавать, доводились до сведения сотников и тысячников в начале и конце каждого года, повидимому, в ставке самого Чингис-хана и его преемников. Это были не просто поучения, часть их носила форму приказа (указа), которые могли приобрести характер прецедента и стать наряду с «Ясой» (Сводом законов) законом, ибо, если кто-то из правящего клана (*урук*, *уруг*) нарушал «Ясу», его можно

мического развития татаро-монгольских племен XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии = Төв Азийн иргэншилд нүүдэлчдийн роль (Олон улсын симпозиумын хэрэглэ-гдэхүүн) = Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia (A record of papers and discussions of the International UNESKO symposium). – Улан-Батор: ШУАХ = Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Үйлдвэр, 1974. – С. 165-170; о западных монголах см.: *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980 (Серия «Страны и народы»). – 189, [2], [1] с.; *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане; 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 208 с. В переводе на монгольский язык: *Кычанов Е.И.* Галдан бошгот хааны тужай (Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане). – Улаанбаатар, 2002. – 201 с.

[1] *Кычанов Е.И.* Билики Чингис-хана // Письменные памятники Востока. – 2006. – № 2 (5). – С. 210-216.

[2] Там же. С. 210.

[3] Там же. С. 210.

было наказать «согласно *биликам*».[1] В статье подробно анализируются и комментируются *билики* Чингис-хана.[2] Вывод, к которому пришёл исследователь: «…*билики* представляют собой значимый источник по истории раннего государства монголов, важный для понимания личных взглядов Чингис-хана, способствующий попыткам дать объективную характеристику его личности, вошли в тот подраздел ″Сборника летописей″, который Рашид-ад-дин озаглавил ″О качествах и обычаях Чингиз-хана″, т.е. полагал их важной характеристикой личности великого хана».[3] Ещё одна тема, связанная с персоной Чингис-хана – это анализ сведений источников о *кешиктенах* (гвардейцах великого *хана*).[4]

В 1968 году Евгений Иванович написал статью о государственных преступлениях (относящихся к сфере правового регулирования уголовного права) в тангутском законодательстве «Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя» (1968 г.).[5] Тангутский «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания» (1149-1169 гг.) начинается с законов, в которых говорится о преступлениях против государя и оскорблении памяти его предков. Злоумышлению против государя посвящено пять статей свода законов, из которых первая, в свою очередь, дополнительно разделена на девять параграфов. «Если некто, – говорится в первой ста-

---

[1] Там же. С. 210.

[2] Там же. С. 210-216.

[3] Там же. С. 216. В связи с вопросом об истории монгольского права следует указать, что Е.И. Кычанов был ответственным редактором издания: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI – XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / Перевод с монгольского, комментарий и исследование А.Д. Насилова; ответственный редактор Е.И. Кычанов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 160 с.

[4] *Кычанов Е.И.* Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 148-156. Данная статья вошла в сборник «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания», одним из редакторов которого был Евгений Иванович Кычанов. – См.: Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания» / Редакционная коллегия В.М. Солнцев (председатель), Л.К. Герасимович, С.Г. Кляшторный (зам. председателя), Е.И. Кычанов, А.Г. Сазыкин, К.Н. Яцковская. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 343 с.

[5] *Кычанов Е.И.* Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 года. – Ленинград, 1968. – С. 55-58.

тье свода законов, злоумышлял против государя: намеревался причинить ущерб княжескому достоинству, то, по выявлении наличия или отсутствия сговора и установлении вины, и главари, и соучастники в равной мере подлежат смертной казни путем разрубания. Члены семей (преступников): сыновья, братья, кровные родственники (также) несут ответственность и по конфискации скота и имущества с ними поступают по нижеустановлевному порядку».[1] Следующие девять параграфов этой статьи и определяли меру наказания родственников преступника в зависимости от характера преступления.[2]

Не менее суровыми были наказания за осквернение храмов и памяти предков государя: «Если какой-либо простолюдин по собственной воле, по злобе, забывчивости, не подумав, не мести или в гневе осквернит изображение, могилу или храм предков государя..., то по закону ею рассматривается так же, как злоумышление против государя».[3] Если осквернение не было совершено, но могло иметь место, зачинщик подлежал удавлению, а его помощники наказывались ссылкой и 12 годами каторжных работ. Ограбление храма или могилы предка в равной мере рассматривалось как злоумышление против государя и наказывалось смертной казнью путём разрубания.[4]

Исследователь пришёл к выводу, что «ознакомление с вышеизложенными, а также последующими разделами 1-го тома кодекса, показывает, что мы имеем дело с изложением так навываемых “десяти великих преступлений”, хорошо известных по китайскому уголовному законодательству – *люй*. В уголовном кодексе династии Тан (654 г.) и в кодексах всех последующих династий указанные выше преступления против государя навывались *моу фань* (умысел против государя) и *моу да ни* (умысел разрушить храм или могилу предков государя). Сопоставление статей танского уголовного кодекса (“Все, кто замыслит против государя или же будет иметь умысел разрушить храм или могилу предков государя, подлежат смертной казни через разрубание. Отец и сыновья преступника в возрасте 16 лет и старше – смертной казни через удавление…”) с соответствущими статьями

---

[1] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя. С. 55-56.
[2] Подробнее см.: Там же. С. 56-57.
[3] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя. С. 57.
[4] Там же. С. 57.

тангутского покавывает, что последний был составлен под прямым влиянием китайского законодательства. Это не удивительно, ибо хорошо известно, что кодексы законов Вьетнама, Кореи, Японии, не говоря уже о законах Ляо и Цзинь, испытали сильное влияние китайского законодательства, основу которого с середины VII в. составляли законы династии Тан».[1]

В статье 1969 года «Из истории экономики тангутского государства Ся (982-1227 гг.)»[2] Е.И. Кычанов касается некоторых вопросов истории права (а именно: права собственности на землю в обществе тангутов)[3], указывая: существовала купля-продажа земли, что подтверждается законами о купле-продажи земли.[4] Сделки с землёй (как основным средством производства) имели особый порядок правового регулирования («поэтому тангутское законодательство очень подробно регламентирует куплю-продажу земли»[5]), отчуждение земли происходило под контролем государства («о каждой сделке (с землёй – *С.Д.*) было необходимо доложить местной администрации»[6]). С юридической точки зрения купля-продажа земли является основанием возникновения права собственности; при совершении данной сделки право собственности от одного лица (продавца) переходит к другому лицу (покупателю): «Когда любой человек продает облагаемую податью землю, – говорится в законе, – то продавец из земельного реестра вычеркивается, а собственное имя покупателя (в реестр) вносится»[7], – цитирует тангутское законодательство Е.И. Кычанов. Государство здесь было заинтересовано в получении налога с земли с нового собственника земли (покупателя), который вносился в реестр налогоплательщиков вместо прежнего собственника земли (продавца).

Другим способом приобретения права собственности на землю было приобретение права собственности на бесхозную землю путём её занятия (лат. *occupatio*) и обработки. Тангутское законодательство

---

[1] Там же. С. 57-58.
[2] *Кычанов Е.И.* Из истории экономики тангутского государства Ся (982-1227 гг.) // Страны и народы Востока. Выпуск VIII. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – С. 113-121.
[3] Там же. С. 116-117.
[4] Там же. С. 116.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.

предусматривало, что «необработанную (целинную) землю вспахавший её во владение получает. Он и родичи его владеют ею вечно и имеют право продавать»[1], – указывает исследователь. Здесь, так же как в предыдущем случае, купля-продажа земли, как основание возникновения права собственности на землю, наряду с самим способом *occupatio* – указывала на существование в тангутском обществе частной собственности на землю.

В статье также анализируются правовые нормы, связанные с налоговым правом – об уплате налогов и выполнении трудовой обязанности[2]; правовые нормы, регулирующие торговые отношения.[3] В связи с этим следует обратить внимание на статью о денежном обращении у тангутов, написанной Е.И. Кычановым в соавторстве с Е.И. Лубо-Лесниченко.[4]

В 1971 году был опубликован (с транскрипцией текста оригинала и переводом на английский язык с комментарием) текст документа 1224 года из Хара-Хото (с фотокопией оригинала документа) – прошения командующего обороной Хара-Хото (с 1216 г.), тангутского чиновника Мбанина Ндзивувы тангутскому монарху Те-вану в связи с военной угрозой со стороны монголов, возглавляемых Чинчисханом (документ содержит сведения по истории тангутского государства начала XIII в.).[5]

Ещё одна статья 1971 года (на французском языке) была посвящена международным отношениям (войнам) династии Северная Сун и тангутского государства Си Ся.[6]

В 1972 году вышли две статьи, посвящённые тангутскому законодательству (т.е. по тематике непосредственно относящихся к историко-правовым исследованиям) – Своду военных законов «Яшмовое

---

[1] Там же. С. 117.
[2] Там же. С. 116-118.
[3] Там же. С. 119-121.
[4] *Кычанов Е.И.*, *Лубо-Лесниченко Е.И.* Монетное обращение в Хара-хото (по материалам находок) // Страны и народы Востока. Выпуск XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азия. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – С. 49-54.
[5] *Kyčanov E.I.* A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto / E.I. Kyčanov // Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1971. – T. XXIV. – Fasc. 2. – P. 189-201.
[6] *Kyčanov E.I.* Les guerres entre les Sung du Nord et le Hsi-Hsia / E.I. Kyčanov; [Traduit du russe par F. Aubin] // Études Song = Sung Studies: in memoriam Étienne Balazs. Série I: Histoire et Institutions, [n°] 2 / éditées par F. Aubin. – [Paris; La Haye]: Mouton & Co, [1971]. – P. 103-118, 102 (carte “La zone des hostilités entre les Sung et les Hsi-Hsia”).

зерцало управления лет царствования *Чжэнь-гуань* (1101–1113 гг.)»[1] и тангутским «Новым законам».[2] В первой статье характеризуется военная организация в государстве тангутов начала XII века.[3] Вторая статья посвящена тангутскому законодательству начала XIII века, которое получило общее наименование «Новые законы». Е.И. Кычанов, анализируя сведения источников, пришёл к выводу, что «…″Новые законы″, раз они “новые” были составлены после ″Измененного и заново утвержденного свода законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169)″»[4]; а так как «…имеющиеся на некоторых рукописях даты переписки… относятся к девиву царствования *Гуандин* и ко времени после 1215 г. …»[5], то «…год *свиньи*, в котором были составлены или опубликованы ″Новые законы″, несомненно приходился на 1215 г.».[6] Исследователь раскрывает причины составления «Новых законов»[7] и делает вывод: «Прочтение текста ″Новых законов″ показывает, что перед нами действительно не самостоятельный свод законов, приведший на смену старому (своду законов девиза царствования Небесное процветание – *С.Д.*), а дополнения и изменения к нему, накопившиеся за полвека после его введения в действие в середине XII в.».[8] «Возможно, эти дополнения и изменения никогда не издавались ксилографически, а были разосланы на места, в управления в виде серии рукописных книг, которые на местах и размножались переписчиками, в Хара-Хото начиная с 1216 г. и далее».[9] Эти выводы были в дальнейшем подтверждены при издании текста «Но-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 229-243.

[2] *Кычанов Е.И.* Что такое «Новые законы»? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1972. – С. 93-98.

[3] См. публикацию данной статьи в настоящем сборнике на С. 137-151. Перевод источника см.: *Кычанов Е.И.* «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 1 (2). – С. 5-34.

[4] *Кычанов Е.И.* Что такое «Новые законы»? С. 94.

[5] Там же. С. 94-95.

[6] Там же. С. 95.

[7] Там же. С. 95-96.

[8] Там же. С. 96.

[9] Там же. С. 97.

вых законов».[1] Сообщение на английском языке о памятниках тангутского права было сделано Е.И. Кычановым на XXIX-м Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1973 году (доклад опубликован в 1976 г.).[2]

В 1973 году Е.И. Кычанов обратился к исследованию тангутского судопроизводства, показав, что для исследования истории права можно и нужно использовать не только законодательные акты. но и источники познания права (в данном случае – тангутско-китайский словарь «Жемчужина в руке», 1190 г.[3]).[4] В третьем, фразеологическом разделе третьей главы этого словаря – „Дела людей" есть фрагменты, представляющие собою связный текст, повествующий о тех или иных аспектах религиозной и государственной деятельности тангутов. В одном из таких отрывков, следующим за перечнем управлений в административном аппарате Ся, и содержатся сведения о процедуре ведения судебных дел в тангутском государстве[5]: «Правители округов, вице-префекты (*тунбань*), начальники управлений (*чжэнтин*), передающие приказы (*чэнчжи*), столоначальники, делопроизводители, приказные и надзиратели руководят всеми старшими и младшими должностными лицами. [Им] запрещается волокита в ведении дел, [они] не имеют права допускать какие-либо упущения по службе, не должны действовать пристрастно и нарушать законы. Изучая дела и вынося по ним решения, [должностные лица] обязаны поступать в полном соответствию с законом, а, управляя народом, [они] не должны допускать непослушания. Очевидно, что есть люди высокие и низкие. Благородные мужи (*цзюнь-цзы*) чтут предписания морали и этикета (*ли*), а подлые люди утрачивают путь добродетели. Утратив путь добродетели, [таковые] денно и нощно гоняются за личными

---

[1] См.: Новые законы тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангут., введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2013. – С. 11-13.

[2] *Kychanov E.I.* Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) // Etudes tibetaines / Actes du XXIXe Congres international des Orientalistes, Paris, Juillet, 1973. Section organisee par Ariane Macdonald. – Paris: L'Asiatheque, 1976. – P. 29-42.

[3] «Жемчужина в руке», тангутско-китайский [словарь], отвечающий запросам времени. Составитель Гулэ Маоцай, 1190 г., л. 28 б–32 а. Тангутский фонд ЛО ИВАН, сводный текст, инв. №№ 214-218, 685, 4777.

[4] *Кычанов Е.И.* Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке» (1190) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: Наука, ГРВЛ, 1973. – С. 22-25.

[5] Там же. С. 22.

выгодами, затевают драки с [другими] людьми, не почитают [людей] уважаемых и занимающих более высокое [общественное] положение, оскорбляют людей иди, пользуясь [своей] силой, притесняют слабых и причиняют ранения другим людям. [Обо всех этих преступлениях пострадавшие] подают официальные жалобы в любое управление. Начальники [управлений] гневаются на [нарушителей порядка] и отдают приказ должностным лицам принять жалобу и возбудить дело. Столоначальники выносят заключение о том, [кому и как вести дело], и передают ведение [его] приказным. Врач осматривает [пострадавших] и выявляет подлинный характер нанесенных [пострадавшему] телесных повреждений. Отыскиваются свидетели и вызываются люди, имевшие отношение к делу. Если [обвиняемый] не говорит правды или обнаруживаются расхождения в показаниях по [данному] делу, то [на него] надевают *кангу* и заключают [его] в тюрьму. После использования всех имеющихся по делу документов вызывают свидетелей, которые обязаны явиться незамедлительно. [От свидетелей] самым тщательным образом берут показания. Если [их показания] совпадают с тем, о чем сообщил заявитель, а [обвиняемый всё-таки] не соглашается давать правдивые показания, то [должностные лица], озлобясь [на него], бьют [обвиняемого]. Начальник [управления] говорит [ему]: “Глупый и низкий человек, послушай, что [я] скажу [тебе]!” В трактате ″О почитании родителей″ (*Сяо цзин*) сказано: „Нельзя губить тело и волосы, [полученные тобою] от отца и матери!” [И] если битый таким образом [обвиняемый] не одумается, то как можно говорить о [его] почтительном отношении к родителям? Когда же такой человек, поразмыслив, заявит: „Я-то, глупец, не ведал, что творю. [Теперь] я одумался и прислушался к тем словам [начальника]. Я совершил преступление, оклеветал и оскорбил невинных людей. После этого я не стану больше поступать так!”, – то полученное признание в совершении [им] преступления заносится в официальный документ и [виновному] здесь же на этом месте выносится приговор. Благодаря этому чистые и достойные [люди] с помощью Неба в полной мере живут в знатности и богатстве!».[1]

Заслуга Е.И. Кычанова здесь заключалась в том, что, несмотря на существовавший уже девять лет перевод данного фрагмента на ан-

[1] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке». С. 22-23.

глийский язык[1], в целом ряде мест перевод на русский язык отличался от английского перевода, приведённого в книге проф. Нисида Тацуо. Это объяснялось тем, что (несмотря на наличие в словаре параллельного тангутскому тексту оригинала китайского текста) многие термины тангутского делопроизводства в то время ещё были непонятны.[2]

Важность переведённого Е.И. Кычановым отрывка из словаря «Жемчужина в руке» заключается в том, что глава IX-я тангутского «Измененного и заново утвержденного свода законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169 гг.)» не сохранилась в своей первой части – как раз той, статьи которой предусматривали порядок подачи иска, ведения следствия по делу и вынесения приговора виновному[3] (т.е. порядку процессуальных действий в уголовном процессе тангутского уголовно-процессуального права).

Российский исследователь дал комментарий к данному переводу. Выводы были следующие: 1) Судя по данному тексту, тангуты (вслед за китайскими юристами) считали источником преступности отступление от пути, предписанного соблюдением норм конфуцианской морали (*ли*). 2) Потерпевший мог подать жалобу в «любое управление» (имеется в виду его функциональное назначение), которое по проведении следствия и признания обвиняемого виновным «здесь же на этом месте» выносило ему приговор. Управление, принявшее жалобу, начинало следствие по делу только по приказу начальника этого управления. Дело поступало к одному из столоначальников, который и поручал уже вести его непосредственным исполнителям – приказным. 3) Любопытным и ценным свидетельством, полученным пока только из данного источника, является упоминание о медицинской экспертизе освидетельствования врачом пострадавшего, получившего телесные повреждения. 4) Жалоба потерпевшего проверялась показаниями свидетелей, в том числе и разыскиваемых специально. Если их показания давали очевидные для следователей улики против обви-

---

[1] См.: *Nishida Tatsuo* 西田 龍雄. Seikago no kenkyū: Seikago no saikōsei to Seika moji no kaidoku 西夏語の研究：西夏語の再構成と西夏文字の解読讀 (A study of the Hsi-Hsia language: Reconstruction of the Hsi-hsia language and decipherment of the Hsi-hsia script). – Tokyo 東京: Zauhō kankōkai 座右寶刊行會 (The Zauhō press), 1964. – Vol. I. – P. 215-218.

[2] *Кычанов Е.И.* Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке». С. 25, прим. 1.

[3] Там же. С. 24.

няемого, а тот запирался и не признавал своей вины, к обвиняемому на законных основаниях с целью получения у него признания применялись меры физического воздействия – его помещали в тюрьму с *кангой* (деревянной колодкой на шее), а затем били палками. 5) Увещевания начальника со ссылками на «Сяо цзин» и обвинениями избиваемого в нарушении сыновнего или дочернего долга (каждый уважающий себя конфуцианец, почитая родителей, был обязан беречь своё тело как полученный от них дар) – отражают не только личные взгляды Гулэ Маоцая (составителя словаря), просвещенного конфуцианца-тангута, но и идеи, бесспорно достаточно широко бытовавшие в среде тангутского чиновничества. 6) Когда обвиняемый признавался в совершении преступления, то это служило основанием для того, чтобы тот же чиновник, который вёл следствие по делу обвиняемого, в соответствии с законом вынес лицу, признанному виновным, приговор (следствие не было отделено от суда – *С.Д.*). 7) Справедливость, точнее – соответствие вынесенных приговоров букве закона, строго контролировалась. В случае злоупотребления служебным положением и наказания невиновного, чиновник мог получить ту же самую меру наказания, которую он присудил другому.[1]

В 1974 году Евгений Иванович опубликовал ещё ряд статей, посвящённых истории права. Первая – посвящена краткой характеристике истории разработки и принятия свода законов «Измененный и заново утвержденный кодекс законов периода Небесного процветания (1149-1169)», а также касалась вопросов сравнительного правоведения в сфере уголовно-правового регулирования китайского и тангутского права.[2] Учёный сравнил классификацию особо тяжких преступлений («десяти зол») в китайском и тангутском праве.

Как пишет исследователь: «″Измененный и заново утвержденный кодекс″ не содержит первой части раздела “наименование наказаний и общие правила” (кит. *мин ли – С.Д.*)[3], в котором описана сис-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке». С. 23-24.

[2] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 309-326.

[3] [名例 кит. *ми́н лù – стар.* положение о наказаниях в примерах. – *Прим. ред.*] кит. *мин ли*. – См.: *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan // Bibliotheque de l’Institut des Hautes études Chinoise. – Paris, 1937. – Vol. IV. – P. XI. – Там же. С. 322, прим. 8.

тема наказаний как совокупность мер наказания, принятых в данном праве, что обычно характерно как для уже указанных, так и позднейших китайских кодексов, а начинается с изложения статей, характеризующих группу преступлений, известных в китайском уголовном праве под названием “десять преступлений” – кит. *ши э* – десять тяжких[1], великих[2], отвратительных[3] или непрощаемых[4] преступлений, перечень которых содержится во всех разделах *Мин ли* китайских кодексов. В данную группу преступлений, традиционно считавшихся самыми тяжкими, входили преступления против государя, старших родственников и человечности. Впервые этот раздел китайского права был окончательно оформлен при династии Северная Ци (550-577) и включался затем во все китайские кодексы вплоть до свержения маньчжурской династии. Статьи законов, относящиеся к каждому из десяти преступлений, содержатся в первой главе[5] ″Измененного и заново утвержденного кодекса″. Соответственно они составляют десять следующих подразделов главы: I. Мятеж (); II. Нарушение правил почтительности и добродетели (); III. Предательство (); IV. Вопиющее злодеяние (); V. Бесчеловечные поступки (); VI. Великое непочтение (); VII. Непочтение к родителям (). VIII. Несогласие (в семье) (); IX. Нарушение верности (); X. Кровосмешение ()…».[6]

I. Содержание первого из десяти соответствующего китайскому *моу фань* “замышлять мятеж”, раскрывается в пяти статьях свода за-

---

[1] *Попов П.С.* Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р.Х. – СПб.: Тип-фия бр. Пантелеевых, 1880. – С. 28. [общее количество страниц – 59 с. – *прим. ред.*]. — Там же. С. 323, прим. 9.
[2] *Ratchnevsky P*. Un code des Yuan. P. 43. – Там же. С. 323, прим. 10.
[3] *Ou Koei-hing*. La peine d’apres le code des T’ang. – Tientsin, 1935. – P. 99. — Там же. С. 323, прим. 11.
[4] *T’ung-tsu Ch’ü*. Law and society in traditional China. – Paris, 1961. – P. 179. — Там же. С. 323, прим. 12.
[5] Речь скорее должна идти не о глазе и не о томе, а о том технико-издательском подразделе при издании сочинений в Китае, который назывался *бэнь*, что иногда переводится как “тетрадь”, но не имеет для своего перевода на русский язык достаточно точного эквивалента. – *Кычанов Е.И*. Из истории тангутского права… С. 323, прим. 14.
[6] *Кычанов Е.И*. Из истории тангутского права… С. 311-312.

конов, из которых первая в свою очередь дополнительно разделена на девять параграфов.[1] Далее Е.И. Кычанов подробно анализирует ответственность преступников и соучастников данного преступления[2]: «под- лежат смертной казни путем обезглавливания…»[3], а далее идёт характеристика мер наказания для родственников преступников.[4]

II. Вторая группа преступлений, объединенных под названием “нарушение правил почтительности и добродетели” (кит. *моу да ни* – “замыслить великое непокорство”) состоит из двух статей, посвящённых наказаниям за осквернение изображения, могилы, или храма предков государя. Данные преступления считались равными мятежу против государя и наказывались соответственно (далее раскрывается ответственность преступников [смертная казнь путём удавления[5]] и их соучастников [illegible]).[6]

III. Пять статей определяли наказание за предательство (кит. *моу бань* – “замыслить предательство”) (дан перевод соответсвующих статей свода законов).[7] Статья пятая данного раздела отведена наказаниям за *шпионаж*. Шпионаж в пользу враждебного государства или укрывательство шпиона приравнивались к измене. Все пойманные шпионы подлежали смертной казни путём обезглавливания.[8]

IV. В разделе четвертом “вопиющее злодеяние” (кит. *э ни* – “злостное непокорство”) в шести статьях определяются наказания за убийство старших родственников – родителей, дедов и прадедов, тё-

---

[1] Там же. С. 312.

[2] Там же. С. 312-313.

[3] Тангутский термин буквально означает: “подлежат смерти посредством разрубания” (illegible). Но что реально означал этот вид смертной казни – отсечение ли головы преступника, как это было принято в танском и сунском Китае, или же это был вид казни, известный как рассечение тела преступника на части (см.: *Поршняков С.М.* Карательная система китайского уложения хана Юнь-Дженъ. – СПб.: Изд-во тип-фии Д. Алексеева, 1909. – С. 8), мы не знаем. Думается, что, как это было принято в соседнем Китае, данный вид казни заключался в обезглавливании преступника. – Там же. С. 323, прим. 15.

[4] См.: Там же. С. 312-313.

[5] Смертная казнь путём удавления преступника считалась у тангутов, как и в соседнем Китае, наказанием на одну степень легче, чем обезглавливание, по-видимому, в силу того что при этом не расчленялось тело казнимого. – Там же. С. 324, прим. 19.

[6] См.: *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 313-314.

[7] См.: Там же. С. 314-315.

[8] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 315.

ток и дядей, и за убийство женой мужа.[1]

V. Пятое из десяти преступлений – “бесчеловечные поступки” (кит. *бу дао* – “несправедливость”) трактуется в «Измененном и заново утвержденном кодексе» в семи статьях, содержащих меры наказания за особо злостные преступления. К числу таковых отнесены убийство в одной семье трёх и более человек сразу, зверское убийство с расчленением тела жертвы или после издевательств над жертвой (наказание – смертная казнь путём обезглавливания), умышленное убийство или умышленное нанесение ранения (в соответствии с нормами тангутского права различные меры наказания, включая и смертную казнь в зависимости от того, кто и кого убил); определяется ответственность укрывателей преступника. Статья седьмая этого раздела предусматривала определение тех же наказаний, что и за предумышленное убийство, за наговор или колдовство, приведшие к гибели намеченной жертвы.[2]

VI. В семи статьях указаны меры наказания за “великое непочтение” (кит. *да бу цзинь*) – шестое из десяти преступлений, за которое предусматривались наказания смертной казнью путём обезглавливания тех сановников, которые в докладах государю и беседах с ним говорили одно, а за глаза – другое, наказание за подделку императорской печати (смертная казнь путём обезглавливания), подделку *пай-цзы* (смертная казнь путём удавления), за искажение текста доклада государю или государева указа (смертная казнь путём обезглавливания), за кражу платья государя или вещи, предназначенной в жертву предкам государя (смертная казнь путём удавления), за ошибку в выписанном рецепте или неверное приготовление лекарства для государя (смертная казнь путём удавления), за ошибку в приготовлении пищи для государя (цитируется соответсвенная статья).[3]

VII. Суровые наказания предусматривались за “непочтение к родителям” (кит. *бу сяо*). Если кто-либо из младших родственников позволял себе кинуть золой или плюнуть в деда, бабку, родителей или если жена сделала то же самое в отношении мужа и на теле пострадавшего остался след, то виновный наказывался смертной казнью путём удавления. Эта же мера наказания предусматривалась и за грубое оскорбление словом. Закон запрещал детям доносить на

---

[1] См.: Там же. С. 315-316.
[2] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 316.
[3] См.: Там же. С. 316-317.

родителей.[1]

VIII. Раздел восьмой “несогласие” (кит. *бу му*) состоял только из одной статьи: «Если родственник низшей степени родства продаст [в рабство] кого-либо из родственников высшей степени родства: деда, бабку, отца или мать, то виновный подлежит смертной казни путем обезглавливания, а пособники отдаются на каторжные работы».[2]

IX. Девятое из десяти преступлений – “нарушение верности” (кит. *бу и*) заключалось в нанесении побоев со смертельным исходом низшими чиновниками высшим (наказание: смертная казнь путём обезглавливания), высшими чиновниками низшим (наказание в зависимости от ранга преступника – казнь путём удавления или каторга), нанесение побоев со смертельным исходом государеву гонцу с *пайцзой* (наказание: смертная казнь путём удавления или каторга в зависимости от ранга виновного) и нанесение побоев учеником учителю.[3]

X. Последним из десяти преступлений было “кровосмешение” (кит. *нэй луань*). Половые связи между близкими родственниками строго преследовались по закону: «Если любое из указанных ниже в этой статье лиц совершит непотребное с действительно близкими родственниками высшей или низшей степени родства, то и мужчина, и женщина одинаково подлежат смертной казни путем обезглавливания. [Прочие] члены семьи ответственности не несут».[4] Последние две статьи этого раздела не сохранились.[5]

Вывод, который сделал Е.И. Кычанов, проведя сравнительный анализ правового регулирования уголовно-правовых отношений в тангутском и китайском праве, следующий: «Сам состав и основное содержание десяти преступлений тангутского кодекса не отличаются от десяти преступлений китайских кодексов. Налицо в первую очередь формальное различие: если китайские кодексы только перечисляют десять преступлений в главе “*Мин ли*” а содержание их раскрывается в разных статьях иных разделов кодексов, то тангутские юристы в данном случае отступили от китайской традиции, сделав свой кодекс более удобным для пользования и поместив соответствующие статьи

---

[1] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 317.
[2] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 317.
[3] Там же. С. 318.
[4] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 318.
[5] Там же.

закона сразу после определения каждого из десяти преступлений. По-видимому, именно в этом и состояло их новаторство применительно к данному разделу тангутского права. Так, например, в танском кодексе ″Тан люй шу и″ все десять преступлений перечислены в гл. 1 после описания системы наказаний, а соответствующие статьи о наказании за мятеж, измену или за убийство в одной семье трех человек (*бу дао* “несправедливость”) изложены в гл. 17, статья о злословии против государя в гл. 10, за подделку печатей в гл. 25 и т.д., что безусловно представляло некоторые затруднения для отыскания в кодексе статей, связанных с наказанием за десять преступлений.

Имелось, разумеется, различие и в мерах наказания, ибо система наказаний в китайском и тангутском законодательстве была неодинакова. Правда, именно десять преступлений наказывались в большинстве случаев одинаково – смертной казнью…»[1] (далее автор даёт подробный сравнительный анализ различий в мерах наказаний за одинаковые преступления категории “Десять зол” в тангутском и китайском праве).[2] Такому виду наказания как изгнание (кит. *и-сян*) в китайском раннесредневековом уголовном праве посвящена отдельная статья 1976 г.[3]

Вывод, к которому пришёл исследователь: «Совершенно очевидно, что включение в тангутский кодекс XII в. десяти преступлений было прямой рецепцией китайского права. Десять преступлений с VI в. н.э. занимали особое место в китайском праве, так как рассматривали проступки, направленные против основ средневековой китайской государственности и морали – императора и семьи. Поэтому это и были преступления, за которые по закону не могло быть прощения…[4] Как мы знаем, в духовной жизни тангутского общества конфуцианской идеологии отводилось видное место, и поэтому не удивительно, что соответствующие ей положения китайского права, важнейшим из которых являлась категория “десяти преступлений”, были полностью или с известными приспособлениями к местным условиям восприняты и тангутским законодательством».[5]

---

[1] *Кычанов Е.И.* Из истории тангутского права… С. 318-319.
[2] См.: Там же. С. 319-320.
[3] *Кычанов Е.И.* Изгнание (*и-сян*) в кодексе династии Тан (VII в.) // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1976. – С. 102-107.
[4] Там же. С. 320.
[5] Там же. С. 321.

В 1977 году Е.И. Кычанов написал статью о принципе средневекового китайского права «*гуань дан*», видимо усвоенным тангутским правом.[1] Хорошо известный принцип *гуань дан* («зачёт ранга, титула и должности вместо наказания») был правовым институтом, фиксирующим важную социальную привилегию чиновничества в сфере уголовного права – освобождение от наказания за преступление каторжными работами; *гуань дан* всегда был также связан с откупом от наказания, если для избавления от него не хватило ранга и должности.[2]

В стороне от многосторонних интересов Е.И. Кычанова не осталось и право Центральной Азии. В 1974 году была опубликована статья, посвящённая отдельным вопросам системы налогообложения в древнем Тибете[3] (тема, продолженная в монографии по истории Тибета 1975 г.[4]), которая указывала на применение некоторых тибетских правил налоговой системы на территории тангутского государства Си Ся.

В древнем Тибете *банг* (свободные люди, ненаходившиеся в зависимости от каких-либо третьих лиц) – подданные правителя (*цэнпо*) платили правителю (*цэнпо*) налоги (*тре*, или *кхрал*). Это были точно фиксированные, очевидно в зависимости от величины участка и возделываемых культур, налоги, выплачиваемые натурой и золотом. Их взимали специальные чиновники – советники *цэнпо*, именовавшиеся *кхабсо*. Средством фиксации налога служили *трам* (*кхрам*) – “деревянные бирки для отчёта”. Тибетские погодные хроники из Дуньху-

---

[1] *Кычанов Е.И.* О принципе средневекового китайского права «*гуань дан*» (по материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 92-98. См. также: *Рыбаков В.М.* О принципе зачёта рангом наказаний за преступления (по материалам Танского кодекса «Тан люй шу и») // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978 г. Часть 1. – М.: Наука–ГРВЛ, 1979. – С. 140-145. В данном сборнике эта статья опубликована на С. 308-314.

[2] См.: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 82.

[3] *Кычанов Е.И.* Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1974. – С. 22-25.

[4] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры (Культура народов Востока: материалы и исследования). – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – С. 60-61.

ана (*ло-чжуй*) не раз упоминают о составлении “красных *трамов* [деревянных бирок]” (*трам-мар*). Среди найденных документов есть и деревянные планки с надписями, одна из которых начинается словами: «этот *трам*» (*трам ди*). По содержанию это текст, связанный с уплатой налога зерном.[1] Каждый хозяин участка (*банг*) имел красную бирку (*трам* [*кхрам*] *мар*), на которой были записаны размеры причитающегося с него налога на землю.[2] Следует особо подчеркнуть, что буддийские монахи полностью освобождались от уплаты каких-либо налогов.[3]

Венгерский востоковед А. Рона-Таш первым указал на связь “красных бирок” для уплаты налога с “*трам-минг*” – палкой, символизировавшей долги и обязательства людей.[4] А. Рона-Таш впервые установил, что в «старотибетском языке первоначальное значение *кхрам* было деревянные бирки, используемые для регистрации налогов, долгов и других случаев».[5] Ссылаясь на запись хроники под 744 г. («по приказу *цэнпо* [правителя] красные бирки были заменены жёлтой бумагой»), А. Рона Таш высказал предположение, что деревянные красные бирки использовались для регистрации налогов до 744 г., когда был издан указ цэнпо о замене их на желтую бумагу, после чего все записи стали вестись «на [жёлтой] бумаге».[6]

Евгений Иванович подчёркивал: теперь учёные точно знают, что система фиксации налога на деревянных бирках использовалась при обложении земледельцев (хозяев), очевидно, владельцев какого-то количества земли, быков и инвентаря, в тангутском государстве Великое Ся (982-1227) в середине XII века. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169)» есть статья, гласящая: «Хозяевам податных дворов, которые сами пашут какое-то количество земли, владеют сколькими-то быками, должен быть определен налог [зерном] в *ху*, *доу* и пригоршнях, а также указаны размеры поставок хвороста и сена. Ка-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии. С. 22-23; *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 60-61.
[2] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 61.
[3] Там же.
[4] *Кычанов Е.И.* Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии. С. 23.
[5] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 61.
[6] *Кычанов Е.И.* Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии. С. 23; *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 61.

ждый [хозяин] обязан принести деревянную бирку, на которой и записываются сведения [о налоге, который он должен выплачивать], и на каждый двор следует выдавать по одной бирке».[1]

Кроме того, известно, что в последние годы XIV в. система золотых и медных бирок использовалась китайскими властями династии Мин для взимания о зависимых от Китая восточных тибетцев лошадей в обмен на чай. В 1393 г. было ведано постановление: «Послать послов ко всем пограничным *фаням* в районах Силян, Юнчан, Ганьсу, Шаньдань, Синин, Линьтао, Хэчжоу, Таочжоу, Миньчжоу, Гучан, чтобы раздать [им всем] золотые и медные верительные бирки и объявить каждому роду и племени следующее: “если к вам приедет посол требовать налоги и повинности, то в начале вы сверьте бирки, и если они подойдут, выполняйте приказ. Если же нет, то нарушителей следует заковывать в кандалы и отправлять в столицу для привлечения к ответственности”».[2]

Пайцзы (верительные бирки) были известны в Китае с глубокой древности, но исследователи не располагают сведениями о том, чтобы они использовались для фиксации налогообложения. Для этого, как, возможно, и в Тибете после 744 г., служили списки налогоплательщиков. Поэтому не исключено, что китайцы, нуждаясь в тибетоких лошадях, ввели такую форму фиксации принудительного обмена лошадей на чай, воспользовавшись давней традицией, хорошо известной местным племенам.[3]

Таким образом, Е.И. Кычанов пришёл к следующему выводу: «Итак, мы можем предполагать, что традиция фиксации повинностей с помощью бирок бытовала (непрерывно или о перерывами) в этих районах Центральной Азии по крайней мере восемь-девять столетий».[4] Исследователь предположил, что имеющиеся в фондах ЛО ИВАН СССР тибетские деревянные бирки, окрашенные красной краской, с текстами хозяйственного назначения – «вполне могут оказаться подлинными, сохранившимся до наших дней “*трам-мар*” древних тибетских хроник».[5] Продолжением данной темы стала статья о

---

[1] *Кычанов Е.И.* Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии. С. 23.
[2] Там же. С. 23-24.
[3] Там же. С. 24.
[4] Там же. С. 24.
[5] Там же.

тангутских *пайцзы* (1974 г.).[1] В связи с налоговой системой тангутского государства необходимо упомянуть статью о правовом регулировании трудовых повинностей в государстве Си Ся (1980 г.).[2] Тема законодательного регулирования налоговой системы и исполнения военной обязанности в Си Ся была раскрыта в статьях 1982[3] и 1984 годов.[4] Анализ тангутского законодательства, проведённый Е.И. Кычановым показал, что тангуты создали эффективную систему (по образцу системы, существовавшей в Китае), позволявшую в установленные сроки и в полной мере собирать поземельный налог с собственников земли в пользу государства.[5] Налог с тангутских скотоводов и земледельцев взимался в натуральном виде – мясом, молоком, маслом, шерстью, зерном, соломой и сеном, вязанками хвороста. Хранение разного рода продуктов, поставляемых различным дворцовым и государственным управлениям в центре и на местах, требовало создания разветвленной сети складов, содержания большого числа складских служащих и разработки специальных охранительных мер против хищений продуктов этими служащими.[6] В статье 1982 года дан подробный анализ законов о службе складов (о её создании, содержании и функционировании системы складов, о должностных лицах данной службы, их правовом статусе, должностных обязанностях и порядке

---

[1] *Кычанов Е.И.* Тангутские *пайцзы* // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири (Материалы по истории Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С. 266-270.

[2] *Кычанов Е.И.* Правовое регулирование трудовых повинностей в государстве Си Ся (XII–XIII вв.) // Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. II. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 31-36.

[3] *Кычанов Е.И.* Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 108-113; *Кычанов Е.И.* О системе набора на военную службу в тангутском государстве Си Ся // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 39-47.

[4] *Кычанов Е.И.* Земельные правоотношения и поземельный налог в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая: сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 111-126.

[5] *Кычанов Е.И.* Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.). С. 112.

[6] *Кычанов Е.И.* Служба складов в Тангутском государстве // Страны и народы Востока. Выпуск XXIII. Дальний Восток (История, этнография, культура). – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 62.

деятельности).[1]

Исследование истории Тибета было продолжено в монографии, написанной совместно с Л.С. Савицким – «Люди и боги Страны снегов» (1975 г.).[2] В ней есть материал по истории тибетской государственности (а, значит, и государственного права Тибета) и международных отношений (международного права).[3] Кроме того, в монографии характеризуются поземельные отношения (относящиеся к сфере правового регулирования земельного права).[4] Тему тангутско-китайских международных отношений продолжает статья «Тангуты о Китае» (1975 г.).[5]

В Тибете VII–IX вв. пахотные земли делились на государевы (*дже-шиг*), т.е. земли *цэнпо* (правителя), которые могли предоставляться за службу на правах условного владения (*кхолъюл*), и земли *сид* (*срид*) – родовые вотчины аристократических семей, бывшей родовой верхушки, где главы клана обладали и политической властью. Наряду с этим в отсталых районах существовала и родовая собственность на землю в полном смысле этого слова. Государевы земли учитывались в особых списках (*чхьингрил*), в которых «фиксировались размеры участков, владельцы их и размеры налогов и сборов».[6]

Кхолъюл жаловались во владение за службу отдельным лицам, но право собственности на них оставалось за *цэнпо* (государем). В случае смерти владельца и отсутствия у него наследников (которые могли бы несли службу отца – *С.Д.*) эти земли забирались государством. Земли *кхолъюл* запрещалось продавать, менять, уступать[7] (т.к. они не являлись собственностью служилых людей, поэтому *владелец* земли не мог передать другому лицу право собственности).

---

[1] Подробнее см.: Там же. С. 62-68.

[2] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры (Культура народов Востока: материалы и исследования). – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – 319 с. с ил.; *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 432 с. + 1 печ. л. ил.

[3] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов, 1975. С. 25-31, 32-59, 61-117.

[4] Там же. С. 60.

[5] *Кычанов Е.И.* Тангуты о Китае (по тангутским первоисточникам) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века (История и культура востока Азии; Т. III). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – С. 143-147.

[6] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 60.

[7] Там же.

Земли *сид* состояли из бывших владений ранее независимых правителей или части их. В этих случаях права на *сид* гарантировались «нерушимым документом» *цэнпо* (правителя). «Под термином „*сид*“ следует понимать комплекс экономических и политических прав на подвластные земли и население», это были «частновладельческие земли, представляющие собой родовую собственность аристократических семей – потомков родовой верхушки данного племени, рода». Эти земли были той экономической базой, на которую опирались крупные кланы древнего Тибета в борьбе против усиления центральной власти тибетских *цэнпо*. Количество этих земель росло в результате завоеваний и пожалований их в виде дара (*чага*, *джага*). В таких случаях нередко целые области переходили в собственность знатных сановников и видных полководцев.[1]

В конце VIII – начале IX вв. в Тибете появились и монастырские земли. Их источником были щедрые пожалования *цэнпо* и частных лиц. Этот вид земельной собственности также имел тенденцию роста и выхода из-под контроля центральной власти, несмотря на все перипетии борьбы религий бон и буддизма.[2]

Тибетское общество в VII–IX вв. было классовым обществом, с сохранением в ряде районов первобытнообщинного строя.[3] В монографии приведены материалы, касающиеся правового статуса разных категорий населения древнего Тибета. Первая категория населения – *банг*. Словом “*банг*” в древнетибетском обществе назывались все подданные *цэнпо* (правителя) независимо от их социального и имущественного положения (хозяева земельных участков[4]). Генетически *банг* – это члены племени (общинники – *С.Д.*), противостоящие вождю (*дже*). *Банг* были людьми свободными, не находившимися в зависимости от третьих лиц. *Банг* (на основе исполнения трудовой обязанности общинников – *С.Д.*) обрабатывали государевы земли, платили государству налог – *тре* (*кхрал*).[5]

На частновладельческих землях (*кхолъюл*) трудились зависимые – *трэн* (*бран*). В *трэн* превращались многочисленные пленные, захваченные тибетцами в далеких походах, а также и разорившиеся

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 61.
[4] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 61.
[5] *Кычанов Е.И.*, *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. С. 60.

в результате социального расслоения и потери собственности на землю бывшие общинники.[1] Наконец, *трэн* становились люди, пожалованные самим *цэнпо* (правителем) вместе с землей отдельным лицам. *Трэн* были люди, не только работавшие на земле, но и ремесленники, слуги. «*Трэны* – это те непосредственные производители, которые обрабатывали земли или пасли скот своих владельцев, находились в личной зависимости от них и эксплуатировались ими».[2]

Исследование Тибета было важно в связи с той ролью, которую тибетцы и тибетская культура сыграли в истории тангутского государства Си Ся.[3] Итогом данного направления исследований стала монография «История Тибета» (в соавторстве с Б.Н. Мельниченко, 2005 г.)[4], содержащая сведения как по истории государственного права Тибета, так и по правовому положению населения, земельным правоотношениям, международным отношениям.

В 2006 г. Е.И. Кычанов охарактеризовал содержание уникального по своей значимости для изучения истории права Тибета «Собрания древних тибетских законов».[5] Вероятно, первые тибетские законы были записаны в 655 г., когда советник Тонгцэн Юлзунг «написал текст закона». В более поздних источниках сохранились упоминания о законах первой половины VII в., времени формирования тибетского государства. Это были законы, «указывающие на хорошее, дурное и среднее», определявшие отношения государя и советников, субординацию и ранги чинов. Закон предписывал соблюдать государственную тайну, не допускать на заседания высших государственных советов женщин.[6]

Виновных в возникновении вражды и несогласия наказывали плетьми, убийцы предавались смертной казни. Лжецам и лжесвидетелям отрезали языки. Украденное имущество возмещалось в восьми-

---

[1] См.: Там же.
[2] Там же.
[3] *Kychanov E.J.* Tibetans and Tibetan Culture in the Tangut State Hsi Hsia (982–1227) // Proceedings of the Csoma de Kőros Memorial Symposium: Held at Matrafured, Hungary, 24-30 September 1976 / Ed. by L. Ligeti (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIII). – Budapest: Akademiai Kiado, 1978. – P. 205-211.
[4] *Кычанов Е.И.*, *Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М.: Восточная литература, 2005. – 351 с.
[5] *Кычанов Е.И.* Источник по истории тибетского права в китайском переводе// Письменные памятники Востока. – 2006. – № 1 (4). – С. 239-243.
[6] Там же. С. 239.

кратном размере. Есть сведения о том, что компенсация за украденное у простого человека имущество была девятикратной. Если же было похищено государево имущество – то стократной. Когда закон не содержал точных указаний на меру наказания, то обращались к правовому обычаю: «Если определить характер поступка невозможно, то спрашивать, что делали в таких случаях раньше».[1]

За убийство существовали откупы (композиции), плата зависела от социального положения личности убитого и убийцы. Она могла взиматься товарами, имуществом, деньгами. Если убийца, его семья, его род были не в состоянии заплатить, допускалась кровная месть, и убийца на законных основаниях мог быть убит представителями семьи (рода) убитого. Компенсация за причинение ранения была в десять раз меньшей, чем за убийство.[2]

Суд не был отделен от органов государственного управления. В низших административных звеньях за незначительные преступления, например за кражи на сумму меньшую, чем стоимость трёх овец, судил глава данной общины или административной единицы. За более значительные преступления могли судить, условно говоря, правители волостей. Однако если дело касалось убийства или крупных краж, поджога, отравления воды и т.п., то оно поступало в высшие инстанции вплоть до правительства. Кроме светских судов существовали суды религиозные, монастырские. Во всяком случае, свои дела они необязательно должны были доводить до сведения местной администрации.[3]

В процессе следствия в случае неясности или спорности дела судья мог прибегнуть к ордалиям. Подозреваемый должен был вытащить из сосуда с мутной водой или молоком белый или чёрный камень. Вытащенный белый камень свидетельствовал о невиновности подозреваемого, чёрный означал виновность и проигрыш тяжбы. В особых случаях ордалии были жестокими – те же камни вытаскивали из кипятка, кипящего молока или масла. Заведомо следствием такого испытания становилось причинение увечья.[4]

После ареста на подследственных надевали цепи, ручные и ножные кандалы (*кангу*). Арестованных, как правило, не кормили, еду им

---

[1] Там же. С. 239.
[2] Там же. С. 239.
[3] Там же. С. 240.
[4] Там же. С. 240.

приносили родственники или их заставляли просить милостыню.[1]

Далее Е.И. Кычанов дал краткое изложение содержания «Тринадцати законов» Далай-ламы V, которые представляли собой систематизированный свод законов, состоявший из тринадцати разделов. По традиции этот памятник считают наиболее упорядоченным сводом старых тибетских законов.[2]

В 1974 году вышла из печати статья на английском языке, посвящённая исследованию правового статуса рабов и зависимых людей по материалам тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми».[3] Эта энциклопедия спустя 23 года была переведена Евгением Ивановичем Кычановым на русский язык и опубликована в 1997 году в серии «Памятники культуры Востока» (Санкт-Петербургская научная серия. IV). Были приведены фотокопии ксилографа, дан перевод текста и комментарий к нему.[4] Энциклопедия касалась положения различных категорий населения тангутского общества. «Судя по оглавлению к цзюани 13, автор (или авторы) “Моря значений, установленных святыми” подразделяли людей на: 1) священномудрых, 2) человеколюбивых (гуманных, *жэнь*), 3) мудрых, 4) благородных мужей (*цзюнь-цзы*), 5) простолюдинов (народ), 6) людей непросвещенных (глупых), 7) рабов и слуг.[5] Это деление исходило как бы из природных задатков человека, их совершенствования путем учения, накопления знаний… На такое деление накладывается деление социальное: незнание, грубость натуры – прежде всего свойство слуги или раба».[6]

---

[1] Там же.

[2] См.: Там же. С. 240-242.

[3] *Kychanov E.I.* On the Slaves and Servants in the Tangut Encyclopedia *A Sea of Meanings Established by the Saints* // The Countries and Peoples of the East: Selected Articles / Editors Yu.V. Maretin and B.A. Valskaya; translated from the Russian by I.A. Gavrilov and P.F. Kostyuk. – M.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1974. – P. 209-214.

[4] Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа / Издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарий и приложения Е.И. Кычанова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 330 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. IV). Характеристику источникаи его содержания см.: *Кычанов Е.И.* Тангуты о происхождении мира и человека // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – С. 129-131.

[5] См.: Море значений, установленных святыми. С. 101.

[6] *Кычанов Е.И.* Вместо предисловия // Море значений, установленных святыми.

В главе 13-й[1] и разделе 15-м[2] данной энциклопедии содержится материал о рабах.[3] Исследователь так определил правовой статус рабов по материалам данной энциклопедии: «Кармой же было предопределено, свободный и знатный ты в этой жизни человек или презираемый, раб или слуга. То, что человек благородный или ничтожный, чистый [лично свободный] или раб, определяется его крамой. В этой жизни получаем воздаяние [за прошлые дела]. И если счастья [благих деяний] мало, то и становишься рабом или слугой»[4] [разд. 15]. Авторы энциклопедии утверждали, что слуга или раб в этой жизни «три сокровища не усваивает, в будд не верит. Закон слушая, его не постигает, *сангху* не почитает. Служит на посылках»[5] [цз. 13-й]. Этим он прямо отличается от “благородного человека”».[6] «Таким образом, всё реальное бытие человека полагалось кармически предопределенным: его пол, семья, в которой он вновь родился, социальный статус его семьи – лично ли это свободные и знатные люди, или это люди, лишенные личной свободы, презираемые, слуги или рабы, – все зависело от кармы».[7]

«*Рабы* и *слуги*. Поскольку, как мы видим, в основу предлагаемой нашим источником классификации людей положены их моральные качества, то, соответственно, человек, лишенный личной свободы или находящийся в услужении, глуп, не знает норм поведения (*ли*), алчен, неисполнителен, завистлив, постоянно думает лишь о том, как бы набить себе брюхо. Он плохой родственник и не выполняет долг *сяо* – не почитает отца и мать, потакает жене, “в будд не верит, закон слушая, его не исполняет, *сангху* не почитает, служит на посылках”. Речь его вульгарна, короче – “собачий аппетит, душа ненасытная”[8]. Все его личные качества – абсолютная противоположность тем, которыми обладает благородный человек. Оценка его чисто “хозяйская”: работает мало, а ест много, и на одежду приходится тратиться».[9]

С. 67, 68.

[1] Море значений, установленных святыми. С. 118-130.

[2] Там же. С. 153-169.

[3] Там же. С. 128-130, 163-165.

[4] Море значений, установленных святыми. С. 163.

[5] См.: Море значений, установленных святыми. С. 130.

[6] *Кычанов Е.И.* Вместо предисловия. С. 61-62.

[7] Там же. С. 62.

[8] См.: Море значений, установленных святыми. С. 130.

[9] *Кычанов Е.И.* Вместо предисловия. С. 70. См.: Море значений, установленных свя-

«…Автор (авторы) ″Моря значений, установленных святыми″ вкладывал в понятие “глупый человек”, “раб”, “слуга” и смысл социальный, не подлежит сомнению… Их социальное предназначение также характеризуется в издаваемом памятнике в разделе о рабах и слугах. „Рабы и слуги должны служить знатным людям”[1], они „в доме делают разную работу: рабов отправляют в поле делать там разную работу, слуги в доме вычищают песок и золу, заготовляют дрова и воду”[2]. Здесь не отрицается то, что рабы и слуги могли владеть ремеслом и быть мастерами своего дела, и „если раб или слуга сердцем чист и известен как мастер своего дела, то хозяин дорожит им, верит ему, как своим сыновьям и дочерям”[3] [разд. 15-й, “Поговорим о рабах и слугах”]. Приводятся примеры преданности рабов хозяевам и заслуг рабов перед государем во время войны».[4]

Значение материалов энциклопедии «Море значений, установленных святыми» памятника Е.И. Кычанов определил так: «…издатель и исследователь … уникального памятника тангутской словесности склоняется к тому, что культура Си Ся всё-таки была частью культуры дальневосточной… тангутская культура, идеология правящей династии, идеология самого тангутского народа как часть культуры тангутского государства объективно прошли путь от акцентирования самобытности к спокойному восприятию подходящих для них богатств культуры китайской как основной культуры региона. Мы говорим о социально стратифицированной многоплановости культуры Си Ся, включающей в себя представления *дансянов* и *цянов* догосударственного периода, культуру буддизма и наследие китайской письменной культуры, знание которой было поразительным…».[5]

Новые исторические материалы по общественной структуре Си Ся (т.е. по различным категориям населения) были опубликованы в 1976 году в японском научном журнале (на японском языке).[6]

тыми. С. 128-130.

[1] Море значений, установленных святыми. С. 163.

[2] Там же. С. 163.

[3] Там же.

[4] *Кычанов Е.И.* Вместо предисловия. С. 71.

[5] *Кычанов Е.И.* Вместо предисловия. С. 9.

[6] *Кытянофу Э.И.* クィチャノフ・エ・イ [Кычанов Е.И.]. Сэйка-но сякай тайсэй-ни кансуру син-сирē 西夏の社会体制に関する新史料 [Новые исторические материалы по общественной структуре Си Ся] / Э.И. Кытянофу エ・イ・クィチャノフ [Е.И. Кычанов]; Яку: Катō Кю̄дзō 訳: 加藤九祚 (Пер. Катō Кю̄дзō) // Рицумэйкан бунгаку 立命館文學.

В 1981 году Е.И. Кычанов опубликовал материалы анализа тангутских законов, характеризующих социальную структуру тангутского общества XII–XIII вв.[1] Учёный указывает: «в… (тангутских – *С.Д.*) источниках мы видим социальное положение тех или иных групп общества в отражении их правового состояния…».[2] Все люди делились на свободных и несвободных[3] (т.е. рабов). Свободные делились на чиновных людей (по косвенным данным было 12 разрядов рангов, в каждом разряде несколько степеней рангов, которых насчитывалось больше сотни[4]) и простых людей. Несвободные делились на государевых (государственных) и частных (частные несвободные мужчины – *пхинга* и частные несвободные женщины [рабыни] – *нини*).[5] Собственники земли назывались *ни* («хозяева»), весь народ – *нисин* («хозяева–народ»). Хозяева имели землю, которую они обрабатывали.[6] Хозяевами числились и чиновники, в том числе и самые крупные.[7] Особый правовой статус в тангутском государстве имели буддийские монахи, исследованию чего Евгений Иванович посвятил отдельное исследование 1982 года.[8] В статье дан перевод законов, говорящих о пострижении в буддийские монахи и об установленных запретах на это.[9] Стать монахом в тангутском государстве по собственному волеизъявлению, без позволения властей было просто невозможно, за это полагалось строгое наказание, как и за попытку стать монахом обманным путём, в обход закона.[10] В общирном исследовании подробно анализируется правовой статус буддийских общин и буддийских

– 1976 年。第 1-2 月号。第 367-368 号 = The Ritsumeikan Bungaku. January–February 1976. Serial Numbers 367–368. – Киото: Рицумэйкан дайгаку дзимбун гаккай 立命館大学人文学会, 1976. – С. 119-123.

[1] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. // Общество и государство в Китае. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 75-94.

[2] Там же. С. 75.

[3] Там же. С. 76, 81.

[4] Там же. С. 82. О рангах и чиновных людях см.: Там же. С. 82-85.

[5] Там же. С. 76, 77.

[6] Там же. С. 85.

[7] Там же. С. 86.

[8] *Кычанов Е.И.* Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века. Сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 28-62.

[9] Там же. С. 35-39.

[10] Там же. С. 39.

монахов.[1]

Несвободные люди входили в перечень основных объектов собственности, казённой или частной: «скот, зерно, ценности, имущество, земля, (несвободные – *С.Д.*) люди».[2] В «Новых законах» встречается такая формулировка: «постройки, пахотные земли, *пхинга*, *нини* и прочий скот и имущество, принадлежащие любому человеку».[3] Источниками пополнения социальной группы *пхинга* и *нини* была продажа свободных людей в рабство (обычно, при нужде), захват военнопленных, передача статуса по рождению – рождение от матери–рабыни.[4] Дети рабыни, как внебрачные дети, получали правовой статус матери и считались приплодом хозяина рабыни: «Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденные, а у купленной самки животного родился детёныш… или если у женщины есть ребёнок, то [и детёныш животного, и ребёнок женщины] равно [вместе с матерями] подлежат возврату владельцу».[5] Если *пхинга* без разрешения хозяина отдавал женщину для сожительства, то «дети, родившиеся у каких-то из этих уже проданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу».[6] Хозяин мог продать своих *пхинга* или заложить их.[7] Из материалов, предоставленных Е.И. Кычановым о *пхинга*, мы можем предполагать наличие у тангутов рабского пекулия (*пхинга* вели самостоятельное хозяйство[8]) и мо-

---

[1] См.: Там же. С. 39-60.

[2] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 76; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? (О двух группах лично несвободного населения в тангутском государстве) // История и культура Центральной Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 135.

[3] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 77; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 135.

[4] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 77-78; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 135, 136.

[5] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 78; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 138.

[6] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 78; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 142, 150.

[7] Там же. С. 78; *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 135, 136, 153.

[8] *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 78.

гли сожительствовать[1] (надо полагать, с разрешения хозяина). Для того чтобы отпустить *пхинга* или *нини* на свободу, хозяин должен был выдать им документ об освобождении (вольную).[2] Тема была продолжена и углублена в статье «Кто такие *пхинга* и *нини*?» (1983 г.).[3]

Государевы несвободные люди работали в государственном хозяйстве (пастухами, землепашцами, прислугой, паромщиками, лодочниками, конюхами, посыльными, мастерами, солеварами и т.д.) и во вспомогательных войсках.[4] Данная тема была углублена и подробно раскрыта в статье «Люди, принадлежавшие государю (государству)» (1984 г.).[5]

В 1979 году была опубликована статья о правовом статусе так называемых “отроков” в тангутском государстве[6], которые, как установил Е.И. Кычанов, являлись прислужниками при различных должностных лицах и в буддийских общинах.[7] Кроме того, правовому статусу иноплеменников и иноземцев по тангутскому своду законов XII в. посвящена статья 1980 года.[8] Итог подробного исследования о чужеземцах в тангутском государстве звучит так: «Принять покорившихся чужеземцев в надежде постепенно “преобразовать” их и уподобить себе – вот доктрина, которая была воспринята и тангутским правящим домом. Чтобы чужеземцы покорялись, их надо было обласкать – отсюда и раздача должностей и рангов, и предоставление вышеупомянутых льгот в случае совершения чужеземцем преступле-

---

[1] См.: Там же. С. 78.

[2] Там же. С. 78 *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? С. 151.

[3] *Кычанов Е.И.* Кто такие *пхинга* и *нини*? (О двух группах лично несвободного населения в тангутском государстве) // История и культура Центральной Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 134-159.

[4] Подробнее см.: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 78-81.

[5] *Кычанов Е.И.* Люди, принадлежавшие государю (государству). (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса (девиза царствования) Небесное процветание (1149–1169 гг.)»)// Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1976-1977. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 232-239.

[6] *Кычанов Е.И.* Социальная группа отроков в Тангутском государстве // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1978 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С. 106-110.

[7] Там же. С. 107-109.

[8] *Кычанов Е.И.* Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах // Страны и народы Востока. Выпуск XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 137-146.

ния. Все эти представления нашли своё отражение в тангутском своде законов».[1]

В 1975 году Е.И. Кычанов занялся вопросами территориальной организации тангутского государства. В статье о тангутских топонимах[2] исследователь попытался отождествить наименования населенных пунктов и местностей на территории, занимаемой ранее тангутским государством Ся (982-1227), встречавшиеся в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина, «Сокровенном сказании» и «Книге Марко Поло», а также перечни административных центров Ся встречаются в тангутском памятнике XII в. – «Измененный и заново утвержденный кодекс законов девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)».[3] Другая статья «Тангутский *гвон*» (1977 г.) раскрывает сущность *гвона* как социально-политической, административно-территориальной и военно-территориальной единицы.[4]

Обратившись к проблемам истории права, Евгений Иванович занялся вопросами системы источников права на Дальнем Востоке.[5] В связи с этим следует обратить внимание на такой интересный источник как тангутская рукопись № 4189.[6] Эта рукопись без начала и конца и, естественно, поэтому без заглавия, привлекла к себе интерес исследователя сразу после того, как стало ясно, что она содержит какие-то погодные записи за 1163-1168 гг., относящиеся к правлению Небесное процветание (1149-1169 гг.).[7] Каждый новый раздел текста начинался с даты. Наличие последовательно перечисляемых дат сна-

---

[1] Там же. С. 145-146.

[2] *Кычанов Е.И.* О некоторых наименованиях городов и местностей бывшей территории тангутского государства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). Часть 1. – М.: ГРВЛ, 1975. – С. 47-51.

[3] Там же. С. 47.

[4] *Кычанов Е.И.* Тангутский *гвон* // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Октябрь 1977 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 35-39. См.: также: *Кычанов Е.И.* Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. С. 86-92.

[5] *Кычанов Е.И.* Прецедент и кодекс в дальневосточном праве (на примере тангутского права) // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – С. 99-103.

[6] *Кычанов Е.И.* Тангутская рукопись № 4189 // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 154-158.

[7] Там же. С. 154.

чала навело учёного на мысль о том, что перед ним историческая хроника, содержащая погодные записи событий. Однако при внимательном прочтении рукописи постепенно Е.И. Кычанову стало очевидным, что это не историческая хроника, а датированные записи решений по каким-то конкретным случаям.[1] Далее в статье содержится изложение содержания этих разделов.[2] Вывод учёного таков: очевидно, что перед нами не историческая хроника за пять лет с 1163 по 1168 гг., а запись решений вышестоящих властей, в частности, решений государя, по разным случаям, связанным с нарушением норм действующего законодательства или непредусмотренных им. Эта рукопись – книга, в которую в городской управе Хара-Хото (тангутское наименование Эдзина) вносились, думается, в конспективной записи, указы императора и решения центральных властей, сделанные от его имени или по его поручению по разным делам, которые в большинстве своём становились прецедентом и в дальнейшем служили образцом для разрешения на местах подобных дел.[3]

Ценность записей, сделанных в рукописи под инв. № 4189, указывал Е.И. Кычанов, возрастает при их рассмотрении в совокупности со всеми памятниками тангутского права, известными нам из тангутского собрания ЛО ИВАН СССР. Дело в том, что ряд решений по делам за 1163-1168 гг. вошёл в дальнейшем в качестве норм тангутского права в «Измененный и заново утвержденный кодекс законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169 гг.)».[4] В данном своде законов отражён указ 1166 г. о порядке наказания *пхинга* за совершение кражи у его хозяина или у постороннего человека. В свод законов попало и постановление от 1168 г. о праве бывшего *пхинга* по получении вольной от хозяина служить во вспомогательных войсках, а также постановление по делу Жэнь Ахоу. Поскольку в «Измененный и заново утвержденный кодекс», хотя и в модифицированном виде, попали решения государя по делам 1167-1168 гг., указывал Е.И. Кычанов, исследователи вправе указать на особую важность рукописи под инв. № 4189 для точной датировки введения в силу данного свода законов. Завершение работы комиссии над ним отныне должно датироваться не каким-либо неизвестным нам годом в пределах

[1] Там же. С. 154.
[2] Там же. С 154-156.
[3] Там же. С. 156.
[4] Там же. С. 156.

между 1149-1169 гг., а безусловно только 1169 г., т.к. в него вошли решения по делам, датированные ещё 1167-1168 гг.[1]

Связь постановлений и решений, изданных высшими органами власти, зафиксированных в рукописи под № 4189 с некоторыми статьями «Измененного и заново утвержденного кодекса» раскрывает нам в какой-то мере и соотношение прецедента и систематизтрованного законодательства в тангутском праве и показывает правотворческую роль императорских указов и постановлений. Роль единственного правотворческого органа, единственного законодателя и в тангутском государстве, и в Китае, как и во всех странах распространения дальневосточного права выполнял император.[2]

Император был не только единственным законодателем, но и верховным судьёй, конечной судебной инстанцией. Он решал (точнее, чаще утверждал) много дел, и эти решения, облечённые в форму указов и постановлений, приобретали общеобязательную юридическую силу (силу прецедента, по мнению Е.И. Кычанова). Собственно запись таких решений мы имеем в тангутской рукописи № 4189.[3]

Как увидел учёный на примере материалов рукописи № 4189 и «Измененного и заново утвержденного кодекса», некоторые решения высшей инстанции (императорские или санкционированные императором) при пересмотре действующего свода законов (или составлении нового) входили в новый свод законов. Таким образом, роль судебного решения императора (прецедента, по мнению исследователя) в системе дальневосточного права была велика. Правотворческое значение решений императора или выносимых им приговоров в значительной степени делало дальневосточное право правом, основанным на обязательном судебном решении (прецеденте).[4]

В 1974 году Евгений Иванович занялся проблемами тангутского обязательственного права. Был опубликован перевод тангутского документа купли-продажи земли 1170 г.[5], на основе которого можно охарактеризовать порядок заключения договора купли-продажи (в том числе, купли-продажи земли) в тангутском праве; формуляр договора

---

[1] Там же. С. 156.

[2] Там же. С. 156-157.

[3] Там же. С. 157.

[4] Там же. С. 157.

[5] *Кычанов Е.И.* Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 193-203. В данном сборнике см.: С. 153-161.

купли-продажи; права и обязанности продавца и покупателя; защита от истребования земли у покупателя. Данный документ имеет ещё одно важное значение. Он свидетельствует о наличии частной собственности на землю в тангутском праве, т.к. купля продажи земли является основанием возникновения права собственности.

В 1977 году Евгений Иванович продолжил исследование тангутского обязательственного права, проанализировав правила заключения договора займа, обепечиваемого залогом. Был опубликован перевод документа из Хара-Хото, на основе которого можно охарактеризовать порядок заключения договора займа в тангутском праве; формуляр договора займа; права и обязанности заимодавца и заёмщика; обеспечение договора займа залогом; статус поручителя и свидетелей сделки; порядок исполнения обязательств; а также ответственность должника при неисполнении условий договора.[1]

Данная тема была продолжена в статьях «Договор займа по тангутскому праву»[2] и «Документы из Хара-Хото о займе зерна»[3] Евгений Иванович начинает первую статью с определения договора займа: Договор займа – односторонний договор. Обязанной стороной является только заёмщик. Заимодавец требует от заёмщика возврата долга без процентов или с процентами, но никакой обязанности на нём самом не лежит. Тангутское право различало заём беспроцентный и заём под проценты (рост). Заём без процентов был возможен только у частного лица, заём под проценты как у частного лица, так и государя (казны). При беспроцентном займе в случае несостоятельности должника государство принимало меры к взысканию долга. По жалобе кредитора должника доставляли в присутственное место, где ему предъявлялось требование долг уплатить, а в наказание за несоблюдение взятого на себя обязательства неплательщик, если это был чиновник, имеющий ранг, платил штраф, а простой человек наказывался

---

[1] *Кычанов Е.И.* Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1977. – С. 146-152. В данном сборнике см.: С. 162-171.

[2] *Кычанов Е.И.* Договор займа по тангутскому праву // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 153-157.

[3] Документы из Хара-Хото о займе зерна / Предисловие и перевод с тангутского языка Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2012. – № 2 (17). – С. 38-43.

соответственно 10 или 13 ударами палкой.[1] В статье подробно анализируется правовое регулирование договора займа по своду законов и «Новым законам».[2] Вывод, к которому прищёл исследователь: договор займа по тангутскому праву в целом оформлялся на тех же условиях, что и по праву китайскому – и там и тут действовал один фундаментальный принцип оформления займа: рост (проценты) не должен был превышать капитала (суммы займа). Соответственно, ни тангутское, ни китайское право не знали долгового рабства. Известной особенностью тангутского права в отношении договоров займа была более значимая роль посредника, который первый привлекался к удовлетворению кредитора в случае несостоятельности должника. Ответственность посредника и поручителя вообще была чрезвычайно высока. Тот факт, что они привлекались к отработке долга ранее самого должника, свидетельствует о большой значимости ручательства за кого-либо и ответственности за него.[3]

Во второй статье публикуются три документа о займе (даны фотопии документов, перевод текстов на русский язык)[4] (в 2015 году статья на данную тему с была опубликована на английском языке, с фотокопией документов, воспроизведением текста на тангутском языке, переводом на китайский и английский языки; и комментариями к ним[5]). Вывод, которому пришёл исследовать при анализе данных документов таков: «Практика тангутов, по крайней мере в районе Хара-Хото, сочетала в себе китайский и тибетский принципы: процентная ставка устанавливалась на уровне 50%, и если погашение не производилось вовремя, общая сумма удваивалась. Тангутские законы подтверждают это наблюдение: в случае неуплаты долга в полном объеме должник нес ответственность всем своим имуществом, в то время как ему самому и его семье приходилось работать на кредитора, чтобы погасить свой долг».[6]

В 1978 году вышла статья, посвящённая правовому статусу на-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Договор займа по тангутскому праву. С. 153-154.
[2] Там же. С. 154-157.
[3] Там же. С. 157.
[4] Документы из Хара-Хото о займе зерна. С. 38-42.
[5] *Kychanov E.* Tangut Documents from Khara-Khoto concerning Loans of Grain (Translated and Edited by Kirill Solonin) // Written Monuments of the Orient. – 2015. – No. 1 (1). – P. 57-66.
[6] Ibid. P. 66.

ложниц в раннесредневековом китайском праве.[1] В данном исследовании Е.И. Кычанов охарактеризовал институты китайского брачно-семейного права того периода. Исследователь указывает, что для средневекового Китая, как правило, была характерна моногамная семья, состоящая из мужа (*фу*), его "законной" жены (*ди*) и их потомоков. Вопреки встречающимся в литературе сведениям, средневековый китаец не мог взять при наличии первой вторую законную жену, равную первой по статусу. Это рассматривалось как двоеженство и преследовалось законом. Если кто-то, имея "законную" жену, вступал во второй брак, его наказывали годом каторжных работ, а главу семьи, который отдал женщину из своей семьи уже женатому человеку в жены, подвергали телесному наказанию (100 ударов большой палкой). Если же двоеженец вступал во второй брак обманным путём, то срок каторжных работ для него увеличивался до полутора лет, а семья, отдавшая ему женщину во вторые жены, к судебной ответственности не привлекалась. При наличии первой жены второй брак во всех случаях подлежал немедленному расторжению.[2]

Второе замужество жены при живом муже, также каралось двумя годами каторги. Это касалось и наложниц. Однако в случае выхода второй раз замуж при живом муже, наложница подвергалась менее суровому наказанию, чем законная жена.[3]

Хотя мужу и не позволялось брать вторую "законную" жену (*ци*), указывает Е.И. Кычанов, он мог иметь наложниц, т.е. при наличии законной жены заключать второй, третий и т.д. брак. Число наложниц законом не лимитировалось. Брак с наложницей оформлялся официально. Наложниц или «брали в жены» (*цюй*), или «покупали» (*май*). «Когда вступают в брак с наложницей, то также следует оформлять брачный контракт». «Если покупают наложницу и не знают её фамилии, последнюю следует определять посредством гадания».[4] Наложницы имели свой учитываемый законом правовой статус.[5] Наложницы делились на две группы – *ин* и *це*. Правовой статус *ин* был

---

[1] *Кычанов Е.И.* Правовое положение наложниц в средневековом Китае (VII–X вв.). (По материалам Танского кодекса) // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 181-187.
[2] Там же. С. 181.
[3] Там же. С. 181.
[4] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Правовое положение наложниц в средневековом Китае. С. 181-182.
[5] Там же. С. 182.

выше, чем у *цэ*. Различие в статусе объяснялось не социальным происхождением наложниц, а положением их мужей. «Согласно законам группы *лин*, [у чиновников], имеющих ранги пятого разряда и выше, имеются наложницы *ин*, а у простых людей и [у чиновников, имеющих ранги самого низкого разряда] и выше [до рангов пятого разряда], имеются наложницы *це*».[1] В статье подробно анализируется правовой статус наложниц.[2]

Вывод, к которому пришёл исследователь, таков: «Как можно видеть из вышеизложенного, средневековый Китай юридически и в воззрениях на природу брака, не признавал многоженства. Фактически же оно существовало, ибо законодательство не только не осуждало сексуальные связи женатого мужчины с другими, помимо жены, женщинами – наложницами и рабынями, но и признавало за такими женщинами (наложницами) определённый социальный статус».[3] В связи с этим, следует подчеркнуть, что китайский термин *цѐ* имеет значение не только “наложница”, но и “младшая (второстепенная) жена”.[4]

В 1979-1981 годах Е.И. Кычанов обратился к исследованию законодательного регулирования правоотношений в своде законов «Сун син тун». В связи с этим на научных конференциях «Общество и государство в Китае» были сделаны доклады и опубликованы статьи в сборниках конференций об особенностях значения термина *сэ* 色 в законодательстве VII–X веков (1979 г.)[5] и о понятии “простой человек” в своде «Сун син тун» (1981 г.).[6] Эта тематика было продолжена и обобщена в статье 1981 года о сословно-классовой структуре общества Тан[7] и в более широком исследовании «Сословно-классовая струк-

---

[1] Цит. по: *Кычанов Е.И.* Правовое положение наложниц в средневековом Китае. С. 183.

[2] Там же. С. 183-186.

[3] Там же. С. 186-187.

[4] 妾 кит. *цѐ* – 1) младшая (второстепенная) жена, наложница… – Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1984. – Т. IV. – С. 1014.

[5] *Кычанов Е.И.* Значение термина «*сэ*» 色 в VII–X вв. (по материалам «Сун син тун») // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С. 112-117.

[6] *Кычанов Е.И.* Понятие “простой человек” в кодексе «Сун син тун» // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 145-152.

[7] *Кычанов Е.И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.) // Социальные организации в Китае: сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 43-52.

тура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.)» (1983 г.).[1] Раскрыв понятия «сословие» и «классы»[2], Е.И. Кычанов переходит к китайскому термину «*сэ*».[3] Учёный указывал, что в китайских текстах эпохи Тан часто можно встретить термин «*сэ*» для обозначения разных социальных групп общества. Выяснение смысла этого термина было предпринято автором по тексту свода законов сунской династии «Сун син тун» (963 г.) из тех соображений, что этот свод законов по содержанию весьма близок к танскому уложению «Тан люй шу и» (653 г.) и одновременно шире его за счёт привлечения указов двух периодов – Тан и Удай (X в.).[4] В результате Евгению Ивановичу удалось выявить четыре уровня употребления слова *сэ* для обозначения социальной стратификации общества. В самом общем смысле, особенно в текстах указов, слово *сэ* заключало в себе вообще все наличные уровни социальной стратификации суммарно, т.е. в виде абстракции, отдаленно приближающейся к нашему понятию «сословие».[5] Однако чаще всего слово *сэ* указывало на конкретный социальный (правовой) статус, на место той или иной группы лиц в системе социальной стратификации.[6]

Наряду со значением, близким понятиям «сословие», под словом *сэ* в законодательных актах подразумевались также группы лиц, наделённых конкретными правомочиями, имеющих определённую, установленную законом правоспособность и дееспособность, или разряды чиновников, должностные группы.[7] Таким образом, не выполняя функции строго конкретного социального термина, слово «*сэ*» в китайских текстах VII–X вв. означало социальную стратификацию вообще, указывало на принадлежность к группе членов общества, объединенных определенными правами и обязанностями. Вместе с тем слово «*сэ*» выступало как чисто юридический термин, обозначая группы лиц, наделенных законом определёнными правами и обязан-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 40-53.
[2] Там же. С. 40-43.
[3] Там же. С. 44.
[4] *Кычанов Е.И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан. С. 43.
[5] Там же. С. 43.
[6] См.: Там же. С. 44.
[7] Там же. С. 44.

ностями.[1] В связи с этим, Е.И. Кычанов указывал, что сословиями «…в обществе Тан являлись рабы, казенные и частные; другие категории несвободного населения (*гуаньху*, *цзаху*, *гун*, *юэ*, *буцюй* и *кэнюй*, *тайчан иньшэнжэнь*); простые люди, не состоявшие на государственной службе (*фаньжэнь*, *байсин*), и чиновники».[2] В статье подробно анализируется правовой статус данных категорий населения.[3]

Исследователь указывал, что в представлении самого китайского общества VII–X вв., отражённом в праве, все члены общества делились на две большие социальные группы: людей добропорядочных, лично свободных, не находившихся в собственности частного лица или государства (*лянжэнь*); и людей "подлых", лично несвободных, находившихся в собственности или частного лица или государства (*цзяньжэнь*). Разделение фактически проходило по принципу: несостоящие в чьей-то собственности и состоящие в чьей-то собственности, и по форме идеологического отражения этого разделения в общественном сознании эти люди были расквалифицированы по принципу оценки их моральных качеств, считавшихся врожденными: добродетельности и благородства – и подлости и низости натуры. Состояние личной несвободы, низости натуры было наследственным.[4]

Круг лично несвободных людей в Китае VII–X вв. чётко очерчен. Это частные и казенные рабы (*нуби*); частные лично несвободные люди *буцюй* и *кэнюй*; и казенные лично несвободные люди *гун* (мастеровые), *юэ* (музыканты), *гуаньху*, *цзаху*, *тайчан иньшэнкэнь* (музыканты Палаты жертвоприношений Тайчан); и так называемые *чанчжу* ("постоянно живущие", люди принадлежавшие буддийской *сангхе*). Эти категории входили в класс эксплуатируемых.[5]

К свободным добропорядочным людям *лянжэнь*, указывал Е.И. Кычанов, относились как чиновники (*гуань*), так и простолюдины (*байсин*).[6] Далее дана характеристика правового положения чиновников (*гуань*), составлявших основу господствующего класса.[7] За этим следует характеристика правового статуса основной и многочис-

---

[1] Там же. С. 44-45.
[2] Там же. С. 45.
[3] См.: Там же. С. 45-52.
[4] *Кычанов Е.И.* Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.). С. 44-45.
[5] Там же. С. 45.
[6] Там же. С. 46.
[7] Там же. С. 47-48.

ленной категории населения – простолюдинов (*байсин*), к которым исследователь относил земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*), торговцев (*шан*) и людей, получивших образование, но не состоявших на государственной службе (*ши*).[1] Как особую правовую категорию среди свободных исследователь выделял монахов.[2]

И далее Е.И. Кычанов сравнил с китайскими категории населения в Корее[3] и Японии[4], находя сходство социальной структуры для обшеств второй половины VII – X вв.[5]

Ещё одна статья, связанная с анализом правового статуса лиц в китайском раннесредневековом праве, посвящена характеристике правового положения арендаторов и наёмных работников периода династии Сун.[6] Продолжением темы стала публикация перевода с китайского языка документа 1222 г. периода тангутского государства Си Ся Он представляет собой договор об аренде пекарни, условиях контракта и найме рабочих для выпечки лепешек.[7] Этот документ ценен для изучения хозяйственной деятельности населения не только региона Хара-Хото и государства Си Ся, но и всего Китая периода Сун (X–XIII вв.).[8]

Хозяин пекарни Ван Юань-шоу, очевидно, китаец. Арендатор по фамилии Ли Чунь-гоу тоже китаец, по имени – мог быть и тангутом. Арендаторы, получив в аренду пекарню и пшеницу, рассчитывали продажей лепешек оправдать не только долг и проценты, но и иметь прибыль. Поскольку помимо пекарни они получали и пшеницу (возможно, пшеничную муку), в контракте расчёт также предполагается пшеницей (что было в соответствии с действующим правом) – а это значит, что, продав лепешки, они на вырученные деньги должны были приобрести то количество пшеницы, которое позволяло опла-

---

[1] Там же. С. 48-49.
[2] Там же. С. 49.
[3] *Кычанов Е.И.* Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.). С. 50.
[4] Там же. С. 50-52.
[5] Там же. С. 51-52.
[6] *Кычанов Е.И.* Правовое положение арендаторов и наемных работников в эпоху Сун // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 38-43.
[7] *Кычанов Е.И.* Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке // Письменные памятники Востока. – 2012. – № 1 (16). – С. 24-27.
[8] Там же. С. 25.

тить долг. По китайскому (и тангутскому Си Ся) праву общим положением было то, что долг возвращался тем, что было взято в долг, и проценты, вне зависимости от срока займа, не должны были превышать суммы займа.[1] Однако обязательство предусматривает, что если срок оплаты будет нарушен, то в качестве штрафа сумма долга удваивается – за каждый *дань* (*ши*) пшеницы требуется возвратить два. Это было очень тяжёлое условие. Удваивалась и цена за использование оборудования.[2]

Ещё одна из статей, посвящённая ответственности должника за неисполнение обязательств по договору найма работ, была написана исследователем в 2013 году.[3] Документ под инв. № 6164 был обнаружен в конце 2011 г. во время завершения последней сверки Тангутского фонда ИВР РАН[4] (в стате приведена фотокопия документа[5]). Е.И. Кычанов сделал перевод документа на русский язык[6] и дал комментарий.[7] Речь в документе идет об устной договоренности между лицом с монашеским именем Хуэй Бао и мастером с именем Железная Собака о заказе на изготовление колчана и десяти стрел. Мастер почему-то два года не выполнял заказ. Заказчик, не добившись исполнения обязательства подрядкиком, обратился с жалобой к властям. Адресат подачи жалобы-доклада не указан, но возможно, что это иск в суд, скорее всего, в администрацию округа или уезда, ибо таковая одновременно и была первой или второй судебной инстанцией, т.к. суд не был отделён от администрации.[8]

Вывод, полученный учёным, таков: с правовой точки зрения документ интересен свидетельством того, что в юридической практике тангутского существовали устные договоренности при свидетелях о выполнении заказов или каких-то обязательств, когда не составлялся письменный документ. Это вполне естественно в обыденном общении. В данном случае заказ не был выполнен подрядкчиком и, видимо, не был оплачен заказчиком. Можно предположить, что не было и за-

---

[1] Там же. 25.
[2] Там же. С. 27.
[3] *Кычанов Е.И.* Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. – 2013. – № 1 (18). – С. 5-8.
[4] Там же. С. 5.
[5] См.: Там же. С. 6.
[6] Там же. С. 5.
[7] Там же. С. 5, 7.
[8] Там же. С. 5.

датка (о любых случаях наличия оплаты или предоплаты в документе должно было бы быть упомянуто). Может быть, поэтому мастер не захотел выполнять заказ, или имелись ещё какие-то причины, о которых в документе не сказано. Но заказчик решил требовать выполнения заказа “по закону”, через административные органы, очевидно, города Эдзина (Хэйшуйчэн, Хара-Хото), где и был найден документ.[1]

В 1981 году Евгений Иванович обратился к исследованию правового аспекта организации и содержания ирригационного хозяйства государства Си Ся.[2] На основании анализа тангутского законодательства учёным было установлено, что все большие оросительные каналы страны были “государевыми каналами”, т.е. принадлежали государству.[3] Вода в системах орошения и сами системы орошения в Си Ся были государственной (государевой) собственностью. Сведений о частной собственности на воду для орошения и системы орошения в тангутском своде законов нет. Нет никаких сведений о специальных выплатах за воду. Видимо, единственной платой за полив полей и садов являлись регулярные работы на канале, срок которых зависел от размеров эксплуатируемого участка земли, а, значит, и от количества потребляемой воды, так как для орошения большого количества земли требовалось и больше воды.[4]

Администрация каналов делилась на государственную и общественную, выдвигаемую от водопользователей. К ней предъявлялось одно требование: это должны были быть люди, «знающие порядок использования земли и воды». В число государственных служащих входили разъездные инспекторы и управляющие каналами (должность разъездного инспектора была старшей). Общественными были должности “наблюдающего за водой” и “обслуживающего канал”. Они вводились только на больших магистральных каналах и замещались «из года в год поочерёдно, соответственно из семей, потреблявших воду». “Наблюдающие за водой” и “обслуживающие канал” несли вахту круглые сутки. На больших каналах также на отдельные участ-

---

[1] Там же. С. 7.

[2] *Кычанов Е.И.* Ирригационное хозяйство Си Ся (правовой аспект) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1979. Часть 1 (1). – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 121-125.

[3] Там же. С. 121.

[4] Там же. С. 124.

ки канала назначались ответственные за них старшие.[1]

Строительство новых и ремонт действующих каналов считались делом большой государственной важности. Руководители работ, «люди, хорошо владеющие искусством рыть каналы», назначались лично государем. Ремонтные и строительные работы начинались весной, обычно силами людей, отбывавших трудовую повинность. Срок отработок зависел от того количества земли, которым владел (или которое обрабатывал) данный хозяин, и по закону не должен был превышать 40 дней в году. Руководители работ не имели права самовольно задерживать отбывавших трудповинности (за задержку на 10 лишних дней – 2 года каторги) и несли ответственность за простой рабочих. Иногда обычные отработки на канале могли заменяться поставкой жердей и иных материалов для ремонта канала.[2]

Отбывавшие трудовую обязанность распределялись по бригадам, по 20 человек в каждой. Каждая бригада избирала двух старших: *туань тоу* (бригадира), и *хэчжуна* (смысл второй должности не ясен). Рабочие работали по-парно, нормы выработки определялись на двоих, долгом рабочих по закону было: «производить ремонт [канала] старательно, копая землю на нужную глубину и ширину».[3] В статье пранализированы обязанности служащих каналов по надлежащему содержанияю гидротехнических сооружений.[4] Характеризуется регулирование водораспределения.[5] Существовала установленная (возможно, местными властями) очередность на получение воды; закон выступал против злоупотреблений с её распределением.[6] Тема была продолжена в статье «Ирригация в тангутском государстве Си Ся» (на англ. яз.)[7], где дан перевод на английский язык статей из тангутских законов, касающихся системы ирригации.[8]

В 80-е гг. XX века Евгений Иванович активно занимался исто-

---

[1] Там же. С. 122.
[2] Там же. С. 121-122.
[3] Там же. С. 122.
[4] См.: Там же. С. 122-123.
[5] См.: Там же. С. 123-124.
[6] Там же. С. 124.
[7] *Kychanov E*. Irrigation in the Tangut State of Xi Xia (982-1227) // Talking about Dunhuang on the Riverside of the Neva 涅瓦河邊談敦煌 / Ed. by Takata Tokio 高田時雄編. Institute for Research in Humanities Kyoto University 京都大學人文科學研究所 . – 2012. – P. 1-19.
[8] Ibid. P. 4-19.

рией **китайского права**, участвуя в международных симпозиумах[1] и публикуя результаты научных исследований.[2] В связи с этим в 1985 году Е.И. Кычанов написал статью, посвящённую характеристике китайских источников права до XIII в.[3] Учёный совершенно правильно указывает, что законы появились в Китае с глубокой древности. Право возникло вместе с возникновением древнекитайского государства как его неотъемлемая часть. В период "Весны и осени" (722-481 гг. до н.э.) законы записывали на бронзовых треножных сосудах, а в период "Воюющих государств" (403-221 гг. до н.э.) Ли Гуй из государства Вэй составил первый свод законов из шести глав – «Фа цзин» ("Канон законов"), который хотя и не обнаружен до настоящего времени, но по традиции считается "законным" предком всех последующих китайских сводов законов. В 1975 г. в местечке Шуйхуди уезда Юньмэн пров. Хубэй были найдены законодательные акты и административные постановления, относящиеся к династии Цинь (246-207 гг. до н.э.), записанные на бамбуковых пластинках. Полагают, что это законодательные акты, которыми пользовался в своей судебной практике некий Си (262-217 гг. [?] до н.э.), чиновник империи Цинь в этом районе. Профессоры Икэда Он и Окано Макото полагают, что данные тексты были «практическим разъяснительным материалом, относящимся к терминологии и применению свода законов Цинь». В дальнейшем там же были найдены отрывки из свода законов государства Вэй периода "Воюющих государств", относящиеся к разделам "законов о семье" (*ху люй*) и "законов о беглых" (*бэнь мин люй*). Своды законов следующей династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), не сохранились до наших дней, но уже сунский учёный Ван Иньлинь сделал попытку их реконструкции по самым разным материалам, дошедшим до его эпохи. В недавнее время эту работу также проделали известные историки китайского права Шэнь Цзя-бэнь в Китае, Торо Асай в Японии и

---

[1] *Кычанов Е.И.* Международный симпозиум «Трансформация китайского права от Тан до Мин» // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 3. – С. 143-144.

[2] *Кычанов Е.И.* Преступления против императора по традиционному китайскому праву // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 136-140.

[3] *Кычанов Е.И.* Виды китайского законодательства до династии Юань (XIII в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983-1984. Часть I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985. – С. 53-57.

Ф. Хульсеве в Европе.[1]

Уже при династии Хань сложилась система уголовных законов *люй*, которые были не просто ядром традиционных китайских законов, но и составляли большую часть их; и вспомогательных статутов *лин*, которые дополняли законы *люй*. Уголовные законы *люй* были стабильным наследием предшествовавших императоров, а статуты *лин* – то, что было составлено и введено императорами позднейшими. При Хань между *люй* и *лин* ещё не было строго функционального различия, и *лины*, являясь сводами императорских указов, включали в свой состав и нормы уголовного права. «Писанные законы, на основании которых выносятся приговоры, называются *люй* и *лин*».[2] Однако постепенно в процессе многовекового разделения функций сводов писанных законов, сложилось иное различие между *люй* и *лин*. «*Люй* и *лин* стали бок о бок как независимые и функционально различные кодексы законов. Первые включали уголовные законы, а последние неуголовные, административные законы. *Лины*, таким образом, полностью перестали быть собранием императорских указов и утвердились в качестве независимого кодекса в паре с *люй*».[3] Теперь *люй* были законами и уголовного, и гражданского, и административного, и процессуального права, это был “свод законов”, а статуты *лин* устанавливали социальные нормы и стандарты, и регулировали деятельность администрации, – указывал Е.И. Кычанов.[4]

Такое различие между *люй* и *лин* сохранялось до свода законов Мин («Мин люй») и Минских статутов («Мин лин»), до конца XIV века. При Шести династиях (375-583 гг.), династиях Суй (589-619 гг.) и Тан (618-907 гг.) законы *люй* и статуты *лин* составлялись одновременно. Каждая династия имела свой свод законов и свои статуты, а при династии Суй и в первый период правления Тан и свод законов, и статуты подвергались пересмотру в каждое царствование (*чао*).[5]

Первым китайским сводом законов, полностью дошедшим до наших дней, является уложение династии Тан («Тан люй шу и» – «Уголовные установления Тан с комментариями и разъяснениями», составленные под руководством зятя императора Тай-цзуна (627-629

---

[1] *Кычанов Е.И.* Виды китайского законодательства до династии Юань. С. 53-54.
[2] Цит. по: Там же. С. 54.
[3] Цит. по: Там же.
[4] См.: Там же. С. 56.
[5] Там же. С. 54.

гг.). Чансунь Уцзи (?–659 гг.). Свод законов Тан следовал своду законов династии Суй, а непосредственными предшественниками законов и статутов династий Суй и Тан были заколны и статуты династии Северная Ци (549-579 гг.), именовавшиеся «Хэ-цин люй лин» («Уголовные законы и статуты годов царствования *Хэ-цин* (562-565 гг.)», в свою очередь, восходившие к законам династии Северная Вэй (386-535 гг.). Полагают, что первоначально свод законов Тан именовался просто «Люй шу» («Свод уголовных законов с комментариями»), а его современное наименование появилось позднее, лишь при династии Юань (1280-1367 гг.). Уложение Тан было составлено специальной комиссией в 653 г. и, возможно, в самом начале именовался также «Юн-хуэй люй шу» («Свод уголовных законов с комментариями годов царствования *Юн-хуэй*», 650-655 гг.). Японские учёные Макина Тацуми и Ниида Нобору исследовали административные реалии текста уложения Тан (титулы, наименования управлений, должностей и т.п.) и пришли к выводу, что сохранившийся до наших дней текст свода законов восходит к изданию 737 г., но нет никаких свидетельств тому, что с 653 по 737 гг. содержание уложения претерпело бы какие-либо серьёзные изменения. Китайский исследователь Ян Тинфу полагал, что сохранившийся текст свода законов непосредственно восходит к тексту 653 г. Старейшим является рукописный текст уложения, обнаруженный в XIX в. и изданный в серии “Сы бу цун кань” под названием “Гу Тан люй шу и”, с добавлением слова “*гу*” (“старый”). Другие тексты свода законов восходят к юаньскому изданию 1332 г.[1]

Свод законов династии Сун (960-1279 гг.) «Сун син тун» (“Собрание уголовных законов династии Сун”) является переработкой специальной комиссией свода законов династии Хоу Чжоу (951-960 гг.) «Да Чжоу син тун». Свод законов Сун был завершен в 963 г. и первоначально именовался «Чжун сян дин син тун» (“Исправленное и пересмотренное собрание уголовных законов”). Свод законов Сун почти абсолютно копирует свод законов Тан. В нём по сравнению со сводом законов Тан слегка было изменено расположение материала и были заменены иероглифы, ставшие табуированными для правящей сунской династии Чжао. Изменения в структуре сводились к следующему. Текст внутри *цзюаней* (глав) был поделён по 213 разделам (*мэн*). В начале каждого *цзюаня* было помещено наименование статей

[1] Там же. С. 55.

и после текста каждой статьи были введены дополнения (*чжунь*), в которые были включены конспективные выдержки из императорских указов с 714 по 962 гг., имеющие отношение к тексту статьи. Свод законов оставался в силе все годы правления династии Сун. Вместе с тем династия Сун внесла свои новшества. В дополнение к своду законов была введена практика издания собраний императорских указов (*чи*), которые в практической деятельности судей стали заменять статьи свода законов. За 319 лет правления династии Сун было издано более 180 сборников законодательных актов.[1]

Отдельную группу составляли законы, именовавшиеся *гэ* ("правила"). При Тан *гэ* составляли сборники указов, дополнявших свод законов, при Сун – специальные правила, определявшие штат чинов, размеры наград, сроки отпусков по случаю ношения чиновниками траура и т.п. При династии Сун правила *гэ* всегда были связаны с установлением размера и количества чего-либо.[2] Законы четвёртой группы – *ши* ("правила ритуального поведения") определяли правила свя̀зи с другими людьми или с иными мирами, чем мир людей.[3] Законы групп *гэ* и *ши* практически не сохранились. Мало осталось и от статутов *лин*. Собранные по крупицам японским учёным Ниида Нобору[4], они составляют отдельный сборник.[5]

Эта система четырех групп законов *люй-лин-гэ-ши* получила укороченное название "*люй-лин*". В 737 году был издан свод законов этой системы «Гэ ши люй лин ши лэй», в котором законы были изложены тематически, что значительно облегчало пользование ими. К сожалению, этот важнейший памятник старого китайского права не дошёл до наших дней. Сохранилась лишь часть аналогичного сунского свода «Цин-юань тяо фа ши лэй» от 1202 г.[6]

Ещё одной статьёй, анализирующей институты китайского уголовного права, стало исследование «Закон Тан о борьбе с хищениями людей» (1986 г.).[7] Е.И. Кычанов абсолютно верно указывает, что «это

---

[1] Там же. С. 55-56.
[2] Там же. С. 56.
[3] Там же. С. 56.
[4] См.: *Ниида Нобору* 仁井田 陞. Tō pē sō и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). – Токио 東京: Tōkē-дайгаку сюппан-кай 東京大学 出版会, 1964. – 1006 с.
[5] *Кычанов Е.И.* Виды китайского законодательства до династии Юань. С. 57.
[6] Там же. С. 56.
[7] *Кычанов Е.И.* Закон Тан о борьбе с хищениями людей // Письменные памятники и

было преступление против личности – в том случае, когда дело шло о похищении лично свободного человека»; когда похищали рабов (несвободных) – «оно было разновидностью хищения имущества, когда объектом похищения был человек лично несвободный».[1]

При этом исследователь подчёркивает, что «похищение человека с целью его продажи было преступлением, прежде всего характерным для докапиталистических формаций, когда существовала собственность на людей»[2] (т.е. на рабов). В стате анализируются различные случай похищения людей (детей, женщин, мужчин), ответственность преступников; ответственность в случае покушения на совершение данного преступления.[3] Как преступление, близкое к похищению людей, квалифицировалась и продажа одного человека другим с их взаимного согласия (*хэ тун сян май*).[4] Похищение *буцюй* (зависимого человека) с целью продажи его в рабство каралось ссылкой на 3 тыс. *ли*.[5]

Похищение же чужого раба уже прямо приравнивалось к ограблению, а увод его «путём соблазна» – к тайной краже.[6] К продаже раба с его согласия приравнивалась поимка беглого раба, невозвращение его и продажа.[7]

Покупатель, знавший, что покупает похищенного или соблазнённого человека; человека, согласившегося, чтобы его продали; похищенного или соблазненного раба или *буцюй* – получал наказание меньшее на одну степень, чем продавец. Знание того, что перед ним похищенный человек, делало покупателя соучастником преступления.[8]

Бороться с продажей похищенных людей была обязана администрация рынков, специализировавшихся на продаже людей. Долгом чиновников было установить, что продаваемый потомственный раб, а не лично свободный похищенный или соблазненный человек.[9]

проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю). Часть III. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985. – С. 48-53.

[1] Там же. С. 48-49.
[2] Там же. С. 49.
[3] Там же. С. 49.
[4] Там же. С. 49
[5] Там же. С. 50.
[6] Там же. С. 50.
[7] Там же. С. 50.
[8] Там же. С. 50.
[9] Там же. С. 51.

В статье анализируются различные случаи совершения данных преступлений, ответственности за них организаторов исполнителей и соучастников преступлений.[1]

В 1989 году Е.И. Кычанов исследовал значение термина “*бу*” в старых китайских описаниях соседних с Китаем народов.[2] Учёный пришёл к выводу, «что “*бу*” – это универсальная единица для обозначения различающихся по своей сущности составных частей того или иного народа или государства, соседствовавшего с Китаем»[3]; «…нам хотелось обратить внимание тех, кто работает с китайскими описаниями соседних народов на необходимость отказа от заведомо определённого усвоенного традицией перевода таких социальных терминов как “*бу*”, “*було*”, “*цзу*” и т.п. племенами и родами. ... Особенно это важно при использовании китайских источников для исследования социальных, административных, политических структур соседних с Китаем народов и государств».[4]

Важная для понимания специальных терминов, связанных с государственным правом (название различных должностей и органов государственного управления) статья была написана Е.И. Кычановым в 1991 году.[5]

Результатом исследования источников и различных институтов китайского права стала публикация широко известной монографии «Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)» (1986 г.).[6] Данная монография содержит разделы о источниках права, правовом статусе лиц, разделы по истории китайского гражданского (включая брачно-семейное), уголовного, процессуального, административного и военного права. До сих пор эта монография остаётся единственным в России и постсоветском пространстве исследованием на данную тему.

---

[1] См.: Там же. С. 49-51.

[2] *Кычанов Е.И.* О переводе термина «бу» в старых китайских описаниях соседних с Китаем народов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1988 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С. 140-143.

[3] Там же. С. 140.

[4] Там же. С. 143.

[5] *Кычанов Е.И.* Заметки об аппарате управления государством в старом Китае // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 185-188.

[6] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.) / АН СССР. Институт востоковедения. – М.: ГРВЛ, 1986. – 264 с.

В конце 80-х гг. XX века происходит знаменательное научное событие: четырёхтомное издание текста, перевод с тангутского, исследование и комментирование тангутского свода законов XII века «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169)».[1] Данный свод законов является ценнейшим источником права, содержащим нормативно-правовые материалы по истории тангутского государственного, торгового, гражданского (в том числе, брачно-семейного), земельного, уголовного, процессуального права. Продолжением данного свода законов являются «Новые законы» тангутского государства, также переведённые и прокомментированные Е.И. Кычановым.[2] В 2005 году в периоди-

---

[1] Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1-7). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1987. – 704 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 2); Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 1: Исследование. Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1988. – 464 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI); Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 3: Факсимиле, перевод и примечания (главы 8-12). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1989. – 620 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 3); Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 4: Факсимиле, перевод и примечания (главы 13-20). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1989. – 676 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 4). Издание первых семи глав данного свода законов с переводом на китайский язык см.: Си Ся фа дянь — Тянь-шэн нянь гай цзю дин синь люй-лин (ди 17 чжан) 西夏法典 — 天盛年改舊定新律令 (Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (главы 1–7)) / Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫 俄譯; пер. на кит. яз. Ли Чжун-саня 李 仲三 漢譯; ред. пер. Ло Мао-кунь 羅 矛昆 校訂. – Иньчуань 銀川 : Нинся жэньминь чубаньшэ 寧夏人民出版社, 1988. – 212 с.

[2] «Новые законы» тангутского государства. Глава VI. Законы и нормы поведения. Введение, перевод с тангутского и комментарий Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2010.– № 2 (13). – С. 5-31; *Кычанов Е.И.* Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся) // Mongolica-X. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. – С. 58-64; «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Наука– Восточная литература, 2013. – 501 с. (Памятники письменности Востока; CXL)

ческом издании вышел в печати перевод свода военных правил «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления *Чжэньгуань*» (1101–1113).[1] Тем самым Е.И. Кычанов создал основу для историко-правовых исследований тангутского права другими учёными.

Евгений Иванович также опубликовал серию статей и книг о государствах и правителях Центральной и Восточной Азии[2], где содержится материал как по истории государственного права, так и международных отношений (международного права). Е.И. Кычанов был одним из участников большого проекта – 6-томной «Истории Востока»[3], где он стал автором разделов «Тангутское государство Си Ся» и «Монгольское государство в XII – XIII вв.».[4]

Евгений Иванович являлся научным руководителем диссертантов, проводивших исследования на темы, связанные так или иначе с

---

[1] *Кычанов Е.И.* «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэньгуань» (1101–1113) // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 1 (2). – С. 5-34.

[2] *Кычанов Е.И.* Государство жуаньжуаней // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1987 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – С. 109-115; *Кычанов Е.И.* О ранней государственности у *киданей* // Центральная Азия и соседние территории в средние века – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 10-24; *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Ответственный редактор С.А. Школяр. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 319 с.; *Кычанов Е.И.* Абахай / Ответственный редактор В.Е. Ларичев. – Новосибирск: СО «Наука», 1986. – 150 с.; *Кычанов Е.И.* Властители Азии. – М.: Восточная литература, 2004. – 631 с.: ил.; *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с. Особо нужно выделить монографию: *Кычанов Е.И.* Император Великого Ся / Отв. редактор В.Е. Ларичев. – Новосибирск: СО «Наука», 1991. – 160 с. (Серия «Страны и народы»). В книге рассказывается о попытке третьего тангутского государя Великого Ся по имени Юаньхао стать императором. Описаны обычаи тангутов; события, происходившие на рубеже X–XI веков в Ордосе: появления нового государства на границах Китая; усилия дипломатов, стремившихся поставить “ложного” импетарора тангутов вровень с императором династии Сун. См.также: *Кычанов Е.И.* [Рецензия:] Ши Цзинь-бо. Си Ся шэхуй (Общество Си Ся) // Письменные памятники Востока. – 2009.– № 2 (11). – С. 251-253.

[3] История Востока: в 6-ти тт. Т. 2: Восток в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. В числе авторов: О.Г. Большаков, М.В. Воробьев, С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, И.Б. Михайлова, И.В. Можейко, В.Л. Успенский. 5-е изд. М.: Восточная литература, 2009. – 716 с.: карты.

[4] Там же. С. 320-327, 364-384. В 1995 году была опубликована статья о использовании принципа сыновей постительности *сяо* в тангутском обществе: *Kychanov E.* Unique Tangut Manuscripts on Moral and Ethical Regulations in the Tangut Society // Manuscripta Orientalia. – 1995, October. – Vol. 1. – No 2. – P. 3-8.

историей государственного права.[1]

Кроме того, в память о своём друге Михаиле Васильевиче Воробьёве, Евгений Иванович написал статью, характеризующую М.В. Воробьёва как учёного–востоковеда (в том числе, как историка дальневосточного права).[2]

Таким образом, с самого начала своей научной деятельности Евгений Иванович Кычанов показал себя не только как профессиональный учёный–востоковед, но и как большой специалист по истории тангутского, тибетского, китайского, монгольского государства и права, знаток центральноазиатской и дальневосточной правовых семей периода древности и средневековья. Его научное наследие огромно, его вклад в историю права неоценим. Современные историки права должны обязательно использовать труды Евгения Ивановича в своих исследованиях и при чтении учебных курсов по истории права.

Suroweñ D.A.

Evgeniy Ivanovich Kychanov as a legal historian

The article analyzes the scientific activity of Evgeniy Ivanovich Kychanov as a legal historian. The great contribution of the scientist to the development of the Russian science of the history of law is shown. The scientific achievements in the study of the Tangut, Tibetan, Mongolian and Chinese states and law are analyzed.

Keywords: Tangut state and law; Tibetan state and law; Mongolian state and law; Chinese state and law.

---

[1] *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. Автореферат на соискание степени канд.и.н. / Научный руководитель Е.И. Кычанов. – СПб., 2004. – 25 с.; *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Ответственный редактор Е.И. Кычанов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 228 с.

[2] *Кычанов Е.И.* Михаил Васильевич Воробьев (1922-1995) // Петербургское востоковедение. Выпуск 8. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – С. 669-672; *Кычанов Е.И.* М.В. Воробьев – Ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 23-34; повторно издана в: *Кычанов Е.И.* М.В. Воробьёв – Учёный // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 33-42.

Dmitriy Aleksandrovich Suroweñ – candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of Department of History of State and Law of Ural State Law University (*Russia*, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21). *E-mail*: Yamato.ur@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.15, 340.130, 340.151, 340.152, 94(510)

Кычанов Е.И.

СВОД ВОЕННЫХ ЗАКОНОВ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА «ЯШМОВОЕ ЗЕРЦАЛО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕТ ЦАРСТВОВАНИЯ *ЧЖЭНЬ-ГУАНЬ* (1101–1113)»[1]

Исследование законодательного памятника тангутов «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань», изданого в годы правления *Чжэнь-гуань* (1101–1227), в царствование тангутского государя Цянь-шуня.

Ключевые слова: источники права; тангутское право; военные законы.

В тангутском фонде ЛО ИВАН во фрагментах сохранился важный источник для изучения армии тангутского государства Великое Ся (982-1227), один из самых ранних известных нам законодательных памятников тангутов «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань» (1).[2] Памятник был издан, судя по заглавию, в годы правления *Чжэнь-гуань* (1101–1227) тангутского государя Цянь-шуня ксилографическим способом. Во фрагментах, зарегистрированных под инв. №№ 2616, 2617, 2618, 3481, 4183, 4184, 7766, 7931, до наших дней сохранились отрывки трёх изданий памятника большого и малого форматов. Все книги были сброшюрованы “бабочкой” в сунском варианте этого способа брошюровки. Издание большого формата было двух типов. Первый представлен фрагментом под № 2617; размер листа 30 × 18,5 *см*, размер текста 19,5 × 15,5 *см*. 9 строк по 13 знаков в строке, в начале каждой статьи кодекса по 14 знаков в строке. Пагинация тангутская, лл. 4б–9а, 10 стр. Бумага белая, тонкая, прочная. Глава вторая памятника, сохранность хорошая. Второй тип издания большого формата представлен фрагментом под № 3481; размер листа 29 × 17 *см*; размер текста 20,5 × 15,5 см. 9 строк по 14 знаков в строке, в начале каждой статьи кодекса по 16 знаков в строке. Пагинация тангутская, лл. 1–3б, 5а–10б, 12а–17б, 30 стр. Бумага белая, тонкая. Глава третья памятника. Края книги оборваны, сохранность фрагмента плохая.

Издание малого формата представлено фрагментами под инв. №№ 2616, 2618, 4183, 4184, 7766, 7931; размер листа 24,5 × 18 *см*, размер

---

[1] Впервые опубликовано в: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 229-243.

[2] Все написания в тангутском оригинале даны в приложении к статье в порядке, обозначенном арабскими цифрами в скобках.

текста 21,2 × 15 *см*. 9 строк по 14 знаков, в начале каждой статьи кодекса по 15 знаков. Пагинация тангутская. Инв. № 2616, лл. 1а –6а, 11 стр. Оглавление главы второй и две страницы текста. Инв. № 2618, лл. 7б–11б, 9 стр., глава вторая. Инв. № 4183, л. 7, 2 стр., глава вторая. Инв. № 4184, л. 12а, 1 стр., глава вторая. Инв. № 7766, лл. 2б–8б, 13 стр., глава четвертая. Инв. № 7931, лл. 1а–2а, 3 стр. Оглавление и начало главы четвёртой. В двух названных последними фрагментах главы четвёртой начало каждой статьи кодекса выделено не одним, а двумя знаками, и поэтому в начале каждой статьи по 16 знаков в строке. Бумага серая, тонкая, прочная. Сохранность удовлетворительная.

Тангутские военные законы лет царствования *Чжэнь-гуань* были изданы в начале XII в., когда после длительного ослабления Ся и господства в стране императриц-регентш из семьи Лян и их братьев к власти в лице Цянь-шуня снова прочно возвратились представители правящего дома Вэймин. Издание законов, очевидно, было одним из мероприятий по укреплению государства, которые проводил в те годы Цянь-шунь. Само объявление девиза правления *Чжэнь-гуань* имело на Дальнем Востоке определенную историю, поскольку это был девиз правления танского императора Тай-цзуна (627-649), годы правления которого позднее стали рассматриваться конфуцианской традицией как время спокойствия и порядка. Не случаен выбор и наименования кодекса военных законов – «Яшмовое зерцало». С глубокой древности “яшмовое зерцало” в Китае было символом «пути чистоты и света», т.е. пути порядка, пути управления, основанного на законе и справедливости.

К началу XII в. тангутская армия продолжала оставаться одной из сильнейших армий Дальнего Востока и Центральной Азии. Она доказала свою боеспособность в многочисленных войнах с сунским Китаем, *киданями*, *уйгурами*, восточнотибетскими племенами. По данным китайских источников, численность тангутской армии достигала 500 тыс. человек.[1] Из китайских источников было известно, что основной организационной единицей в армии Ся был отряд в 300 человек. Десять таких отрядов образовывали более крупное воинское соединение, состоящее из 3 тыс. человек.[2]

---

[1] Сун-ши 宋史 («История династии Сун»), гл. 486 卷 486、“Сы бу бэйяо” 四部備要. – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1935-1936. – С. 3797.

[2] *Дай Си-чжан*. 戴 錫章. Си Ся цзи 西夏紀 (Записи о Си Ся), гл. 6 卷6. – Пекин 北京: Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1924. – С. 12 б.

Эти сведения в значительной степени подтверждаются и тангутским первоисточником. В сохранившихся фрагментах текста «Яшмового зерцала управления» повсюду речь идёт о командирах от сотника до командира 3 тыс. человек, причём последний рассматривается как командир основного, достаточно крупного организационного соединения тангутской армии. Отряд в 300 человек[1], о котором сообщают китайские источники, в «Яшмовом зерцале управления» не упоминается. Но из текста военных законов совершенно очевидно, что в основе деления отряда в 3000 человек на более мелкие подразделения лежал принцип разбивки на сотни, так как в законах постоянно даётся перечень командиров от сотника до трёхтысячника, причём определённым зримым рубежом было звание полуторатысячника, ибо награды и наказания часто определялись особо для командиров от сотника до полуторатысячника и от полуторатысячника до трёхтысячника.

Из текста военных законов совершенно ясно видно, что командный состав тангутской армии делился на старших и младших командиров. К числу старших командиров относились:

1) командующие (2), среди которых различались “полный командующий” (3) и его помощник (4);

2) командиры марша (5), среди которых различались “полные командиры марша” и их помощники;

3) командиры строя, или “командиры пешего и конного строя” (6), среди которых также различались полные командиры и их помощники.

Основное звено младших командиров, очевидно, составляли так называемые “направляющие”, или “вожаки” (7), среди которых в законах упоминаются “полные”, “большие” (8), “малые” (9) и обозначенные эпитетом – (10), в котором первый знак значит “ссужать”, “давать в долг”, а второй – “настоящий”, “подлинный”, “полный” [командир]. Возможно, это было звание, означающее “исполняющий обязанности полного направляющего”, “временно командующий”.

Кроме того, из числа младших командиров свод законов упоминает “замыкающего” (11), командира охраны (12), квартирмейстера (13), адъютанта (постельничего ? (14)) и самых младших командиров – “унтер-офицеров” (15). Четверо из названных выше младших командиров: командир охраны, “направляющий”, “замыкающий” и адъ-

[1] В «Истории династии Сун», гл. 485 (С. 3786) сообщается, что отряд конницы в 3000 всадников делился на 10 подразделения.

ютант, а также лицо, буквально поименованное “лесной человек” (16), составляли охрану трёх старших командиров: командующего, командира марша и командира пешего и конного строя.

Отметим, что в уже известном нам, тоже, правда, во фрагментах, тангутском табеле о рангах упоминается только звание командующего.[1]

По образцу Цензората в гражданской администрации Ся в тангутской армии, очевидно, существовала военная инспекция. В тексте законов встречаются “военные инспекторы” (17) и “чиновники [военного] управления” (18), также, судя по контексту, осуществлявшие службу контроля.

Из китайских источников известно, что при тангутской армии могли находиться и служить в ней лица, не входящие в состав “регулярной” армии. Упоминание о них встречается и в «Яшмовом зерцале управления”. Это так называемые лица, «не состоящие в армии» (19), «частные лица» (20), которым за ратные подвиги тоже предусматривались строго определенные награды, и, возможно, “командиры вспомогательных отрядов” (21) – первый знак имеет значение «те, кто помогает армии».

Таким образом, «Яшмовое зерцало управления» сообщает нам много важных сведений о командном составе армии Ся и позволяет выделить ряд тангутских обозначений воинских званий этой армии, что чрезвычайно важно для чтения других тангутских текстов. К сожалению, не сохранилась глава первая законов, где, судя по оглавлению, имелось описание субординации – «о порядке сидения в управлении командиров и инспекторов» (инв. № 7931) – и давалось описание прав и обязанностей командиров. Судя по этому оглавлению, все старшие командиры в качестве символа своей власти имели *пайцзы* (22). Образцы этих *пайцз* сохранились до наших дней. Их можно было видеть в экспозиции Пекинского исторического музея.[2]

По-видимому, вышеперечисленные наименования командного состава тангутской армии были не обозначением должностей, а воин-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии. – 1965. – № 69. – С. 194.

[2] Описание тангутских *пайцз* с расшифровкой их легенд сделано нами в специальной статье «Тангутские *пайцзы*», которая войдёт в сборник в честь 60-летия академика А.П. Окладникова. [См.: *Кычанов Е.И.* Тангутские *пайцзы* // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири (Материалы по истории Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С. 266-270. – *Прим. ред.*].

кими званиями. Поименованные старшие командиры могли командовать числом людей ниже полутора тысяч и выше полутора тысяч, до трех тысяч человек.[1] Все они или многие из них занимали в армии и в управлении армией определённую должность (23). Кроме того, в тангутской армии существовал дробный, исчисляемый, возможно, несколькими десятками единиц табель рангов (24); повышение или поникание в ранге служило важной формой поощрения или наказания, так как, вероятно, было связано как-то с размером получаемых материальных благ. Все командиры входили в состав служилого сословия (25). Между младшими и старшими командирами имелось существенное различие, это подтверждается прежде всего тем, что, судя по материалам сохранившихся фрагментов законов, старшие командиры не подвергались телесным наказаниям.

В основе тангутского военного законодательства лежала идея дифференцированных поощрений и наказаний за достаточно детально разработанные категории заслуг и провинностей.

По сохранившимся фрагментам «Яшмового зерцала управления» (тексты и оглавления) законом предусматривались награды в следующих случаях:

1) когда командир лично убивал врага;

2) участвовал в общем наступлении, в результате которого армия противника была разгромлена;

3) отличился в бою в условиях, когда противник был осведомлён о готовящемся нападении;

4) когда командир лично убил врага, но вверенные ему войска потерпели поражение;

5) когда были захвачены военнопленные, скот и имущество противника;

6) когда победа была одержана именно той частью, во главе которой стоит этот командир. Вместе с тем законом предусматривались такие ситуации, когда: а) помощник заменял командира; б)было налицо перепоручение командования; в) командир и его помощник, каждый в отдельности, не завися друг от друга, командовали войсками в бою.

Награды предусматривались также:

7) за пролом бреши в стене осажденного города;

---

[1] См., например, гл. 17 (№ 7766), л. 2 б – 3 б.

8) за хорошее знание местности;

9) за задержание вражеского шпиона;

10) за пленение командира китайских войск местной обороны – *туаньляня* (26), за захват китайского чиновника высокого ранга – *цзуньгуаня* (27), за поимку китайского чиновника из свиты знатного лица – *цунгуаня* (28);

11) за доставку “знатного китайца” (29) человеком, «не состоящим на службе в армии»;

12) за поимку китайцев “низких званий” (30);

13) за привод “знатных *киданей*” (31) и знатных людей «других противников» (32);

14) за прикрытие тыла разбитой и отступающей армии.

Из трофеев в первую очередь всегда учитывались следующие “семь видов” боевых трофеев: люди, лошади, доспехи, знамена, барабаны, гонги (33). Законом предусматривалась прямая количественная зависимость между численностью трофеев и размером наград.

К числу самых употребительных наград относились: повышение в ранге, награждение серебряной или золотой чашей, комплектом одежды, поясом с различными украшениями, чаем и шёлком. Для старших командиров и командиров крупных войсковых частей помимо перечисленного предусматривалось награждение особым украшением на пояс (34), седлом, отделанным серебром, колкой сбруей с серебряной... (35). В числе наград упоминается ещё нечто, обозначенное словом – (36), значение которого нам непонятно.

Размеры наград были твердо установлены в зависимости, во-первых, от звания, а во-вторых, от занимаемой должности.

По этому поводу известны следующие указания:

а) «Награды командующим:

Полному командующему

Если сразится с противником и своею собственной рукой убьёт одного человека и больше, то по существующим правилам получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями (37) на 5 *лан* серебра, чаю и шелку по сто [единиц]».[1]

«Помощникам командующего

Если убьёт одного человека и больше, то по существующим

[1] «Яшмовое зерцало управления», гл. 2, № 2616, л. 5 б.

правилам получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 20 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 *лан* серебра, чаю и шелку по пятьдесят [единиц]».[1]

б) В зависимости от занимаемой должности:

«Если проверкой точно установлено, что в результате нападения на территорию противника там разрушены дома, армия противника отступила и среди возвратившихся участников сражения есть те, кто разбил вражескую армию и вернул наш скот и людей, попавших в руки врага, или если армия противника вторглась на нашу территорию и там, где находились командиры, [первоначально] в руки противника попали скот, люди, доспехи, кони, знамена, барабаны, гонги и [потом это всё] возвращено обратно, а армия противника разбита, то при определении наград и наказаний [имеющие должность] ниже сотника за выдающиеся заслуги наград не получают. От сотника и выше до [командира] полутысячи получают повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 *лан* серебра, чаю и шёлку по 50 [единиц];от полутысячника до тысячника – повышение на два ранга, чашу [стоимостью] в 40 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 6 *лан* серебра, чаю и шелку по 100 [единиц]; от тысячника до полуторатысячника – повышение на три ранга, чашу [стоимостью] в 50 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 7 *лан* серебра, чаю и шелку по 150 [единиц]; от полуторатысячника до двухтысячника – повышение на четыре ранга, чашу [стоимостью] в 70 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 8 *лан* серебра, чаю и шелку по 220 [единиц]; от двухтысячника до двух с половиной тысячника – повышение на пять рангов, чашу [стоимостью] в 100 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 9 *лан* серебра, чаю и шёлку по 300 [единиц]; от двух с половиной тысячника до трёхтысячника – повышение на шесть рангов, чаду [стоимостью] в 10 *лан* золота, чашу [стоимостью] в 100 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 10 *лан* серебра, чаю и шелку по 400 [единиц]; от трёхтысячника и выше – повышение на семь рангов, чашу [стоимостью] в 30 *лан* золота, чашу [стоимостью] в 100 *лан* серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями, в том числе... (34) на 7 *лан* золота, седло, отделанное се-

[1] «Яшмовое зерцало управления», гл. 2, № 4183, л. 7 а; № 2618, л. 7 б.

ребром, конскую упряжь с серебряной ... (35), чаю и шёлку по 800 [единиц]».[1]

При перепоручении командования сумма награды делилась на пять частей, командир получал три доли, а его помощники две.[2] Законом особо подчёркивается, что размер награды командира зависит от числа военнопленных, в том числе женщин и детей.[3]

Порядок награждения за разгром армии противника был таков, что первоначально награда определялась в зависимости от общего числа трофеев всей армии, без учёта личных заслуг. При этом количество трофеев, захваченных командирами от полуторатысячника и ниже, первоначально не учитывалось. Лишь за трофеи, захваченные командирами выше полуторатысячника, назначались награды: «Если помощник командующего участвовал в сражении с противником, собственными силами обратил врага в бегство и, преследуя, разгромил его, то до установления того, что именно он сам разгромил врага, вознаграждение за разгром врага [именно ему лично] не назначается, а награждение производится лишь за количество захваченных людей, коней и доспехов. Первоначально лично одержанная победа и семь видов трофеев – люди, лошади, доспехи, знамена, барабаны, захваченные [командиром] ниже полуторатысячника, при назначении наград за разгром противника не засчитываются. Если же они захвачены полуторатысячником и выше, должны быть учтены при определении наград за разгром врага. [Эти командиры] получают повышение на семь рангов, чащу [стоимостью] в 100 *лан* серебра, чашу [стоимостью] в 30 *лан* золота, комплект одежды, пояс с семью украшениями, среди них ... (34) на 7 *лан* золота, седло с серебряной отделкой, конскую упряжь с одной серебряной... (35), чаю и шёлку по 800 [единиц] и по 60 ... (36)».[4] При этом для командиров младших званий, от “направляющего” и ниже, было предусмотрено повышение звания до “полного направляющего”, при условии если они занимали должности полуторатысячников и выше. Награда получала и охрана старших командиров; при этом для так называемых “лесных людей” она была совсем мизерная – по куску шелка и *лану* серебра в случае службы при командующем и только по куску шелка состоящим при “командире

[1] Там же, № 2618, л. 7 б – 9 а.
[2] Там же, л. 11 а.
[3] Там же.
[4] Там же, гл. 4, № 7766, л. 2 б – 3 а.

марша”.[1]

Во фрагментах главы третьей памятника сохранились сведения о наказаниях, применявшихся в тангутской армии. Командиры подлежали наказанию за отступление без приказа, за неприбытие к месту сбора на исходную линию для совместной атаки, за неоказание в бою помощи соседу, за гибель старшего командира в бою, за поражение, понесенное от контрудара противника, за невыполнение командиром данной лично ему боевой задачи, за потерю знамени и барабана, за преувеличение количества захваченных трофеев и числа убитых врагов или за покупку голов убитых противников и выдачу их за убитых лично им с целью получения награды.

Наказания были строго дифференцированы и зависели от воинского звания командира, которое, разумеется, в значительной степени зависело от его социального положения. Старшие командиры и их помощники: командующие, командиры марша и командиры пешего и конного строя – не подвергались телесным наказаниям и смертной казни. Судя по сохранившимся фрагментам законов, старшие командиры могли наказываться: арестом до вынесения решения вышестоящими инстанциями, понижением в ранге, лишением должности, лишением права служить в армии, штрафом, уплачиваемым лошадьми, переводом в разряд низших чиновников (38). Командиры марша и командиры пешего и конного строя могли быть разжалованы в рядовые. На командующих это наказание не распространялось.

Младшие командиры и чины охраны старших командиров карались смертной казнью, поркой палками, клеймением лица, пожизненной каторгой или каторжными работами на определенный срок.

Смертной казни подлежала охрана и младшие командиры за гибель командира: «Когда погибнут командующий или помощник командующего, то будут казнены четыре человека: командир охраны, направляющий, замыкающий и адъютант. Их сородичи должны быть переведены в пастухи и земледельцы, а “лесные люди” по закону наказываются двадцатью ударами палкой, клеймением лица и пожизненной каторгой. Их родственники не должны допускаться к службе в армии».[2] Смертной казни за гибель командира подлежали также и те, кто хотя и не служил в регулярной армии, но, сопровождая команди-

---

[1] Там же, л. 5 б.

[2] Там же, гл. 3, № 3481, л. 13 б – 14 а.

ра, во время боя струсил, бросил командира и бежал.[1]

Мы видим, что тангутское военное законодательство признавало общесемейную ответственность за гибель командира. При этом за гибель командира пешего и конного строя родственники четырёх казненных лиц не просто переводились в пастухи и земледельцы, а «должны быть забраны в число пастухов и земледельцев государя (39)»[2], т.е. стать людьми, работающими на тангутского императора. Статус этих людей (становились они рабами или крепостными) не ясен, но наш источник содержит в данном случае важнейшие сведения об одной из категорий зависимого населения Великого Ся, сведения, которые, к сожалению, отсутствуют в прочих источниках.

Общесемейная ответственность признавалась тангутским военным законодательством также за бегство командира с поля боя и его гибель вследствие этого: «Если командующий, командир марша, командир строя и их помощники, а также направляющие, большие и малые, не выстоят в сражении с врагом и погибнут по причине бегства с поля боя, то потерянные ими в армии ранги и должности должны быть удержаны с их сыновей и братьев. [Последним] не разрешается получать награды и армейские ранги за наследственные заслуги. Но если в армии будут служить другие члены этой семьи, твердые в исполнении воинского долга, и [именно] они нанесут поражение противнику, первыми пробьют брешь в городской стене или разрушат стену, то они смогут получать армейские ранги».[3] Данный параграф «Яшмового зерцала управления» связан с тангутским наследственным правом, согласно которому должности в государственном аппарате Ся могли наследоваться сыновьями и внуками умерших чиновников.[4]

Тангутским военным законодательством предусматривалось, что командир не может отступать без приказа: «Когда командующий или его помощник, отступая с поля боя, не имея на это права, отведут войска, то их следует взять под арест. [Им] должно быть запрещено отдавать приказы и осуществлять инспекцию в армии. О наказании должно быть сообщено в высшие инстанции».[5]

---

[1] Там же, л. 14 а.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 10 аб.
[4] *Кычанов Е.И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся. С. 196.
[5] «Яшмовое зерцало управления», гл. 3, № 3481, л. 3 а.

Ущерб, нанесённый армии противником, обычно исчислялся в потерянных данным соединением лошадях и делился на десять частей. Взыскание на потерпевшего поражение командира накладывалось в зависимости от размера ущерба. Так, если потери составляли от трёх до четырёх десятых конского состава соединения, то ранг командующего понижался на пять ступеней и он отдавал в качестве штрафа семь коней; ранг помощника командующего снижался на три ступени, и с него взимался штраф в количестве пяти коней.[1]

Как мы видим, наказания, как и награды, устанавливались в зависимости от размеров понесённого ущерба и воинского звания командира. Последнее обстоятельство было оговорено особым параграфом закона.[2]

Одновременно законом допускался ряд смягчающих вину обстоятельств. К числу таковых относились трудность пути и плохая погода во время движения войск, а также упорное сопротивление противника. При потере знамени и барабана смягчить вину могло то обстоятельство, что знамя или барабан не попали в руки противника и были вновь найдены своими же солдатами. За потерю только древка или только полотнища знамени назначалось наказание, вполовину менее обычного.

Законом предусматривались строгие наказания за так называемые “легковесные головы” (40), т.е. за преувеличение числа лично убитых солдат противника или перекупку голов убитых врагов и выдачу их за добытые лично. В последнем случае наказывался не только тот, кто купил голову, но также и тот, кто её продал. Человек, разоблачивший такую сделку, получал награду. Однако был установлен годичный срок разоблачения обмана, после которого претензии не принимались к рассмотрению.[3]

Этим в основном исчерпывается содержание сохранившихся фрагментов «Яшмового зерцала управления лет царствования *Чжэньгуань*». Мы уже упоминали о том, что это не только первый известный нам по содержанию свод законов Великого Ся, но и самый ранний из дошедших до наших дней памятников тангутского законодательства вообще.

Источником тангутского военного права в том виде, в каком мы

---

[1] Там же, л. 6 аб.
[2] Там же, л. 7 а.
[3] Там же, л. 16 а.

с ним познакомились, является закон. Думается, что это было не первое по времени тангутское военное законодательство. Ещё в 1032 г. государь Юань-хао, желая покончить с племенной разобщённостью, ввел в Ся строгие военные законы, опираясь на которые и подчинил своей власти все племена.[1] Источником законов, введённых Юань-хао, вероятно, во многом было ещё обычное право тангутских племён. Но, насколько нам это известно в данный момент, именно в 1032 году в Ся впервые были введены в действие какие-то самостоятельные тангутские законы. Законодательство Ся, по-видимому, было усовершенствовано в период 1033-1039 гг. – в те годы, когда был сформирован тангутский государственный аппарат. В пространном императорском титуле, принятом Юань-хао в 1038 г., он именовал себя "учредителем законов и обрядов".[2] Во всяком случае, мы можем полагать, что именно в 30-х годах XI в. могла произойти кодификация[3] тангутского права, имевшего своим источником обычай и закон.

Тяжёлое внутреннее и внешнее положение тангутского государства во второй половине XI в. заставляет предполагать, что в это время вряд ли предпринимались серьёзные попытки усовершенствовать разработанное ранее, при Юань-хао, законодательство. В 1099 г. государь Цянь-шунь смог наконец освободиться от полувековой опеки дома Лян. Он проводит ряд мероприятий, направленных на укрепление тангутского государства. В 1101 г. он создает государственную школу для подготовки чиновников, в 1112 г. издаёт указ о назначении на службу способных людей вопреки господствующему в Ся семейно-наследственному принципу. Издание «Яшмового зерцала управления лет царствования Чжэнь-гуань», несомненно, было одним из актов в ряде мероприятий Цянь-шуня, отдельные упоминания о которых дошли до нас в китайских источниках. Было ли это переиздание и усовершенствование старых законов, разработанных ещё при Юань-хао, или издание новых, судить пока невозможно. Даже если дошедшие до нас памятники не являются первыми изданиями, сами законы действительно были составлены в годы *Чжэнь-гуань* (1101–1113), не позднее 1124 г., года гибели Ляо, так как в качестве потенциальных врагов в них названы, прежде всего, китайцы и *кидани*, пришедшие же на

[1] История династии Сун, гл. 485, С. 3786.
[2] Там же.
[3] [Систематизация действующих норм права, возможно, в виде *инкорпорации*. – *Прим. ред*.].

смену им после 1124 г. *чжурчжэни* в законах совсем не упоминаются.

Тангутское военное право сложилось не без некоторого влияния китайского. В современном тангутскому государству китайском военном законодательстве был ряд моментов, с которыми мы встречаемся и в тангутских военных законах. Так, по китайским военным законам размер награды тоже зависел от воинского звания[1]; предусматривалась общесемейная ответственность за капитуляцию без боя или предательство.[2] Если погибал командир, то казнили его окружение (*цинь бин*)[3]; за потерю знамени и барабана или захват их противником казнили весь отряд.[4]

Однако тангутские законы в целом отличались от китайских. Отличались как определением состава поступков, за которые следовало наказывать или награждать, так и характером наград и наказаний. Китайские военные законы были значительно более жестокими. Смертной казнью каралось большинство проступков, в том числе такие, как громкий разговор в военном лагере[5], присвоение головы противника, добытой другим[6], за что по тангутскому законодательству смертная казнь не предусматривалась.

Важное различие имелось и в мерах поощрения. Если такие виды наград, как повышение в ранге, награждение шёлком и вещами (кит. *у*), совпадали и в том и в другом военных законодательствах, то тангутские военные законы не знали такого серьёзного поощрения, как денежная награда. Это объяснялось спецификой тангутской экономики: в государстве Ся денежное хозяйство по-настоящему сложилось, по-видимому, только в середине XII века.

Одновременно следует иметь в виду и то, что некоторые положения, общие для китайского и тангутского законодательств, несомненно, объясняются не просто влиянием первого на второе, а сходством породивших их причин. Так, принцип общесемейной ответственности, сохранившийся в сунском военном законодательстве от законов древнего Китая, имелся и у других народов и являлся отраже-

---

[1] *Цзэн Гун-лян* 曾 公亮 *и др.* 武經總要、四庫全書 (У цзин цзун яо, Сы ку цюань шу, гл. 14). – Пекин 北京 : Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1934. – С. 7 б.
[2] Там же. С. 12 б.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 13 а.
[5] Там же. С. 11 б.
[6] Там же. С. 12 а.

нием их обычного права. Наказание смертью за гибель командира (в далеком прошлом родового вождя) мы находим и у современников тангутов – *чжурчжэней* в догосударственный период их истории.[1] В тангутском военном законодательстве одновременно наблюдаются и элементы, свойственные праву других народов Центральной Азии, например, обычай уплачивать штраф лошадьми, который, помимо тангутского, отразился и в калмыцком праве.[2]

Как одну из характерных черт тангутских военных законов следует отметить их сравнительную по тем временам мягкость. Мы уже говорили о том, что тангутские военные законы были мягче китайских. В тангутском военном законодательстве нет, например, упоминаний о дифференцированной смертной казни. Следующее по степени суровости наказание – пожизненная и срочная каторга – могло быть смягчено, если наказанный совершал какие-либо поступки, достойные поощрения.[3]

Тангутские военные законы носят ярко выраженный классовый и сословный характер. Они не знали принципа равной награды и равной ответственности за один и тот же поступок. Мы уже упоминали о том, что старшие командиры не подлежали по закону смертной казни (видимо, для этого требовалось решение двора или другой высокой инстанции) и не подвергались телесным наказаниям, как младшие по чину. Так называемые “лесные люди” за все проступки наказывались битьём палкой и клеймением, а награждались лишь куском шёлка. А возможно, и они не были рядовыми солдатами армии Ся. О тех наказаниях, которым подвергались солдаты, мы пока ничего не знаем.

Следует отметить и вещественно-конкретный характер тангутских наград – это чаши, одежда, чай, шёлк, седла и т.п. И только украшения на пояс – серебряные и золотые – могут быть отнесены к числу наград-символов. Однако и они указаны в конкретном весовом выражении.

«Яшмовое зерцало управления лет царствования *Чжэнь-гуань*» – ценный памятник тангутского военного права, который существенно дополняет наши сведения о тангутской армии и тангутском госу-

---

[1] См.: *Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI веке // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: СО АН СССР, 1966. – Вып. 2. – С. 277.

[2] *Рязановский В.А.* Обычное право монгольских племен. Ч. I–III. – Харбин: Изд-во Общества русских ориенталистов, 1924. – С. 119.

[3] Оглавление к гл. 2, инв. № 2616, л. 5 а.

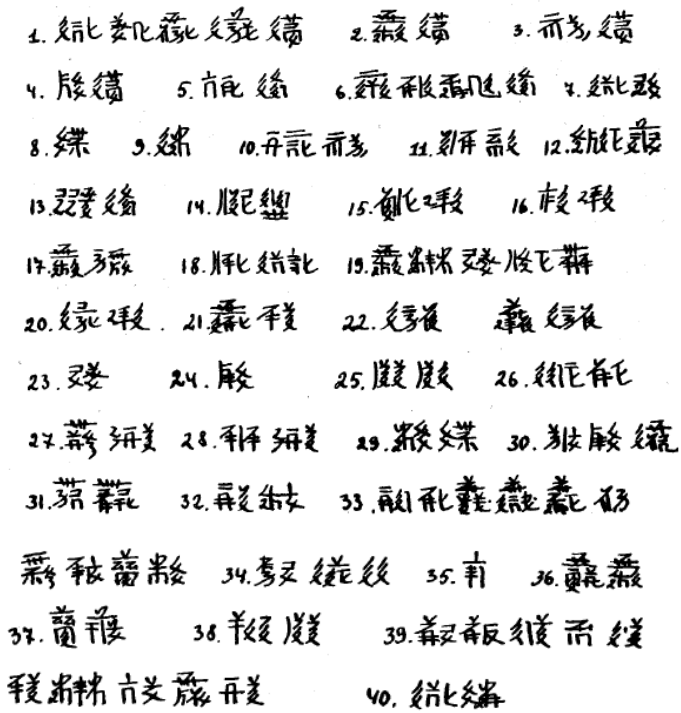
дарстве. Знакомство с ним должно положить начало чтению, переводу и исследованию более поздних и неизмеримо более объёмистых памятников тангутского законодательства.[1]

Источники и использованная литература:

1. 𗍊𗥤𗍊𗥤𗍊𗥤𗍊𗥤 («Яшмовое зерцало управления»), гл. 2, № 2616, л. 5 аб; № 2618, л. 7 б – 11 а; № 4183, л. 7 а; № 2618, л. 7 б; гл. 3, № 3481, л. 3 а – 16 а; гл. 4, № 7766, л. 2 б – 5 б; гл. 17 (№ 7766), л. 2 б – 3 б.
2. Сун-ши 宋史 («История династии Сун»), гл. 486 卷 486、“Сы бу бэйяо” 四部備要. – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1935-1936. – С. 3786–3797.
3. *Дай Си-чжан* 戴 錫章. Си Ся цзи 西夏紀 (Записи о Си Ся), гл. 1-10 卷 1−10. – Пекин 北京: Цзиньхуа иньшуцзюй 京華印書局, 1924.
4. *Цзэн Гун-лян* 曾 公亮 *и др.* 武經總要、四庫全書 (У цзин цзун яо, Сы ку цюань шу, гл. 14). – Пекин 北京 : Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1934. – С. 7 б – 13 а.
5. *Кычанов Е.И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии. – 1965. – № 69. – С. 180-196.
6. *Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI веке // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: СО АН СССР, 1966. – Вып. 2. – С. 269-281.
7. *Рязановский В.А.* Обычное право монгольских племен. Ч. I–III. – Харбин: Изд-во Общества русских ориенталистов, 1924. – 114, 139, 3 с.

[1] [Перевод сохранившегося текста «Яшмового зерцала управления» см.: Яшмовое зеркало командования войсками лет правления *Чжэнь-гуань* (1101-1113) // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 1 (2). – С. 5-34].

Приложение



Kychanov E.I.

Code of military laws of the Tangut state
«Jasper Mirror of Ruleship of Zhen-Guan reign's years (1101-1113)»

A study of the legislative monument of the Tanguts «Jasper Mirror of the Ruleship of Zhen-Guan reign's years», published in Zhen-Guan years (1101-1227), during the reign of the Tangut sovereign Qian-shun.

Keywords: sources of law; Tangut law; military laws.

УДК 340.15, 340.151, 340.152, 94(510)

Кычанов Е.И.

ТАНГУТСКИЙ ДОКУМЕНТ 1170 Г. О ПРОДАЖЕ ЗЕМЛИ[1]

Документ, свидетельствующий о наличии частной собственности на землю в тангутском праве, т.к. купля продажи земли является основанием возникновения права собственности.

Ключевые слова: гражданское право; обязательственное право; купля-продажа земли; частная собственность на землю; тангуты.

Публикация тангутских документов из Хара-Хото с посильным переводом и комментарием сулит интересные для науки результаты. Сто с лишним документов тангутской коллекции ЛО ИВАН СССР безусловно должны занять свое, пусть небольшое, но важное место в исследовании в комплексе разбросанных по разным хранилищам мира документов на китайском, уйгурском, тибетском, тангутском и монгольском языках, охватывающих более чем тысячелетний период в истории народов Центральной Азии.

Предлагаемый для публикации документ (Тангутская коллекция ЛО ИВАН СССР, Инв. № 5010) – один из первых опытов работы с тангутскими документами, принадлежит к числу немногих, написанных не непонятной ещё для нас скорописью, а беглым почерком, с редким использованием скорописных сокращений отдельных элементов знаков, поддающихся расшифровке на основании опыта работы со скорописным текстом тангутского перевода «Сяо цзин».[2]

Текст документа написан на серой мягкой прозрачной “деловой”, если можно так определить её назначение, бумаге, действительно чаще всего используемой для документов и обиходных записей. Несмотря на тонкость и прозрачность фактуры, данный вид тангутской бумаги отличается прочностью. Сетка чёткая, частота линий сетки – 7 × 1 *см*. Размер листа – 48,5 × 22 *см*; левый край, начиная почти сверху, оборван, поэтому ширина листа в его нижней части не 48,5, а 44 *см*. Лист помят, замеры произведены до реставрации документа.

---

[1] Впервые опубликован: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 193-203.

[2] Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. – М.: Наука, 1988. – С. 128-133.

Текст документа состоит из 19 строк по 15-16 знаков в полной строке. Строки вертикальные. Первые шесть строк, в порядке следования, справа налево, полные. Стк. 7 неполная снизу: здесь оставлен отступ онорифического назначения перед словом “государь”. Стк. 8 полная. Стк. 9 неполная почти наполовину: отступ сделан перед описанием границ продаваемого участка с целью выделения этого важного раздела документа. Стк. 11 неполная в силу окончания основного текста документа. Стк. 12-14 – перечень имён продавца земли и связанных с ним лиц – неполные сверху и снизу, записаны как бы посередине листа, ближе к его нижней части. Стк. 1 этой группы выделена тем, что её начало записано почти на один знак выше, чем начало двух следующих строк. Стк. 15-17 – перечень имён и подписи свидетелей – также записаны с отступом сверху, примерно с середины листа, причём начало стк. 15 в целях выделения этого раздела текста поднято над двумя остальными примерно на полтора знака. В левом верхнем углу крупными знаками две строки текста – 18-19. В первой, почти стёршейся, всего четыре знака, во второй, чёткой, написанной скорописью, – три знака с отметкой о сборе пошлины за составление документа и оформление продажи.

В тексте есть особые значки: в стк. 2 после десятого знака сверху две небольшие черточки, под углом, справа налево и сверху вниз, по-видимому, знак удвоения. В стк. 7 на отступе перед словом “государь” с левой его стороны – крестик. Это знак непонятного нам назнания, возможно, просто обычный скорописный вариант сокращения детерминатива “человек” (левой части знака “государь”), оставшийся потому, что писец вначале, видимо, забыл сделать необходимый отступ, а потом вспомнил о нём и не дописал начатый знак. В стк. 12-13 против имени продавца и её сына и ниже до края листа проставлены четыре жирные точки, а в стк. 14 против имени лица, «имеющего отношение к продаже», и ниже – четыре жирные чёрточки. Это знаки того, что данные лица уведомлены о содержании документа, нечто вроде их росписей в этом. В стк. 15-17 после имён свидетелей их росписи-тамги.[1] В левом верхнем углу в двух последних строках – 18 и 19 – по одному знаку-тамге, возможно, роспись лица, взимавшего пошлину.

В левой части документа имеется штамп Азиатского музея Рос-

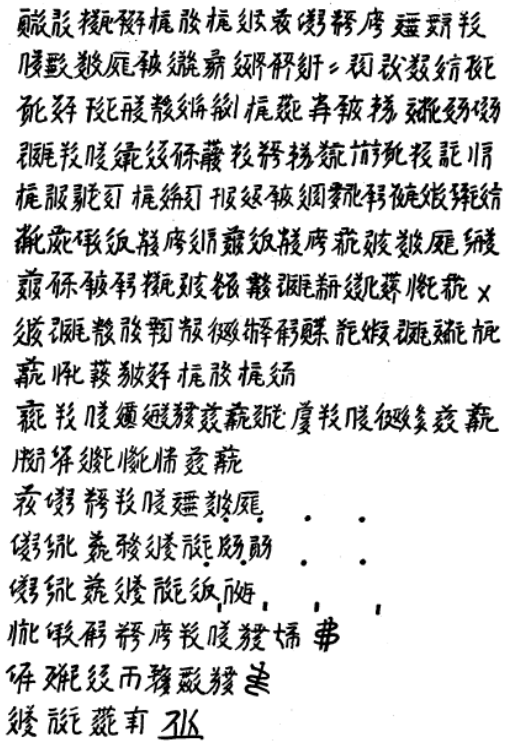
[1] О них см.: *Терентьев-Катанский А.П.* “Неизвестные” знаки в памятниках тангутской письменности // Эпиграфика Востока. – 1969. – Вып. XIX. – С. 23-24.

сийской Академии наук с вписанным в него № 373.

Непосредственно на тексте документа (на второй его части перед “подписями”), содержащего описание границ проданного участка и предполагаемую меру наказания в том случае, если на проданную землю может предъявить права другое лицо, – две большие печати красного цвета, прямоугольные, размером 9 × 12 *см* каждая. Текст на печатях неразборчив. Вначале была поставлена нижняя печать, затем верхняя несколько под иным углом и так, что её нижняя треть перекрыла верхнюю треть нижней печати. Очевидно, печати были поставлены учреждением, в котором оформлялся акт продажи.

При составлении текста документа писцом были допущены некоторые оплошности, о чём свидетельствуют пропуски и последующая приписка слов: в стк. 4 – пятый знак снизу, в стк. 5 – девятый знак сверху, в стк. 6 – пятый знак сверху и помарка при написании последнего знака в стк. 9.

Текст



Перевод

«В год тигра, двадцать второй год [царствования], Небесного процветания [под циклическими знакам] *гэн-инь* [1170 г.], составительца [сего] документа вдова из рода Ахуа [по имени] Лдиэшо сегодня из лично принадлежащих ей земель для выпаса скота[1)], приобретенных от городской управы[2)], по своей доброй воле продала Ахуа Мбиецха [участок] с тремя шалашами и двумя [растущими на нём] деревьями. Цена [данного участка], названная управлением по обмеру[3)] и оценке [земли?], четыре [верблюда]: два верблюда, имеющих все зубы, один двугорбый[4)] (?) и один старый. После того как [участок будет продан], не должно быть человека, который мог бы претендовать на эту землю. [Но] если такой претендент объявится, то Лдиэшо, за то что [она] ввела в заблуждение чиновника, понесёт наказание по закону и за распоряжение имуществом без согласия [имеющих на него права лиц] выплатит в пользу государя штраф в размере 30 *нджиа* (≈ 900 *л*) пшеницы. [Впредь во всем следует] поступать так, как сказано в [этом] документе. Межевым управлением [проданный] участок отмерян в размере двух *ндзвон* (≈ 1,3 *га*). С севера [он] граничит с [участком] Ахуа Вэйвэвай, с востока и юга – с [участком] Ахуа Сие, с запада – с [участком] Лион Нгвемишань.

Составительница документа женщина [из рода] Ахуа [по имени] Лдиэшо.
Имеющий отношение к [данному] документу сын [Ахуа Лдиэшо] Мэра Кочион.
Имеющий отношение к [данному] документу Мэра Лдиацзэу.
Свидетели: Ахуа Вай [роспись-тамга], Лион Квицха [роспись-тамга], ... Иэвай [роспись-тамга], Мэра Ситхин [роспись-тамга].
Налог собран [роспись-тамга], восемь ... [роспись-тамга].

Комментарий

1) З е м е л ь д л я в ы п а с а с к о т а, или букв. “земель в том месте, куда выпускают животных кормиться”. В данном отрывке несколько необычно употребление знака 刻 “животное”; слова, означающего и диких, и домашних животных вообще, а не только домашний скот (牲).

Однако наличие первого знака в этом словосочетании ( ), имеющего значение “кормить животных”, и наличие “неопределенного члена” , указывающего на случаи, «когда необходимо бывает специально указать не на конкретный индивидуальный предмет, а на любой индивидуальный предмет из множества, соответствующего некоему означающему»[1], т.е. кормление “некоих[2] животных”, не оставляет сомнений, что речь идёт о местах выпаса домашнего скота, и слово “животное” означает здесь все виды домашних животных, хотя по своему первоначальному значению оно и шире данного понятия.

2) ... приобретенные от городской управы . – По-видимому, речь шла о землях, приобретённых (купленных) у города, или, что на наш взгляд более вероятно, пожалованных за службу покойному мужу вдовы Ахуа, или даже его предкам и ставших собственностью семьи. Указание на источник приобретения продаваемой земли не представляет для документов такого типа и того времени ничего необычного. Такие указания мы встречаем, например, в земельных актах периода Юань.[3] Название города не указано в документе. Но по месту его находки можно полагать, что это город Эдзина (Хара-Хото).

Фамилия Ахуа довольно часто встречается в колофонах памятников тангутской письменности из Хара-Хото. Интересно отметить, что данный документ свидетельствует о её распространенности в этом районе – покупатель земли, двое из трёх владельцев соседних участков земли и один из свидетелей также носят фамилию Ахуа. Но фамилию Ахуа мы не находим в списке тангутских фамилий, имеющемся в тангутском словаре «Идеографическая смесь».[4] Совсем не исключено, что это могла быть и не тангутская фамилия, а, скажем, уйгурская или даже согдийская.

3) Управление по обмеру – в этом словосочетании нам прежде всего не удалось расшифровать третий, вначале пропущенный писцом, а потом дописанный сбоку знак. Неясно и значение стоящего до него знака . Ясно только одно, что все эти знаки относятся к названию какого-то административного учреждения . Поскольку знак служит как бы основой другого знака со значением “измерять”, “рассчитывать”, “оценивать”, то можно полагать, что или в написании знака

---

[1] *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – С. 181.
[2] [Так в тексте. – *Прим. ред.*].
[3] *Мункуев Н.Ц.* Земельные акты эпохи Юань (1279-1381) в Китае // Вопросы истории и историографии Китая. – М.: ГРВЛ, 1968. – С. 98, 99, 100, 102, 104, 105.
[4] «Идеографическая смесь» // Тангутский фонд ЛО ИВАН. Инв. № 210. – С. 11 а–13 б.

допущена ошибка, или это знак с близким ему значением. Отсюда наш перевод. Определение стоимости продаваемой земли представителем местной администрации “через казённого маклера” упоминается в юаньских документах[1]; а управления, устанавливающие цену продаваемого имущества, – в китайских документах из Лоулань периода Цзинь.[2]

4) Двугорбый [верблюд]. Три участка земли с двумя деревьями были оценены в четыре верблюда, из которых два были со всеми зубами (букв, с “собранными зубами”), т.е. молодые, один старый, одряхлевший и один “двугорбый”. Знак 絳 неизвестен как самостоятельный, он встречается в сочетании 𥨊絳“надгробный курган” и, видимо, связан со значением “холм”, “курган”. Отсюда и наш перевод “двугорбый”, хотя причина выделения этого признака нам не совсем ясна, так как принято считать, что в Центральной Азии в основном были как раз двугорбые верблюды. Независимо от этого очень любопытным является то обстоятельство, что продажа производилась не за деньги, а за скот, и обмен носил натуральный характер.

По своему характеру тангутский документ о продаже земли стоит в одном ряду с китайскими и центральноазиатскими документами такого рода. Данный купчий акт представляет обычное для документов той эпохи и того региона «одностороннее волеизъявление продавца о перенесении прав на земельный участок на покупателя за покупную цену».[3] Покупатель не ставил своей подписи на документе, ибо его согласие на сделку считалось ясным из самого факта уплаты им продавцу покупной цены.[4] Документ написан от имени продавца и подписан продавцом, в данном случае вдовой из рода Ахуа по имени Лдиэшо и членами её семьи (букв. “имеющими отношение” [к документу]), в нашем документе её детьми (сыновьями).

В первом случае при упоминании Мэра Кочиона прямо, хотя и с запозданием, так как знак был вначале пропущен, указано, что он сын вдовы Ахуа, во втором – знак недописан, но думается, что Мэра Лдиацзэу тоже её сын, упоминание о чём опущено писцом. Подписи же членов семьи вдовы Ахуа были необходимы потому, что с правовой точки зрения она, продавая «лично принадлежащую [ей]» землю, тем не менее

---

[1] *Мункуев Н.Ц.* Земельные акты эпохи Юань. С. 101.

[2] *Maspero H.* Les documents chinois de la troisième expedition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. – London: The British Library Publishing, 1953. – No. 215. – P. 71; No. 220. – P. 72.

[3] *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае / Пер. Н.И. Кохановского // Известия Восточного института. – Владивосток: Типо-лит. Вост. ин-та, 1908. – Т. XXIII. – Вып. I. – С. 70.

[4] Там же. С. 71.

осуществляла продажу лишь как глава семьи, её представитель, ибо законным коллективным владельцем земли была семья в целом[1], а не отдельное лицо.[2] Подписывающие документ члены семьи давали согласие на отторжение части семейной собственности, поэтому это должны были быть правоспособные лица.

Документ подписан также свидетелями (букв. “знающими людьми, заявившими [об этом]”).

Тангутский документ начинается с даты. Так оформлялись, например, уйгурские документы подобного типа.[3] В документе указано, что, если вдова Ахуа допустила обман и продала землю, на которую неожиданно мог предъявить права другой человек, она несёт за это наказание по закону, и указана мера наказания. Данные формулы в разных вариантах также уже известны из аналогичных документов периода Тан[4] и Юань.[5] Размер штрафа за обман был очень велик – очевидно, что-то около 8 *ц* пшеницы.

Две последние строки нашего документа, вероятно, представляли собой то, что в более поздних китайских документах такого рода называлось “хвостом документа”, – это была прикрепляемая к нему квитанция местного казначея, скрепленная его печатью, об уплате подати, «вследствие чего до сего времени “белый акт”, т.е. частный договор, превращается в “красный”, т.е. в “крепостной официальный документ”».[6] На тангутском документе отметка об уплате налога записана не на отдельном листочке, прикрепляемом к документу, а прямо на том же листе, но в стороне от основного текста документа, в его левом верхнем углу. Стк. 18 сильно стерлась. Однако первый знак хорошо различим, это слово “налог, подать”. Два других слова написаны скорописью и слабо различимы, но, вероятно, они вместе с первым представляют собой словосочетание “собрать налог” 𗤶𗥤𗹦. В стк. 19 указана сумма сбора “восемь...”, чего – неизвестно, так как знак написан скорописью, и мы не в состоянии его расшифровать, можно только предположить, что речь идёт о восьми связках монет. Под той и другой строками росписи-тамги, возможно, ка-

---

[1] [Речь идёт о частной собственности, которой члены семьи обладают совместно. – *Прим. ред.*].

[2] *Eberhard W*. Settlement and Social Change in Asia. – Hongkong: Cathay Press, 1967. – Vol. 1. – P. 2-3.

[3] *Малов С.Е*. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 204-207.

[4] *Maspero H*. Les documents... P. 193.

[5] *Мункуев Н.Ц.* Земельные акты эпохи Юань. С. 101.

[6] *Франке О*. Земельные правоотношения в Китае. С. 72.

значея, принявшего налог.

Таким образом, перед нами тангутский документ времени наивысшего расцвета тангутского государства, документ, оформленный по тем же правилам, по каким, с теми или иными отклонениями, оформлялись подобного рода документы из Дуньхуана и других районов Центральной Азии, несомненно, явившийся прототипом для составления тангутской документации, а также более поздние по времени документы в Китае вплоть до династии Цин, включая и последнюю, с тем исключением, что со времени династии Мин дата на документах ставилась не в начале, а в конце их.

Определённым отклонением от данного типа документации является отсутствие в тангутском документе указания на посредников, которое мы пока не в состоянии объяснить, не изучив других тангутских документов этого рода, тем более, что посредники предусматривались тангутским законодательством.

В заключение можно сказать, что, видимо, один вывод не рискует быть преждевременным – хозяйственные и деловые документы в тангутском государстве оформлялись в основном так же, как китайские, уйгурские и другие центральноазиатские документы, известные уже науке по материалам Дуньхуана и из других районов Центральной Азии.

Источники и использованная литература:

1. «Идеографическая смесь» // Тангутский фонд ЛО ИВАН. Инв. № 210. – С. 11 а–13 б.
2. Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. – М.: Наука, 1988. – 148, 211 с.
3. *Малов С.Е*. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
4. *Мункуев Н.Ц*. Земельные акты эпохи Юань (1279-1381) в Китае // Вопросы истории и историографии Китая. – М.: ГРВЛ, 1968. – С. 88-111.
5. *Софронов М.В*. Грамматика тангутского языка. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – 275 с.
6. *Терентьев-Катанский А.П*. “Неизвестные” знаки в памятниках тангутской письменности // Эпиграфика Востока. – 1969. – Вып. XIX. – С. 21-27.
7. *Франке О*. Земельные правоотношения в Китае / Пер. Н.И. Кохановского // Известия Восточного института. – Владивосток: Типо-лит. Вост. ин-та, 1908. – Т. XXIII. – Вып. I. – VI, 145 с.
8. *Eberhard W*. Settlement and Social Change in Asia. – Hongkong: Cathay Press, 1967. – Vol. 1. – xiv, 492 p.

9. *Maspero H*. Les documents chinois de la troisième expedition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. – London: The British Library Publishing, 1953. – xii, 268 p., 40 p. of plates: ill.

Kychanov E.I.

Tangut document of 1170 ACE about the sale of land

This document indicates the existence of private property on the land in Tangut law, since the purchase and sale of land is the basis for the emergence of ownership rights.

Keywords: civil law; law of obligations; purchase and sale of land; private ownership of land; tanguts.

УДК 340.15, 340.151, 340.152, 94(510)

Кычанов Е.И.

ТАНГУТСКИЙ ДОКУМЕНТ О ЗАЙМЕ ПОД ЗАЛОГ ИЗ ХАРА-ХОТО[1]

Документ, на основе которого можно охарактеризовать порядок заключения договора займа в тангутском праве, формуляр договора займа, права и обязанности сторон, ответственность должника при неисполнении условий договора.

Ключевые слова: Западное Ся (Си Ся); тангутское право; обязательственные правоотношения; договорное право; договор займа; порядок заключения договора займа; формуляр договора; права и обязанности заимодавца и заёмщика; ответственность должника; обеспечение договора займа залогом; поручитель; свидетели сделки; исполнение обязательств.

Продолжая начатую нами публикацию поддающихся хотя бы предварительной расшифровке тангутских документов из Хара-Хото[2], мы предлагаем вниманию читателя документ от 1211 г. о займе зерна под залог. Настоящий документ был обнаружен и занесен в инвентарь ещё Н.А. Невским.[3] Как и все документы, он написан на отдельном листе размером 17,8 × 25 *см*. Текст собственно документа состоит из 13 строк и записан на серой, прозрачной, “деловой” бумаге с горизонтальной сеткой, имеющей частоту линий примерно восемь на один сантиметр. Лист бумаги исписан с двух сторон полностью. На лицевой стороне кроме документа имеются ещё две строки текста скорописью, на обратной стороне листа 13 строк, в каждой из которых 11-14 раз написан один и тот же знак тангутского письма. По-видимому, это были своеобразные упражнения в написании иероглифов.

Первые шесть строк текста документа полные, по 17-19 знаков в строке. Строка седьмая состоит вверху только из трёх знаков.

Строки 8–12-я, подписи под документом, написанные с отступлением от верхнего края примерно до середины, имеют по 7-11 знаков в строке.

---

[1] Впервые опубликовано: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1977. – С. 146-152.

[2] *Kycanov E.I.* A Tangut document of 1224 from Khara-Khoto // Acta Orientalia Hungarica. – 1971. – T. XXIV, fasc. 2. – P. 189-201; *Кычанов Е.И.* Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1971. – М.: Наука, 1974. – С. 193-203. [См. предыдущую статью в данном сборнике. – *Прим. ред.*].

[3] Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР, инв. № 954.

Написание знаков в тексте документа в основном стандартное, хотя и с использованием ряда элементов скорописи. Несколько знаков написаны скорописью полностью: например, «делать» (1-я строка, 5-й знак снизу), «один» (4-я строка, 1-й знак сверху) и др. Рукопись с лицевой стороны не имеет никаких знаков или помет, не относящихся к тексту документа.

Транскрипция

ndu ndźiu mło kêɯ ldie lhiə nłə .ə tśhjeɯ nə .iwə nôn vie młę .a xwa kə // ta śân
sɪn tshi .o a .iə nɪn wai ndo sọ ndźia ndza lhwi tśhie ngłę .êɯ // sei ldie ndźia ngwə
nụ we ku twụ leɯ ldłə we źłə ma nła ngwə ndzłan we si // leɯ ldłə we kɪn .wu nɪ
phłuo kɪ rạ we rạ Ldạ tśhiu lion źlə nəɯ lhiə ldiə tłə // ngi źi rie śân nɪ ldạ tshiu .ə
tseɯ kêɯ thun .ia lhiə leɯ ndɪn nə śie ngəɯ // ndzu ndzłə liwu ldeɯ .wai mi liwu we
źłę tłe su phłuo phwei thI ndzIo // nłe we tshi // iwə nôn vie młę kə ta śân // nôn sa rạ
ldạ tśhiu lion źiə nəɯ lhiə ldłə // nôn sa rạ ldạ tśhiu tłə ngI źi rie śân // nôn sa
ndźwI lęɯ źe lio śie wai // nôn sa ndźwI khon wai mbâi // ria młę tshi .o rại lhiə khwI

Перевод

// Год овцы [девиза царствования] *Нду-нджиу* (*Гуан-дин*), четвертый месяц, двадцать шестой день (8 июня 1211 г.).[1] Тот, по чьей [просьбе] составлен [этот] документ, Ахуа Кэ- 1

// ташань[2] сегодня взял [в долг под залог] у Цхигхо Агхиенинвай[3] три *нджиа* (*ху*)[4] разного [зерна]. При подсчёте основного [взятого зерна] и процента [на него] 2

// [все вместе это] составит четыре *нджиа* (*ху*) и пять *ну* (*доу*).[5] Взамен [взятого зерна Ахуа Кэташань] действительно заложил [Цхигхо Агхиенинвай] одну черную ослиху с пятью зубами и 3

// одного осла для перевозки грузов. Поручителями при залоге являются Лионжие Неулхиелдие[6] [и его] сын 4

// Риешань.[7] Срок [займа под залог истекает] в этом же году, в восьмом месяце, в первый день (9 сентября). 5

---

[1] На 1211 г. по лунному календарю приходился дополнительный месяц, поэтому 26-й день четвертого месяца и соответствует 8 июня по нашему календарю.

[2] [Имя переводится как] Собачья гора. Большинство имён лиц, упоминаемых в тексте документа, переводятся, поэтому мы приводим в сносках их перевод.

[3] Алмаз–Процветание.

[4] В тангутском государстве, как и при Тан, один *ху* был равен 59,4 *л*.

[5] *Доу* составлял $^{1}/_{10}$ *ху*, т.е. 5,94 *л*.

[6] Добрая Луна–Сокровище.

[7] Гора Подвига.

// Собрав зерно, [Ахуа Кэташань] должен отдать долг. Если же [он] не отдаст [его], то вышеперечисленные заложенные [им] животные действительно будут отобраны [у него]. С этим вышеизложенным 6

// согласен: Цхи[гхо Агхиенинвай].[1] 7

// Тот, по чьей [просьбе] составлен [этот] документ, Кэташань, тамга-роспись. 8

// Сопричастный к [данному] документу, поручитель залога Лионжие Неулхиелдие.[2] 9

// Сопричастный к [данному] документу, поручитель залога, сын [Лионжие Неулхиелдие] Риешань, тамга-роспись. 10

// Свидетель Лэужэ Лиошиевай[3] тамга-роспись. 11

// Свидетель Кхон Ваймбай[4], тамга-роспись. 12

// Чиновник управления Цхигхо Райлхиекхви[5], тамга-роспись. 13

Две последние строки скорописного текста нами полностью не разобраны, но у нас есть предположение, что они относятся к регистрации исполнения взятого обязательства. В первой (четырнадцатой) строке, знаки с 5-го по 11-й, считая снизу, явно запись фамилии и имени заемщика Ахуа Кэташань. Вторая (пятнадцатая) строка, 6-й, 5-й знаки снизу – фамилия и имя заимодавца Цхигхо. В этой же строке, 7-й – 10-й знаки сверху, упомянута сумма долга с процентами: четыре *нджиа*, пять *ну*. Последние знаки в строке пятнадцатой также отмечают сумму уплаты долга. Причём знак “*ну*” (*доу*) и в основном тексте документа, и в приписке скорописью написан совершенно одинаково.

---

[1] Первый знак имени заимодавца первый раз (2-я строка, 4-й знак сверху) записан полускорописью, сокращён только правый элемент знака. Второй раз (7-я строка, 3-й знак сверху) он записан полностью скорописью, оба элемента знака сокращены. Однако в первом и во втором случаях заключительная линия правого элемента повернута по-разному, один раз вправо, а второй влево. Тем не менее, это может быть один элемент, так как оба указанных выше способа сокращения этого элемента зафиксированы в текстах. См.: Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова (Памятники письменности Востока, IV). – М.: Наука, 1966. – С. 133.

[2] Неулхиелдие не знал грамоты абсолютно, он не мог даже поставить свою тамгу-роспись, поэтому вместо подписи отметил своё имя и то, что он поручитель при займе под залог, четырьмя жирными точками справа от записи.

[3] Счастливый–Процветающий.

[4] Процветающий–Радостный.

[5] Холодная Луна–Собака.

Цифра пять также читается абсолютно отчётливо. Очевидно, данная приписка к тексту документа – запись об исполнении обязательства. Такие приписки, также после подписей под подобными документами, имеются на документах о займах под залог на китайском языке из Хара-Хото, относящихся к началу XII в.[1]

Перед нами чрезвычайно интересный памятник тангутского обязательственного права начала XIII в. Структура документа соответствует в основном структуре заёмных документов Дальнего Востока и Центральной Азии VIII–XII вв., периода правления в Китае династий Тан (618-907) и Сун (960-1279), в том числе и документов о займе под залог.[2] Документ начинается с даты[3], затем указаны заёмщик и заимодавец, объект займа и его общая сумма (сумма долга с процентами), которую должен будет выплатить заёмщик, объект залога, поручители залога, срок возврата долга, последствия его неуплаты (переход заложенных животных к заимодавцу, держателю залога) и подписи взявшего обязательство, поручителей, свидетелей, должностного лица, составителя документа.[4] Тангутские документы, насколько нам известно, как правило, датировались очень точно – по девизу лет царствования и годом по двенадцатилетнему животному циклу. Этим они отличались от аналогичных уйгурских, датированных практически всегда только годом двенадцатилетнего животного цикла и потому не поддающихся точной датировке вообще.[5] Но, так же как и в уйгурских документах, в нашем документе уплата долга производилась тем же, что было взято в долг[6], а долг, как в Китае и у уйгуров, тоже выплачивался осенью.[7] Судя по уйгурским документам, процент

---

[1] *Maspero H.* Les documents chinoise. – London: British Museum, 1953. – P. 193-195.

[2] См.: *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents of Loan for Consumption // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. – 1961. – No. 20. – P. 114-115; *Чугуевский Л.И.* Заемные документы из Дуньхуана // VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (Краткие сообщения). – М.: Наука, 1971. – С. 43-45.

[3] Начиная с династии Юань (1280-1367) и до правления в Китае династии Цин включительно (1644-1911) даты на заёмных документах ставились в конце текста документа. См.: *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 116.

[4] Для сравнения см. документы на китайском языке из Хара-Хото периода Ляо (916-1124) (*Maspero H.* Les documents chinoise. P. 193-195), уйгурские заёмные документы той же эпохи в русском переводе: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 208, 215-216.

[5] См.: *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 115.

[6] Ibid. P. 119.

[7] Ibid. P. 125; *Maspero H.* Les documents chinoise. P. 193, документы a. IV, a. V.

на взятое в долг не должен был превышать 100%, т. е. сумма долга могла возрастать только вдвое.[1] Такой же порядок был установлен и китайским законодательством.[2] И по тангутскому законодательству, процент на взятые в долг под залог вещи не должен был превышать самой суммы долга, т. е. 100%. В тангутском кодексе[3] XII в. сказано: «В том случае, когда [какие-то] вещи отдаются в заклад, – обе стороны, владелец вещи и содержатель ломбарда, заключают добровольное соглашение, [что если] отдаётся в заклад за небольшую сумму денег большое количество вещей и [содержатель ломбарда] заявляет: “даже когда капитал (взятое в долг под заклад) и проценты на этот капитал сравняются, я не буду иметь права продать [заложенные вещи]” – и этой договоренности имеются свидетели, или если отдаётся в заклад за большую сумму денег мало вещей, устанавливается срок [выкупа заложенных вещей], заключается контракт и содержатель ломбарда заявляет: “когда срок пройдет, а [заложенные вещи] не будут выкуплены, то я их продам!”, то обе стороны должны соблюдать этот договор».[4]

То же самое предписывалось и тангутским законодательством в случае простого займа, без залога. Процент мог быть определён заимодавцем и заёмщиком, но он не должен был превышать в сумме 100%, сумма долга также могла возрасти только вдвое: «Если какому-то человеку в пределах [нашего] государства будет дан от Государя или от частного лица заём деньгами или зерном, – читаем мы в «Измененном и заново утвержденном кодексе законов», – то с добровольного согласия сторон должен быть определён процент из расчёта с одной связки монет начиная от пяти монет и ниже и с одного *нджиу* (*ху*) зерна от одного *нджиу* (*ху*) и ниже. Брать процент больший, чем этот, запрещается. Когда этот капитал (букв.: основное, т. е. взятое в долг) и процент на него сравняются, а требования [заимодавца об уплате долга] окажутся бесполезными и [долг] не будет отдан, то [заимодавец] должен доложить об этом в управление, и того, кто взял в долг, следует заставить [этот долг] уплатить. Если же взявший в долг

---

[1] *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 125.
[2] *Niida Noboru*. A Study of Chinese legal history: law of land and law of transactions. – Tokyo: Tokyo university, 1960. – P. 576.
[3] [Своде законов. – *Прим. ред*].
[4] «Измененный и заново утвержденный кодекс законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169)», гл. III // Тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 2576. С. 39 а–39 б.

отдать не в состоянии, то [долг] должен быть востребован с посредника. Если же и посредник также не в состоянии уплатить [этот долг], то брать у этих двух лиц жён, наложниц и ещё не выданных замуж дочерей в счёт погашения долга[1] запрещается, а [таковые] могут быть отправлены для отработки долга и находиться у [заимодавца] в качестве заложников.[2] Если же оставленные в заложницах жена или наложница [должника] стоят меньше, чем [сумма долга] в денежном выражении, или же если [должнику] действительно некого оставить в заложниках, то долг должен отдать тот, кто поручался [за заёмщика]. Если и поручитель [уплатить долг не в состоянии], то в том случае, когда поручитель был в числе тех, кто получал [в своё время] угощение от заёмщика, члены его семьи могут быть [также] посланы [к заимодавцу] для отработки долга. Если же [поручитель] никогда не был в числе тех, кто получал угощение от заёмщика, то члены [его] семьи не могут быть включены в число лиц, оставляемых [у заимодавца] в заложниках. Когда все вышеозначенные лица не в состоянии уплатить долга[3], и это правда, то сам должник должен быть отправлен для отработки долга. Как только капитал (сумма, взятая в долг) и проценты [на него] сравняются, после этого начислять проценты и требовать больше того, что было взято в долг деньгами или зерном, запрещается.[4] Если закон будет нарушен[5], то [с виновного], имеющего ранг, штраф одна лошадь, простому человеку (не имеющему ранга) – тринадцать палок. [Полученные заимодавцем] излишки следует возвратить должнику. Те суммы, которые выделили посредник и пору-

---

[1] [То есть этих женщин запрещается забирать в рабство с целью погашения долга. – *Прим. ред.*].

[2] [Это хорошо известный ещё в древнем праве Месопотамии институт отработки долга членами семьи должника в качестве так называемых “заложников”, т.е. работников, погашающих долг главы семьи своим трудом. Данная отработка должна была заменять обращение должника в рабство за долги. Это было необходимо для того, чтобы общинники не разорялись, не теряли свой статус и сохраняли возможность выполнять военную обязанность в качестве воина в общинном ополчении. Такая политика государства была направлена на сохранение численности войска – и, как следствие этого, слоя общинников (*полноправных свободных*), которые составляли основную численность войска. – *Прим. ред*].

[3] [Так в тексте. – *Прим. ред.*].

[4] [То есть долг считается отработанным, и обязательства по договору займа считаются исполненными должником. – *Прим. ред.*].

[5] [То есть заимодавец после погашения долга заёмщиком будет продолжать требовать отработки долга должником. – *Прим. ред.*].

читель для уплаты долга, должен отдать [им] сам должник, когда он будет в состоянии это сделать».[1]

Таким образом, по тангутскому праву, как и по китайскому, а также судя по уйгурским документам, и у уйгуров процент при займе и процент при займе под залог не должен был превышать суммы долга, которая как бы удваивалась (китайское *пэй*, *пэйчэн*). Это не исключало, по тангутскому праву, что по взаимной договоренности сторон процент мог быть как угодно низок в пределах ста [процентов].

В отличие от документов начала XII века на китайском языке из Хара-Хото[2] в тангутском документе не указан месячный процент, который, судя по документам на китайском языке, составлял 3-4[%] в месяц.[3] Это сближает данный тангутский документ с уйгурскими.

Тангуты, очевидно, унаследовали танскую систему мер. В современном Ся сунском Китае в одном *ху* (33,21 *л*) было 5 *доу* (1 *доу* = 6,64 *л*) сыпучих тел.[4] Однако, как свидетельствует наш документ, в тангутском государстве даже в начале XIII в. в соответствии с системой мер, существовавшей при Тан, в одном *ху* было 10 *доу*[5] и один *ху* равнялся 59,4 *л*.[6] В нашем документе заёмщик взял 3 *ху* зерна, должен возвратить 4 *ху* 5 *доу*. Произведём простой расчёт: взято 59,4 *л* × 3 = 178,2 *л* зерна. Следует отдать (59,4 *л* × 4) + (5,94 *л* × 5) = 267,3 *л*. Сумма процента – 1 *ху* 5 *доу*, или 89,1 *л*; срок займа три месяца, следовательно, месячный процент равен приблизительно 29,7 *л*, или 17%, и по сравнению с началом XII в. вырос в 4,5–5 раз. Правда, остаётся неясным, были ли опубликованные Э. Масперо документы на китайском языке непосредственно из Харо-Хото, хотя они и датировались девизами царствования Ляо (киданьскими), или же это были документы из Ляо, завезённые в Хара-Хото беглыми жителями Ляо после разгрома последнего чжурчжэнями в 1121 г. В последнем случае о сопо-

---

[1] «Измененный и заново утвержденный кодекс законов», гл. III. С. 42 а-43 а.

[2] См.: *Maspero H.* Los documents chinoise. P. 193-195.

[3] Ibid., документ a. V. Сумма месячного процента вычислена нами.

[4] См.: *Смолин Г.Я.* Антифеодальное восстание в Китае. – М.: Наука, 1974. – С. 531.

[5] Ср.: «Десять *доу* составляют один *ху*» (Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов / Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. – М.: Наука, 1969. – Ч. 1. – С. 443, № 2731).

[6] *У Чэн-ло* 吳 承洛. Чжунго дулян хэн ши 中國度量衡史 (История системы мер и весов в Китае). – Шанхай 上海: Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 72, табл. 5; С. 104.

ставительном росте заёмного ежемесячного процента за сто лет в данном районе в 4,5–5 раз говорить не приходится. Следует заметить, что ежемесячный процент при займах под залог в 3%, отмеченный в документах начала XII в. на китайском языке из Хара-Хото, соответствует проценту, предусмотренному в данном случае китайским законодательством.[1] Тангутский документ отличается от более ранних документов на китайском языке и тем, что в нём просто говорится об отчуждении залога (в данном случае двух ослов) от заёмщика, а не о праве заимодавца, принявшего залог, без сопротивления со стороны заёмщика продать заложенное имущество, как это оговорено в китаеязычных документах[2]; и что соответствует тангутскому законодательству, в случае если в залог отдано мало вещей под заём на большую сумму, а заимодавец, держатель залога, с согласия заёмщика объявил, что он сможет продать заложенные вещи, если долг и проценты не будут уплачены в срок. Возможно, средний месячный процент в 3% был в ходу только при денежных займах, как на основании анализа уйгурских заёмных документов предполагает проф. Масао Мори. В этом случае, по уйгурским документам, процент составлял от 2,5 до 3,3 в месяц (30 или 39,6% годовых), как и в Китае при Тан–Юань (VII–XIV вв.).[3]

Укажем ещё на некоторые особенности тангутского документа. Поручители в нём указаны в самом тексте документа (чего нет в документах на китайском языке), а не только в числе лиц, подписавших документ. Роль поручителей при займе (кит. *тунлянь* – при займе под залог; *тунцюй*, *дайбаожэнь*, *баожэнь* – при обычном займе) ясна из цитированных выше статей тангутских законов, и о ней нет нужды говорить дополнительно. Поручители в китайских и уйгурских документах, как и в нашем тангутском, подписывались после заёмщика, и чаще всего их было двое.[4] Свидетелей (кит. *цзяньжэнь*, *чжицзянь-*

---

[1] См.: *Niida Noboru*. A Study of Chinese Legal History. P. 575, 578.

[2] *Maspero H*. Les documents chinoise. P. 193-194, документ a. VI и др.

[3] *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 130. Можно думать, что у тангутов при денежных займах месячный процент составлял 5% и ниже, так как в цитированной выше статье закона говорится, что процент при денежных займах берётся из расчёта с одной связки монет (т.е. со ста монет) начиная от пяти монет и ниже.

[4] *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 145. В документах, опубликованных Э. Масперо, подписи поручителей также стоят после подписи заёмщика, но во всех случаях здесь в документах отмечен один поручитель.

чжэнь) в тангутском документе, как обычно и в уйгурских, двое.[1] Однако если уйгурские документы, как правило, писали сами заёмщики[2], то тангутский документ был составлен официальным лицом, чиновником управления. И наконец, отметим ещё одну особенность тангутского документа. Если мы правильно разобрали третий знак сверху в седьмой строке, то это первый знак фамилии заимодавца, взявшего под залог при выдаче займа ослов заёмщика. Характерной чертой средневековых дальневосточных документов такого рода была их некая "односторонность", обязательство подписывала одна сторона – бравший долг, его поручители и свидетели. Здесь же согласие с текстом долгового обязательства первым, возможно, завизировал заимодавец. Его фамилия и фамилия чиновника, составившего документ, совпадают, но вряд ли чиновнику следовало визировать документ дважды, он поставил свою тамгу-роспись последним из подписавших документ. Во всяком случае, если упомянутый выше знак не посторонний для текста документа, а это маловероятно, то мы пока в состоянии прочесть и объяснить его только таким образом.

Изучение тангутских хозяйственных документов из Хара-Хото – важный источник конкретизации наших представлений об экономике тангутского государства, его социальной структуре. Документы позволяют нам также найти конкретные свидетельства юридической практики, использования в реальных ситуациях жизни тангутского общества норм тангутского права, зафиксированных в «Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное Процветание» – огромном памятнике, состоявшем из 20 глав и 1460 статей, переводом и изучением которого уже ряд лет занят автор данного сообщения. Думается, что как предыдущей статьей о документе о продаже земли[3], так и публикацией этого документа нами засвидетельствовано огромное сходство тангутских хозяйственных документов с аналогичными документами из Китая и Центральной Азии, и поэтому их публикация должна способствовать как составлению полного корпуса документов такого рода, так и их более успешному пониманию.

---

[1] *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 145. В документах, опубликованных Э. Масперо, обычно указан один свидетель, только в одном случае (документ a. VI, P. 193) документ подписали и поручитель и свидетель вместе.

[2] *Mori Masao*. A Study on Uygur Documents... P. 147. В документах, опубликованных Э. Масперо, составители документов не указаны.

[3] [См. предыдущую статью Е.И. Кычанова в данном сборнике. – *Прим. ред.*].

Источники и использованная литература:

1. Документ о займе зерна под залог // Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР, инв. № 954.
2. «Измененный и заново утвержденный кодекс законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149-1169)», гл. III // Тангутский фонд ЛО ИВАН, инв. № 2576. С. 39 а-39 б, 42 а-43 а.
3. Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова (Памятники письменности Востока, IV). – М.: Наука, 1966. – 360 с.
4. *Кычанов Е.И.* Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1971. – М.: Наука, 1974. – С. 193-203.
5. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
6. Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов / Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. – М.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 271 с.
7. *Смолин Г.Я.* Антифеодальное восстание в Китае. – М.: Наука, 1974. – 35 с.
8. *Чугуевский Л.И.* Заемные документы из Дуньхуана // VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (Краткие сообщения). – М.: Наука, 1971. – С. 43-45.
9. *Kycanov E.I.* A Tangut document of 1224 from Khara-Khoto // Acta Orientalia Hungarica. – 1971. – T. XXIV, fasc. 2. – P. 189-201.
10. *Maspero H.* Les documents chinoise. – London: British Museum, 1953. – xii, 268 p.
11. *Mori Masao*. A Study on Uygur documents of loan for consumption // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. – 1961. – No. 20. – P. 111-148.
12. *Niida Noboru*. A Study of Chinese legal history: law of land and law of transactions. – Tokyo: Tokyo University, 1960.
13. *У Чэн-ло* 吳 承洛. Чжунго дулян хэн ши 中國度量衡史 (История системы мер и весов в Китае). – Шанхай 上海: Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1936. – 393 с.

Kychanov E.I.

Tangut document on a secured loan from Hara-Hoto

The document on the basis of which it is possible to characterize the procedure for concluding a loan agreement in Tangut law, the loan agreement form, the rights and obligations of the parties, the liability of the debtor in case of non-fulfillment of the terms of the agreement.

Keywords: Western Xia (Xi Xia); Tangut law; legal relations of obligations; contractual law; loan agreement (borrowing); procedure for concluding a loan agreement; contract form; rights and obligations of lender (creditor) and the borrower (debtor); debtor's responsibility; collateral of the loan agreement; guarantor (surety); witnesses of the transaction; fulfillment of obligations.

УДК340.15, 340.130, 340.153, 94(510)

Кычанов Е.И.

ЛЮДИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГОСУДАРЮ (ГОСУДАРСТВУ) (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное процветание [1149-1169 гг.]»)[1]

Статья посвящена анализу правового статуса различных категорий зависимых от государя людей и государственных рабов на основе анализа правовых норм свода законов тангутского государства Си Ся. Определены источники рабства. Характеризуется правовой статус рабов и «государевых людей».

Ключевые слова: Си Ся; тангутское государство; государевы зависимые люди; правовой статус; рабы; *пхинга*; *нини*; источники рабства; формы собственности.

Тангутское право различало четко только два вида собственности: собственность императора, государя, и собственность частную, отдельных лиц. При этом собственность императора совпадала с его казной, казенной собственностью, собственностью государственной. Юридического различия собственности правящего Дома, императорской и государственной собственности не было.

Люди, лишенные личной свободы или ограниченно свободные, тоже делились на принадлежавших частным лицам и государевых. Частным лицам принадлежали п х и н г а – лично несвободные мужчины, и н и н и – лично несвободные женщины. Люди, принадлежавшие государю (государству) именовались просто “государевы люди”, точно так же, как были “государева земля”, “государев скот”, “государево имущество” и т.п. Такое деление лично несвободных на принадлежавших частным лицам и казне было характерно и для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан. Текст танского кодекса чётко различает г у а н ь н у б и “казенных рабов и рабынь” и с ы н у б и “рабов и рабынь, принадлежащих частным лицам”, а также различные группы казённых лично несвободных: г у а н ь х у, ф а н ь х у, ц з а х у; и лично несвободных, принадлежащих частным лицам: б у ц ю й, к э н ю й (лично несвободных мужчин и лично несвободных женщин соответственно).

Если группы лично несвободного населения тангутского госу-

[1] Впервые опубликовано в: Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник 1976-1977 гг. – М.: Наука–ГРВЛ, 1984. – С. 232-239.

дарства, принадлежавшие частным лицам – *пхинга* и *нини* достаточно легко выделяются и могут быть сравнительно подробно описаны по тексту кодекса, то выделить и описать группы государевых (государственных) людей значительно сложнее Они упоминаются в тангутском кодексе редко, и тексты статей, в которых о них говорится, не всегда достаточно чётки.

Государевых лично несвободных людей можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди – это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т.п. из группы «десяти зол»), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности (*юань цзо*). «Дети, жёны, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или ещё не совершившего преступление, – говорится в кодексе, – независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также [его] родители, дед и бабка, братья и сестры, ещё не выданные замуж, если эти [родственники] живут в одной семье [с мятежником, все] подлежат наказанию – должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев».[1] То, что эти люди становились казёнными лично несвободными, ясно из китайской аналогии: по кодексу Тан члены семьи мятежника “конфисковались” – переходили в казну; а также из текста предшествовавшего «Измененному и заново утверждённому кодексу законов» «Яшмового зерцала управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань», где указывалось, что в случае гибели в бою командира, четыре человека из его охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены «в государевых пастухов и земледельцев».[2] Наконец мы имеем свидетельства этому и непосредственно в тексте нашего кодекса. «Если женщина приговорена рабо-

[1] Измененный и заново утвержденный кодекс [девиз царствования] Небесное процветание (1149-1169 гг.), гл. 1, л. 4 а–7 б (далее – Кодекс). [См.: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Пер. Е.И. Кычанова. В 4-х кн. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987-1989. –464 с., 704 с., 620 с., 674 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 1–4). – *Прим. ред.*].

[2] Яшмовое зерцало управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань [1103-1113 гг.], гл. III, л. 14 а. [См.: Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101-1113) / Пер. Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2005. № 1 (2). – С. 5-34. – *Прим. ред.*].

тать в государевом скотоводческом хозяйстве и уже отправлена в это скотоводческое хозяйство, то сбывать её в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец приговаривается к наказанию по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал [что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве], по закону о пособничестве в совершении такой кражи. Плата, полученная продавцом [за женщину], должна быть взыскана в качестве штрафа и поступить в пользу государя. Если покупатель не знал [о незаконности сделки], то наказанию не подлежит, но сумма [которую он уплатил за женщину], должна быть у него изъята. Женщина за то, что она не донесла об её продаже, получает тринадцать палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла [о незаконной её продаже], то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое она сама пожелает».[1]

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским государевым пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казённых лично несвободных людей, именовавшихся *гуаньху*. Это были «земледельцы, приписанные к ведомствам». Но как и в танском Китае, лиц, оказавшихся в уголовном рабстве, использовали и на других работах. В Китае рабский труд казенных рабов «использовался довольно широко при строительстве ирригационных сооружений, в казённых мастерских, при перевозке грузов. Мужчины рабы пасли скот, разводили домашнюю птицу, выращивали овощи. Казенные рабыни занимались изготовлением тканей, керамических изделий, работали на кухнях. Назначение на работу и приписка к согветствующему ведомству определялись согласно исходной квалификации раба».[2] И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использоцалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдалённых районах страны. Помимо постоянных указаний о

---

[1] Кодекс, гл. XIX, л. 50 б.

[2] *Козина Е.М.* Основные категории лично несвободного населения в танском Китае // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука–Вост. лит., 1976. – Т. VII. – Ч. 1. – С. 96.

переводе таких людей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для «передачи в другие государства верблюдов и лошадей»[1], т.е. для перегона скота, который шёл в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота за границу. Но помимо сельскохозяйственных работ государевы люди довольно часто использовались в иных сферах хозяйства. Список государевых людей по профессиям сохранился в статье 393 кодекса. Он достаточно обширен. В него кроме пастухов и земледельцев входят «смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, официанты ... дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шёлка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений: кистей, лент, бахромы, погонщики караванов верблюдов ... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в предусмотренном законом порядке рвов и укреплений, разные мастеровые, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ночных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе».[2] Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались как обслуживающий персонал и в качестве рабочих и мастеровых, можно думать, сосредоточенных главным образом при дворе или в столице. Всё это были лица, выполнявшие, как сказано в этой же статье, прежде всего «тяжелые работы».

Эти люди принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. «Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить [для себя] в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей или просить или делать людьми, принадлежащими частным лицам, людей, совершивших тяжкое преступление, приговорённых к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон будет нарушен, то проси-

[1] Кодекс, гл. XIX, л. 19 а.
[2] Там же, гл. VII, л. 3 б–4 б.

телю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по двенадцать лет каторжных работ».[1]

На “государева человека” «накладывались разные работы и повинности», и он находился в ведении определённого чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством или другое. В «Новых законах» названы «приписанные к управлениям государевы земледельцы».[2]

Государевы люди, «тяглые, записанные за государем», имели свои семьи и своё имущество, в том числе и недвижимость (строения[3] – *прим. ред.*).[4] Текст одной из статей кодекса гласит: «Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то [виновным] выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия».[5] Государевы люди наделялись землёй (на правах держания – *прим. ред.*), которую были обязаны обрабатывать полностью. «Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои н д з и е (*цин*) и н д з в о н (*му*) – [участки земли] в тех размерах, в каких они их держат. Нарушать границы первоначально установленных участков пахотных земель, облагаемых налогом, мест соединения оросительных каналов, увеличивать [свой участок] за счёт чужих земель, уменьшать размеры участка земли и сокращать посевы запрещается. Если закон будет на-

---

[1] Там же, гл. XIII, л. 28 а–28 б.

[2] Новые законы года свиньи, гл. XV, с. 13 [См.: Новые законы тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангут., введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2013. – 501 с. – *Прим. ред.*].

[3] [На ранних этапах развития права существовало деление вещей на землю и остальные вещи, в связи с чем можно было быть собственником строений, не будучи собственником земли под этим строениями (подробнее см.: *Суровень Д.А.* О древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // История государства и права. – 2013. – № 10. – С. 17-21; *Суровень Д.А.* К вопросу о древнейших категориях вещей в гражданском праве древности и средневековья // Проблемы истории общества, государства и права. – Екатеринбург: УрГЮА, 2013. – Вып. 1-й. – С. 25-35). – *Прим. ред.*].

[4] [В этом случае, данные факты свидетельствуют о том, что “тяглые люди, записанные за государем” относились к категории *неполноправных свободных*, т.к., имея личные и имущественные права – они были *правосубъектны*, т.е. относились к свободным людям, но не имеющим всей полноты прав *полноправных свободных*. – *Прим. ред.*].

[5] Кодекс, гл. VII, л. 13 а–14 а.

рушен и посевы сокращены, то [виновные получат наказание] по закону о тайной краже в зависимости от стоимости похищенного имущества, а когда [кем-то] его участок земли будет увеличен за счёт чужой земли и будут нарушены границы участков, то [виновный] получит наказание на одну степень меньшее, чем наказание за тайную кражу, в зависимости от стоимости [незаконно] приобретённой земли. Награда за донос выплачивается в размере одной десятой стоимости [присвоенной земли], но не должна превышать сто связок монет».[1] В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка размером в 1 *цин* 50 *му* (примерно 9,8 *га*), деньгами десять связок монет, пшеницей 4 *ху* (237,6 *л*), горохом 5 *ху* 5 *доу* (326,7 *л*), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками «в соответствии с законом».[2] Наряду с прочими несвободными людьми, землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. «Что касается назначений “наблюдающих за водой” и “обслуживающих канал” на больших магистральных каналах, то [таковые] должны назначаться из года в год поочерёдно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также [землепашцев], принадлежащих родственникам [государя], советникам, старшим и младшим [чиновникам], хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг – штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок. Если же имела место взятка, то [таковая] должна считаться взяткой с нарушением закона». Государевы люди, “наблюдающие за водой” и “обслуживающие канал” несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае его прорыва за «ущерб, причинённый хлынувшей на поля и постройки водой».[3]

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить то, что ему дают. Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государева скота и некомпенсацию причинённых убытков «под угрозу должна быть поставлена жизнь» государевых

[1] Кодекс, гл. XV, л. 11 б.
[2] Новые законы года свиньи, гл. XV, с. 13-14.
[3] Кодекс, гл. XV, л. 23 б.

людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государевы пастухи «при уходе за скотом проявят непокорность, откажутся работать, не станут слушать приказаний». Такие пастухи наказывались на основании полученных свыше указаний.[1]

На государевых, как и на частных людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте – приплод следует за самкой. «Если какой-то человек купил самку животного или женщину(-рабыню – *прим. ред.*), не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с матерью, или если у женщины есть ребёнок, который уже родился, то [и детёныш животного и ребёнок женщины] равно [вместе с матерями] подлежат возврату владельцу».[2] «Если государевы или частные люди, женщина или мужчина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся [у бежавшего мужчины] от [бежавшей с ним] чужой жены, должны уйти вместе с матерью[3], а сама женщина должна быть отдана [своему] владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается».[4]

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычёркивать людей из этих списков. Вычёркивание государева человека из списка рассматривалось как тайная кража человека. Использование государева человека в личных целях как слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого.[5]

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за принадлежащего частному лицу мужчину (*пхинга*) женщин, членов своей семьи – свою дочь, сестру, тётку по отцу. Вообще, судя по этому тексту и тексту статьи 521 о государевых девушках, лично несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам, т.е. только в пределах своей и родственной социальной группы.[6]

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремес-

---

[1] Там же, гл. XIX, л. 50 а–50 б.
[2] Кодекс, гл. III, л. 34 а.
[3] [Так как это внебрачные дети – они следуют правовому статусу матери и находятся под властью матери (а, значит, переходят под власть её хозяина). – *Прим. ред.*].
[4] Кодекс, гл. VIII, л. 26 б–27 а.
[5] Кодекс, гл. XIII, л. 29 б.
[6] Там же, гл. VIII, л. 27 б.

ленных мастерских.

Вторая, возможно, не менее многочисленная группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках. В «Яшмовом зерцале управления» прямо указывается, что родственники солдат, казнённых за воинские преступления, наказываемые по принципу общесемейной ответственности, отдавались в казённое рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнён за подачу ложных сведений о количестве убитых им врагов с целью получения награды, его «родственники должны быть включены в армию».[1] Если военный инспектор допустит обман, всё перевернёт с ног на голову (букв.: “голову и хвост поменяет местами”) и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его «семья включалась в армию».[2] Таким образом, люди, обращавшиеся на основании принципа общесемейной ответственности в казённое рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения при ней тяжёлых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет и следующее сообщение «Сун ши» о судьбах пленных китайцев: «Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их ч ж у а н-л и н-л а н, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу»[3] [Сун ши, гл. 486]. Этот текст «Сун ши» крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко – как земледельцы или вообще на хозяйственных работах и для армии, будь то в передовых частях, т.е., как это я понимаю, на границах с сунским Китаем или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признались в какой-то причастности к предательству. Тако-

---

[1] Яшмовое зерцало управления, гл. III, л. 15 а.

[2] Там же, л,15 б.

[3] Сун ши 宋史. – Шанхай 上海: Шаньу иньшугуань 商務印書館, 1935. – С. 3797.

вые «по определении их на каторжные работы в пограничные города, должны по закону стать [людьми, работающими] на регулярную армию».[1] Сын женщины, чужой жены, похищенной кем-то раньше, и рождённый на чужбине от похитителя, если он не признавался её первым мужем, законным хозяином этой женщины и оказывался вне семьи, «по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск».[2] Во вспомогательные войска отправлялись сыновья государевых девушек, рождённые как от государевых людей, так и от *пхинга*. «Если государевы девушки; девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя; девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты; девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей, по своей воле, с обоюдного согласия [с мужчиной] заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы [замуж] по её желанию. Что же касается сыновей [таких лиц], то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если, он *пхинга*, то [его сыновьям] становиться также *пхинга* не разрешается, а они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же [по чьей-либо вине такие люди] не будут взяты на учёт, то [с виновного], имеющего ранг – штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок».[3]

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом данная, женщина должна была добровольно согласиться на то, чтобы её отдали в залог.[4]

Государевы и частные лично несвободные люди, очевидно, нередко бежали со своего места приписки или от своего хозяина, о чём свидетельствует наличие в кодексе ряда статей о беглых людях и их поимке. «Что касается государева человека, ставшего беглым, то имеющиеся в данном месте чиновники: направляющие, армейские командиры, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники – должны

---

[1] Кодекс, гл. 1, л. 11 б.
[2] Кодекс, гл. VII, л. 5 б.
[3] Там же, гл. VIII, л. 27 б.
[4] Там же, гл. XI, л. 10 а–11 а.

выяснить фамилию и имя бежавшего человека, кто он, сколько человек в его семье к перечень имен [членов его семьи], почему и куда он мог сбежать и известно или неизвестно его местопребывание, и в течение десяти месяцев [всё это] доложить должностному лицу. Если местонахождения беглого известно, то следует, организовать его преследование, поймать, наказать и препроводить к тому чиновнику, в ве́дении которого он находился».[1] И далее ещё текст другой статьи: «Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал его, то он должен отправить его туда, откуда [этот беглец] сбежал. В том случае, когда кто-то со слов беглого знал, что тот [беглец], но взятки с него не брал, то [таковому] не засчитывается стоимость работы [на него] беглого в течение шести месяцев. Также в том случае, когда кто-то встретится в дороге с беглым и будет ехать вместе с ним, если он не знал, что [его спутник] беглый, то наказанию не подлежит. А если знал, то с имеющего ранг – штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок. Если же кто-то из таковых возьмет [с беглого] взятку, то её следует считать “взяткой с нарушением закона”».[2]

Счёт беглых велся на семьи, причём семьей должны были считаться от одного до трёх человек одиноких беглых, а также муж и жена или любых два человека из одной семьи. За укрывательство одной-двух семей в таком подсчёте виновному полагалось три года, трёх семей – четыре года, а за укрывательство десяти семей и более – смертная казнь путём удавления. Соответствующие меры наказания за укрывательство беглых, родственников укрывателя были значительно более низкими: от шести месяцев до трёх лет каторжных работ. Все были обязаны активно участвовать в поимке беглых: «Если о побеге государевых или частных людей были оповещены старшие и младшие направляющие по принадлежности, те, кто приписан к регулярной армии, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ближайшие соседи, но они не начали преследования [бежавших] или отправились в погоню и могли настичь беглецов, однако проявили в пути нерадивость и не догнали их, или догнали, но из-за своей немощи и, дорожа жизнью, не разгромили [беглецов], то [виновным] одинаково один год каторжных работ».[3]

---

[1] Кодекс, гл. XIII, л. 28 а–28 б.
[2] Там же, л. 30 а.
[3] Там же, л. 26 б.

Пойманных беглых собирали в ближайших местных управлениях и группами с сопроводительными документами и охраной отсылали по этапу на прежнее место.

Донёсшие о беглых получали награду за донос, обычно из расчёта десять связок монет за одну семью, однако размер награды не мог превыщать ста связок монет. Поимщик беглого получал награду из расчета пятнадцать связок монет за одну семью. За донос о беглых награждались и каторжане. Так, в тексте одной статьи говорится: «Когда убегут государевы или частные люди и укроются в пределах нашего государства, то в том случае, если в числе людей, донёсших на [таких беглых], в ближайшем округе окажутся женщины, отбывающие наказание за совершенные ими преступления в качестве ткущих сукна, ткани из растительных волокон, белошвеек или отданные в жёны пастухам и земледельцам, то они могут получить вознаграждение за донос в соответствии с законом. Можно позволить таковым сменить их место пребывания, [однако] менять им хозяйство (мастерскую) не разрешается».[1]

Наконец, государевы и частные люди могли бежать из пределов Великого Ся за границу. Если они после этого добровольно возвращались обратно, то им свободно передвигаться по территории страны запрещалось. Их не наказывали, но их статус не менялся. Исполнявшие ранее тяжёлые работы вновь возвращались на тяжёлые работы, но могли в качестве награды за верность отечеству сменить хозяйство или место приписки. Если это были люди, ранее работавшие во внутренних дворцовых покоях, они после возвращения из-за рубежа к работе во внутренних дворцовых покоях, т.е. поблизости от особы государя, не допускались. Такие люди переводились в число служащих вспомогательных войск.[2]

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных людях в тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, правда, кроме одного – они не имели таких обязательств к своему владельцу – государю (государству), которые составляли важную часть социального положения *пхинга* и *нини*: ношение траура, право доноса и т.п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть мате-

[1] Кодекс, гл. XIII, л. 25 б–26 а.
[2] Там же, гл. VII, л. 3 а–4 б.

риалы о том, что дети несвободных тоже становились несвободными – людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времён, когда будущие области Ся входили ещё в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия, кроме естественного прироста, было уголовное бессрочное казённое рабство, распространявшееся и на потомков (привлечение к ответственности родственников государственных преступников) и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

В отличие от китайского права, тангутское право не знало дробления статуса зависимых по степени их зависимости [рабы, *гуаньху*, мастеровые (*гун*), музыканты (*юэ*) – для казённых лично несвободных в Китае] или рабы и *буцюй*, *кэнюй* – для лично несвободных, принадлежавших частным лицам. Следовательно, оно не знало поэтапного освобождения. Кстати, каких-либо материалов о предоставлении свободы лично несвободным государевым людям в Ся у нас вообще нет.

Наконец, определённой спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично несвободных служащих вспомогательных войск. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать значительную армию. Обслуживание регулярной армии – конницы, пехоты, камнемётной артиллерии было трудоёмким делом. Ещё больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных инженерных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

Источники и использованная литература:

1. Измененный и заново утвержденный кодекс [девиз царствования] Небесное процветание (1149-1169 гг.), гл. 1, л. 4 а – 7 б, 11 б; гл. III, л. 34 а; гл. VII, л. 3 а–4 б, 5 б, 13 а–14 а; гл. VIII, л. 26 б–27 б; гл. XI, л. 10 а–11 а; гл. XIII, л. 25 б–26 б, 27 б–28 б, 29 б–30 а; гл. XV, л. 11 б, 23 б; гл. XIX, л. 19 а, 50 а–50 б.
2. Новые законы года свиньи, гл. XV, с. 13-14.
3. Сун ши 宋史. – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1935.
4. Яшмовое зерцало управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань /1103-

1113 гг.], гл. III, л. 14 а, 15 а–15 б.
5. *Козина Е.М.* Основные категории лично несвободного населения в танском Китае // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука–Вост. лит., 1976. – Т. VII. – Ч. 1. – С. 93-102.

Kychanov E.I.

People who belonged to the sovereign (state)
(Based on the materials of the «Amended and re-approved code [the motto of the reign] Heavenly Prosperity [1149-1169]»)

Article is devoted to the analysis of the legal status of various categories of people dependent on the sovereign and state slaves based on the analysis of the legal norms of the Xi Xia Tangut state's code of laws. The sources of slavery have been identified. The legal status of slaves and "sovereign people" is characterized.

Keywords: Xi Xia; Tangut state; sovereign dependent people; legal status; slaves; *pinga*; *ni ni*; sources of slavery; forms of ownership.

УДК 340.15, 340.130, 340.153, 94(510)

Попова И.Ф.

НАСТАВЛЕНИЕ ТАНСКОГО ИМПЕРАТОРА ТАЙ-ЦЗУНА «ЗОЛОТОЕ ЗЕРЦАЛО» (*ЦЗИНЬ ЦЗИН*) КАК «СЕМЕЙНОЕ ПОУЧЕНИЕ»[1]

Представлены исследование и комментированный перевод произведения назидательного характера «Золотое зерцало», автором которого считается танский император Тай-цзун. В этом наставлении танский монарх стремился сохранить во имя «вечного правления» династии Тан введённые им принципы управления и этического соответствия правителей их предназначению.

Ключевые слова: Китай; династия Тан; Тай-цзун; наставления как «семейное поучение»; политическая идеология.

Правление династии Тан (618-907) было временем необычайного процветания и блеска китайской цивилизации. Важнейшими свидетельствами великолепия эпохи стали дошедшие до наших дней уникальные и неподражаемые произведения науки, искусства и мысли. К последним относятся и замечательные сочинения, посвященные идеологии и практике государственного управления (*чжи го* 治國) и «умиротворения Поднебесной» (*пин Тянься* 平天下) – теме, которая в китайской общественной мысли всегда занимала важнейшее место. В начале эпохи Тан создают свои труды Вэй Чжэн 魏徵 (580-643), Юй Ши-нань 虞世南 (558-638), Яо Сы-лянь 姚思廉 (557-637), Кун Ин-да 孔穎達 (574-648) и другие сподвижники первых императоров династии, составляются династийные истории с обширными комментариями, а в 705 г. У Цзии 吳兢 (670-749) представил трону произведение «Основы управления периода Чжэнь-гуань» (*Чжэнь-гуань чжэн яо* 貞觀正要) с изложением «образцовых» бесед императора Тай-цзуна

Попова Ирина Фёдоровна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института восточных рукописей РАН, завотделом рукописей и документов ИВР РАН (*Россия*, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

[1] Основано на материалах: *Попова И.Ф.* Наставления раннетанских императоров как «семейные поучения» // Наставления раннетанских императоров / Пер. с кит., комм., иссл., приложения И.Ф. Поповой; Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Наука, 2022. – С. 13-19; «Золотое зерцало» (*Цзинь цзин*) // Наставления императора Тай-цзуна / Пер. с кит., комм. И.Ф. Поповой // Там же. С. 20-34.

(627-649) с сановниками по широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики.

Именно в начале эпохи Тан формируется особый жанр императорских семейных наставлений (*хуанди сюньцзе* 皇帝訓誡). Авторами этих сочинений считаются танские монархи, которые стремились донести до потомков и сохранить во имя «вечного правления» династии (*вань суй* 萬炭) введенные ими принципы управления. Дошедшие до нас императорские наставления начала эпохи Тан имеют стилистическое, категориальное и жанровое единство. Как *Цзинь цзин* и *Ди фань* Тай-цзуна, так и *Тянь сюнь* Гао-цзуна и *Чэнь гуй* У-хоу написаны парным стилем ритмической прозы (*пянь вэнь* 駢文) с соблюдением размера в четыре и шесть слогов (иероглифов). Названия глав в них также в соответствии с жанром парных построений состояли из двух слогов.

В политической идеологии Китая времени Тан заметно возросло значение практических целей управления, власть стала рассматриваться как нравственно мотивированная, но вполне рациональная деятельность, направленная на достижение не абстрактного умиротворения (*тайпин* 太平 , *аньдин* 安定), а определённых конкретных результатов. Танская идеология большие усилия затратила на поиск логических средств понимания политики, на разработку категорий и понятий, которые могли бы в полной мере соответствовать новому уровню представлений о власти и государственном управлении. Более определённый прагматический характер приобрело с древних времен присущее китайской идеологии стремление найти в событиях прошлой истории обоснование для политических решений текущего момента. Значительно были конкретизированы статусные задачи носителей власти – самого императора, его родственников, высших сановников и чиновничества. С этим и было связано распространение в начале Тан императорских семейных наставлений.

В 628 г. император Тай-цзун (Ли Ши-минь 李世民 , 599-649) изложил свои политические задачи в произведении «Золотое зерцало» (*Цзинь цзин* 金鏡), а в 648 г. он вручил своему сыну Ли Чжи 李治 (628-683), будущему императору Гао-цзуну (650-683), наставление «Правила императоров» (*Ди фань* 帝範).[1]

---

[1] [Перевод и исследование см.: *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 55-73; о *Ди фань* см.: *Попова И.Ф.* Пред-

***

Император Тай-цзун был вторым сыном Ли Юаня от императрицы Доу 竇 (Тайму-*хуанхоу* 太穆皇后), являвшейся дочерью суйского аристократа сяньбийского происхождения Доу И (竇毅, 519-583), имевшего титул Шэньу-гуна. Она родила Ли Юаню пятерых детей: четырёх сыновей (Ли Цзянь-чэна, Ли Ши-миня, Ли Сюань-ба 李玄霸 [ум. в 614 г.), Ли Юань-цзи 李元吉 (603-626)) и одну дочь – принцессу Пинъян 平陽公主 (ум. в 623 г.).[1] Клан Доу, как и клан Ли, относился к военной элите северо-западного Китая и впитал в себя воинственный дух Северных династий.

Ли Ши-минь родился в 20-й день 12-го месяца 18-го года девиза *Кай-хуан* 開皇 правления суйского Вэнь-ди 隋文帝 (581-604), что соответствует 23 января 599 г., в загородной резиденции Угун рода Ли (в совр. пров. Шэньси, южнее р. Вэйхэ [Вэйшуй]). Согласно «Старой истории Тан» (Цзю Тан шу), рождению будущего императора сопутствовало чудесное знамение, свидетельствовавшее об уготованной ему миссии: в течение трёх дней после рождения Ли Ши-миня два дракона играли над воротами дворца[2] [Цзю Тан шу, цз. 2]. Считается, что его наружность сразу же признали царственной, и что при первом взгляде на него его отец, будущий император Гао-цзу, предсказал, что по достижении совершеннолетия сын непременно «поможет миру» (*ци ши* 濟世) и «успокоит народ» (*ань минь* 安民). Это предсказание было зафиксировано в официальном имели Ши-минь 世民 [3] [Цзю Тан шу, цз. 2; Синь Тан шу, цз. 2]. В 613 г. 14-летнего Ли Ши-миня женили на представительнице клана Чжансунь из Лояна (пров. Хэнань), кото-

---

ставления о верховной власти: «Ди фань» («Правила императоров») – политическое завещание императора китайской династии Тан Тай-цзуна (648 г.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – С. 151-173. – *Прим. ред.*].

[1] Всего у Гао-цзу было 22 сына. Из четырех сыновей от императрицы Доу в историю вошли трое – Ли Цзянь-чэн, Ли Ши-минь и Ли Юань-цзи, один же – Ли Сюань-ба погиб в раннем возрасте.

[2] Цзю Тан шу 舊唐書 [Старая история династии Тан]. Сост. Лю Сюй 劉峋 (Синь цзяо бяо-дянь бэнь 新校標點本 [Вновь сверенные и размеченные тексты]). – Тайбэй 臺北: Динвэнь шуцзюй 鼎文書局, 1976. – С. 21.

[3] Цзю Тан шу, 1976. С. 21; Синь Тан шу 新唐書 [Новая история династии Тан]. Сост. Оуян Сю 歐陽 修 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中韋書局, 1986. – С. 23.

рый вёл происхождение от императорского рода Тоба Северной Вэй (386-534). Отец невесты, военачальник Чжансунь Чэн 長孫晟, скончался в 609 г., после чего будущую императрицу и её старшего брата Чжансунь У-цзи 長孫無忌 (597-659) воспитывал Гао Ши-лянь 高十廉 (575-647) из высокопоставленного чиновно-аристократического бохайского клана Гао, который приходился им дядей по матери. И Чжансунь У-цзи, и Гао Ши-лянь стали впоследствии влиятельными приближенными императора Тай-цзуна.

Ли Ши-минь с ранних лет участвовал сначала в подавлении антисуйских восстаний, а затем в объединительных кампаниях танских армий. Именно ряд его успешных операций в 618-622 гг. и победы над Сюэ Жэнь-го 薛仁杲 (ум. в 618 г.) в 618 г., над Лю У-чжоу 劉武周 (ум. в 622 г.) в 620 г., над Ван Ши-чуном 王世充 (567-621) и Доу Цзянь-дэ 竇建德 (573-621) в 621 г., а также над Лю Хэй-та 劉黑闥 в 622 г. – обеспечили сплочение Китая под властью дома Тан. Слава блестящего полководца досталась Ли Ши-миню вполне заслуженно: он был отважен, удачлив, умело и эффективно использовал конные атаки, сражался в первых рядах войск, подвергая свою жизнь опасности, по нескольку дней мог обходиться без пищи и не сходить с коня, в бою умел точно определить слабость противника и момент для решающей атаки[1] [Тун дянь, цз. 162.15]. В 10-м месяце 621 г. император Гао-цзу в ознаменование воинских доблестей Ли Ши-миня учредил «особый титул, который увековечил бы его выдающеюся добродетель», и пожаловал ему звание Генерала небесной стратегии (*Тяньцэ шанцзян* 天策上將), «поставив над всеми ванами и гунами»[2] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 189].[3]

---

[1] Тун дянь 通典 (Свод уложений). Сост. Ду Ю 杜佑. – Шанхай 上海: Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 858.

[2] Цзы чжи тун цзянь 資治通鑑 [Всепроницающее зерцало, управлению помогающее]. Сост. Сыма Гуан 司馬 光. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1956. – С. 5931.

[3] В ставке Генерала небесной стратегии (Тянцэ фу 天策府) разрешалось иметь довольно большой штат военных и гражданских чиновников – 34 человека, включая двух главных советников (один из них назывался *чжанши* 艮史 , другой – *сыма* 司馬), двух помощников главных советников (*цунши чжунлан* 從事中郎), двух советников по вопросам стратегии (*цзюньцзы цзицзю* 軍咨祭酒), четырёх советников но вопросам юриспруденции (*дяньцянь* 典簽), двух архивариусов (*чжубу* 主簿), двух письмоводителей (*луши* 錄事), двух секретарей для отдельных поручений (*цзиши цаньцзюньши* 記室參軍事), а также 12 начальников шести ведомств (по два на каждое): двух началь-

В конце правления Гао-цзу заслуги его второго сына как военачальника, внесшего главный вклад в завоевание и объединение Поднебесной кланом Ли-Тан, были явны всем и непререкаемы. При этом сам Цинь-ван Ли Ши-минь помнил китайскую мудрость «за периодом мира неизбежно последует период войны, за периодом войны неизбежно последует период мира», и поэтому достаточно рано шаг за шагом стал создавать себе репутацию «правителя великих мирных заслуг».

Благодаря своим победам Ли Ши-минь стал наместником обширной территории, охватывавшей почти полностью земли нынешних провинций Хэнань и Хэбэй, а также часть провинции Шаньси. Здесь Цинь-ван выполнял важнейшие административные функции. В 621 г. для более успешного их осуществления, чтобы «принести мир в пределы четырёх морей», он учредил так называемую Литературную палату (*Вэньсюэгуань* 文學館), которую можно было бы назвать также «Палатой по рассмотрению гражданских дел». Эту коллегию, выполнявшую роль совещательного органа при Ли Ши-мине, стали также именовать «Восемнадцать учёных при ставке Цинь-вана» (*Цинь-ван фу ши ба сюэши* 秦王府十八學士), поскольку в неё были приглашены 18 компетентных учёных мужей (*ши ба сюэши* 十八學士), получивших в своё время учёные степени: Ду Жу-хуэй 杜如晦 (585-630), Фан Сюань-лин 房玄齡 (579-648), Юй Чжи-нин 于志寧 (588-665), Су Ши-чан 蘇世艮, Сюэ Шоу 薛收, Чу Лян 褚亮 (560-647), Яо Сы-лянь 姚思廉 (557-637), Лу Дэ-мин 陸德明 (556-627), Кун Ин-да 孔穎達 (574-648), Ли Сюань-дао 李玄道 (577-645), Ли Шоу-су 李守素 (ум. в 628 г.), Юй Ши-нань 虞世南 (558-638), Цай Юнь-гун 蔡允恭 , Янь Сян-ши 顏相時 (ум. в 645 г.), Сюй Цзин-цзун 許敬宗 (592-672), Сюэ Юань-цзин 薛元敬 (ум. в 626 г.), Гай Вэнь-да 蓋文達 (578-644), Су Сюй 蘇勖 . Члены Литературной палаты были обязаны круглосуточно, попеременно (по

ников ведомомства заслуг (*гунцао цаньцзюнь* 功曹參軍) .двух начальников ведомства финансов (*цанцао цаньцзюнь* 仓曹參軍), двух начальников ведомства пехоты (*бинцао цаньцзюнь* 兵曹參軍), двух начальников ведомства кавалерии (*цицао цаньцзюнь* 騎曹參軍), двух начальников ведомства вооружения (*кайцао цаньцзюнь* 鎧曹參軍) и двух начальников ведомства личного состава (*шищао цаньцзюнь* 士曹參軍), а также шесть военных порученцев (*цаньцзюньши* 參軍事). – *Чжао Кэ-яо* 趙 克堯, *Сюй Дао-сюнь* 許道勛. Тан Тай-цзун чжуань 唐太宗傳 [Биография танского Тай-цзуна]. – Пекин 北京: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 1987. – С. 65.

шесть человек) находиться во дворце Цинь-вана. В биографии Чу Ляна сказано: «Все учёные получали изысканные кушанья и были поделены на три очереди, чтобы [и в дневное], и в ночное время нести дежурство во дворце. Каждый раз, закончив [решение] военных и государственных дел, [они] докладывали о том, что уходят отдыхать. В присутствии [Цинь-вана они] обсуждали канонические книги, толковали древность»[1] [Цзю Тан шу, цз. 72]. Позже Тай-цзун повелел художнику Ли Вэнь-бэню 閻立本 (600-673) запечатлеть на одной картине их всех, а Чу Ляну написать хвалебную статью (*цзань* 贊). Так получился знаменитый «Подлинный портрет восемнадцати учёных мужей» (*Ши ба сюэши се чжэнь ту* 十八學士寫真圖).

Источники сообщают, что Ли Ши-минь, как и многие просвещённые военачальники древности, одерживая военные победы и захватывая управы населенных пунктов, заботился о спасении архивов и официальной документации. После занятия Лояна в 621 г. он повелел Фан Сюань-лину 房玄齡 (579-648) вывезти из помещений Государственного секретариата и Императорской канцелярии географические карты, списки населения и императорские указы[2] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 189].

Ещё до официального вступления на престол, в 7-м месяце 626 г. Ли Ши-минь назначил на ключевые должности в высшей администрации своих ближайших сторонников из старшего поколения. Фан Сюань-лин и Юйвэнь Ши-цзи 宇文士及 (572-642) стали главами Государственного секретариата (*чжуншулин* 中書令), Гао Ши-лянь 高石蓮 (576-647) – главой Императорской канцелярии (*шичжун* 侍中), Сяо Юй 蕭璃 (574-647) – левым (первым) помощником главы Кабинета министров (*цзо пуе* 左僕射), Чжансунь У-цзи – министром чинов (*либу шаншу* 吏部尚書), Ду Жу-хуэй – военным министром (*бинбу шаншу* 兵部尚書), Фэн Дэ-и 封德彝 (568-627) – правым (вторым) помощником главы Кабинета министров (*ю пуе* 右僕射), Ду Янь 杜淹 (ум. в 628 г.) – главным цензором (*юйши дафу* 御史大夫), Янь Ши-гу 顏前古 (581-645) и Лю Линь-фу 劉林甫 (ум. в 629 г.) – помощниками главы Государственного секретариата (*чжуншу шилан* 中書侍郎). Высшие должности в императорской гвардии получили Хоу Цзюнь-цзи 侯君集 (ум. в

[1] Цзю Тан шу, 1976. С. 2582-2583.
[2] Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 5916.

643 г.), Дуань Чжи-сюань 段志玄 (598-642), Сюэ Вань-чэ 薛萬徹 (ум. в 653 г.), Чжан Гун-цзинь 張公瑾 (594-632), Чжансунь Ань-е 長孫安業 (старший брат Чжансунь У-цзи), Ли Кэши 李宜師 (579-669) (младший брат Ли Цзина 李靖 , 571-649)[1] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 191]. Эти назначения стали важным шагом, предшествовавшим занятию Ли Ши-минем трона. Впоследствии по приказанию Тай-цзуна 24 его высших сановника были увековечены в рисунках, размещённых в павильоне Линъяньгэ 凌煙閣 в 643 г.

В первые дни после переворота Сюаньумэнь главные усилия Цинь-вана Ли Ши-миня были направлены на привлечение на свою сторону приверженцев убитых братьев. С этой целью наиболее талантливые сановники из окружения Ли Цзянь-чэна – Вэй Чжэн 魏徵 (580-643), Ван Гуй 壬珪 (571-639) и Вэй Тин 韋挺 (589-646) были назначены советниками-секретарями (*цзяньи дафу* 諫議大夫). Чтобы нейтрализовать других сторонников Ли Цзянь-чэна и Ли Юань-цзи, которые бежали в свои вотчины, расположенные в основном на северо-востоке Китая, и потенциально могли составить угрозу новому императору. Ли Ши-минь в 7-м месяце 626 г. назначил Вэй Чжэна комиссаром по умиротворению (*сюаньвэй* 宣慰) провинции Шаньдун. Получив широкие полномочия, советник-секретарь был обязан оповестить в провинции об амнистии, дарованной всем участникам переворота, а также убедить колеблющихся переходить на сторону нового государя. Во время поездки, длившейся около двух месяцев. Вэй Чжэн в целом выполнил возложенную на него задачу.[2]

Важным политическим шагом, направленным на окончательное примирение сторон, было предпринятое Ли Ши-минем почётное перезахоронение Ли Цзянь-чэна и Ли Юань-цзи. Присвоив бывшему наследнику престола посмертное почетное имя Инь 隐 (Тайнознаменательный), а Юань-цзи – Цы 刺 (Упорный), Тай-цзун лично оплакал братьев в день похорон, а Вэй Чжэну, Ван Гую и другим, кто ранее служил покойным, позволил принять участие в траурной процессии[3] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 192]. Помимо этого, с тем чтобы обезопасить своё политическое будущее, Тай-цзун уже на 4-й день после восшест-

---

[1] Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6016.
[2] *Wechsler Howard J*. Offerings of Jade and Silk. Ritual and Symbol in the Legitimation of the T'ang Dynasty. – New Haven and London: Yale University Press, 1985. – P. 76-77.
[3] Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6024.

вия издал указ, запрещающий доносить тропу о необычайных явлениях, которые можно было истолковать как знаменования[1] [Тан хуэй яо, цз, 28; Цэ фу юань гуй, цз. 63]. В 9-м месяце 626 г. последовал ещё одни указ против установления идолов неортодоксальным божествам (*яо шэнь* 妖神 , *яо цы* 妖祠) и проведения неустановленных жертвоприношений (*инь сы* 淫祀) в частных домах[2] [Цзю Тан шу, цз. 2; Цзы чжи тун цзянь, цз. 192].

В соответствии с традицией, вступление на престол нового монарха сопровождалось большой амнистией, повышением в рангах чиновников, освобождением женщин, служивших в императорском дворце, актом «выпускания на волю животных» (*фан шэн* 放生) – охотничьих собак и соколов, содержавшихся в императорском парке[3] [Цзю Тан шу, цз. 2; Цзы чжи тун цзянь, цз. 91; Цэ фу юань гуй, цз. 42].

16 сентября 626 г. супруга Тай-цзуна госпожа Чжансунь была возведена в ранг императрицы, а 2 ноября 626 г. их старший сын Чжуншань-ван Ли Чэн-цянь 李承乾 (619-645) объявлен наследником престола. В 1-й день первой луны следующего года Тай-цзун объявил начало своего правления под девизом Чжэнь-гуань (Непрерывное Созерцание)[4] [Цзю Тан шу, цз. 2; Синь Тан шу, цз. 2; Цзы чжи тун цзянь, цз. 192; Цэ фу юань гуй, цз. 15].

В первые три года царствования Тай-цзуна при дворе достаточно сильным было влияние сановников старшего поколения, служивших прежде императору Гао-цзу. Наиболее сильными фигурами среди них были Сяо Юй 蕭瑀 (575-648), Чэнь Шу-да 陳叔逢 (ум. в 635 г.) и Юйвэнь Ши-цзи 宇文士及 (572-642), поддерживавшие Ли Ши-миня в борьбе за престолонаследие и получившие после его воцарения высокие должности.

Остаётся неясным, в какой степени Божественный удалившийся император влиял на дела управления начала эры Чжэнь-гуань и на-

---

[1] Тан хуэй яо 唐會要 [Основные сведения об эпохе Тан]. Сост. Ван Пу 王溥. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1955. – С. 531; Цэ фу юань гуй 冊府元龜 [Свод книг из Хранилища Великой черепахи]. Сост. Ван Цинь-жо 王 欽若. – Тайбэй 臺北: Тайвань Чжунхуа шуцзюй 臺彎中華書局, 1965. – С. 86.

[2] Цзю Тан шу, 1976. С. 31; Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6023.

[3] Цзю Тан шу, 1976. С. 29-30; Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6018; Цэ фу юань гуй, 1965. С. 10а.

[4] Цзю Тан шу, 1976. С. 31; Синь Тан шу, 1986. С. 27; Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6024; Цэ фу юань гуй, 1965. С. 13а.

сколько тесными оставались его связи с сановниками его поколения, получившими должности в администрации Тай-цзуна. Вероятнее всего, *Тайшанхуан* явно или исподволь воздействовал на политические дела и административную деятельность сына. Возможность для этого у него была: ведь почти два с половиной года с момента отречения *Тайшанхуан* жил в главном дворцовом комплексе Чанъани и только в 4-м месяце (8 мая) 629 г. перебрался в загородную резиденцию Дааньгун 大安宫 (Дворец Великого Спокойствия). Вплоть до самой смерти в 635 г. он принимал военные парады, устраивал пиры и присутствовал на пирах Тай-цзуна[1] [Цзю Тан шу, цз. 1]. Более того, до 627 г. при отрекшемся Гао-цзу находился его давний наперсник, видный участник Тайюаньского восстания 617 г. и в прошлом наиболее влиятельный сановник Пэй Цзи (裴寂 , 570-629). Он, как и другие опытные царедворцы удалившегося императора, вошедшие в администрацию Тай-цзуна, мог лавировать между отцом и сыном.

Несмотря на давнюю неприязнь к Пэй Цзи. Тай-цзун поначалу не осмеливался удалить его и даже пожаловал ему в 626 г. почётную должность главного советника (*сыкун* 司空), а также дал в кормление полторы тысячи дворов.

Поводом лишить Пэй Цзи в 1-м месяце 627 г. должности и сослать в родную деревню в местности Санцюань области Пучжоу (пров. Шаньси) стало обвинение в связях с буддийским монахом Фа-я 法雅 , казнённым за колдовство. Выслав Пэй Цзи, Тай-цзун тем не менее два года спустя решил простить его и вновь призвать в столицу, но Пэй Цзи вскоре после этого скончался и вернуться не успел.

Представление Тай-цзуна о том, что первостепенный долг монарха заключается именно в управленческой деятельности, воплотилось уже в первом его указе, возвещавшем о вступлении на престол: «Известно, что Небо порождает вес множество народа и ставит над ним государей, чью силу-*дэ* подкрепляют солнце, луна и звезды и чьим свершениям содействуют сто фамилий. Со времени Ся и Инь потомкам передавалось преемство престола, благие образцы почитались в поколениях, а беззакония не продолжались впредь. Я-государь, повинуясь воле Небес, закладываю начало царствования, на скудных духом и несогласных распространяю влияние и поученья. Потому бес-

[1] Цзю Тан шу, 1976. С. 17-18; *Крюков М.В.*, *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – С. 272.

численные дела управления накапливаются, стекаясь ко мне со всей страны, и до рассвета [Я] не сплю – глубокой ночью вчитываюсь в книги; вершу государственные дела; предаюсь размышлениям; строю планы, уставая от забот. Углубляясь в думы, [Я] забываю про досуг. Отказываюсь от отдыха, главным считаю исполнение долга. Для этого требуется незаурядный ум и непревзойденная воинская доблесть. Сила-*дэ* есть сокровенный дар Небес, [от неё зависит], сколь скоро государь добьётся успехов [в управлении] (*юань бэй су чэн* 爰備夙成). Когда закладывают основу государства, облака и раскаты грома[1] приходят [отовсюду]. [Но] славные намерения воплощаются, тайные замыслы становятся явью. Когда танский дом воцарился в Гуаньлуне, уяснил значение священных письмен[2], на севере достиг Великой стены, на востоке успокоил территории [древних областей] Цин и Цю – грандиозные планы воплотились в славных деяниях, доблестные подвиги свершились в изобилии, [тёмные] предзнаменования истаяли, как туман, соперники-злодеи рассеялись. [Ныне] благодеяния щедро ниспосылаются повсеместно, добрая слава распространяется без границ. Из единых рук исходят бразды правления, с помощью ста чинов осуществляется власть. Благая добродетель не ведает пределов, миром и согласием исполнена вся страна. Хвалебные песни возвещают то, что угодно всей Поднебесной. Солнце, луна и звезды посылают знамения, в коих выражается воля Небес. Потому-то Я–государь и восхожу на высочайший престол. Покоряясь воле народа, подвигаюсь [на доблестные деянья] и отказываюсь от покоя, чтобы вовек сохранить добрую память [о себе]. Ныне Я принимаю священный императорский титул»[3] [Тан да чжао лин цзи, цз. 1].

В указе провозглашалось «равновесие» военных и мирных (гражданских) заслуг для управления государством, что особенно заботи-

---

[1] «Облака и раскаты грома» (*юнь лэй* 雲雷) – здесь: в значении «несчастливые предзнаменования».

[2] «Священные письмена» (*Хэ Ло* 河洛): «Божественные начертания (план)» (*лин ту* 靈圖) или «Письмена (карта) [из реки Хуан[хэ]» (*Хэ ту* 河圖), а также «Письмена [из реки] Ло» (*Ло шу* 洛書) – предписания, которые лежат в основе китайской системы управления и которой должен следовать правитель Поднебесной. По-другому *Хэ ту* и *Ло шу* называют единым именем «Триграммы и письмена» (*Ту шу*).

[3] Тан да чжао лин цзи 唐大詔令集 [Сборник высочайших указов династии Тан]. Сост. Сун Минь-цю 宋 敏求. – Пекин 京京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – С. 1-2.

ло Тай-цзуна. Главным для исполнения долга монарха он считал сочетание незаурядного ума (*цун мин* 聰明) и непревзойдённой воинской доблести (*шэнь у* 申武).

В 3-й день 1-го года Чжэнь-гуань (25 января 627 г.) Тай-цзун устроил при дворе большой пир, на котором прозвучало музыкальное произведение «Цинь-ван сокрушает Чэнь» (*Цинь-ван по Чэнь юэ* 秦上破陳樂), прославлявшее его победы в Хэнани во время объединительных войн. Обратившись к сановникам, Тай-цзун напомнил о своих воинских заслугах (*у гун* 武功), отметив, что каждому «Пути-Дао воинских (*у* 武) и гражданских (*вэнь* 文) заслуг» соответствует своё время, и что он воинской доблестью умиротворил Поднебесную, но теперь обращается к мирной (гражданской) добродетели (*вэнь дэ* 文德)[1] [Тан хуэй яо, цз. 337].

Обсуждение принципов гражданского управления Тай-цзун начал с учёными упомянутой Литературной палаты, когда был ещё Цинь-ваном; вступив на престол, он регулярно на аудиенциях с сановниками продолжал рассуждать о сущности управления Поднебесной. Многие примеры тому содержатся в произведении У Цзина «Основы управления периода Чжэнь-гуань» (*Чжэнь-гуань чжэн яо* 貞觀政要), благодаря чему за Тай-цзуном закрепилась слава монарха, сумевшего выстроить образцовые отношения с сановниками.

Важной темой высказываний императора в начале его царствования были бережливость и умеренность правителя, а также забота о народе, который не дóлжно отвлекать от основных занятий. В 1-й год правления под девизом Чжэнь-гуань (626 г.) Тай-цзун сказал приближённым: «Суйский Ян-ди построил множество дворцов, чтобы с размахом разъезжать [по стране]. От Западной до Восточной столицы походные и загородные дворцы стояли вдоль дороги рядами, а в областях Бинчжоу и Чжоцзюнь[2] и вовсе не было пустого [места]. На императорском тракте каждые сто шагов по обеим сторонам было устроено украшательство. Народ не вынес [этого], и [люди] стали собираться вместе, чтобы [идти] в разбойники. К концу [правления Суй] ни

---

[1] Тан хуэй яо, 1955. С. 612.

[2] Области Бинчжоу 并州 и Чжоцзюнь 涿郡 (пров. Хэбэй) наиболее часто посещались Ян-ди 煬帝 (569-618, прав. 604-617), последним императором династии Суй (581-618), чьи частые и разорительные поездки но стране стали причиной восстаний, приведших к падению династии.

единого *чи* земли, ни одного человека уже не оставалось [под властью Ян-ди]. В связи с этим [спрошу]: какая польза в итоге от того, что возводят множество дворцов и любят [частые] выезды? Все это Я–государь видел собственными глазами, [об этом] слышал собственными ушами и в полной мере принял в предостережение себе. Посему [Я] не посмею легкомысленно использовать труд людей, а лишь дам им возможность жить спокойно. Когда нет обид, не будет и смут»[1] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 10.37].

На одной из аудиенций в начале 1-го года правления Чжэнь-гуань (626 г.) Тай-цзун обратился к сановникам со словами: «Чтобы воплотить Путь-Дао государя, надлежит прежде всего оберегать народ. Вредить народу, действуя во благо себе, всё равно что отрезать [собственную] ногу для насыщения желудка. Желудок наполняется, а плоть умерщвляется. Чтобы умиротворить Поднебесную, необходимо прежде всего выпрямить самого себя. Если [правитель] не упорядочивает себя и пестует криводушие, то сам он пребывает в спокойствии, а низы в смуте. Я–государь всегда полагал, что гибель исходит не от внешних сил: только неуёмными прихотями навлекают несчастье. Предаваясь без меры чревоугодию, питая страсть к музыке и женским чарам – чем большего желают, тем больший наносят вред; чем больше нарушают дела управления, тем более ввергают в беспокойство людей. А если при этом произносят хоть одно вероломное слово, то народ теряет единение, ропщет, изъявляет неудовольствие и начинает бунтовать. Я–государь постоянно думаю об этом и не смею быть несдержанным и беспечным»[2] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 1.1].

К 1-му году правления под девизом Чжэнь-гуань (627 г.) относится и такое высказывание Тай-цзуна: «С древнейших времен государи, которые затевали строительство, непременно стремились учитывать пожелания народа. Некогда великий Юй продолбил девять гор, проложил русла девяти рек, привлекал людские силы несметно, но никто не роптал, поскольку все того хотели и были в том единодушны. Цинь Ши-хуан[ди] возводил дворцы, но многие люди с осуждением [взирали на него], ведь тешил он собственные прихоти и не сообразовывался со всеобщими чаяниями. Я–государь нынче захотел постро-

---

[1] Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀正要 [Основы управления периода Чжэнь-гуань]. Сост. У Цзин 吳兢. – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936 (Сы бу бэй яо 四部備要 . Т. 1159-1162). – С. 1а.

[2] Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 16.

ить дворец и заготовил было строительный лес, но, тщательно обдумав то, что произошло с Цинь [Ши]-хуан[ди], не стал начинать работ. Древние говорили: „Не делай бесполезного, что повредит полезному”[1] и „не показывай того, что может вызвать зависть, старайся не ввергать в смятение сердца народа”.[2] Всегда, если люди замечают, как [кто-то] ищет корысти, их сердца непременно приходят в замешательство. А когда, к примеру, украшают утварь тонкой резью и одежду – драгоценными каменьями, когда не знают удержу в спеси и расточительстве, то времена погибельные [для государства] недалеки. [Отныне] если у ванов, гунов и ниже затраты на жилища, колесницы, платье, убранство свадеб и похорон не будут соразмерны рангу и жалованью, то [такое] будет пресечено в корне»[3] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 6.18].

Тай-цзун старался показать, что в понимании методов управления необходимо неукоснительно отдавать предпочтение классическим конфуцианским ценностям. Обсуждая дела управления в тот же 1-й год периода Чжэнь-гуань (627 г.), Тай-цзун изрек: «Я–государь полагаю, что у тех правителей древности, которые управляли с помощью гуманности и справедливости, государство благоденствовало долгие [годы]. Тот же, кто управляет людьми, полагаясь [исключительно] на закон, хотя и на некоторое время пресекает пороки, тем не менее, всё равно вскоре погибает. Если уж рассматривать совершенные деяния прежних правителей, то [они] были достаточно предопределены [гаданиями по панцирю] большой черепахи.[4] Сегодня [Я] хотел бы сосредоточиться всецело на применении гуманности, справедливости, искренности и честности, чтобы осуществлять управление. [Я] надеюсь искоренить дурные нравы нынешней эпохи»[5] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 5.13].

В своих речах Тай-цзун не забывал напомнить сановникам о

---

[1] См.: *Шу цзин*, гл. «Псы из Люй» (*Люй ао* 旅獒): 不作無益害有益 [Шан шу, цз. 7.7]. – Шан шу 尚書 [Книга документов] (Сы бу цун кань 血部叢刊. Т. 4-6). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 7 б.

[2] См.: *Дао дэ цзин*, чжан 3: 不見可欲使民心不亂 . – Дао дэ цзин / Пер. и примеч. Ян Хин-шуна. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 11.

[3] Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 1 а-1 б.

[4] *Юань гуй* 元龜 – большая черепаха, по панцирю которой в древности выполнялось гадание. Упоминается в гл. «Предначертания Великого Юя» (*Да Юй мо* 大禹謨) *Шу цзин* [Шан шу, цз. 2.3] (Шан шу, 1936. С. 5 а), а также неоднократно в *Ши цзи*.

[5] Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 1а.

верности служения государю и необходимости полностью отдаваться государственному делу. К 627 г. относится такое его высказывание: «Если справедливый правитель назначает порочных сановников, порядка [в государстве] не будет; и если честный подданный служит коварному правителю, то также невозможно установить порядок. И только когда государь и сановник сходятся, подобно рыбе и воде, в морях наступает спокойствие. Хотя Я–государь не просвещён, по счастью, вы, господа сановники, наставляете [меня] на верный путь. Надеюсь, что [ваши] откровенные слова и непреклонные суждения будут содействовать установлению Великого мира в Поднебесной»[1] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 2.4].

Сочинение *Цзинь цзин* стало частью курса Тай-цзуна на формирование диалога с сановниками, которым оно в первую очередь было адресовано.

Образ «зеркала» («зерцала»)[2] был весьма популярен в китайской политической традиции. В период Восточной Хань конфуцианский мыслитель и государственный деятель Сюнь Юэ 荀悅 (148-210) создал произведение «Обращение к зеркалу» (*Шэнь цзянь* 申鑑), содержавшее пять глав: 1) «Суть управления» (*Чжэн ти* 政體); 2) «Неотложные дела» (*Ши ши* 時事); 3) «Обыденные сомнения» (*Су сянь* 俗嫌); 4) «Разговоры о разном, часть первая» (*Цза янь шан* 雜言上); 5) «Разговоры о главном, часть вторая» (*Цза янь ся* 雜言下). В трактате содержались рассуждения о сущности власти, государственных делах; часть повествования была построена в виде вопросов и ответов. Позже термин «зеркало» неоднократно включался в названия исторических хроник, в том числе монументального свода выдающегося историка Сыма Гуана «Всепроникающее зерцало, управлению помогающее» (*Цзы чжи тун цзянь* 資治通鑑).

В политической идеологии «зеркало» трактовалось как «пример в поучение», «пример для подражания». Известно высказывание Тай-цзуна на смерть Вэй Чжэна в 643 г.: «Применяя бронзовую поверхность как зеркало, можно поправить платье и головной убор; считая

---

[1] Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 19 а-19 б.

[2] В «Большом словаре китайского языка» (Ханьюй да цыдянь 英語大詞典 / Под ред. Ло Чжу-фэна 羅竹風主編. В 12-ти тт. – Шанхай 上海: Шанхай цышу чубаньшэ 上海辭書出版社, 1986-1993) указан в качестве одного из значений сочетания *цзинь цзин* 金鏡 – «образ проявленного верного Пути-Дао» 比喻顯明的正道 (т. 11, с. 1192).

зеркалом древность, можно распознать расцвет и упадок; а приравнивая к зеркалу человека, можно проникнуть в суть достоинств и недостатков. Я всегда почитал эти три зеркала, чтобы уберечь себя от ошибок. Ныне, когда скончался Вэй Чжэн, [Я] утратил одно из зеркал, и потому столь долго безутешен»[1] [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 2.3].

Свой труд, названный им «Толкование к Золотому зеркалу» (*Цзинь цзин шу* 金鏡述), Тай-цзун представил (*ши* 示) сановникам в 1-м месяце 2-го года девиза правления Чжэнь-гуань (628 г.) в день под знаками *гэн-у* 庚午 (9 марта). В источниках нет сведений о том, как был обставлен ритуал этой аудиенции и кто из приближенных на ней присутствовал, но известно, что, объявляя о завершении работы над сочинением, император произнес: «Я–государь сохраню этим трёх [верховных] надзирающих [над собой] (*сань цзянь* 三監)[2], чтобы уберечься от ошибок»[3] [Цюань Тан вэнь цзи ши, цз. 4]. Так он определил предназначение своего сочинения как нравственной программы собственного правления.

В правление династии Сун (960-1279) сочинение Тай-цзуна под названием *Цзинь цзин* 金鏡 было включено в состав энциклопедии «Прекраснейшие цветения из Сада литераторы» (*Вэнь юань ин хуа* 文苑英華) (987 г.). Тщательно выверенный цинскими филологами текст был воспроизведён в компендиуме «Полное собрание танской прозы» (*Цюань Тан вэнь* 全唐文), представленном императору Цзя-цину 嘉慶 (1796-1820) в 1814 г.[4] [Цюань Тан вэнь, цз. 10].

Формально трактат *Цзинь цзин* не был позиционирован как «семейное наставление», но очень скоро он стал восприниматься представителями танского дома именно в этом качестве, что подтвержда-

---

[1] Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 7 а-7 б.

[2] Три верховных надзирающих (*сань цзянь* 三監) – сановники и младшие родичи чжоускою У-вана: Гуань-шу 管叔 , Цай-шу 蔡叔 и Хо-шу 霍叔 . Одержав но беду над иньцами, У-ван оставил сына последнего их правителя-тирана Чжоу 紂 – У-гэна 武庚 в прежней резиденции, а земли иньцев разделил на уделы от столицы к востоку (Вэй 衛), западу (Юн 鄘) и северу (Бэй 鄁), повелев своим младшим братьям «надзирать» над ними.

[3] Цюань Тан вэнь цзи ши 全唐文言己事 [Записи событий к Полному собранию танских сочинений]. Сост. Чэнь Хун-чи 陳 鴻墀 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – С. 45, коммент.

[4] Цюань Тан вэнь 全唐文 [Полное собрание танских сочинений]. Сост. Дун Гао 董誥 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1996. – С. 24 а–29 а.

ют современные исследователи.[1] В источниках имеется запись, относящаяся к дню под знаками *гэн-цзы* 庚子 2-го месяца 2-го года девиза правления *Да-чжун* (848 г.) Сюань-цзуна 宣宗 (810-859, прав. с 847 г.), когда император назначил хранителя императорских указов (*чжичжигао* 知制誥) Линху Тао 令狐 綯 (795-879) в академию Ханьлинь 翰林 [2] [Синь Тан шу, цз. 166; Цзы чжи тун цзянь, цз. 248; Цюань Тан вэнь цзи ши, цз. 4]. «Как-то ночью [Сюань-цзун] призвал Линху Тао вместе обсудить людские страдания и горести. Император достал книгу „Золотое зерцало" и сказал: „Это написано Тай-цзуном. Изложите мне суть [труда]". Тао выбрал некоторые изречения и произнёс: „Порядка никогда не достигали, когда назначали никчемных [людей]. Смуты никогда не было, когда назначали мудрых. Назначение мудрых приносит счастье Поднебесной, назначение никчемных навлекает горести на Поднебесную". Император сказал: „Я каждый раз буду трижды перечитывать [этот труд], не меньше". [Линху] Тао дважды поклонился и сказал: „Вы, Ваше величество, стремитесь к процветанию династии, если же откажетесь от этого, тогда что же будет [для вас] главным?"»[3] [Цюань Тан вэнь цзи ши, цз. 4]. Сыма Гуан указывает, что, кроме того, Сюань-цзун поместил в своих покоях на ширме текст *Чжэнь-гуань чжэн яо* и каждый раз, читая его, принимал почтительный вид[4] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 248].

Если политический трактат *Цзинь цзин* не был в момент его обнародования назван автором «семейным наставлением», он в любом случае имел адресата, каковым были ближайшее окружение императора, сановники, а также его отец Ли Юань, он же император Гао-цзу, Божественный удалившийся император (*Тайшанхуан*).

Появление «Золотого зерцала» имело большое пропагандистское значение. Постоянно заявляя о переходе в управлении к принципу *вэнь*, Тай-цзун тем не менее не мог не учитывать сложную внутри- и внешнеполитическую обстановку начала его царствования. Хотя влиятельные родственники из клана Ли, которые могли бы составить ему угрозу, были уничтожены (последним из них был его дядя Ли Юань

---

[1] *Ли Гуан-цзе* 李 光杰 .Тан дай цзя сюнь вэньсянь яньцзю 唐代家訓文獻研究 [Исследование семейных наставлений]. – Чанчунь 长春: Цзилинь дасюэ 吉林大學, 2009. – С. 14.

[2] Синь Тан шу, 1986. С. 5101; Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 8032-8033; Цюань Тан вэнь цзи ши, 1959. С. 45.

[3] Цюань Тан вэнь цзи ши, 1959. С. 45.

[4] Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 8032.

李瑗 , 586-626), молодой император предпринял значительные меры по усилению своей личной дворцовой гвардии и войск в столице. Показательным примером заботы о боевой подготовке придворных чиновников стало проведение в рискованном для персоны императора его присутствии соревнований по стрельбе из лука[1] [Цзю Тан шу, цз. 2; Цзы чжи тун цзянь, цз. 192].

Значительную угрозу Китаю по-прежнему представляли тюрки, от которых Тай-цзуну удалось откупиться в сентябре 626 г. В 627 г. в Восточнотюркском каганате произошли большие перемены: часть племён *сеяньто*, *баэргу* и *уйгуров*, входивших в каганат, восстали, а затем последовал разрыв между собой двух глав каганата – Сели 頡利可汗 и Тули 突利可汗 . Собираясь с силами, Тай-цзун не торопился начинать военные действия, способствуя расколу каганата дипломатическими средствами. Однако он всегда помнил об унижении Гао-цзу, который во имя успеха Тайюаньского восстания назвался «подданным» (*чэнь* 臣) Шиби-кагана 始畢可汗 (ум. в 619 г.). Позже, когда в конце 629 г. к танскому двору прибыл Тули, Тай-цзун сказал своим сановникам: «В прошлом [мой отец]. Божественный удалившийся император, ради блага китайского народа назвался подданным тюрков. Я всегда страдал [из-за этого]. Сегодня *шаньюй* 單于 приветствует [меня] земным поклоном. Надеюсь, что [теперь я] сумел смыть прежний позор!» [2] [Цзы чжи тун цзянь, цз. 193].

Активные внешние завоевания Танского государства начались в 630 г., когда Тай-цзун направил против восточных тюрков стотысячную армию под командованием Ли Цзи 李勣 (594-669) и Ли Цзина 李靖 (571-649). Весной 630 г. главы северо-западных племён тюрков-*туцзюэ* прибыли ко двору китайского государя, прося его принять титул Небесного кагана (*Тянь-кэхань* 天可汗).

В трактате *Цзинь цзин*, отмечая бесспорный приоритет мирного управления, Тай-цзун пишет и о неизбежности войн: «Невозможно [лишь] с помощью военного могущества умиротворять людей; невозможно [только] с помощью мирной добродетели оберегать границы»[3]

---

[1] Цзю Тан шу, 1976. С. 31; Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6021-6022; *Twitchett Denis*. How to be an Emperor: T'ang T'ai-tsung's Vision of His Role // Asia Major. 3rd series. – 1996. No. 9, pts. 1-2. – P. 16.

[2] Цзы чжи тун цзянь, 1956. С. 6067.

[3] Цзинь цзин 金鏡 [Золотое зерцало]. Сост. [Танский] Тай-цзун (唐) 太宗 // Тан Тай-

[Цзинь цзин]. При этом основным условием, которым определяются сроки существования династии, он называл соответствие либо несоответствие личности правителя своему высокому положению. Уже в первых строках своего наставления Тай-цзун пишет об умении государя внимать нелицеприятным речам, назначать на должности мудрых и достойных как о необходимом условии продления сроков царствования. При этом красной питью через произведение проходит тема высочайшей персональной ответственности государя за стабильность в обществе и гармонию в природе. Небо утверждает сроки династии, но они зависят также и от «дел людских».

Вопрос о продолжительности существования династии Тан заботил Тай-цзуна с первых дней его пребывания у власти. Во время одной из аудиенций в конце 626 г. он обратился к приближенным с такими словами: «„Чжоуский У-ван усмирил смуту [иньского тирана] Чжоу, чтобы приобрести Поднебесную. Цинь-Шихуан воспользовался упадком [дома] Чжоу и завладел шестью уделами-*го*. Он добился того, что Поднебесная не погибла. Почему же продолжительность царствования – долгая или короткая – настолько неопределенна?" Первый (левый) помощник главы Кабинета министров (*цзо пуе* 左僕射) Сяо Юй 蕭瑀 (575-648) выступил вперед и сказал: „[Тиран] Чжоу в поступках не имел Пути-Дао, и Поднебесная страдала от него. Поэтому 800 *чжухоу* вопреки [его] ожиданиям вместе выступили [против него]. Чжоуский [правящий] дом, хотя и захирел, но шесть уделов-*го* к этому не причастны. Род Цинь самовластно использовал на службе мудрых и сильных и постепенно завоевал *чжухоу*. Усмирив [Поднебесную], хотя и добился единства. Но расположение людей не было на его стороне". Император [Тай-цзун] сказал: „Нет. Одолев Инь, дом Чжоу стремился распространять гуманность и справедливость. А [род] Цинь, добившись задуманного, полагался лишь на обман и насилие. [Они] не только завладели Поднебесной по-разному, но и удерживали её по-разному. Вот в чём причина продолжительности царствования"»[1]

цзун цюань цзи цзяошу 唐太宗全集校注 [Полное собрание произведений танского Тай-цзуна с полным сверенным комментарием]. Сост. У Юнь 吳雲 и Цзи И 冀宇 . – Тяньцзинь 天津: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ 天津古籍出版社, 2004. – С. 126.

[1] Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀正要 (Дзё-ган сэй ё) [Основы управления периода Чжэнь-гуань]. Сост. У Цзин / С переводом на яп. яз. и комментарием Харада Танэсигэ 原田種成 (Синсяку канбун тайкэй 新釈漢文大系 . Т. 95-96). – Токио 東京: Мэйдзи сёин 明治書院, 1978. – С. 357-358.

[Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 5.13].

Обращаясь к историческим примерам, Тай-цзун достаточно подробно рассматривал в своём трактате деловые и эмоциональные качества сановников разных эпох, подчёркивая, что каждого человека на государственной службе необходимо использовать так, чтобы тот смог полностью раскрыть свои таланты. В тексте появляется сравнение правителя с умелым плотником, который, прежде чем использовать лес при строительстве, рассматривает его качество и в соответствии с этим применяет его. Точно так же государь должен уметь распознавать способности сановников и в соответствии с этим назначать на службу, привлекая разных помощников для различных дел. Просчёты известных сановников древности Тай-цзун оценивает как ошибки самих государей, которые неверно оценили их способности и возможности.

Внимание императоров, писавших эти наставления, занимали конкретные методы управления: организация охранной службы дворца, распорядок каждодневной жизни императорской семьи, судопроизводство, взаимоотношения с соседними государствами и т.д. Адресованные в первую очередь представителям знати, эти тексты в то же время широко использовались как учебный материал в училищах по всей Китайской империи. Включение текстов сложного исторического и политического содержания в учебный материал местных школ отвечало задачам китайского образовательного процесса, который был нацелен не только на обучение грамотности и приобретение базовых знаний, но и на воспитание моральных качеств, необходимых для воплощения идеала благородного мужа, совершенного сановника, государственного деятеля.

Результатом усложнения политической системы в период первых централизованных империй стало то, что образование в Китае превратилось в важнейшее средство пополнения служилого сословия. При этом отчетливое политическое измерение сохранялось и за обучением, понимаемым как личное самосовершенствование. Получение образования трактовалось как опосредующее звено к осуществлению управленческой деятельности.

Практика использования семейных поучений в качестве учебной литературы в нравоучительных целях получила, наряду с классикой, историческими и политическими трактатами, значительное распространение при династии Тан в период расцвета экзаменационной системы.

ПЕРЕВОД

Тай-цзун
«Золотое зерцало»[1]
(*Цзинь цзин*)[2]
(перевод *И.Ф. Поповой*)

Я–государь, в многосложности дел [своих] имея отдохновение, тешу сердце историческими трудами прежних времен. Уповая на высокие правы шести эпох[3], созерцая славный путь ста государей[4], о смене расцвета и упадка могу произнести слова.

Каждый раз, вспоминая о [правлении] недеянием Сюань-[юаня] и [Шао]-хао[5], о совершенном правлении Тан [Яо] и Юй [Шуня], непременно замираю в восхищении, повторяю слова во славу и не могу остановиться. А когда дохожу до последних поколений Ся и Инь[6], до государей-тиранов [династии] Цинь и Хань, пугаюсь и дрожу от страха, как будто ступаю на зыбкий [мост] или на тонкий [лед].

Так, все правители, стоящие над [народом] хотят вечно благорасполагать почётом как владетели десяти тысяч колесниц и оставить после себя потомство из сотен монархов. Но при этом [их] удачи и

---

[1] Опубликовано в: Наставления раннетанских императоров / Пер. с кит., комм., иссл., прилож. И.Ф. Поповой; Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2022. – С. 103-120.

[2] Перевод выполнен по изданию: Тан Тай-цзун цюань цзи 唐太宗全集 [Полное собрание сочинении танского Тай-цзуна] / Сверено и откомментировано У Юнем и Цзи Юй 吳雲冀、宇校注. – Тяньцзинь 天津: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ: 天津古籍出版社, 1991. – С. 125-136.

[3] Шесть эпох, или шесть династий (*лю дай* 六代), почитаются как время идеальной древности. Толкования их содержания различны, одно из наиболее ранних причисляет к этим правления легендарных «пяти императоров», в том числе Хуан-ди 黄帝 , Яо 尧 (Тан Яо 唐尧) и Шуня 舜 (Юй Шунь 盧舜), а также так называемых «трёх [древних] династий», первой из которых была легендарная династия Ся (XXI–XVI вв. до н.э.), её первым императором был Юй 禹 (согласно преданиям, XXIV–XXII вв. до н.э.), затем шли Шан-Инь 商殷 (XVI–XI вв. до н.э.) и Чжоу 周 (XI в. – 256 г. до н.э.).

[4] Сто государей (*бай ван* 百王) – общее название для выдающихся государей-предшественников.

[5] Сюань-юань 軒轅 и Шао-хао 少昊 – имена мифических императоров идеальной древности – Хуан-ди 黄帝 и его преемника.

[6] Последние правители династий Ся и Шан-Инь – тираны Цзе 桀 и Чжоу 紂 (Чжоу-синь 紂辛, Ди-синь 帝辛) считаются погубителями своих династии.

беды имеют разные причины, так же как и для [их] расцвета и гибели. Почему [так происходит]? Когда [государи] не способны вглядеться в себя, не внимают резким для слуха речам, [они] направляются к гибели и до конца дней своих не осознают [этого]. Можно ли не остерегаться? Вглядываясь в первопричины порядка и смут, достаточно, как в ясном зеркале, найти предостережения.

Смута [начинается], когда дают должности одним лишь недостойным, в совершенное управление всегда назначают верных и мудрых. Полагаясь на верных и мудрых, обретают благополучие для Поднебесной; назначая недостойных, навлекают беды на Поднебесную. Перед лицом опасности правитель [должен] почитать учителем каждого из своих сановников. Если [они] сумеют просветить [его], грозит ли гибель государству[1]? Когда же [правитель] не уделяет внимания назначениям и, более того, только и думает что о развлечениях – разве [такое] не прискорбно? Когда [государь] считает благом назначение на должности, а назначение на должности – самым лучшим времяпрепровождением, разве [это] не похвально? Древние говорили: «Шунь и Юй не были любителями музыки, не были ненасытны к женским чарам», но я скажу, что [это] не так, и [они это] любили. Люди говорят: «Цзе и Чжоу всецело отдавались музыке и разврату». Но я [скажу], что [они] не ценили [этого] сверх меры. Откуда можно знать об этом? Цзе и Чжоу не дожили до отведенного [им] Небом предела жизни, не исчерпали отмеренных радостей, не оставили [после себя] и одного поколения. Посему [я] полагаю, что [они] не [могли это] оценить. Шунь и Юй скончались в долголетии, радости преисполнили их жизни. Я скажу, что [они это] любили.

Известно, что у людей бывает воля стойкая или слабая, характер мрачный или веселый, наклонности явные или скрытые. И эта, дарованная Небом, их природа бывает доброй, бывает злой. Если с этой точки зрения судить о ней, то Яо, Шунь, Юй и [Чэн] Тан[2] в личной [жизни] воплощали гуманность и справедливость, в управлении достигали процветания и спокойствия. Значит, врожденная их природа была добра. [Чжоуские] Ю-[ван][3] и Ли-[ван][4], Цзе и Чжоу ввели казнь

---

[1] Букв. «грозит ли гибель алтарям Земли и Злаков», т.е. символам государства (*шэ цзи* 社稷).

[2] Чэн Тан 成湯 – легендарный основатель династии Шан-Инь.

[3] Ю-ван 幽王 (781-771 гг. до н.э.) – последний правитель-погубитель Западного Чжоу (XI в. – 771 г. до н.э.). Из-за любви к красавице Бао-сы 褒姒 сместил свою супругу

через поджаривание[5], вспарывали [животы] беременным женщинам, вырезали сердца мужчинам[6], отрубили [колено старику], на рассвете переходившему реку[7], засушили мясо Гуй-хоу[8], устраивали озера из вина и холмы из барды[9], чтобы пить всю ночь.[10] Это значит, что они

Шэнь-хоу 申后 и наследника И-цзю 宜臼. Бао-сы всегда оставалась печальной, и единственным способом развеселить её была придуманная Ю-ваном забава вызывать в столицу князей-*чжоу*, зажигая сигнальные огни на сторожевых башнях. Сначала *чжухоу* немедленно прибывали, приводя свои отряды на знак бедствия, но позже, понимая, что это делается лишь ради шутки, перестали обращать внимание. В результате, когда на Западное Чжоу действительно совершили нападение *жуны*, никто не пришёл на помощь и государство пало [Ши цзи, цз. 4] (Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬 遷 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 416-438). – Шанхай 上海 : Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936. – С. 21а; см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – С. 202-203).

[4] Ли-ван 厲王 (864-827 гг. до н.э.) – 10-й правитель Чжоу, оставивший о себе память бесчинствами, введением жестоких законов и запретом малейшей критики в свой адрес.

[5] «Казнь через поджаривание» или «пытка огнём» (*паоло* 炮烙 или *паогэ* 炮格) [Ши цзи, цз. 3, с. 9а] (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 176) – мучительная казнь, изобретенная тираном Чжоу, который заставлял осужденного идти по смазанному жиром железному шесту над горящим пламенем. Поскользнувшись, осужденный падал в огонь и погибал (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 296).

[6] Эпизод, связанный с казнью Чжоу-синем своего дяди Би-ганя 比干, настойчиво предостерегавшего его от развратного поведения. Разгневавшись, Чжоу-синь сказал: «Я слышал, что сердце мудреца имеет семь отверстий!», – после чего повелел разрезать грудь Би-ганя, чтобы посмотреть на его сердце [Ши цзи, цз. 3]. – Ши цзи, 1936. С. 10а (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 177).

[7] Согласно легенде, как-то на рассвете некий старик решил перейти реку Цзи 濟 (старинная река в пров. Хэнань, русло которой сейчас инкорпорировано в реку Хуайхэ), однако остановился в нерешительности и произнес: «Трудно будет перейти». Тиран Чжоу услышал это, и приближенные объяснили: «У старого человека костного мозга мало, он чувствителен к рассветному холоду». Тогда Чжоу повелел отрубить старику ноги но колено, чтобы посмотреть на его костный мозг. – Тан Тай-цзун цюань цзи, 1991. С. 130.

[8] История связана с правлением тирана Чжоу-синя. Об этом говорится в гл. «Установление Зала Света» (Мин тан вэй 明堂位) в «Книге ритуала» (Ли цзи 禮記): Гуй-хоу 鬼侯 (или Цзю-хоу 九侯) «имел красавицу дочь, которую он ввел [в дом] Чжоу-[синя]. По дочь Цзю-хоу не любила распутства, и Чжоу, разгневавшись, убил ее, а затем разрубил Цзю-хоу на куски» [Ши цзи, цз. 3]. – Ши цзи, 1936. С. 8а] (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. 1. С. 176). Мясо Цзю-хоу Чжоу потом засушил и угощал им *чжухоу* [Ли цзи Чжэн чжу, цз. 31.14]. – Ли цзи Чжэн чжу 禮記鄭注 [«Книга ритуала» с комментарием [господина] Чжэн [Сюаня]] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 27-34). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936. – С. 26.

[9] [*Барда* – винная гуща (*цзао* 糟). – *Прим. ред.*].

получили от Неба дурную природу.

Ведь Путь-Дао определения [своего] места в жизни состоит в поиске уступок, а не в предвзятости. У Ци сказал: «Некогда правитель из рода Юсан совершенствовался в добродетели и пренебрегал военными делами, и так [он] погубил свое государство. Правитель из рода Юху полагался на многочисленность [своих армий], любил отвагу и из-за этого утратил алтари Земли и Злаков».[11]

Конфуций говорил: «Мягкостью подправляют жестокость, жестокостью подправляют мягкость».[12] Если уж Путь-Дао гуманности и

---

[10] В «Исторических записках» (*Ши цзи*) говорится: «[Чжоу] пренебрежительно относился к духам людей и небесным духам. [Он] собирал большие увеселительные сборища в [местности] Шацю 沙丘 , вином наполнял пруды, развешивал мясо, [из туш как бы] устраивая лес, заставлял мужчин и женщин нагими гоняться друг за другом [между прудов и деревьев] и устраивал оргии на всю ночь» [Ши цзи, цз. 3]. – Ши цзи, 1936. С. 9а (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 175). «Озера из вина и холмы из барды (винной гущи)» (*цзю чи цзао ди* 酒池糟堤) упоминаются в гл. *Цы шэ* 刺奢 «Нового предисловия» (*Синь сюй* 新序), где сказано, что тиран Цзе, последний правитель династии Ся, «возводил нефритовые чертоги, изнурял народ, исчерпывал достаток людей, устраивал озера из вина и холмы из барды» [Синь сюй, цз. 6] (Синь сюй 新序 [Новое предисловие]. Сост. Лю Сян 劉向 (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 529). Шанхай, 1936. – С. 93).

[11] Цитата из трактата *У-цзы* 吳子 , гл. «Забота о государстве» (*Ту го* 圖國), написанного У Ци 吳起 (ум. в 381 г. до н.э.), философом и военным стратегом из княжества Вэй периода Чжаньго [У-цзы, цз. 1.1] (У-цзы 吳子 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1376). – Шанхай 上海 : Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936. – С. 16). Правителя из рода Юсан 有桑 идентифицировать не удалось. О правителе из рода Юху 有扈 в *Шу цзин* в гл. «Клятва в Гань» (*Гань ши* 甘誓) сказано следующее: «В Гань была великая битва. Накануне правитель призвал шестерых командиров-*цинов* и сказал: „Вы, шестеро, кто стоит во главе моих армий, вот что я хочу вам сказать. Правитель из рода Юху жестоко изнуряет пять стихий, пренебрегает календарями трех [эпох]. Небо готово уничтожить его, и нынче я лишь с почтением воплощу небесную кару“» [Шан шу, цз. 3.2]. – Шан шу, 1936. С. 10а–10б (см.: *Legge James*. The Chinese Classics. Vol. 3, pt. 1, 2: The Shoo King, or The Book of Historical Documents. – Taipei: SMC Publishing Inc., 2000. – P. 152-153).

«Пять стихий» (*у син* 五行) – пять первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл, вода); «календари трёх [эпох]» (*сань чжэн* 三証) – календари трёх династий древности Ся, Шан и Чжоу.

[12] *Куань и цзи мэн*, *мэн и цзи куань* 寬以濟猛, 猛以濟寬 – цитата из гл. «Правильные рассуждения» (*Чжэн лунь* 正論解) «Домашних речей Конфуция» (*Кун-цзы цзя юй*) [Кун-цзы цзя юй, цз. 9.41]. – Кун-цзы цзя юй 孔子家語 [Домашние речи Конфуция] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1130-1132). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936. – С. 11 а.

справедливости не свободен от предвзятости, что же тогда говорить о неправом Пути?! И тем более о Пути отсутствия гуманности? Воплощая Путь-Дао государя, занимают высочайшее положение, думают о мириадах [подданных], устремляют помыслы к десяти тысячам государств. Управляют людьми непременно посредством просвещенной добродетели, защищают границы, неизменно используя военную мощь. Конфуций говорил: «Если распространяемая [правителем] просвещенность велика, то подчинение [в отношении его] военной силы огромно; если даруемая [им] добродетель обширна, то грозность [его] объемлет обширные [пространства]. Невозможно [лишь] с помощью военного могущества умиротворять людей; невозможно[лишь] с помощью мирной добродетели оберегать границы».[1]

Когда огромный кит выходит из воды, [он] непременно утрачивает способность плыть среди волн; когда дикий гусь увязает в грязи, [он] теряет способность взлететь в небеса. Но если позволить каждому поступать в соответствии с [собственными] наклонностями, то [никто] не отступит от того, что он может. Древние говорили: «Когда хотят возвести дворец, прежде находят плотника, после отбирают лес. Когда созидают государство, прежде выбирают помощников, а затем умиротворяют народ». Умелый мастер, возводя строение, непременно использует большие бревна для коньковых балок, малые – для стропил. Если из имеющегося материала не исключается и ничтожно малое, это будет хорошим применением. Но не только строения имеют коньковые балки, у государства [они] тоже есть. Тот, кто обладает великой добродетелью, становится первым министром и опорой государству.

Я полагаю, что со времени трех династий [повелось]: если государь ценит человеколюбие, то народ непременно последует за ним. Когда правитель обращает помыслы [к строительству] террас и башен, умелые люди непременно придут [к нему]: если [он] посвящает все силы охоте, искусные наездники издалека будут съезжаться [к нему]; если [он] думает об исполнении музыки, то [сладострастная] музыка Чжэн и Вэй[2] будет во множестве преподноситься [ему], если [он]

---

[1] См.: Тан Тай-цзун цюань цзи, 1991. С. 126.

[2] Музыку княжеств Чжэн 鄭 и Вэй 衛 Конфуций называл сладострастной (гл. *Вэй Лин-гун* 衛靈公 15.11) [Лунь юй, цз. 8.15] (Лунь юй 論語 [Беседы и суждения] (Сы бу цун кань 四部叢刊. Т. 11). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1928. – С. 46). Она считалась непристойной и побуждавшей людей к волнениям и смутам.

снисходит до мечтаний о женщинах, то они прибудут [к нему] из Янь и Чжао.[1] Если же [государь] закроет дорогу достойным и честным [людям], то верных непременно останется мало, а если [он] откроет путь лицемерию и угодливым речам, то льстецов обязательно будет в избытке.

Древние говорили: «Правитель подобен сосуду, народ – воде. Быть квадратным или круглым – свойство сосуда, но не воды».[2] Эти слова следует считать вечным предостережением. Если яшму не полировать, [она] не станет утварью, если человека не учить, [он] не познает Путь-Дао. [Конфуций] Чжун-ни почитал наставником Тань-цзы.[3] Вэнь-ван учился у Го-шу.[4] И раз уж совершенномудрые были таковы, как же тогда [должны] поступать обычные люди! Хороший правитель думает о мудрых, подобно тому как крестьянин уповает на урожай; мудрый государь ищет талантливых, подобно тому как засыхающие всходы ждут дождя Порочный государь ненавидит тех, кто превосходит [его], будто врагов. Взирает на недостойных как на [своих] сыновей, лелеет их в сердце, и забывает ли когда-нибудь о них?

Ван Ман[5] притворялся, что следует Пути-Дао человеколюбия и

---

[1] Женщины из княжеств Чжао 趙 и Янь 燕 слыли в древнем Китае первыми красавицами.

[2] 君犹器也，民犹水也。方圓在于器，不在于水。Данное высказывание неоднократно повторялось в политических трактатах древнего Китая. Сам Тай-цзун его использовал на аудиенциях с сановниками (см., например: [Чжэнь-гуань чжэн яо, цз. 6]. – Чжэнь-гуань чжэн яо, 1936. С. 10 а).

[3] Тань-цзы 鄉子 , правитель маленького княжества Тань (совр. пров. Шаньдун) периода Чжаньго (V в. – 221 г. до н.э.), прославившийся гуманными методами управления. Считается, что 26-летний Конфуций, уже получивший известность в княжестве Лу, решил отправиться в Тань, чтобы поучиться у этого правителя.

[4] Го-шу 虢叔 или Го-гун 虢公 – младший брат и советник чжоуского Вэнь-вана 周文王 , предка дома Чжоу (XI–III вв. до н.э.).

[5] Ван Ман 王莽 (45 г. до н.э. – 23 г. н.э.), личное имя Цзюй-цзюнь 巨君 – сановник в империи Хань, затем император династии Синь 新 (9-23 гг. н.э.), прервавший своим правлением династию Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Был племянником императрицы Сяоюань-*хуанхоу* 孝元皇后 (Ван Чжэн-цзюнь 王政君, 71 г. до н.э. – 13 г. н.э.), супруги императора Сюань-ди 宣帝 (74-48 гг. до н.э.) и матери императора Чэн-ди 成帝 (32-7 гг. до н.э.), и пользовался её покровительством. При последних правителях Ранней Хань имел почти безграничную власть, в 9 г. н.э. низложил малолетнего императора Жу-цзы Ина 孺子嬰 (6-8 гг. н.э.). будучи императором, предпринял попытки коренных реформ: запретил куплю-продажу земли и рабов, наделил каждую семью пахотным участком, ввел монополию на чеканку монеты, горные и речные промыслы.

справедливости, [правление его] имело начало, но не имело завершения. Сунь Хао[1] в начале царствования ввел милосердные и добрые правы, знал начало, но не имел [достойного] конца. (Эти] двое похожи на лодки, сбитые жидким клеем и плывущие среди огромных волн навстречу гибели.[2] Подобны немощным клячам, пробежавшим тысячу и [слишком] изнуренных, чтобы прибыть [к месту].

Древние говорили: «[Одним] *шэном* не заполнить [меру] в один

Однако недовольство знати, неудачи во внешней политике, стихийные бедствия и голод, привели к многочисленным восстаниям, в результате чего династия Синь была свергнута, а сам Ван Ман погиб. В китайской историографии Ван Мана характеризуют чаще как узурпатора, но есть и другие оценки. В биографии Ван Мана в *Цянь Хань шу* о нём сказано так: «Ван Ман вначале возвысился как внешний родственник императорского дома. [Он] действовал энергично и твердо. Этим прославился. К родственникам относился с почтительностью, к наставникам и друзьям – с человеколюбием. Когда же он вступил на престол, то обзавелся помощниками, во времена Чэн-[ди] 成帝 и Ай-[ди] 哀帝 усердно трудился на благо государства, твердо придерживался Пути-Дао, и [этим] обрёл ещё большею славу. Так разве можно говорить, что в отношении [своей] семьи и [своего] государства, [он] попирал человеколюбие и поступал дурно?» [Цянь Хань шу, цз. 99]. – Цянь Хань шу 前漢書 [История ранней династии Хань]. Сост. Бань Гу 班固 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 440-471). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中韋書局, 1937. – С. 376.

[1] Сунь Хао 孫皓 (242-284 годы жизни, прав. 264-280 гг.) – четвёртый и последний император государства У (222-280) в период Троецарствия, храмовое имя Юань-цзун 元宗. Вступив на престол, Сунь Хао ослабил налоги, отпустил из императорского дворца наложниц, которым разрешил выйти замуж, осуществил и другие реформы, за что народ стал одобрять и прославлять его. По вскоре он склонился к недобродетельному и развратному поведению, казнил сановников Пуян Сина 濮陽 興 (ум. в 264 г.) и Чжан Бу 張布 (ум. в 264 г.), содействовавших его воцарению, ужесточил наказания, ввёл но- вые тяжелые налоги. Войны с империей Цзинь (266-420 гг.) закончились поражением и гибелью государства У. Свои последние годы Сунь Хао, помилованный цзиньским императором, бесславно провел в Лояне [Сань го чжи, цз. 48 (*У чжи*, цз. 3)]. – Сань го чжи 三國志 [Записи о трёх царствах]. Сост. Чэнь Шоу 陳壽 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 502-517). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書鳥, 1937. – С. 10 а–21 б.

[2] «Лодки, сбитые жидким клеем» – *цзяо чуань* 膠船. В сочинении «Век императоров и ванов» (*Ди ван шицзи* 帝王世集) цзиньского Хуанфу Ми 黄甫謐 (215-282) сказано, что чжоуский Чжао-ван 周昭王 (ок. 1052 – 1002 гг. до н.э.) в 51-й год своего правления отправился походом на юг. Жители княжества Чу сочли это дурным делом и встретили Чжао-вана на лодке из досок, промазанных жидким клеем. Ван сел в лодку и направил её к середине реки, клей растворился в воде, а сам Чжао-ван погиб. – *Хуанфу Ми* 黄甫 謐 . Ди ван ши цзи 帝王世紀 [Век императоров и ванов] (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 3701). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 32.

ши[1]; малым умом не замыслить великое, ловким мошенничеством не превзойти неучтивую искренность». Как верно и безошибочно! Быва- ют просвещенные государи, бывают невежественные. [Ханьский] Гао- цзу поправил [своё] платье перед Ли-шэном[2]; а сердце Би Ганя было вырезано Синь-чжоу.[3] Иньский [Чэн] Тан заботился об И Ине[4], а [Гуань] Лун-фэна[5] убил сяский Цзе. Чуский Чжуан-[ван][6] преда-

---

[1] *Шэн* 升 – мера объёма жидких и сыпучих тел, ок. 1 *л*; *ши* 石 – мера объёма, равная 100 *шэн*.

[2] Ли-шэн 鄒生 (Ли И-цзи 鄙食其, ум. в 203 г. до н.э.) был одним из старейшин в поселении Гаоян 高陽, когда войска Пэй-гуна 沛公, будущего ханьского Гао-цзу (256/247 – 195 гг. до н.э.), заняли местность, Ли-шэн сказал человеку, надзирающему за воротами: «Здесь проходило много военачальников, но, на мой взгляд, Пэй-гун – великий человек с большими достоинствами», после чего стал добиваться встречи с Пэй-гуном, чтобы поговорить с ним. Пэй-гун в то время как раз сидел на кровати, велев двум служанкам мыть ему ноги. Ли-шэн не поклонился ему, а только, сложив руки в приветствии, сказал: „Если вы хотите во что бы то ни стало уничтожить порочный дом Цинь, вам не подобает принимать старших сидя“». Тогда Пэй-гун встал, поправил одежду, извинился перед Ли И-цзи, провел и усадил его на почетное место» [Ши цзи, цз. 8, с. 10а] (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). – М.: Вост. лит, 1975. – Т. 2. – С. 167).

[3] Синь Чжоу 辛紂 – Чжоу-синь. См. коммент. 6 на С. 206.

[4] И Инь 伊尹, он же А-хэн 阿衡 – сподвижник и советник основателя древней династии Шан Чэн Тана 成湯 (XVII в. до н.э.).

[5] Гуань Лун-фэн 關龍逢 – мудрый сановник, служивший Цзе (XVIII–XVII вв. до н.э.), последнему правителю мифической династии Ся. В гл. «Верные долгу мужи» (*Цзе ши* 節士) «Нового предисловия» (*Синь сюй*) сказано: «Цзе [повелел] сделать водоем из вина, такой большой, что [но нему можно] было кататься в лодке, и холм из барды, такой высокий, что [с него можно было] обозревать [окрестности] на семь ли. Под барабанную дробь три тысячи человек должны были пить [из этого озера], как из чайника. Гуань Лун-фэн увещевал так: „Тот, кто правит людьми, сам должен придерживаться ритуала и быть добродетельным, должен заботиться о народе и проявлять умеренность, и тогда страна будет спокойна, а сам он долголетен. Сейчас [мой] государь использует средства, как будто им не будет конца; [он] тратит силы людей, как будто они никогда не смогут умереть от тяжелого труда. Если [вы, государь], не переменитесь, то посланные Небом бедствия надут [на вас] в наказание. Вы должны измениться”. [Сказав это, он] оставался стоять и не уходил. Тогда Цзе велел заточить [Гуань Лун-фэна]» [Синь сюй, цз. 7]. – Синь сюй, 1936. С. 102.

[6] Чуский Чжуан-ван 楚庄王 (613-591 гг. до н.э.), вступив на престол, первые три года своего царствования предавался лишь плотским наслаждениям и музыке и не издал ни одного указа. Под страхом смерти он запретил сановникам подавать на его имя доношения и увещевать его. Однако два мужественных чиновника – У Цзюй 伍擧 и Су Цун 蘇從 решились подать правителю доклады, в которых осудили его образ жизни. В итоге Чжуан-ван признал их правоту, оставил праздную жизнь, посвятил себя уп-

вался праздности, но раскаялся, а [вэйский] У-хоу[1] прекратил аудиенцию, и все [придворные] сохранили радостный вид.

Невежественный государь усугубляет недостатки и увековечивает невежество. Просвещенный государь обдумывает просчеты и множит добро. Взирая на [ханьского] Гао-цзу, иньского [Чэн] Тана, наблюдая их добродетельные поступки, [мы] вспоминаем о гармонии *инь* и *ян*. Когда времена года сменяют друг друга в срок; когда законы и установления равны [для всех], когда многочисленный народ пребывает в радости, тогда *цилини* появляются как благое знамение.[2] Ханьский [Гао]-цзу, иньский [Чэн] Тан разве не были такими [государями], при которых [появляются] *цилини*!

Взирая на сяского Цзе, шанского Синя, [я] скорблю, сколь сильны были [их] несправедливости и злодейства. [Тогда] вопреки всему времена года не наступали [в срок], смена зим и лет теряла порядок, свирепые животные несли бескрайнее зло, насекомые-погубители вредили посевам. Сяский Цзе, шанский Синь разве не были под стать дикому зверью?

Я, вспоминая этих [государей], скажу: их появление разве не было предопределено Путем-Дао Неба? Соглашусь с тем, что [их] времена предрешены Небом, но сочту, [решали это] и дела людские. Во времена Чэн Тана в течение семи лет была засуха. Из выдолбленных тыкв сделали жертвенные кубки[3], и в округе на тысячу ли прошёл дождь. Во времена [шанского] Тай-у[4] [причудливые] шелкови-

---

равлению государством, а У Цзюя и Су Цуна назначил на высокие должности. В народе это получило большое одобрение [Ши цзи, цз. 40] (Ши цзи, 1936. С. 66; см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). – М.: Наука, 1987. – Т. 5. – С. 187-188).

[1] Рассказ о вэйском У-хоу 魏武侯 (прав. в 396-370 гг. до н.э.) помещён в «Новом предисловии» (*Синь сюй*): «В давние времена вэйский У-хоу, если задумывал что-то, то из сановников никто не мог взяться, но при дворе все хранили радостный вид. [Тогда] У Ци 吳起 сказал: „Чуский Чжуан-ван, если задумывал что-то, непременно исполнял [сам], никто из сановников не мог взяться, и при дворе все хранили горестный вид, <...> только у государя он был радостный. Почему бы это?”. У-хоу остановил аудиенцию и поблагодарил [всех]» [Синь сюй, цз. 1] (Синь сюй, 1936. С. 5).

[2] *Цилинь* 麒麟 – мифическое животное с телом оленя, покрытым чешуей, хвостом быка и одним рогом на голове. Появление *цилиня* знаменовало пребывание у власти или скорое появление совершенного государя.

[3] Молясь о дожде, основатель династии Шан – Чэн Тан 成湯 повелел выдолбить из тыкв жертвенные сосуды и вырезать предметы для приношений богам. Тыквы заменили дорогую утварь, что символизировало бережливость и смирение.

[4] Тан-у 太戊 унаследовал шанский трон от своего старшего брата Юн-цзи 雍己 (XVII–

цы выросли у дворца, [государь] убоялся и начал совершенствоваться в добродетели. И вслед |за тем случилось], что [посланцы] из шестнадцати государств прибыли [ко двору] во множестве с изъявлением [покорности]. Разве это не [произошло] от деяний людских?

Кто-то говорит, что быть правителем трудно, кто-то считает, что легко. Правитель над людьми занимает высокочтимое положение, обладает властью награждать и наказывать, находит применение талантам людей, использует их способности. Как могут [его] деяния не иметь завершения, как могут [его] стремления не воплотиться? Но сказать действительно легко, объяснить поистине трудно. Почему же? [Когда государь] пренебрегает [духами] Неба и Земли или оскорбляет [их], многочисленные духи проявляют свою сверхъестественную силу: [когда правитель] невнимателен и нерадив по отношению к божествам, ветры и дождь будут ответом на его жестокость. Поэтому [шанский] Ди-и был убит грозой[1], а иньский Чжоу завершил [свои дни], сгорев в Фэйша.[2]

XVI вв. до н.э.), при котором власть дома ослабла, и многие *чжухоу* перестали являться ко двору. «Вступив на престол, Тай-у сделал И-чжи 伊陟 первым советником. [В это время] в Бо явилось [необычное] знамение: при дворе выросли вместе два дерева шелковицы, за вечер достигнув толщины в один обхват. Император Тай-у испугался и спросил у И-чжи [об этом]. И-чжи сказал: ‚Я, ваш слуга, слышал, что нечистая сила не в состоянии одолеть добродетель, может быть, в вашем правлении имеются недостатки? Совершенствуйте, император, свои добродетели". Тай-у последовал этому [совету], и тогда шелковицы, [появившиеся как] знамение, засохли и сгинули». В царствование Тан-у дом Инь опять поднялся, и *чжухоу* вернулись под его власть [Ши цзи, цз. 3] (Ши цзи, 1936. С. 5 б–6 а; см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. 1. С. 171). В тексте *Цзинь цзин* после слова «шелковица» (*сан* 桑), стоит знак *гу* 谷 , обозначающий «злак». Такое же сочетание употреблено в *Ши цзи*, но Р.В. Вяткин и В.С. Таскин толкуют его как другой знак *гу* 穀 , объясняемый как разновидность тута (Там же. С. 290).

[1] Согласно *Ши цзи*, упоминаемая здесь история произошла не с шанским Ди-и 帝乙, а с императором Инь – У-и 武乙 , о котором сказано так: «Император У-и был полностью лишен добродетелей. Он [приказал] сделать фигурку человека и назвал её „духом Неба" (*Тянь шэнь* 天神).[Затем он] стал играть с этой фигуркой в азартные игры, заставляя приближенных играть за неё. [Когда же] „дух Неба" проигрывал, император поносил и оскорблял его. [У-и приказал] сделать кожаные торбы, наполнял их кровью и, подвесив. стрелял но ним, называя это „стрельбой но Небу". Как-то У-и охотился между реками Хуанхэ и Вэйхэ, разразилась гроза, и У-и был убит ударом молнии» [Ши цзи, цз. 3] (Ши цзи, 1936. С. 8а; см.: *Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. 1. С. 174).

[2] Фэйша 飛沙 – предположительно Шацю 沙丘 , местность к северу от иньской столицы, где Чжоу-синь устраивал свои ночные пиры и оргии. К концу царствования

Если [государь] сооружает водоемы и башни в великом множестве, ищет диковинные драгоценности в дальних землях; если [его] народ не имеет возможности возделывать землю, женщины не могут разводить шелковичных червей и ткать; если пашни остаются заброшенными, промыслы приходят в упадок; если, глядя на то, как народ живет в голоде и холоде, [правитель] нс чувствует сострадания; если, взирая на изнурительный труд [людей], [он] не ведает сочувствия, то такой монарх является мучителем народа, а не правителем народа.

Если [государь] уменьшает налоги, смягчает повинности; если народ [его] живет в достатке; высшие не дают жестких приказаний, а низшие поют песни во славу; если [государь], пренебрегая собственными желаниями, приносит радость людям [страны среди] четырех морей, то [такой] правитель заботится о государстве и радует народ. Такого достичь трудно!

Да и Путь-Дао использования людей [на должностях), похоже, также является непростым. Те. кто сами себя считают мудрыми, необязательно оказываются вполне совершенными; а те, кого многие сочтут негодящими, необязательно оказываются совсем дурными. Когда знают о способностях [человека] и не выдвигают [его], то теряют талант; если знают о злой натуре [человека] и не удаляют [его], навлекают несчастье. И к тому же талантливые люди имеют и достоинства, и недостатки – все [они] разные.

Так, [Мэн] Гун-чо[1] особо проявил себя, когда был старейшиной (老 *лао*) большого государства; Цзы-чань[2] был искусен как министр

Чжоу расширил здесь парки, поместив в них множество диких зверей и птиц. Здесь он и погиб, бросившись после поражения в Муе 牧野 в горящий дворец с террасы Лутай 鹿臺 [Ши цзи, цз. 3] (Ши цзи, 1936. С. 10 а–10 б; см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. 1. С. 177-178).

[1] Мэн Гун-чо 孟公綽 упоминается в гл. «Сянь спросил» (*Сянь вэнь* 憲問) *Лунь юй*: 子曰:孟公綽, 爲趙魏老則優, 不可以為滕程大夫 «Учитель сказал: „Мэн Гун-чо был превосходен как старейшина в землях Чжао и Вэй, но он не мог бы быть сановником в [маленьких княжествах] Тэн и Се“» (14.11) [Лунь юй, цз. 7.14] (Люнь юй, 1928. С. 146; Классическое конфуцианство. Лунь юй, Мэн-цзы, Сюнь-цзы / Переводы, статьи, коммент. А.С. Маргынова и И.Т. Зограф. Т. 1, 2. – СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 2000. – С. 170).

Княжество Чжао в период Чжаньго (V в. – 221 г. до н.э.) располагалось на территории нынешних провинций Шаньси и Хэбэй; Вэй – на территории провинций Хэнань, Хэбэй, Шаньси и Шаньдун; небольшие владения Тэн и Се – на территории современного Шаньдуна.

[2] Цзы-чань 子產 (ум. ок. 552 г. до н.э.) – первый министр маленького княжества Чжэн

малой страны; Цзян-хоу[1] был простоват и заикался, но в конце концов [он] принес мир в храм предков [ханьского] рода Лю; а надсмотрщик, бойкий на язык, не был назначен управляющим парком Шанлинь.[2] Отвергай дурное, принимай хорошее – так достигнешь совершенства.

Известно, что люди по натуре сильны или слабы – всегда разные; по характеру пристрастны или прямолинейны – все неодинаковы. Нынешние времена сменили древность в стремительном беге, [и вот] знатные и худородные не равны. И разве сыновняя почтительность у государя так же [проявляется], как и у низших? Что до правителя, то [он] управляет государством, умиротворяет семью, стремится сберечь почтительность и ритуал. Что до низших, то [они] принимают угодливый вид и лишь [внешне] сохраняют [к старшим] уважительное отношение. Сыновняя почтительность Яо и Шуня не зависела от того, насколько милостивы были [их] родители. Человеколюбие Цзэн Шэня не было оценено Сюань-ни-[гуном].[3] Конфуций говорил: «Если сын

鄭, которое он смог уберечь от посягательств агрессивных соседей. Его деяния были высоко оценены Конфуцием: 子曰:「為命:裨諶草創之, 世叔討論之, 行人子羽脩飾之 , 東里子產潤色之」«Учитель сказал: „При подготовке государственных приказов [в княжестве Чжэн] Би Чэнь 裨諶 составлял черновой вариант, Ши Шу 世叔 обсуждал его содержание, чиновник но внешним связям Цзы-юй 子羽 добавлял красоты стиля, а Цзы-чань 子產 из Дунли завершал доработку“» (14.8) [Лунь юй, цз. 7.14] (Лунь юй, 1928. С 13 а–13 б; Классическое конфуцианство, 2000. С. 169).

[1] Цзян-хоу 絳侯, он же Чжоу Во 周勃 (ум. в 169 г. до н.э.) – один из сподвижников ханьского Гао-цзу, глава военного ведомства, приложивший усилия к воцарению Лю Хэна 劉恆, ханьского Вэнь-ди (200-157 гг. до н.э., прав. 179-157 гг. до н.э.) и восстановлению власти дома Лю после кончины вдовствующей императрицы Люй-хоу 呂后 (241-180 гг. до н.э.) [Ши цзи, цз. 57] (Ши цзи, 1936. С. 4 б–6 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). – М.: Наука, 1992. – Т. 6. – С. 236-240).

[2] Речь идёт об истории с визитом ханьского Вэнь-ди (прав. в 179-157 гг. до н.э.) в парк Шанлинь 上林 , когда, подойдя к вольеру с тиграми, император задал более десятка вопросов о содержании животных управляющему парком (*шанлинь вэй* 上林尉) Чжан Ши-чжи 張木睪之. Чжан не сумел ответить ни на один вопрос, но находившийся рядом надсмотрщик вольера (*сэфу* 嗇夫) очень бойко и быстро дал ответы императору. Тот был впечатлён и хотел было назначить его на место Чжан Ши-чжи. Однако Чжан сумел убедить императора этого не делать, сказав, что назначать человека лишь из-за умения бойко говорить не стоит [Ши цзи, цз. 102] (Ши цзи, 1936. С. 1 а–2 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). – М.: Вост. лит., 2002. – Т. 8. – С. 221-222).

[3] Цзэн Шэнь 曾参 (Цзэн-цзы 曾子) – ученик Конфуция; Сюань-ни-гун 宣尼公 – Конфуций, которого почтил этим титулом ханьский император Пин-ди 平帝 (9 г. до н.э. – 6 г. н.э., прав. 1 г. до н.э. – 6 г. н.э.) в 1-м году н.э. В 4-м разделе «О ритуале» (*Ли и сы*

[слепо] следует установлениям, [он] не сможет быть почтительным к родителям. Если подданный бездумно проявляет покорность, [он] не сможет быть верным».[1] Такие примеры невозможно не принимать во внимание. Произносивший [слова], резкие для слуха государя, чтобы следовать истинному Пути-Дао, умертвивший [своего] любимого брата во имя умиротворения государства – таков был Чжоу-гун.[2] Угождавший желаниям государя, чтобы жить спокойно, убивший [своего] сына, чтобы угодить правителю, – таков был И-я.[3] Не пощадивший себя, чтобы сохранить жизнь государю, – таков был Цзи Синь.[4] Со-

---

禮儀四) *Цзю Тан шу* есть запись, относящаяся к 14-му году Чжэнь-гуань (640 г.), когда Тай-цзун издал указ, в котором говорилось: «Я слышал, что в *Цзя юй* сказано, что Цзэн Си 曾皙 [как-то] послал Цзэн Шэня полоть тыквенные [грядки], а [тот] ненароком повредил стебли. [Цзэн] Си разгневался и взял большую палку, чтобы бить [Цзэн Шэня] но спине. По неожиданно [он] упал, и рука у него онемела. Конфуций услышал об этом и сказал ученикам: „Когда Шэнь придёт, не пускайте его”. Цзэн-цзы попросил впустить его, Конфуций сказал: „Когда Шунь служил родителям, [он] всегда был на их стороне. [Они] хотели убить его, но [у них] не получилось. Когда [они] били [его] лёгкими палками, [он] принимал [это]. Когда [брали] тяжелую палку – убегал. Нынче Шэнь, служа отцу, вызвал [его] сильный гнев и [так] заставил проявить несправедливость. Большего сыновнего непочтения и быть не может!”» [Цзю Тан шу, цз. 24] (Цзю Тан шу, 1976. С. 917).

[1] 子從令者，不得為孝。臣苟順者，不得為忠。Источник данной цитаты нами не выявлен.

[2] Чжоу-гун 周公 сыграл ключевую роль в установлении в Китае в XI в. до н.э. власти Западной Чжоу. После завоевания чжоусцами шанских земель на востоке номинально правил представитель дома Шан, при котором находились три брата скончавшегося У-вана. Когда шанский клан задумал свергнуть власть Чжоу, братья поддержали заговор. По Чжоу-гун одного из братьев (Гуаня 管) убил, а другого (Цая 蔡) отправил в ссылку [Цянь Хань шу, цз. 44] (Цянь Хань шу, 1937. С. 3 а).

[3] И-я 易牙 , или Ди-я 狄牙 – фаворит Хуань-гуна 桓公 (ум. в 643 г. до н.э., прав. в 685-643 гг. до н.э.), правителя княжества Ци. Чтобы угодить своему господину, сварил собственного сына. И-я приобрёл огромное влияние, после смерти Хуань-гуна возвёл на престол одного из его сыновей, но сути узурпировав власть и втянув государство в смуту.

[4] Цзи Синь 紀信 (ум. в 204 г. до н.э.) – сподвижник Лю Бана 劉邦 (256/247 – 195 гг. до н.э.), ханьского Гао-цзу, и один из его военачальников во время воины с чуским правителем Сян Юем 項羽 (232-202 гг. до н.э.). Лю Бан был осажден последним в Инъяне 滎陽 , в городе иссякло продовольствие, и Цзи Синь предложил Гао-цзу ускользнуть с небольшим отрядом воинов через западные ворота, в то время как сам он, Цзи Синь, выдав себя за Гао-цзу, выедет через восточные ворота в царской колеснице. Лю Бан велел ему ночью открыть восточные ворота и выпустить через них две тысячи женщин, одетых в латы. Чуская армия окружила их, и Цзи Синь сказал нападавшим, что

действовавший решению государственных дел, отмщая собственно [врагу], – таков был Юань Ан.[1] Один сохранявший чистоту, единственный остававшийся честным и убивший себя [ради этого] – таков был Цюй Юань.[2] Вовне проявлявший предельное спокойствие и мягкость, внутри скрывавший помыслы, подобные кипящей [воде] и [пылающему] огню, – таков был министр Пи.[3] Путь-Дао [выбора между] верностью и низкопоклонством мы видим в этих [людях] и вполне [можем] счесть [их] зерцалом навечно.

Бо Ци[4] ради Цинь усмирил Чжао, а затем по приказу циньского

он Лю Бан и хочет сдаться. Представ перед Сян Юем, Цзи Синь заявил, что его господин уже покинул город, и Сян Юй велел сжечь Цзи Синя заживо [Ши цзи, цз. 7] (Ши цзи, 1936. С. 20 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1975. Т. 2. С. 145).

[1] Юань Ан 袁(爰)盎 (200-150 гг. до н.э.) – сановник в правление ханьских Вэнь-ди (200-157 гг. до н.э.) и Цзин-ди 景帝 (156-141 гг. до н.э.), часто выступавший с критикой своих государей, за что его ссылали служить в провинцию. Он враждовал с главой цензората (*юйши дафу* 御史大夫) Чао Цо 鼂錯 (ок. 200 – 154 гг. до н.э.), который обвинил его в чрезмерном доверии к правителю княжества У, затеявшему мятеж против Хань. По навету Чао Цо Юань Ан был разжалован в простолюдины, но сумел добиться аудиенции императора и убедить его, что усцы восстали из-за действий Чао Цо и что единственный способ ублаготворить их – это казнить Чао Цо. В результате Юань Ан добился казни своего недруга Чао Цо, чем содействовал усмирению Мятежа семи уделов [Ши цзи, цз. 101] (Ши цзи, 1936. С. 4 а–4 б; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 2002. Т. 8. С. 215-216).

[2] Цюй Юань 屈原 (340-278 гг. до н.э.) – знаменитый поэт, ставший символом патриотизма в китайской культуре. Служил министром при дворе княжества Чу, отличался бескомиромиссным нравом, был оклеветан и сослан. Когда столица Чу была захвачена войском Цинь, покончил жизнь самоубийством, утопившись в водах реки Мило-цзян 汨羅江 .

[3] Министр Пи 宰嚭, или Бо Пи 伯嚭 (ум. в 473 г. до н.э.) – сановник, служивший правителю княжества У – Фу-ча 夫差 (495-473 гг. до н.э.). Известен тем, что во время войны У с Юэ принимал взятки от правителя Юэ – Гоу-цзяня 勾踐 (520-464 гг. до н.э., прав. 496-464 гг. до н.э.) и после серьёзных военных поражений Юэ от У содействовал мирным переговорам, которые привели к восстановлению Юэ. Также оклеветал перед своим правителем талантливого государственного деятеля У Цзы-сюя 伍子胥 (599-484 гг. до н.э.), которому было приказано совершить самоубийство [Ши цзи, цз. 66] (Ши цзи, 1936. С. 6 а–7 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). – М.: Вост. лит., 1996. – Т. 7. – С. 63-64).

[4] Бо (Бай) Ци 白起 (ум. в 257 г. до н.э.) – прославленный военачальник периода Чжаньго, служивший циньскому Чжао-вану 昭王 (306-249 гг. до н.э.) и за свои многочисленные победы над войсками царств Хань 韓 , Вэй 魏 и Чу 楚 пожалованный титулом Уань-цзюнь 武安君 (278 г. до н.э.). Войска Чжао оказывали циньским войскам ожесточённое сопротивление, но в 259 г. до н.э. Бо Ци нанёс им поражение в местности

Чжао-вана покончил с собой. [Чжоу] Я-фу[1] подавил мятеж семи уделов и в итоге был умерщвлен Цзин-ди. Вэнь Чжун[2] подготовил план уничтожения [княжества] У и вероломно был убит Юэ-ваном. У [Цзы]-сюй[3] все силы отдавал [сложению] государству, но в конце концов был пожалован мечом [доя самоубиения]. И это [все] было вызвано ошибками государей, а нс преступлениями подданных. Что же касается таких людей, как Чжао Гао[4], Хань Синь[5], Цин Бу[6], Чэнь Си[7], то

Чанпин 長平 , после чего велел заживо закопать сдавшихся ему 400 тыс. солдат. Первый министр Цинь – Ин-хоу 應侯 Фань Цзюй 範雎 (ум. в 255 г. до н.э.) стал опасаться растущего могущества Бо Ци и убедил Чжао-вана вернуть Чжао и Хань часть захваченных земель. После этого Бо Ци, сказавшись больным, стал уклоняться от участия в боевых действиях, чем вызвал гнев Чжао-вана, который сначала разжаловал Бо Ци в рядовые солдаты, а затем послал человека поднести Бо Ци меч, чтобы тот покончил с собой. Бо Ци принял меч и, готовясь к смерти, сказал: «Чем я провинился перед Небом, почему дошёл до такого?». А через некоторое время добавил: «Я, конечно, должен умереть. После боёв под Чанпином я обманул несколько сотен тысяч сдавшихся нам воинов Чжао и закопал [их] живьём в землю. Этого достаточно, чтобы заслужить смерть». И покончил с собой [Ши цзи, цз. 73] (Ши цзи, 1936. С. 1 а–5 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1996. Т. 7. С. 159-163).

[1] Чжоу Я-фу 周亜夫 (ум. в 143 г. до н.э.) – военачальник, служивший ханьским Вэнь-ди и Цзин-ди, сын генерала Чжоу Бо 周勃 (ум. в 169 г. до н.э.). Имел титул Тяо-хоу 條侯. Командовал китайской армией во время войны с *сюнну* в 158 г. до н.э., в 154 г. до н.э. подавил Мятеж семи уделов, был назначен первым министром. Однако, совершив ряд политических ошибок, потерял благоволение императора Цзин-ди, в 147 г. до н.э. был смещён, заточён в тюрьму, где умер, заморив себя голодом [Ши цзи, цз. 57] (Ши цзи, 1936. С. 5 б–9 б; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1992. Т. 6. С. 240-247).

[2] Вэнь Чжун 文種 (Чжун 種 , ум. в 472 г. до н.э.) – сановник правителя княжества Юэ – Гоу-цзяня 勾踐 , которому, он давал советы в воинах с Фу Ча 夫差 , правителем У. Гоу-цзянь после победы над У подарил Вэнь Чжуну меч и напутствовал его так: «Вы подготовили для меня семь тактик для нобеды над У. Я разгромил У, использовав только три из них. Остальные четыре остаются за вами. А теперь используйте остальные над нашими прежними [врагами] на том свете!». После чего Вэнь Чжун покончил с собой [Ши цзи, цз. 41] (Ши цзи, 1936. С. 5 б–6 а; *Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. 6. С. 21). [3] См. коммент. 3 на С.217.

[4] Чжао Гао 趙高 (ум. в 207 г. до н.э.), а также Хань Синь, Цин Бу и Чэнь Си (см. коммент. 5-7 на С. 219) вошли в китайскую историю как изменники. Чжао Гао – евнух из ближайшего окружения Цинь Ши-хуанди 秦世皇帝, наставник его сына Эр-ши-хуанди 秦二世皇帝 Ху-хая 胡亥 (230-207 гг. до н.э.), второго императора Цинь. Вопреки воле Ши-хуана, он, сговорившись с первым министром Ли Сы 李斯 (284-208 гг. до н.э.), возвёл на престол не Фу-су 扶蘇 , старшего сына покойного императора, а Ху-хая, которым мог легко манипулировать. Впоследствии Чжао Гао фактически вершил дела управления страной, стал первым министром Эр-ши-хуанди, занял должность началь-

[они] навлекли на себя несчастья, которые не были наказаниями, исходившими от государей по произволу.

[Ханьский] Гао-цзу не сумел удержать заслуженных людей, а Гуан-У-[ди][8] преуспел в надлежащем использовании [своих] генералов. Когда подданный упрочивает основы государства ради [своего] правителя, а правитель направляет [этого] подданного в смертельно опасные местности – разве в этом состоит Путь-Дао вознаграждения?

ника охраны внутренних покоев (*ланчжунлин* 郎中令), добился смещения и казни Ли Сы, довёл Эр-ши до самоубийства и возвёл на трон молодого принца Цзы-ина 子嬰 . Опасаясь на свою жизнь, Цзы-ин приказал разорвать Чжао Гао колесницами и сдался Лю Бану, основателю Хань [Ши цзи, цз. 6] (Ши цзи, 1936. С. 23 а–30 а; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1975. Т. 2. С. 86-98).

[5] Хань Синь 韓信, он же Хань-ван Синь 韓王信 (ум. в 196 г. до н.э.) – военачальник, сподвижник ханьского Гао-цзу, внёсший своим военным талантом большой вклад в завоевание Лю Баном Поднебесной. Параду с генералами Сяо Хэ 蕭何 (ум. в 193 г. до н.э.) и Чжан Ляном 張良 (ум. в 186 г. до н.э.) именовался одним из «трёх героев начала Хань» (*Хань чу санъ цзе* 漢初三傑). Первоначально служил генералу и вану-гегемону Сян Юю 項羽 (232-202 гг. до н.э.), у которого не нашёл применения своим способностям военного стратега, затем перешёл на сторону Лю Бана. За победы был пожалован титулами Хань-ван 韓王 и Чу-ван 楚王 и получил под контроль большую территорию. Однако вскоре, опасаясь растущего влияния Хань Синя, Гао-цзу понизил его титул до Хуайинь-хоу 淮陰侯 . Потерпев несколько поражений от *сюнну* на северной границе, Хань Синь в 201 г. до н.э. заключил с ними военный союз. Армия Гао-цзу долго не могла захватить Хань Синя, в начале 196 г. до н.э. он всё же был взят в плен и убит генералом Чай У 柴武 (ум. в 163 г. до н.э.) [Ши цзи, цз. 93] (Ши цзи, 1936. С. 1 а–7 б; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1975. Т. 8. С. 130-139).

[6] Цин Бу 鯨布 («Татуированный Бу») имел имя Ин Бу 英布 (ум. в 196 г. до н.э.). Своё прозвище получил из-за татуировки, которую ему как осужденному преступнику нанесли на лицо в конце периода Цинь. Цзин Бу был сослан на каторгу, будучи осужденным строить усыпальницу Цинь Ши-хуана. Бежал, возглавил повстанческую группу, которая позже слилась с войсками Сян Ляна 項梁 (ум. в 208 г. до н.э.) и Сян Юя. Позже перешёл на сторону Лю Бана. В 196 г. до н.э., наблюдая гибель сподвижников Гао-цзу от его рук, поднял мятеж, но был разбит, бежал в Цзяннань 江南 , где был опознан и убит местными жителями [Ши цзи, цз. 91] (Ши цзи, 1936. С. 1 а–7 б; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1975. Т. 8. С. 99-108).

[7] Чэнь Си 陳豨 (ум. в 195 г. до н.э.), пользовавшийся большим доверием Гао-цзу, был пожалован титулом «князя без земельного лена» (*лехоу* 列侯). В 197 г. до н.э. поднял войска нротив Хань, зимой 195 г. до н.э. был разгромлен и ногиб [Ши цзи, цз. 93] (Ши цзи, 1936. С. 5 б–7 а; *Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. 8. С. 137-139).

[8] Гуан-У-ди 光武帝 (5 г. до н.э. – 57 г. н.э., прав. 25-57 гг.), первый император восстановленной Поздней Хань, личное имя Лю Сю 劉秀. Сумел подавить восстание «краснобровых» 17-27 гг., которое смелó империю Ван Мана – Синь (9-23 гг.).

Быть правителем Поднебесной, стоять над сотнями тысяч людей – может ли [это] быть легким? [Когда государь] расходится с Путем-Дао, нарушает ритуал, [он] не только вредит самому себе, но и становится предметом насмешек мудрых людей. А если [он] не щадит себя, усердно трудится, то [он] становится истинным благородным мужем, хотя и [может] вызывать нападки со стороны людей заурядных. Если [государь] жалует чиновников рангом выше [ими] заслуженного, то другие, подобные им, непременно будут глубоко обижены. Если [государь], разговаривая с людьми, неровен, то народ, взирая [на него], сочтет его пристрастным. И тогда, если [государь] назначит мудрых и добрых, то будут говорить, что [он] приобрел [их] по счастливой случайности; если [он] полагается на заурядных людей, тогда скажут, что [он] глуп и невежествен. Если [государь] говорит много, то [его] назовут многословным, если слова [его] редки, то скажут, что в [постижении] Пути-Дао [он] не преуспел. Если [государь] дает волю [своим] страстям, не сдерживает гнева, то при дворе и на окраинах [все] будут дрожать от страха. Если [он] заботится [лишь] о великодушии и снисходительности, то законы и уложения не будут действенны. Народ доволен, если чиновники отдают все силы [службе]; чиновники довольны, когда народ усердно трудится.

В пределах четырёх морей нет земли, не подвластной государю. Надлежит окраинные земли считать ветвями и листьями, а внутренние территории полагать корнем. Древние говорили: «Если нет кожи, то на чём будут держаться волосы?».[1] Необходимо сделать так, чтобы основание было прочным, а корни глубокими. [Заботу] об этом поручают министрам внутренней службы (*нэй сян*). И Инь[2], и Фу Юэ[3] бы-

---

[1] Слова Го-шэ 虢射 , первого министра государства Цзинь 晉 при Хуэй-гуне 惠公 (651-637 гг. до н.э.): *пи чжи бу цунь*, *мао цзян ань фу* 皮之不存、毛將安傅 [Чунь цю Цзо чжуань гу, цз. 2 (Си-гун, 14-й год 僖公十四) (Чунь цю Цзо чжуань гу 春秋左傳詁 [Комментарий к летописи «Вёсны и осени» с разъяснениями] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 252-259). – Шанхай 上海: Чжун- хуа шуцзюй 中韋書局, 1936. – С. 5 а.

[2] См. коммент. 4 на С. 211.

[3] Фу Юэ 傅說 (XIV–XIII вв. до н.э.) – советник шанского нравителя У-дина 武丁 . О том, как У-дин обрёл Фу Юэ, сказано в гл. «Указание Юэ» (*Юэ мин* 說命) *Шу цзин*, а также в *Ши цзи*. Сыма Цянь повествует об этом так: «[Однажды] ночью У-дин во сне увидел мудреца, которого звали Юэ. [Помня] увиденное во сне, [он] осмотрел своих приближённых и чиновников, но никто не был таким, [как Юэ]. Тогда [У-дин] заставил чиновников принять меры и найти мудреца вне города. Нашли Юэ в Фусяни. В это время Юэ как колодник (каторжник – *И.П.*) работал на строительстве в Фусяни.

ли таковы, что люди на них равнялись и содействовали им. Что же касается умиротворителей [земель] у крайних северных вечных льдов и охранителей пределов у летящих снегов, то подобных Вэй Шану[1] и Ли Му[2] нынче редко встретишь. Если посылать людей в дальние [земли] для [их] умиротворения, [эти люди] будут тосковать и [могут] не выполнить порученного. А если жалеть [людей] и не посылать [их на границы], тогда ветви и листья опадут и погибнут. Между [этими] двумя делами где будут мысли [государя]? А потому [тот, кто] поутру доволен, а к вечеру тревожится, о таком деле не забывает. И если это распространяется на правителей, то уж тем более касается подданных.

В «[Книге] перемен» говорится; «Письмо не исчерпывает речи, речь нс исчерпывает мысли».[3] Нынче [я] грубо излагаю свои краткие суждения, чтобы показать, что у меня в мыслях. Древние говорили; «Тот, кто трудится, непременно поет о своих делах». Я–государь не потому обратился к литературному творчеству, чтобы демонстрировать красоту слога, но и обучаюсь для себя и письменно излагаю то, что [меня] заботит. [Я] надеюсь, что в дальних пределах [это] прочитают многие мудрецы и не сочтут, что [над этим можно] посмеяться.

Источники и использованная литература:

Источники:

На русском языке:

1. Дао дэ цзин / Пер. и примеч. Ян Хин-шуна. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 136, [2] с.
2. Классическое конфуцианство. Лунь юй, Мэн-цзы, Сюнь-цзы / Переводы, статьи, коммент. А.С. Маргынова и И.Т. Зограф. Т. 1, 2. – СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 2000. – 205, [2] с.

[Когда найденного человека] показали У-дину, У-дин сказал, что это он и есть. Встретившись с Юэ и поговорив с ним, [У-дин понял], что это действительно мудрец, и выдвинул его, сделав своим первым советником» [Ши цзи, цз. 3] (Ши цзи, 1936. С. 7 а–7 б; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. 1. С. 173).

[1] Вэй Шан 魏尚 (ум. в 157 г. до н.э.) – военачальник, служивший ханьскому Вэнь-ди 文帝 (200-157 гг. до н.э.) и успешно оберегавший северные пределы Китая от *сюнну*.

[2] Ли Му 李牧 (ум. в 229 г. до н.э.) – военачальник, служивший в конце периода Чжаньго в княжестве Чжао, прославился успешными войнами против соседей Китая: *сюнну*, *дунху*, *линьху*.

[3] *Си цы чжуань* [Ицзин тун чжу, цз. 3]. – И цзин тун чжу 易經通注 [«Книга перемен» с полным комментарием] (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 434-435). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 117.

3. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – 401 с.
4. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – – М.: Вост. лит, 1975. – Т. 2. – 550 с.
5. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Наука, 1987. – Т. 5. – 363 с.
6. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Наука, 1992. – Т. 6. – 483 с.
7. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 1996. – Т. 7. – 462 с.
8. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2002. – Т. 8. – 510 с.

На западноевропейских языках:

9. *Legge James*. The Chinese Classics. Vol. 3, pt. 1, 2: The Shoo King, or The Book of Historical Documents. – Taipei: SMC Publishing Inc., 2000.

На китайском и японском языках:

10. И цзин тун чжу 易經通注 [«Книга перемен» с полным комментарием] (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 434-435). – Шанхай 上海: Шанъу иньшу-гуань 商務印書館, 1936.
11. Кун-цзы цзя юй 孔子家語 [Домашние речи Конфуция] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1130-1132). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936.
12. Ли цзи Чжэн чжу 禮記鄭注 [«Книга ритуала» с комментарием [господина] Чжэн [Сюаня]] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 27-34). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936.
13. Лунь юй 論語 [Беседы и суждения] (Сы бу цун кань 四部叢刊. Т. 11). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1928.
14. Сань го чжи 三國志 [Записи о трёх царствах]. Сост. Чэнь Шоу 陳壽 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 502-517). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書鳥, 1937.
15. Синь сюй 新序 [Новое предисловие]. Сост. Лю Сян 劉向 (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 529). Шанхай, 1936.
16. Синь Тан шу 新唐書 [Новая история династии Тан]. Сост. Оуян Сю 歐陽 修 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中韋書局, 1986.
17. Тан да чжао лин цзи 唐大詔令集 [Сборник высочайших указов династии Тан]. Сост. Сун Минь-цю 宋 敏求. – Пекин 京京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959.
18. Тан Тай-цзун цюань цзи 唐太宗全集 [Полное собрание сочинении танского Тай-цзуна] / Сверено и откомментировано У Юнем и Цзи Юй 吳雲冀、宇校注. – Тяньцзинь 天津: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ: 天津古籍出版

社, 1991.
19. Тан хуэй яо 唐 會要 [Основные сведения об эпохе Тан]. Сост. Ван Пу 王 溥. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1955.
20. Тун дянь 通典 (Свод уложений). Сост. Ду Ю 杜佑. – Шанхай 上海: Шан-у иньшугуань 商務印書館, 1936.
21. У-цзы 吳子 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1376). – Шанхай 上海 : Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936.
22. Ханьюй да цыдянь 英語大詞典 / Под ред. Ло Чжу-фэна 羅竹風主編. В 12-ти тт. – Шанхай 上海: Шанхай цышу чубаньшэ 上海辭書出版社, 1986-1993.
23. *Хуанфу Ми* 黄甫 謐 . Ди ван ши цзи 帝王世紀 [Век императоров и ванов] (Цун шу цзи чэн 叢書集成. Т. 3701). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936.
24. Цзинь цзин 金鏡 [Золотое зерцало]. Сост. [Танский] Тай-цзун（唐）太宗 // Тан Тай-цзун цюань цзи цзяошу 唐太宗全集校注 [Полное собрание произведений танского Тай-цзуна с полным сверенным комментарием]. Сост. У Юнь 吳雲 и Цзи И 冀宇 . – Тяньцзинь 天津: Тяньцзинь гуцзи чу-баньшэ 天津古籍出版社, 2004. – С. 125-136.
25. Цзы чжи тун цзянь 資治通鑑 [Всепроницающее зерцало, управлению помогающее]. Сост. Сыма Гуан 司馬 光. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1956.
26. Цзю Тан шу 舊唐書 [Старая история династии Тан]. Сост. Лю Сюй 劉峋 (Синь цзяо бяо-дянь бэнь 新校標點本 [Вновь сверенные и размеченные тексты]). – Тайбэй 臺北: Динвэнь шуцзюй 鼎文書局, 1976.
27. Цэ фу юань гуй 冊府元龜 [Свод книг из Хранилища Великой черепахи]. Сост. Ван Цинь-жо 王 欽若. – Тайбэй 臺北: Тайвань Чжунхуа шуцзюй 臺灣中華書局, 1965.
28. Цюань Тан вэнь цзи ши 全唐文言己事 [Записи событий к Полному собранию танских сочинений]. Сост. Чэнь Хун-чи 陳 鴻墀 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959.
29. Цюань Тан вэнь 全唐文 [Полное собрание танских сочинений]. Сост. Дун Гао 董誥 . – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1996.
30. Цянь Хань шу 前漢書 [История ранней династии Хань]. Сост. Бань Гу 班固 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 440-471). – Шанхай 上海: Чжун- хуа шуц-зюй 中韋書局, 1937.
31. Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀正要 (Дзё-ган сэй ё) [Основы управления периода Чжэнь-гуань]. Сост. У Цзин / С переводом на яп. яз. и коммента-

рием Харада Танэсигэ 原田 種成 (Синсяку канбун тайкэй 新釈漢文大系 . Т. 95-96). – Токио 東京: Мэйдзи сёин 明治書院, 1978.
32. Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀正要 [Основы управления периода Чжэнь-гуань]. Сост. У Цзин 吳兢 (Сы бу бэй яо 四部備要 . Т. 1159-1162). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936.
33. Чунь цю Цзо чжуань гу 春秋左傳詁[Комментарий к летописи «Вёсны и осени» с разъяснениями] (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 252-259). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中韋書局, 1936.
34. Шан шу 尚書 [Книга документов] (Сы бу цун кань 血部叢刊. Т. 4-6). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936.
35. Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬 遷 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 416-438). – Шанхай 上海 : Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1936.

Общая и специальная литература:

36. *Крюков М.В.*, *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – 336 с.
37. *Ли Гуан-цзе* 李 光杰 .Тан дай цзя сюнь вэньсянь яньцзю 唐代家訓文獻研究 [Исследование семейных наставлений]. – Чанчунь 长春: Цзилинь да-сюэ 吉林大學, 2009.
38. *Чжао Кэ-яо* 趙 克堯, *Сюй Дао-сюнь* 許 道勛. Тан Тай-цзун чжуань 唐太宗傳 [Биография танского Тай-цзуна]. – Пекин 北京: Жэньминь чубань-шэ 人民出版社, 1987. – 439 с.
39. *Twitchett Denis*. How to be an Emperor: T’ang T’ai-tsung’s Vision of His Role // Asia Major. 3rd series. –1996. No. 9, pts. 1-2. – P. 1-102.
40. *Wechsler Howard J*. Offerings of jade and silk. Ritual and symbol in the legitimation of the T’ang Dynasty. – New Haven and London: Yale University Press, 1985. – xiv, 313 p.

Popova I.F.

The Instruction of the Tang emperor Tai-Tsung «The Golden Mirror» (*Jin Jing*) as a «family homily»

The article presents a study and a commented translation of «Golden Mirror» (*Jin Jing*), the work of an edifying nature, the author of which is considered to be the Tang emperor Tai-Tsung. In this instruction, the Tang monarch sought to preserve, in the name of the "eternal rule" of the Tang Dynasty, the principles of governance he introduced and the ethical conformity of rulers to their purpose.

Keywords: China; Tang Dynasty; Tai-tsung; instructions as a «family homily»; political ideology.

Popova Irina Fyodorovna – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).

УДК 340.158, 94(510)

Трощинский П.В.

ПРАВО КИТАЯ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена краткому обзору проведенных отечественной юридической и синологической науками исследований права древнего и современного Китая (преимущественно до начала нынешнего столетия). Приводятся фамилии и основные труды ученых, изучавших китайское право в различные исторические периоды существования российской государственности. Исследования китайского права в России имеют глубокие корни и осуществлялись параллельно с зарождением отечественного китаеведения. Популяризация трудов предыдущего поколения российских учёных, изучавших китайское право, является главной целью представленной работы. Ценность оставленных нам в наследие научных трудов чрезвычайно велика, и мы можем по праву гордиться достигнутыми нашими великими предшественниками результатами. На этой теоретической основе современным исследователям необходимо проводить практический анализ действующего законодательства Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Китай; право Китая; традиционное право; современное право; Российская духовная миссия; законодательство; правовая система.

«*Чтобы узнать страну, надо знать ее право.*
Чтобы полнее изучить историю страны,
надо изучить и историю ее права»

Е.И. Кычанов. Основы средневекового
китайского права (VII–XIII вв.).
М., 1986. С. 3.

Введение

В последние годы в условиях беспрецедентных западных санкций в отношении Российской Федерации происходит «поворот» нашей страны «на Восток». Налицо кратное увеличение политического и экономического сотрудничества с Китайской Народной Республикой, повышается уровень взаимного доверия и взаимной поддержки между двумя государствами. Товарооборот между Россией и Китаем за первое полугодие 2023 года вырос на 40,6% по сравнению с ана-

Трощинский Павел Владимирович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (*Россия*, Москва, Нахимовский проспект, д. 32).
E-mail: trosch@mail.ru

логичным периодом 2022 г. и составил свыше 100 млрд. долл. США. В сложившейся ситуации Китай превратился не просто в нашего стратегического партнера, а в единственного партнера с одной из самых крупных национальных экономик в мире. Для России Китай не является выбором, а единственным партнером из числа наиболее развитых государств.

В связи с «поворотом России на Китай» усилились не только экономические, но и научные контакты между двумя странами. Увеличивается количество российских граждан, изучающих историю, культуру, философию, язык, политику, экономику Китая. Одним из приоритетных направлений современной российской образовательной и научной среды стало исследование права Китая. По всей стране создаются центры, лаборатории, кафедры по его изучению, выпускаются учебники, монографии, статьи, посвященные правовой проблематике Китая, в средствах массовой информации звучат голоса экспертов, комментирующих те или иные законодательные новеллы, появляющиеся в КНР.

В потоке информации стороннему наблюдателю трудно отличить откровенную халтуру от действительно квалифицированного анализа китайского права. Более того, молодые и не очень исследователи китайского права либо не знают, либо умышленно умалчивают о том, что российская наука уже несколько столетий занимается его изучением. За прошедшие годы заложен огромный научный фундамент, на котором необходимо проводить современные исследования китайского права. Ученые царской, советской и постсоветской России оставили после себя уникальное наследие из множества научных работ и переводов китайских законов, сохраняющих актуальность и по настоящее время.

Констатируем, что лидером исследований традиционного права Китая в советское время следует признать д.и.н. Е.И. Кычанова, монография о средневековом праве Китая[1] которого представляет собой единственный в своем роде труд, посвященный основам старого китайского права, правовой культуры Китая и правосознания его граждан. Знают ли об этой работе современные отечественные исследователи права Китая? Читали ли они её? Знакома ли им фамилия великого Е.И. Кычанова? Читали ли они работы его ученика д.ю.н. В.М. Ры-

[1] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1986. – 264 с.

бакова по танскому законодательству? Слышали ли они эту фамилию? Е.И. Кычанов продолжает жить в своих работах и в работах своих учеников. Понимание права и законодательства КНР невозможно в отрыве от исследования особенностей старого права Китая. В свою очередь понять традиционное право Китая невозможно без изучения трудов Е.И. Кычанова и работ его последователей.

Параллельно с Е.И. Кычановым в Москве в Институте Дальнего Востока РАН (с 2022 г. – Институт Китая и современной Азии РАН) изучением права КНР занимался проф. Л.М. Гудошников, который создал полноценно работающую юридическую школу, состоящую из авторитетных отечественных юристов и китаеведов, посвятивших свою научную жизнь исследованию законодательства нового Китая. Фамилия Л.М. Гудошникова, как и Е.И. Кычанова, к сожалению, известна лишь в узких кругах, но их наследие – уникальный материал, продолжающий иметь высокую практическую и теоретическую значимость до сих пор.

Настоящим небольшим исследованием мы постараемся в общих чертах рассказать об основных отечественных учёных, занимавшихся правом Китая и оставившим после себя работы, обязательные к прочтению и изучению всеми теми, кто действительно хочет понять суть и содержание китайской юридической проблематики. Пришло время отдать должное выдающимся сынам России, ученым-исследователям права Китая, благодаря труду которых мы способны развивать отечественное китаеведение, успешно конкурируя с самыми современными западными научными центрами. Российские исследования права Китая по своему уровню нисколько не уступают аналогичным исследованиям американской, европейской, японской научным школам, а по некоторым параметрам даже и превосходят своих зарубежных коллег. Оценку современным отечественным исследованиям китайского права и законодательства оставим на суд будущих поколений, для которых наш труд, если будет угодно Богу, окажется полезным. Надеемся, что представленная информация послужит широкому распространению сведений о научных достижения российского китаеведения в области изучения китайского права среди широкого круга заинтересованных специалистов.

Право Китая в трудах ученых Российской империи

Долгое время Китай был закрытой для иностранцев страной. О нём мало было известно в Европе и в России. Первые письменные

сведения о Китае в российском государстве появились в XV в. у Афанасия Никитина (?–1475 гг.). Первые посланники русского государства в Китай И. Петелин («Роспись», 1618 г.), Ф.И. Байков («Список», 1660 г.), Н.Г. Милеску-Спафарий («Описание», 1677 г.) оставили нам более подробное описание этой загадочной страны.

Впоследствии, после открытия в Пекине Русской Духовной Миссии (действовала в XVII–XX вв.), началось зарождение отечественного китаеведения, явившее миру крупнейших переводчиков, учёных, миссионеров.[1] Наряду с изучением китайского языка, географии, культуры, они постепенно исследовали правовую культуру Китая, «погружаясь» в первоисточники. Трудоёмкая работа по переводу китайских законов, проделанная работниками православных миссий, получила признание не только в России, но и в европейских государствах.

Изучение права страны, в которой на долгие годы «осели» православные миссионеры, стало одним из основных направлений их исследований, наряду с освоением китайского языка, культуры и обычаев окружающих их народностей.

Выдающийся русский востоковед **Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716-1786)** по личному распоряжению Екатерины II перевёл на русский язык «Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли, то есть всѣ законы и установления китайского (а нынѣ маньжурского) правительства» (1781 -1783. Т. 1–3). Это одна из немногочисленных работ о цинском праве на русском языке (перевод с маньчжурского языка).

Русский китаевед-переводчик **Липовцов Степан Васильевич (1770-1841)** издал переведённое с маньчжурского языка «Уложение китайской палаты внешних сношений» («Лифаньюань») (СПб., 1828. Т. 1, 2), включавшее в себя, кроме прочего: «уложение Гражданское» (часть первая), «устав Воинский и Почтовое Правление» (часть вторая), «уложение гражданское» (часть третья).

Отдельно отметим, что начало переводу Уложения было положено прожившим в Китае шестнадцать лет **Василием Новосёловым (1772-1824)**, которому М.М. Сперанский в своём письме поручил выполнение этой трудоёмкой работы. Однако перевод не был завершён по причине кончины переводчика и продолжен позже Липовцовым.

Значительный вклад в развитие юридического направления российского китаеведения сделал **Бичурин Никита Яковлевич (1777-**

---

[1] Подробнее см.: Архив российской китаистики / Ин-т востоковедения РАН; сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. – М.: Наука – Вост. лит., 2013. – Т. 1. – С. 16-17.

1853), один из основоположников русской синологии, начальник девятой Духовной миссии. К 1837 г. он завершил перевод «Свода узаконений Великой династии Цин» («Да Цин хуэй дянь»). Хотя перевод и не был издан, однако на его основе учёный написал свои фундаментальные труды по Китаю. К основным из них, содержащих анализ действующего в Китае права, следует отнести:

1) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа» (СПб., 1840) (глава VI. Уголовное законодательство);

2) «Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырёх частях» (СПб., 1848). В нём содержится, наряду с прочим, описание государственного устройства, судоустройство и уголовное законодательство. Фундаментальный труд учёного заслужил высокую оценку не только в России, но и за рубежом.

В Российской государственной библиотеке хранится ряд неопубликованных работ, посвященных Китаю, **Храповицкого Михаила Даниловича (1823-1860)**, имя которого «…известно очень небольшому числу специалистов, да и то, пожалуй, лишь тем, что он был переводчиком с русского языка на китайский и маньчжурский, а также с китайского на русский официального текста Пекинского дополнительного договора (1850 г.) к знаменитому Таньцзинскому трактату 1858 г.».[1]

После себя М.Д. Храповицкий оставил значительное количество рукописей (не опубликованных по причине ранней кончины автора), к числу которых относится и «Материалы для истории уголовного законодательства в Китая» объёмом в 267 страниц. Высокая оценка проделанной работы была дана выдающимся русским востоковедом К.А. Скачковым, который предпринял попытку их опубликовать в полном содержании, однако по причине занятости так и не смог этого сделать. Российский ученый А.В. Даньшин констатирует, что публикация указанной работы «…не только предоставит современным исследователям уникальный материал по истории права традиционного Китая, но и откроет новое яркое имя в российском и мировом китаеведении».[2]

---

[1] *Даньшин А.В.* История права традиционного Китая в рукописном наследии М.Д. Храповицкого // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83. – Ч. 23. – С. 17.

[2] *Даньшин А.В.* Неизвестная страница русского китаеведения: М.Д. Храповицкий и его рукописное наследие // Россия и АТР. – 2014. – № 3. – С. 89.

Перу ещё одного выдающегося русского синолога **Попову Павлу Степановичу (1842-1913)** принадлежит фундаментальный труд «Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р.Х.» (Труды Третьего международного съезда ориенталистов в СПб., 1976. СПб., 1879-1880. Т. 1). Также отметим его работу по государственному строю Китая: «Государственный строй Китая и органы управления» (СПб., 1903) и Дополнение к «Государственному строю Китая» (СПб., 1909).

В 1899 г. вышла работа полковника (впоследствии генерал-майора, ставшего жертвой революционного террора 1905-1907 гг.) **Козлова Сергея Владимировича (1853-1906)**: «Китай. Гражданское и уголовное законодательство. Справка об административном и судебном устройстве областей, входящих в состав Китайской империи, и о существующем в стране гражданском и уголовном законодательстве (СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899) («Печатано по распоряжению Военного Министра»).

В начале XX века на свет появилась брошюра **Поршнякова Сергея Михайловича**: «Карательная система китайского уложения хана Юнь-Дженъ» (СПб., 1909). Приложением к работе выступает сокращенный перевод с маньчжурского языка «Китайского Уложения» А.Л. Леонтьева.

Кроме приведенных выше фамилий исследователей и их научных (популярных, переводческих) работ, отметим, что в архивах Российской Духовной Миссии сохранены тысячи страниц переводов текстов различных китайских законов, которые до настоящего времени не опубликованы. Их авторами в разное время были не только известные нам учёные (например, Н.Я. Бичурин), но и неизвестные, малозаметные сотрудники, переводчики Миссии – А.Г. Владыкин, П.И. Каменский, В.В. Горский, И.И. Захаров, К. Павлинов, Г.М. Розов, Е.И Сычевский, Н.И. Нечаев и др. Проведённые ими исследования и переводы китайских законов до настоящего времени не опубликованы.[1]

Исследования права Китая в среде русской эмиграции

В период великих потрясений 1917-1918 гг. многие известные российские ученые были вынуждены покинуть Родину и жить в эмиграции. Часть из них поселилась в Шанхае, Харбине, Пекине. Находясь в чрезвычайно тяжелых условиях, они все же продолжали заниматься

[1] *Даньшин А.В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // Lex Russia. – 2016. – № 8. – С. 160-163.

наукой, внося неоценимый вклад в дело исследования права Китая.

Отметим, что комплексное исследование положения русских эмигрантов ученых-юристов, поселившихся в Харбине, провел д.ю.н., проф. Стародубцев Григорий Серафимович. Учёный пишет о том, что большинство преподавателей юридических дисциплин Приморья встретили советскую власть враждебно, некоторые из них навсегда покинули Родину: Г.К. Гинс, М.П. Головочёв, Н.И. Миролюбов, В.А. Рязановский и др. После эмиграции в Китай в Харбине их усилиями был открыт юридический факультет. «Профессорская и преподавательская корпорация превышала 50 человек, а число студентов доходило до тысячи. Юридический факультет дал жизнь Маньчжурскому юридическому факультету и Восточным курсам».[1]

Российский исследователь Павел Николаевич Дудин пишет, что «…российская высшая школа имеет положительный опыт изучения китайского государства и права, осуществляющийся силами русских юристов – преподавателей Юридического факультета г. Харбина (1920 -1937 гг.), которые эмигрировали в Китай после революционных событий и гражданской войны в России…».[2]

Одновременно с преподаванием классических юридических дисциплин, российские учёные активно изучали право Китая, оставив нам богатое научное наследие. Профессорско-преподавательским составом факультета за недолгие годы его существования были изданы фундаментальные труды по праву Китая:

Миролюбов Никандр Иванович (1870-1927). Декан юридического факультета с 1920 по 1924 гг. При нём летом 1922 года Высшие экономико-юридические курсы были переименованы в Юридический факультет. До эмиграции в Харбин был известным юристом, прокурором в Царской России, в 1885 г. окончив юридический факультет Казанского университета. После расстрела царской семьи был надзирающим прокурором комиссии следователя Н.А. Соколова по расследованию убийства императора Николая II.

Сфера научных интересов Н.И. Миролюбова – уголовное право. В Харбине им были написаны несколько статей по уголовному праву Китая, среди них отметим: «Новое уголовное уложение Китайской республики. Общая характеристика» (Известия Юридического факульте-

---

[1] *Стародубцев Г.* Русское юридическое образование в Харбине (1919-1937) // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 141.

[2] Избранные труды Юридического факультета в Харбине. – М.: РКЮО, 2017. – С. 9.

та / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. I. С. 75-87); «Китайский кодекс полицейских правонарушений (Общая характеристика)» (Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1926. Т. III. С.161 – 168);

Энгельфельдъ Владимир Викторович (1981-1937). В 1921-1923 гг. был профессором Пекинского института русского языка и юридических наук, совмещая в 1921-1922 гг. должность советника Министерства юстиции в Пекине. Затем с 1923 по 1937 гг. работал в Харбине. Его перу принадлежит свыше десятка интереснейших работ по праву Китая. К основным из них отнесем: фундаментальный труд «Очерки государственного права Китая» (1925, 1926. Т. I, II); «Очерки китайского административного права», Вып. I, 1928 г. (включает «опыт исследования китайского полицейского права») и Вып. II, 1929 г. (включает государственное устройство, законодательство о труде, образование, горное законодательство и Закон «О китайском подданстве»);

Рязановский Валентин Александрович (1884-1968). В 1918-1922 гг. – профессор в университетах Томска, Иркутска, Владивостока. В 1920-1921 гг. – декан гуманитарного факультета Иркутского государственного университета. В 1922 г. эмигрировал в Китай. В 1922-1934 гг. – профессор гражданского права на юридическом факультете в Харбине и в Тяньцзине. Декан харбинского юридического факультета (1924-1929). Основные работы: «Современное гражданское право Китая» (Харбин, 1926, 1927. Вып. 1, 2); «Основные начала земельного, горного и лесного права Китая» (Харбин, 1928); «Китайская республика. Законы, постановления» // Гражданский кодекс Китайской республики / Под ред. В.А. Рязановского. Харбин, 1934. Кн. 4;

Гинс Георгий Константинович (1887-1971). В 1920-1937 гг. – экстраординарный профессор по кафедре римского права и торгового права юридического факультета в Харбине, читал курсы лекций по римскому праву, торговому праву, гражданскому праву, общей теории права. В 1926-1928 гг. – заместитель декана юридического факультета, был бессменным редактором «Известий» факультета, выпустив 12 томов этого издания. Под его руководством на факультете издавался журнал «Вестник китайского права». Основные работы: «Очерки торгового права Китая» (Вып. 1. Торговое товарищество. Харбин, 1930); «Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го» (Харбин, 1938).

Правом Китая занимались и другие профессоры юридического факультета.[1] Например, **Камков Александр Александрович (1868–?)**, перу которого принадлежит работа: «Институт «Соучастия» в Китайском Уголовном праве (Из лекций по уголовному праву Китая) // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1928. Т. V. С. 259-290. В 1932 г. в Москве увидела свет его работа «Очерки современного уголовного права Китайской Республики».

Гильчер Михаил Эммануилович (1874–?) работал преподавателем юридического факультета в Харбине с 1920 г. по 1930 г. Преподавал китайское гражданское право и китайский гражданский процесс, вёл занятия по римскому праву. Опубликовал работы: «К вопросу о применении советских законов в китайских судах» // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8-10; «Очерки китайского акционерного права» // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Т. I.

Авенариус Георгий Георгиевич (1876-1948). Автор нескольких статей по судебным и экономическим системам Китая: «Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существовании государственной власти». Харбин; «Суды и процессуальные нормы в Китае». Харбин. Однако наибольшую известность ему принесла работа, посвященная Японии: «Экономическая жизнь империи и народа Ниппон: Пособие для студентов по курсу экономики Востока». Харбин, 1938.

Отдельно отметим многочисленные переводы китайских законов дипломата-востоковеда **Успенского Константина Викторовича (1881-1940)**. Так, в 1921 г. в Харбине им был опубликован «Полный свод торговых законов Китайской Республики» (Изд. Комитета объединенных делегаций русских общественных организаций в Китае); в том же году: «Новое уголовное уложение Китайской республики» (перевод с китайского С.И. Поликарпова, К.В. Успенского) (Тип. Кит. Вост. жел. дор.); в 1922 г. – «Устав гражданского судопроизводства Китайской Республики» (перевод с китайского) (Тип. Кит. Вост. жел. дор.); в 1927 г. – «Проект Гражданского уложения Китайской Республики: Положения общие» (перевод с китайского. Кн. 1) (Тип. “Поли-

[1] *Гинс Г.К.* Список профессоров, преподавателей и лекторов Юридического Факультета и их печатные труды за время существования Факультета (1 марта 1920 г. – 1 июля 1931 г.) // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. – Харбин, 1931. Т. 9. С. 342.

граф”). А также уникальный «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го (Харбин, 1936-1940) (перевод К.В. Успенского и М. Огуси, под ред. Е.С. Павликовского, Г.К. Гинса, М. Шапиро).

Кроме харбинского юридического факультета, китайское право исследовали русские учёные-эмигранты, проживающие в других городах Китая. Так, перу отечественного цивилиста Пергамента Михаила Яковлевича (1866-1932), оставшемуся в Пекине, принадлежат работы: «Из вопросов о подсудности в Китае» // Вестник Маньчжурии. 1925. № 3-4; «Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае» // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8-10; «Об юридической природе так называемого Дипломатического Квартала в Пекине» // Вестник Маньчжурии. 1926. № 6 и «К юридической природе так называемого Дипломатического Квартала в Пекине» // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7.

Отметим важность трудов указанных выше русских профессоров-эмигрантов для современной отечественной юридической науки и синологии. В них раскрывается загадочный мир китайского права, даются ответы на многие глубинные вопросы правовой культуры и правосознания простого китайца. Нам, современникам, ещё предстоит изучать, анализировать их работы. Мы можем по праву гордиться тем, что российские ученые в трагический для Отечества период продолжали приносить на алтарь науки свои уникальные знания и опыт.

В 2017 г. благодаря усилиям Русско-Китайского Юридического Общества вышел уникальный Сборник трудов русских ученых-эмигрантов, преподавателей Харбинского Юридического Факультета, посвященный праву Китая.

Советские исследования права Китая

Несмотря на чрезвычайно сложные условия в начальный период становления советской власти, отечественная китаистика продолжала, хотя и слабо, но развиваться. К сожалению, в рамках юридического направления работ, посвященных праву Китая, практически не появлялось. Это объяснимо: большая часть исследователей-правоведов эмигрировала, а оставшиеся в России – подвергались репрессиям и уничтожению.

Комплексные исследования права Китая в советском государстве стали осуществляться сразу после образований 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и до 1960 г. Советский Союз всячески поддерживал новые коммунистические власти. Кроме оказания

помощи в строительстве фабрик и заводов, в Китай были командированы сотни специалистов, среди которых были и видные советские учёные-юристы. Некоторые из них, после возвращения в Россию, публиковали работы по праву и государству КНР. Параллельно с этим в советской юридической и исторической науке стали появляться фундаментальные монографии по различным отраслям китайского права, переводы и аналитика принимаемого в КНР законодательства. Именно в рассматриваемый исторический период юридическое направление российского китаеведения стало облекаться в целостную научную форму.

Приведём фамилии советских ученых того периода и перечень основных работ, вышедших в СССР в период с 1950 по 1960 гг.:

1. **Пентковский Вячеслав Иванович (1886-1968)**: «Условия труда рабочих и вопросы трудового законодательства в Китае в период господства гоминьдановской реакции (1927–1949 гг.)» (1954 г.). В эмиграции принял китайское гражданство. В 1936 г. открыл юридическую фирму в Шанхае. В 1946 г. вернулся на Родину;

2. **Гельфер Мирон Абрамович (1909-1989**): «Уголовное законодательство Китайской Народной Республики» (Учебное пособие для студентов ВЮЗИ) (1955 г.). С 1949 г. и до конца жизни работал на кафедре уголовного права Всесоюзного юридического заочного института;

3. **Воеводин Леонид Дмитриевич (1922-1998)**: «Государственный строй Китайской Народной Республики» (1956 г.). Выпускник и профессор Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1950 по 1952 гг. работал в Китае в качестве советника по правовым вопросам;

4. **Лунев Александр Ефремович (1910-1984)**: «Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики» (1956 г.). Указанная монография была основой докторской диссертации учёного, защищенной в том же году. В 1950-х гг. работал советником политико-юридического комитета правительства КНР;

5. **Судариков Николай Георгиевич (1913-2000)**: «Государственный строй Китайской Народной Республики» (1956 г.). С 1956 по 1962 гг. работал в должности советник-посланник посольства СССР в Китае. Впоследствии чрезвычайного и полномочного посла СССР в разных странах мира, с 1983 г. на научно-преподавательской работе в

Дипломатической академии МИД СССР;

6. **Игнатенко Геннадий Владимирович (1927-2012)**: «Система представительных органов Китайской Народной Республики» (1959 г.). В 1956 г. под руководством Л.Д. Воеводина защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Система представительных органов Китайской Народной Республики». Долгое время работал на кафедре международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (ранее: Свердловский юридический институт);

7. **Котов Константин Флегонтович (1922-1982)**: «Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике: на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области» (1959 г.). В 1962 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Сущность местной национальной автономии в Китайской Народной Республике: Основные проблемы и практика национального строительства в КНР на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области, 1949-1957 гг.». В течение 1952-1953 гг. работал преподавателем-советником Пекинского народного университета;

8. **Чугунов Владимир Евгеньевич (1923-1973)**: «Уголовный процесс Китайской Народной Республики» (1960 г.). Докторская диссертация (единственная до настоящего времени комплексная работа в российской науке по уголовному процессу Китая). С 1968 г. и до конца жизни возглавлял созданные им кафедру советского уголовного процесса и лабораторию конкретных социологических исследований Высшей школы МООП СССР, затем МВД СССР;

9. **Черниловский Зиновий Михайлович (1914-1995)**: «Государственный строй Китайской Народной Республики» (1951 г.). Долгие годы заведовал кафедрой истории государства и права ВЮЗИ–МЮИ–МГЮА, его портрет размещён на входе в МГЮА.

Добавим, что в 1959 г. была также опубликована монография «**Государственный строй Китайской Народной Республики**» советскими учёными **Р.М. Кондратьевым** и **Л.А. Грачевым** (М.: Госюриздат).

Кроме монографических исследований, советская наука осуществляла перевод принимаемых в КНР нормативных правовых актов на русский язык. В этой чрезвычайно трудной работе участвовали многие выдающиеся учёные, такие как: Л.С. Гингольд, Г.А. Богданов, С.А. Воеводин, В.Г. Гельбрас, Л.М. Гудошников, Е.А. Гурьева, А.В. Котов, Л.И. Новак, Г.С. Остроумов, Д.М. Поспелов, А.И. Чехутов и др.:

1. **Законодательные акты Китайской Народной Республики / Перевод с китайского**; **под ред. Е.Ф. Ковалева** (1952 г.) (первая крупная работа по переводу законодательных актов КНР в СССР. Е.Ф. Ковалев автор монографии: «Аренда и арендные отношения в Китае. Очерк». М.: Госполитиздат, 1947);

2. **Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / Перевод с китайского**; **под ред. Н.Г. Сударикова** (1956 г.) (над переводом работала группа советских ученых, некоторые из которых были в Китае);

3. **Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954-1958) / Перевод с китайского**; **под ред. А.Г. Крымова**, **М.А. Шафира** (1959 г.) (Шафир Марк Аркадьевич (1917-1997), д.ю.н., в последние годы жизни работал в ИГП РАН; Крымов Афанасий Гаврилович (1905-1988) (настоящие имя и фамилия – Го Шаотан). Автор крупной работы: «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае». М., 1972.);

4. **Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики (Сборник документов)** (1959 г.) (перевод выполнен сотрудником Всесоюзного института юридических наук Гавриловым Эдуард Петровичем (1933 г.р.). В 1959 г. им совместно с С.В. Боботовым и А.И. Лукьяновым была опубликована статья «Обобщение масс в законодательной деятельности в Китайской Народной Республике» (Советское государство и право. № 5. С. 96-107)).

Интерес к праву КНР в рассматриваемый период был значителен. Однако никто из вышеперечисленных учёных не стал продолжать его изучать, переквалифицировавшись на другие направления исследований. Прежде всего, это было связано с резким ухудшением советско-китайских отношений в конце 60-х гг. XX в., их разрывом и серьёзными политическими разногласиями между руководством двух стран. Необходимость в глубоком изучении Китая, по мнению тогдашних советских властей, потеряла актуальность.

Именно в этот сложный период развития отечественной китаистики его юридическое направление обретает «второе дыхание» благодаря усилиям **Гудошникова Леонида Моисеевича (6 декабря 1927 г. – 18 августа 2014 г.)**, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, главного научного сотрудника Института Дальнего Востока Российской академии наук (с

2022 г. – Институт Китая и современной Азии РАН).

Л.М. Гудошникова следует признать основателем отдельного направления исследований в российской синологии – права КНР (включая право Китайской Республики на Тайване, право Макао и Гонконга). За годы своей работы Л.М. Гудошников подготовил несколько поколений исследователей права Китая. Под его руководством и консультированием в российском китаеведении и юридической науке появилась плеяда выдающихся учёных-юристов, внесших неоценимый вклад в изучение китайского законодательства. Ниже в зависимости от отрасли права приведём полный их список:

1. **Куманин Евгений Васильевич (1952-2017)**. Отрасль права: *Теория государства и права*. Монография: «Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики» (М., 1990). Выпускник юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1974). Долгое время работал в Институте государства и права РАН в секторе общей теории и социологии права. В 1991 г. в ИГП РАН защитил докторскую диссертацию по теме монографии;

2. **Егоров Ким Алексеевич (1949-2020)**. Отрасль права: *государственное* (*конституционное*) *право*. Несколько монографий: «Государственный аппарат КНР. 1967-1981» (М., 1982); «Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы)» (М., 1993); «Представительная система Китая: история и современность» (М., 1998). В 1974 г. под руководством Л.М. Гудошникова в МГИМО защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Государственный механизм военно-бюрократической диктатуры в Китае: Основные государственные институты». В 1992 г. докторскую диссертацию по теме: «Эволюция политической системы Китайской Народной Республики и политическая динамика (1980-е – начало 1990-х гг.)» (МГИМО, специальность 12.00.02);

3. **Имамов Эльбек Зуннунович (1949 г.р.)**. Отрасль права: *уголовное право*. Монография: «Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части» (М., 1990). Долгое время работал в ИДВ РАН под руководством Л.М. Гудошникова В 1992 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Основные тенденции формирования и развития уголовного права Китайской Народной Республики» в ИГП РАН;

4. **Ахметшин Наиль Хасанович (1953-2008)**. Отрасль права: *уголовное право*. Несколько монографий: «Современное уголовное за-

конодательство КНР» (совместно с Х.М. Ахметшин, А.А. Петухов) (М., 2000); «История уголовного права КНР» (М., 2005). Также один из создателей «Китайско-русский юридический словарь: Право. Экономика. Финансы: Более 16000 терминов и словосочетаний» (М., 2005). Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Историк. В 1979 г. там же защитил кандидатскую диссертацию по теме «Военный регионализм в КНР». Затем работал в ИГП РАН, где занимался проблемами уголовного права КНР. Уехал из России в Китай на работу в Бюро переводов ЦК КПК, во время которой собрал уникальные материалы, легшие в основу опубликованных монографий;

5. **Пащенко Евгений Георгиевич (1945-2010)**. Отрасль права: *гражданское право*. Несколько монографий: «Экономическая реформа в КНР и гражданское право» (М., 1997); «Гражданское законодательство КНР / Пер. с кит.; серия: Современное зарубежное и международное частное право. (М., 1997). Окончил МГИМО в 1968 г. В 1994 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Гражданско-правовое регулирование хозяйственных отношений в КНР периода реформы экономической системы». До 1996 г. работал в ИДВ РАН под руководством Л.М. Гудошникова. Затем профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО;

6. Шепенко Роман Алексеевич (1967 г.р.). Отрасль права: *налоговое право*. Несколько монографий: «Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике» (М., 2001); «Налоговое право Гонконга» (М., 2003); затем: 2007, 2012; «Налоговое право Китая: источники и субъекты» (М., 2004); «Налоговое право Китая: взимание и ответственность» (М., 2005). В 2005 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Правовое регулирование налоговой системы Китайской Народной Республики». В настоящее время профессор кафедры административного и финансового права МГИМО.

Неоценимый вклад в дело изучения традиционного (древнего) права Китая был сделан выдающимися учёными **Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) (Санкт-Петербург)**. В стенах этого авторитетного научного учреждения создавались фундаментальные работы по праву Китая. Основоположником этого направления следует признать д.и.н., профессора, специалиста в области тангутоведения и средневековой истории Китая **Кычанова Евгения Ивановича** (1932-2013).

Именно исследование тунгутского законодательства сподвигло Е.И. Кычанова к изучению права средневекового Китая. Результатом этого стал выход его фундаментальной монографии «**Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)**» (М., 1986). В работе раскрываются фундаментальные основы традиционного китайского права, проводится их анализ в историческом и сравнительно-правовом ключе.

Дело изучения традиционного права Китая достойно продолжил его ученик, д.и.н. **Рыбаков Вячеслав Михайлович (1954 г.р.)**, автор первого в мире полного перевода с древнекитайского языка на западный (русский) свода законов династии Тан. В.М. Рыбаковым опубликовано около десяти фундаментальных монографий по танскому законодательству: «Уголовные установления Тан с разъяснениями и комментариями» в 4-х томах (перевод, введение и комментарий В. М. Рыбакова. 1999, 2002, 2005, 2008); «Танская бюрократия. Часть I. Генезис и структура» (2009); «Танская бюрократия. Часть II. Правовое саморегулирование». Т. 1 (2013 г.); Т. 2 (2015 г.); Т. 3 (2018).

Кроме ИВР РАН, в 1985 году в Ленинградском государственном университете **Даньшиным Александром Владимировичем** была защищена кандидатская диссертация по юриспруденции: «Государство и право киданей» (хотя и косвенно, но также имеет отношение к старому праву Китая). По словам учёного, именно знакомство с Е.И. Кычановым и предопределило направления его дальнейших научных исследований.

Весомый вклад в изучение традиционного права Китая сделан и сотрудниками Института Востоковедения РАН (г. Москва). Так, известным российским учёным, к.и.н. **Свистуновой Наталией Павловной (1930-2022)** опубликован фундаментальный труд: «Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли)» в 4 частях (последняя часть опубликована в 2019 г.; в общей сложности труд писался в течение 50 лет).

Большую роль в деле изучения фундаментальных основ китайских правовой культуры, сыграл выдающийся российский учёный, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН **Переломов Леонард Сергеевич (1928-2018)**. В рамках рассматриваемой проблематики отметим его основные труды: «Книга правителя области Шан». М.: Наука, 1968; «Конфуцианство и легизм в политической истории

Китая». М.: Наука, 1981; Конфуций: «Лунь юй». М.: Восточная литература, 1998.

Завершая настоящее краткое исследование, отметим, что оставленное нам предыдущими поколениями российских учёных наследие в области исследования китайского права богато и уникально, оно требует своего детального изучения. Отечественные юридическая и синологическая науки могут гордиться достигнутыми в рассматриваемой сфере выдающимися результатами, ценность которых нынешним поколением пока все ещё недооценена.

Надеемся, что приведенная выше информация послужит делу прославления памяти выдающихся российских учёных, потрудившихся на ниве изучения права Китая. Призываем современных исследователей чаще обращаться к их работам, восстанавливая прерванную связь поколений.

Источники и использованная литература:

1. Архив российской китаистики / Ин-т востоковедения РАН; сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. – М.: Наука – Восточная литература, 2013. – Т. 1. – 583 с.
2. *Гинс Г.К.* Список профессоров, преподавателей и лекторов Юридического Факультета и их печатные труды за время существования Факультета (1 марта 1920 г. – 1 июля 1931 г.) // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. – Харбин, 1931. – Т. 9. – С. 337-361.
3. *Даньшин А.В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // Lex Russia. – 2016. – № 8. – С. 160-163.
4. *Даньшин А.В.* История права традиционного Китая в рукописном наследии М.Д. Храповицкого // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83. – Ч. 2. – С. 17-20.
5. *Даньшин А.В.* Неизвестная страница русского китаеведения: М.Д. Храповицкий и его рукописное наследие // Россия и АТР. – 2014. – № 3. – С. 84-90.
6. Избранные труды Юридического факультета в Харбине. – М.: РКЮО, 2017. – 532 с.
7. *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1986. – 264 с.
8. *Стародубцев Г.* Русское юридическое образование в Харбине (1919-1937) // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 140-151.

Troshchinskiy P.V.

China law in Russian science

The presented article is devoted to the review of studies of the law of ancient and modern China in the Russian legal and synological sciences (before the beginning of this century). Contained the names and major works of outstanding scientists who have studied Chinese law at different historical periods. The study of Chinese law in Russia has deep historical roots. It was carried out in parallel with the emergence of Russian sinology. The popularization of the works of the previous generation of Russian scientists, who studied Chinese law, is the main goal of this monograph. The value of the scientific works left to us is extremely high and we can rightfully be proud of the results achieved by our great predecessors. On this theoretical basis, modern researchers need to conduct a practical analysis of the current legislation of the People's Republic of China.

Keywords: China; Chinese law; traditional law; modern law; Russian spiritual mission; legislation; legal system.

Troshchinskiy Pavel Vladimirovich – Candidate of Juridical Science, Leading Researcher for Political Studies and Forecasting, Institute of China and Contemporary Asia of Russian Academy of Sciences (ICSA RAS) (*Russia*, Moscow, Nakhimovsky prospekt, 32).

E-mail: trosch@mail.ru

УДК 130.15, 130.156, 94(510)

Рыбаков В.М.

СИСТЕМА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ДИНАСТИИ ТАН В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ[1]

В статье анализируется система источников права раннесредневекового Китая: законы *люй*, статуты *лин*, нормативные установления *гэ*, внутриведомственные установления *ши*. Характеризуются особенности правового регулирования периода династии Тан.

Ключевые слова: система источников права; нормативно-правовые акты; законы; подзаконные акты; указы; административные акты; ведомственные акты; *люй*; *лин*; *гэ*; *ши*; «Тан люй шу и».

Общие замечания

Писаное право в Китае возникло в специфических условиях, и это обусловило его собственную специфику. Первые попытки введения рационально сконструированных законов относятся к периоду затяжного кризиса, периоду политической борьбы в княжествах и между княжествами, на которые распалось древнее китайское государство Чжоу. Борьба идеологий и политических практик, одной из составляющих которой явилась борьба за введение и применение искусственно создаваемых законов, наложила свой отпечаток и на концептуальные основы права, и на круг задач, решение которых было за правом закреплено, – и наложила навсегда.

В отличие от многих древних обществ, законы в Китае никогда не мыслились как нечто священное и непререкаемое, как благой дар богов, как идейная сверхценность. Напротив, господствующая теория поначалу относила их к продукту творчества некитайских, «варварских» народов, не ведающих морали и стыда, а потому вынужденных, чтобы хоть как-то наладить общежитие, прибегать к постоянному насилию посредством законодательно налагаемых запретов. Д. Бодде и К. Моррис в своей монографии отмечают, что, по всей видимости, подобная концепция возникла в V–VI вв. до н.э., когда идея введения

Рыбаков Вячеслав Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Дальнего Востока, Институт восточных рукописей РАН (*Россия*, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

[1] Основано на материалах: *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – С. 35-77.

законодательства вызывала почти всеобщее неприятие и резко порицалась традиционалистами[1], каковых в ту пору было, разумеется, большинство. Впоследствии, когда идея писаного закона постепенно доказала свою практическую ценность для государства, отношение к этой идее вынужденным образом несколько изменилось: законотворчество было приписано древним мудрецам, которые стремились скомпенсировать законами, то есть, в первую очередь, запретами и точно установленными наказаниями за их нарушение, неудержимо и постоянно происходящую порчу нравов. Следовательно, первая и главная задача законов изначально была сведена к непрерывной, не затихающей борьбе со своекорыстием и прочими индивидуальными мотивациями, затрудняющими использование государством наличного человеческого ресурса. Было постулировано, что если изменяется ситуация в стране, обязательно надлежит менять и законы с тем, чтобы они наилучшим образом могли обеспечивать порядок и пользу государства.[2]

На первых порах право попыталось выступить против всех связей между людьми, кроме связи «правитель–подданный», поскольку они лишь мешали подданному быть эффективным, не стесненным никакими посторонними обязанностями исполнителем высшей воли. Однако в результате длительного процесса конфуцианизации право, напротив, горой встало на защиту основных иерархических и субординативных связей традиционного общества, а следовательно – и традиционной этики, согласно нормам которой эти связи функционировали. В первую очередь это, конечно, тоже была связь «правитель–подданный», но вполне осмысленной и последовательной стандартизирующей защите были подвергнуты и такие межчеловеческие связи, как «знатный–незнатный», «учитель–ученик», а главное, разумеется, «старший родственник–младший родственник». Социальная лояльность стала мыслиться как расширенное проявление сыновней почтительности, а наилучшим средством воспитания первого было признано воспитание второго. В классическом конфуцианском трактате «Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности») едва ли не с самого начала заявлено:

...Сыновняя почтительность начинается со служения родным [в

---

[1] *Bodde D.*, *Morris C.* Law in Imperial China. – Cambridge: Harvard University Press, 1967. – 440 p.

[2] См., например: Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит. вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. – Москва: Наука, 1968. – С. 175-178.

детстве], [продолжается в] служении правителю в зрелые годы...[1]

Уже при Ханьской династии (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) право мало-помалу оказалось введено в культурный контекст, который оно поначалу самоуверенно попыталось подмять и целиком заменить собой. Основой благоденствия стали считаться предписывающие нормы традиционной морали, возведенной конфуцианством едва ли не в абсолют, а сконструированные правителем и его ближайшим окружением законы с их запретами и наказаниями, предусмотренными за их нарушение, равно как с их подверженностью изменениям, отвечающим изменению условий жизни, стали рассматриваться как силовая подпорка, компенсатор морали там, где она оказалась неэффективной, спасовала или не справилась.

Как нельзя лучше для теоретического обоснования подобного подхода пригодились и основополагающие концепции даосизма с его вечной борьбой вечно единых стихий Инь и Ян – женского и мужского, темного и светлого, пассивного и активного, откликающегося и воздействующего начал. Мораль и право стали рассматриваться как Ян и Инь, взаимодействие светлого и темного, животворящего и наказующего.

Исходным смыслом писаного права виделась гармонизация отношений не столько между людьми, сколько между государственной властью и подданными. А уж это обусловило все остальные особенности традиционного китайского права. Оно изначально было одной из методик управления, методик обуздания правителем населения, направления его к надлежащей активности и удержания от активности ненадлежащей.

Самой важной частью этого населения были для высшей государственной власти, конечно же, государственные служащие. Львиная доля всех законов посвящена была в традиционном Китае именно им – их деятельности, их моральному облику, их проступкам и преступлениям. Посредством писаного права бюрократия в лице своей верхушки оптимизировала всю свою целокупность.

Двухкомпонентное деление китайских законов на так называемые *люй* 律 и *лин* 令 тоже возникло ещё при Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), то есть задолго до Тан (618-907 гг. н.э.). Поначалу счита-

[1] Цит. по: *Кучера С.Р.* История, культура и право Древнего Китая: Собрание трудов. – М.: Наталис, 2012. – С. 199.

лось, что *люй* – это основа, наиболее стабильные и неизменные нормы, которые унаследованы от прошлого, а *лин* – это оперативные законодательные новации, вводимые в действие текущими императорскими указами. Как отмечает Е.И. Кычанов, при Хань между законами этих групп ещё не было чёткого функционального различия и вторые, являясь сборниками императорских указов, наравне с *люй* могли содержать вновь вводимые нормы уголовного права, то есть нормы, предусматривавшие за те или иные действия те или иные наказания; однако постепенно в процессе разделения функций сложилось положение, согласно которому уголовные законы сосредоточились в нормах *люй*, в то время как нормы *лин* стали законами общеадминистративными.[1] В *люй*, косвенно принявших форму запретов, говорилось о том, как надлежит наказывать тех, кто совершил что-либо наказуемое, то есть о том, как поступать нельзя. В *лин* указывалось, в соответствии с какими нормами и каким регламентом следует жить, то есть как поступать можно и нужно.

Однако в танское время именно в разъяснениях к *люй*, которые обычно именуют уголовными законами, было зафиксировано немало предписывающих норм, без предварительного изложения и объяснения которых зачастую оказывалось невозможно объяснить, в чем состоит то или иное их нарушение. И вдобавок, что не менее существенно, именно в разъяснениях к *люй* зачастую содержатся общетеоретические разъяснения, почему тот или иной поступок является проступком, почему данный проступок рассматривается тяжелее иных, сходных, и почему наказывается так, а не иначе. В *линах* ничего подобного не было. Этот культурологический слой, возможно, является самым интересным в танских *люй*. Значит, понимание законов *люй* как чисто уголовных не исчерпывает всего их содержания, хотя иначе их тоже, пожалуй, никак не назовешь.

Ко времени формирования права собственно танского периода бинарная модель *люй–лин* была дополнена двумя другими видами нормативно-правовых актов: *гэ* 格 и *ши* 式. Каждый из этих видов предписаний имел свою специфическую функцию.

Дословный перевод этих четырех иероглифов мало что говорит сам по себе, ибо значения их во многом повторяют друг друга. *Люй* значит «закон, закономерность, законоположение, устав, норма, уло-

[1] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1986. – С. 7.

жение, дисциплина, кодекс, приводить в порядок, регулировать, ограничивать, наказывать по закону»; собственно, даже термин «закон сохранения энергии» по-китайски сформирован с применением этого же термина *люй*.[1] *Лин* значит «приказ, предписание, декрет, директива, наставление, приказывать, предписывать, обязывать, заставлять, давать возможность, побуждать».[2] *Гэ* значит «норма, стандарт, правила, требования, рамки, ограничиваться, быть в рамках, подходить по стандарту».[3] *Ши* значит «образец, стандарт, эталон, форма, норма, этикет, ритуал, образец, пример для подражания, церемониал, регламент, постановление».[4]

Нетрудно заметить, что во всех этих четырёх веерах значений главным общим смыслом является понятие ориентирующего образца, стандартизирующего требования, которое призвано обрубать частное своевольное разнообразие во имя общего скоординированного единения.

В англоязычном востоковедении принято переводить эти термины, соответственно, как *Code* (сборник законов, кодекс, свод законов государства, система правил), *Statutes* (законы, законодательные акты парламента, статуты, устав), *Regulations* (правила, устав, постановления, инструкции) и *Ordinances* (руководства, указы, предписания, приказы, религиозные таинства).[5]

Сами тогдашние китайцы объясняли функциональное своеобразие этих законов так:

> В танское время было четыре типа уложений: *люй*, *лин*, *гэ* и *ши*. *Лины* устанавливали распорядок и соотношение среди старших и младших, знатных и низких, а также государственную структуру. *Гэ* устанавливали постоянную практику, осуществляемую всеми должностными лицами на их постах. *Ши* являлись законами (*фа* 法), которых они (должностные лица – *В.Р.*) неизменно придерживались. Во всех делах государственное управление должно было следовать этим трем [типам законов] (*цы сань чжэ* 此三者). Если же происходили их нарушения или если люди склонялись к злу и доходили до

[1] Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. 2. – С. 899.
[2] Там же. С. 753.
[3] Там же. С. 525.
[4] Там же. Т. 4. С. 202.
[5] См., например: The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. – Princeton: Princeton University Press, 1979. – P. 5.

преступлений, всегда следовало принимать меры на основании *люй*.[1]

Исходя не столько из буквального смысла терминов, сколько из функций обозначаемых ими правовых норм, я в своем переводе уголовного кодекса династии Тан «Тан люй шу и» предложил весьма условно, зато единообразно называть законы *люй*, *лин*, *гэ* и *ши*, соответственно, уголовными, общеобязательными, нормативными и внутриведомственными установлениями. В этих формулировках я нарочито старался избегать употребления термина «закон», поскольку его непосредственный китайский аналог *фа* значительно более многогранен и широк по смыслу (это можно увидеть даже из приведенной выше цитаты). *Фа* – суть законы как таковые, законы как принцип, как альтернатива неписаным нормам морали или вообще организационному хаосу, произволу, основанному на минутных пристрастиях и колебаниях правителя. *Люй*, *лин*, *гэ* и *ши* – это конкретные законодательные установления четырех разных типов, призванные упорядочивать четыре строго определенные сферы государственно-административной и индивидуальной активности.

Уголовные установления *люй*

Составление свода законов

Знаменитое уложение «Тан люй шу и» – «Уголовные установления Тан с разъяснениями», или, в просторечии, танский свод законов, – являлся, как видно уже из самого названия, собранием уголовных (а также и уголовно-процессуальных) установлений танского правительства, то есть тех установлений, что должны были устрашать потенциальных преступников неотвратимостью заблаговременно предусмотренного наказания, тех, посредством которых государственной администрации различных уровней надлежало вразумлять и наказывать преступников, уже состоявшихся. В силу того, что некие действия физически могли быть совершены, но морально не могли быть одобрены, то есть рассматривались как вероятные, но непозволительные, за каждым из них были заранее закреплены наказания той или иной строгости.

Ко времени воцарения великой династии Тан процесс правотворчества насчитывал в Китае уже много веков, и каждая династия вносила в него что-то новое, своё. Но от тех эпох до нашего времени

[1] Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1-20. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975. – С. 1407.

дошло очень мало правовых текстов. От Тан тоже дошло отнюдь не всё, но разница, тем не менее, принципиальна. И это можно считать неслыханной удачей китаистики, потому что именно при Тан долгий период созревания, формирования права, его адаптации к китайским культурным и социально-политическим реалиям наконец вполне завершился. То, что было сделано в этой области при династии Тан, явилось, с одной стороны, результатом долгого и многогранного развития, увенчанием вековых усилий, итогом многочисленных кодификаций, а с другой – основой и образцом для всего последующего развития уголовного права как в Китае вплоть до свержения монархии в 1911 г., так и во всей Юго-Восточной Азии, во всех странах, находившихся в сфере китайского культурного влияния – Японии, государстве тангутов Си Ся, Корее, Вьетнаме.

Начало длительному, многоэтапному процессу создания величайшего правового памятника было положено сразу после прихода к власти основателя танской династии Ли Юаня, императора Гао-цзу (618-627 гг. н.э.). Едва утвердившись в столице, он отменил действие наиболее жестоких законов предшествовавшей Тан династии Суй (581-618). То, что бесчеловечность её последнего правителя и принятых при нём уголовных норм вызывала всеобщее возмущение, стало в Китае притчей во языцех. Был введён временный короткий судебник (всего лишь из двенадцати статей). Смертную казнь Гао-цзу оставил только для преступников, повинных в убийстве человека, грабеже, дезертирстве из его армии и измене[1] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 1а]. Именно в таком порядке наказуемые смертью преступления перечислены в

[1] Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – Т. 72-74. – С. 629; Синь Тан шу, 1975. С. 1408. То, что здесь для краткости названо «изменой», в тексте обоих источников выглядит как *пань ни* 叛逆. Возможно, речь идет о действиях, которые позднее в танском кодексе были отнесены ко второму и третьему из Десяти зол (*ши э* 十惡) – то есть Великой строптивости (*дани* 大逆), состоявшей в преднамеренном разрушении императорских усыпальниц, храмов предков, дворцов и пр., и Измене (*пань* 叛). Состав Измены в танском кодексе описывается так: «Есть люди, которые замышляют отвернуться от правящего дома, или намереваются предаться стране дальних варваров или сдать город и стать соучастниками самозванцев, или хотят бежать со [своей] земли...» [Тан люй, ст. 6] (Уголовные установления Тан, 1999. С. 83). Аналогичные преступления и в суйском праве составляли Десять зол; традиция выделять из всего спектра противоправных действий десятку наиболее отвратительных и непрощаемых идёт исстари.

обеих династийных историях, что очень показательно: преступления против личности поставлены на приоритетное место по отношению к преступлениям антигосударственным.

Этой реформы было явно недостаточно, и в первый же год правления Гао-цзу повелел Лю Вэнь-цзину, одному из наиболее высокопоставленных своих сподвижников, подобрать себе помощников и составить проект полноценного уголовного уложения, имея образцом свод законов, принятый при Суй в годы правления *Кай-хуан* (589-600), то есть в первые, относительно спокойные годы династии. При само́й Суй свод законов годов правления *Кай-хуан* был в 607 г. заменён сводом законов годов правления *Да-е* (605-617), от суровых предписаний которого Гао-цзу и поспешил избавиться сразу после прихода к власти.

Есть, правда, основания полагать, что этот кочующий из работы в работу и потому ставший как бы неоспоримым факт является лишь поздней идеологемой. Э. Балаш приводит данные, согласно которым уголовный свод законов, принятый при Ян-ди – свод законов годов *Да-е* – был на самом деле по многим показателям мягче, нежели предшествовавший ему свод законов годов *Кай-хуан*.[1] Действительно, как указывается в разделе «Описание законов о наказаниях» суйской династийной истории, в своде законов годов *Да-е* по сравнению со сводом законов годов *Кай-хуан* были облегчены наказания более чем по 200 статьям (а сам свод законов включал их всего 500). Кроме того, нормы, связанные с проведением следствия – заключение в колодки, битьё при допросе и пр. – были смягчены, так что народ, утомлённый суровостью предшествовавшего законодательства, радовался послаблениям[2] [Суй шу, цз. 25, с. 14а]. Но постфактум при свергнутом «тиране» не должно было обнаруживаться ничего хорошего, не то, не ровён час, могли возникнуть лишние вопросы насчёт правомерности его свержения. «Старая история Тан» описывает дело так:

> Суйский Вэнь-ди постарался прибегнуть к старым порядкам Чжоу и Ци (479-502), чтобы определить установления *люй* и *лин*, отменил жестокие законы и трудился для распространения умиротворения. ...Ян-ди был злобен и жесток, его законы и приказы были бес-

---

[1] *Balazs E.* Le Traité juridique du Souei-chou (Études sur la société et l'économie de la Chine médieval. Vol. 1-2). – Leiden: E.J. Brill., 1954. – Vol. 2. – P. 89-92.

[2] Суй шу 随書 (История Суй) // Сы бу бэй яо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館 , 1936. – Т. 68. – С. 1137.

человечны, так что жизнь людей стала невыносимой...[1] [Цзю Тан шу, цз. 25, с. 1а].

Именно при Вэнь-ди был принят свод законов годов правления *Кай-хуан*, а при Ян-ди – свод законов годов *Да-е*.

Законотворческая работа на основе законов периода *Кай-хуан* была проведена, но модифицированными по сравнению с образцом оказались лишь 53 статьи. Например, все три вида ссылки (наказание ссылкой подразделялось на три степени в зависимости от дальности высылки) были утяжелены добавлением 1000 *ли* (ок. 500 *км*) к первоначально полагавшимся расстояниям. Зато входившие в каждую из разновидностей принудительные работы по месту ссылки были резко облегчены: вместо 3 и 2,5 лет работ ко всем ссылкам присовокуплялся отныне только 1 год.[2] Развернутая версия уголовного свода на основе свода законов годов *Кай-хуан* была введена в действие в 624 г., но, по-видимому, за исключением этих 53 модифицированных статей она копировала свод законов годов *Кай-хуан*[3] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 1б].

С воцарением следующего императора Тан, великого Тай-цзуна (627-650), работа по созданию нового свода законов была продолжена. По-видимому, она ориентировалась на максимально возможное в рамках тогдашних воззрений смягчение наказаний и приведение правовых предписаний в соответствие с реальной практикой управления и быта. В 637 г. известный учёный Фан Сюань-лин возглавил комиссию по очередному пересмотру, завершившемуся уменьшением наказаний за 92 преступления, за которые ранее следовало наказание смертью (за них стали наказывать ссылкой), и за 71 преступление, за которые прежде наказывали ссылкой (теперь стали наказывать каторгой).[4]

Проводились и иные модификации. Например, наказание за 50

---

[1] Цзю Тан шу, 1936. С. 629. Справедливости ради надо отметить, что Ян-ди, по всей видимости, нескончаемыми военными походами и мобилизациями действительно ухитрился создать в стране такую обстановку, что его хороших законов уже никто не соблюдал. Во всяком случае, именно так описываются в «Суй шу» последние годы династии: «...Народ массами уходил в разбойники... Владыка снова ввел жестокие казни... не различая тяжелых и лёгких преступлений, не докладывая трону и не ожидая утверждения [приговоров троном], всех наказывали обезглавливанием» [Суй шу, цз. 25, с. 14а] (Суй шу, 1936. С. 1137).

[2] Синь Тан шу, 1975. С. 1408.

[3] Цзю Тан шу, 1936. С. 629; The T'ang Code, 1979. Vol. 1. P. 39.

[4] Синь Тан шу, 1975. С. 1410.

различных преступлений, за которые прежде полагалась смертная казнь удавлением, уже при самой Тан, в середине годов правления У-дэ (618-626), было смягчено и в качестве послабления за те же преступления была предписана казнь отрезанием правой стопы (*дуань чжи* 斷趾).[1] Теперь, в 6-м году Чжэнь-гуань (627-649), сохранившее членовредительский характер наказание было ещё более смягчено – казнь отрезанием стопы заменили на утяжеленную 3-мя годами работ (вместо обычно полагавшегося при ссылке любой дальности 1 года) ссылку максимальной предусмотренной законом дальности (то есть на 3000 *ли*), так называемую ссылку с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). Похоже, этой радикальной реформе предшествовали бурные споры относительно того, не чрезмерно ли такое милосердие[2] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 2б]. Даже в сам Свод законов его создатели сочли необходимым включить надлежащее идеологическое обоснование:

> Государь печалится о тех, кто подвергается казням. Милосердие его необъятно, любовь его безгранична. Ведь те, кто наказан [отсечением], уже не могут вновь стать целыми...[3] [Тан люй, ст. 11].

На протяжении следующих нескольких лет под руководством близкого родственника императора, одного из влиятельнейших сановников той эпохи Чжансунь У-цзи совершалась дальнейшая работа. Вдобавок к статьям *люй* были написаны пространные разъяснения *шу и*, подробно растолковывавшие и уточнявшие положения статей, а порой и присовокуплявшие к ним идеологические и культурологические обоснования. Очередные пересмотренные варианты Свода законов вводились в 651 и в 653 гг.; вариант 653 г. оказался практически окончательным.[4]

Существующие в наше время версии уложения «Тан люй шу и» восходят к его изданию 737 г., но, по всей видимости, текст этого издания копировал текст 653 г.; во всяком случае, мы не имеем никаких свидетельств о том, что те или иные положения за это время как-то пересматривались.[5] Ни одного варианта, напечатанного собственно в

---

[1] Скорее, лишь пальцев на правой стопе.
[2] Цзю Тан шу, 1936. С. 629; Синь Тан шу, 1975. С. 1409.
[3] Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1-8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 110.
[4] The T'ang Code, 1979. Voil. 1. P. 39.
[5] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. С. 8.

танское время, не сохранилось. Уцелевшие с той эпохи фрагменты в некоторых деталях отличаются от известных нам полных вариантов, но эти отличия несущественны.[1]

Шкала наказаний

Опосредованным отражением в праве другой натурфилософской концепции – учения о пяти первоэлементах явилось, по-видимому, пятичленное конфигурирование шкалы основных наказаний (*у син* 五刑).[2] Пятерки различных, от эпохи к эпохе все менее членовредительских возмездий сменяли одна другую в Китае издавна. Вероятно, в этом постоянстве отражалось устойчивое представление о взаимодополняющем характере карательных санкций, их комплексном единстве; как взаимодействие первоэлементов обеспечивало гармонию и целостность мироздания, так и пятерка наказаний представляла собой не перечень, но процесс, не просто механический набор обособленных самостоятельных карательных санкций, а некую гармоничную и всеохватывающую целостность, полностью перекрывающую пространство возможных криминальных актов.

В свете этого кажется естественным, что законодатели того времени сравнительно редко предписывали конкретно поименованное наказание за определенное преступление, предпочитая говорить об уменьшении или увеличении на определённое количество степеней (*дэн* 等) того наказания, какое было задано применительно к средне-нормально стандартному совершению некоего преступления, являющегося как бы исходным для производной от него группы, куста преступных деяний. Только для отправного преступления определялось точное наказание: столько-то лет каторги или ссылка такой-то дальности и пр. Для ситуационных же модификаций отправного преступления меры воздействия предписывались уже с точным указанием увеличения или уменьшения отправного наказания.

Танское право полностью отказалось от карательного членовредительства. Пять видов танских наказаний – это наказания лёгкими палками, тяжелыми палками, каторгой, ссылкой и смертью; виды, в свою очередь, подразделялись на двадцать разновидностей. Интересно, что в первых трех видах наказаний разновидности также группировались в пятерки и ещё одна пятерка составлялась из разновид-

---

[1] The T'ang Code, 1979. Vol. 1. P. 40.

[2] Что даже звучит очень сходно с другим *у син* 五行 – пять первоэлементов.

ностей двух наиболее суровых наказаний. То же, что разновидностей смертной казни было две, прямо объясняется в тексте свода законов следующим образом:

> Двойное число [наказаний смертью] сообразовано с числом *инь*. *Инь* властвует над наказаниями смертью, и поэтому [при составлении закона] сообразовались с [этой стихией][1] [Тан люй, ст. 5].

Каждой разновидности соответствовало то или иное количество меди, вносимое в качестве откупа от наказания, когда замены реального наказания на откуп требовала ситуационная оценка (если преступник был чиновником или стариком или если преступление не было неопровержимо доказано, и пр.).

Приведём шкалу танских пяти наказаний.

Наказание лёгкими палками (*чи* 笞):

¨ 10 ударов легкими палками. Откуп – 1 *цзинь* меди;
¨ 20 ударов легкими палками. Откуп – 2 *цзиня* меди;
¨ 30 ударов легкими палками. Откуп – 3 *цзиня* меди;
¨ 40 ударов легкими палками. Откуп – 4 *цзиня* меди;
¨ 50 ударов легкими палками. Откуп – 5 *цзиней* меди.

Наказание тяжелыми палками (*чжан* 杖):

¨ 60 ударов тяжелыми палками. Откуп – 6 *цзиней* меди;
¨ 70 ударов тяжелыми палками. Откуп – 7 *цзиней* меди;
¨ 80 ударов тяжелыми палками. Откуп – 8 *цзиней* меди;
¨ 90 ударов тяжелыми палками. Откуп – 9 *цзиней* меди;
¨ 100 ударов тяжелыми палками. Откуп – 10 *цзиней* меди.

Наказание каторгой (*ту* 徒):

¨ 1 год. Откуп – 20 *цзиней* меди;
¨ 1,5 года. Откуп – 30 *цзиней* меди;
¨ 2 года. Откуп – 40 *цзиней* меди;
¨ 2,5 года. Откуп – 50 *цзиней* меди;
¨ 3 года. Откуп – 60 *цзиней* меди.

Наказание ссылкой (*лю* 流):

¨ на 2000 *ли*. Откуп – 80 *цзиней* меди;
¨ на 2500 *ли*. Откуп – 90 *цзиней* меди;
¨ на 3000 *ли*. Откуп – 100 *цзиней* меди.

Наказание смертной казнью (*сы* 死):

¨ удавление (*цзяо* 絞). Откуп – 120 *цзиней* меди;

---

[1]. См. также: Уголовные установления Тан, 1999. С. 79.

обезглавливание (*чжань* 斩). Откуп – 120 *цзиней* меди[1] [Тан люй, ст. ст. 1–5].

Согласно современной терминологии, наказания, сведенные в шкалу пяти видов, можно назвать основными. Именно в рамках данной шкалы выносился первоначальный приговор всем преступникам, вне зависимости от их социального статуса, происхождения и прочих обстоятельств.

В первых трёх видах наказаний разновидности приравнивались к степеням, но при более тяжёлых наказаниях – ссылке и смертной казни – механика усложнялась.

Когда наказание надо было уменьшать, все три разновидности ссылки сводились в одну степень, и то же самое происходило с обеими разновидностями смертной казни. Таким образом, при умень- шении наказаний двадцать разновидностей сводились в семнадцать степеней тяжести. В этом тоже сказывалось танское человеколюбие: при самых суровых наказаниях одно-единственное уменьшение на 1 степень сразу резко уменьшало наказание.

Подобные теоретические требования в Своде законов предпочитали разъяснять на конкретных примерах – видимо, это казалось танским законодателям надёжнее, чем пытаться формулировать сложные закономерности в общем виде.

> Предположим, есть [некто], совершивший преступление, за которое должен быть наказан обезглавливанием. Соучастникам наказание уменьшается на 1 степень. Тогда оно доводится до ссылки на 3000 *ли*. Или же есть [некто], совершивший преступление, наказуе-

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 76-80.
Подробнее о способах исполнения наказаний см.: *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. С. 54-69.

Здесь отметим, что во все три разновидности ссылки в качестве составной части наказания входил один, начальный, год каторжных работ. Затем ссыльные переводились на обычный режим проживания. Танский *цзинь* равнялся приблизительно 586,92 *г* (*Кроль Ю.Л.*, *Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). – М.: ГРВЛ, 1982. – С. 21). *Ли* – около 560 *м* (Там же. С. 227). Получается, чтобы откупиться от 1 года каторги, потребно было без малого 12 *кг* меди (11,738 *г*). А вот чтобы откупиться от смертной казни, когда закон позволял (а вернее – велел, настаивал, потому что выбирать между откупом или реальным применением наказания отнюдь не было делом свободного волеизъявления преступника: полагается по закону удавить – удавят, полагается по закону заменить удавление откупом – изволь откупаться), требовалось 70 с лишним *кг* цветного металла.

мое ссылкой на 3000 *ли*, причём должно [определить конечный приговор с применением] нормы уменьшения наказания на 1 степень. Тогда приговор – 3 года каторги. Поэтому сказано: наказание смертью, [подразделенное] на 2 [разновидности], и наказание ссылкой, [подразделенное] на 3 [разновидности], при уменьшении сводятся в 1 степень каждое[1] [Тан люй, ст. 56].

При увеличении наказаний разновидности совпадали со степенями, но зато перерасти в смертную казнь увеличиваемое по степеням наказание не могло, если только это не было оговорено в тексте конкретной статьи, соответствующей данному преступлению. Автоматическое увеличение наказания более чем до ссылки на 3000 *ли* не допускалось. Более того, даже если в тексте соответствующей статьи содержалось указание на то, что при увеличении по степеням наказание могло достигнуть смерти, этой смертной казнью должно было быть только удавление, но ни в коем случае не обезглавливание. Обезглавливание могло применяться, только если в тексте соответствующей преступлению статьи оно было названо специально.

Значит, при увеличении наказаний двадцать разновидностей сводились в девятнадцать степеней, причем и девятнадцатая была уже не вполне полноценной; в этом также просматривается тенденция к поелику возможному милосердию.

Понятие «разновидности» фиксировало статическое дробление видов наказаний в целях обеспечения наибольшего соответствия наказаний преступлениям. Понятие же «степени» отражало динамику колебаний тяжести конкретных наказаний вокруг их средненормального стандарта, вызываемых ситуационными оценками данного преступления.

Несколько особняком стояли в системе основных наказаний так называемые «пять ссылок» (*у лю* 五流). В систему увеличения или уменьшения наказаний по степеням они не входили и поэтому могли быть применены лишь в тех случаях, когда в соответствующей статье Свода законов какая-либо из них предписывалась специально. Особые ссылки выделялись танским правом не столько вследствие особого характера их отбывания, сколько вследствие особого характера преступлений, наказание за которые этими ссылками определялось.

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 284-285.

Увеличение и уменьшение наказаний

Давняя, ещё в чжоускую эпоху выдвинутая адептами «школы закона»[1] идея равенства всех подданных перед законом понималась тогда главным образом в том смысле, что за одно и то же запрещенное законом действие любой человек должен был получать одно и то же наказание вне зависимости от привходящих обстоятельств, от отношения к преступнику правителя, от конкретной ситуации совершения преступления, от мотиваций преступника, от его прежних заслуг, от родственных связей и отношений с объектом противозаконных действий и пр. Конфуцианизированное право не отказалось от идеи равенства перед законом, но трансформировало её почти до неузнаваемости. Такое равенство стало пониматься не более как то, что любой преступник непременно должен получить возмездие, предусмотренное высочайше введенными и едиными для всей империи уголовными нормами. Но сами эти нормы превратились в сложнейшую, тщательно выверенную систему неравенств. Как может быть отец равен сыну, главная жена – жене неглавной, второстепенной, которую по-западному и именуют-то конкубиной, наложницей; как может быть равен старший – младшему, сановник – пахарю, свободный – рабу? Такое даже представить себе было невозможно. И потому все эти неравенства надлежало этично и однозначно учесть при разработке мер наказаний, предусмотренных за совершение одних и тех же запрещённых действий различными не равными один другому подданными.

Стандарты наказаний задавались, как правило, применительно к лично свободным простолюдинам (если только преступления не были столь специфичны, что могли быть совершены, например, только чиновниками в силу их особых прерогатив и статуса). Для преступников, принадлежащих к привилегированному слою, нормой было, с одной стороны, уменьшение наказания относительно стандарта и широкое применение заменяющих и дополнительных наказаний[2], но с другой – ужесточение наказания, если преступление было связано, например, с использованием в личных целях служебного положения.[3]

---

[1] [法家 кит. *фа-цзя* – школа закона; в европейской традиции члены этой школы именуются *легистами*. – *Прим. ред.*].

[2] См., например: [Тан люй, ст. ст. 17–23] (Уголовные установления Тан, 1999. С. 128-161).

[3] См., например: [Тан люй, ст. 140, 416] (Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9-16 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.:

Для преступников, принадлежавших к слою лично зависимых, нормой было, с одной стороны, ужесточение наказания[1], но с другой – тоже достаточно широкое применение заменяющих наказаний (с тем, например, чтобы оставлять лично зависимого при его хозяине или владеющем им государственном учреждении, а не отправлять его на каторгу или в ссылку).

Отклонялось наказание от стандарта и в случаях, если преступник и жертва принадлежали к разным социальным группам, в особенности, если при этом они были связаны функционально. Преступление, например, простолюдина против чиновника зачастую наказывалось тяжелее, чем то же самое преступление, совершенное простолюдином против простолюдина. То же самое преступление, совершённое простолюдином не просто против чиновника, но против его собственного начальника или начальника административной единицы, в которой данный простолюдин проживал, наказывалось еще тяжелее[2] [Тан люй, ст. 252]. В ситуациях, когда субъект и объект преступления находились в родственных отношениях, роль социальных различий играли различия возрастные (старший родственник был аналогом более знатного человека, младший – менее знатного), а роль субординативной связи «начальник–подчинённый» – вертикальная связь «предок по мужской линии–потомок по мужской линии».

В смысле высокой теории эти ситуационные колебания вполне понятны. Старшие (в семье и в обществе) отвечают за младших, воспитывают их и вольны наказывать их в весьма широких пределах. Преступление старшего против младшего в этом смысле можно понять как всего лишь несколько чрезмерное наказание. Преступление же младшего против старшего является прямым вызовом обществу, бунтом. Чтобы отрицательное воздействие на мировую гармонию такой

Петербургское Востоковедение, 2001. – С. 91; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 26-30 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 57).

[1] См., например: [Тан люй, ст. 414] (Уголовные установления Тан, 2008. С. 53).

[2] Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 17-25 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – С. 23. Ведь в последнем случае преступление не просто являлось вопиюще аморальным, нарушая незыблемые и предельно этичные, являвшиеся отражением и проявлением предельно этичной вселенской гармонии общественные различия, но прямо посягало на функционирование управленческой вертикали, по которой распространялось на подданных благое императорское влияние.

преступной воли и обусловленных ею действий могло быть удовлетворительно скомпенсировано, очевидно, необходимо было очень сильное обратное воздействие.

Зато в тех случаях, когда преступление совершалось совместно членами одной семьи, ответственности подлежали только старшие. Даже если при непосредственном выполнении преступного действия младшие проявили основную активность, они считались не более чем инструментом старших, как бы не вполне дееспособными, и не привлекались к ответственности. Сходное правило действовало и в том случае, если преступление совершалось совместно чиновником и простолюдином. Даже если мысль к преступлению подал простолюдин, и он же являлся активным исполнителем, чиновник все равно рассматривался как главарь, а простолюдин – как соучастник и получал наказание, на одну степень меньшее, чем то, что получал чиновник[1] [Тан люй, ст. 42].

Танское право старалось карать не столько преступное деяние само по себе, сколько преступную волю. Поэтому в нем предусматривалась сложная система частичной или полной недееспособности по возрасту или физическому состоянию.

В танское время существовало три группы инвалидности:

¨ *цаньцзи* 殘疾 – кривые на один глаз, глухие на оба уха, не имеющие двух пальцев на руке или трёх на ноге, имеющие зоб, больные стригущим лишаем или хроническими гнойниками;

¨ *фэйцзи* 廢疾 – слабоумные, глухонемые, горбатые, карлики, лишенные одной конечности;

¨ *дуцзи* 篤疾 – помешанные, слепые на оба глаза, лишённые двух конечностей.[2]

Те, кому на момент совершения преступления было более 70 или менее 15 лет, а также инвалиды *фэйцзи* при совершении преступлений, наказуемых легче, чем смертной казнью или какой-либо из пяти особых ссылок, могли откупиться. Те, кому было более 80 или менее 10 лет, а также инвалиды *дуцзи* при совершении большинства преступлений вообще не подлежали уголовному преследованию и осуж-

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 237.

[2] *Ниида Нобору* 仁井田 陞. Tō pē cō и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). – Токио 東京: Tōkē-дайгаку сюппан-кай 東京大学 出版会, 1964. – С. 228.

дению. От наказаний за преступления, связанные с нанесением человеку физического или материального ущерба, они откупались, а при совершении ими преступлений антигосударственного характера либо просто наказуемых по закону смертью изымались из-под норм регулярного права; о них посылалось прошение на Высочайшее имя с изложением обстоятельств и просьбой в индивидуальном порядке определить дальнейшую судьбу преступника. Те, кому было более 90 или менее 7 лет, хотя бы и совершили преступление, наказуемое смертью, никакому наказанию не подлежали. Если недееспособные лица совершали преступление по чьему-либо наущению, они пользовались всеми полагающимися им по их состоянию преимуществами, в то время как подстрекатель наказывался так, как если бы данное преступление совершил он сам[1] [Тан люй, ст. 30].

Ситуационная оценка проявлялась также в достаточно сложном разделении главарей и соучастников, которые получали различающиеся наказания (в простейших случаях соучастники подлежали наказанию, на одну степень уменьшенному относительно наказания, полагавшегося главарю)[2] [Тан люй, ст. 42], в отсрочке полагавшейся при ведении следствия пытки битьём, равно как в отсрочке полагавшихся по приговору наказаний битьём[3] [Тан люй, ст. 495] либо смертной казнью[4] [Тан люй, ст. 494] беременным женщинам, отсрочке или трансформации наказаний, полагающихся тем, кто имел на своём попечении нуждающихся в уходе престарелых или больных родственников[5] [Тан люй, ст. 26, 27], в том, что, если субъект и объект совершенного на территории Китая преступления принадлежали к одной и той же некитайской народности, внешней по отношению к империи, преступник должен был быть осужден по законам своей страны[6] [Тан люй, ст. 48], и в ряде других правовых норм, приводивших наказание

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 182.

[2] Уголовные установления Тан, 1999. С. 237. В ряде случаев предусматривалось ещё более дробное деление. При коллективно задуманном и осуществленном убийстве, скажем, следовало выделить главаря, сообщников, которые рукоприкладствовали и не рукоприкладствовали, которые прилагали усилия (например: те, кто теснили жертву, но не били и не держали ее) и не прилагали усилий, и т.д. [Тан люй, ст. 256]. – Уголовные установления Тан, 2005. С. 31.

[3] Уголовные установления Тан, 2008. С. 221.

[4] Уголовные установления Тан, 2008. С. 220.

[5] Уголовные установления Тан, 1999. С. 166, 170.

[6] Уголовные установления Тан, 1999. С. 265.

в наибольшее соответствие конкретной личности преступника и конкретным обстоятельствам совершения преступления.

Общеобязательные установления *лин*

Создание танских *линов* происходило параллельно созданию уголовных установлений *люй*, хотя, по понятным причинам, отражению этого процесса уделялось несколько меньше внимания. Работа над *линами* просто упоминается в паре с работой над *люй*. Например: первый император Тан Гао-цзу, вступив на престол:

> …Повелел... проверить и обдумать установления *люй* и установления *лин*.[1]

Или:

> В 4-й год[2] под девизом правления *У-дэ*[3] повелел... продолжить составление установлений *люй* и установлений *лин*.[4]

Одновременно с уже упоминавшимся пересмотром уголовных установлений, выразившимся в замене в 92 статьях смертной казни на ссылку, а в 71 статье ссылки на каторгу, было сформулировано и утверждено 1 546 статей общеобязательных установлений.[5] Позже, в 11-м году под девизом правления *Чжэнь-гуань* (627-649), общеобязательных установлений оказалось уже 1 590 статей, разбитых на 30 глав; в первом месяце указанного года они были обнародованы[6] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 3 б].

К этому времени работа над сводом уголовных установлений достигла завершающей фазы; возможно, нечто подобное произошло и с собранием *линов*. Фундаментальный регламент для всей империи был разработан и утверждён. В нём до тонкостей были расписаны все стороны социального бытия. Текущая, более тонкая и оперативная регулировка жизни управленческого аппарата и управляемого населения совершалась уже при помощи иных установлений – *гэ* и *ши*.

Если танские *люй* сохранились практически полностью, пусть и с какими-то разночтениями, то установления других трех групп, к со-

---

[1] Синь Тан шу, 1975. С. 1408. Бином, который я передал как «проверить и обдумать», в подлиннике выглядит как *суньи* 損益, то есть «подвести итог», «оценить недостатки и достоинства», «выявить, что ко вреду, а что к пользе».
[2] [621 г. – *Прим. ред.*].
[3] 618-626 гг.
[4] Синь Тан шу, 1975. С. 1408.
[5] Там же. С. 1410.
[6] Цзю Тан шу, 1936. С. 630.

жалению, практически полностью были утрачены.

В случае с общеобязательными установлениями *лин*, однако, положение удалось в значительной степени восстановить. Два основных фактора способствовали тому, что *лины* времён Тан нам доступны ныне: во-первых, выдержки из них часто и пространно цитировались в китайских источниках того времени, и во-вторых, танские *лины*, так же как и танские *люй*, послужили образцами для многих сопредельных стран, в частности для Японии, и в Японии сохранились.[1]

Например, в само́м «Тан люй шу и» *лины* процитированы, причём достаточно связно, более полутора сотен раз. На них как на авторитетное предписание относительно того, как надо жить, ссылались творцы уголовных законов, обосновывая закрепление того или иного уголовного наказания за поведением, нарушающим содержащиеся в *линах* предписания, то есть суля кару за то, как жить не надо. И кроме того, на общеобязательные установления зачастую было проще сослаться, характеризуя то или иное официальное поведение или ту или иную официальную структуру, вместо того чтобы заново описывать их своими словами. Здесь и указания на то, что:

> ...Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, на откуп от смертной казни отводится 80 дней, от ссылки – 60 дней, от каторги – 50 дней, от наказания тяжелыми палками – 40 дней, от наказания лёгкими палками – 30 дней[2] [Тан люй, ст. 493].

Или что:

> Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, тем, кто имеет 5-й ранг или выше, при совершении ими [наказуемых смертной казнью преступлений], не входящих в Злостную строптивость и [не являющихся ещё] более тяжёлыми, разрешается покончить с собой дома[3] [Тан люй, ст. 499].

Или, с другой стороны, что:

> ...Согласно общеобязательным установлениям, тем, кто занимает служебные должности 5-го ранга и выше или же имеет наградные должности 3-го ранга и выше, полагается личная охрана и домашняя стража[4] [Тан люй, ст. 6].

---

[1] Хорошее представление о тогдашних японских *линах* – *рё̄* дает на русском языке перевод К.А. Попова (Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – 368 с.; 1989. – Т. 2. – 268 с.).

[2] Уголовные установления Тан, 2008. С. 220.

[3] Уголовные установления Тан, 2008. С. 232.

[4] Уголовные установления Тан, 1999. С. 97.

Или:

> Согласно общеобязательным установлениям, 50 дней работы совершеннолетнего тяглого мужчины могут идти в зачёт налогов и повинностей соответствующего года и полностью избавить от них[1] [Тан люй, ст. 44].

Эти примеры можно множить и множить, и все они, пусть и фрагментарно, относительно хаотически, содержат интереснейшую конкретную информацию о том, как день за днем жила страна на всех ее уровнях, во всех ее проявлениях: и в государственных учреждениях, и на производстве, и в быту.

Чего стоит, например, ссылка на общеобязательное установление, данная в статье, устанавливавшей уголовное наказание за устроение свадьбы в ту пору, когда отец или мать либо дед или бабка по мужской линии находились из-за совершения ими какого-либо преступления в тюрьме.[2] Наказание варьировалось соответственно тому, насколько тяжким было деяние, в котором обвиняли пребывающего под следствием предка. Ведь от тяжести преступления зависела, естественно, тяжесть грозящего предку наказания, а вот уж от нее напрямую зависел уровень скорби, каковую надлежало испытывать в такое время потомку, вместо того чтобы весело стремиться к личному счастью посредством устроения собственной свадьбы.

Одно и то же веселье, поскольку оно могло идти вразрез с надлежащей скорбью различных интенсивностей, могло тем самым демонстрировать различные уровни аморальности. Если тот, кто находился в тюрьме, совершил наказуемое смертью преступление (то есть ему грозила смертная казнь), новобрачный получал 1,5 года каторги. Если тем, кто в тюрьме, было совершено преступление, наказуемое ссылкой, новобрачному полагался 1 год каторги. Если же предок находился в заключении из-за преступления, наказуемого каторгой, наказание за свадьбу было – 100 ударов тяжелыми палками.

Так вот, если брак этот заключался не своей волей, а согласно повелению того самого отца или деда по мужской линии, который находился в тюрьме, вина на брачующегося не возлагалась – ведь он не шёл на поводу у собственных вожделений, а послушно выполнял во-

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 245.

[2] Когда в Уложении говорится «под арестом в тюрьме» (*бэй цю цзинь* 被囚禁), это надо понимать «под следствием», так сказать, «в КПЗ». Тюремное содержание как собственно наказание за преступление танскими законами не предусматривалось.

лю предка, пусть и преступного, но отнюдь не утратившего из-за пребывания под следствием своих полномочий и своей ответственности за устроение дел семейных.

Но далее в статье лаконично говорится:

> Однако, согласно общеобязательным установлениям, нельзя устраивать свадебный пир[1] [Тан люй, ст. 180].

Другими словами, жениться согласно повелению предка можно, но веселиться во время исполнения такого повеления – нельзя. И это существеннейшее и очень симптоматичное ограничение вводилось именно общеобязательным установлением.

Исполнение воли находящегося под следствием предка – морально даже в печальный момент, а потому ненаказуемо. Но использование такого исполнения в качестве предлога для собственного увеселения в этот самый печальный момент — аморально и потому наказуемо.

Этика должна была быть единообразной. Иначе это уже не этика, а хаос, мешанина личных предпочтений и прихотей.

Колоссальная работа по вычленению подобного рода ссылок и цитат из всего круга доступных китайских источников, а также их последующего структурирования с учетом структуры сохранившихся японских *линов* была предпринята именно в Японии. Корпус цитат удалось дополнить еще и разрозненными текстами некоторых оригинальных *линов*, обнаруженных археологами, и полученный в результате свод, собранный Ниидой Нобору и впервые опубликованный в 1933 г., стал неоценимым источником относительно танских законов группы *лин*.[2]

Как и *люй*, *лины* группировались т е м а т и ч е с к и.[3]

Уголовные установления легче всего было классифицировать по роду преступных деяний: нарушения в области охраны императорских резиденций, в области отправления гражданской служебной деятельности, в области военного управления, в области домашнего хозяйства и семейных норм, в области охраны личности или имущества, и пр. Общеобязательные же установления группировались по областям позитивной деятельности: структурирование элиты или государ-

---

[1] Уголовные установления Тан, 2001. С. 165.

[2] См.: *Ниида Нобору*. Тō рē сю̄ и. 1964.

[3] [То есть речь идёт о такой форме систематизации правовых норм как *инкорпорация*. – *Прим. ред.*].

ственных учреждений, землепользование, домашнее хозяйство, всеобъемлющий этикет, к которому относились и такие важные области общественной жизни, как участие в императорских аудиенциях или, наоборот, как предоставление нерабочих дней по случаю общегосударственных праздников либо личных событий (смерть старших родственников, совершеннолетие или женитьба отпрысков и пр.).

Некоторые из разделов свода Нииды Нобору весьма невелики: скажем, раздел «Штатное расписание гвардий» содержит всего лишь два предписания, да и то прискорбно лаконичных: единственное по-настоящему информативное из них гласит, что для каждой из гвардий предусматривалась одна должность главнокомандующего (*да цзянцзюнь* 大將軍) и две должности командующих (*цзянцзюнь* 將軍), причём командующие должны были помогать главнокомандующему и при необходимости подменять его.[1] Зато, например, такой раздел, как «Поля», содержит массу ценной информации об организации землепользования – от единиц площади[2] до размеров земельных участков[3] и даже нормирования использования тягловых животных при обработке земли в военных поселениях.[4]

При ознакомлении с общеобязательными установлениями возникает поразительная картина тотально регламентированной социальной жизни, всегда снабженной статуциональными и функциональными маркерами. Современному человеку попытка ввести жизнь в предписанные для всех единые, при этом весьма жёсткие рамки может показаться безумной или, по меньшей мере, безумно бесчеловечной. Но такое маркирование имело важнейшие функции.

Его целью было, во-первых, уподобить мелочную, сумбурную суету людей великой и неизменной гармонии мироздания с тем, чтобы и сами люди могли наслаждаться тем же покоем, той же неизменностью, что свойственны мирозданию. Так, исключались или, по крайней мере, минимизировались угрозы несправедливого распределения казенных благ (подобных распределению Небом целительного дождя или животворного солнечного света), равно как развития в людях малоприятных чувств и мотиваций: палящей зависти, горькой ущемленности, стремления перещеголять друг друга и пр. Во-вторых – создать

---

[1] *Ниида Нобору*. Тō рē сю̄ и. С. 144.
[2] Там же. С. 607.
[3] Там же. С. 647-648.
[4] Там же. С. 656.

положение, при котором всякий знал бы сразу, с кем и при каких обстоятельствах его столкнула судьба, чтобы не запутаться и по неведению или торопливости не совершить каких-то статуциональных или поведенческих нарушений.

Если вспомнить все это, тогда станет очевидно, что ничего иного, кроме как попытаться сформулировать всеобщий регламент, танским законодателям просто не оставалось.

Например, если на дороге встречались чиновники разных рангов, то чиновник 4-го ранга или ранга более низкого обязательно должен был сойти наземь при виде чиновника 1-го ранга. Аналогично обязаны были поступать, например, начальники любого из отделов Правительствующего надзора (*шанщушэн* 尚書省) при встрече с руководителями данного учреждения.[1]

В рамках тогдашних представлений соблюдение этого правила было вовсе не самодурством или проявлением невообразимой кичливости начальства, но, напротив, стремлением соблюсти глобальную правильность, всеобъемлющую регулярность даже в мелочах и тем внести свою лепту, пусть небольшую, в предотвращение возможных стихийных бедствий или эпидемий, другими словами – обеспечить народу и стране благосостояние и покой.

Однако, чтобы правила подобного рода не остались пустым звуком, а могли бы реально работать, необходимо было создать положение, при котором все эти чиновники были бы в состоянии с первого взгляда опознать ранг, а то и место работы друг друга. А это влекло за собой столь же строгую регламентацию в одеяниях, экипажах, почётном эскорте и пр.

В *линах* не назначалось наказаний за нарушение того, что ими предусматривалось; в отличие от *люй*, это были предписывающие установления, а не перечисление предугадываемых нарушений с установлением за них эквивалентных мер воздания. Зато в самих *люй* была предусмотрена статья за несоблюдение *лин*, согласно которой тот, кто нарушил общеобязательное установление, содержащее некое предписание или некий запрет, должен был быть наказан 50 ударами легкими палками. На случай нарушения внутриведомственных установлений *ши* 式 также предусматривалось наказание, но более лёгкое – 40

[1] *Ниида Нобору*. Тō рē сю̄ и. С. 493. Подробнее см.: *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – С. 169-171.

ударов легкими палками[1] [Тан люй, ст. 449].

Текст статьи *люй* о нарушениях *линов* вводит немаловажную оговорку:

> ...Имеется в виду, что в общеобязательном установлении содержится запрет или предписание, а в уголовных установлениях за их нарушение не предусмотрено определенного наказания[2] [Тан люй, ст. 449].

Это значит, что наказание 50 ударами легкими палками за нарушение общеобязательного установления назначалось только в том случае, если запрет или предписание, введенные данным *лином*, не были повторены в каком-либо виде, и за них не было назначено специально оговоренного наказания.

Однако бывало и наоборот.

Например, некоторые *лины*, особо важные, например для поддержания наглядного порядка в социуме, были, что называется, «равнее прочих». Специальная статья Уложения предусматривает за их нарушение более тяжёлое наказание:

> Всякий, кто возвел или изготовил дом, постройку, экипаж, одеяние, предмет утвари или вещь, равно как могильный холм, каменное изваяние в виде животного и тому подобное в нарушение общеобязательных установлений, наказывается 100 ударами тяжёлыми палками[3] [Тан люй, ст. 403].

То есть, другими словами, намеренное нарушение социально маркирующего общеобязательного установления, способное дезинформировать окружающих относительно статуса данного лица, посягательство на видимые признаки иного статуса каралось тяжелее нарушений рядовых общеобязательных установлений. Нарушение визуальных социальных кодов было недопустимым проявлением недостатка человеколюбия, ибо оно было чревато погружением общества в хаос и возникновением диссонанса его со вселенной.

Далее в той же статье специально уточняется, что даже если была провозглашена амнистия, освобождавшая виновного от наказания, это никоим образом не давало ему права на пользование незаконно присвоенными показателями чужого статуса: неправильное жилище, неправильная одежда и т.д. должны были быть перестроены или удалены. Исключение касалось только могил: если кто-то соорудил по-

---

[1] Уголовные установления Тан, 2008. С. 112.

[2] Там же.

[3] Уголовные установления Тан, 2008. С. 34.

чившему предку надгробье не по статусу, тревожить умершего всё же не следовало. Пиетет предков перевешивал здесь значимость правил одеяния; но, возможно, такое послабление могло быть истолковано и вполне прагматически – ведь сбой в программировании человеческого поведения относительно могил реально был куда менее значимым, чем сбой, например, в регулировании поведения двух живых и функционирующих чиновников относительно друг друга.

Очень характерно, что в статье ни слова не сказано о посягательстве на маркеры именно и только более высокого статуса. Говорится о несоответствиях как таковых, в любую сторону равно. Не вводится и разделения тяжести наказаний за посягательство на более высокие и более низкие маркеры. Закону в данном случае, похоже, было все равно, оделся ли нарушитель принцем или нищим. Важно то, что он оделся не как подобает. Его нельзя опознать, классифицировать, с первого взгляда соотнести с требованием вести себя с ним как должно.

Можно привести ещё более существенные примеры того, что нарушение общеобязательных установлений могло повлечь за собой наказание куда тяжелее 50 ударов лёгкими палками.

> Согласно общеобязательным установлениям, те, кто направлен к месту службы, получают время, отведенное на сборы. Тот, кто по истечении срока еще не отправился, за 1 день наказывается 10 ударами лёгкими палками. За каждые последующие 10 дней наказание увеличивается на 1 степень. Увеличение наказания ограничивается 1 годом каторги[1] [Тан люй, ст. 96].

В *линах* по этому поводу говорится:

> Всем провинциальным чиновникам, получившим назначение, предоставляется отпуск на сборы. Если место назначения расположено в пределах 1000 *ли* – 40 дней, если в пределах 2000 *ли* – 50 дней, если в пределах 3000 *ли* – 60 дней, если в пределах 4000 *ли* – 70 дней, если более чем в 4000 *ли* – 80 дней.[2]

Таким образом, данное общеобязательное установление содержит предписание, но нарушение этого предписания, если оно было коротким по времени, наказывалось легче 50 ударов легкими палками (скажем, 10 ударов за 1 день задержки). Если же нарушение затягивалось, наказание могло серьёзно превысить то, что предписывалось за

---

[1] Уголовные установления Тан, 2001. С. 22.
[2] *Ниида Нобору*. Тō рē сю̄ и. С. 749-750.

невыполнение общеобязательного установления как таковое.

Согласно общеобязательным же установлениям, наблюдатель, увидев некие странности в атмосферных явлениях, облаках, испарениях или освещении, обязан был подать тайную запечатанную докладную записку на Высочайшее имя.[1] Наблюдение и толкование небесных знамений было в танском Китае делом государственной важности и, соответственно, секретности, ибо именно через знамения (если только дело не доходило до крайности и не приходилось воздействовать стихийными бедствиями) Небо выражало своё мнение относительно деятельности правящего императора. Понятно, что интерпретировать выражение этого мнения, расшифровывать послания Неба могли только квалифицированные люди, находившиеся на специальном счету. Поэтому нарушение данного общеобязательного установления, выразившееся в свободных разговорах относительно увиденного знамения, каралось отнюдь не 50-тью ударами лёгкими палками, а подпадало под действие статьи о разглашении дел, которые надлежит хранить в тайне. Соответствующая уголовная статья посвящена главным образом разглашению секретных планов военных или специальных операций, однако в разряд дел небольших, но секретных было включено и наблюдение необычных атмосферных явлений. Тот, кто не направлял наверх тайную запечатанную докладную записку, а разглашал итоги своих наблюдений, наказывался 1,5 годами каторги. Если он осмеливался рассказать об увиденном не просто соседям или сослуживцам, но иностранцам, наказание увеличивалось на 1 степень, то есть до 2 лет каторги[2] [Тан люй, ст. 109].

Конечно, встает вопрос, насколько точно и постоянно соблюдались все эти бесчисленные регламентирующие правила. Надо думать, в том, что касается чиновников и учреждений, равно как и их рутинной деятельности, соответствие буквы установлений и духа живой жизни было весьма велико. На нижних же уровнях, как всегда, возможны были варианты; ситуации, когда закон сам по себе, а быт сам по себе, никого не могут удивить и отнюдь не являются признаком того, что закон не работает, что он не соответствует жизни, что он превратился в формальность. Просто следует помнить, что зазор всегда возможен и это, в сущности, нормально.

Впрочем, видный китаевед Д. Твитчетт полагает:

---

[1] *Ниида Нобору*. Тō рё̄ сю̄ и. С. 847.

[2] Уголовные установления Тан, 2001. С. 42.

> ...На протяжении Тан предписания уголовного кодекса (уложения – *прим. ред.*) вряд ли исполнялись с точностью до буквы, в то время как статуты... похоже, строго проводились в жизнь.[1]

Если вспомнить давнее противоборство концепций управления конфуцианской – при помощи морали; и легистской – при помощи законов, которые затем, слившись, породили синтетическую концепцию, где мораль и законы представляли собою лишь две стороны единства, сродни стихиям Ян и Инь, то можно сказать, что в какой-то мере двуединая система *люй* и *лин* стала правовым воплощением этого единства.

Мораль побуждает действовать правильно и подсказывает, как именно должна быть выражена эта правильность, а закон подкрепляет требования морали страхом наказания за их несоблюдение, обусловленное тем, что моральные побуждения спасовали перед корыстью, эгоизмом или простой необразованностью и неумелостью, из-за которой человек пусть и хотел, да не сумел быть хорошим. Общеобязательные установления являлись предельно формализованным и стандартизованным воплощением побуждений морали, вводили правильное поведение в строго определённые рамки. Чиновников в учреждениях ровно столько, сколько надо для оптимального выполнения дел. Каждый из них получает в соответствии со своим рангом ровно такое жалованье, какое справедливо. Каждая семья получает ровно столько земли, сколько ей надлежит иметь. Каждый человек носит траур по родственникам строго определенным образом, точно учитывая близость родства, чтобы ни в коем случае проявления скорби по дальним не могли сравниться с проявлениями скорби по ближним. И так далее, и так далее... Уголовные же установления постоянно стояли рядом в полной боевой готовности на случай, если по небрежению, или, тем более, из корысти, неприязни, или по злобе кто-то решился нарушить означенные нормы. Поэтому в *люй* предусмотрены наказания и на случай сверхштатного назначения чиновников, и на случай нарушения норм землепользования, и на случай нарушения сроков траура.

Конечно, строгой параллельности этих двух рядов не было и быть не могло. Прежде всего потому, что далеко не все требования морали могли быть формализованы. Более того – не могли быть формализованы её главные требования. Общеобязательными установле-

---

[1] *Twitchett D.C.* The fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways discovered at Tun-huang // Asia Major: New Series. –London, 1957. – Vol. VI, pt 1. – P. 29.

ниями типа *лин* незачем было, например, предписывать не убивать, не воровать, не поджигать соседский дом или не портить водозащитные дамбы. Это как бы само собой разумелось для всех в равной мере. Не убий – не жанр императорских указов. Но огромная часть уголовных установлений *люй* посвящалась наказаниям нарушений именно норм морали, обеспечивающих элементарные взаимные гарантии в обществе. Поэтому наказания были предусмотрены и за убийство, и за кражу, и за поджог, и за порчу дамб.

Однако там, где мораль поддавалась количественному исчислению, как, например, в случаях со сроками траура по родственникам либо с размерами земельных наделов, или, скажем, точному маркированию, как в случаях с соответствующими статусу жилищами либо одеяниями, без *линов* оказывалось невозможно обойтись. Тогда *люй* и *лин* действительно оказывались двумя параллельными элементами бинарной совокупности.

НОРМАТИВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ *ГЭ*

Относительно двух других видов установлений – нормативных (*гэ* 格) и внутриведомственных (*ши* 式) – мы знаем гораздо меньше, потому что они практически не сохранились. Есть лишь весьма ограниченный круг цитат из них, которые можно обнаружить в тех или иных источниках, да несколько случайно сохранившихся, археологами найденных фрагментов – и то относительно отдельных фрагментов до сих пор идут споры, является ли данный отрывок без начала и конца отрывком, скажем, *гэ* или нет.

Работа над нормативными установлениями была, поменьшей мере, столь же интенсивной, что и работа над *люй* и *лин*.

Уже во 2-м году под девизом правления *У-дэ* (618-626), то есть на второй год царствования первого императора Тан, были обнародованы новые *гэ* в 53 статьях, посвященные различным преступлениям чиновников, наказания за которые не могли отменяться или облегчаться амнистиями.[1] В 11-м году под девизом правления *Чжэнь-гуань* (627-649), на пике великого царствования второго императора Тан Тай-цзуна, наряду с выпуском 30 глав *линов* были проанализированы свыше 3000 императорских указов годов правления *У-дэ* и более поздних и на их базе сформулировано и издано 700 *гэ*[2] в 18 главах[3] [Цзю

[1] Синь Тан шу, 1975. С. 1408.
[2] Там же. С. 1410.
[3] Цзю Тан шу, 1936. С. 630.

Тан шу, цз. 50, с. 3б]. Начиная с периода *Юн-хуэй* (650-655) нормативные установления начали подразделять на *гэ* для центрального аппарата, или, если переводить китайский термин *люсыгэ* 留司格 точнее, на нормативные установления, остающиеся в учреждениях (читай – столичных), и *сань-баньгэ* 散頒格, то есть рассылаемые, распространяемые *гэ* – нормативные установления для местной администрации округов и уездов. В «Цзю Тан шу» разница разъясняется так:

> ...Те, [где говорилось] о служебном распорядке подразделений [центральных учреждений] (*цао сы* 曹司), назывались *люсыгэ*, а те, которые рассылались по Поднебесной, общие для всех, назывались *саньбаньгэ*. *Саньбаньгэ* распространялись по округам и уездам, тогда как *люсыгэ* оставались в центральных учреждениях и использовались там[1] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 5 б].

Первый выпуск периода правления *Юн-хуэй* составил 18 глав *люсыгэ* и 7 глав *саньбаньгэ*[2] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 4 а].

В годы под девизом правления *Чуй-гун* (685-688) было выпущено 6 глав *люсыгэ* и 3 главы *саньбаньгэ*. В 3-м году под девизом правления *Кай-юань* (713-741) были изданы *гэ* периода *Кай-юань*, а в 25-м году того же периода – новые *гэ* из 1000 статей.[3] Первый выпуск *гэ* годов под девизом правления *Кай-юань* (713-741) был в 10 главах, второй тоже в 10 главах[4] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 4 а]. Упоминаются и многие другие издания. В среднем в первой половине Тан сборники новых нормативных установлений издавались каждые 10-15 лет. Затем, в связи с перманентным кризисом, в который вошло танское государство, оказались, по-видимому, подморожены все процессы правотворчества, в том числе и этот. Во всяком случае, упоминания о пересмотре тех или иных видов установлений в династийных историях перестали мелькать так, как это происходило при описаниях первых десятилетий династии.

Базу нормативных установлений составляли императорские указы. Поток их был нескончаем; повеления Сына Неба, подразделенные на несколько иерархических уровней в зависимости от затрагиваемых в них тем, были единственной формой реагирования высшей власти

---

[1] Там же. С. 631.
[2] Там же. С. 630.
[3] Синь Тан шу, 1975. С. 1413.
[4] Цзю Тан шу, 1936. С. 630.

на любые изменения обстоятельств, на любые новые события в империи или на ее границах. Это была управленческая текучка, рутина. Время от времени массив указов просеивался на предмет выделения решений и предписаний, которые не относились к некоему единичному событию, а имели (или могли иметь) более или менее длительное действие. Эти документы и составляли сборники нормативных установлений.

Существенно то, что многие указы, послужившие базой для нормативных установлений, были связаны с внесением временных поправок к установлениям *люй* и *лин*. Выше уже упоминались *гэ* от 2-го года *У-дэ*, где устанавливалось, что чиновники, повинные, например, во взяточничестве, воровстве и ряде иных преступлений, не получали прощения по амнистиям, даже если те и провозглашались.[1]

Между указами и нормативными установлениями существовали и обратные связи. Д. Твитчетт упоминает сборники «*Гэ хоу чи*» («эдикты вслед за регуляциями»):

> …Игравшие большую роль в поддержании законодательства на уровне требований текущей ситуации после мятежа Ань Лу-шаня, когда регулярные периодические пересмотры законов основных типов временно прекратились. В частности, они издавались по нескольким поводам в течение первых лет правления *Дэ-цзуна*[2] и в правление Сянь-цзуна[3] и его наследников, когда центральное правительство настойчиво пыталось восстановить контроль над провинциями. Они использовались и прежде, первые серии появились, возможно, до 705 г., затем в 731 г. Они были хорошо известны тогдашним японским юристам.[4]

Как и многие одномоментные императорские указы, нормативные установления подразделялись по названиям учреждений. Они издавались для исполнения только данными государственными, столичными или провинциальными, органами определенного профиля, и в названиях *гэ* то, где они должны были исполняться, указывалось с самого начала.

В танском уголовном кодексе, хотя и значительно реже, чем *ли-*

---

[1] Синь Тан шу, 1975. С. 1408.
[2] 780-804 гг.
[3] 806-820 гг.
[4] *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T'ang Regulations (*ko*) // Bulletin of the School of Oriental and African studies. – University of London, 1967. – Vol. XXX, pt 2. – P. 374-375.

ны, цитируются и *гэ*.

Например:

> Согласно нормативным установлениям, даосские монахи и монахини, самовольно надевавшие мирскую одежду, должны быть возвращены в мир[1] [Тан люй, ст. 23].

Или:

> Согласно нормативным установлениям, даосский монах, распространяющий учение, ходя от двери к двери, наказывается стодневным *куши* 苦使 [2] [Тан люй, ст. 23].

Или:

> Согласно отдельным нормативным установлениям (*бе гэ* 别格), всякий варвар, взявший ханьскую женщину в жёны или наложницы, не может взять её с собой, возвращаясь в варварские пределы[3] [Тан люй, ст. 88].

Кроме того, в *люй* содержатся предписания, проясняющие правовую работу с самими нормативными установлениями, например:

> Всякий раз, когда выносится приговор к наказанию, необходимо полностью привести текст уголовного, общеобязательного, нормативного или внутриведомственного установления с прямыми указаниями[4] [Тан люй, ст. 484].

Или:

> Всякий раз, когда приговор к наказанию был вынесен Указом (*чжи* 制) или Высочайшим распоряжением (*чи* 敕), он является мерой лишь для данного момента и не должен рассматриваться как нормативное установление, дарованное навечно. Приводить его впоследствии для определения наказания по аналогии (*бифу* 比附) нельзя[5] [Тан люй, ст. 486].

Очень интересно многослойное, похожее на матрешку (*люй* ссылается на *лин*, в котором говорится о *гэ*) предписание, устанавливающее новую, неизвестную по самим *люй* ипостась принципа наибольшего благоприятствования, вообще-то в *люй* неоднократно подчёрки-

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 160.

[2] Уголовные установления Тан, 1999. С. 161. У. Джонсон интерпретирует наказание *куши* как сидение в цепях на пустом внутреннем дворе монастыря и переписывание текстов сутр, пять страниц в день (The T'ang Code. Vol. 1. P. 146).

[3] Уголовные установления Тан, 1999. С. 352.

[4] Уголовные установления Тан, 2008. С. 197. Имеется в виду, надо думать, приведение текста того установления, на основании которого или в связи с нарушением которого выносится приговор.

[5] Уголовные установления Тан, 2008. С. 200.

ваемого. Здесь говорится:

> ...Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, если было совершено преступление и затем были введены нормативные установления с изменениями, так что предусматриваемое новым установлением наказание [за данное преступление] легче, чем предусмотрено в *люй*, при вынесении приговора разрешается следовать более лёгкому[1] [Тан люй, ст. 31].

К сожалению, отсылки, даваемые в Своде законов, не проясняют структуру самих нормативных установлений и ни разу не упоминают, об установлениях для какого именно учреждения в каждом данном случае идёт речь.

Пожалуй, самый знаменитый фрагмент нормативного установления был обнаружен среди манускриптов из Дуньхуана. Фигурирующее в нём *гэ* предназначалось для исполнения в провинциях местными правоохранительными органами. Содержание документа и обнаруженных в иных источниках вариантов фигурирующего в нем установления подробно излагает Д. Твитчетт в специально посвященной этому работе.

Документ датируется 705 г. Он предписывает ужесточение наказания за изготовление фальшивой монеты. Исходный императорский указ был провозглашен в 682 г. Его издание было вызвано неким кризисом в сфере наличных средств денежного обращения[2], с которым правительство пыталось бороться, в частности, ужесточением мер против фальшивомонетчиков. Основанное на данном указе нормативное установление, отрывок из которого был давно известен, поскольку оказался процитирован в уголовном кодексе следующей после Тан Сунской династии[3], относится к 737 г. Все три варианта (682 г., 705 г. и 737 г.) предписывали ужесточающие санкции против изготовителей фальшивой монеты и дополняли соответствующую статью «Тан люй шу и».[4]

---

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 189.

[2] *Twitchett D.C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – P. 290.

[3] Сун син тун, 1964. С. 863-864.

[4] «Всякий, кто частным порядком изготовлял монету, наказывается ссылкой на 3000 *ли*. Тот, кто уже подготовил орудия для изготовления, но ещё не изготовлял, наказывается 2 годами каторги. ...Если орудия для изготовления ещё не пригодны – имеется в виду, что чего-либо недостает и изготовление монеты пока невозможно. [Тогда] наказание – 100 ударов тяжёлыми палками... Тот же, кто стачивал полно-

Указ 682 г. разделялся на две части: в первой речь шла о наказании самих фальшивомонетчиков, во второй – об ответственности главы семьи, членов соседской ячейки и пятидворки круговой поруки, а также нечиновных глав местной низовой администрации: сельских (*личжэн* 里正) и квартальных (*фанчжэн* 坊正) исправников, в чьём ведении жили и действовали преступники. Первая часть была поправлена указом, изданным в промежутке между 682 г. (годом издания исходного указа) и 705 г. (годом издания данного нормативного установления); сам этот указ не сохранился. Исходный указ 682 г. утяжелял наказание главного преступника со ссылки на 3000 *ли* до удавления, а для сообщников предусматривал ссылку с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流) – одну из 5 особых ссылок, которая, как мы помним, в начале Тан была введена вместо членовредительского наказания отсечением правой стопы. Согласно найденному фрагменту нормативного установления 705 г., наказание, предусмотренное в уголовном кодексе, дополнялось, однако, лишь тем, что собственность семьи главного преступника следовало конфисковать в казну, а также тем, что все чиновники, замешанные в преступлении, не могли пользоваться для избавления от наказания зачетом должностью или откупом; все они, вдобавок к основному наказанию, подлежали разжалованию (*чумин* 除名). Характерно, что основной текст соответствующей статьи сунского кодекса просто копирует танскую статью[1] – но тут же в поправке (*чжунь* 准) приводится нормативное установление Судебной части (*синбу* 刑部), которое предписывает смертную казнь удавлением, предваряемую 100 ударами тяжелыми палками. Твитчетт заключает, что *гэ* 705 г., видимо, отражает временное изменение закона, которое затем было отменено, и такое предположение хорошо согласуется с тогдашней политикой относительно изготовле-

---

весные монеты, чтобы они стали тоньше или меньше, и забирал медь для [собственной] выгоды, наказывается 1 годом каторги» [Тан люй, ст. 391]. – Уголовные установления Тан, 2008. С. 12.

[1] «Всякий, кто частным порядком изготовлял монету, наказывается ссылкой на 3000 ли. Тот, кто уже подготовил орудия для изготовления, но еще не изготовлял, наказывается 2 годами каторги. Тот, кто еще не подготовил орудия для изготовления, наказывается 100 ударами тяжелыми палками. Тот же, кто стачивал полновесные монеты, чтобы они стали тоньше или меньше, и забирал медь для [собственной] выгоды, наказывается 1 годом каторги» [Тан люй, ст. 391] (Сун син тун 宋刑統 (Свод уголовных законов периода Сун).– Тайбэй 台北: Вэньхай чубаньшэ 文海出版社, 1964. – Т. 1–2. – С. 862-863; Уголовные установления Тан, 2008. С. 12-13).

ния фальшивой монеты: предписания были сильно смягчены в конце правления У-хоу, за несколько лет до 705 г., и ужесточены после 717 г. Вторая и более длинная часть статьи, касающаяся коллективной ответственности членов семьи, соседей, старост, во всех трех вариантах практически оставалась одинакова.[1]

Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует роль нормативных установлений. Ими не подменялись уголовные установления. Они не служили материалом для последующих пересмотров уголовного кодекса, которые шли своим чередом независимо от издания конкретных указов или сборников нормативных установлений. Это были документы разных уровней.

Составлявшие уголовный кодекс установления *люй*, равно как общеобязательные установления *лин*, хотя их и можно было пересматривать при последовательных редактурах соответствующих уложений, являлись не реагированием на мир, но взысканиями к миру. Они изменялись не потому, что ситуация в стране требовала каких-то экстренных мер, но потому, например, что изменились высокие представления о человеколюбии в целом – как, скажем, в случаях с заменой удавления отсечением правой стопы, а того, в свою очередь, на ссылку с дополнительными работами. Уверенная в себе, одухотворённая идеалами и великими целями, успешно улучшающая окружающий мир, власть неизбежно начинает думать об этом мире и населяющих его людях лучше, нежели издерганная, затравленная, ничего не имеющая за душой, не способная предложить никакого позитивного проекта; такой власти остается уповать лишь на максимально жестокое подавление всякого неповиновения.

Изменения в *люй* и *лин* вносились тогда, когда изменялись представления о конкретных проявлениях справедливости. Когда делался очередной шаг на бесконечном пути познания вечной вселенской гармонии и попыток уподобиться ей. Такие изменения вызывались жизнью духа.

А на изменения во внешнем, бренном мире отвечали нормативные установления, которые служили посредниками между великими принципами справедливости и требованиями текущего момента. Именно нормативные установления не давали танскому праву закоснеть и оторваться от жизни, позволяли государству быстро и гибко

[1] *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T'ang Regulations (*ko*). P. 377-378.

реагировать на то, что составляло злобу дня. Но при этом сиюминутные законодательные реакции не должны были мешать базовым принципам сохраняться во всей их вечной красоте. И очень характерно, что, как опятьтаки отмечает Д. Твитчетт, нормативные установления могли действовать на протяжении даже десятилетий без особых изменений, но они все равно не включались в *люй* или *лин*.[1] Они кодифицировали поправки и дополнения, которые по природе своей ощущались преходящими, сиюминутными и всегда готовыми для отмены, изменения или очередного дополнения в ответ на изменение обстоятельств.

ВНУТРИВЕДОМСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ *ШИ*

Работа танских юристов над установлениями этого вида была столь же интенсивной, как и над иными. Например, одновременно с уже упоминавшимися пересмотром уголовных установлений, сведшимся к замене 92 наказаний смертной казнью на ссылку и 71 наказания ссылкой на каторгу, и с изданием общеобязательных установлений в 1546 статьях составлялись и внутриведомственные установления (*ши* 式) для каждого из учреждений столицы, равно для каждой из столичных гвардий охраны императора.[2]

Другой пример: были составлены *ши* годов правления *Юн-хуэй* (650-655) в 14 главах, годов правления *Чуй-гун* (685-688), годов правления *Шэнь-лун* (705-707) и годов правления *Кай-юань* (713-741) в 20 главах[3] [Цзю Тан шу, цз. 50, с. 4 а]. Д. Твитчетт отмечает, что в интервале между 624-м и 737-м годами внутриведомственные установления обновлялись 11 раз, причём почти в каждом случае группирующие их разделы, если их названия сохранялись, именовались по названиям соответствующих учреждений. Однако, в отличие от ситуации с нормативными установлениями, это не было непременным правилом и некоторые важные темы описывались в специально посвященных им главах.[4]

Уголовный кодекс в той же статье, в которой предусматривалось наказание за нарушение общеобязательных установлений *лин*, предусматривал и наказание за нарушение *ши*, то есть установлений

---

[1] *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T'ang Regulations (*ko*). P. 380.
[2] Синь Тан шу, 1975. С. 1410.
[3] Цзю Тан шу, 1936. С. 630.
[4] *Twitchett D.C.* The fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways discovered at Tun-huang. P. 33-34.

внутриведомственных. Как уже упоминалось, за нарушение *ши*, содержащих какое-либо предписание или какой-либо запрет, полагалось 40 ударов лёгкими палками[1] [Тан люй, ст. 449].

То есть установления *люй* предписывали обязательные наказания за те проступки, о которых говорилось в них самих (когда формулировались гипотезы предсказуемых преступных действий), за нарушение установлений *лин* и за нарушение установлений *ши*. Это позволило Д. Твитчетту предположить, что все установления *гэ* содержали определения карательных санкций в самих себе, так, как это было, скажем, в случае с *гэ*, посвященным изготовлению фальшивой монеты. Некоторые ссылки на нормативные установления в уголовном кодексе скорее подтверждают это предположение: там упомянуты *гэ*, согласно которым назначалось монахам, самовольно одевшимся в мирское – принудительное возвращение в мир, странствующим проповедникам – стодневное *куши*.

В случае, если это действительно так, изоморфизм иньяноподобных двуединств *фа – ли* (закон – мораль), *люй – лин* и *гэ – ши* становится особенно наглядным.

Правда, некоторые ссылки на нормативные установления, сделанные в уголовном кодексе, отчасти размывают эту стройную картину, хотя и не противоречат ей впрямую. Судя по ним, порой *гэ* были ближе скорее не уголовным установлениям *люй*, но общеобязательным установлениям *лин*, не запрещали, но обязывали, а потому не могли включать в себя карательных санкций за содержащиеся в них предписания. Например:

> Если в нормативных и в общеобязательных установлениях не предусмотрено для данного учреждения таких штатных единиц, но на них было произведено назначение, это называется назначением, когда не полагалось назначать[2] [Тан люй, ст. 35].

Наказание же за такое преступление определялось отдельной статьёй уголовного уложения и зависело от числа неправильно назначенных (то есть назначенных на реально предусмотренную должность, но более предусмотренного для нее числа служащих или назначенных на должность, выдуманную самим назначающим). В таких случаях за 1 противоправно назначенного человека полагалось наказание 100 ударами тяжелыми палками, за каждых последующих 3 человек наказание увеличива-

[1] Уголовные установления Тан, 2008. С. 112.
[2] Уголовные установления Тан, 1999. С. 203.

лось на 1 степень, а за 10 человек оно достигало возможного максимума – 2 лет каторги[1] [Тан люй, ст. 91]. Наказание, следовательно, в данном случае назначается уголовным установлением *люй* – и назначается оно за нарушение как общеобязательных, так и нормативных установлений, которые равно носят предписывающий характер (количество штатных единиц); даже в самом тексте уголовной статьи нормативные установления *гэ* поставлены в ряд с *линами*, то есть с установлениями общеобязательными.

Или:

> В нормативных, общеобязательных и внутриведомственных установлениях нет текстов о том, что в данных обстоятельствах должно подавать доклады... но подали доклад. ...Должно наказывать 80 ударами тяжелыми палками[2] [Тан люй, ст. 117].

Следовательно, опять-таки наказание назначается уголовной статьёй за нарушение различных предписывающих установлений, среди которых и *лины*, и *ши*, и, в их ряду, *гэ*.

Наконец, уже приведенное выше нормативное установление *гэ*, которое вводило запрет на отъезд за рубеж вместе с мужьями китаянок, вышедших замуж за варваров во время их пребывания в Китае, уточняется в своде заонов так:

> Прибывшим ко двору варварам разрешается оставаться на жительство, тогда им можно брать жен и наложниц. Но если тот, кто взял жену или наложницу, возвращается с нею в варварские пределы, закон предусматривает наказание за нарушение Высочайшего распоряжения[3] [Тан люй, ст. 88].

За само нарушение Указа (*чжи* 制) или Высочайшего распоряжения (*чи* 敕) Кодекс назначал наказание 2-мя годами каторги[4] [Тан люй, ст. 112]. Значит, и в этом случае карательная санкция назначалась уголовным установлением *люй* по поводу нарушения нормативного установления *гэ*, но никоим образом не самим нормативным установлением.

И все же представляется наиболее вероятным, что нормативные

---

[1] Уголовные установления Тан, 2001. С. 9-10.

[2] Уголовные установления Тан, 2001. С. 54.

[3] Уголовные установления Тан, 1999. С. 352-353. Родство нормативных установлений и императорских эдиктов тут выступает особенно рельефно. Запрет на отъезд китаянок с мужьями, вполне вероятно, впервые был введен неким императорским повелением, а затем оно было включено в сборники нормативных установлений.

[4] Уголовные установления Тан, 2001. С. 46-47.

установления *гэ* в целом, содержали ли они в себе карательную санкцию или оставляли ее тому или иному уголовному установлению (сами вводя лишь некий запрет или некое предписание), действительно служили дополнениями и уточнениями по большей части к уголовным установлениям *люй*, тогда как внутриведомственные установления *ши* в целом дополняли и уточняли общеобязательные установления *лин*. Родство *лин* и *ши* несомненно уже потому хотя бы, что в статье свода законов, вводящей наказание за их нарушение, они перечисляются рядом как нормы однотипные, неразрывно связанные функционально и лишь чуть-чуть различающиеся статуционально: наказание за нарушение *лин* на 1 степень тяжелее, чем за нарушение *ши.* Значит, *лин* чуть-чуть, на 1 степень, важнее *ши*.

А вот стандартного наказания за нарушение *гэ* свод законов, напротив, не вводит; стало быть, карательная санкция должна была содержаться либо в самом нормативном установлении, либо в конкретно связанном с ним уголовном установлении *люй*.

В «Тан люй шу и» цитат из внутриведомственных установлений хотя и меньше, чем из установлений общеобязательных, но гораздо больше, чем из установлений нормативных. Например:

> Согласно внутриведомственным установлениям, в заступающих на дежурство гвардиях все, от рядового гвардейца и выше, распределяются и назначаются по местам выполнения вверенных служебных обязанностей наличным начальником данной гвардии[1] [Тан люй, ст. 70].

Но тут же вводится и наказание за нарушение этого установления, отличающееся от предписанного в уже не раз упоминавшейся статье 449 [2], а именно:

> Если некто вразрез с внутриведомственными установлениями распределил назначения не в соответствии с вверенными служебными обязанностями или порядком очередности или же самовластно передал своего подчинённого кому-либо в подчинение либо использовал в другом месте как обслугу, в любом из этих случаев он наказывается 100 ударами тяжелыми палками[3] [Тан люй, ст. 70].

Или:

> Согласно внутриведомственным установлениям привратной стра-

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 315.

[2] В статье 449 за нарушение *линов* и *ши* вводится, как мы помним, наказание, соответственно, 50 и 40 ударами легкими палками.

[3] Уголовные установления Тан, 1999. С. 315.

жи, человек, получивший Высочайшее распоряжение на открытие каких-либо из ворот дворцового комплекса ночью, делает полные отметки о необходимости раскрыть ворота и о людях, которые входят или выходят, и Высочайшее распоряжение пересылается к сведению Надзора Срединных документов (*чжуншушэн* 中書省). Надзор Срединных документов пересылает его к сведению Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省). Тогда кто-либо из ответственных за все внутренние ворота Дворцового комплекса мóлодцев при вратах (*чэнмэньлан* 城門郎), а также главнокомандующий (*да цзянцзюнь* 大將軍) либо командующий (*цзянцзюнь* 將軍), срединный мóлодец-командующий (*чжунланцзян* 中郎將) либо мóлодец-командующий (*ланцзян* 郎將), общеначальствующий пристав (*чжэчун* 折衝) либо непреклонно-смелый общеначальствующий пристав (*гои* 果毅) от всех находящихся в данный момент на очередном дежурстве гвардий и от Привратных гвардий (*цзяньмэнь* 監門) – по одному [от каждой инстанции] являются в палаты с докладом, испрашивающим подтверждения распоряжения. По получении державного подтверждения испрашивают составную верительную бирку и ключи от ворот. Ответственные чиновники привратной стражи первым делом приводят привратный караул в состояние чрезвычайной готовности. Внутри и снаружи от раскрываемых ворот выставляются отряды, зажигаются факелы и производится проверка подлинности составной верительной бирки. Затем раскрывают ворота[1] [Тан люй, ст. 71].

Ясно, что любое нарушение правил, зафиксированных данными внутриведомственными установлениями, имело самое непосредственное отношение к срывам в сфере обеспечения безопасности императора и его ближайшего окружения. Поэтому тут и речи не могло быть о наказаниях по обычной статье о нарушениях *линов* или *ши*. Соответствующее установление *люй* предусматривает за действия, не соответствующие данным внутриведомственным установлениям, карательные меры вплоть до удавления.

Или:

Порядок и виды благовещих знамений изложены во внутриведомственных установлениях Палаты церемоний[2] [Тан люй, ст. 377].

Или:

Во внутриведомственных установлениях Военной палаты предписано: если во время похода умер общеначальствующий пристав

[1] Уголовные установления Тан, 1999. С. 316. Об упомянутых должностях и переводе их названий см.: *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1. С. 239, 245, 249, 370, 385, 389.
[2] Уголовные установления Тан, 2005. С. 349.

(*чжэчун* 折衝), жертвуется 30 двойных *пи* шелка, если умер непреклонносмелый общеначальствующий пристав (*гои* 果毅) – 20 двойных *пи* шелка, если умер нарочный командующий (*бецзян* 別將) – 10 двойных *пи*[1] [Тан люй, ст. 407].

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям Палаты церемоний, у чиновников 5-го ранга и выше одеяние фиолетовое, а у чиновников 6-го ранга и ниже – красное[2] [Тан люй, ст. 449].

Информация, содержащаяся в *ши*, крайне разнородна, но это и понятно – они не представляли и не могли представлять собой связного текста, но являлись набором конкретных норм, затрагивавших более или менее мелкие темы. Это было что-то вроде уставов или правил внутреннего распорядка – сухие и точные описания конкретных действий, которые должны производить по такому-то и такому-то случаю служащие того или иного учреждения и отступление от которых было наказуемо. Наказание же определялось либо согласно основной на сей счёт статье уголовного уложения (когда за такое нарушение полагалось 40 ударов лёгкими палками), либо, если его специальные статьи предусматривали за данное нарушение наказание более тяжелое – согласно специальным статьям.

Впрочем, гораздо лучше, чем по коротким цитатам из «Тан люй шу и», природу внутриведомственных установлений можно представить себе по переводу обширного фрагмента *ши*, найденного в Дуньхуане. Этот перевод в качестве приложения приводит в своей специально посвященной *ши* статье уже не раз упоминавшийся мною Д. Твитчетт. Данная подборка внутриведомственных установлений прямо адресована одному-единственному учреждению – водному отделу (*шуйбу* 水部) Работной части (*гунбу* 工部). Но, как видно из содержания документа, его предписания адресовались не только центральному аппарату отдела, но и водоустроительным учреждениям определенных местных единиц. Я позволю себе без комментариев привести несколько выдержек из этого перевода:

На всех главных каналах, вода которых используется для ирригации, везде, где есть шлюзы, следует воздвигать из камней или брёвен боковые стены, с тем чтобы укрепить их. Плотины не следует строить непосредственно на канале.

---

[1] Уголовные установления Тан, 2008. С. 40-41.

[2] Уголовные установления Тан, 2008. С. 113.

Там, где есть главный канал, используемый для ирригации, и где уровень воды низок, а земля высока, плотины непосредственно на канале строить не следует. Разрешается строить шлюзы, чтобы забирать воду в высоких местах вверх по течению. Все шлюзы должны строиться под надзором должностных лиц округов и уездов, и их нельзя строить по частной инициативе. Малые ответвления каналов там, где земля высока, а уровень воды низок, разрешается в надлежащий период временно перекрывать, с тем чтобы оросить землю. ...Когда вода достигнет всех, разлив должен был прекращен. Первая обязанность властей – обеспечивать, чтобы вода распределялась поровну всем, и они не должны быть пристрастны и несправедливы.

На глубоких местах старого канала дворца Хэби надлежит спланировать и построить шлюзы для регулирования воды так, чтобы канал всегда был полным. Простым людям разрешается брать из него воду по очереди, когда они в ней нуждаются...

На реке Фэньшуй в уезде Хэсисянь округа Тунчжоу простым людям разрешается пользоваться водой для орошения с 1-го дня 4-го месяца до 30-го дня 7-го месяца...

Когда транспортные корабли из разных округов на пути к Великому зернохранилищу на север проходят через Внутренний парк Цзы-юань, если они остаются там на ночь, 1 или 2 человека должны оставаться на борту в качестве сторожей, а остальные могут отдыхать вне корабля.

На таможенном переходе Хуйнин должно быть 50 судов. Официальным лицам надлежит назначать сильных и способных чиновников для их осмотра и следует отряжать войска для их охраны и защиты. Им нельзя бросать якорь у северного берега. В других местах по Хуанхэ, которые удобны для перехода, окружные и армейские администрации должны быть беспощадными, арестовывая тех, кто переходит реку без соответствующих документов.

Везде, где есть понтонные мосты, после десятого месяца, когда крепнет лед, крепления их должны сниматься.[1]

Отчётливо видно, что внутриведомственные установления представляли собой точные, дотошные, детальные инструкции, составленные отдельно для каждого из упоминаемых в них пункта или района с учётом его специфики, рельефа, иных природных условий, его стратегического значения, населения и его занятий и т. д.

Конечно, подобные задачи не могли быть решены при помощи

[1] *Twitchett D.C.* The fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways discovered at Tun-huang. P. 38-66. Все китайские термины подробно прокомментированы самим Д. Твитчеттом в его статье.

общеобязательных установлений – такая конкретика была *линам* не под силу. Они устанавливали общие для всей империи правила игры. Ведь чиновники всех административных единиц, как упомянутых в вышеприведенной цитате, так и любых иных, получали жалованье и должностные поля по одним и тем же нормам, одинаково увязанным с их рангами, носили платье одинаково соответствующего рангу покроя и цвета, получали равные отпуска по случаю смерти родственников или совершеннолетия отпрысков. Эти нормы вводились общеобязательными установлениями. Но что именно надлежит делать чиновникам, надевшим эти одеяния и получившим жалованье, как благоустраивать порученные им административные единицы, как заботиться о вверенном им и потому подвластном им простом народе –это для каждого конкретного случая расписывали *ши*. Общеобязательные и внутриведомственные установления представляли собой единый комплекс административных законов, но первые являлись повсеместно и наравне применяемыми общими правилами социального поведения, тогда как вторыми обычно регулировались дела, связанные с разделением полномочий и ответственности между отдельными, часто низовыми, учреждениями и с отдельными территориями.

Очень жаль, конечно, что нормативные и внутриведомственные установления практически не дошли до наших дней, но было бы куда хуже, если бы история распорядилась наоборот и в распоряжении китаеведов остались сравнительно полные наборы *гэ* и *ши*, но безвозвратно исчезли *люй* и *лин*.

Потому что тогда вместо грандиозной картины тотально гармонизированной социальной Вселенной, связанной воедино сложной системой взаимных морально-правовых долженствований, вместо завораживающего отчета о титанических усилиях уподобить движение официальных бумаг, людей, семей, государственных структур, всего общества в целом – непреложному постоянству, свойственному движению планет, повторению сельскохозяйственных сезонов и честному исполнению своего долга Землей и Небом, современный историк мог бы наблюдать и анализировать лишь достаточно обыденное, суетное приспособление административной машины к переменчивым мелочам, одышливый бег неизменной и потому всегда пожилой вечности вдогонку всегда новым, всегда юным и потому всегда ветреным превратностям бытия.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит. вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. – М.: Наука, 1968. – 351 с.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1-8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9-16 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 304 с.
4. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) Цзюани 17-25 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – 384 с.
5. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 26-30 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 416 с.
6. Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. По- пова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – 368 с.; 1989. – Т. 2. – 268 с.
7. *Ниида Нобору* 仁井田 陞. Tō pē sō и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). – Токио 東京: Tōkē-дайгаку сюппан-кай 東京大学 出版会, 1964. – 1006 с.
8. Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1-20. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975. – 6564 с.
9. Суй шу 随書 (История Суй) // Сы бу бэй яо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – Т. 68.
10. Сун син тун 宋刑統 (Свод уголовных законов периода Сун).– Тайбэй 台北: Вэньхай чубаньшэ 文海出版社, 1964. – Т. 1–2. – 1108 с.
11. Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия 叢書集成). – Шанхай 上海: Шанъу инь- шугуань 商務印書館, 1936-1939. – Т. 775-780. – 736 с.
12. Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – Т. 72–74.
13. The T’ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. – Princeton: Princeton University Press, 1979. – 317 p.
14. The T’ang Code. Vol. II: Specific Articles. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 622 p.

Общая и специальная литература:
15. Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т. 1–4.
16. *Кроль Ю.Л.*, *Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). – М.: ГРВЛ, 1982. – С. 209-244.
17. *Кучера С.Р.* История, культура и право Древнего Китая: Собрание трудов. – М.: Наталис, 2012. – 416 с.
18. *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1986. – 264 с.
19. *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 512 с.
20. *Balazs E.* Le Traité juridique du Souei-chou (Études sur la société et l'économie de la Chine médieval. Vol. 1-2). – Leiden: E.J. Brill., 1954. – Vol. 2. – 227 p.
21. *Bodde D.*, *Morris C.* Law in Imperial China. – Cambridge: Harvard University Press, 1967. – 440 p.
22. *Twitchett D.C.* The fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways discovered at Tun-huang // Asia Major: New Series. –London, 1957. – Vol. VI, pt 1. – P. 23-79.
23. *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T'ang Regulations (*ko*) // Bulletin of the School of Oriental and African studies. – University of London, 1967. – Vol. XXX, pt 2. – P. 369-381.
24. *Twitchett D.C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – 386 p.

Rybakov V.M.

The system of normative legal acts of T'ang dynasty in early medieval China

The article analyzes the system of sources of law in early medieval China: the laws *lü*, the statutes *ling*, the normative regulations *ge*, the internal regulations of *shi*. The features of the legal regulation of the period of T'ang Dynasty are characterized.

Keywords: system of sources of law; normative legal acts; laws; by-laws; decrees; administrative acts; government acts; *lü*; *ling*; *ge*; *shi*; «Tang lü shu yi».

Rybakov Vyacheslav Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).
E-mail: ouyangtsev@mail.ru

УДК 340.15, 340.153, 94(510)

Рыбаков В.М.

ТАНСКИЙ КОДЕКС «ТАН ЛЮЙ ШУ И» О ДОЛЖНОСТНЫХ НАКАЗАНИЯХ ЧИНОВНИКОВ[1]

В статье характеризуются различные виды наказаний чиновников за должностные преступления. Раскрывается система наказаний, цели наказаний, отягчающие и смягчающие обстоятельства при назначении наказаний за должностные преступления.

Ключевые слова: уголовное право раннесредневекового Китая; «Тан люй шу и»; должносные преступления; наказания за должностные преступления.

Танский кодекс является наиболее ранним из дошедших до нас полностью юридических памятников средневекового Китая. В течение многих веков этот кодекс служил правовым эталоном как для последующих династий Китая, так и для некоторых других государств Юго-Восточной Азии. Сам он, отталкиваясь от законодательства Суй, сконцентрировал в себе все наиболее общие нормы и установления, по которым жил тогдашний Китай, и представляет собой прекрасный источник материалов для изучения как собственно правового, так и – опосредованно – социального положения различных слоев танского общества. Особо интересен для нас «Тан люй шу и» («Уголовный кодекс династии Тан с разъяснениями и комментариями»), который завершил почти полувековую работу танских правоведов, раз за разом редактировавших, дополнявших и разъяснявших предшествующие тексты. Этот вариант кодекса увидел свет в 653 г.

В правовом отношении танское общество подразделялось на три основных слоя: привилегированный слой (чиновничество и знать); слой лиц, находящихся по отношению к закону в средненормальном положении (лично свободные простолюдины); и поражённые в правах (лично зависимые различных категорий). Неравенство этих слоёв перед законом было юридически закреплено в кодексе. Это неравен-

---

Рыбаков Вячеслав Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Дальнего Востока, Институт восточных рукописей РАН (*Россия*, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

[1] Впервые опубликовано: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1976-1977. – М.: Наука – ГРВЛ, 1984. – С. 260-270.

ство носило, однако, специфический характер, поскольку представители всех трёх слоёв равно подлежали судебной ответственности в случае совершения ими уголовных правонарушений (преступлений).

Законодательством Тан была предусмотрена шкала основных наказаний, которые имели универсальный характер, т.е. применялись ко всем трём слоям. В эту шкалу входили: пять степеней наказания тонкими палками (десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят ударов); пять степеней наказания толстыми палками (шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто и сто ударов); пять степеней наказания каторжными работами (один год, полтора года, два года, два с половиной года и три года работ); три степени наказания ссылкой (ссылка на две тысячи ли, на две с половиной тысячи ли и на три тысячи ли); две степени наказания смертью (удушение и обезглавливание)[1] [Тан люй шу и, цз. 1]. Согласно существующей ныне классификации, эти наказания можно рассматривать как основные, в то время как дополнительные и замещающие наказания применялись ко второму и третьему правовым слоям весьма редко.

Иное дело – привилегированный слой. Здесь применение дополнительных и замещающих наказаний носило крайне широкий характер и, по сути дела, играло определяющую роль. Эти наказания были настолько неразрывно связаны, с одной стороны, с должностным статусом преступника, с другой – с должностным характером преступления и, кроме того, поражали непосредственно должностное положение наказуемого (а уже через это – его социальное положение), что мы можем выделить их в самостоятельную, очень важную для танского права группу наказаний, которую назовем группой должностных наказаний. Под должностными наказаниями мы будем в дальнейшем понимать специфические наказания, применявшиеся параллельно с основными только к членам бюрократического аппарата и их родственникам. Важность таких наказаний, которая дала нам право выделить их в самостоятельную группу, определяется ведущим положением данного круга лиц как в социальном, так и в правовом отношении и высоким пиететом чиновничьего положения в средневековом Китае. В отличие от основных наказаний должностные наказа-

[1] Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия 叢書集成). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1939. – С. 13-14.

ния специально были предназначены для регулирования отношений отдельных членов привилегированного класса с совокупностью этих членов, то есть государством, и были куда более тонким орудием достижения этой цели, нежели основные наказания.

В кодексе нет специального раздела, посвященного должностным наказаниям. Существуют отдельные статьи, в общем виде трактующие, например, о разжаловании[1] [Тан люй шу и, цз. 3], но они, как правило, дополняются и расширяются многочисленными упоминаниями в других местах текста. Данная статья является результатом анализа всех таких упоминаний в первой и второй цзюанях кодекса, которые автор постарался свести в систему.

Существовало три вида должностных наказаний, которые, согласно современной классификации, мы назвали бы дополнительными. Наиболее тяжелым из них являлось разжалование (*чумин* 除名). Следом за ним по степени тяжести шло лишение должностей (*мяньгуань* 免官), а третьим, наиболее лёгким, было смещение с занимаемой должности (*мяньсоцзюйгуань* 免所居官). Все три наказания действовали однотипно, и суть их заключалась во временном отстранении виновного от административной деятельности и понижении его социального статуса. Вместе с тем должностные наказания не приводили к окончательному выключению из аппарата уже отобранных и имеющих опыт административной работы кадров. Законодательно были установлены сроки их последующего восстановления на службе и нормы этого восстановления.

Как правило, должностные наказания применялись параллельно с основными, отнюдь не исключая последних. Причем тяжесть составляющих такого комбинированного наказания могла коррелироваться в весьма слабой степени, поскольку основное наказание карало, скажем, просто за кражу согласно ценности похищенного, кто бы и как бы ни украл, в то время как должностное наказание во главу угла ставило не ценность похищенного, а то, совершена ли данная кража в пределах административной ответственности совершившего её чиновника или нет, и т.д. Понятие совершения преступления в пределах административной ответственности имело огромное значение для всей системы должностных наказаний и при определении их размера учитывалось едва ли не в первую очередь. Существовало два качест-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 52-53.

венно однородных вида административной ответственности: общая ответственность за какую-либо административную единицу – округ, гарнизон и т.д., называемая *цзяньлинь* (監臨), и непосредственный надзор за каким-либо объектом или деятельностью – амбаром, строительством дамбы и т.д. – *чжушоу* (主守). Если преступление совершалось чиновником в рамках его административной ответственности, тяжесть должностного наказания немедленно повышалась, в то время как тяжесть, основного оставалась неизменной.

Как уже было сказано, наиболее тяжелым из должностных наказаний было разжалование. Оно применялось: а) в случае совершения преступлений, входящих в список *десяти зол*, т.е. преступлений, выделенных в особый список, направленных непосредственно против основ существующего порядка, империи и особы императора, и потому наказывавшихся с особой строгостью;

б) в случае совершения преступлений, за которые приговаривали по основной шкале к какому-либо из пяти особых видов ссылки, то есть преступлений, по тяжести шедших непосредственно за подпадавшими под статьи десяти зол, и тоже имевших, хотя и менее ярко выраженный и более локальный, антисоциальный характер. К пяти особым видам ссылки относились: [1] ссылка с дополнительными работами (т.е. ссылка, в которой предусматривалось три года принудительных работ в назначенном месте вместо одного года в обычной ссылке; эта ссылка являлась наказанием за преступления, за которые до реформ танского Тай-цзуна приговаривали к отсечению стоп, а ещё раньше – к смертной казни); [2] ссылка по общесемейной ответственности (*юаньцзо* 緣坐) за совершённые родственниками преступления, подпадающие под первую и вторую статьи *десяти зол*; [3] ссылка за убийство отца, деда или прадеда в результате несчастного случая; [4] ссылка за различные проявления сыновней непочтительности; [5] ссылка за различные тяжкие преступления, которая приводится в исполнение даже в случае объявления амнистии[1] [Тан люй шу и, цз. 2];

в) в случае прелюбодеяния, хищения, похищения человека и взимание взяток с нарушением закона в пределах административной ответственности. В данном случае под прелюбодеянием кодекс имеет в виду развратные сношения чиновника с лично свободной замужней

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 33-34.

женщиной; под хищением – хищение по ценности в размере одного пи шёлка и более; под похищением – похищение без согласия жертвы, а если жертве менее десяти лет от роду, то и при согласии, ибо в таком возрасте жертва не может полностью отвечать за свои поступки; причём в последнем случае закон не делал различия между похищением свободного и лично зависимого. В этих случаях при амнистии *цзян* (降), понижающей тяжесть основного наказания, разжалование заменялось лишением должностей, а при амнистии *шэ* (赦), полностью избавляющей от основного наказания – смещением с занимаемой должности, то есть полного амнистирования так и не происходило;

г) в случае совершения различных преступлений, наказываемых смертной казнью по шкале основных наказаний; причём разжалование происходило и в тех ситуациях, когда преступник умер в предварительном заключении, или был в виде особой милости помилован от смерти и приговорен к ссылке, или бежал; в последнем случае разжалование применялось заочно, то есть для его применения поимка преступника не требовалась;

д) в случае умышленного нанесения увечий в драке родственнику во время траура *сяогун* (пять месяцев) старшего поколения;

е) в случае побега из-под стражи или по дороге тех, кто согласно обычной процедуре был приговорён к каторге или ссылке.

В случае разжалования при ссылке по общесемейной ответственности разжалование, производилось и в том случае, если по состоянию здоровья или возрасту сама ссылка отменялась (это происходило для мужчин старше восьмидесяти лет или принадлежащих к группе инвалидности *дуцзи* (篤疾), т.е. помешанных, слепых на оба глаза, лишённых обеих ног, и т.д., и для женщин старше шестидесяти лет или принадлежащих к группе инвалидности *фэйцзи* (廢疾), т.е. слабоумных, глухонемых, горбатых, лишённых одного глаза или одной конечности.

Прежде чем переходить к описанию механики разжалования, следует сказать несколько слов о видах должностей и чинов, которые ликвидировались при разжаловании, и часть которых ликвидировалась при других должностных наказаниях.

Положение лица в официальной иерархии господствующего класса фиксировалось при помощи нескольких величин. Основной из них были так называемые служебные должности – *чжишигуань* (職事

官), т.е. должности, связанные с реальным выполнением каких-то административных или служебных функций. Они могли быть как гражданского, так и военного (*вэйгуань* 衛官) характера. Каждая такая должность имела соответствующий ей служебный чин определённого ранга. Например, тот, кто занимал служебную должность главы департамента государственных дел (*шаншу лин* 尚書令), должен был иметь служебный чин основного второго ранга (*чжэн эр пинь* 正二品), а тот, кто занимал служебную должность начальника отдела пожалований палаты чинов (*сыфе ланчжун* 司封郎中) должен был иметь служебный чин вспомогательного пятого ранга первого разряда (*цун у пинь шан* 從五品上).

Кроме служебных, существовали ещё почётные и наградные должности (*саньгуань* 散官 , *сюньгуань* 勳官). Почётные должности не были связаны с реальным исполнением каких-то обязанностей и зачастую давались параллельно со служебными должностями в знак уважения, поскольку посты, которые они обозначали, уже не существовали в реальной деловой иерархии аппарата (например, один из составителей комментариев к кодексу «Тан люй шу и» – Дуань Баосюань, занимавший служебную должность начальника высшего юридического комитета (*дали цин* 大理卿), занимал одновременно почётную должность сановника, обсуждавшего дела династии (*чаои дафу* 朝議大夫) [Цзю Тан шу, цз. 50].[1] Наградные же должности в принципе были аналогичны титулам знатности, с тем отличием, что не переходили по наследству. В правовом отношении почётные ранги отставали от служебных на одну категорию ранга (то есть на совокупность разрядов ранга, заключенных, в одной категории ранга, обозначаемой цифрой от первой до девятой; девятая категория ранга, например, включала в себя девятый основной ранг первого разряда 正九品上, девятый основной ранг второго разряда 正九品下, девятый вспомогательный ранг первого разряда 從九品上 и девятый вспомогательный ранг второго разряда 從九品下 , а начиная с третьей категории ранга и выше категории делились лишь на основной и вспомогательный ранги), а наградные – на две категории. Это надо понимать так, что, если служебный ранг, например, третьей категории давал определённую при-

[1] Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936. – С. 56.

вилегию (привилегию “восьми суждений” – *ба и* 八議), то эту же привилегию давал лишь второй почётный ранг и лишь первый наградной ранг. Впрочем, следует помнить, что наградных должностей первого ранга, по-видимому, не существовало, и на их месте стояли высшие титулы знатности (*цзюэ* 爵), также имевшие ранговую привязку: *ван* соответствовал первому основному рангу, *гун* – первому вспомогательному. Таким образом, чиновник максимально мог иметь четыре степени различия – служебную должность, почётную должность, наградную должность и титул знатности.

При разжаловании у наказуемого ликвидировались все эти степени различия, то есть и титулы, и все должности, полученные им с момента приобретения должностной квалификации и начала службы. Таким образом, наказанный полностью лишался всех привилегий, которые имел благодаря собственному положению, и при отсутствии родственников, также занимающих чиновничьи посты (правда, по-вимому, такая ситуация была довольно редкой), практически выпадал из привилегированного сословия. Однако он так и не уравнивался в правовом, а тем более в экономическом положении с лично свободными простолюдинами.

Те, кто подвергся разжалованию, на протяжении срока до служебного восстановления (*сюй* 敘) рассматривались в соответствии с их изначальным социальным статусом. Это значит, что налоги и трудовые повинности накладывались на них так же, как и до поступления на службу, согласно положению, которое занимала их семья. Если данный чиновник выслужился из простолюдинов, то на протяжении срока до служебного восстановления он рассматривался как простолюдин. Кроме того, разжалованные освобождались от трудовых повинностей на общественных работах и при этом не обязаны были выплачивать откупной налог, освобождавший за деньги от таких работ; освобождались они также от разнообразных повинностей группы *цзаяо* (雜徭) и от призыва в войскà[1] [Тан люй шу и, цз. 3]. Таким образом, некоторые привилегии сохранялись даже после разжалования.

При наказании чиновника, как мы видим, могли существовать две возможные ситуации. Во-первых, он мог быть наказан лишь одним, основным, наказанием без применения должностного, и тогда ему немедленно разрешался откуп деньгами (при совершении престу-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 52.

плений, наказуемых палками) или рангом, а уже затем деньгами (при совершении преступлений, наказуемых каторгой или ссылкой). Во-вторых, он мог быть наказан комбинированным образом, то есть и основным, и должностным наказанием. Эту ситуацию кодекс подразделял на две подситуации, а именно: когда основное наказание – лёгкое и когда основное наказание – тяжкое.

Исполнение приговора в этих подситуациях кардинальным образом отличалось друг от друга. В случае лёгкости основного наказания, основное и должностное наказания применялись параллельно друг с другом. Например, если чиновник совершал в пределах своей административной ответственности хищение в размере одного *пи* шёлка, то ординарное наказание равнялось всего лишь восьмидесяти ударам большой палкой, от которых чиновник, по-видимому, откупался. Должностное же наказание, призванное карать не так за кражу, как за использование служебного положения в корыстных целях, равнялось разжалованию.

При тяжком основном наказании механика была иной. Кодекс гласит: «Все, кто подвергаются разжалованию... пусть основное наказание и лёгкое, всё равно подвергаются разжалованию. Те же, у кого основное наказание тяжкое, всякий раз в соответствии с содеянным ими квалифицируются согласно законам о зачёте каторги или ссылки рангом и откупе от наказания»[1] [Тан люй шу и, цз. 3]. Рассмотрение принципа зачёта рангом наказания каторгой или ссылкой не входит в задачу данной статьи, и мы отметим лишь, что наказываемый чиновник в отношении основного наказания снова оказывался в преимущественном положении и не подвергался ему фактически, а лишался своих рангов и денежных средств в счёт основного наказания, а уже потом подвергался разжалованию, то есть ликвидации должностей, которые и так уже были использованы для зачёта.

Следует отметить также, что при разжаловании ликвидировались, как мы уже упоминали, титулы знатности, но, в отличие от служебного положения, они не могли быть восстановлены. Титул знатности ликвидировался у данного рода навсегда. Кодекс гласит: «Закон об обычном восстановлении не охватывает собою титулов, и поэтому при разжаловании наказанные не имеют права на последующее восстановление титула»[2] [Тан люй шу и, цз. 3]. Более того, лица, которые

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 57.
[2] Цуншу цзичэн, 1939. С. 53.

при наличии у них наследственных титулов знатности совершали преступления, наказываемые разжалованием, т.е. антигосударственные и антисоциальные, рассматривались танским правом настолько виновными, что при описанной ранее ситуации, когда основное наказание было тяжким, им не дозволялся денежный откуп от недозачтённой рангом части наказания. Они должны были подвергнуться ему фактически. Кодекс гласит: «Титулы знатности даются с тем, чтобы переходить к сыновьям и внукам вечно. При всем том ныне отбираются, и вина за это крайне велика. Титулы ликвидируются государством, и поэтому остаток наказания не может быть погашен денежным откупом»[1] [Тан люй шу и, цз. 3].

Правила служебного восстановления разжалованных были разработаны тщательнейшим образом. При разжаловании такое восстановление допускалось через шесть лет после издания приказа о разжаловании, с приходом первого месяца седьмого года после вынесения приговора. При этом кодекс делает специальную оговорку, что имеется в виду не простой год, а год *цзай* (載), чёткая длительность которого не была определена, так как год *цзай* мог включать в себя дополнительные месяцы, примерно каждые три года вставлявшиеся в календарь для уравновешивания лунного года с солнечным. Поскольку восстановление допускалось через шесть лет, то, по крайней мере, один дополнительный месяц попадал на период, на протяжении которого разжалованный находился в состоянии служебного наказания. Годы *цзай* имеются в виду и когда говорится о сроках служебного восстановления при лишении должностей.

Однако должностное наказание не проходило безнаказанно для восстанавливаемых. Их восстановление проводилось с понижением в чине по сравнению с тем, в котором было совершено преступление, и чем выше был исходный чин, тем больше было расстояние, на которое отбрасывался назад по служебной лестнице наказанный. Для тех чиновников, которые в момент совершения преступления имели третью категорию служебного ранга и выше или же (при отсутствии служебных рангов) приравненные к этим рангам почётные или наградные (то есть, и вторую, и первую категории почётного ранга, или же титулы знатности *ван* или *гун*), нормы восстановления определялись самим императором. Для лиц более низкого служебного положения

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 57.

существовала следующая таблица[1] [Тан люй шу и, цз. 3]:

Основной четвёртый ранг обоих разрядов восстанавливался во вспомогательном седьмом ранге второго разряда;

вспомогательный четвёртый ранг обоих разрядов – в основном восьмом ранге первого разряда;

основной пятый ранг обоих разрядов – в основном девятом ранге второго разряда;

вспомогательный пятый ранг обоих разрядов – во вспомогательном восьмом ранге первого разряда;

шестая и седьмая категории рангов – во вспомогательном девятом ранге первого разряда;

восьмая и девятая категории рангов – во вспомогательном девятом ранге второго разряда.

Для почётных чинов кодекс не даёт особой таблицы. Очевидно, при восстановлении почётных чинов действовали те же правила, что и при восстановлении служебных, так как оба эти чина кодекс относит к одной категории. Что же касается чинов второй категории, то есть наградных чинов, для них существовала такая таблица:

вторая категория наградного ранга восстанавливалась в наградной должности *сяоцивэй* (основной шестой наградной ранг);

третья категория наградного ранга – в наградной должности *фэйцивэй* (вспомогательный шестой наградной ранг);

четвёртая категория наградного ранга – в наградной должности *юньцивэй* (основной седьмой наградной ранг);

пятая категория наградного ранга и ниже – в наградной должности *уцивэй* (вспомогательный седьмой наградной ранг);

восьмая и девятая категории наградного ранга – в исходном ранге.

Следует помнить, что наградной ранг в отличие от служебного делился лишь на основные и вспомогательные, то есть каждая категория ранга делилась на два ранга, а не на четыре.

Наконец, для лиц, имевших в момент совершения преступления ученые степени типа *сюцай* (秀才), *минцзин* (明經), *минфа* (明法) и т.д., допускалось восстановление этой степени.

В случае, если преступление, наказуемое разжалованием, совершала женщина, имеющая в соответствии с положением мужа чины и

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 52.

титулы *ихао* (邑號), то по прошествии обычного срока ей дозволялось восстановление согласно положению мужа. Если муж за это время не изменил своего служебного положения, то и женщина восстанавливалась в том же ранге, что и исходный. Если муж за это время получил повышение или был понижен, то восстановление женщины производилось в соответствии с изменившимся статусом. Если же женщина имела чины и титулы не вследствие положения мужа, а по другим причинам, то она подпадала под действие законов о пожалованиях и титулах, и, следовательно, восстановление её титулов и чинов вообще не допускалось, согласно тому, что было сказано ранее о запретах на восстановление титулов.

Разжалование приравнивалось к трём годам каторжных работ. Система эквивалентного выражения должностных наказаний в основные была разработана для двух специфических ситуаций.

Во-первых, для наказания виновных в подаче ложного доноса по принципу эквивалентного наказания (*фаньцзо* 反坐). Суть этого принципа заключалась в приговоре лица, виновного в подаче ложного доноса, к тому наказанию, какое получил бы по данному доносу тот, кого оклеветали, если бы донос был ошибочно признан соответствующим действительности. В случае, когда ложный донос был направлен против чиновника, и ему могло грозить комбинированное наказание, основное наказание переносилось на того, кто подал ложный донос. Должностное же трансформировалось в эквивалент каторжными работами, по-видимому, отчасти потому, что автором доноса мог быть и не чиновник, а простолюдин.

Вторая ситуация, в которой имело место данное приравнение, касалась ошибок в судопроизводстве, наказывавшихся по тому же принципу *фаньцзо*. Здесь эквивалентное наказание получал судья, и оно равнялось допущенной судьёй ошибке. Поскольку, согласно теории китайского средневекового права, каждый уголовный случай решался однозначным образом, постольку при пересмотре дела всегда можно было точно установить, насколько завысил или занизил судья наказание по сравнению с тем, которое должно было быть вынесено. В тех случаях, когда выяснялось, что судья приговорил виновного к разжалованию, когда не следовало применять должностного наказания, или не применения наказания, когда следовало приговорить к разжалованию, приговор ошибшемуся судье также выносился с использованием такого приравнения.

Кодекс рассматривает в связи с правилами восстановления на службе другую усложнённую ситуацию. Допустим, некто совершил преступление, которое по сути должно быть наказано не разжалованием, а лишением должностей или смещением с занимаемой должности, но в силу особых обстоятельств совершения преступления, накладывающих особую ответственность на преступника, суд решил применить разжалование. В этом случае, хотя виновный подвергся действительному разжалованию, т.е. полному лишению всех должностей и чинов, а также титулов, служебное восстановление этого лица происходит не по законам разжалования, а по законам, предусмотренным для того служебного наказания, к которому он должен был бы быть приговорён, если бы не особые обстоятельства.

Если разжалование применялось по отношению к тем, кто был повинен или замешан в совершении преступлений, входящих в список "десяти зол", то, в случае, если обвинительное заключение уже вынесено, на таких преступников не распространялись ординарные амнистии. Под вынесением обвинительного заключения кодекс понимает ситуацию, когда «размер добычи и обстоятельства убийства полностью выяснены, и департамент государственных дел уже вынес приговор, но еще не доложил об этом императору»[1] [Тан люй шу и, цз. 2].

Как уже было сказано, разжалованию подвергались все лица, обвиненные по общесемейной ответственности за преступления, подпадающие под первую и вторую статьи "десяти зол". Однако кодекс делает оговорку, весьма важную для права того времени, а именно: «Закон об общесемейной ответственности распространяется только на живых. Даже разведённые, усыновленные в другой семье и ушедшие в монахи не подпадают под действие его статей. Раз уже умерли, как можно применять к ним разжалование? Они вели дела хорошо, и удостоверение на должность, которую занимали покойные, не отбирается»[2] [Тан люй шу и, цз. 2].

Лишение должностей являлось должностным наказанием, вторым по степени тяжести после разжалования. Оно применялось в таких случаях, как, например:

при замене разжалования в случае амнистии *цзян*, понижающей тяжесть наказания на одну степень;

при совершении мужчиной, имеющим чин и должность, хи-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 45.
[2] Цуншу цзичэн, 1939. С. 45.

щения вне пределов административной ответственности и наказуемому согласно ценности похищенного каторгой и выше; при совершении прелюбодеяния женщиной;

при совершении изнасилования, хищения и похищения людей, а также взяточничестве вне пределов административной ответственности в том случае, если, согласно тяжести содеянного, они были приговорены к каторге и выше и совершили побег; при выяснении того, что данные лица музицируют или слушают исполняемую другими музыку, или женятся в период, когда кто-либо из их родственников, начиная от прапрадеда по мужской линии и ниже, совершили преступление, наказуемое смертью, и пребывают в тюрьме. Под женитьбой понималось, когда мужчина берет женщину в дом; в случае, если женщина выходила замуж в такой период, она не несла ответственности.

Таким образом, лишением должностей наказывались уже не столько должностные преступления (т.е. преступления, связанные с корыстным использованием служебного положения) и не преступления, направленные непосредственно против устоев общества (мятеж, сыновняя непочтительность и т.д.), а те, которые, хотя и считались опасными с идеологической точки зрения и затрагивающими целостность идейных постулатов, но считались менее, злонамеренными, нежели преступления, наказываемые разжалованием.

При лишении должностей ликвидировались обе категории должностей (в первую категорию кодекс включает служебные и почётные должности, во вторую – наградные), но титул знатности сохранялся. Служебное восстановление дозволялось через три года *цзай* после вынесения приговора с понижением в исходном ранге (независимо от его степени) на два разряда. В служебных и почётных рангах за один разряд в первой, второй и третьей категориях ранга считались основной и вспомогательный ранги, а ниже – каждый из двух разрядов, на который делились основной и вспомогательный ранги; а в наградных – основной и вспомогательный ранги. У лиц, имевших одновременно чины обеих категорий при служебном восстановлении, как и в правилах разжалования, понижение охватывало обе категории, при этом наградные должности рангом ниже вспомогательного седьмого (*уцивэй*), восстанавливались полностью, без понижения. Кодекс указывает также, что при лишении должностей оставлялись так называемые должности, не охваченные понижением. По-видимому, под

этим следует понимать ранее занимавшиеся должности, удостоверения на которые по тем или иным причинам остались на руках у подсудимого, причём ранг этих должностей (всё равно – служебных, почётных или наградных) был ниже того ранга, в котором через три года должен будет восстановиться на службе наказанный. При лишении должностей удостоверения на эти должности не отбирались, что было крайне важно при совершении, например, повторных преступлений.

Лица, подвергнутые лишению должностей, на протяжении срока наказания, на самом деле были ещё дальше от простолюдинов, нежели подвергнутые разжалованию. Кодекс указывает на это совершенно определённо: «Те, кто находится в состоянии наказания лишением должности, не входят в круг лиц, облагаемых налогами и трудовыми повинностями»[1] [Тан люй шу и, цз. 3]. Однако, хотя привилегированное состояние этих лиц по отношению к лично свободным простолюдинам не поражалось полностью, тем не менее, служебное наказание все же было наказанием, и суть его заключалась во временном отстранении от политической и служебной деятельности, в прерывании карьеры. Там же кодекс указывает: «[Эти лица], хотя и имеют ранее занимаемые должности, не охваченные понижением, но они не входят в круг тех, на кого распространяются правила присутствия при дворе и участия в дворцовых делах и церемониях»[2] [Тан люй шу и, цз. 3].

Однако главным фактором, определявшим правовое положение наказанных в период наказания, являлись необходимость их служебного восстановления в будущем. Так, при совершении теми, кто подвергся лишению должностей и еще не восстановился на службе, преступления средней тяжести (то есть по шкале основных наказаний наказуемых каторгой и ссылкой), допускался откуп от наказания, причём даже в тех случаях, когда, как правило, не допускался в силу специфического характера некоторых преступлений. Например, откуп дозволялся при избиении или доносе на родственника старшего поколения категории траура *сяогун* (пять месяцев) или одного поколения с преступником, но старше его, категории траура *дагун* (девять месяцев). Кодекс гласит: «Если должность исчерпана, и ещё не наступило восстановление, и совершено повторное преступление, наказуемое ссылкой и ниже, допускается возможность откупа от наказания ...

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 56.
[2] Цуншу цзичэн, 1939. С. 56.

Срок [пребывания в состоянии должностного наказания] ещё не истёк, и обязательно действует закон о служебном восстановлении. Поэтому [виновный] освобождается от фактической отправки в ссылку, и допускается применение статей об откупе. Однако, если по сути преступления откуп не может быть позволен, он не может быть позволен и здесь»[1] [Тан люй шу и, цз. 3].

При повторных преступлениях, также подлежащих наказанию должностными наказаниями, срок служебного восстановления отодвигался на соответствующее число лет. При этом восстановление происходило с повторным понижением в ранге относительно исходного. Однако кодекс специально оговаривает, что такое суммарное понижение ранга должности, в которой должен будет восстанавливаться преступник, не должно превышать четырёх разрядов, высчитываемых отдельно для одной и для другой категории должностей . При совершении повторных преступлений, за которые следовали должностные наказания, нового понижения в ранге должности не производилось, а отодвигался срок этого восстановления.

В случае совершения повторных преступлений в состоянии наказания лишением должностей, которые по сути своей не допускают откупа, и основное наказание каторгой или ссылкой должно быть приведено в исполнение фактически, служебное восстановление отнюдь не отменялось. В случае ссылки оно производилось по прошествии шести лет *цзай*, в течение которых преступник находился в ссылке согласно обычным нормам, а в случае каторги – по прошествии срока работ, если этот срок превышал срок восстановления, или, если срок работ кончался раньше срока служебного восстановления, то в нормальный срок, то есть через три года после вынесения последнего приговора.

В случае, когда преступление по сути своей не заслуживало наказания лишением должностей, но суд ввиду особых обстоятельств принял решение наказать виновного именно лишением должностей, служебное восстановление происходило по законам восстановления при смещении с занимаемой должности.

При наказании лишением должностей так же, как и при разжаловании, действовало дробление ситуации комбинированного наказания в зависимости от того, было ли лёгким или тяжёлым основное на-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 55.

казание. Если оно было лёгким, то оно выносилось и применялось независимо от должностного. Например, если чиновник получил взятку вне пределов своей административной ответственности ценностью шесть *пи* один *чи* шёлка, то основное наказание согласно ценности полученного равнялось полутора годам каторжных работ, но должностное – только лишению должностей, поскольку преступление было совершено без использования служебного положения в корыстных целях. Напротив, если основное наказание было тяжким, то сначала разрешалось погасить его при помощи зачёта должностями и откупа, а уже потом применялось лишение должностей.

Наконец, при ситуациях, в которых действовал принцип эквивалентного наказания, лишение должностей приравнивалось к двум годам каторжных работ.

Смещение с занимаемой должности было наиболее лёгким из должностных наказаний: виновный смещался с занимаемой им служебной должности, но наградная должность и титул знатности, если они имелись, оставались в неприкосновенности. Под смещением с занимаемой должности кодекс понимает ликвидацию всех должностей первой категории, если они совпадают по рангу, поскольку в этом случае в правовом отношении они считаются одной должностью. Если же ранги их различны, то ликвидируется та, ранг которой наиболее высок, а остальные остаются. Если же у данного лица есть только наградные должности, то смещение производится с наградной должности, причём при наличии нескольких – с самой высокой из них.

Смещение с занимаемой должности применялось в следующих ситуациях:

а) замена разжалования при амнистии *шэ* или замена лишения должностей при амнистии *цзян* в тех случаях, когда эти наказания применялись за совершение прелюбодеяния, хищения, похищения людей и взимания взяток внутри или вне пределов административной ответственности;

б) оставление без присмотра престарелых родственников, нуждающихся в уходе (т.е. старше восьмидесяти лет или относящихся к категории инвалидности *дуцзи*), в целях поступления на государственную службу. Исключение делалось лишь для тех, чьи таланты блистательны и кого в силу этого принуждали остаться на службе или немедленно приступить к исполнению каких-то служебных обязанностей, а также тех, кому дозволялось перевез-

ти родителей к месту службы и там ухаживать за ними;

в) раздел братьями доставшегося им в наследство имущества или перемена места приписки и жительства в период траура по умершим родителям (двадцать семь месяцев);

г) вступление чиновника в развратные сношения с женой лично зависимого или с рабыней в пределах своей административной ответственности;

д) осквернение чести имени предка названием должности или учреждения, то есть нарушение семейного табу на знаки, входящие в имя предка. Под этим понимается следующая ситуация. Допустим, «имеется человек, отца или деда которого зовут Чан, и поэтому данному человеку не позволяется служить в Тайчансы (太常寺) – Управлении императорских жертвоприношений. А если имя отца или деда Цин, то не дозволяется служить в должности *цина* (卿) – начальника управления»[1] [Тан люй шу и, цз. 3]. Более того, при запоздалом раскрытии подобного проступка были предусмотрены ужесточенные меры наказания. Если некто служил, оскверняя честь имени предка, а затем получил повышение и в новой должности осквернения уже не происходит, то в случае раскрытия предыдущего осквернения виновный наказывался смещением с новой, только что полученной должности, а затем у него отбиралось оскверняющее удостоверение на ранее занимаемую должность с преступным наименованием.

Правила осуществления смещения с занимаемой должности принципиально не отличаются от уже известных нам общих правил, предусмотренных для должностных наказаний. Служебное восстановление при смещении с занимаемой должности происходило через один год, причем в этом случае кодекс имеет в виду именно год *цинянь* (期年). т.е. полный оборот четырёх сезонов с момента оглашения приговора. Должность, в которой восстанавливался наказанный, должна была быть на один разряд ниже рангом, чем исходная. Так же, как и наказанные лишением должностей, наказанные смещением с занимаемой должности не входили в крут лиц, на которых распространялись правила присутствия при дворе. В случае смещения с занимаемой должности равно действовало дробление комбинированных наказаний на две подгруппы соответственно тяжести основного наказа-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 50.

ния. Все льготы, предусмотренные для совершающих повторные преступления после лишения должностей распространялись и на тех, кто был смещён с занимаемой должности. В ситуациях, требующих применения принципа эквивалентного наказания, смещение с занимаемой должности приравнивалось к одному году каторжных работ.

Таким образом, параллельно со шкалой основных наказаний танское законодательство предусматривало сложную, детально разработанную систему должностных наказаний, которые дополняли основную шкалу в случае совершения уголовных преступлений членами привилегированного сословия. Этими наказаниями полностью или частично удар по наказуемому переносился из материальной в идеологическую сферу, и, кроме всего прочего, они рассматривались, как позорящие, унизительные для должностного лица. В какой-то мере они являлись компенсацией за привилегированное положение по отношению к основным наказаниям, и, как правило, освобождение от основного наказания по амнистии отнюдь не означало автоматического освобождения от должностного. Если при помощи основных наказаний невозможно было в достаточной мере отразить необходимость ужесточённого отношения к преступлениям, имеющим выраженный антисоциальный или дискредитирующий государственный аппарат характер, то должностные наказания максимально возможным образом были приспособлены именно для этой цели. Если, с точки зрения средневекового китайского права, основные наказания были призваны восстанавливать гармонию мироздания, нарушенную чьим-то преступным поведением, то должностные преследовали более узкую, но практически более важную цель – восстановление гармонии внутри привилегированного сословия, внутри бюрократического аппарата. Это было их непосредственной и единственной задачей. Основные наказания карали за преступления против вселенной, должностные – за преступления против государства. Когда преступление наносило вред и вселенной, и государству (например, убийство), применялось комбинированное наказание. Должностные наказания наиболее полно выражали основной постулат средневекового китайского права: кара должна не губить, а вразумлять. Поскольку после должностного наказания дозволялось продолжение карьеры, считалось, что оно никоим образом не вредит наказуемому, а лишь даёт ему возможность осознать свой проступок на досуге, исправиться, понять, что он потерял и чего лишился, не оправдав доверие государства, вручившего ему тот

или иной служебный пост. По-видимому, считалось, что, отбыв наказание, провинившийся чиновник с удвоенным рвением и удвоенной честностью вновь приступит к работе, когда придет срок служебного восстановления. Должностные наказания являлись основным юридическим средством воспитания и очищения государственного аппарата, обеспечения его наилучшего функционирования.

Источники и использованная литература:

1. Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия 叢書集成). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1939. – Т. 775-780. – 736 с.
2. Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы 四部備要叢刊).– Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936.

Rybakov V.M.

The Tang code «Tang lü shu yi» on official punishments of officials

The article characterizes various types of punishments of officials for official crimes. The system of punishments, the purpose of punishment, aggravating and mitigating circumstances in the imposition of punishments for official crimes are revealed.

Keywords: criminal law of early medieval China; «Tang lü shu yi»; due crimes; punishments for official offenses.

Rybakov Vyacheslav Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).
E-mail: ouyangtsev@mail.ru

УДК 340.15, 340.153, 94(510)

Рыбаков В.М.

О ПРИНЦИПЕ ЗАЧЁТА РАНГОМ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (по материалам Танского кодекса «Тан люй шу и»)[1]

В статье анализируется принцип *гуаньдан* – принцип зачёта рангом основного наказания для сановников и чиновников, который приводил к понижению в чине и прерыванию карьеры. *Гуаньдан* являлся разновидностью должностных наказаний.

Ключевые слова: право раннесредневекового Китая; уголовное право; наказания должносных и ранговых лиц; зачёт рангом основного наказания; принцип *гуаньдан*.

Современное право различает основные, дополнительные и заменяющие наказания. В средневековом китайском праве, в более или менее специфических формах, представлены все эти три вида. Основные наказания, сведённые в двадцатиступенчатую шкалу, носили универсальный характер, то есть применялись ко всем трём слоям, на которые подразделялось в правовом отношении население тогдашнего Китая – к привилегированным (чиновничеству и знати), к занимавшим средненормальное по отношению к закону положение (лично свободным простолюдинам) и к пораженным в правах (лично зависимым различных категорий). Что же касается дополнительных и заменяющих наказаний, то главным образом они применялись лишь к членам привилегированного сословия. Применительно к Китаю дополнительные наказания мы можем назвать должностными, так как они поражали исключительно должностное положение преступника, не нанося ему другого ущерба, кроме понижения в чине и временного отстранения от должностей. Что же касается заменяющих наказаний, то для членов привилегированного сословия их роль выполнял так называемый принцип *гуаньдан* (官當), то есть **принцип зачёта рангом**

Рыбаков Вячеслав Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Дальнего Востока, Институт восточных рукописей РАН (*Россия*, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

[1] Впервые опубликовано: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978 г. Часть 1. – М.: Наука–ГРВЛ, 1979. – С. 140-145.

основного наказания.

Данный принцип занимал в какой-то мере промежуточное положение между привилегиями, которыми обладали чиновничество и знать по отношению к основным наказаниям, и должностными наказаниями, несколько компенсировавшими это привилегированное отношение. Поскольку *гуаньдан* приводил к ликвидации опасности фактического приведения в исполнение приговора к основному наказанию, постольку он являлся привилегией. Поскольку он приводил к понижению в чине и прерыванию карьеры, он являлся разновидностью должностных наказаний. Непосредственная связь зачёта рангом с должностными наказаниями видна из дифференцированного применения этого принципа к так называемым общественным (*гун цзуй* 共罪) и частным (*сы цзуй* 私罪) преступлениям. Под общественным преступлением «Тан люй шу и» понимает преступление, совершённое «в процессе служебной деятельности, но не содержащее нарушений закона, произведённых в корыстных целях»[1] [Тан люй шу и, цзюань 2; раздел I, ст. 17, § 3], причиной которого явились недосмотр, ошибка и т.д. Частным преступлением кодекс называет преступление, «совершённое не в процессе служебной деятельности, лично выполненное в корыстных целях»[2] [Тан люй шу и, цзюань 2; раздел 1, ст. 17, § 1]. Способности к зачёту при “частном” преступлении резко понижались.

Способностью к зачёту рангом обладали все лица, имеющие чин и занимавшие должность. Суть зачёта состояла в строго систематизированном аннулировании всего чина преступника или его части и во временном отстранении от служебной деятельности. Разъясняя, в каких именно ситуациях применяется зачёт рангом, кодекс указывает, что под преступлениями, наказание за которые не достигает *гуаньдан*, понимаются «частные преступления, совершенные чиновниками, занимающими должности от девятой до шестой категории ранга, наказываемые менее чем одним годом каторги, или общественные преступления, совещенные ими же, наказываемые менее чем двумя годами каторги; или же частные преступления, совершенные чиновниками, занимающими должности от пятой до первой категории ранга, на-

---

[1] Цит. по изданию в серии: Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия 叢書集成). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1939.– С. 42.

[2] Цуншу цзичэн, 1939. С. 41.

казываемые менее чем двумя годами каторги, или общественные преступления, наказываемые менее чем тремя годами каторги»[1] [Тан люй шу и, цзюань 3, раздел 1, ст. 21, § 6].

Существование такого нижнего предела объяснялось тем, что способности данного лица к зачёту определялись двумя факторами: высотою ранга, который использовался для зачёта, и характером преступления – общественным или частным. Чиновники, имевшие должности, которым соответствовали категории ранга от девятой до шестой, каждой из этих должностей могли зачесть основное наказание за общественное преступление, равное двум годам каторги, а если преступление было частным – одному году каторги. Между шестой и пятой категориями ранга происходил качественный скачок. Все должности, которым соответствовали категории ранга от пятой до первой, могли зачитывать при общественном преступлении три года каторги, а при частном – два года каторги. Таким образом, если преступление было достаточно лёгким, чтобы наказание за него могло быть погашено полностью одной должностью преступника (как мы увидал дальше, возможности к зачёту, как правило, не исчерпывались одной этой должностью), принцип зачёта не включался, и преступнику дозволялся простой денежный откуп от наказания. Кодекс указывает: «Например, имеется чиновник, имеющий чин пятой категории ранга и выше, совершивший частное преступление, наказываемое двумя годами каторги. По правилам наказание ему уменьшается на одну степень (согласно привилегии, которой обладали чиновники пятой категории ранга и выше – *В.Р.*), и становится лёгким настолько, что не исчерпывает его чина. В этом случае он может сохранить свой пост и откупиться от наказания»[2] [Тан люй шу и, цзюань 3, раздел 1, ст. 22, § 1].

В случае, когда нужно было зачитывать наказание ссылкой, все три степени ссылки (на 2000 *ли*, на 2500 *ли* и на 3000 *ли*) приравнивались к четырём годам каторжных работ.

К зачёту рангом привлекались должности двух категорий. К должностям первой категории кодекс относит служебные должности (*чжишигуань* 職事官) и почётные должности (*саньгуань* 散官) должностям второй категории наградные должности (*сюньгуань* 勲官), каждые из которых имели соответствующие им ранги. Вначале ис-

[1] Цуншу цзичэн, 1939. С. 54.
[2] Цуншу цзичэн, 1939. С. 56.

пользовалась та должность первой категории, ранг которой был более высоким. Если человек занимал одновременно две служебные должности, дозволялось использовать лишь одну из них, опять-таки с наибольшим рангом. Но зато, если этого ранга не хватало для полного зачёта наказания, разрешалось затем использовать должности второй категории. Если и после зачёта рангом этих должностей оставалось избыточное наказание, то разрешалось использовать те должности, которые ранее занимал преступник и удостоверения на которые не были у него отобраны при служебном перемещении. Только после этого, если такой многоступенчатый зачёт все же не смог погасить наказания полностью, закон дозволял избавиться от его остатка посредством денежного откупа. Тем самым осуществление основного наказа- ния устранялось окончательно.

Если некто, имея определённый чин, занимал должность, не соответствующую этому чину, зачитывал рангом наказание, то зачёт производился собственным рангом преступника, а не рангом занимаемой им должности. При этом он освобождался от временно занимаемой им должности. После такого зачёта откуп от недозачтённого остатка наказания, если он был необходим, осуществлялся согласно обычным нормам. В этой ситуации удостоверение на должность, которая использовалась для зачёта, не отбиралось у преступника, так как удостоверения на временно занимаемые должности не выдавались. В этой ситуации зачёт был чистым, то есть производился именно рангом. В случаях, когда ранг чиновника соответствовал занимаемой им должности, удостоверение на должность при зачете у него отбиралось.

Таким образом, при зачёте рангом чин мог быть использован полностью (при этом он мог погасить все наказание, или только его часть, и тогда дозволялся откуп от остатка наказания), и мог быть использован не полностью. В обоих этих случаях наказанный равно смещался с должности, чин которой был использован для зачёта, и удостоверение на эту должность у него отбиралось. Одинаковым было и то, что после осуществления такого наказания чиновник, лишенный должности и, следовательно, отстраненный от административной деятельности, получал впоследствии возможность восстановления на службе. Однако эти две ситуации были не равноценны. Разница заключалась в нормах служебного восстановления, зависевших от соотношения высоты ранга и тяжести преступления. Если это соотноше-

ние было в пользу преступника, и чин не был использован полностью (то есть либо совершенное преступление было сравнительно лёгким, либо чин и должность и, следовательно, положение в официальной иерархии были весьма значительны), то служебное восстановление разрешалось через год после оглашения приговора и приведения его в исполнение, причём наказанный восстанавливался на должности, которой соответствовал чин, на один ранг меньший, чем чин, соответствовавший должности, в которой было совершено преступление. Если же соотношение было не в пользу преступника, служебное восстановление происходило через три года, в должности, отстававшей по чину от исходной должности на два ранга.

Кодекс тщательно разбирает положение тех, кто зачитывал основное наказание рангом, в период между зачётом и служебным восстановлением. Основным содержанием этого периода было, как и при должностных наказаниях, отстранение на год или на три года от политической деятельности. До служебного восстановления наказанные не могли выполнять никаких административных функций и не входили в круг лиц, подчиняющихся правилам о присутствии при дворе. При совершении такими лицами повторных преступлений, входивших в рамки применимости *гуаньдан*, они, несмотря на отстранение от службы, в ряде случаев имели возможность зачёта ранее имевшимися должностями, чины которых были не охвачены понижением, то есть были ниже, чем тот чин, в котором должно будет произойти в будущем служебное восстановление. Срок служебного восстановления при этом снова отодвигался на год или на три, в зависимости от вновь возникшего соотношения высоты используемых рангов и тяжести преступления.

Существовали, однако, ситуации, когда применение принципа зачёта рангом не допускалось. Прежде всего, это относилось к преступлениям, которые были направлены против политических и идеологических основ существующего порядка. Преступления эти были сведены в список Десяти зол. Зачёт не дозволялся при совершении любых преступлений, наказываемых смертной казнью, за исключением ситуации, когда о смертном приговоре ещё не успели доложить императору, и в этот момент была объявлена амнистия *цзян* (降), которая понижала основное наказание охваченных ею на одну степень. Зачёт не дозволялся тем, кто был приговорён к ссылке за убийство старшего родственника в результате несчастного случая, за взяточни-

чество или хищение в пределах своей административной ответственности, или по общесемейной ответственности за совершение родственниками преступлений, квалифицируемых по первой и второй статьям списка Десяти зол, то есть Умышлению мятежа и Умышлению великого непокорства, и в ряде других случаев. Кроме того, зачёт никогда не дозволялся, если преступление совершило лицо, уже получившее чин, но ещё не назначенное на какую-либо должность (то есть для зачёта, несмотря на то, что акт зачёта действовал на них поразному, необходимы были оба компонента – и чин, и должность).

Таким образом, принцип зачёта рангом являлся механизмом, предназначенным для трансформации основных наказаний средней тяжести, применяемым к членам привилегированного сословия, в наказания должностные. Он сводил до минимума физический ущерб, наносимый таким преступникам, и взамен него наносил ущерб идеологический и социальный, на тот или иной срок выключая преступника из активной политической деятельности, прерывая его карьеру и позоря, унижая его перед окружающими. Принцип зачёта ликвидировал опасность фактического осуществления основных наказаний над теми, кто, по меркам танских правоведов, мог быть, согласно сравнительной лёгкости совершённых ими преступлений, наставлен на путь истинный. Как все должностные наказания, он призван был вразумлять, а не губить и не калечить тех, кто уже был отобран для службы и вошёл в кадровый состав императорской администрации. На тех, кто совершал более тяжкие преступления и, следовательно, погряз в пороке безвозвратно и не мог быть поэтому прощён, *гуаньдан* не распространялся. Государство лишало их своего доверия и не собиралось предоставлять им возможность для перевоспитания и продолжения служебной деятельности. Принцип *гуаньдан*, расширявший сферу действия должностных наказаний, являлся дополнительным средством укрепления, воспитания и очищения бюрократического аппарата.

Источники и использованная литература:

1. Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия 叢書集成). – Шанхай 上海: Шанъу иньшугуань 商務印書館, 1936-1939. – 736 с.

Rybakov V.M.

On the principle of rank offset of punishments for crimes (based on the materials of Tang Code «Tang lü shu yi»)

The article analyzes the principle of *guandang* – the principle of rank offset of the main punishment for dignitaries and officials, which led to demotion and career interruption. *Guandan* was a type of official punishment.

Keywords: law of early medieval China; criminal law; punishments of officials and ranking persons; offset of the main punishment by the rank; the principle of *guandang*.

Rybakov Vyacheslav Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).

E-mail: ouyangtsev@mail.ru

УДК 94(510).05; 340.153

Почекаев Р.Ю.

СУД ПОСЛЕ СМЕРТИ: ДЕЛО АХМАДА БЕНАКЕТИ[1]

В статье анализируются суд над Ахмадом Бенакети – сановником империи Юань, который состоялся после его смерти, а тело приговоренного, извлеченное из могилы, было официально предано позорной казни. Автор исследует процессуальные аспекты данного дела, а также выясняет причины, по которым состоялся столь экстраординарный судебный процесс и был вынесен столь суровый приговор. Также предпринимается попытка сравнения норм традиционного китайского и монгольского имперского права по подобным делам.

Ключевые слова: империя Юань; Хубилай; монгольское право; китайское право; суд и процесс.

Исследование исторических событий в историко-правовом аспекте порой позволяет совершенно иначе взглянуть на хорошо известные факты и дать принципиально новое толкование сообщений источников. В настоящей статье мы намерены продемонстрировать возможности историко-правового (вернее даже – историко-процессуального) анализа на примере хорошо известного события в империи Юань последней трети XIII века.

Убийство Ахмада Бенакети (Фенакети), происшедшее в Ханбалыке (Пекине) 10 апреля 1282 г., являлось весьма значительным событием: ведь жертвой стал видный сановник хана Хубилая – императора Шицзу, в течение ряда лет фактически всесильным являвшийся временщиком. Неудивительно, что личность и деятельность Ахмада, а также и обстоятельства его убийства нашли отражение в исторических источниках разного происхождения, а также неоднократно привлекали внимание исследователей.[2]

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (*Россия*, Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, лит А).

E-mail: rpochekaev@hse.ru.

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00147).

[2] См., напр.: *Atwood C.P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. – New York: Facts of File, Inc., 2004. – P. 4-5; *Engin B.* Ahmed Fanakati: Hayatı ve Mali Politikaları // Genç Kalemler. Tarih, Düşünce ve Kültür Dergisi. – Yil 5. – 2019. – Sayi 6. – S. 175-178;

Сведения о жизни и смерти Ахмада содержатся, в частности, в «Книге Марко Поло», «Сборнике летописей» персидского государственного деятеля и ученого Рашид ад-Дина, а также – в китайской династийной истории «Юань ши», в которой Ахмаду уделено достаточно много внимания в цзюанях о правлении Хубилая, а также в цзюане 205 приводится его биография. При этом если Рашид ад-Дин даёт оценку своего единоверца-мусульманина как жертвы обстоятельств и, в общем-то, положительно отзывается о нем, то и Марко Поло, и составители «Юань ши» характеризуют Ахмада крайне негативно – в истории Юань он даже позиционируется как один из трёх «подлых министров». Сведения об Ахмаде и процессе над ним содержатся также и сочинении «Дай Юань гурун судури» («Истории Небесной империи»), составленной уже в XVII в., в эпоху империи Цин. И хотя это источник имеет гораздо более позднее происхождение, полагаем, что не стоит его игнорировать, потому что, во-первых, он содержит некоторые уточнения по сравнению со сведениями «Юань ши», во-вторых, отражает преемственность китайской имперской традиции от династии к династии.

В историографии Ахмад и его судьба (в т.ч. посмертная) неоднократно находят отражение в исследованиях, посвященных хану Хубилаю и его эпохе. Также имеется несколько работ, посвященных непосредственно биографии этого сановника, авторы которых, впрочем, в большей степени сосредотачиваются на его государственной деятельности, нежели на интересующем нас аспекте.

Казнь Ахмада после смерти стала предметом отдельного рассмотрения в одной из книг А.Г. Юрченко, который, впрочем, больше внимания уделил «реконструкции имперского менталитета» средневековых монголов, а также поиску параллелей, предпочтя собственным выводам обширные цитирование из источников[1]. В результате его рассмотрение данного события ставит больше вопросов, чем даёт ответов.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа событий, связанных с «посмертной казнью» Ахмада Бенакети в историко-процессуальном аспекте и, как следствие, выявления тех причин, которые

Franke H. Ahmed: Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Chinas untet Qubilai // Orient. – 1948. – No. 1. – P. 222-236.

[1] *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – С. 233-235.

обусловили столь экстраординарный процесс и приговор. Также, по мнению автора, до сих пор исследователи старались интерпретировать этот казус исключительно в категориях монгольского имперского права и правосознания, игнорируя процессы интерференции монгольской и китайской правовых систем, имевшие место уже в первые десятилетия правления Хубилая. Соответственно, автор предпринимает попытку показать, что суд над Ахмадом в значительной степени отражал не только монгольские имперские правовые принципы, но и влияние китайской правовой традиции, для чего прослеживает отношение к подобным преступлениям в памятниках китайского права разных эпох.

Ахмад Фенакети, выходец из Средней Азии, в 1260–1270-х гг. являлся советником хана Хубилая – основателя империи Юань в Китае, а в начале 1282 г. был назначен *су-пин-чжаном* («левым канцлером»).[1] Ахмад, нередко злоупотреблявший своей властью и влиянием на хана, имел немало недоброжелателей среди ханских приближенных, поэтому неудивительно, что вскоре после его возвышения против него был составлен заговор. Воспользовавшись отсутствием хана Хубилая в столице империи, заговорщики вызвали Ахмада во дворец как бы от имени Чингкима – ханского сына и наследника, а когда он явился, убили его.[2]

Вернувшийся вскоре в столицу Хубилай немедленно приказал провести следствие и схватить убийц, что и было сделано: уже 1 мая 1282 г. заговорщики были схвачены и, признавшись в совершенном преступлении после допросов и пыток, были казнены.[3] Однако один из убийц, Ван Чжу перед смертью «открыл на Ахомая многие подозрения».[4] Кроме того, и многие недруги Ахмада после его смерти так-

---

[1] *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / Пер. В. Федорова. – М.: АСТ; Владимир: МКТ, 2008. – С. 311. Рашид ад-Дин называет Ахмада везиром, а Марко Поло – «баило», т.е. наместником, см.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II. – С. 187; Книга Марко Поло / Пер. И.П. Минаева; 4-е изд. // Путешествия в восточные страны / Вступ. ст., коммент. М,Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 253.

[2] Книга Марко Поло. С. 252–255; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 187–190.

[3] «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / Подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: Б.и., 2019. – С. 398.

[4] История Небесной империи. Т. I:. История первых пяти ханов из дома Чингисова / Пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского; коммент. Л.В. Тюрюминой; ред.

же осмелели и сообщили хану о его многочисленных злоупотреблениях. В результате следствие по поводу убийства сановника превратилось в расследование его собственных преступлений.[1]

В результате Хубилай 10 мая поручил одному из своих ближайших советников по имени Хархасун провести расследование деяний Ахмада, предоставив ему широчайшие полномочия.[2] Результаты расследования, о которых Хархасун постоянно докладывал хану, привели к многочисленным отставкам и привлечению к ответственности ставленников Ахмада из числа его родственников и приверженцев. Так, уже 24 мая был снят со своих постов целый ряд военачальников из числа бывших подчиненных Ахмада, а 4 июня лишились должностей 133 чиновника, получившие их от покойного канцлера за взятки. 7 июня была проведена ревизия в столичных и региональных хранилищах, в результате которой еще 581 чиновник был уволен, а некоторое и казнены. Ряд ведомств, созданных во время пребывания Ахмада у власти, был упразднен. 17 июня началось описание и изъятие в казну имущества самого Ахмада и членов его многочисленного семейства. 12 июля расследование коснулось и высших сановников империи: из тех 204, которые получили должности от своего покровителя, только 33 сохранили их.[3] Лишились должностей также многие представители канцелярии, скрывавшие нарушения, допущенные Ахмадом и, что интересно, члены Академии, восхвалявшие его заслуги. В то же время многие из чиновников, смещенных самим покойным канцлером, вновь получили возможность занять свои посты.[4]

По итогам расследования 3 октября хан Хубилай издал декрет, в котором предписывал Центральному секретариату «с соучастника-

---

В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 154.

[1] *Мэн Д.* Хубилай. С. 314; *Россаби М.* Золотой век империи монголов / Пер. с англ. С.В. Иванова. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 286; *Ma J.* The Conflicts between Islam and Confucianism and their Influence in the Yuan Dynasty // Eurasian influences on Yuan China / Ed. by M. Rossabi. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 2013. – P. 66.

[2] Несколькими днями позже, 16 мая, Хархасун был назначен старшим канцлером Центрального секретариата (см.: Анналы Хубилая. С. 399). Вероятно, этим назначением хан Хубилай предоставил ему право взаимодействия со всеми ведомствами империи Юань в рамках проводимого расследования.

[3] Анналы Хубилая. С. 399-405.

[4] История Небесной империи. С. 155-156; In the Service of the Khans: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period / Ed. by I. de Rachewiltz, Chan Hok-lam, Hsiao Ch'i-ch'ing, and P. Geier. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. – P. 552.

ми Ахмада исчерпывающе разобраться, вынеся приговоры».[1] Получилось, что те же чиновники во главе с Хархасуном, которые ранее проводили следствие и собирали доказательства вины родственников и соратников бывшего канцлера, теперь получили право суда над ними. В итоге в течение октября были казнены несколько сыновей и племянник Ахмада[2], а в конце ноября – ещё нескольких его сыновей.[3]

28 октября была учреждена «черная тетрадь» – специальный реестр, содержащий полный перечень сподвижников Ахмада, а 12 декабря публично обнародован список его преступлений, по оглашении которого было признано, что его убийство оказалось заслуженным.[4] По-видимому, именно к этому времени относится и «посмертная казнь» канцлера, способ которой также свидетельствовал о тяжести его преступлений: тело Ахмада было эксгумировано, к нему привязали веревки, за которые протащили по городу до базара, на котором бросили под колеса телег, которые переехали его, тем самым разделив на части, а потом, по некоторым сведения, вывезли к городским воротам и бросили на съедение собакам.[5]

Изложив факты, нашедшие отражение в источниках, перейдём к анализу процессуальных действий, совершенных Хархасуном и его

---

[1] Анналы Хубилая. С. 405.

[2] Их казнили путем сдирания кожи – такая казнь назначалась за тяжелейшие государственные преступления, см. подробнее: *Рыкин П.О.* К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб.: Кунсткамера, 2009. – Кн. 2. – С. 169-177.

[3] Анналы Хубилая. С. 406, 407, 410; История Небесной империи. С. 255; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 190. На этот раз была применена казнь с последующим разрубанием тем, что должно было свидетельствовать о еще большей тяжести совершенных им противоправных деяний (см.: *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. С. 235). Подобные наказания и в китайской, и в монгольской традиции имели также символическое значение: расчленение тела, т.е. лишение его целостности, обрекало душу на скитания в потустороннем мире, см.: *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. – М.: Наука, 1986. – С. 62-63.

[4] Анналы Хубилая. С. 408, 410.

[5] Анналы Хубилая. С. 400 История Небесной империи. С. 255; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 190; In the Service of the Khans. P. 552-553. См. также: *Россаби М.* Золотой век империи монголов. С. 286-287; *А.Г.* Элита Монгольской империи. С. 235; *Ch'en P.H.* Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. – Princeton: Princeton University Press, 1979. – P. 46; The Cambridge History of China. Vol. VI: Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 474.

помощниками.

Поводом для возбуждения дела послужили два факта: предсмертное признание Ван Чжу, убийцы Ахмада, и обращение его недоброжелателей к хану Хубилаю через его сына Чингкима, содержащее сведения о преступных деяниях бывшего канцлера.[1]

После этого последовало назначение чиновников, ответственных за расследование во главе с Хархасуном[2], которые немедленно приступили к выяснению обстоятельств дела. Обладая, как уже было отмечено выше, весьма широкими полномочиями, следователи привлекли обширный круг подозреваемых и свидетелей. Основными средствами получения доказательств в рамках расследования стали, таким образом, допросы (вероятно, в т. ч. с применением пыток и очными ставками для проверки и перепроверки полученных показаний), а также изучение изъятых документов.

Кроме того, в домах родственников и приверженцев Ахмада были проведены обыски, по итогам которых наиболее впечатляющие результаты были получены в доме вдовы сановника. Согласно Марко Поло, там был обнаружен драгоценный камень, который торговцы намеревались преподнести хану Хубилая через самого Ахмада, который его утаил.[3] Однако «Юань ши» содержит другие сведения: в доме была обнаружена секретная комната, в которой следователи наши два куска кожи с человеческой головы, «оба с остатками ушей», а также свитки с изображением всадников, вооруженных луками и саблями и

---

[1] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 189. В китайской историографической традиции Ахмад относится к «скверным министрам» и обвиняется в монополизации власти, см.: *Balaran P.* The biographies of three “evil ministers” in the Yuan Shih. Ph.D. Diss. – Cambridge: Harvard University, 1973. – P. 80-101; *Humble G.* Biographical Rhetorics: Narrative and Power in Yuanshi Biography. Ph.D. Thes. – Birmingham: S. n., 2017. – P. 227–-228; *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. – Paris: Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. – Vol. I. – P. 312; The Cambridge History of China. P. 473. Мусульманские же авторы отзываются о нем сочувственно и указывают на положительные последствия его деятельности, см.: *Lipman J.N.* Familiar strangers: A history of Muslims in Nortwest China. – Seattle; London: University of Washington Press, 1997. – P. 31-32, 35-36; *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. P. 10-11.

[2] Одним из участников следствия стал некий «По-ло», в котором одни исследователи видят чиновника монгольского происхождения Болода, а другие – ни кого иного как Марко Поло. – См.: История Небесной империи. С. 414, прим. 200; *Balaran P.* The biographies... P. 99-100.

[3] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 189. См. также: История Небесной империи. С. 414, прим. 206.

окружающих шатер правителя. В результате столь необычное наказание уже мертвого сановника объясняется тем, что он был обвинен не в измене, как принято считать, а именно в колдовстве, причём против хана: упомянутые куски человеческой кожи использовались для черной магии, тогда как картины с всадниками, окружающими шатер, должны были накликать беду на Хубилая.[1]

Следует отметить, что суровая ответственность за колдовство, особенно в отношении членов ханского рода, предписывалась уже Великой Ясой Чингис-хана. Процессы, связанные с колдовством, имели место в Монгольской империи и в государстве ильханов в Иране, причём обвинявшиеся в этом деянии лица подлежали суровому наказанию: например, Фатима-хатун, наперсница ханши Туракины, а также некий Шира (в своё время сам обвинивший Фатиму в колдовстве), признанные виновными в колдовстве, соответственно, против Годана, сына хана Угедэя, и Ходжи-огула, сына хана Гуюка, были подвергнуты мучениям, а затем утоплены. А когда некий Али-ходжа был обвинён в колдовстве против хана Мунке, то его стали «бить… слева и справа, пока все его тело не оказалось искрошено на мелкие куски». За деяния таких преступников несли ответственность и их родственники: жён и детей Ширы «предали мечу», т.е. казнили, а семейство Али-ходжи продали в рабство.[2]

Примечательно, что даже принадлежность к ханскому роду не спасала от жестокого наказания за колдовство, если обвинение было доказано (как правило, путём признания самих обвиняемых в результате допросов и пыток). Так, в 1252 г. по приказу хана Мунке были приговорены к утоплению Огул-Гаймиш – вдова хана Гуюка, регентша Монгольской империи в 1248–1251 гг., и Кадагач-хатун, мать Ширэмуна – внука хана Угедэя, которого последний указал в качестве наследника в своем завещании.[3] Аналогичным образом, одного из золо-

---

[1] *Balaran P.* The biographies… P. 100. См. также: *Мэн Д.* Хубилай. С. 314-315. Таким образом, не вполне обоснованным представляется утверждение А.Г. Юрченко, что Марко Поло заявил, будто Ахмад околдовал хана, «спасая репутацию Хубилая», который ошибся в выборе советника, см.: *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. С. 234.

[2] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 117; *Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; intr. by D.O. Morgan. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – P. 246-247.

[3] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 138-139; *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина; 3-е изд. // Путешествия в восточные страны /

тоордынских военачальников в войске персидского *ильхана* Хулагу – по одним сведениям Балакана, по другим Тутара (оба приходились внуками Джучи, старшему сыну Чингис-хана) – обвинили в колдовстве против *ильхана* и казнили.[1]

Исследователь П.С. Попов, анализируя влияние Великой Ясы на законодательство империи Юань, в частности – на свод законов «Юань дянь-чжан», созданный в начале 1320-х гг., приходит к выводу, что положение о суровых наказаниях за колдовство (включая убийство человека с целью использования его органов в колдовских ритуалах) перешло в этот правовой источник именно из монгольского имперского права.[2] Однако позволим себе не вполне согласиться с таким утверждением: сравнив «Юань дянь-чжан» с более ранними памятниками традиционного китайского права, мы можем обнаружить, что нормы об ответственности за колдовство присутствуют и в них.

Уже в древнем китайском праве была сформулирована концепция «десяти зол», наиболее чётко сформулированная в эпоху Тан[3]: в их число входило также и колдовство. Эта же классификация нашла отражение и в «Юань дянь-чжан».[4]

Так, в уложении VII века «Тан люй шу и» («Уголовных установлениях Тан с разъяснениями») ворожба и колдовство в отношении наказания приравнивались к замыслу убийства, причём если речь шла о посягательстве на «Того, кто в паланкине» (т.е. императора), то ви-

---

Пред. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 132, 175-176. Ср.: *Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror. P. 588.

[1] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 81-82; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. – М.-Л.: Изд-во АН ССР, 1946. – Т. III. – С. 54. Примечательно, что Хулагу сначала отослал подозреваемого Джучида к его непосредственному правителю – Берке, главе Золотой Орды. Однако обвинение было настолько серьезным, что последний счёл целесообразным отправить царевича обратно, предоставив решать его судьбу самому Хулагу, несмотря на то, что имел с ним довольно напряженные отношения.

[2] *Попов П.С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – 1906. – Т. XVII. – С. 0512, 0159.

[3] Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 87-88.

[4] *Ch'en P.H.* Chinese Legal Tradition. P. 47; *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan / Intr. par. P. Pelliot. – Paris: Ernest Leroux, 1985. – Vol. 1. – P. 14.

новного казнили путём обезглавливания (ст. 264).[1]

В тангутском «Измененном и заново утвержденном кодексе девиза царствования Небесное процветание» (XII в.) норма о наказании за колдовство из танского законодательства была, по-видимому, рецепирована, поскольку также приравнивает это деяние к умыслу на убийство (ст. 24), причем само деяние включено в раздел «Бесчеловечные поступки».[2] Кроме того, в этом своде законов появляются и статьи, предусматривающие ответственность за обучение колдовству, за недонесение об этом деянии и за подкладывание колдовской пищи – такие деяния карались удавлением (ст. 723, 724).[3]

Сохранилась ответственность за колдовство и в китайском законодательстве пост-монгольского периода. В частности, в «Законах Великой династии Мин» сохраняется отнесение «наведения чар» (*янь-мэй*) к «бесчеловечности», т.е. пятому из «десяти злодеяний» (ст. 2).[4] Несомненно, законодатели Минской династии опирались в этом вопросе не на монгольскую, а на традиционную китайскую традицию, хотя исследователи допускают влияние на этот свод законов и законодательства династии Юань.

Таким образом, мы в равной степени можем считать, что Ахмад мог быть казнён за колдовство как в соответствии с монгольским имперским правом, так и в соответствии с китайскими правовыми представлениями об этом деянии, его опасности и, соответственно, последствиях – особенно с учётом того, что речь шла о колдовском посягательстве на самого императора.[5]

---

[1] Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 17–25 / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – С. 54, 56.

[2] Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 1: Исследование. – М.: Наука, 1988. – С. 56, 62; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 2 (главы 1–7). – М.: Наука, 1987. – С. 31.

[3] Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 3 (главы 8–12). – М.: Наука, 1989. – С. 134-135.

[4] Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой; отв. ред. С. Кучера. – М.: Восточная литература, 1997. – Ч. 1. – С. 309.

[5] При этом нельзя не обратить внимания на сообщение Рашид ад-Дина, согласно которому идею выкопать и «казнить» тело Ахмада Хубилаю подали торговцы, постра-

Проведённый анализ, как представляется, отражает правовую ситуацию, складывавшуюся в империи Юань в эпоху Хубилая, в рамках которой происходило «притирание» правящей верхушки иностранного происхождения к традиционным китайским административным и правовым реалиям, восприятие определенных юридических принципов и институтов, что нашло отражение, в т. ч., и в процессуальной сфере. Вместе с тем, сравнительный анализ норм об ответственности за отдельные преступления – в частности, за колдовство – даёт основания считать, что в ряде случаев могли находиться точки соприкосновения в системе преступлений и наказаний у монголов и китайцев, что и обусловило впоследствии активный процесс рецепции формы и содержания китайского права в законодательстве империи Юань.

Источники и использованная литература:

Источники:

На русском языке:

1. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / Подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: [Б. и.], 2019. – 744 с.
2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой; отв. ред. С. Кучера. – М.: Восточная литература, 1997. – Ч. 1. – 573 с.
3. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 1: Исследование. – М.: Наука, 1988. – 462 с.
4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 2 (главы 1–7). – М.: Наука, 1987. – 704 с.
5. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. Кн. 3 (главы 8–12). – М.: Наука, 1989. – 621 с.
6. История Небесной империи. Т. I: История первых пяти ханов из дома Чингисова / Пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского; коммент. Л.В. Тюрюминой; ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 220 с.
7. Книга Марко Поло / Пер. И.П. Минаева; 4-е изд. // Путешествия в восточные страны / Вступ. ст., коммент. М,Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997.

давшие от сановника, см.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей Т. II. С. 189-190. См. также: *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. С. 235.

– С. 190-380.
8. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II. – 253 с.
9. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. – М.-Л.: Изд-во АН ССР, 1946. – Т. III. – 340 с.
10. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина; 3-е изд. // Путешествия в восточные страны / Пред. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 86-189.
11. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.
12. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 17–25 / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – 304 с.

На европейских языках:

13. *Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; intr. by D.O. Morgan. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – LXVII, 763 p.
14. *Ch'en P.H.* Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. – Princeton: Princeton University Press, 1979. – XIX, 205 p.
15. *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan / Intr. par. P. Pelliot. – Paris: Ernest Leroux, 1985. – Vol. 1. – XCIX, 349 p.

Общая и специальная литература:

На русском языке:

16. *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. – М.: Наука, 1986. – 264 с.
17. *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / Пер. В. Федорова. – М.: АСТ; Владимир: МКТ, 2008. – 416 с.
18. *Попов П.С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. XVII. – 1906. – С. 0150-0164.
19. *Россаби М.* Золотой век империи монголов / Пер. с англ. С.В. Иванова. – СПб.: Евразия, 2009. – 479 с.
20. *Рыкин П.О.* К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб.: Кунсткамера, 2009. – Кн. 2. – С. 169-177.
21. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 432 с.

На европейских языках:
22. *Atwood C.P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. – New York: Facts of File, Inc., 2004. – 678 p.
23. *Balaran P.* The biographies of three “evil ministers” in the Yuan Shih. Ph.D. Diss. – Cambridge: Harvard University, 1973. – 149 p.
24. *Engin B.* Ahmed Fanakati: Hayatı ve Mali Politikaları // Genç Kalemler. Tarih, Düşünce ve Kültür Dergisi. – Yil 5. – 2019. – Sayi 6. – S. 175-178.
25. *Franke H.* Ahmed: Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Chinas untet Qubilai // Orient. – 1948. – No. 1. – P. 222-236.
26. *Humble G.* Biographical Rhetorics: Narrative and Power in Yuanshi Biography. Ph.D. Thes. – Birmingham: S. n., 2017. – 389 p.
27. In the Service of the Khans: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period / Ed. by I. de Rachewiltz, Chan Hok-lam, Hsiao Ch’i-ch’ing, and P. Geier. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. – XXXVIII, 808 p.
28. *Lipman J.N.* Familiar strangers: A history of Muslims in Northwest China. – Seattle–London: University of Washington Press, 1997. – 266 p.
29. *Ma J.* The Conflicts between Islam and Confucianism and their Influence in the Yuan Dynasty // Eurasian influences on Yuan China / Ed. by M. Rossabi. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 2013. – P. 60-74.
30. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. – Paris: Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. – Vol. I. – XII, 611 p.
31. The Cambridge History of China. Vol. VI: Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – XXIX, 776 p.

Pochekaev R.Yu.

Trial after death: case of Ahmad Fanakati

The article is an analysis of trial over Ahmad Fanakati, powerful official of the Yuan Empire who was judged after his death, and his corpse after sentence was exhumed and put to shameful execution. Author studies procedural aspects of this case and clarifies reasons of such extraordinary trial and such severe adjudgement. There also an attempt of comparing of Mongol and Chinese regulations in cases of the same kind.

Keywords: Yuan Empire; Khubilai; Mongol law; Chinese law; court and proceedings.

Pochekaev Roman Yulianovich – Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state of the National Research University Higher School of Economics, Department of theory and history of law and sate (*Russia*, St. Petersburg, Kantemirovskaya str., 3, bd. 1).
E-mail: rpochekaev@hse.ru

УДК 340.15, 340.153, 94(510)

ТАЙЦИН ГУРУНЬ И УХЕРИ КОЛИ, ТО ЕСТЬ ВСЕ ЗАКОНЫ И УСТАНОВЛЕНИЯ КИТАЙСКОГО (*А НЫНЕ МАНЖУРСКОГО*) ПРАВИТЕЛЬСТВА[1]

(перевод с манжурского языка надворного советника коллегии Иностранных дел *Алексея Леонтиева*)
1781 г.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ ХАНА КАН СИ[2]

Рассматривая писания древние, не могу я о благоразумии царей и владык первых веков сомневаться; они правительствовали благочинно, повеления к подданным издавали, согласуя всегда с волею высочайшего неба, и с пользою, следовательно, общественною, а при том, установя для порядочного следования и исправления дел образцы и законы.

В книге *Шан шу*, и в книге *Дж[е]у ли* (*Чжоу ли – прим. ред.*) установления пяти царей и владык земли первых, описаны немногие, а установления со времен царствований *Танского*, и *Юйского*, начавшиеся[3] описаны достаточно; какие тогда установлены были суды, которых числом было девять, на чем основаны власти, кои назывались *Ио му* (*Яо му – прим. ред.*); как на сих установлениях управляемы были тогда, все города и области ближние и дальние; как во времена царей *Джеуских* (чжоуских – *прим. ред.*) разделены были начальства на шесть *кин*[4] [цин], что каждой управлял людьми особливо и как в тогдашние времена издаваемы были учреждения по благопристойностям и по согласованиям, смотря на встречающиеся случаи, примечая движения небесные, наблюдая удовольствия народные, каким образом от сих царей власти поручаемы были мужам избранным, и все дела управляемы были с успехами желанными и прочными.

Что касается до веков по древности первых, то в те времена между людьми, как дел, так и разглагольствий разнообразных не много происходило; по чему и осталася в книге *Шугин* (*Шу цзин – прим. ред.*) одна тех веков

---

[1] Впервые опубликовано: Тайцин гурунь и ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне Манжурского) правительства / Перевел с манжурскаго на российской язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтиев. – СПб.: Тип-я при Имп. Акад наук, 1781. – 16, [5], XLV, [11], 398 с. Электронный текст на сайтах: https://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1680-1700/Tajcin_Gurun/index.php (дата обращения: 10.11. 2023); https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Tajcin_Gurun/ index.htm (дата обращения: 10.11. 2023). В текст издания внесены некоторые технические изменения для прояснения смысла текста. В квадратных скобках […] – исправления и пояснения редакции.

[2] [Канси] – дед нынешнего хана (конца XVIII в. – *прим. ред.*) *Кянь Луна* [Цяньлун, 1735-1796]. Он царствовал 61 год, с 1662 года до 1723 года.

[3] Цари *Танские* начались с 2357 года, а цари *Юйские* с 2205 года до Рожд. Христ.

[4] Цари *Джеуские* (чжоуские – *прим. ред.*) началися с 1122 года до Рожд. Хрис. *Кин* [цин]: судия.

память о даваемых людям от владык земли наставлениях кратких.

Но как в книге *Джеули* (*Чжоу ли – прим. ред.*) описаны царей и владык земли даже притчины и намерения, при издавании в народ законов, и при возлагании на начальников должностей, соответствующие, то по сему, переходя она от века в век, представилася образцом книге *Лу дянь* правительства *Танского*, и книге *Джу сы* (*Чжу сы – прим. ред.*) правительства *Минского*.[1] Хотя законы и учреждения начинаемы и утверждаемы были по векам, и не во всем сходственно, однако на основаниях всегда прежних веков, и с подражаниями, когда для мелочных дел отменные расправы по благопристойностям требовалися.

Я с высокопочитанием воспоминаю великие дела Государей предков моих, как вышний *хуанди Тай дзу*[2] (Тай-цзу – *прим. ред.*), пресекши смятения разных народов, умножил и распространил благоприобретенные земли и области; какие Его Величество вновь издал законы и уставы, и многие учредил образцы и средства, когда ко избавлению народов драгоценнейший престол постановил, и славно правительствовать начал! Как проницательный *хуанди Тай дзун* [3] (Тай-цзун – *прим. ред.*), возвеличил правительствование свое добродетелию и мудростию, и утвердил владычество свое муже швом и храбростию, расположил загоны и образцы на статьи и отделении, восстановил всюду благоустройство полное! Как просвещенный *хуанди Шунджи*[4] (Шуньчжи, 1644-1661 гг. пр. – *прим. ред.*) определил быть законам всей поднебесной во едине и оказал благомудрие свое всем владычествам; при нем, по делам и надобностям многих народов, явились согласовательные средства, и от него спасительные поучения доходили всюду; словом заключить, вознес и украсил Его Величество премудрое правительствование свое всеми благими.

Со вступления моего на прародительский наследственный престол, чему уже тридцать лет, опасаюся я и страшуся во дни и ночи, как бы мысленно шествуя по следам благоразумнейших предков моих, не проступиться; сколь благи воображаю себе законы царей *Иоуя* (Яо – *прим. ред.*), *Шуня*, *Юйя*, [Чэн] *Тана*, *Вена*[5] (Вэнь-вана – *прим. ред.*), которыми они себе и подданным мир и блаженство доставляли и соблюдали. В таких я будучи помышлениях, часто говорю всем вельможам моим, *будьте вы мне желаемою надеждою*, *исправляйте возложенные на вас должности с большим рачением*. Стараюсь я прилежно, чтоб каждое дело решено было, и каждый закон издан был, не противно преданиям древним, и сходственно с желанием народным;

---

[1] *Танские* цари начались с 638 [г.], *Сунские* с 961 [г.], а *Минские* с 1369 года от Рожд. Хрис.

[2] *Хуанди* – значит: “Цар[ь] Царей” (т.е. император – *прим. ред.*). *Тай дзу* (Тай-цзу – *прим. ред.*) начал царствовать с 1616 года. Он из манжурских ханов первый.

[3] *Тай дзун* (Тай-цзун – *прим. ред.*) сын Тайдзуев (сын Тай-цзу – *прим. ред.*) начал царствовать с 1627 года.

[4] *Шунджи* (Шуньчжи – *прим. ред.*), сын Тайдзунов (Тай-цзуна – *прим. ред.*), овладел Китайским государством в 1644 году и начал в сем году царствовать.

[5] Имяна царей древних.

для сего я всякое решение, и всякое издание отдаю ко исполнению *ямуням* в то время, когда сам с *амбаням* обстоятельно рассуждал, и до тонкости рассматривал.[1]

Знаю я, что в прибавлениях и во убавлениях законов и образцов государственных ничего такого не сыщется, что бы не могло касаться народного состояния; знаю, что легко исполнять то, что осталося на святом средоточии[2], что можно соблюсть чистоту того закона, который в разуме одинаком, а не двояком, и что правление государственное не бывает колеблемо, и все государство не чувствует опасности, тем только, когда во утверждении законов употреблено прилежнейшее рассмотрение. Совершенно при всем том знаю, что все оное весьма нужно есть и весьма важно.

Ради сего повелел я ученым вельможам моим составить книгу сию о всех законах и установлениях правительства нашего рачительно, и они составили ее со всеми основаниями и обстоятельствами, внеся в нее прежние и нынешние установления по годам отмененные и не отмененные, означая понудившие притчины со всеми подробностьми, и ничего из порядка не выпуская. Заключаю об ней словом, полна началами и концами, изобильна чистотою и ясностию. Теперь ею, тот великий закон, который есть закон всем человекам спасителен, начал сиять на земли как на небе солнце; и те благие установления, которые суть обществу общественные, стали блистать здесь как тамо звезды; по чему ныне для всех людей в государстве, пути и пристанища видимы суть и готовы.

В книге *Шигин* (*Ши цзин – прим. ред.*) есть стих: *Спасительные мне в жизни пути*, *суть древние законы*; *я по них следую не забывая их и почитая*; еще сказано в книге *Шугин* (*Шу цзин – прим. ред.*): *учителями да будут обычаи и законы*. А мы ныне можем говорить так: *нашего правительства законы и образцы полностью и ясностию*, *законы и образцы многих веков превосходят*; в них нет пустословной прикрасы, и витиеватых узоров, сделаны с рассмотрением крайним, и утверждены с рассуждением основательным; по чему от почитания и последования написанных в сей книге благоразумных и спасительных установлений исправятся все начальства, исправится и весь народ; следовательно пребудет тишина и благоденствие во всем государстве; и так еще заключить, что на таких установлениях зависит неизменяющееся блаженство всех веков, по чему всяк по частям принимать их на ум свой и сердце долженствует.

КАНСИ[3],
государствования 29 года, 4 луны 26 дня.[4]

---

[1] *Ямунь*: приказ; *Амбань* вельможа.

[2] Средоточием разуметь должно справедливость, равновесие, не наклонность, не прилеглость, не переходность, и не недоходность.

[3] Сын *Шунджиев* (сын Шуньчжи – *прим. ред.*), 4-й хан Манжурский. [Канси, 1662-1722 гг. пр. – *Прим. ред.*]

[4] 1690 года от Рожд. Христ. Он упомянул выше сего, что со вступления его на престол минуло

СОЧИНИТЕЛИ КНИГИ

По высочайшему Государеву повелению законы и установления *Тайцинского* правительства[1] (правительства династии Великая Цин – *прим. ред.*), собирали и сочиняли вышних и нижних чинов люди, коих клас[с]ы, имяна, и должности суть следующие:

Алиха битхей да – Исанга.

Алиха битхей да – Вин Хи.

Асхани амбань[2] – Интай.

Первые два были главными судьями и рассматривателями всего, что к книге принадлежало, а последней был помощник их.

5 клас[с]а старшего, Астань, Хейзе, всего 13 человек должность имели все, что к книге принадлежало собирать и сочинять. [***]

Того же клас[с]а – Фасен и еще 3 человека.

5 клас[с]а младшего Чан Най и еще 11 человек. Употреблены были в переводах к книге принадлежащих.

К списываниям и перепискам на бело, употреблялись 38 человек, а к порядочному содержанию и хранению писем употреблялись 4 человека, которые имели разные чины нижних классов.

А всех при сочинении людей употреблено было, включая и главных, 72 человека. [***]

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

от переводившего книгу сию

По предисловия Хана Кан Си, в котором содержание книги сей описано достаточно, следует мне, любопытные читатель, почтеннейше донесть вам о находящихся в ней Китайских и Манжурских названиях, достоинствам, чинам их, присудственным местам, и протчему, *которых переводить не должно, или же некоторых и не можно; я объяснявши оные при переводе моем порознь, на собственных начальных их местах ремарками, и видя по частым встречам с ними, что должен для вас или повторять объяснения ремарками, или указывать передние страницы, где смотреть ремарки, принял ко способнейшему вам чтению за благопристойность, собрать все такие названия в одно место, расписать их по алфавиту Российскому, и присовокупить к некоторым из них объяснения пространнее ремарков, дабы можно было вам, любопытный читатель, на встречающиеся названия просматривать объяснения удобнее в* [***] *алфавите, которой при сем предлагаю. О чинах и о клас[с]ах их для соображения оных с Российскими чинами и класами по ближним подобиям, долг имею предварительно уведомить вас, что все у них чины расположены вообще на 9 класов, а во отделении на 18 клас[с]ов, тем, что хотя имянуется у них число 9-ти класов, но каждой клас делится надвое, на старшей и младшей, и по сему в существен-*

тридцать лет, а здесь написал 29 год, по тому, что у них тот начавшийся с 1 числа первой луны год, в котором новой хан владеть начал, числится за прежним ханом пред бывшим.

[1] *Тайцин*: значит: *весьма чистый*. О сих словах пространно объяснено в алфавите ниже сего.

[2] *Алиха битхей да*: так называется у них верховн[ы]й вельможа, а *асхани амбань* – вице-президент их.

ности всех класов 18: У них 9 число сие, почитается преимущественнее других чисел, как в вещах, так и в церемониях, особливо при дворе тамошнем бываемых; чиновные пред престолом Государя своего становятся по класам рядами на 9 частей таким образом:

1 клас[с] старшей,

1 клас[с] младшей,

2 клас[с] старшей,

2 клас[с] младшей.

Так и все протчие 7 клас[с]ов по частям становятся. Сверх сего моего объяснения, можно вам о класах, и при том о всех статских чинах их уведомиться от шестой части книги сей, в ней показано о сем обстоятельно. Вы, любопытный читатель, изволите [***] *увидеть по алфавиту и по ремаркам, как я чины их уподоблять здешним чинам старался, какие ко удовольствованию любопытства вашего во многих местах перевода моего примечания сделал, и по каким материям принужден был скучные описания в оригинале оставить; кроме того есть по книге и такие места, которые переводил и перевожу я не подлинником, а экстрактом, ненадобное минуя, но цель надобности и любопытства соблюдал и соблюдаю я во всей полности и до точности оригинала, держася даже и подлинных изречений оригинальных: Словом доношу, старался я здесь, любопытный читатель, оказать вам таковыми трудами услугу, по всей возможности.*

А.Л.

АЛФАВИТ[1]

на китайские и манжурские названия, в книге сей находящиеся,
по буквам российским, с объяснениями.

А.

АДАХА БИТХЕЙ ДА [маньчж.]: чин их обер-секретаря сенатского: 5 младшего клас[с]а.

АДАФИ БАЙЧАРА [маньчж.]: *Приданный к исследованиям пороков и проступок*: чин 4 старшего клас[с]а.

АДАХА ХАФАНЬ [маньчж.]: *Приданный начальник*, чин наследственн[ы]й: 3 клас[с]а старшего.

АДУНЬ ДА [маньчж.]: *Начальник у скотоводства*, 6 старшего клас[с]а.

АЙЖИЛАКУ [маньчж.]: слово производное от глагола, *помогаю*, значит секретарск[и]й чин, 5 младшего клас[с]а.

АЛИХА БИТХЕЙ ДА [маньчж.]: *Главн*[*ы*]*й письменн*[*ы*]*й управитель*, то есть статской верховнейший министр, 2 старшего клас[с]а их.

АЛИХА АМБАНЬ [маньчж.]: президент (глава коллегии – *прим. ред.*), 2 старшего клас[с]а.

АЛИХА ХАФАНЬ [маньчж.]: *Начальствующий*, судья.

АЛИФИ ТАЦИБУРЕ [маньчж.]: *Главн*[*ы*]*й учитель*, судья, 4 старшего клас[с]а.

АЛИФИ БАЙЧАРА АМБАНЬ [маньчж.]: вельможа главн[ы]й над изыскиваниями пороков и проступок.

АЛИФИ ХАФУМБУРЕ [маньчж.]: председатель в таком месте, где следуемые к Государю доклады и челобитные приходят, и по них решительные повеления

[1] [Написание китайских и маньчжурских терминов в конце XVIII века **отличалось** от современной транслитерации китайской лексики. – *Прим. ред.*].

отсылаются: 3 старшего класа.

АЛБАНЬ [маньчж.]: ясак, подать, дань.

АМБАНЬ [маньчж.]: вельможа, министр, и общее название всем чиновным, которые вышних степеней.

АНЬЧАШИ [аньчаши][1]: *розыскной судья*; 3 старшего клас[с]а.

АСХАНИ БИТХЕЙ ДА [маньчж.]: *Присовокупленный управитель*, чин заседателя в их сенате, 3 старшего класа.

АСХАНИ АМБАНЬ [маньчж.]: вице-президент (заместитель главы коллегии – *прим. ред.*); чин 3 старшего класа.

АСХАНИ БАЙЧАРА АМБАНЬ [маньчж.]: вельможа, товарищ над изыскиваниями пороков и проступок; 3 старшего класа.

АСХАНИ ХАФАНЬ [маньчж.]: *Приданный начальник*; чин наследственн[ы]й, 3 клас[с]а старшего.

Б.

БАЙЧАМЕ ТУАРА ХАФАНЬ [маньчж.]: *изыскатель*, *присматриватель*.

БАЙТАЛАБУРЕ ХАФАНЬ [маньчж.]: *Начальник ко употреблению*; чин наследственной, 4 клас[с]а старшего.

БАН[2]: лаковая доска, на которой написаны бывают имяна удостоенных по экзамену студентов, и которую вешают на воротах у коллегии благочиния для обнародования.

БАЯРА [маньчж.]: воин их гвардии.

БАЯРА ДЖУАНЬ ДА [маньчж.]: десятник, или капрал их гвардии.

БЕЙЛЕ [маньчж.]: князь старший.

БЕЙЗЕ [маньчж.]: князь младший.

БЕЙ [бэй][3]: так называется такой столб каменной, которой с надписью, становит на могиле покойника.

БИТХЕЖИ [маньчж.]: подьяч[и]й, у них подьячие рангованые: 9 младшего клас[с]а.

БИН МА СЫ [бинмасы][4]: экспедиция, которая изыскивает воров и всяких непотребных людей.

БИТХЕЙ ЯМУНЬ [ямэнь]: Приказ или правление писаний.

БИОУ: доношение, реляция.

БИТХЕ ХУЛАРА [маньчж.]: чтец.

БОУБАЙ: слово сие значит драгоценность, так называется большая печать государственная.

БОУ ЦЮАНЬ: название денежного двора.[5]

---

[1] [按察使 кит. *àньчáший* – …2) заведующий судебной частью, эмиссар юстиции (главный судья) в провинции (*дин. Мин – Цин*). (Написание китайских терминов дано по: Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т. I–IV). – *Прим. ред.*].

[2] [榜 кит. *бáн* – 1) объявление, доска объявлений, оповещение; 2) список, перечень (*напр. выдержавших экзамен*)… – *Прим. ред.*].

[3] [碑 кит. *бэ̄й* – стела, мемориальная доска; монумент, надгробный памятник, обелиск. – *Прим. ред.*].

[4] [兵馬司 кит. *бӣнмáсы* – 1) полицейское управление (*в столице*, *дин. Мин, Цин*)… – *Прим. ред.*].

[5] [錢法堂 кит. *ця́ньфáтáн* – *ист.* денежный двор, ведавший чеканкой монеты (*дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

БОШИ[1]: *Разбиратель писаний по материям*, название чина.

БОИ ДА [маньчж.]: дворецкой дома принцова: 6 старшего клас[с]а.

БО: можно назвать бароном их.

БОУЛА: рапорт.

БУДЖЕН СЫ [бучжэнсы][2], или БУДЖЕН ШИ [бучжэнши][3]: казначей, котор[ы]й собирает подати и оброки. Чин против бригадира, 2 клас[с]а младшего их.

БУДАЙ ДА [маньчж.]: начальник над кухнею в доме принца: 6 старшего клас[с]а.

В.

ВАН[4]: название китайское, значит принца, владельца; они называют и королей всех *ван*ами. Достоинство сие делится у них на две степени, старшую и младшую, по названиям таким, *цин ван*, *гюн ван*.

ВЕЙ [вэй][5] или ВЕЙШО [вэйсо][6]: гарнизон: так иногда и начальники гарнизонные называются.

Г.

ГАОМИН[7]: патент, которой дается на вышние чины.

ГАЛАЙ АМБАНЬ [маньчж.]: вельможа, военной, которой управляет частью проворных воинов конных гвардии их на правом или левом крыле, чин 2 класа старшего.

ГАПШИХЯНЬ ХЯ [маньчж.]: отборн[ы]й и проворн[ы]й воин, которой носит на шляпе или на шапке павлинное, или лазоревое перо; есть такой у них корпус, из которого бывают телохранители при *хане* их.

ГАПШИХЯНЬ ДЖУАНЬ ДА [маньчж.]: можно назвать десятником или капралом проворных воинов, таких, которые перьев как предписанные не носят, и из которых есть особой корпус весьма почтенн[ы]й.

ГЕГЕ [маньчж.]: слово *манжурское* не производное, а только возносится из почтения к одним девицам рожденным от отцов царской крови.

ГИЗУРЕРЕ [маньчж.]: предлагатель: 7 старшего клас[с]а.

---

[1] [博士 кит. *бо́шѝ* – 1) доктор [наук] (*учёная степень*); 2) мастер-профессионал, знаток; 3) *устар.* доктор по каноническим книгам (*наследственный титул лица, приносящего жертву внуку Конфуция* 子思); 4) *устар.* старший учёный, главный эрудит (*также должность и звание, с дин. Цинь*)… – *Прим. ред*].

[2] [布政司 кит. *бу́чжэ̀нсы̄* – *ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*отдельной провинции, дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред*.].

[3] [布政使 кит. *бу́чжэ̀нш* – *ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред*.].

[4] [王 кит. *ва́н* – 1) ван, князь; царь, король; император, государь, монарх; 2) великий князь, принц; ван, князь (*титул высшей знати*)… – *Прим. ред*.].

[5] [衛 кит. *вэ̀й* – *сущ*. 1) охрана, стража; караул; …3) *ист.* вэй (*военно-адм. единица Китая с гарнизоном в 5600 чел., дин. Мин*); гарнизон, форт; военное поселение, сторожевой пост (*см.* 衛所). – *Прим. ред*.].

[6] [衛所 кит. *вэ̀йсо̄* – *ист*. 1) вэй и со (*пункты расположения районных – 5600 чел. – и местных – 1120 чел. – войсковых гарнизонов, дин. Мин; также система организации территориальных войсковых частей*); 2) военно-этапные сторожевые пункты (*1-го и 2-го разряда, для охраны перевозок хлебного налога по Великому каналу, дин. Цин*). – *Прим. ред*.].

[7] [誥命 кит. *гдомѝн* – *сущ*. 1) указ, рескрипт; 2) предписание (приказ) о назначении (*чиновников I – V классов, с эпохи Сун*)… – *Прим. ред*.].

ГИН ЛИ СЫ [цзинлисы]: экспедиция инспекторская.

ГИН ЛИ [цзинли]: инспектор, 6 младшего клас[с]а.

ГИН [цзин]: осмотр; места, где осмотры бывают, округ Пекина.

ГИОРО [маньчж.]: так называется род *хан*ск[и]й, тот, которой по крови дальней, и идет от шести братов начального манжурского *хана*, а прямее назвать старшины, которой с начала из манжур превосходнее всех оказался, и признан от всех вождем: рода сего простые, то есть, не состоящие в степенях, принцы крови, которые носят красные поясы, называются Гиорами. Слово сие манжурское не производное.

ГО ДЗЫ ГЯНЬ [гоцзыцзянь][1]: Главное в Пекине училище – значит их университет.

ГУЗА [маньчж.]: слово *манжурское* не производное; можно перевесть так, *часть войска*, *корпус военной*, *дивизия*, знамя. У них 8-[мь] *гуза*, то есть 8 знамен, значат дворянство их, состоящее из людей трех родов, главного рода всех манжур, и двух низших родов *мунгал*[2] и китайцев, тех, которые у манжур до обладания всего Китая жили и служили; вообще хотя и называются 8-[мь] знамен, но порознь на каждой род по 8 знамен деляся, составляются 24 знамя.

Первые 8 знамен называются: *манджу гуза*; манжурские знамена.

Вторые 8 Знамен называются: *монго гуза*: мунгальские знамена.

Третьи 8 Знамен называются: *уджень чоха гуза*: тяжелого войска знамена [китайцы].

Гуза, то есть знамена делятся еще на две *гала*, на две руки по их званию, то есть на два крыла.

Левое крыло имеет знамена желтое с каймою, белое, белое с каймою, синее.

Правое крыло имеет знамена, желтое, красное, красное с каймою, синее с каймою.

Гуза: каждой имеет в себе 5 *джала* – полков.

Первой *джала*, второй *джала*, третей *джала*, четвертой *джала*, пятой *джала*.

Джала имеет *ниры*, [то есть роты] не по равному числу.

Ниру, имеет 100 воинов.

ГУН[3]: можно назвать графом; они российского посла графа Рагузинского *гуном* назвали, и написали в трактате.

ГУН ДЖУ [гунчжу][4]: слово китайское, значит владычицу общества.

ГУАНЛУСЫ[5]: Приказ столовых и протчих припасов.

---

[1] [國子監 кит. *го́цзы́цзя̀нь* – Гоцзыцзянь (*букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне - музей в Пекине*). – *Прим. ред.*].

[2] [*Мунгалы* – это этническая группа монголоязычного населения, ассимилировавшаяся с местным русским населением Забайкалья и проживавшая в основном в Приаргунье Забайкальского края. С этнонимом «*мунгалы*» связаны такие понятия, как «мунгальский чай», «мунгальская сопка», «мунгальская ложбина», а так же фамилия Мунгаловы. – *Прим. ред.*].

[3] [公 кит. *гӯн* – …5) гун (*первый ранг придворных или чиновников*). – *Прим. ред.*].

[4] [公主 кит. *гӯнчжӯ* – 1) дочь императора, принцесса; королевна; царевна; принцесса крови, великая княжна… 2) дочь владетельной особы, княжна, царевна, королевна (*о замужних или помолвленных*). – *Прим. ред.*].

[5] [光禄寺 кит. *гуāнлу́сы̀* – пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци,VI в.* …). – *Прим. ред.*].

ГУЗАЙ АМБАНЬ [маньчж.]: вельможа военн[ы]й, правящий знамем, то есть генерал правящий дивизиею; чин первого клас[с]а старшего.

ГЮЙ ЖИНЬ [цзюйжэнь][1]: *Превосходный человек*; так называются у них философы [философы] 2 статьи.

ГЮАНДЗЫ [цзюаньцзы][2]: сверток.

ГЯНГЮНЬ [цзянцзюнь][3]: генерал.

ГЯНДУ [цзянду]: комендант.

ГИНЬ [цзинь][4]: фунт китайск[и]й; в нем весу росс[ийский] фунт с четвертью.

Д.

ДАРА ХАФАНЬ [маньчж.]: *Вступающийся в дела*, чин 6 старшего клас[с]а.

ДАЙ ЛИ СЫ [далисы][5]: приказ истязаний.

ДАНЗЕ: журнал.

ДЖАНЬ ШИ [чжаньши]: *Объяснитель*, чин 3 старшего клас[с]а.

ДЖАНГИН [чжанцзин (?)][6]: начальник, чиновной человек.

ДЖАЛАНЬ [чжалань]: полк.

ДЖАЛАНЬ ДЖАНГИН [чжалань чжанцзин]: чин их полковника, состоящей в 3 клас[с]е старшем.

ДЖЕНЬ [чжэнь]: можно назвать гарнизонным лагерем неподвижным; строят домики для солдат и офицеров вне города, такие лагери у них при всех знатных городах; здесь во Академии художеств есть лагерю модель.

ДЖЕРГИ [маньчж.]: *старшинство*, *замечание*, или назвать *нота Nb*. Она есть двух родов, и жалуется чиновным за услуги: одна на чин и называется *нонгиха джерги*, то есть *прибавленая нота*: другая на жалованье, и называется *эджехе джерги*, то есть *памятная нота*. Прибавленая служит к ближнему в чин произвождению, и к заплате штрафа, ценяся против целого ранга, таким образом, что того чиновного, которой имеет прибавленую ноту, скорее другого произведут, а когда за вину осудят его лишить одного ранга, то с него в место ранга ноту снимут. Памятная ценится против полугодового по окладу жалованья, и при штрафовании, когда за полгода жалованья надобно отнять, заменяется. Обе сии ноты служат чиновному до того времяни, когда рангом повышен будет [и он до повышения с ними пишется]. А числа нот, до скольких одному чиновному за услуги жаловать, не положено, и по тому каждой чиновной может получать оные по выслугам своим.

ДЖИ ДЖЕУ [чжичжоу][1]: воевода средней статьи, 5 младшего клас[с]а.

---

[1] [舉人 кит. *цзю́йжэ́нь* – …2) цзюйжэнь, кандидат (*вторая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[2] [卷子 кит. *цзюа̀ньцзы* – 1) книга, свиток (*книги, картины*)… – *Прим. ред.*].

[3] [将軍 кит. *цзя̄нцзю̄нь* – 1) генерал; 2) полководец, командующий; 3) *ист.* воевода, командир провинциального (*при дин. Цин – знамённого*) гарнизона. – *Прим. ред.*].

[4] [斤 кит. *цзӣнь* – 1) полкило, цзинь (*китайский фунт; 10 лянов/500 граммов в КНР и Малайзии, 16 лянов/600 граммов в Гонконге, Сингапуре, на Тайване и др.*). – *Прим. ред.*].

[5] [大理寺 кит. *да̀лйсы̀* – *ист.* Ревизионная палата, Палата по уголовным делам; апелляционный суд (*до конца дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

[6] [(?) 章京 кит. *чжа̄нцзин* – (*ист.*, *маньчж.*) чжанцзин: 1) военный чин в знамённых войсках, соответствующий *дутуну* или его заместителю; 2) начальник канцелярии (*дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

ДЖИ ХЯНЬ [чжисянь][2]: воевода меньшой статьи, 6 старшего клас[с]а.

ДЖЕУ ПАНЬ [чжоупань][3]: товарищ воеводы, средней, статьи.

ДЖИ БУ [чжибу]: товарищ воеводы, меньшой статьи.

ДЖИ ФУ [чжифу][4]: воевода первой статьи, 4 старшего клас[с]а.

ДЖУРГАНЬ [маньчж.]: коллегия – у них шесть государственных коллегий: чинов, доходов, благочиния, воинская, юстиции и исследований, строений и художеств.

ДЖУН ШУ [чжуншу][5]: писец.

ДЗИНЬ ШИ [цзиньши][6]: так называется философ вышней степени. Слово сие значит собственно, *познает премудрость*, или *входит в число премудрых мужей*.

ДЗИНКИНИ ХАФАНЬ [маньчж.]: *настоящий начальник*, чин наследственн[ы]й первого клас[с]а старшего.

ДЗУН ЖИНЬ ФУ [цзу́нжэ́ньфу][7]: название такого приказа, у которого под ведомством все принцы царской крови. Сии слова китайские, значат *Покров царскому роду*.

ДЗУН ДУ [цзунду][8]: губернатор.

ДОУ ЛУ СЫ: экспедиция, которой подсудны попы стоического закона.

ДОУ: присудственное место изысканий и поправлений.

ДОУЛИ, или ДОУ: *изыскат*[*ел*]*ь и исправитель*, чин 3 младшего клас[с]а.

ДУЙ ДЗЫ [дуйцзы][9]: стих, состоящей в двух строках, писан бывает большими и мастерскими буквами на доске, а чаще на бумаге; везде лепят *дуй дзы* на воротах даже и в деревнях, бумага бывает разных кодеров, листы большие; переменяют бумагу с стихами на 1 число нового года, чрез каждой год однажды.

ДУСЫ[10]: имеет должность малого казначея, чин статск[и]й (т.е. гражданский – *прим. ред.*) 7 клас[с]а старшего.

ДЯНЬ ДЗИ [дянь цзи]: служитель, чин имеющей.

И.

ИЛХИ ХАФАНЬ [маньчж.]: помощник, чиновной судья.

ИЛИРЕ ТЕРЕ БЕ ЕДЖЕРЕ ЯМУНЬ [ямэнь] [маньчж.]: сии слова собственно значат: приказ такой, которой записывает Государевы стояния и сидения, то есть ведет журнал Государевым упражнениям.

ИЛХИ ТАЦИБУРЕ [маньчж.]: помощник, учитель, судья.

ИЛХИ [маньчж.]: помощник: чин 4 клас[с]а старшего.

---

[1] [知州 кит. *чжӣчжбу* – правитель округа. – *Прим. ред.*].

[2] [知縣 кит. *чжӣсянь* – начальник уезда. – *Прим. ред.*].

[3] [州判 кит. *чжбупа̀нь* – *стар.* младший помощник начальника округа (*дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] [知府 кит. *чжӣфу̀* – начальник округа, правитель области. – *Прим. ред.*].

[5] [中書 кит. *чжу́ншу̀* – … 2) *ист.* секретарь государственной канцелярии. – *Прим. ред.*].

[6] [進士 кит. *цзѝньшѝ* – цзиньши (*высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй*). – *Прим. ред.*].

[7] [宗人府 кит. *цзу́нжэ́ньфу̀* – министерство по делам Двора (*эпохи Мин–Цин*). – *Прим. ред.*].

[8] [总督 кит. *цзу́ндӯ* – 1) генерал-губернатор, наместник… – *Прим. ред.*].

[9] [对子 кит. *дуйцзы* – 1) парные надписи (*для украшения*); парные (ритмические) изречения, дуйцзы. – *Прим. ред.*].

[10] [都司 кит. *дӯсы̄* – *ист.* дусы (а) *придворный цензор-секретарь, дин. Тан*; … в) *офицер армии или полиции IV класса, дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

ИНЬ ШЕН [инь шэн]: студент чиновн[ы]й.

ИХАНЬ ДА [маньчж.]: начальник над заводом, в котором быков разводят, 8 старшего класа.

ИЦИХЯКУ [маньчж.]: исправник, чин 6 младшего клас[с]а.

ИЦИХЯРА [маньчж.]: слово производное от глагола *исправляю*, значит; обер-секретарск[и]й чин, 5 старшего клас[с]а.

К.

КАН СИ [1661-1722]: четверт[ы]й *хан* манжурск[и]й, дед нынешнего хана *Кянь луна* [Цяньлун, 1735-1796 гг. пр.]; он [Канси] царствовал 61 год, с 1662 до 1723 года (1661-1722 гг. – *прим. ред.*).

КИН [цзин]: мера земли: *кин* имеет в ширину Российских сажен 500, в длину 3000: а квадратных 6 верст. В одном *кине* [цзине] сто *му*[1]: а одна *му* имеет российских сажен в ширину 5, в длину 30, а квадратных 150.

У них на пашенные земли есть положенной в древние времена закон такой: *900 му мерою земли отдается на 8 дворов крестьянских*, *с тем*, *что каждой двор взявши из 900 му по 100 му про себя*, *должны*, *все восемь дворов вообще прежде сработать девятое сто му земли*, *которое между осмью стами му в средине*, *и которое называется* чахинь ужинь (*колодезная пашня*) *для казны государственной*.

В одной *му*[2] десять *фунь* [фэнь][3], а один *фунь* составляет 15 квадратных сажен.

В одном *фуне* [фэнь] десять *ли*, а одна *ли* составляет и $1\ ^1/_2$ квадратной сажени.

В одной *ли* десять *хоу*, а одна *хоу* составляет $^3/_{20}$ квадратной сажени.

КО: слово китайское, значит *равновесие*, *равномерие*, *степень*, *правило*: так называются канторы [конторы] прокурорских дел. *Ко* называются и сами прокуроры их, или фискалы, которые должность имеют доносить Государю на начальников о беззаконных делах и о порочных поступках их.

КУАРАНЬ ДА [маньчж.]: можно назвать главным квартермистром.

КЫН [цин[4]]: девять *кын* [цинов], то есть девять советников, которые прожекты и представления подаваемые *хану*, но обыкновенно бываемым отмериваниям *хан*ским, вообще рассуждают, и свои *хану* мнения подают, будучи президентами порознь в шести коллегиях, *чинов*, *доходов*, *благочиния*, *военной*, *исследовании*, *строении* и *художеств* и в трех канцеляриях, *джань ши*, то есть объяснений, прокурорской, *доу* изыскания и исправления.

М.

МАНЖУРЫ [маньчжуры]: тот род людей, которой ныне всем Китаем владеет. Манжуры получили себе название сие *Манджу* (Маньчжу – *прим. ред.*) конечно от китайцев, по тому, что два слова *мань джу* (*мань чжу – прим. ред.*) суть китайские, и значат *наполнившаяся страна*. К подтверждению же сего служит и собственное их манжуров о себе описание; они пишут в лексиконе своем под на-

---

[1] [畝 кит. *мŭ* – *сущ.* 1) му (*мера земельной площади, равная 60 квадратным чжан* 丈 , *что соответствует приблизительно 0,07 га* (*667 кв. метров*, *7 соток*)). – *Прим. ред.*].

[2] [畝 кит. *мŭ* – см. выше].

[3] [分 кит. *фэ̄нь* – одна десятая часть числа, 10%; фэнь (*название меры, равной одной десятой различных мер, напр. таких, как* 寸, 畝… – *Прим. ред.*)].

[4] [卿 кит. *цĭн* – 1) сановник, вельможа, цин, министр; канцлер (*должность и звание*)… – *Прим. ред.*].

званием *Манджу* так:

Наш первый царь царей *Тай дзу* (Тай-цзу, 1616-1626 гг. пр.; личное имя Нурхаци – *прим. ред.*) от фамилии *Айжинь гиоро*[1], предками Его Величества получено блаженство от долгой горы Белой, которая высоты имеет 120, а округа 1000 *ли* (600 верст российских). На ней есть озеро *Тамунь*, около коего 70 *ли* (48 верст российских). Из озера сего вышли три большие реки: *Ялу*, *Хунтун*, *АЙХУ*.[2] Сей Государь *Тай дзу* [Тай-цзу], возымевши пребывание свое в городе называемом *Одоли*, которой стоял на восточной стороне от той Белой горы в степи *Омохойской*, и прекративши все смятения в тамошних людях, бывшие пред собою, основал правление, и назвал царство свое *Мань джу гурунь*.[3] В сие время пришли к Его Величеству в подданство орды такие:

Суксуху, *Саргу*, *Тямуху*, *Джань*, *Вангя*, *Элминь*, *Джакуму*, *Сакда*, *Суань*, *Танго*, *Ярху*, *Андарки*, *Ведзи*, *Хурха*, *Варка*, *Фю*, *Сахалча*;

А после, имея Его Величество оные орды под руками своими, от времени до времени покорил оружием, и привел к себе в подданство орды еще такие:

Джоугя, *Мартунь*, *Онголо*, *Анту Гуалгя*, *Хунехе*, *Томохо*, *Джангя*, *Барда*, *Джай Фань*, *Дунгя*, *Олхонь*, *Дун*, *Джушери*, *Неень*, *Фодохо*, *Сибе*, *Анчулаку*, *Хада*, *Джан*, *Акирань*, *Хесихе*, *Омохосоро*, *Фенехе*, *Хофа*, *Гое*, *Намдулу*, *Суйфунь*, *Нингута*, *Нимача*, *Ургучень*, *Мурень*, *Джакута*, *Ула*, *Увуи*, *Ярань*, *Сирин*, *Эхекурень*, *Гунаха курень*, Сахалянское княжество[4], область, в которой на собаках ездят, *Норо*, *Сирахинь*, *Ехе*, *Гуалча*, *Хинкань*, *Хунчунь*, *Куала*,

И все оные, как первые, так и последние орды совокупил Его Величество во едино, и сделал из них один род людей *Манджу*.

МУКДЕНЬ [Мукден]: Столичной город прежних манжурских *ханов*: *Мукдень*, слово сие значит *возвышение*, построен в то время, когда манжуры возвышаться начали, почему сей город первым *ханом* их и назван так; стоит он близко реки Амура, округ стены 5 верст и 200 сажен российских, ворот 8, от Пекина 882 версты на востоке.

МЫЙРЕНЬ ДЖАНГИН [чжанцзин] [маньчж.]: чин военной 2 клас[с]а старшего.

Н.

НИРУЙ ДЖАНГИН [чжанцзин] [маньчж.]: начальник роты, капитан их.

НИРУ [маньчж.]: можно переводить иногда ротою, иногда племенем или коленом: ротою по тому, что каждой их полк *джалань* называемой имеет в себе роты такие, что каждая состоит из 100 человек простых воинов, и из 4 человек офицеров: племенем или коленом по тому, что как народ манжурск[и]й есть составившейся из многих разных племен или колен[5], то первой *хан* манжурск[и]й

---

[1] *Айжинь* значит золото, а *гиоро* [*маньчж.* род] слово сие смотреть выше сего под [буквой] “Г.” Есть о золотой орде описание в книге перевода моего, коя под заглавием; *уведомление о войне у Китайцев с Зенгорцами*: напечатана она в 1777 году при Императорской Академии наук. [маньчж. *Айси́нь Гъоро́* (*Aisin Gioro*, 愛新覺羅 кит. *Айсинь Цзюэло* – букв. “Золотой род”) – маньчжурский род, управлявший империей Цин. – *Прим. ред.*].

[2] Из сих рек составилася (помнится) Амур река.

[3] Манжурское царство: по китайскому названию *Мань джу* (Маньчжу – *прим. ред.*), весьма приметно, что были при нем китайцы.

[4] Манжуры называют Амур реку *Сахалян ула*: т.е черная река. А Амуром называют ее *мунгалы*, и от *мунгал* – руские.

[5] Выше сего под словом Манжуры написаны все племена.

в начале, когда установлял манжурское свое правительство, каждое племя или колено, то есть орду наимяновал *нирою* [ротою], как после и из передавшихся к манжурам природных китайцев и мунгал *ниры* всегда составлялись; по чему и ныне у них нет человека, которой бы не числился в племени своем, то есть в *нире*; все головою, как военные, так и статские, министры даже и пахаря числятся в *нирах* своих, и каждая *ниру* [рота] имеет собственное по племяни своем название.

П.

ПАЙБЯНЬ[1]: лаковая доска с надписью, на которой буквы бывают [чаще] золотые, при молитвенных храмах и при знатных домах ставят ее над воротами.

ПАЙ[2]: билет: продолговатая лаковая дощечка, на ней написаны слова, и при том печать.

С.

СЕН ЛУСЫ [сэнлусы][3]: экспедиция, которой подсудны монахи Хошанского, т.е. Идолаторского закона (буддисты – *прим. ред.*).

СИМНЕНЬ [маньчж.]: экзамен.

СИНАХАНЬ [маньчж.]: траур, у них белого цвета.

СИРАМЕ [маньчж.]: последующий.

СИРАМЕ ХАФАНЬ [маньчж.]: последующий чиновный судья.

СУЛА ДЖАНГИН [чжанцзин] [маньчж.]: чин их подполковника.

СУДУРИ [маньчж.]: гисторик (историк – *прим. ред.*).

СЫ[4]: экспедиция.

СЮНЬ ФУ[5]: вице-губернатор.

Т.

ТАЙДЗУ (Тай-цзу – *прим. ред.*): первый *хан* манжурск[и]й, царствовал с 1616 до 1627 года (1616-1626 гг.; личное имя Нурхаци 努爾哈赤 – *прим. ред.*).

ТАЙДЗУН (Тай-цзун – *прим. ред.*): второй *хан* манжурск[и]й, царствовал с 1627 до 1644 года (1626-1643 гг.; личное имя Хуантайцзи 皇太極 – *прим. ред.*).

ТАЙШИ[6]: название достоинства, значит *великий учитель*, 1 старшего клас[с]а.

ТАЙФУ[7]: название достоинства, значит *великий наставник*, 1 старшего клас-[с]а.

ТАЙ БОУ: название достоинства, значит *великий охранитель*, 1 старшего клас-[с]а.

---

[1] [牌匾 кит. *пáйбя́нь* – 1) вывеска; 2) мемориальная доска. – *Прим. ред.*].

[2] [牌 кит. *пáй* – 1) номерная дощечка; указатель, бирка, знак… – *Прим. ред.*].

[3] [僧录司 кит. *сэ̄нлю̀сы̄* – департамент по делам буддийского духовенства, духовное ведомство (*в столице*). – *Прим. ред.*].

[4] [寺 кит. *сы̀* – 2) *ист.* присутственное место; палата, приказ… – *Прим. ред.*].

[5] [巡撫 кит. *сю́ньфу̀* – …2) генерал-губернатор (*одной или нескольких провинций; дин. Цин, также* 巡抚使). – *Прим. ред.*].

[6] [太師 кит. *та̀йшӣ* – 1) *стар.* наставник императора (*старший из трёх* 公: *с дин. Тан почётный титул, жалуемый двором будд. монаху*)… – *Прим. ред.*].

[7] [太傅 кит. *та̀йфу̀* – 1) *ист.* наставник двора (*обычно: несовершеннолетнего императора*)… – *Прим. ред.*].

ТАЙДЗЫ ТАЙШИ [тайцзы[1] тайши[2]]: достоинство, значит *великий ученик*[3] *великого учителя*, 1 младшего клас[с]а.

ТАЙДЗЫ[4] [тайцзы] ТАЙ БОУ: достоинство, значит *великий ученик*[5] *великого охранителя*, 1 младшего клас[с]а.

ТАЙДЗЫ[6] [тайцзы] ШОУШИ: достоинство, значит *великий ученик*[7] *меньшего учителя*, 2 старшего клас[с]а.

ТАЙДЗЫ[8] [тайцзы] ШОУФУ: достоинство, значит *великий ученик*[9] *меньшего наставника*, 2 старшего клас[с]а.

ТАЙДЗЫ[10] [тайцзы] ШОУБОУ: достоинство, значит *великий ученик*[11] *меньшего охранителя*, 2 старшего класа.

Получают оные достоинства одни верховнейшие вельможи, Государь придает оные к великим чинам их за услуги, кто получит какое достоинство из оных, тому по смерти напишется похвальное название для вечной памяти.

ТАКУРАБУРЕ [маньчж.]: чин экзекутора, 9 младшего клас[с]а.

ТАЙ ЧАН СЫ[12] ЯМУНЬ [ямэнь]: Приказ, в котором дела касающиеся до жертв.

ТАЙ ПУ СЫ[13]: Конюшенн[ы]й и скотоводн[ы]й приказ.

ТАЦИКУЙ ЯМУНЬ [ямэнь] [маньчж.]: Приказ училищ.

ТАЙ И ЮАНЬ[14]: Приказ Медицинск[и]й.

ТАЦИХА [маньчж.]: ученый, 8 младшего клас[с]а.

ТАЦИБУРЕ [маньчж.]: обучающий, 8 младшего клас[с]а.

ТАЙ ЦИН[15]: сии два слова китайские, значат "*весьма чистый*" – так правительствование свое назвал манжурск[и]й *хан Шун джи* (Шуньчжи [девиз правления], 1644-1661 гг. пр.; личное имя Фулинь; тронное имя Ши-цзу – *прим. ред.*), котор[ы]й овладел Китайским государством в 1644 году, и так называется оно и

---

[1] [Возможно, речь идёт о 太子 кит. *тàйцзы* – 1) наследник престола, наследный принц… – *Прим. ред.*].

[2] [Возможно, великий учитель (наставник) наследного принца – *Прим. ред.*).

[3] [См. выше].

[4] [См. выше].

[5] [См. выше].

[6] [См. выше].

[7] [См. выше].

[8] [См. выше].

[9] [См. выше].

[10] [См. выше].

[11] [См. выше].

[12] [太常寺 кит. *тàйчáнсы – ист.* Жертвенный приказ (*учреждение для организации обрядов в храме предков императора*). – *Прим. ред.*].

[13] [太仆寺 кит. *тàйпýсы* – управление императорского конюшего; где 太仆 кит. *тàйпý* – тайпу (*императорский конюший; с дин. Чжоу*); императорский конный двор, ведомство, первоначально занимавшееся разведением лошадей. – *Прим. ред.*].

[14] [太医院 кит. *тàйīюàнь* – императорский госпиталь; где 医院 кит. *īюàнь* – больница, госпитаь, лазарет. – *Прим. ред.*].

[15] [太清 кит. *тàйцīн* – 1) небо; 2) *даос.* высшая чистота (*один из трёх высших миров*)…; здесь *вм.*: 大清 кит. *дàцīн* – 1) *обр.* небо, небеса; 2) *даос.* первозданная чистота; Великая Цин, Дацин (*официальное название Китая во времена правления маньчжурской династии, 1644–1911 гг.*). – *Прим. ред.*].

ныне, и впредь называться будет при всех *ханах* из его рода, до того времени, когда по случаю *хан* другого рода начнет правительствовать. Сие установление у китайцев не отменяемое, продолжается от глубокой древности; царь их славн[ы]й *Иоу* (Яо – *прим. ред.*), которой для правительствования начал установлять порядки, дал название своему правительствованию *Тан*, первой; о его правительствовании в летописи их показано, что началось с 2357 года до Рожд. Христ.

ТУАРА ХАФАНЬ [маньчж.]: присматриватель.

ТУН ДЖЕН СЫ [тунчжэнсы][1]: Приказ государственной экономии, которой и следуемые к Государю доклады и челобитные получает, и по них решительные повеления отсылает.

ТУНДЖИ ТУНПАНЬ [тунчжи[2] тунпань[3]]: товарищ (заместитель – *прим. ред.*) воеводы первой статьи.

ТУНКЕНЬ ЯМУНЬ [ямэнь] [маньчж.]: Приказ бубна, в нем принимаются жалобы они всяких людей приносимые к самому Государю.

ТУАШАРА ХАФАНЬ [маньчж.]: *Начальник призрения*, чин наследственн[ы]й, 5 старшего клас[с]а.

ТУЙ ДЖАНГИН [чжанцзин]: управляет частью воинов их гвардии: чин 2 старшего клас[с]а.

ТУСЫ[4]: князьки индейцы (из туземного населения – *прим. ред.*), китайцы называют индейцев (туземных жителей – *прим. ред.*) *Миоузами* и пишут в историях своих, что покорены оные и в подданство к ним приведены славным, премудрым, и добродетельным филозофом и военоначальником их *Кунмин*[5] называемым, которой жил в начале второго столетия по Рожд. Христ., и которого индейцы (иноземцы – *прим. ред.*) с тех времен по ныне обожают, сооружая в честь ему капища, и восстановляя кумиры.

У.

УДЖЕНЬ ЧОХА [маньчж.]: *тяжелое войско*, так называется тот корпус войска, которой состоит под [в]ос[ь]ми знаменами из природных китайцев тех, кои передались к манжурам до овладения ими всего Китая.

УКСУНЬ [маньчж.]: так называется род *хан*ск[и]й, тот, которой по крови ближней, и все рода сего простые, то есть не состоящие в степенях, принцы крови, которые носят желтые поясы, называются у*ксунями*. Слово сие собственно значить *отрасль*.

УЛИНИ ДА [маньчж.]: казначей, 7 старшего клас[с]а.

---

[1] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄* – *стар.* канцелярия по приёму жалоб и прошений трону (*с дин. Сун*). – *Прим. ред.*].

[2] [同知 кит. *ту́нчжӣ* – … 2) *ист.* [старший] помощник начальника области (*дин. Сун-Цин*). – *Прим. ред.*].

[3] [通判 кит. *тӯнпа̀нь* – *стар.* помощник правителя области (префекта). – *Прим. ред.*].

[4] [土司 кит. *ту́сы̄* – 1) (родовой) старшина инородческого племени, тусы, вождь (*в имперском Китае – глава местной администрации в районах с некитайским населением*); 2) тусы, вождество (*административно-территориальная единица под управлением тусы, вождя*). – *Прим. ред.*].

[5] [孔明 кит. *ку́нми́н* – Кун-мин (умный, просвещённый, *прозвище крупнейшего гос. деятеля и изобретателя Чжугэ Ляна* 諸葛亮; *эпоха Троецарствия*); 諸葛亮 Чжугэ Лян (181-234 гг., герой классического романа «Троецарствие»; *полководец*, *государственный деятель царства Шу*) (*нарич.* мудрец, стратег). – *Прим. ред.*].

УХЕРИ БАЙЧАРА ЯМУНЬ [ямэнь] [маньчж.]: Приказ, котор[ы]й чинит всякие по делам изыскивания, *прокурорской*.

Ф.

ФАКШИ ДА [маньчж.]: начальник над художниками, 8 старшего клас[с]а.

ФАКШИ БОШОРО [маньчж.]: понуждатель художников, 9 младшего клас[с]а.

ФУНДЕ БОШКУ [маньчж.]: порутчик их.

ФУННЕХЕНЬ [маньчж.]: возношение: значит род патента.

ФУЧЕН: заседатель, 3 старшего клас[с]а.[1]

ФУ[2]: город первой степени, *провинция*. Так тогда называют воеводу такого города.

Х.

ХАФАНЬ [маньчж.]: общее название рангованым чиновным, военным, статским, и протчим, которые нижних степеней, *офицер*.

ХАХА [маньчж.]: мера земли, имеет в себе 4500 квадратных сажен. *Хаха* называется и пахатн[ы]й крестьянин.

ХАФУМБУРЕ [маньчж.]: заседатель приказа *Тун дженсы*, 4 старшего клас[с]а.

ХЕУ [хоу][3]: можно назвать графом младшим.

ХУАНДИ[4]: название китайское, главной титул *хана* их. *Царь Царей*, *император*.

ХУАНХЕУ [хуанхоу][5]: название китайское, главной титул *хан*овой супруги. *Царица Цариц*, *императрица*.

ХУН ЛУ СЫ [хунлусы][6]: Приказ процессий.

ХУЛАРА [маньчж.]: Возглашатель, 9 старшего клас[с]а.

ХУЛЕ [маньчж.]: четверть их; о мерах хлеба написано в их лексиконе, что установил первоначальный их *хуан ди*, то есть Царь Царей *Юсюнши* ([другое имя Хуан-ди], котор[ы]й был за 2708 лет до Рожд. Христ.) начиная от 1200 зерен черной просы *ира* называемой, которая величиною против здешней перловой крупы, и назвал он толикое число зерен *джо* (кит. *цō*[7] – *прим. ред*.), то есть счепоть (щепотка – *прим. ред*.); со установления его все меры хлебу употреблялися, даже и ныне употребляются непременяемо, кроме числа зерен, по сему:

---

[1] [府丞 кит. *фўчэн* – 1) *уст.* помощник начальника учреждения; помощник правителя области (*по учебным делам*); 2) помощник начальника удельного приказа (с *дин. Мин; при дин. Цин — китаец при начальнике маньчжуре*); 3) архивариус по китайским документам (*дин. Цин*); 4) помощник столичного градоначальника (*в Пекине и Мукдене, дин. Цин*). – *Прим. ред*.].

[2] [府 кит. *фў* – … 3) *ист.* фу, область, округ (*существовал до 1912 г.; с дин. Мин – административная единица между провинцией* 州 чжоу *и уездом* 縣 сянь); 4) *ист.* фу, областной центр, город областного значения (*существовал до 1912 г.*; *с дин. Мин – о главном городе области*)… – *Прим. ред*.].

[3] [侯 кит. *хóу* – 1) хоу (*наследственный титул знати второго из пяти высших классов*); маркиз; 2) … удельный князь… – *Прим. ред*.].

[4] [皇帝 кит. *хуáндѝ* – император. – *Прим. ред*].

[5] [皇后 кит. *хуáнхòу* – императрица. – *Прим. ред*.].

[6] [鴻臚寺 кит. *хýнлýсы* – *ист.* приказ придворного этикета (*занимался вопросами приёма при дворе иностранных сановников, государственным трауром и прочими важными ритуалами*). – *Прим. ред*.].

[7] [撮 кит. *цō* – 1) *гл.* брать двумя (тремя) пальцами, брать в щепоть; брать ничтожное количество (*чего-л.*)… *сущ.* щепотка; горстка; ничтожное количество… – *Прим. ред*.].

джо [маньчж.] [кит. *цо̄*][1]: счепоть такая, что двумя перстами, указательным и средним вздымать хлеб на ладонной стороне.

го [маньчж.] [кит. *о / во*][2]: горсть такая, что одною рукою на ладоне вздымать хлеб принаклоня персты.

моро [маньчж.]: чаша, в ней десять *го* – горстей.

хязе [маньчж.]: четверик их, в нем десять *моро* – чаш.

хуле [маньчж.]: четверть их (**мешок с хлебом**), в ней десять *хязе* (четвериков), *сио ду* называемых; а пять *хязе* двойных, *дун ду* называемых.

ХЯ [маньчж.]: телохранитель, оберегатель: при *хан*ском дворе есть из них корпус, делится на три части, то есть *хя* числятся в 3, 4 и 5 клас[с]ах, носят они на шапках и на шляпах перья, одни из них павлиные, другие лазоревые, служат они по некоторому числу и при *ван*ских дворах.

Ц.

ЦАН[3]: магазеин, анбар (амбар, склад – *прим. ред.*).

ЦИН ТЯНЬ ГЯНЬ (циньтяньцзянь[4] – *прим. ред.*): Приказ небесных примечаний, от которого календари выходят.

ЦИМАРИ [маньчж.]: мера земли *манжурская*, имеет 900 квадратных сажен российских.

ЦЯНЬ[5]: не инако назвать пристойно, как денежкою, она из желтой меди, величиною равна нашей денежке, на средине имеет д[ы]ру четырегранную. У китайцев золотой и серебреной монеты нет, вместо монеты цену составляет у них вес золота и серебра, состоящей в слитках и кусках, рубль их называется *янь* или *лана*, гривна – *дзиха*, или *чин*, копейка – *фунь*, ежели положить золотник серебра по 20 копеек, то стоит и *лана*, и рубль 60 копеек, а на 1 *лану* променивается обыкновенно медных китайских денежек, *цянь* называемых – 790 [штук]. И так когда на 1 рубль получил 5 золотников серебра, то на 5 золотников могу выменять медных китайских *цянь* – 498 [штук], из сего видно, что медной китайской *цянь* меньше нашей полушки.

Ч.

ЧЕ: диплон (диплом – *прим. ред.*) – пишется на золотом листе, или же на желтом бумажном листе.

ЧИМИН[6]: патент на нижние чины.

Ш.

ШАН ЛИНЬ ЯМУНЬ [ямэнь]: Приказ, у которого в ведомстве деревни при загородных дворцах находящиеся.

ШИ ДУ[7] ХИОШИ: философы, которые экспликуют[1]: 5 младшего клас[с]а.

---

[1] [См. выше].

[2] [握 кит. *о̀ /во̀* – …7) горсть, пригоршня… – *Прим. ред.*].

[3] [藏 кит. *ца́н – гл.* …2) прятать; хранить, сберегать; запасать, копить… *сущ.* 1) склад; кладовая; хранилище; амбар; сокровищница… – *Прим. ред.*].

[4] [欽天監 кит. *цӣньтя̄ньцзя̀нь – ист.* приказ по астрономии и календарю (*дин. Мин — Цин*). – *Прим. ред.*].

[5] [錢 кит. *ця́нь* – 1) деньги; монета; 2) цянь, десятая часть *ляна*… – *Прим. ред.*].

[6] [敕命 кит. *чѝмѝн* – императорский рескрипт (*о пожаловании почётных титулов с 6-го класса*). – *Прим. ред.*].

[7] [侍讀 кит. *шѝду́ – ист.* придворный чтец (*с дин. Сун – в составе Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

ШИ ГЯН [шицзян][2] ХИОШИ: философы, которые экспликуют 5 младшего клас[с]а.

ШИ ДУ[3]: лекции дателя, 6 старшего клас[с]а.

ШИ ГЯН [шицзян][4]: изъяснятели, 6 старшего клас[с]а.

ШОУ ШИ: значит достоинство: *меньший учитель*, 1 младшего клас[с]а.

ШОУ ФУ: значит достоинство: *меньший наставник*, 1 младшего клас[с]а.

ШОУ БОУ: значит достоинство: *меньший охранитель*, 1 младшего клас[с]а.

ШУНЬДЖИ (Шуньчжи 順治帝, 1644-1661 гг. пр. – *прим. ред.*) [девиз правления]: третий *хан* ман[ьч]журск[и]й (личное имя Фулинь, посмертное имя Ши-цзу – *прим. ред.*), котор[ы]й овладел Китайским государством в 1644 году и царствовал 18 лет.

ШУНЬ ТЯНЬ[5] ФУ: название Пекинской провинции.

ШУШХЕ [маньчж.]: можно назвать знаком засвидетельствования; он есть маленькая продолговатая дощечка, сделанная из камыша, имеет на себе вырезаны я слова, раскрашенная и лакированная. Такие билеты даются для памяти услуг, следующих к награждениям, бывают разные по своим степеням.

ШУ БАНЬ[6]: подьяч[и]й нерангован[ы]й из природных китайцев.

Э.

ЭДЖЕХЕ [маньчж.]: привилегия, так называются и даваемые от Государя их указы на чины наследственные, и еще даваемые указы при отправлении на поручаемые коммисии.

ЭДЖЕКУ [маньчж.]: слово производное от глагола *помню*, их протоколист. Чин 6 старшего класа.

ЭНДУРИ [маньчж.]: бесплотные силы; ангел[ы].

Я.

ЯМУНЬ (**ямэнь**[7] – *прим. ред.*): *приказ*, *канцелярия*, *присудственное место*: у них губернаторские, воеводские, и разных судей, которые во областях находятся, казенные домы называются *ямунями*, по тому, что в них всякие дела исправляют и судят.

ЯНЬ или ЛАНА [маньчж.]: рубль их, весу 8 золотников. *Дзиха*: гривна их, ве-

---

[1] [Экспликация (лат. *explicatio* – объяснение, развёртывание) – (в философии) метод развёртывания (раскрытия) сущности того или иного предмета (явления) через некоторое многообразие иных предметов и явлений. процесс, в результате которого открывается содержание некоторого единства, а его части начинают самостоятельное существование и могут отличаться одна от другой. В данном значении термин широко используется в идеалистической философии. – *Прим. ред.*].

[2] [侍講 кит. *шѝцзя́н – ист.* придворный истолкователь [конфуцианских канонов] (*с дин. Хань*; *с дин. Тан – должность в Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

[3] [侍讀 кит. *шѝду́* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[4] [侍講 кит. *шѝцзя́н* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[5] [順天 кит. *шу̀ньтя̄нь* – …2) *ист.* Мукден (*город и провинция*, *ныне – Шэньян* 沈阳 – Шэньян, *маньчж.* Мукден; *город в провинции Ляонин в Китае*)… – *Прим. ред.*].

[6] [書辦 кит. *шӯбань – уст.* писец, письмоводитель (*вприсутствии, приказе*). – *Прим. ред.*].

[7] [衙門 кит. *я̀мэнь – стар.* ямэнь, ямынь, приказ, присутствие, учреждение (*военное и гражданское*). – *Прим. ред.*].

су 4/5 золотника. *Фунь* [фэнь][1] копейка их, весу 2/25 золотника. *Ли* в *фуне* десять, весу 1/125 золотника. *Хоу* в *ли* десять, весу 1/1250 золотников.

ЯФАНЬ [маньчж.]: огород, сад.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРИКАЗ *ДЗУНЖИНЬ ФУ*[2]
[Цзунжэнь-фу[3]]

Наше Манжурское правительство от начала своего состояло в одиннадцати присудственных местах, из которых главное называлося *правление великое*, а протчие назывались *приказами*, и построены были пред главным; в главном присудствовал Государь, а в протчих присудствовали *ваны*.[4]

Дзун жинь фу [Цзунжэнь-фу] учрежден в 9-м году царствования *хана Шунджи* [Шуньчжи] [**1652 г.**], судиями в нем положено быть рожденным от крови царской.[5]

ГЛАВНЫМ СУДИЕЮ

Вану старшему или младшему, сидеть ему в вышнем месте на средине.

ЧЛЕНАМИ

Бейлу – сидеть на левой стороне.

Бейзе – сидеть на правой стороне.

Гунам двум сидеть по одному на стороне.[6]

О нижних чинах сего приказа показано в повсеместном чиновнике, которой начинается от третей части сей книги.

ДОЛЖНОСТИ СЕГО ПРИКАЗА

Иметь для всех людей царского поколения книги; в книгах весть повседневные и повсечасные записки о всех рода Государева людях мужеского пола и женского таким образом:

У кого родился сын или дочь от жены законной, или от жены побочной (от наложницы);

Кто на какое достоинство возведен или какой чин получил;

Кто женился;

Кто дочь свою в замужство отдал;

Кто умер;

Кому какое по смерти в память титло дано, и с каким обрядом тело его погребено.

---

[1] [分 кит. *фэ̄нь* – одна сотая часть числа, 1%; фэнь (*название меры, равной одной сотой различных мер, напр. таких, как* 尺, 两, 元 *и др.; ср. сантиметр, сантим, цент, центово,* ***копейка***…) – *Прим. ред.*].

[2] *Дзун жинь фу*: значит покров Царскому роду. [См. ниже].

[3] [宗人府 кит. *цзунжэнь-фу* – министерство по делам Двора (*эпохи Мин–Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] *Ван*: значит принца, владельца. Достоинство сие делится на две степени старшую и младшую, по названиям сим: *цинь ван*, *гюнь ван*.

[5] [宗人 кит. *цзунжэнь* – 1) член рода; сородич; 2) *ист.* советник приказа (министерства) Двора (*дин. Мин — Цин*). – *Прим. ред.*].

[6] *Бейлу* – князем старшим, *бейзу* – князем младшим, а *гуна* – графом называть можно.

О ТИТУЛОВАНИЯХ

Дети и внучата государя *Илетулехе*, деда *Тайдзунова*[1] (деда правителя Тай-цзуна, 1626-1643 гг. прав. – *прим. ред.*), разделены на девять степеней и установлено титуловать их по сему.

Степени:

1. *ван*[2] удельный;
2. *ван* законный;
3. *бейле* законный;
4. *бейзе* от знамя;
5. *гун* защитник;
6. *гун* помощник;
7. *джангин* защитник;
8. *джангин* помощник;
9. *джангин*[3] хранитель.

А протчие дети и внучата все названы *уксун*.[4]

РОЖДЕННЫМ ОТ НАЛОЖНИЦ ДАВАТЬ СТЕПЕНИ И ТИТУЛЫ ПО СЕМУ

Сыну *хан*ову 7-ю, начальник защитник.

Сыну *вана* старшего 8, начальник помощник.

Сыну *вана* младшего 9, начальник хранитель.

ТИТУЛОВАТЬ ДЕТЕЙ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Дочь Государеву рожденную в чертоге срединном – *гунджу* (гӯнчжӯ[5] – *прим. ред.*) государственная.

Дочь Государеву рожденную от наложницы (младшей жены – *прим. ред.*) – *гунджу* [гӯнчжӯ] удельная.

Дочь *вана* старшего – *геге* удельная.

Дочь *вана* младшего – *геге* законная.

Дочь *бейлы* – *геге бейлы* по закону.

Дочь *бейзы* – *геге бейзы* от знамя.

Дочь *гуна* – *геге гуна*.[6]

---

[1] *Илетулехе* – значит *объявленный*; сей по смерти назван объявленным *ханом*, а перв[ы]й *манжурск[и]й хан* – был его сын (*Нурхаци*, тронное имя *Тай-цзу* 太祖 – *прим. ред.*), *Тайдзунов* отец (отец Тай-цзуна – *прим. ред.*), котор[ы]й воцарился в 1616 году и назван по воцарению [принял девиз правления] *Абкай фулинга* (天命 кит. *Тяньмин* – *прим. ред.*), то есть “от неба рожден счастливым”. [*Нурхаци* 努爾哈赤 *или* 努爾哈齊 (1616-1626 гг. прав.) – основатель маньчжурского государства *Да Цзинь*, в 1636 году переименованого в имеперию *Да Цин*. – *Прим. ред.*].

[2] [王 кит. *ван* – 1) ван, князь… – *Прим. ред.*].

[3] *Джангин*: **начальник**; а о других названиях я выше сего изъяснил, и буду писать их для облегчения читателя старшими и младшими, а *джангинов*, то есть начальников, писать буду, начальник 1 статьи, 2, 3, и как ниже явится 4.

[4] *Уксун*: значит отрасль (ответвление – *прим. ред.*).

[5] [公主 кит. *гӯнчжӯ* – 1) д о ч ь и м п е р а т о р а , принцесса; королевна; царевна; принцесса крови, великая княжна. – *Прим. ред.*].

[6] Главной титул *ханов* на китайском языке *хуанди*, то есть “царь царей”, или император.

О ДЕТЯХ И ВНУЧАТАХ НАЗЫВАЕМЫХ *УКСУНЬ* (ОТРАСЛИ)

Уксуни возведены на степени, и установлено быть для них десяти степеням, по сему:

Одному сыну *вана* старшего, быть *ваном* старшим.

Протчим сынам его, быть *ванами* младшими.

Одному сыну *вана* младшего, быть *ваном* младшим.

Протчим сынам его, быть *бейлами*.

Сынам *бейлы*, быть *бейзами*.

Сынам *бейзы*, быть *гунами* старшими.

Сынам *гуна* старшего, быть *гунами* младшими.

Сынам *гуна* младшего, быть начальниками 1 статьи.

Сынам начальника 1 статьи, быть начальниками 2 статьи.

Сынам начальника 2 статьи, быть начальниками 3 статьи.

Сынам начальника 3 статьи, быть начальниками 4 статьи, и называть их *начальниками при милости*.

ДАВАТЬ ПОМЯНУТЫЕ ДОСТОИНСТВА В НАСЛЕДСТВА

Достоинства *вана* отдашь в наследство сыну *вана*, рожденному от законной супруги его, а ежели нет от нее сынов, то уже отдать рожденному от побочной его супруги.

Кто получил достоинство *вана* младшего, бывши на войне, за услуги, а детей и внучат по смерти его не осталось, того достоинство отдать в наследство родному брату его, или же (за неимением) сыну брата его родного.

После детей *ванов* старших, которые возведены были на достоинства *ванские* младшие, когда осталися родные дети их или же и внучата, отдавать в наследства сии их достоинства оным; а у которых не осталися, то по сему, что такому наследству должно итти от колена в колено, подавать Государю доклады с прошением на то решения.

Достоинства сии *вана*, *бейлы*, *бейзы*, *гуна*, *джангина* отдавать после отца сыну рожденному они законной отцовой супруги, а за не имением, отдавать и сыну рожденному от наложницы отцовой (младшей жены отца – *прим. ред.*).

КАК НА ДОСТОИНСТВА ВОЗВОДИТЬ

Наше Манжурское правительство тому, кто возводится на достоинство *ван*, придает особое название не по земли и отчизне (как в прежних веках называли), а по житию его и поступкам, и для того впредь у таковых, кото-

---

Главной титул *хан*овой супруги на китайском языке *хуанхеу* (皇后 *хуанхоу – прим. ред.*), то есть "царица цариц", или императрица.

Рожденная в чертоге срединном, то есть рождена от императрицы.

Гун джу: слово сие значит на китайском языке *владычицу общества*.

Геге: слово *манжурское* не производное, а только возносится из почтения к одним девицам, рожденным от отцов царской крови вышепомянутых степеней, супруг как владельческих, так и княжеских называют *фудзинь*: различая как дочерей их помянутыми прибавлениями; *фудзинь* слово, также не производное, а почтительное с тем, что к протчим женщинам не относится.

рые по наследству *ван*ское достоинство получили, прежние *че* переменять новыми[1], а печати прежние дозволять им употреблять, до того времени, когда от Государя названия себе получат, и новые печати даны будут.

Диплоны (дипломы – *прим. ред.*) и печати даются в присудственном месте *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора].

Диплон читает судия *Джурганя* [*коллегии*] *благочинных дел*.

Диплон и печать принимает возведенной, стоя на коленях.

К супругам и дочерям *ванов*, *бейлев* и *бейзев*, которых должно на достоинства возвесть, посылать для исполнения возведения, вельмож, (*о сем явно показано ниже сего по Джургане благочинных дел*), а супругам и дочерям *гунов* и *джангинов*, коих должно возводить на достоинства, давать *гаумины* ([*гаомин*] патенты) от присудствия [присутсвия] *Дзун жинь фу*.

О ВОЗВЕДЕНИИ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ НА ДОСТОИНСТВА

Возводить на достоинства детей, начиная от *ванских*, доходя до *джангинских*, которым от роду как мужеского, так и женского пола (девицам) по 15 лет, испрашивая от Государя дозволение.

О ПРИЕЗДАХ КО ДВОРУ

С начала нашего Манжурского правительства все *ваны* старшие и младшие собирались в доме собрания каждое утро.

Установлено быть съездам при дворе Государевом три раза в месяц, и по восхождении солнца, имяна не приехавших записывать.

Ванам для советования государственных дел при дворе, собираться в тех покоях, которые определены для собрания *ванов*, а в три обыкновенные ко двору приезда, собираться им в воротах называемых *великие ворота соглашения*.[2]

Во времена отсудствий Государевых из Пекина, *ванам* собираться каждое утро у ворот срединных, которые на южной стороне.

О ВПИСЫВАНИИ МЛАДЕНЦЕВ В РОДОВЫЕ КНИГИ

Как *ваны*, так даже и все простые царской крови, имеют о детях своих мужеского и женского пола доносить в приказе *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора], по рождении чрез один год, сим образом.

Имя младенца, годе, месяце, день и час, рождения.

Имя матери и венчана с отцом младенца, или побочная.

Приказ имеет по доношениям таким исследовавши, вписывать младенцев обстоятельно в книги; а когда по исследованию окажется в том ложь, что младенец, рожден от рабы, или же принятой из другого рода, тогда приказ имеет наказать виноватого за ложное доношение жестоким образом, и рожденных от рабынь младенцев вписывать в особые книги.

---

[1] *Че*, диплон (диплом – *прим. ред.*): пишется на золотом или на желтом листе. Названия им при возведениях даются такие: *верный*, *справедливый*, *не мздоприимный*, и подобные сим.

[2] У них ворота великолепные, и сив воротами вместе есть покои.

О ПОСЫЛАНИИ ЧИНОВНЫХ ЛЮДЕЙ ЦАРСКОЙ КРОВИ НА ЦАРСКИЕ КЛАДБИЩА

Для отправления на царских четырех кладбищах жертвоприношений, бываемых каждого года в четырех годовых временах, посылать туда чиновных царской крови, выбирая из четырех вышних степеней, как когда благопристойность потребует.

О СТРЕЛЯНИИ ИЗ ЛУКА

Собирать царской крови малолетных, не выключая и первую степень, которым от роду не менее 10 лет, для стреляния из луков в одно место по знамям.[1] Стрелять им в каждой пятой день, стоя на ногах, а в каждой десятой день с коней.

Тем, которые дошли до совершенных лет, собираться для стреляния каждого года весною три раза, и осенью три раза, в панцырях; панцыри, шлемы, и все оружие осматривать у них осенью однажды, причем осматривать оружие и у *хафанев*, которые служат при владельцах.[2]

Ванам и протчим, которые в степенях состоят по крови царской, собираться для стреляния на ногах каждой год весною дважды, и осенью дважды в панцырях.

Иметь им число стрел, и число луков, такое:

	стрелы	*луки*
вану старшему	3000	10.
вану младшему	2000	8.
бейле	1500	6.
бейзе	1000	6.
гуну старшему	700	4.
гуну младшему	600	4.
начальнику 1 статьи	400	2.
начальнику 2 статьи	300	2.
начальнику 3 статьи	200	2.
начальнику 4 статьи	170	2.
наследнику *вана* старшего	2500	9.
наследнику *вана* младшего	1700	7.

[1] Все Манжуры, статские и военные, служащие и неслужащие, разделены по знамям, у них 8 знамен и каждое знамя составляет дивизию. 1. Желтое с каймою, 2. Желтое, 3. Белое, 4. Красное, 5. Белое с каймою, 6. Красное с каймою, 7. Синее, 8. Синее с каймою.

[2] *Хафань*: офицер: при каждом *ване* их есть штатная команда, называют они *бой нору*, домовая рота.

ЗАПРЕЩЕНИЯ

Не допускать людей царской крови вдаваться в игры и веселости постыдные, ездить в домы непотребные, слушать пения от певунов ребят[1] и ездить за город на гульбы, где забавляются рыбами, и где пускают на ловлю хищных птиц люди низких чинов, и еще не допускать их ко всяким шалостям и упражнениям подлым.

Присмотр такой возлагать со строгостию на тех начальников, которые называются *начальники стройности*, чтобы они к таким играм и веселостям увещеваниями не допускали их; а сверх того, приказ *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора] имеет всегда соблюдать запрещения оные, употребляя для изыскивания подчиненных своих начальников, и ведая, что с оказавшимися в преступлениях сам под суд отдан будет.

О преступниках докладывать Государю.

ОБ ОТПУСКАХ

Кто из людей царской крови пожелает на теплые воды или в другое какое место за город для нужды своей отъехать, тот имеет объявить желание свое приказу *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора]; сей же должен по желаниям, о *ванах* и о всех тех, которые состоят в степенях, докладывать Государю; а протчих отпускать, по- лагая по рассмотрению своему пристойные сроки; также и о дочерях *ванов* и *бейлев*, которые находятся в Пекине, должен сей приказ докладывать Государю, а протчих отпускать по рассмотрению своему с сроками.

Во времена отсудствия Государева никому из чиновных людей крови царской отпусков не давать, и никому за город на ястребиные охоты ездить за город не дозволять, отпускать их только на погребении умерших, и для перевозов тел умерших на другие места.

О БОЛЬНЫХ

Приказ *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора] имеет *ванам* и протчим, которые в степенях, когда больны случатся, по часту посылать подчиненных своих начальников для осмотрения.

ДАВАТЬ В ПАМЯТЬ ПОКОЙНИКАМ ПОХВАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ

Скончавшимся царской крови, которые почитаемы были в степенях, давать в память пристойные названия, испрашивая от Государя.

КАК ВОЗВОДИТЬ ЛЮДЕЙ ЦАРСКОЙ КРОВИ НА СТЕПЕНИ И НИЗВОДИТЬ

Возводить на достоинства людей царской крови за услуги по сему, начальника 4 статьи на степень начальника 3 статьи, и смотря на выслуги возводить его с[о] степени на степень рядом, и так возводя, взвесть его даже и

[1] У них есть публичные домы, в которых поют при тихой музыке мальчики, подобно тому, как в Европе поют италианцы.

на вышнее достоинство сие, *ван старший*.

Вана старшего за услуги награждать по рассмотрению деньгами или вещами, а за вины низводить со степени к степени до нижнего достоинства *джангина* 3 статьи, за вину же оказанную в сем звании, написать его в простые *уксунь*.

За услуги превосходные возводить, а за преступления великие низводить их, не разбирая степенных рядов.

Дочерей *ванов* и *бейлев* возводить и низводить за отцами, не смотря замужние ли они, или девицы.

О вин[ов]ных

В самом начале нашего Манжурского правительства о *ванах*, *бейлах* и *бейзах* сделано установление такое, что их за вины и преступления какие бы ни были, кроме измен и бунтов, не казнить смертию, и в тюрьмы не сажать.

Когда окажется в преступлении *ван*, доложить Государю, где от него ответ взять, в приказе ли *Дзунь жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора], или в доме его, и по докладе ждать повеления.

Уксуня[1] винного отдать к суду просто без истязания, какое бывает над другими людьми.

Брать ответы с *ванов* по большим винам в приказе *Дзун жинь фу*, а по малым в домах их, с протчих же, которые имеют степени, брать ответы в приказе оном и но малым винам.

Милость отменная

Уксуню, которой по поколению своему степени не имеет, давать хлебное и денежное жалованье, какое получает *укшин*.[2]

Уксуню, которой имеет свыше 15 лет от роду, и такому, которой не дошел еще до оных лет, а не имеет отца, давать жалованье, какое получает *туашара хафань*[3]: тому, которой служа лишен стался чинов, жалованья не давать ни какого.

Джангину, которой лишился по вине своей достоинства сего, дать жалованье по 4 *янь*[4] на месяц, справяся по челобитью его обстоятельно о винах, испрося от Государя милостивого дозволения.

О сочинении ведомостей для Государя

В самом начале нашего Манжурского правительства сделано об *уксунь* и о *гиоро*[5] установление такое: вписывать всех их, как мужеск, так и женск полы, в родовые книги обстоятельно.

---

[1] Отрасль, то есть неимеющего по царском поколении степени.

[2] Панцырник, то есть салдат (рядовой воин – *прим. ред.*).

[3] Чин наследственной 5-го класа старшего.

[4] *Янь*: китайской рубль, в нем 8 золотников серебра.

[5] *Уксунь*; поколение сие идет от первого *хана Манжурского – Тайдзу* [Тай-цзу]. Они носят для знака поясы желтого цвета.

Гиоро: сии поколения родных братов первого *хана*, и носят поясы красного цвета. А протчие *манжуры* и *китайцы* все не носят поясы оных двух цветов, носят по большой части синего цвета.

Возложено на приказ *Дзун жинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора] и *Джургань*[1] [*коллегия*] *благочиния* сочинять об них десятилетние ведомости для поднесения Государю.

О СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯХ И РАЗБОРАХ

Уксунев (прямых потомков основателя маньчжурской династии – *прим. ред.*), свидетельствовать и разбирать по службам и должностям, штатским и военным, всегдашним и случайным; назначивать их и высылать на войны и другие службы, определять их на порожние недостаточные места в приказы, и во всем протчем поступать с ними имеет по начальству и власти своей приказе *Дзунжинь фу* [*цзунжэньфу* – министерства по делам двора].

Гиоров (боковых членов ханского рода – *прим. ред.*), которые имеют чины *хафанские*[2] свидетельствовать и разбирать как в военных, так и в штатских услугах, имеет сей приказе по власти собою, и как назначивать их и высылать на войны и другие службы, так определять на порожние места в полки и приказы, имеет сей приказ по общим с протчими *джурганями* и *ямунями* советам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДОРГИ *ЯМУНЬ*[3]
[Верховный совет]

Сие правление в государстве, есть само[е]нужнейшее, тайнейшее, и важнейшее, чрез него выходят все Государевы повеления и указы, и оно служит Государю по всем государственным делам советником и помощником.

С начала нашего Манжурского правительства делилось оное на три части, имело три названия сии: *Правление государственной памяти*, *правление государственной тайны*, и *правление государственных законов*; а в 9-[м] году царствования *хана* Кан Си (1669 г. – 9-й год царствования под девизом правления *Канси – прим. ред.*) установлено быть единому, как ныне состоит.

Каких достоинств членам и другим чинам быть в нем положено, о сем писано обстоятельно во установлениях по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*.

ДОЛЖНОСТИ *ДОРГИ ЯМУНЯ*

Взносит Государю титулы Его Величества, и прилагательные к титулам названия, на письменных докладах.

Утверждает оные сам Государь.

Всякие до Государевой особы касательные доклады сочиняет *Битхей ямунь*[4], и когда Государь оные прочесть изволит, пишет оные чистым и уставным характером и утверждает сей *Дорги ямунь* [верховный совет].

Радостные поздравления к Государю с восшествием на престол, назы-

---

[1] *Джургань*: коллегия.
[2] Офицерские.
[3] *Дорги ямунь*: значит внутренний приказ, то есть Государев приказ – сие правление можно назвать их сенатом; или верховным советом.
[4] Правление писаний.

ваемые *биоу*[1], сочиняет и пишет сей *ямунь* [ямэнь], а прочтение оного пред Государем, поручается *Джурганю* [*коллегии*] *благочиния*.

Во времена случаев радостных, оказавшихся при дворе или по государству, как возносимые к Государю от лица всего правительства на письме подданнические поздравления, *биоу* называемые, так и чинимые обнародования, имеет сочинять *Битхей ямунь* (*Битхэй ямэнь* – приказ писаний – *прим. ред.*), а подавать прежде Государю для прочтения, и потом утверждать оные, имеет сей *ямунь*.

Доклады находящихся чинов в Пекине писать чистым письмом, и поручать для прочитания пред Государем, *Джурганю благочиния* имеет сей *ямунь*, также доклады присылаемые из других государств и княжеств, и из всех по государству нашему областей, по решениях, хранить имеет сей же *ямунь*.

К сочинениям таких образцовых законов, которые по делам востребуются случайно, и к сочинениям святейших Государевых поучений, которые суть законы спасения, определяет Государь двух вельмож 1 клас[с]а старшего, которые суть *Дорги ямуня* члены (члены верховного совета – *прим. ред.*), и дает им для утверждения в доверенности сей *эджехе* [указ о привелегиях][2]; еще определяет Государь вельможу 2 клас[с]а младшего по докладу оных двух вельмож, а протчие нижние чины определяют они два вельможи сами, и определивши доносят Государю для сведения.

Когда подносится Государю титул или прилагательное к титулу название Его Величеству; когда возводится супруга Его Величества на достоинство *хуанхеу* [*хуанхоу* – государыни императрицы][3] когда возводим бывает сын Его Величества на достоинство наследника; когда возводимы бывают супруги Его Величества побочные на достоинства *хуан гуй фей* [*хуангуйфэй* – жена императора][4], *гуй фей* [*гуйфэй*][5], *фей* [*фэй*][6], *пинь*[7], тогда как титул и название, так и возведения такие утверждаются подносимыми *че*[8] [дипломами].

Лист и печать на *че* [дипломе] приуготовляют два *Джурганя* [две коллегии]: [коллегия] *благочиния*, [коллегия] *художеств*.

---

[1] Реляция.

[2] Привилегию, *эджехе*, называются и даваемые от Государя указы на чины наследственные, и еще даваемые указы при отправлениях на поручаемые коммисии. Члены *Дорги ямуня* [верховного совета], суть первые министры, которые вместе с Государем присудствуют.

[3] *Хуанхеу* [*хуанхоу*]: “царица цариц” (т.е. императрица 皇后 кит. *хуáнхòу* – *прим. ред.*).

[4] [皇貴妃 кит. *хуáн гýйфэ̄й* – жена императора. – *Прим. ред.*].

[5] [貴妃 кит. *гýйфэ̄й* – 1) *стар.* государева супруга второго класса… вторая жена императора. – *Прим. ред.*].

[6] [妃 кит. *фэ̄й* – 1) императорская …второстепенная жена… – *Прим. ред.*].

[7] [嫔 кит. *пи́нь* – *сущ.* 2) *стар.* императорская жена 3-го ранга (*после одной* 后 *императрицы и трёх* 夫人 *фужэнь* [жён]…). – *Прим. ред.*]. И так всех супруг у *хана* пять, каждая имеет собственн[ы]й штат свой.

[8] *Че*: можно назвать привилегию, и почесть знаком коронования.

СОЧИНЯЕТ *ЧЕ – ЯМУНЬ* [ЯМЭНЬ] *ПИСАНИЙ*

Утверждают сочинение верховнейшие вельможи.

Как сочинение, так и образец прилагаемой к *че* [диплому] печати, и образец букв [иероглифов] на печати, подносят Государю для осмотрения.

По сем пишется *че* [диплом] уставным чистым письмом от *Дорги ямунь* [верховного совета].

Художникам, которые употреблены будут к деланию печати, к резьбе букв на печати, к золочению, к финивтению и всему украшению к *че* пристойному, имеют помянутые два *ямуня* [приказа] и два *джурганя* [коллегии] приставить своих подчиненных, чины имеющих людей, с тем, чтоб работали художники при общем их надсматривании.

О ПЕЧАТЯХ НАЗЫВАЕМЫХ *БОУБАЙ*[1]

Хранение печатей *боубай*, состоит в доме Государевом, под смотрением дома Его Величества евнуха, а когда какая потребна бывает к тиснению, *Дорги ямунь* [верховный совет] посылает о сем сообщение к евнуху, и сообща заставляет прикладывать ею к чему потребно во общем с евнухом присудствии.

Во время отсудствия [отсутствия] Государева к *гаумин* [*гаомин*] и *чимин*[2] имеет *Дорги ямунь* [верховный совет] прикладывать печать обще с вельможами придворными у ворот называемых *ворота беспорочности*[3]; а по случившимся важным делам употреблять ее, испрашивая от Государя дозволения.

При конце каждого года, когда наступает тот день, в котором все в государстве присудственные места должны печати свои заключать[4], член *Дорги ямуня* [верховного совета], которой состоишь во 2 клас[с]е младшем, заставит омывальщика вычистить и вымыть печати *боубай*, и в ящик положить у ворот называемых *ворота беспорочности*; взявши потребные к сему орудии и вещи от *Джурганя* [коллегии] *художеств*.

Употребляемую к тиснению государственной печати краску сурик получать от *Джурганя художества* по сообщениям.

ПЕЧАТЕЙ ГОСУДАРЕВЫХ *БОУБАЙ* 26, НА НИХ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЛЕДУЮЩИЕ:

На 1-й. *Рука Царева к небу*. Сия переходит от века в век, и следует прямо по Государе до Государя, употребляет ее Государь в день восшествия своего на престол знаком воссылаемого от себя к небу и земли жертвоприношения. Жертвоприношение состоит в сем; Государь берет лист бумаги черного цве-

---

[1] *Боубай*: значит драгоценность, как и всякая драгоценная вещь на их языке *боубай* называется: слона вырезаны на яшме. А печати присудственных мест бывают из простых камней и называются *доронь*.

[2] К патентам, *гаумины* даются на вышние клас[с]ы с 5-го; а *чимины* даются на нижние от 6 клас[с]а.

[3] При воротах есть покои.

[4] Сие бывает для нового года, когда от всех дел судьям свобода, празднуют они целой месяц времени.

та, на листе пишет молитву свою[1], знамянует ее сею печатью, и лист с сим сожигает.

На 2-й. *Правительство Тайцин по благоволению высочайшего неба*. Хранится, а не употребляется.

На 3. *Драгоценность Государя*. Употребляется на милостивых указах в народ издаваемых.

На 4. *Драгоценность сына неба*. Употребляется на листах, которые служат молитвами к *эндуриям*.[2]

На 5. *Драгоценность ниспосылаемая повеления*. Употреблять на *гаумин*.

На 6. *Драгоценность повеления* поучительного. Употреблять на *эджехе*.

Оные 6 печатей хранятся в Царском чертоге.

На 7. *Драгоценность ниспосланная Государевой милости*. Употребляется на указах к награждениям и пожалованиям.

На 8. *Драгоценность Государева учреждения*. Употребляется на указах к высыланию полков в походы.

На 9. *Драгоценность благоволения сына небесного*. Употребляется на *че*, которые даются владетелям других земель города и селения имеющим.

На 10. *Драгоценность утверждения от сына неба*. Употребляется на указах к высыланию в походы войск степных земель.

На 11. *Драгоценность путешествия дальнего, и границ не имеющего*. Употребляется на указах даваемых начальникам при отправлениях.

На 12. *Драгоценность Государя на юге*. Употребляется на тайных указах, как располагаться и построеваться войскам.[3]

На 13. *Драгоценность почитания от Государя к рождшим его*. Употребляется на писаниях, которыми придаются возносительные имянования покойным отцу и праотцам Его Величества для вечной памяти.

На 14. *Драгоценность любви от Государя к родственникам его*. Употребляется на писаниях даваемых *ванам*.

На 15. *Драгоценность почитаний к небу и милости к народу*. Употребляется на таких писаниях, которыми оказуются Государевы благоволения властям Пекинским, за принесенные ими от народа поздравления и поклонения.

На 16. *Драгоценность означения преданий и летописей*. Употребляется на книгах законных и летописных.

На 17. *Драгоценность почитания писаний*. Употребляется на сочинениях и установлениях неколеблемых и неподвижных.

На 18. *Драгоценность к востоку и югу, к западу и северу на письме красном*. Употребляется на писаниях посылаемых в концы земли.[4]

На 19. *Драгоценность к путешествиям и осматриваниям поднебесного*

---

[1] Белыми буквами.
[2] К силам небесами.
[3] Тиснят ею на пакетах.
[4] Прикладывают ее (а яснее сказать тиснят) на пакетах.

округа. Государь употребляет ее в путешествиях своих.

На 20. *Драгоценность оставляемого поучения*. Употребляется на писаниях, которые оставляемы бывают детям и внучатам на век.

На 21. *Драгоценность* одаренной *мудрости*. Употребляется на писаниях, которыми вельможи за верные услуги свои получают похвалы и поощрения к другим похвальным делам.

На 22. *Драгоценность почитания к небу*, *подражения прародителей*, *любви к просвещенным*, *и милосердия к народу*. Прикладывается к такому сочинению, которое содержит в себе важность государственную великую, и которое писано рукою Государя.

На 23. *Драгоценность для воевания винных*, *дабы восстановить подданным тишину и спокойствие*. Употребляется на указах к войскам, итти воевать винных.

На 24. *Драгоценность для наставления и исправления всех царств*. Употребляется на *гауминах*, посылаемых во все государства.

На 25. *Драгоценность для наставления и исправления всех народов*. Употребляется на таких писаниях, которыми объявляются во все четыре страны вселенной Государевы повеления.

На 26. *Драгоценность власти над всеми войсками*. Государь употребляет, будучи на войне в своем лагере.

О ДОКЛАДАХ

Сего *Дорги ямуня* [верховного совета] два члена 1-го класа старшего, и 2-го класа младшего получаемые доклады из всех по государству присудственных мест относят к Государю, прочитавши каждой доклад, и сделавши на содержание, краткое объяснение для решения; доклады на *манжурском* языке относят самые каковы получены, а доклады на китайском языке, или же на *мунгальском*, относят с переводами, переводят чиновные нижних класов, а поправляют переводы чиновные вышних класов.

О МИЛОСТИВЫХ УКАЗАХ

Милостивые указы в народ издаваемые сочиняют сего *Дорги ямуня* [верховного совета] члены, и по прочтении пред Государем, отдают переписывать уставным письмом на бумаге желтого цвета, по переписании и по приложении печати, относят оные к Государю. Несет пред собою *дяндзи*[1] [дяньцзи], *Дорги ямуня* член [член верховного совета] 2-го клас[с]а младшего следуя за ним в великую залу *соглашении*, полагает на стол желтого цвета; и по сем, когда Государь изволит сесть на престол, сняв с стола отдает члену *Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*.

О обряде после сего бываемом показано ниже сего во установлениях по сей *джургане* [коллегии].

Те милостивые указы, которые посылаются в Корею и другие владе-

[1] Служитель имеющей чин.

ния, сочиняет и отправляет *Джургань* [*коллегию*] *благочиния*, а которые к *мунгальским* владельцам посылаются печатные, те сочиняет и отправляет *Джургань* [коллегия] *областей внешних*. Что касается до приложения к указам печатей называемых *боубай*, сие зависит от *Дорги ямуня* [верховного совета].

О ИМЯННЫХ УКАЗАХ

Все имянные указы писать на желтой бумаге и прилагать к ним печати *боубай* в *Дорги ямуне* [верховном совете], на указах посылаемых в присудственные места *Пекинские*, красными, а на указах во внешние места и ко всем владельцам черными буквами.

О *ГАУМИНЕ* [гаомин] И *ЭДЖЕХЕ*

Когда следует дать чин вельможе, которой отечеству оказал услугу великую, такой, что будет служить не токмо ему на век, но и наследникам его беспрерывно, или же такой, что служить будет на век ему и наследникам только до одного, или нескольких колен имея границу, то для учреждения оного, по первому пишется *гаумин* [*гаомин* – приказ о назначении[1]], а по второму *эджехе* [указ о привилегиях], и для сего тот *ямунь* [*ямэнь* – приказ], у которого оказавшей услугу вельможа под властию, имеет обстоятельное описание услуги оного сообщить *Дорги ямуню* [верховному совету], сей по сообщению пишет *гаумин* или *эджехе*, прилагает печать *боубай*, и изготовленн[ы]й обращает в тот *ямунь* [ямэнь – приказ] для доставления вельможе заслуженному. Что касается до подтверждения чина такого наследнику, то на подлинном приписывать имя наследника, год и месяц, когда подтверждается и прилагать еще печать *боубай* в *Дорги ямуне* же.

Все по статье сей происшествия о заслуживших чины вельможах, вносить в особые книги обстоятельно, и хранить книги такие в доме государевом, в том чертоге, который называется чертог *соглашения вечности*.

Имеют вписывать наследников в книги два члена вместе, один *Дорги ямуня* [верховного совета], другой того *ямуня* [*ямэнь* – приказа], у которого заслужившей вельможа под начальством был.

О *ГАУМИН* И *ЧИМИН* (О ПАТЕНТАХ)

Гаумины [*гаомин*][2] даются вышним клас[с]ам с 1 до 5. *Чимины*[3] даются нижним [чинам] с 6 до последнего клас[с]а.

Установлено писать *гаумин* и *чимин* по чинам и класам, различая оные.

Всем вельможам как штатским, так и военным, которые посылаются в области управителями и главными начальниками, одни над городами, другие

---

[1] [誥命 кит. *гàомѝн – сущ.* 1) указ, рескрипт; 2) предписание (приказ) о назначении (*чиновников I – V классов, с эпохи Сун*)… – *Прим. ред.*].

[2] [誥命 кит. *гàомѝн – сущ.* 1) указ, рескрипт; 2) предписание (приказ) о назначении (*чиновников I – V классов, с эпохи Сун*)… – *Прим. ред.*].

[3] [敕命 кит. *чѝмѝн* – императорский рескрипт (*о пожаловании почётных титулов с 6-го класса*). – *Прим. ред.*].

над войсками, давать от *Дорги ямуня* [верховного совета] *эджехе* [указы о привилегиях] с приложенною печатью *боубай*, сочинять оные и писать в сем *ямуне* [ямэнь] по доношениям тех *джурганей* [коллегий], от коих куда посылаемы вельможи будут. После их, когда кто место свое оставит, взять сему *ямуню* [приказу] от того человека *эджехе* [указ о привилегиях] назад к себе и уничтожить.

Так поступать и при отправлениях вельмож и *гянгюнев*[1] [*цзянцзюнь* – военачальников][2] случайных, когда кому или изыскание, или надзирание, или исследование, или какое до случаю государственное дело поручено будет.

Вручает вельможе или *гянгюню* [*цзянцзюнь*] такую *эджехе* [указ о привилегиях] меньшей чин оного *ямуня* вне ворот дворцовых, которые называются *вороты срединные к югу*.

В крепости посылающимся *гяндуям*[3] [*цзянду* – комендантам] даваемы бывают тайные Государевы указы, таким образом: от Государя присылаются прежде в *Дорги ямунь* [верховный совет], сей *ямунь* вносит имяна и чины посылающихся в книгу, члены ее подписывают тут в книге свои знаки[4] прикладывают к указам печати *боубай*, и отдают посылающимся указы такие у помянутых ворот.

Подписывает и отдает меньшей член.

Как испытывать учеников, кои училися наукам на вышнюю степень

Для испытания тех ученых, которые приуготовились получить достоинство *дзинь ши*[5] [*цзиньши*][6] обряду быть такому.

Испытание совершается в зале Государевом.[7]

Собирают, запечатывают, и хранят сочинения 4 человека разных чинов, служащих в *Дорги ямуне* [верховном совете].

Читают *гюандзы*[8] [*цзюаньцзы*][9] сочиненья два верховные вельможи, один и клас[с]а старшего, другой 2 клас[с]а младшего.

Прежде того дня, в котором должно испытовать учеников, два помя-

---

[1] Генералов.

[2] [将軍 кит. *цзя̄нцзю̄нь* – 1) генерал; 2) полководец, командующий; 3) *ист.* воевода, командир провинциального (*при дин. Цин – знамённого*) гарнизона. – *Прим. ред.*].

[3] Коментантам.

[4] У них каждой судья подписывает дела своим знаком, то есть своим вензелем, где чин его напечатан тиснением; во всех присудственных местах употребляется такая с тиснением чинов бумага, как у нас гербовая.

[5] *Дзинь ши* [*цзинь ши* – см. ниже]: на китайском языке значит: *познатель премудрости*.

[6] [進士 кит. *цзі̀ньши̍* – цзиньши (*высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй*). – *Прим. ред.*].

[7] Испытание, написал я вместо свидетельствование, то есть экзамен.

[8] *Гюандзы* [*цзюаньцзы*]: сверток [см. ниже].

[9] [卷子 кит. *цзюа̀ньцзы* – 1) книга, свиток (*книги, картины*)… – *Прим. ред.*].

нутых класов члена подают Государю для назначения *темы*[1] расписание материям, Государь материю назначивает, и они по назначению сочиняют *тему*, сочиня показывают ее Государю, по показании отдают печатать, печатание происходит при начальниках, по напечатании относят листы в залу, начальник называемой *дяндзи* [*дяньцзи*], и меньшей член *Дорги ямуня* [верховного совета], начальник напереди идет, и несет листы держа в обеих руках, а член за ним идет до стола желтого цвета, и листы сняв с рук от начальника, полагает на стол сей.

Ученики впускаемы бывают во дворец южными воротами срединными, на дворе становятся они на правой и левой сторонах стройно, член *Дорги ямуня* дает печатные листы, на которых тема, члену *Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*, а сей раздает ученикам.

По окончании испытания (экзамена) верховнейшие вельможи, те, которые читали сочинения (свертки), рассуждают но сочинениям, как которого ученика следует удостоить, и по довольном рассуждении согласно утверждают удостоивания. По сем пред тем днем, которой назначен будет к открытию имян учеников[2], удостоеные сочинения относят к Государю для прочтения, Государь по выслушании выбирает изо всех три лучших сочинения, и повелевает имя на тех трех сочинителей написать в первую статью. Протчие имяна расписывают по протчим статьям верховные вельможи, и утверждают расписание подписавши своими руками. По том приуготовляем бывает *бан*.[3]

Обстоятельное всему оному описание есть во установлениях по *Джургане* [коллегии] *благочиния*.

О ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПИСАННЫХ КИТАЙСКИМИ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ
(иероглифами – *прим. ред.*

Всякие такие изображения, которые называются *пай бянь*[4] или *дуйдзы*[5] [*дуйцзы*][6], употребляющиеся во дворце, или даваемы бывают от Государя людям в знак милости Его Величества и благоволения, сочинять от *Ямуня* [*ямэнь* – приказа] *писаний*, а подносить Государю для утверждения от *Дорги ямуня* [верховного совета].

---

[1] *Тема* на китайском язык называется *тиму*, удивительно, что столь сходно название сие с нашим; *ти* значит у китайцев *прикоснуться*, *му* значит вид, то есть *прикоснуться вида*.

[2] Ученик под сочинением своим подписывает имя свое, и на имя, чтоб экзаменаторы не узнали чье сочинение, налепляет белую бумажку, по сему здесь сии слова к *открытию имян*, должно разуметь так, к *содранию бумажек*.

[3] *Бан*: лаковая доска, на которой написаны бывают имяна удостоенных учеников, и которую вешают на воротах у коллегии благочиния для обнародования. [榜 кит. *бáн* – 1) объявление, доска объявлений, оповещение; 2) список, перечень (*напр. выдержавших экзамен*)… – *Прим. ред.*].

[4] [牌匾 кит. *пáйбянь* – 1) вывеска; 2) мемориальная доска. – *Прим. ред.*].

[5] *Пай бянь*: доска лаковая с надписью, буквы няней золотые или простые, а доска лаковая; *дуй дзы* [*дуйцзы*]: стих, состоящей в двух строках, писан бывает на доске лаковой, а чаще на бумаге.

[6] [对子 кит. *дуйцзы* – 1) парные надписи (*для украшения*); парные (ритмические) изречения, дуйцзы. – *Прим. ред.*].

О ЛАКОВЫХ ДОСКАХ С НАДПИСЬМИ, КОТОРЫЕ В МОЛЬБИЩАХ БЫВАЮТ

Образцы таких досок, на которых бывают надписи, и которые употребляются при молитвенных храмах. Делать от *Джурганя* [*коллегии*] *художеств*, а надписи сочинять от *Дорги ямуня* [верховного совета], резьбу чинить от *Джурганя* же *художеств*, Государю подносить оные для утверждения от *Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*; на освящения оных посылать членов *Дорги ямуня* [верховного совета].

О МОЛИТВАХ

Молитвы, которые отправляются при обыкновенных жертвоприношениях, имеет *Ямунь* [*ямэнь* – приказ] *жертвенных дел* благоговейно писать, и написавши присылать оные для приписывания имяни Государева в *Дорги ямунь* [верховный совет].

О НАЗВАНИЯХ, СОСТАВЛЯЕМЫХ ПОКОЙНИКАМ ДЛЯ ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

Дорги ямунь [верховный совет] имеет по смерти каждого *вана*, *бейлы*, и каждого вельможи статского или военного, с дозволения Государева составить для вечной памяти умершему название, и составя поднесть оное Государю для утвержденья. Что касается до надписи на *бее*[1] [*бэй*][2], то оную сочиняет *Ямунь писаний*, а Государю подносит для утверждения *Дорги ямунь*.

О ПЕЧАТЯХ И О НАЗВАНИЯХ, ДАВАЕМЫХ ВОЕНАЧАЛЬНИКАМ

Печати даваемые военачальникам всегда бывают в хранении у *Дорги ямуня* [верховного совета]: когда отправляется военачальник на войну, в то время члены сего *ямуня* составляют ему название благопристойное, и естьли по дозволении Государевом сыщется у них в *ямуне* с таким названием готовая печать, то оную дает военачальнику, а когда не сыщется, приказывает вылить новую со изображением названия составленного имя, по возвращении своем с войны начальник возвращает оную *ямуню* назад.

ОБ ОТСУДСТВИЯХ ГОСУДАРЕВЫХ

Во времяна отсудствий Государевых бывают верховные вельможи, то есть чины *Дорги ямуня* [верховного совета] за Государем по повелению Государеву, и могут они брать с собою подчиненным сего *ямуня* чиновных служителей, смотря, какая когда нужда и пристойность настоять будет.

ПОСЫЛАТЬ С ВОЕНАЧАЛЬНИКАМИ ПРИКАЗНЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ

Отправляющимся на войны военачальникам придают верховные вельможи чиновных служителей из *Дорги ямуня* [верховного совета] для исправления всяких на войне письменных дел, смотря по нуждам и благопристойностям.

---

[1] *Бей*: называется тот столб каменной, которой с надписью становится на могиле покойника.

[2] [碑 кит. *бэй* – стела, мемориальная доска; монумент, надгробный памятник, обелиск. – *Прим. ред*.].

Как отправляются милостивые указы

Милостивые всякие указы отправлять всегда с такими *хафанями*, с какими когда будет пристойно, сообщая имяна и чины их *Джурганю* [коллегии] *благочиния*, и донеся от сей *джургани* Государю.

Посылать и употреблять людей по пристойностям чинов

Какие когда члены *Дорги ямуня* [верховного совета] вручают возводимым на достоинства и клас[с]ы *че* [диплом], за услуги, о сем есть установления у *Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*.

В *Дорги ямуне* [верховного совета] дежурные чиновники во дни присудствия государева приуготовляют для Государя желтый стол, чернильницу и кисти[1], а когда встречаются такие дни, в которые бывают ко двору съезды на поклонение, тогда они кладут на тот стол государев получаемые от придворного приказа расписания имянам чиновных особ и клас[с]ам[2] для прочтения.

Каждого года во дни наступления весны и осени, в храм посвященный в честь праотцам и учителям прославленным s посылается на поклонение *Дорги ямуня* [верховного совета] член 1-го класа старшего.

Книга законов государственных, которые не могут быть пременяемы во вся веки, хранится в трех местах, у Государя, в крепости желтых камней, в *Дорги ямуне*.[3]

Все писания и подписания по делам государственным руки Государевой хранятся в *Дорги ямуне*.

Всякие подаваемые от *джурганей* [коллегий] и *ямуней* [*ямынь* – приказов], и присылаемые из областей от *дзундов* к Государю доклады *бодобуме*[4] в конце каждого года собираются, и отдаются на сохранение *Дорги ямуню*.

Добрый день войску для выступления в поход назначивает всегда *Дорги ямунь*.

В те годовые времена, которые установлены для воинов стрелять из луков, имеет *Дорги ямунь* [верховный совет] своих подчиненных чиновников высылать два раза в месяц стрелять на то место, где стреляют *хя* [5], а присмотр сему за ними состоит от *Джургани* [*коллегии*] *военной*.

Дорги ямунь получает для употребления своего бумагу, чернилы, кисти, ящички (для докладов), сурик, свечи восковые, дрова, уголье, муку (для клейстера), и протчее все, от двух *джурганей* [*коллегий*] – *доходов* и *художеств*, и от *Ямуня* [*приказа*] *запасов*.

---

[1] Пишут они кистьми, а к перьями.
[2] Кажется расписание тем, которым остаться кушать во дворце.
[3] По одному экземпляру.
[4] *Бодобуме*: прожект, представление.
[5] *Хя*: телохранитель, т. е. оберегатель при *хан*ском дворе, есть из них корпус, которой делится на три части, они числятся в 3, 4 и 5 и клас[с]ах, носят на шапках и на шляпах перья, одни из них павлинные, другие лазоревые, служат они по некоторому числу и при *ван*ских дворах.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ

по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

Джургань [*коллегия*] *чинов* имеет в своем ведении все статские чины.

Дела исправляет такие.

Определяет чиновных людей на готовые места, (кроме 1 клас[с]а старшего).

Добавляет места опорожнившиеся.

Чинит испытания.[1]

Чинит изыскивания.

Возводит на достоинства.

Дает чины.

Ведает превосходные выслуги, следующие в награждение наследнику, того заслуженного человека, которой оказывал оные.

ДОСТОИНСТВА И ЧИНЫ В ПЕКИНЕ

Достоинства	***Перевод***
Тай ши	*Великий учитель*.
Тай фу	*Великий наставник*.
Тай боу	*Великий охранитель*.
Шоу ши	*Меньший учитель*.
Шоу фу	*Меньший наставник*.
Шоу боу	*Меньший охранитель*.
Тай дзы [тайцзы] *тай ши*	*Великий ученик, великого учителя*.
Тай дзы тай фу	*Великий ученик, великого наставника*.
Тай дзы тай боу	*Великий ученик, великого охранителя*.
Тай дзы шоу ши	*Великий ученик меньшего учителя*.
Тай дзы шоу фу	*Великий ученик, меньшего наставника*.
Тай дзы шоу боу	*Великий ученик, меньшего охранителя*.

Получают оные достоинства одни Верховнейшие вельможи, Государь придает оные к вышним чинам их за услуги, кто получит какое достоинство из оных, тому по смерти напишется похвальное название для вечной памяти.

[1] Свидетельствования, экзамены.

ЧИНЫ В *ДОРГИ ЯМУНЕ* (верховном совете)	Число людей	**Перевод с объяснением**
алиха битхей да: из манжуров и из китайцев, кажд[ы]й при том называется *алиха амбанем* какого либо *джурганя* [коллегии]. Избирает и определяет в чин сей сам Государь.	6	*главные письменный управитель*. они бывают директорами над коллегиями. сенаторы и министры.
асхани битхей да: из манжуров 6; из китайцев 4; кажд[ы]й при том называется *асхани амбанем Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*	10	*присовокупленный письменный управитель*.
подчиненные		
адаха битхей да: из манжуров 4; из мунгалов 2; из китайцев 2.	8	*приданный письменный начальник*, чин подобной обер-секретарскому.
дянь дзи [дяньцзи] из манжуров 2. из мунгалов 2. из китайцев 2.	6	*имеющий на руках свои законы*.
эджеку из манжур 11. из мунгал 2. из китайцев 2.	15	*записыватель* подобен протоколисту.
джун шу [чжуншу][1] из манжур 72. из мунгал 19. из китайцев 49.	140	*правописатель*.

[1] [中書 кит. *чжӯншӯ* – … 2) *ист.* секретарь государственной канцелярии. – *Прим. ред.*].

В приказе *Дзун жинь фу* (министерство двора), *члены*:		
ван старший или младший	1	
бейле или *бейзе* на левой стороне 1. на правой стороне 1.	2	
гун или *джангин* на левой стороне 1. на правой стороне 1.	2	

подчиненные:		
фучен	1	заседатель
при нем *эджеку* из манжур 4. из китайцев 1.	5	
сии в особой зале:		
ици хяра	6	*исправитель*, обер-секретарь их.
айжилаку	6	*помогатель*, секретарь.
эджеку	2	*записыватель*, протоколист.
битхежи	26	*писец*, у них все писцы имеют чины офицерские.

В *Джургане* [*коллегии*] *чинов*		коллегия всех чинов.
алиха амбань манжур 1. китаец 1.	2	*принявшей на себя вельможа*, президенты их или председатели.
асхани амбань манжуров 2. китайцев 2.	4	*присовокупленный вельможа*, вице-президенты их или заседатели. левой стороны 2. правой стороны 2.
подчиненные:		
такурабуре манжуров 1. китаец 1.	2	*посылающийся*.

ицихяра манжуров 8. китайцев 2.		10	
анжилаку манжуров 8. китайцев 4.		12	
эджеку манжуров 8. китайцев 1.		9	
сы, которая определяет на готовые места:			*сы*, значит часть, отделение, экспедицию
ицихяра	китайцы	1	
айжилаку		1	
эджеку		2	
сы, которая чинит испытания:			чинит экзамены.
ицихяра	китайцы	1	
айжилаку		1	
эджеку		1	
сы, которая дает чины, возводит на достоинства, и добавляет опорожнив-шиеся места:			
ицихяра	китайцы	1	
айжилаку		1	
эджеку		1	
сы, которая чинит изыскивания.			
ицихяра	китайцы	1	
айжилаку		1	
эджеку		1	

Во всей *джургане битхежи*: манжуров 65. мунгалов 2. китайцев 16.	83	
В *Джургане* [*коллегии*] *доходов*		Коллегия доходов. Под ее ведением домы, пашни, крестьяне и все, что казне доход ни приносит.
***члены*:**		
алиха амбань манжур 1. китаец 1.	2	
асхани амбань манжуров 2. китайцев 2.	4	
асхани амбань, у которого в ведомстве хлебные анбары [амбары] манжур 1. китаец 1.	2	
подчиненные:		
такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяра манжур 22. мунгал 3. китайцев 2.	27	
айжилаку манжуров 39. мунгал 5. китайцев 6.	50	
эджеку манжур 18. китайцев 2.	20	
улини да	6	
14 *сы* (экспедиции), которые исправляют дела		

по 14 областям порознь, в каждой *сы*:		
ицихяра по 1-му. *айжилаку* по 1-му. *эджеку* по 1-му.		
Кроме трех областей: *Шан*[*ь*]*дун*, *Санси* [Шан-си], *Юннань* в сих по 2 *эджеку*.		
И так во всех 14 областях:		
ицихяра	14	*глава у имения*, казначей.
айжилаку	14	
эджеку	17	
Во всех *сы* китайцы оных чинов.		

Во всей *джургане* [коллегии]:		
битхежи манжуров 135. китайцев 36.	171	
Под ведомством сей *джургани* приказ *Боуцюань гюй* [боу цюань цзюй]		Приказ, где деньги делают.
В нем начальник китаец.	1	
В *Джургане* [*коллегии*] *благочиния*		Коллегия благочиния. Оная послов принимает и отправляет, от нее зависят все церемонии.
***члены*:**		
алиха амбани манжур 1. китаец 1.	2	
асхани амбани манжуров 2. китайцев 2.	4	

подчиненные:		
такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяра манжуров 6. мунгал 1. китаец 1.	8	
айжилаку манжуров 10. мунгал 1. китайцев 5.	16	
эджеку манжуров 7. китаец 1.	8	
сы И джи [ичжи]		
ицихяра	1	
айжилаку	1	
эджеку	1	
сы Цыдзи [цыцзи]		
ицихяра	1	
айжилаку	1	
эджеку	1	
сы Джуке [чжукэ]		
ицихяра	1	
эджеку	1	
сы Дзин шань [цзиншань]		Оные 4 экспедиции названия имеют китайские, и по тому, что канжурскими литерами оказаны, узнать и объяснить их не можно.
ицихяра	1	
эджеку	1	
во всех *сы* китайцы.		
во всей *джургане*:		
битхежи		
манжуров 31.		
китайцев 14.	45	

хафанев при теплицах государевых:	8	Начальников чиновных.
7 клас[с]а 2.		
8 клас[с]а 6.		
хафанев при дворцовой желтой стене 7 клас[с]а.	3	
хафанев над стражами скота	2	
толмачей корейского языка	12	
под ведомством сей *джургани*:		
Приказ *Хен жинь сы* [хэнжэньсы] в нем разных чинов:	14	
Приказ *Джу инь гуй* [чжуиньгуй]: Начальник	1	
Гой тун гуан. Начальник	1	Посольск[и]й Дом.
Гиоу фан сы. Начальников	15	Дом заготовления портчез[1] и подобного сему.
В *Джургане* [*коллегии*] *военной*		
члены:		
алиха амбань манжур 1. китаец 1.	2	
асхани амбань манжуров 2. китайцев 2.	4	
подчиненные		

[1] [*Портшез* — это лёгкое переносное кресло, в котором можно сидеть полулёжа. Он представляет собой стул или кресло на жердях-носилках, этот стул позволяет сидеть в нем зачастую полулежа. *Портшез* – разновидность паланкина, обозначает, собственно, то же: это особый вид городского транспорта в те времена. В западной Европе паланкин именовался *портшезом*, упоминания о нем можно найти в литературе XVIII века. – *Прим. ред.*].

такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяра манжуров 11. мунгалов 4. китайцев 2.	17	
айжилаку: манжуров 13. мунгалов 4. китайцев 6.	23	
эджеку: манжуров 8. китаец 1.	9	
сы Усюань [усюаньсы][1]:		*сы* экспедиция.
ицихяра	1	
айжилаку	1	
эджеку	1	
сы Джи фан [чжифансы][2]:		
ицихяра	1	
айжилаку	1	
эджеку	2	
сы Гюй гя [цзюйцзясы][3]:		
ицихяра	1	
эджеку	1	
сы Угу [угусы]:		
ицихяра	1	
эджеку	1	
во всех оных *сы* китайцы.		
Во всей *джургане*:		

[1] [武選司 кит. *ўсюаньсы̀ – ист.* департамент аттестаций [военных чинов] военного министерства (*дин. Цин*). – *Прим. ред.*].
[2] [職方司 кит. *чжифāнсы̄ – ист.* земельно-статистический департамент (*до 1911 г.*). – *Прим. ред.*].
[3] [車駕司 кит. *цзю̄йцзя́сы̄ – ист.* управление императорских конюшен (*в военном приказе, с XIV в.*). – *Прим. ред.*].

битхежи манжуров 67. мунгал 8. китайцев 11.		86	
Под ведомством сей *джургани*:			Посольск[и]й дом.
Гой тун гуань. В нем начальник		1	
Приказ *Дубу*[1], в нем судей:		2	
асхани *амбани*	левой и правой сторон		
манжур 1			
китаец 1			
При них *ицихяра*: манжур 1. китаец 1.		2	
подчиненные:			
такурабуре манжур 1. китаец 1.		2	
ицихяра манжур 1. китаец 1.		2	
айжилаку манжуров 15. китайцев 9.		24	
эджеку манжуров 3. мунгал 1. китайцев 6.		10	
во всем приказе *битхежи*:		50	
манжуров 34. китайцев 16.			

[1] [都部 кит. *дӯбӯ* – *ист.* центральное (главное) управление; ставка. – *Прим. ред.*].

Приказ *Сыюй сы*.		
в нем начальников	2	
китайцы.		
В *Джургане* [*коллегии*] *исследований*		Юстиция.
члены:		
алиха амбань манжур 1. китаец 1.	2	
асхани амбань манжуров 2. китайцев 2.	4	
подчиненные		
такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяра манжуров 14. китайцев 4.	18	
айжилаку манжуров 18. китайцев 12.	30	
эджеку манжуров 19. китаец 1.	20	
казначей манжур.	1	
14 *сы* (экспедиций), которые исправляют дела по 14 областям,		
в каждой:		
ицихяра 1. *айжилаку* 1. *эджеку* 1. китайцы.		
Во всей *джургане*:		

битхежи манжуров 96. китайцев 19.	45	
Под ведомством сей *джургани*:		
Приказ *Сы Юй сы*		
В нем начальников китай- цев:	4	
В *Джургане* [*коллегии*] *строений и художеств*		
***члены*:**		
алиха амбань манжур 1. китаец 1.	2	
асхани амбань манжуров 2. китайцев 2.	4	
подчиненные:		
такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяра манжур 16. мунгал 1. китайцев 2.	19	
айжилаку манжуров 13. мунгал 3. китайцев 6.	26	
эджеку манжуров 15. китаец 1.	16	
казначей 1. манжур.		
сы Ин шань [иншаньсы]:		
ицихяра	1	
айжилаку	1	

эджеку	2	
сы Юй Хень [юйхэньсы]:		
ицихяра	2	
айжилаку	1	
эджеку	2	
сы Ду шуй [душуйсы][1]:		
ицихяра	1	
айжилаку	3	
эджеку	2	
сы Тунь тянь [туньтяньсы]:		
ицихяра	1	
айжилаку	1	
эджеку	2	
Во всех *сы* китайцы.		
Во всей *джургане*:		
битхежи		
манжуров 90.		
китайцев 14.	104	
Под ведомством сей *джургани*:		
Приказ поклаж:		
В нем:		
ицихяра	2	
айжилаку	2	
казначеев	2	
нарядчиков	2	
все китайцы.		
битхежи манжуров 5. китаец 1.	6	

[1] [都水司 кит. *дӯшуйсы – ист.* приказ водного хозяйства (*дин. Мин-Цин*). – *Прим. ред.*].

Приказ *Ин шань*:		
начальник	1	
В *Джургане* [*коллегии*] *управляющей внешние области*		В сей коллегии Мунгалские дела, а по сему и Российские.
члены:		
алиха амбань	1	
асхани амбань	2	
подчиненные:		
такурабуре манжур 1. мунгал 1.	2	
эджеку китаец	1	
исправителей китайцев	2	
сии употребляются по случайным приказаниям:		
ицихяра	11	
анжилаку	29	
эджеку	4	

Сы, которая в чины производит:		Одних *мунгал* степных.
эджеку	1	
Сы, которая гостей принимает:		
эджеку	1	
Сы, которая ласковость делает иностранным людям:		
эджеку	1	
Сы, которая судит оказавшиеся преступления:		
эджеку	1	
Во всей *джургане*:		

битхежи манжуров 11. мунгалов 41. китайцев 2.	54	
УХЕРИ БАЙЧАРА ЯМУНЬ [ямэнь]		Приказ, которой чинит всякие по делам изыскивания. Прокурорской.
члены *Левой стороны*:		
амбани взыскивания главные: манжур 1. китаец 1.	2	
амбани изыскивания товарищи [заместители]: манжур 1. китаец 1.	2	
амбань изыскивания придаточный: китаец.	1	
члены *Правой стороны*:		
амбань изыскивания главный. *амбань* изыскивания товарищ. *амбань* изыскивания придаточный.		
Оным членам правой стороны положенного числа нет, для того, что придаются такие членские названия одним *дзундам* [*цзунду*[1] – губернаторам] и *сюнфам* [*сюньфу*[2] – вицегубернаторам] по случаям, когда потребуется чинить изыскивания в делах касающихся до войны, до провозов хлеба, до воденых путей, и до осмотров земель и уездов,		губернаторам и вице-губернаторам.

[1] [总督 кит. *цзўндў* – 1) генерал-губернатор, наместник… – *Прим. ред.*].

[2] [巡撫 кит. *сіоньфў* – …2) генерал-губернатор (*одной или нескольких провинций; дин. Цин, также* 巡抚使). – *Прим. ред.*].

с тем, что они смотря по обстоятельствам могут начальников одних отрешать, других определять, как писано в своем месте о должностях сего *ямуня* [приказа].		
подчиненные:		
дара манжур 1. китаец 1.	2	*вступающиеся в дела*.
эджеку манжуров 2. китаец 1.	3	
гуара	21	*присматриватель*.
в областях присматриватели:		в губерниях.
Гяннанской [Цзяннань]	2	
Джегянской [Чжэцзянь]	2	
Гянсиской [Цзянси]	1	
Фугянской [Фуцзянь]	2	
Хугуанской [Хугуан][1]	2	
Хонанской [Хэнань]	2	
Шан[ь]дунской	2	
Сансиской [Шаньси]	2	
Шансиской [Шэньси]	2	
Сычуан[ь]ской	1	
Гуандуанской [Гуандун]	1	
Гуансиской [Гуанси]	1	
Юньнанской [Юньнань]	2	

[1] [*Хугуан* 湖廣 – букв.: «Озёрный простор»; под “озером” понимается озеро Дунтинху] – бывшая провинция Китая, существовавшая во времена династий Юань, Мин и первых лет Цин. Столицей был Учан. В начале эры *Канси* (1654-1722 гг.) Хугуан был разделен на провинции Хубэй («К северу от озёр») и Хунань («К югу от озёр»), существующие и поныне. Впрочем и после этого существовала позиция генерал-губернатора Хугуана, стоящего над губернаторами этих двух провинций. – *Прим. ред*.].

Гуйджеуской [Шуйчжоу]	1	
китайцы		
Во всем *ямуне*:		
битхежи манжуров 51. китайцев 7.	58	
ТУНДЖЕНСЫ ЯМУНЬ [тунчжэнсы ямэнь][1]		Приказ государственной экономии, которой и следуемые к Государю доклады и челобитные получает, и по них решительные повеления отсылает.
члены:		
хафумбуре главные: манжур китаец	2	прорицатели.
хафумбуре товарищи и помощники, левой и правой сторон: манжуров левой стороны 1. китаец левой стороны 1. китайцев правой стороны 2.	4	
айжилара левой и правой сторон: на левой манжуров 2. китайцев 2. На правой: китайцев 2.	6	помощники.
подчиненные:		
дара манжур 1. китаец 1.	2	
эджеку манжуров 2. китаец 1.	3	
битхежи манжуров 8. китайцев 2.	10	

[1] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄ – стар.* канцелярия по приёму жалоб и прошений трону (*с дин. Сун*). – *Прим. ред.*].

ДАЙЛИСЫ ЯМУНЬ [далисы ямэнь[1]]:		Приказ истязаний.
члены:		
алиха хафань манжур 1. китаец 1.	2	*Начальствующий чиновный.*
илхи хафань манжур 1. китайцев 2.	3	*Помощник чиновный.*
сираме хафань	1	*Последующий чиновный.*
подчиненные:		
такурабуре манжур 1. китаец 1.	2	
ицихяку манжуров 2. китайцев 6.	8	*Исправник.*
эджеку манжур 2. китайцев 3.	4	
битхежи манжуров 6. китайцев 2.	8	
БИТХЕЙ ЯМУНЬ		Приказ писаний.
члены:		
асхани битхей да манжур 1. китаец 1.	2	*писатель заседающий.*
подчиненные:		
ши ду[2] *хиоши* манжуров 3. китайцев 3.	6	философы (философы – *прим. ред.*), которые лекции дают.

[1] [大理寺 кит. *дàлйсы – ист.* Ревизионная палата, Палата по уголовным делам; апелляционный суд (*до конца дин. Цин*). – *Прим. ред.*].
[2] [侍讀 кит. *шùдý – ист.* придворный чтец (*с дин. Сун – в составе Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

ши гян [*шицзян*][1] *хиоши* манжуров 3. китайцев 3.	6	философы, которые экспликуют.
шиду[2] манжуров 3. китайцев 3.	6	лекций дателе.
шигян [*шицзян*][3] манжуров 3. китайцев 3.	6	изъяснятели.
судури 4-х должностей и званий. Сим положенного числа нет.		гисторик (историк – *прим. ред.*).
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 4. китайцев 4.	8	ученые люди.
битхежи манжуров 48. китайцев 8.	56	
При оном приказе приказ называющийся *Илире тере бе эджере ямунь* [ямэнь]. В нем нет положенного числа членам, присудствуют манжуры обще с китайцами, будучи члены же *Приказа писаний*, и двух других еще ученых собраний.		Сии слова собственно значат приказ такой, которой записывает государевы стояния и сидения, то есть, ведет журнал государевым упражнениям. философы.
подчиненные:		

[1] [侍講 кит. *шйцзян – ист.* придворный истолкователь [конфуцианских канонов] (*с дин. Хань*; *с дин. Тан – должность в Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].
[2] [侍讀 кит. *шйду́* – см. выше. – *Прим. ред.*].
[3] [侍講 кит. *шйцзян* – см. выше. – *Прим. ред.*].

эджеку манжуров 3. китаец 1.	4	
битхежи манжуров 14. китайцев 4.	18	
Чины при *ямуне*:		
собиратель и хранитель писем	1	
бо ши[1]	10	разбиратель писаний по материям.
Определяются такие китайцы, которые происходят от кровей мужей великих и славных, живших во времена древние, и которые ведутся из колена до колена по сие время беспрерывно.		
роды их:		
Кун	2	Конфуциуса (Конфуция – *прим. ред.*)
Янь	1	ученика его
Дзен [цзэн]	1	ученика его
Мын [мэн]	1	философы
Джун [чжун]	1	
Чен [чэн]	1	
Джу [чжу]	1	
Гун	1	
Дунь	1	
Еще при приказе писаний приказ называющийся *Джань ши ямунь* [чжаньши ямэнь]		Приказ объяснений.

[1] [博士 кит. *бо́шѝ* – 1) доктор [наук] (*учёная степень*); 2) мастер-профессионал, знаток; 3) *устар.* доктор по каноническим книгам (*наследственный титул лица, приносящего жертву внуку Конфуция* 子思); 4) *устар.* старший учёный, главный эрудит (*также должность и звание, с дин. Цинь*)… – *Прим. ред*].

члены:		
джань ши [*чжаньши*] манжур 1. китаец 1.	2	
джань ши [*чжаньши*] помощники манжуров 2. китайцев 2.	4	
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 18. китайцев 18.	36	
битхежи манжуры.	10	
ТАЙЧАНСЫ ЯМУНЬ [тайчансы[1] ямэнь]		Приказ, в котором дела касающиеся до жертв.
члены:		
алиха манжур 1. китаец 1.	2	*Начальствующий чиновный.*
илхи манжур 1. китаец 1.	2	*Помощник чиновный.*
сираме манжур 1. китайцев 2.	3	*Последующий чиновный.*
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 40. китайцев 54.	94	
при жертвеннике неба начальников	10	

[1] [太常寺 кит. *тàйчáнсы – ист.* Жертвенный приказ (*учреждение для организации обрядов в храме предков императора*). – *Прим. ред.*].

при жертвеннике земли начальников	10	
при храме, который создан в честь прежним царям и владыкам манжурским и вельможам их.		
манжуры.	10	
при жертвеннике жизни вечной начальников		
манжуры.	5	
при жертвеннике солнца	1	
при жертвеннике луны	1	
при жертвеннике пашен	5	
при храме, который издан в честь прежним царям и владыкам китайским		
китайцы начальники.	1	
ГУАНЛУСЫ ЯМУНЬ [гуанлусы[1] ямэнь]		Приказ столовых припасов.
члены:		
алиха манжур 1. китаец 1.	2	[87]
илхи манжур 1. китаец 1.	2	
сираме китаец	1	
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 9. китайцев 5.	14	

[1] [光禄寺 кит. *гуāнлу́сы* – пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци, VI в. н.э., восстановлен в 1906 г.*). – *Прим. ред.*].

казначеев. китайцы.	2	
битхежи манжуров 21. китайцев 2.	23	
ТАЙПУСЫ ЯМУНЬ [тайпусы[1] ямэнь]		Конюшенн[ы]й и скотоводн[ы]й приказ.
члены:		
алиха манжур 1. китаец 1.	2	
илхи манжур 1. китаец 1.	2	
подчиненные:		
айжилаку манжуры.	8	
битхежи манжуров 11. китайцев 2.	13	
ШУНЬТЯНЬ[2] ФУ		Название Пекинской провинции.
судей	4	
подчиненных разных званий должностей и мест: китайцы.	8	
ТАЦИКУЙ ЯМУНЬ		Приказ училищ.
судей	2	
подчиненных разных званий должностей и мест: китайцы.	12	

[1] [太僕寺 кит. *тàйпỳсы* – Императорский конный двор; ведомство, первоначально занимавшееся разведением лошадей; где 太僕 кит. *тàйпỳсы* – тайпу (*императорский конюший; с дин. Чжоу*). – *Прим. ред.*].

[2] [順天 кит. *шỳньтя̄нь* – …2) *ист.* Мукден (*город и провинция, ныне – Шэньян* 沈阳 – Шэньян, *маньчж.* Мукден; *город в провинции Ляонин в Китае*)… – *Прим. ред.*].

ХУНЛУСЫ ЯМУНЬ [хунлусы[1] ямэнь]		Приказ процессий.
члены:		
алиха манжур 1. китаец 1.	2	
илхи манжур 1. китаец 1.	2	
сираме китаец.	1	
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 17. китайцев 17.	34	
битхежи манжуров 10. китайцев 2.	12	
ГОДЗЫ ГЯНЬ [гоцзыцзянь][2]		Главное училище.
члены:		
алифи тацибуре манжур 1. китаец 1.	2	главные учители.
илхи тацибуре манжур 1. китаец 1.	2	помощники учители.
Подчиненные:		

[1] [鴻臚寺 кит. *ху́нлу́сы̄ – ист.* приказ придворного этикета (*занимался вопросами приёма при дворе иностранных сановников, государственным трауром и прочими важными ритуалами*). – *Прим. ред.*].

[2] [國子監 кит. *го́цзы̆цзя̀нь* – Гоцзыцзянь (*букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне - музей в Пекине*). – *Прим. ред.*].

разных должностей и званий: манжуров 23. китайцев 25.	48	
битхежи манжуров 5. китайцев 4.	9	
***КО* ДЖУРГАНЯ [КОЛЛЕГИИ] ЧИНОВ**		*ко*: слово китайское, значит *око*, *равновесие*, *равномерие*, *степень*, *правило*, так называются канторы прокурорских дел.
члены:		
долоронь джафаха гизурере манжур 1. китаец 1.	2	судьи, которые имеют в руках печати и делают предложении коллегии.
гизурере манжур 1. китаец 1.	2	*предлагатель*.
битхежи манжуры.	21	
КО Джурганя доходов.		
Те же чины и столько же.		
КО Джурганя благочиния.		
Те же чины и столько же.		
КО Джурганя военного.		
Те же чины и столько же.		
КО Джурганя исследований		
Те же чины и столько же.		
КО Джурганя строений и художеств		
Те же, но только *битхежиев*	11	
ЦИНЬ ТЯНЬ ГЯНЬ ЯМУНЬ [циньтяньцзянь[1] ямэнь]		Приказ небесных примечаний, *от него календари выходят*.
члены:		

[1] [欽天監 кит. *цїньтя̄ньцзя́нь – ист.* приказ по астрономии и календарю (*дин. Мин — Цин*). – *Прим. ред.*].

алиха манжур 1. китаец 1.	2	
илхи манжур 1. китаец 1.	2	
подчиненные:		
разных должностей и званий: манжуров 13. китайцев 21.	34	
битхежи манжуров 2. китайцев 6. мунгалов 2.	10	
ТАЙ И ЮАНЬ ЯМУНЬ [тайиюань[1] ямэнь]		Приказ врачеваний.
главн[ы]й член	1	
товарищей [заместителей]	2	
подчиненные:		
Разных должностей и званий: китайцы	30	
ШАН ЛИНЬ ЯМУНЬ [шанлинь ямэнь]		Приказ, у которого в ведомстве деревни при загородных дворцах находящиеся.
судья	1	
подчиненных	2	

Приказ дворцовых стройностей		
В нем судьи военных чинов.		
Писано об них в должностях *Джургани военной*.		

[1] [太医院 кит. *тàйӣюàнь* – императорский госпиталь; где 医院 кит. *ӣюàнь* – больница, госпитаь, лазарет. – *Прим. ред.*].

эджеку манжур	1	
битхежи манжуров 7. китайцев 3.	10	
ГИНЛИ СЫ **[цзинлисы]**		Экспедиция инспекторская.
в ней *гин ли* [*цзинли*] военных чинов китайцы. кажд[ы]й знает свой *гин* [*цзин*].	7	Есть особые места округе Пекина, где осмотры бывают
ПРИКАЗ ШКОЛ *ВЕЙ* **[вэй]**[1]		Школ гарнизонных.
в нем:		
главн[ы]й судья	1	
товарищ его	1	
китайцы.		
***Бин ма сы* [бинмасы]**[2] **пяти частей в Пекине**		Экспедиции, которые изыскивают воров и всяких непотребных людей.
судей во всякой части по 2.	10	
подчиненных по 1 человеку китайцы.	5	
При кладбищах покойных царей и цариц		
ицихяра	3	
айжилаку	5	
читателей	6	
возгласников	11	
битхежи	26	
еще *битхежи*		

[1] [衛 кит. *вэ̀й – сущ.* 1) охрана, стража; караул; …3) *ист.* вэй (*военно-адм. единица Китая с гарнизоном в 5600 чел., дин. Мин*); гарнизон, форт; военное поселение, сторожевой пост (*см.* 衛所). – *Прим. ред.*].

[2] [兵馬司 кит. *бӣнмӑсы̄* – 1) полицейское управление (*в столице*, *дин. Мин, Цин*)… – *Прим. ред.*].

при дворцовых воротах		84	ворот больших 4
при *хя* вышних трех знамен		12	*хя* – телохранители. Есть такой корпус.
при военоначальниках [в]ос[ь]ми знамен манжурских по 7 человек у каждого		56	смотреть в алфавите *гуза*.
при военоначальниках [в]ос[ь]ми знамен Мунгалских по 6 человек у каждого		48	
при военоначальниках [в]ос[ь]ми знамен *уджень чоха*[1] по 7 человек		56	
при полководцах [в]ос[ь]ми знамен		36	
при главном *гянгюне* [*цзянцзюнь*]		6	*гянгюнь* (кит. *цзянцзюнь – прим. ред.*), генерал их.
при *гянгюнях* [военачальниках]:			
Гяннинском [Цзяннин],	по 4 человека	24	
Сианьском,			
Фугянском [Фуцзянь],			
Хандж[о]уском [Ханчжоу],			
Гинь джеуском [Цзиньчжоу],			
Гуандунском,			
при *дзунде* [*цзунду*], которой манжур, и у которого в ведомстве провозы хлеба		5	*дзунду* [*цзунду*], губернатор их.
при *дзунде* [*цзунду*] манжуре Сычуан[ь]ском и Шанси-		6	

[1] *Уджень чоха*: смотреть в алфавите под буквою “У”: *тяжелое войско*, так называется тот корпус войска, которой состоит под [в]ос[ь]ми знаменами из природных китайцев тех, кои передались к манжурам до овладения ими всего Китая.

ском		
при *дзундах* [*цзунду*] китайцах во всех областях по 2 человека		
при *сюньфах* манжурах во всех областях, и выключая и Пекинскую по 4 человека.		*сюньфу*, вице-губернатор их.
при *буджен ши* [*бучжэн-ши*][1], при *ань чаши* [аньча-ши][2] в областях Саньсиской [Шаньси], Шансиской [Шэньси] и Ган[ь]суской по 2 человека.		При собирателях податей и оброков, при изыскателях и исправителях непорядков.
при градоначальниках Боудинском, Цан джеуском [Цанчжоу], Деджеуском [Дэчжоу], Тай юан[ь]ском по 2 человека.		
при градоначальниках в отменных 12-ти городах по 1-му человеку.		
у четырех ворот большой стены, которые смежны с Мунгалскою степью по 2 человека.		
у двух ворот большой стены не смежных с степью Мунгалскою по 1 человеку.		
всюду, как выше показано употреблять манжуров.		

[1] [布政使 кит. *бу́чжэ̀ний – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].
[2] [按察使 кит. *а̀ньча́ший* – …2) заведующий судебной частью, эмиссар юстиции (главный судья) в провинции (*дин. Мин – Цин*). – *Прим. ред.*].

СЕН ЛУ СЫ [сэнлусы][1]		Экспедиция, которой подсудны монахи Хошанского, то есть Идолаторского закона (т.е. буддисты – *прим. ред.*).
в ней судей:	8	
китайцы.		
ДО У ЛУ СЫ		Экспедиция, которой подсудны попы Стоического закона.
в ней судей:	8	
китайцы.		
чины при доме *вана* старшей степени:		
начальников при доме главных	4	
начальников над паствами	2	
начальник стола	1	
казначеев	2	
начальников над художниками и мастерами	4	
начальников над паствами быков и коров	2	
чины при доме *вана* младшей степени:		
начальников при доме главных	3	
начальник над паствами	1	
начальник стола	1	
казначей	1	
начальников над художниками и мастерами	4	
начальников над паствами быков и коров.	2	
начальников над мастерами, которые делают луки в пяти знамях по одному	5	

[1] [僧录司 кит. *сэ̄нлу́сы̄* – департамент по делам буддийского духовенства, духовное ведомство (*в столице*). – *Прим. ред.*].

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

ЧИНЫ В МУКДЕНЕ[1]

С начала нашего Манжурского правительства в Мукдене все чины установлены были, а когда преселился двор государей наших в Пекине, в то время оставлены в Мукдене чины не многие: В 14-м году царствования Государя *Шунь Джи* (Шуньчжи, 1644-1661 гг. пр. – *прим. ред.*) сделано установление, быть тамо только четырем Джурганям, *доходов*, *благочиния*, *исследований*, и *строений*, и еще приказу области Мукденской, а каким в оных присудственных местах быть чинам сему следует расписание.

ЧИНЫ	Число людей	
ДЖУРГАНЬ [КОЛЛЕГИЯ] ДОХОДОВ		
В ней:		
судья *асхани амбань*	1	
подчиненные:		
ицихяра	2	
айжилаку	6	
эджеку	2	
казначей	2	
битхежи	15	
ДЖУРГАНЬ [КОЛЛЕГИЯ] БЛАГОЧИНИЯ		
в ней:		
судья *асхани амбань*	1	
ицихяра	2	
айжилаку	4	
эджеку	1	
битхе хулара	8	читатели.
хулара	16	возгласники.
битхежи	12	

[1] Столичн[ы]й город прежних манжурских *ханов*, *Мукдень* – слово сие значит *возвышение*, построен сей город в то время, когда манжуры возвышаться начали, потому первым *ханом* их и назван так, стоит близко реки Амура, округ стены 5 верст и 200 сажен российских. Ворот 8, от Пекина 882 версты, на востоке.

в ней:		
судья *асхани амбань*	1	
ицихяра	2	
айжилаку	7	
эджеку	2	
битхежи	15	
ДЖУРГАНЬ [КОЛЛЕГИЯ] СТРОЕНИЙ		
в ней:		
судья *асхани амбань*	1	
ицихяра	2	
айжилаку	6	
эджеку	2	
казначеев	2	
начальник над мастерами	1	
битхежи	16	
Во всех местах манжуры.		
Приказ области Мукденской		
В нем:		
судей	4	
подчиненных разных званий и чинов	4	
в училище начальников	2	
при обучении врачебной науке начальник	1	
исправителей	2	
битхежи:		
при полковниках, которые на стражах у трех царских кладбищ по 2 человека.	6	
при начальниках у которых в ведомстве казенные домы по 2 человека.		
при *гянгюне* Нингутаском	14	
при *гянгюне* Мукденском	11	
при *гянгюне* Амурском	10	
при военачальниках Солон называемого народа	2	

при градоначальниках по 2 человека.		
у 15-ти ворот, которые в большой стене, по 1-му человеку	15	

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

ЧИНЫ В ОБЛАСТЯХ	Число людей	
В *сы* называемой *Буджен* [бучжэнсы][1]		канцелярия податей и оброков
судьи:		
Будженсы	1	
в трех областях *Сансиской*, *Шансиской*, *Гансуской*, манжуры; а в протчих китайцы, в Пекинской нет.		
доули числа нет		изыскатель и исправитель
подчиненных разных чинов и званий	21	
в *сы* называемой *Аньча* [аньчасы][2]		Экспедиция изысканий и исправлений
судьи:		
аньчаши [аньчаши][3]		
в трех областях *Сансиской* [Шаньси], *Шаньсиской* [Шэньси], *Гансунской*, манжуры, а в протчих китайцы, в Пекинской нет.		
в трех областях *Гяньнанской* [Цзяннань], *Шаньсиской* [*Шэньси*], по 2, в протчих по 1 человеку		
доули. Числа нет.		изыскатели и исправители
Подчиненных разных чинов и званий, находящихся в разных местах до 17 человек.		

[1] [布政司 кит. *бу̀чжэ̀нсы̄* – *ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*отдельной провинции, дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].
[2] [按察司 кит. *а̀ньча́сы̄* – управление инспекции; где 按察 кит. *а̀ньча́* – 1) обследовать, ревизовать, проверять, инспектировать; 2) задерживать и допрашивать. – *Прим. ред.*].
[3] [按察使 кит. *а̀ньча́ший* – …2) заведующий судебной частью, эмиссар юстиции (главный судья) в провинции (*дин. Мин – Цин*). – *Прим. ред.*].

Не по равному числу в местах и еще разнь в том, что какой чин и звание одной области есть, такого в другой нет.			
В *ФУ*[1]			город 1 степени
судьи:			
джифу [чжифу][2]		1	воевода первой статьи
тунджи [тунчжи][3] *тунпань*[4]	числа не положено		товарищи [заместители]
Подчиненные разных чинов и званий, находящихся в разных местах, до 22 человек.			
Не по равному числу, и какой чин и звание один *фу* имеет, такого в другом *фу* нет.			
В *ДЖЕУ* [чжоу][5]			город 2 степени
судьи:			
джи джеу [чжичжоу][6]		1	воевода средней статьи
джеу пань [чжоупань][7]. Числа не положено.			товарищ [заместитель]
Подчиненных разных чинов и званий, находящихся в разных местах до 10-ти человек			
В *ХЯНЬ* [сянь][8]			город 3 степени
судьи:			

[1] [府 кит. *фу̌* – … 3) *ист.* фу, область, округ (*существовал до 1912 г.; с дин. Мин – административная единица между провинцией* 州 чжоу *и уездом* 縣 сянь); 4) *ист.* фу, областной центр, город областного значения (*существовал до 1912 г.*; *с дин. Мин – о главном городе области*)… – *Прим. ред.*].

[2] [知府 кит. *чжӣфу̌* – начальник округа, правитель области. – *Прим. ред.*].

[3] [同知 кит. *ту́нчжӣ* – … 2) *ист.* [старший] помощник начальника области (*дин. Сун-Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] [通判 кит. *тӯнпа̀нь* – *стар.* помощник правителя области (префекта). – *Прим. ред.*].

[5] [州 кит. *чжо̄у* – *сущ.* 1) чжоу (*адм. единица до 1911 г.*); окружной центр; 2) область… 3) *ист.* чжоу, округа (*административно-территориальная единица*…). – *Прим. ред.*].

[6] [知州 кит. *чжӣчжо̄у* – правитель округа. – *Прим. ред.*].

[7] [州判 кит. *чжо̄упань* – *стар.* младший помощник начальника округа (*дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

[8] [縣 кит. *ся̀нь* – 1) уезд (*админ. единица*)… – *Прим. ред.*].

джи хянь [чжисянь][1]	1	воевода меньшой статьи
джи бу [чжибу]. Числа не положено.		товарищ [заместитель]
Подчиненных разных чинов и званий, находящихся в разных местах до 10-ти человек.		

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

Клас[с]ы на достоинства

1-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

тайши [наставник императора][2].

тайфу [наставник двора][3].

тайбоу [*великий охранитель*].

1-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

шоуши [*меньший учитель*].

шоу фу [*меньший наставник*].

шоу боу [*меньший охранитель*].

тайдзы [тайцзы] *тайши* [*великий учитель* наследника].

тайдзы [тайцзы] *тай фу* [*великий наставник* наследника].

тайдзы [тайцзы] *тай боу* [*великий охранитель* наследника].

2-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

тайдзы [тайцзы] *шоуши* [*меньший учитель* наследника].

тайдзы [тайцзы] *шоу фу* [*меньший наставник* наследника].

тайдзы [тайцзы] *шоу боу* [*меньший охранитель* наследника].

КЛАС[С]Ы НА ЧИНЫ СТАТСКИЕ:

2-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

алиха битхей да [*главн*[*ы*]*й письменн*[*ы*]*й управитель*].

алиха амбань [президент (глава коллегии)].

алифи байчара амбань [вельможа главн[ы]й над изыскиваниями пороков и проступок].

2-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

будженши [бучжэнши][4] [казначей, которой собирает подати и оброки].

3-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

---

[1] [知縣 кит. *чжӣсянь* – начальник уезда. – *Прим. ред.*].

[2] [太師 кит. *тàйшӣ* – 1) *стар.* наставник императора (*старший из трёх* 公: *с дин. Тан почётный титул, жалуемый двором будд. монаху*)… – *Прим. ред.*].

[3] [太傅 кит. *тàйфỳ* – 1) *ист.* наставник двора (*обычно: несовершеннолетнего императора*)… – *Прим. ред.*].

[4] [布政使 кит. *бỳчжэ̀ний* – *ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

асхани амбань [вице-президент (заместитель главы коллегии)].

асхани битхей да [*присовокупленный управитель*, чин заседателя в их сенате (верховном совете)].

асхани байчара амбань.

фу чен [фучэн] [заседатель].

алифи хафумбуре [председатель в таком месте, где следуемые к Государю доклады и челобитные приходят, и по них решительные повеления отсылаются].

приказа *Тун джен сы* [*тунчжэнсы* –

канцелярии по приему жалоб и прошений][1]:

алиха хафань [*начальствующий*, судья].

в приказах *Дайлисы* [Приказе истязаний][2]

и *Тай чан сы*[3] [Жертвенном приказе].

джань ши [чжаньши] [*объяснитель*].

аньчаши [аньчаши][4] [*розыскной судья*].

3-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

алиха хафань [*начальствующий*, судья] – в приказах *Гуанлусы*[5] [Пиршественном приказе] и *Тайпусы*[6] [Конюшенном и скотоводном приказе];

доули [*изыскатель и исправитель*], товарищ [заместитель] старше[го] *будженшию* [бучжэнши][7].

4-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

адафи байчара [*приданный к исследованиям пороков и проступок*] – Приказа *Ухери байчара* [приказ, котор[ы]й чинит всякие по делам изыскивания, *прокурорск*[*и*]*й*.];

хафумбуре [заседатель приказа *Тунчжэнсы*[8]] товарищ [заместитель] – приказа *Тун джен сы* [тунчжэнсы].

илхи [помощник] приказа *Дайлисы* [Приказа истязаний].

илхи [помощник] приказа *Джаньши* [чжаньши] [*объяснителя*].

---

[1] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄ – стар.* канцелярия по приёму жалоб и прошений трону (*с дин. Сун*). – *Прим. ред.*].

[2] [大理寺 кит. *да̀лйсы̀ – ист.* Ревизионная палата, Палата по уголовным делам; апелляционный суд (*до конца дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

[3] [太常寺 кит. *та̀йча́нсы̀ – ист.* Жертвенный приказ (*учреждение для организации обрядов в храме предков императора*). – *Прим. ред.*].

[4] [按察使 кит. *а̀ньча́ш̆й* – …2) заведующий судебной частью, эмиссар юстиции (главный судья) в провинции (*дин. Мин – Цин*). – *Прим. ред.*].

[5] [光禄寺 кит. *гуа̄нлу̀сы̀* – пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци,VI в. …*). – *Прим. ред.*].

[6] [太仆寺 кит. *та̀йпу́сы̀* – управление императорского конюшего; где 太仆 кит. *та̀йпу́* – тайпу (*императорский конюший; с дин. Чжоу*); императорский конный двор, ведомство, первоначально занимавшееся разведением лошадей. – *Прим. ред.*].

[7] [布政使 кит. *бу́чжэ̀нш̆й* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[8] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄* – см. выше. – *Прим. ред.*].

илхи [помощник] приказа *Тай чан сы* [Жертвенного приказа].

илхи [помощник] приказа *Тайпусы* [Конюшенного приказа].

илхи [помощник] приказа *Хун лу сы* [Приказа придворного этикета][1].

доули [*изыскатель и исправитель*] товарищ [заместитель] старше[го] *аньчашию* [аньчаши][2].

джифу [чжифу][3].

4-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

алифи тацибуре Главн[*ы*]*й учитель*, судья] приказа *Го дзы гянь* [гоцзыцзянь][4],

доули [*изыскатель и исправитель*], товарищ [заместитель] младше[го] *будженшию* [бучжэнши][5].

5-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

ицихяра [обер-секретарь].

айжилаку [секретарь] приказа *Тун джен сы* [*тунчжэнсы* – канцелярии по приёму жалоб и прошений трону[6]].

сираме [*последующий*] *дайлисы*ск[и]й [*дайлисы* – Приказа истязаний].

илхи [помощник] *дуанлусы*ск[и]й [*гуанлусы* – Пиршественного приказа][7].

алиха [*начальствующий*] *циньтяньгянь*ск[и]й [*циньтяньцзянь*[8] – Приказа небесных примечаний, от которого календари выходят].

главн[ы]й член *тайшюаньск*[*и*]*й* [*тайшюань*[9] – Медицинского приказа].

доули [*изыскатель и исправитель*] товарищ [заместитель] младше[го] *аньчашию* [аньчаши][10].

5-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

адаха битхей да [обер-секретарь верховного совета].

ши ду[11] *хиоши* [философы, которые экспликуют[1]].

---

[1] [鴻臚寺 кит. *ху́нлу́сы̀* – *ист.* приказ придворного этикета (*занимался вопросами приёма при дворе иностранных сановников, государственным трауром и прочими важными ритуалами*). – *Прим. ред.*].

[2] [按察使 кит. *а̀ньча́ш̄й* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[3] [知府 кит. *чжӣфу̀* – начальник округа, правитель области. – *Прим. ред.*].

[4] [國子監 кит. *го́цзы̀цзя̀нь* – Гоцзыцзянь (*букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне - музей в Пекине*). – *Прим. ред.*].

[5] [布政使 кит. *бу̀чжэ̀нш̄й* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[6] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[7] [光禄寺 кит. *гуа̄нлу́сы̀* – пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци,VI в.* …). – *Прим. ред.*].

[8] [欽天監 кит. *цӣньтя̄ньцзя̀нь* – букв. “высочайший (императорский) смотритель небес”; *ист.* приказ по астрономии и календарю (*дин. Мин – Цин*). – *Прим. ред.*].

[9] [太医院 кит. *та̀йӣюа̀нь* – императорский госпиталь; где 医院 кит. *ӣюа̀нь* – больница, госпитаь, лазарет. – *Прим. ред.*].

[10] [按察使 кит. *а̀ньча́ш̄й* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[11] [侍讀 кит. *шѝду́* – *ист.* придворный чтец (*с дин. Сун – в составе Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

ши гян[шицзян][2] *хиоши* [философы, которые экспликуют].

айжилаку [секретарь].

илхи [помощник] *хунлусы*ск[и]й [*хунлусы* – Приказа придворного этикета[3]].

джи джеу [чжичжоу][4] [правитель округа].

6-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

ши ду[5] [придворный чтец].

ши гян [шицзян][6] [придворный истолкователь (конфуцианских канонов)].

эджеку [протоколист].

илхи тацибуре [помощник, учитель, судья].

дара [*вступающийся в дела*] приказа *Ухери байчара* [приказ, котор[ы]й чинит всякие по делам изыскивания, *прокурорск*[*и*]*й*].

ицихяку [исправник] *дайлисы*ск[и]й [*дайлисы* – Приказа истязаний].

сираме [*последующий*] *тайчансы*ск[и]й [*тайчансы* – Жертвенного приказа].

илхи [помощник] *циньтяньгянь*ск[и]й [*циньтяньцзянь*[7] – Приказа небесных примечаний].

джихянь [чжисянь][8] [начальник уезда],

судья *бинмасы*ск[и]й [*бинмасы*[9] – Полицейское управление].

толмачь корейской.

бои да [дворецк[и]й дома принцова], *адунь да* [*начальник скотоводства*], *будай да* [начальник над кухнею в доме принца],	*ван*ские.

---

[1] [Экспликация (лат. *explicatio* – объяснение, развёртывание) – (в философии) метод развёртывания (раскрытия) сущности того или иного предмета (явления) через некоторое многообразие иных предметов и явлений. процесс, в результате которого открывается содержание некоторого единства, а его части начинают самостоятельное существование и могут отличаться одна от другой. В данном значении термин широко используется в идеалистической философии. – *Прим. ред.*].

[2] [侍講 кит. *шѝцзя̀н – ист.* придворный истолкователь [конфуцианских канонов] (*с дин. Хань*; *с дин. Тан – должность в Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

[3] [鴻臚寺 кит. *ху́нлу́сы̀ – ист.* приказ придворного этикета (*занимался вопросами приёма при дворе иностранных сановников, государственным трауром и прочими важными ритуалами*). – *Прим. ред.*].

[4] [知州 кит. *чжӣчжӣу* – правитель округа. – *Прим. ред.*].

[5] [侍讀 кит. *шѝду́ – ист.* придворный чтец (*с дин. Сун – в составе Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

[6] [侍講 кит. *шѝцзя̀н – ист.* придворный истолкователь [конфуцианских канонов] (*с дин. Хань*; *с дин. Тан – должность в Ханьлиньской академии*). – *Прим. ред.*].

[7] [欽天監 кит. *цӣньтя̄ньцзя̀нь* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[8] [知縣 кит. *чжӣся̀нь* – начальник уезда. – *Прим. ред.*].

[9] [兵馬司 кит. *бӣнмӑсы̄* – 1) полицейское управление (*в столице*, *дин. Мин, Цин*)… – *Прим. ред.*].

6-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

сираме [последующий] *гуанлусы*ск[и]й [*гуанлусы* – Пиршественного приказа][1].

айжилаку [секретарь] *дайлисы*ск[и]й [*дайлисы* – Приказа истязаний].

сираме [*последующий*] *хунлусы*ск[и]й [*хунлусы* – Приказа придворного этикета][2].

ицихяку [исправник] *гуанлусы*ск[и]й [*гуанлусы* – Пиршественного приказа].

гин ли [цзинли] [инспектор] *буджeнсы*ск[и]й [*бучжэнсы* – Департамент по гражданским и финансовым делам[3]].

7-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

гизурере [предлагатель], шести *ко* [конторы прокурорских дел].

эджеку [протоколист] *дайлисы*ск[и]й [*дайлисы* – Приказа истязаний] и *тунджeнсы*ск[и]й [*тунчжэнсы* – канцелярии по приёму жалоб и прошений трону[4]].

улини да [казначей].

джи хянь [чжисянь][5] [начальник уезда].

гин ли [цзинли] [инспектор] *аньчасы*ск[и]й [*аньчасы* – департамента по надзору в провинции[6]].

7-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

эджере [*эджеку* – протоколист] *гуанлусы*ск[и]й [*гуанлусы* – Пиршественного приказа].

8-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

смираме [*последующий*] *годзыгян*ск[и]й [*гоцзыцзянь*[7] – Главное училище в Пекине].

факши да [начальник над художниками], *ихань да* [начальник над заводом, в котором быков разводят],	*ван*ов

8-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

тациха [ученый] *годзыгян*ск[и]й [*гоцзыцзянь* – Главное училище в Пекине].

---

[1] [光禄寺 кит. *гуāнлýсы* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[2] [鴻臚寺 кит. *хýнлýсы* – *ист.* приказ придворного этикета (*занимался вопросами приёма при дворе иностранных сановников, государственным трауром и прочими важными ритуалами*). – *Прим. ред.*].

[3] [布政寺 кит. *бýчжэ̀нсы* – *ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄* – см. выше. – *Прим. ред.*].

[5] [知縣 кит. *чжӣсянь* – начальник уезда. – *Прим. ред.*].

[6] [按察司 кит. *а̀ньча́сы* – департамент по надзору в провинции. – *Прим. ред.*].

[7] [國子監 кит. *го́цзы̆цзя̀нь* – Гоцзыцзянь (*букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне - музей в Пекине*). – *Прим. ред.*].

тацибуре [обучающий].

9-[й]. СТАРШЕЙ [степени]:

битхе хулара [чтец].

хулара [*возглашатель*].

9-[й]. МЛАДШЕЙ [степени]:

такурабуре [экзекутор].

факши бошоро [понуждатель художников].

учители школ.

битхежи [подьячий].

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О повышениях, и о[б] определениях на порожние места чиновных людей

Чиновные возвышаются и определяются на порожние места по законам, как следует:

1. Докладывают Государю о многих, расписавши по порядку имяна их и службы;

2. Представляют Государю двух человеке, удостоивая с обитого совета.

3. Избирается один человек на место по благоразумию и способности.

4. Рассматривают о представляемых к переведениям на места и помещениям людях; об одних, какие получают оклады жалованья; о других, в каких числах писаны учиненные об них от начальств сообщения.

Что касается до означения чинов и мест, то об оном, что для каждого чина есть к повышению порожнее место следуемое, и для каждого места порожнего есть чин следуемой, писано обстоятельно не здесь в седьмой части, а во установлениях степеней чиновных.

Расписание:

Докладывать Государю о следуемых к повышениям и определениям чиновных людях, наблюдая при расписаниях имян их и служб степени, тех присудственных мест, в которых они служат; а когда случатся и такие чиновные, которые находятся в законном ожидании себе предстоящего повышения, и определения, то и сих имяна и службы включать в расписания.

Удостоевание:

Имеют девять *кын* [цин], *джань* [чжань], *ши*, *ко*, и *доу*, представлять Государю двух человек на чин или место, нарочного да приданого, удостоивши их общим советом.[1]

---

[1] Девять *кын* [цин]: девять советников, которые прожекты и представления подаваемые *хану*, по обыкновенно бываемым отмечиваниям *хан*ским, вообще рассуждают, и свои *хану* мысли подают, будучи президентами порознь в шести коллегиях: *чинов*, *доходов*, *благочиния*, *военной*, *исследований*, *строений* и *художеств* и в трех канцеляриях: *Джань ши*, *Ко*, *Доу*, то есть *объяснений*, *прокурорской*, *изысканий и поправлений*.

Избрание:

Зависит от Государя.

Рассмотрение, как переводить чиновных с нижних мест на вышние:

Когда для чиновных, которые в должностях находятся, окажется такое вышнее место, на которое должно одного из них перевесть с места нижнего, тогда представить Государю двух из них, нарочного да приданого, рассмотревши для первенства получаемые ими оклады жалованья, и заключивши первенство большим окладом жалованья; а естьли оклад обеим одинакой, то различить их в первенстве, заставивши самих вынимать жребии. После сего, когда окажется порожнее место человека того, которой был представляем приданым, не представлять его однако же нарочным, он должен о первенстве вновь вынуть жребий с другим. Подобно сему, на оказавшееся место представлять Государю тех чиновных людей, которые состоят во ожидании себе помещения, и двух же, нарочного да приданого, рассмотревши для первенства их, сообщения от начальств, о котором из них писано прежде; естьли явится так, что об обеих писаны сообщения одного дня, то решить различие их так же жребиями.

УСТАНОВЛЕНИЯ НА ЧИНЫ И МЕСТА ДЛЯ ЛЮДЕЙ МАНЖУРСКОГО РОДА

Чины и места,

алиха битхей да [обер-секретарь верховного совета].

О следуемых к возвышению по клас[с]у, делать расписание имянам и службам их, испросивши у Государя дозволение.

алиха амбаня [президент коллегии],

алифи байчара амбаня, левой стороны [вельможа главн[ы]й над изысканиями пороков и проступок].

Делать так же расписание по класу следуемым одним статским чинам, а в *Джургань чинов* переводить *алиха амбаней* же из протчих *джурганей* [коллегий].

асхани амбаня [вице-президент коллегии].

Делать расписание, а в *Джургань чинов* переводить *асхани амбанев* из протчих *джурганей* [коллегий].

асхани битхей да [*присовокупленный управитель*, чин заседателя в их верховном совете].

алифи хафумбуре [председатель в таком месте, где следуемые к Государю доклады и челобитные приходят, и по них решительные повеления отсылаются].

алиха хафаня [*начальствующий*, судья] приказа *Дайлисы* [Приказа истязаний].

Делать так же расписание.

дзунды [цзунду[1] – губернатор].

---

[1] [总督 кит. *цзўндӯ* – 1) генерал-губернатор, наместник… – *Прим. ред.*].

сюнь фы [сюньфу[1] – вицегубернатор].

Делать расписание, не включая *мыйрень джангинов* [военный чин] и *будженшиев* [бучжэнши[2] – казначей, которой собирает подати и оброки], а в области *Сансискую* и *Шансискую* [Шаньси и Шэньси] посылать всегда манжуров.

джань шия.

Делать расписание

хафумбуре левой стороны [заседатель приказа *Тунчжэнсы*[3]],

илхи [помощник] приказа *Дайлисы* [Приказа истязаний].

Рассматривать по окладам жалованья.

алиха хафаня [*начальствующий*, судья] приказа *Хунлусы* [Приказа придворного этикета].

Определять рассмотревши оклады жалованья, и доложивши Государю.

илхи [помощник] приказа *Тай чан сы* [Жертвенного приказа].

илхи [помощник] приказа *Тайпусы* [Конного двора].

Определять рассмотревши оклады жалованья.

адаха битхей да [обер-секретаря верховного совета] и протчих всех нижних чинов.

Определять рассмотревши оклады их жалованья и учиненные об них сообщения.

битхежи [подьячий] 9-го класа младшего.

Выбирать из училища.

Определять *дзиньшиев* [цзиньши[4] – философ вышней степени], *гюйжинов* [цзюйжэнь – *превосходный человек*: философы 2 статьи] и протчих учившихся в казенных училищах в разные статские места по рассмотрению, давая чины *хафаньские* [чиновничьи], какого кто чина достоин, и к какому кто месту способен явится.

На порожние чиновные места при домах *ван*ских, определять чиновников по представлениям *ван*ов.

В Мукдене, определять находящихся чиновников на тамошние порожние места, не описываяся с Пекинскими присудственными местами, а кому следуемого к повышению места не случится, того включить в общей список, и определить к месту следуемому по класу, или перевесть на следуемое место, на ряду с находящимися в Пекине чиновниками.

---

[1] [巡撫 кит. *сю́ньфу̀* – …2) генерал-губернатор (*одной или нескольких провинций; дин. Цин, также* 巡抚使). – *Прим. ред.*].

[2] [布政使 кит. *бу̀чжэ̀нший* – *ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[3] [通政司 кит. *тӯнчжэ̀нсы̄* – *стар.* канцелярия по приёму жалоб и прошений трону (*с дин. Сун*). – *Прим. ред.*].

[4] [進士 кит. *цзѝньшѝ* – цзиньши (*высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй*). – *Прим. ред.*].

Установления на чины и места для людей Мунгалского рода.

Для сих людей, собственных порожних месте находится не много, и для того определять их по тем законам, по которым велено определять манжуров.

На места *алиха амбаня* [президента коллегии] и *асхани амбаня* [вице-президента коллегии], в *Джургань управляющую внешние области*, определять чиновников по расписанию, не разбирая и не отличая манжуров с мунгалами.

На места *адаха битхей да* [обер-секретаря верховного совета] приказа *Дорги ямунь* [верховный совет] определять *ицихяра* [обер-секретарский чин], рассматривая оклады получаемого жалованья.[1]

ЧАСТЬ [В]ОСЬМАЯ
по *Джугане* [*коллегии*] *чинов*

О ОПРЕДЕЛЕНИИ К МЕСТАМ ПРИ РОДНЫХ КИТАЙЦЕВ

По обыкновенному в нашем государстве закону определяемы бывают чиновные люди к местам вообще и порознь, вообще один раз в каждом году, а порознь, когда какие нужды случаются, но таким образом, повышаются и определяются находящиеся в Пекине, бывши на смотру пред Государем; а находящиеся в протчих городах и областях, имевши о себе представления письменные, и как первые так и другие сверх того, вынимавши пред смотром по силе закона жребии о первенстве.[2]

ОЗНАЧЕНИЯ МЕСТ

Когда чиновные люди, одни должны бывают оставлять места свои, получая или производства и определения к другим местам, или отпуски времянные для законных нужд по прошениям своим, или перемены на другие места, или отзывы куда либо по насылаемым указам; *другие* должны бывают вступать на другие места, определяемы будучи прибавочными, или употребляемы будучи по прежним определениям обратно в те же места, где были; в такие случаи на оное бывают имянные государевы указы, которые получает *ко*, и с которых *ко* дает *джурганю* [коллегии] списки.

Когда *джургань* благочиния получает доношении о таких местах, которые учреждены для служб по училищам состоящих, что указное время ка-

---

[1] Ниже сего в сей седьмой части следуют установления для нижних чинов людей Мунгалского рода, и еще для тех чиновных, которые от рода передавшихся китайцев к манжурам до преселения сих в Пекин, и которые называются *уджень чоха* (тяжелое войско) и состоят равно как манжуры и мунгалы в [в]ос[ь]ми знаменах (дивизиях), из каких чинов и присудственных мест производить оных и переменять в какие места и чины; но как читателю к сведению и любопытству ничего кроме скуки получить из таких установлении не можно, то ради сего оставил я все оное без перевода.

[2] *Жребий*: лаковая камышовая дощечка продолговатая на четверть аршина, на ней написано название чина и места, и она вложена тычмя в широкой большой стакан лаковой с протчими подобными себе дощечками.

кому чиновному где исполнилось, в то время делает она указной *симнень* (экзамен), и сделавши, сообщает о месте *джурганю*.

Когда чиновные от мест или увольняются по печальным случаям, (по траурам) или по болезням, или отрешаются по винам и порокам, или отлучаются для каких судных свидетельств, или сменены бывают, лишившися одного или нескольких чинов; или отброшены бывают, или отданы ко истязаниям, лишася всех чинов; в такие случаи получает *джургань* [коллегия] о всем оном из подсудных себе мест доношении.

Об отставных и умерших, которые на местах у дел были, получает *джургань* сведения от *дзундов* [цзунду – губернаторов], от *сюнфов* [сюньфу – вицегубернаторов], от присудственных мест, и получивши сведения о[бо] всех порожних местах, бываемых по предписанным притчинам объявляет она в печатных Пекинских ведомостях.[1]

УСТАНОВЛЕНИЯ

Установлено иметь о[б] опорожнившихся местах особые книги, вписывать в оные, места, по доношениям как скоро в получении будут, наблюдая порядок степеням и качествам мест, и означая для памяти против каждой статьи на полях в книге, в котором месяце и числе место порожним явилось: сим образом вписавши, доносить в то самое время судьям для прилежного исследования и рассмотрения.

Произвождения в чины и определения на места бывают разные, одни великие, то есть всем общие[2], другие возвышательные, то есть тем, которые к повышениям назначены; третьи, поспешные: Установлено быть великим и возвышательным в парных месяцах, а поспешным в одинаких.[3] Но в тех месяцах, в которых случатся вельможам такие недосуги, что испытуют и рассматривают всех у дел находящихся чиновных людей в Пекине, и когда производятся великие симнени (экзамены) ученым людям, производства в чины и определения к делам всегда остановлять. Еще быть исключению в парных месяцах такому, когда окажется порожних мест десять, то два места отделить для людей, которые состоят в возвышательном производстве, а восемь, для состоящих в великом производстве; когда же мест порожних явится семь или восемь, то для первых отделить одно, для последних будут остальные; а чтоб обиды первым не было, то всегда записывать в книгах оное, и делать сметы прежним числам порожних мест, дабы они из оказавшихся в следующих месяцах порожних мест всегда добавочное число получали, и ни когда б от десяти, двух мест не лишались.

В высокосных месяцах не быть производствам в чины, и определениям к местам; так же и на смотр к Государю произвождаемых не приводить.

---

[1] У них ведомости или назвать газеты ежедневные.

[2] Генеральные.

[3] Месяцы парные: 2-й, 4, 6, 8, 10, 12. Одинакие: 1, 3, 5, 7, 9, 11.

Ученым людям, которые чрез *симнени* (экзамены) получили почтенные звания сии *дзиньши* [цзиньши], *гюйжинь* [цзюйжэнь][1], давать чины и места, первым чины 5 и 6 клас[с]а, последним 7 и 8 клас[с]а по рассмотрениям.

Таким прилежным людям, которые вскрывать будут новые земли, и заведут большие пашни, давать по рассмотрениям чины.

На места *алиха битхей да* [обер-секретаря верхолвного совета] возводить китайцев *амбанев* [вельмож, сановников] по расписаниям.

На места *алиха амбань* [президента коллегии], и на другие места вышних класов, возводить китайцев *амбанев* по рассмотрениям же.

На места *дзундов* [цзунду – губернаторов] и *сюньфов* [сюньфу – вице-губернаторов] выбирать китайцев достойных людей общим советом не по чинам и клас[с]ам, таких, кои добродетельным житием и усердными ко отечеству поступками себя оказали; совет имеет в докладах об них описывать оказанные ими похвальные дела и поступки ясно, и при том ручаться за них, ведая, что ежели они не таковы добры явятся, каковы описаны, обще с ними по винам и преступлениям сам наказуем будет не отменяемо. От Государя по удобрениям и удостоеваниям совета, получать они будут возвышения и награждения.

По получении доношения о опорожнившемся месте *дзунды* [цзунду – губернаторов] или *сюньфы* [сюньфу – вице-губернатора], имеет совет удостоить на оное *амбаня* [вельможу] на другой день. Не определять на место *сюньфы* [сюньфу – вице-губернатора] *амбаня* [вельможу], которой в той области, где порожнее место *сюньфы* [сюньфу] оказалось, находится в чине и должности *будженшия* [бучжэнши[2] – казначей, который собирает подати и оброки].[3]

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

Избрания достойных людей

Бывают избрания чиновным людям для определения на порожние места по особым испытаниям (по экзаменам): 1) ч[е]рез три года один раз в приказе писаний; 2) в *ко* [прокурорские конторы]; 3) в *доу* [присудственное место изысканий и поправлений], (где всегда бывают в запас люди назначенные

---

[1] *Дзинь ши* [цзиньши]: значит – *вступающий достоинство премудрых людей* (высшая учёная степень – *прим. ред.*). *Гюй жинь* [цзюйжэнь]: значит – *превосходный человек* [кандидат (*вторая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[2] [布政使 кит. *бу́чжэ́ний – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[3] В оригинале сей осьмой части, ниже предписанного следуют установления о низших чинах и званиях; из каких кто присудственных месте, званий и чинов, куда и как производить кого и помещать следует: я прочтя все оное, ничего любопытного для читателя не нашел, и для того оставил такие скучные установления без перевода.

и готовые); 4) ни мало не медля в *Джургане* [*коллегии*] *чинов*; по избраниям делаются расписания службам избранных, представляемы они бывают на смотр пред Государя, и Государь сам из них соизволяет выбирать достойнейших на места такие.[1]

О таких, кои крови святых и великих мужей, бывших в древних и прежних веках.

О рожденных от крови святых и великих мужей, в те времена, когда следует кому из них получить по наследству известной чин *инь шен* [иньшэн – студент чиновный] называемой[2], имеют *дзунды* [цзунду – губернаторов] или *сюньфы* [сюньфу – вице-губернаторов] присылать к Государю прошения о пожалованиях, и Государь по учиненным на прошения от *Джурганя чинов* докладам соизволяет жаловать таким чином всегда старшего сына.

Кто имеет чин *инь шен* [иньшэн – студент чиновный], того второму по рождению и третьему сынам дать в наследство чин и должность *боши*.

Инь шену [иньшэн] крови Кунфу[ц]зы[3] дать чин 6 клас[с]а старшего.

О УДОСТОЕВАНИЯХ С РУЧАТЕЛЬСТВАМИ

Представляют подчиненных чиновных людей к местам с ручательствами своими, в Пекине судьи *джурганей* [коллегий] и *ямуней* [приказов], а из областей *дзунды* [цзунду – губернаторы] и *сюньфы* [сюньфу – вице-губернаторы]. Еще иногда представляются к местам люди, назначенные поимянным Государевым указам.

На опорожнившиеся места *дзундов* [цзунду] и *сюньфов* [сюньфу] могут представлять с ручательствами достойных людей *амбани* [вельможи] *джурганей* [коллегий] и *ямуней* [ямэнь – приказов], но естьли не явятся представленные достойны, то чинить наказания представленным вместе с ручавшимися.

Уволенных от служб за болезньми могут по выздоровлениях представлять ко определениям на места, *дзунды* и *сюньфы* с ручательствами, таких, которых достоинства им по изведаниям и рассмотрениям подлинно известны.

К поручениям нужных, трудных, и хлопотных дел и должностей, имеют вельможи китайского рода, которые вышних трех класов, представлять чиновных китайцев, прямо способных, и подлинно достойных, не разбирая чинов их и степеней, но только при том с ручательствами и с описаниями способностей и достоинств доказательными, остерегаяся подпасть впредь вместе с ними под наказания.

В представлениях и ручательствах о способных и достойных людях, похвал и возношений пустословных не писать, а только писать ясно качества природы, службы, и деяний каждого представляемого существующие.

---

[1] По сей статье следуют в книге установления, из каких присудственных мест и чинов такие избрания людям чинить: я нашед оные скучными для любопытного читателя, оставил без перевода.
[2] *Инь шен* [иньшэн]: студент чиновной.
[3] Конфуциуса (Конфуция – *прим. ред.*).

О начальниках в областях находящихся, которые, будучи при сборах податей и оброков, искоренили всякие бываемые воровства и хитрости, подали крестьянам поощрения к способным приобретениям избытков от земель, и не оставляли доимок три года, имеют *дзунды* и *сюньфы* справедливо представлять для немедленного повышения.

О возвращении прежних чинов

Начальникам, с которых чины сняты, и которые были под следствиями, и отставлены от должностей своих, отдавать снятые чины и должности их в то время, когда они по окончаниям дел о себе, явятся извинительными, или в пороках и проступках чрез три года не оказали себя.

Кто из чиновных явится наказан чем ни есть, того записать в книгу, означая за что наказан и чем, а по сему и никого без справки с книгою в чины не производить и к делам не употреблять, покуда законно исключен из оной не будет.

Об определенных и отправленных к должностям

Определенным и отправленным к должностям даются на чины и должности указы за печатьми, дабы являлися на местах своих в положенные сроки, под опасением себе по числам просрочек, указных наказаний, которые по двумесячных просрочках кончатся лишениями всех чинов, а исключаются прямо законными и в тонкость исследованными притчинами.

О увольнениях

Желающий увольнения от своего места, должен написать в челобитной своей законные притчины обстоятельно, и при челобитной объявить полученное от главного начальства своего притчинам уверительное засвидетельствование на письме и за печатью; но ежели желание его по намерению приобресть себе другое пристойное место, то ведать он должен, что получить оное может не инако, как чрез жребий, и что естьли в то время, когда попросит увольнения, пристойного другого для него места не случится, то отлучившися он по прошению от своего места тотчас, будет ждать другого возможного себе места, чрез жребий до следующего месяца; а при том и помнить должен, что к жестокому суду отдан будет, естьли после жребия, чрез указное исследование, которое должно быть неотлагаемым, явятся прошению его притчины не законные.

Не быть в одном присудственном месте, при делах родственникам.

Детям и меньшим братам судей, которые состоят в вышних трех клас[с]ах, не быть определяемыми в чины и должности *ко*, и *доу*; а таких детей и внучат, которые имеют на себе сии чины, когда отцы или большие браты их приуготовляемы будут к помещениям в *джургани* (в коллегии), переводить в *Джургань чинов*, поручая звание и должность *эджеку* [протоколиста].

Кроме *Дорги ямуня* [верховного совета], во всех присудственных местах не иметь деда со внуком, отца с сыном, дядю с племянником, брата

большого с меньшим (родных), а исключать всегда тех из них, кои чинами меньше.

Где случится следствие о казне, или суд о винном человеке, тамо не иметь людей при делах одного рода.

ОБ ОТПУСКАХ

Отпуски бывают находящимся в Пекине чиновным людям на указные сроки посему; 1) для свидания или препровождения в домы родителей своих, таким, кои прослужили в чине *хафанском* [чиновничьем] не меньше 10 лет; 2) для отправления великого поминовения прародителей, и всех предков своих, таким, кои прослужили в чине *хафанском* [чиновничьем] не меньше 6 лет; 3) для перевозу костей усопших из кровных родственников, таким, кои в чине *хафанском* прослужили не меньше 5 лет. Еще отпуски бывают таким, которые попросят увольнения жениться.

На дорожные проезды давать сроки рассуждая по расстояниям, а для пробытий в домах, не давать сроку больше 4 месяцов.

Отпуски давать по верным от начальств засвидетельствованиям и ручательствам.

Ежели отпущенной пред исходом срока своего объявит себя больным, то сверх градоначальников, имеет *сюнь фу* [сюньфу – вице-губернатор] подлинное о таком уверение дать.

За всякую неправду как отпущенным, так и уверившим об них, чинить наказания вместе.

Вышним трем клас[с]ам просить Государя об отпусках словесно.

Кто просрочил год, того наказать недачею жалованья за год, а за просрочку двух лет, выключить того из службы, и отослать на отчизну его.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О ЧИНЕНИИ ЧИНОВНЫМ ЛЮДЯМ В СЛУЖБАХ ИСПЫТАНИЙ[1]

По государственному узаконению те главные начальники, которые находятся во областях, должны один раз в третей год приезжать в Пекин на поклоненье к Государю. По отправлении поклонения, каждому главному начальнику бывают от *Джурганя* [*коллегии*] *чинов* и от *ямуня* [приказа] изыскивали общие испытания и изведания по делам, а по сем, каков он окажется, доносят Государю, приводят его пред Государя, читают ему от лица Государева наставления, и по прочтении дают ему тот лист, для содержания читаного во всегдашней памяти. Приезды их оканчиваются по качествам добрым поощрениями, по качествам злым наказаниями.

Вместо *будженшиев* [бучжэнши[2] – казначеев, которые собирают по-

[1] Свидетельствований, экзаменов.

[2] [布政使 кит. *бу̀чжэ̀нший – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

дати и оброки], имеют приезжать в Пекин *доули* [*изыскатель и исправитель*].

Во время испытаний познавать каждого чиновного человека природной разум, узнавать каков в житии и поступках, исправен ли в должности, и при том каких лет от рода своего; по чему, после должно писать об нем в доношении подаваемом Государю прямо, велик имеет разум, или посредствен, или недостаточен, живет беспорочно или посредственно, или дурно; в должности прилежен, или посредствен, или ленив; летами молод или средних, или стар: так следует, рассматривая человека, и ведая его поведения, описывать Государю обстоятельно, без хулы и хвалы, и без всякой для лицеприятия пустословной прикрасы, дабы сделать можно было из того заключение об нем не сумнительное, что оставить его при должности, или отринуть надлежит.

Испытания во областях чинимые находящимся чиновным людям зависят на верности *сюнь фов* [сюньфу – вице-губернаторов], ежели опишут они кого добрым или злым, с гласом народа не сходственно, и по сему, когда они от совета Пекинского обвиняемы явятся, судить их яко не достойных званий и начальств своих.

Описывая службы находящихся при должностях начальников, описывать службы и тех начальников, которые получа от сих смены себе, перешли на другие места, в не продолжительном времени, когда еще не исполнился смене один год. Над такими начальниками испытания чинить, которые находятся в должностях более года времени.

Кто из начальников оказался опороченым, того однакож прежнюю ревностную службу (естьли была) описать в доношении.

За не справедливые описания служб, ежели выпущено что о описываемом явится, не давать тому, кто описал там, один год жалованья, а *дзунде* или *сюнфе* области той не давать за оное полгода жалованья.

Имеют *дзунды* [цзюнду – губернаторы] и *сюн*[*ь*]*фы* [сюньфу – вице-губернаторы]: 1) о лакомых и злостных начальниках доносить Государю не затаевал поступок их; 2) не делать потачек тем начальникам, кои при делах у них находятся; 3) не делать подысков над теми, кои от дел у них отошли; 4) не пропускать проступок начальников больших и сильных, и не выискивать проступок начальников малых и не важных: По сему они должны ведать, что за неправду отдаваемы будут к суду. Еще имеют они доносить Государю по испытаниям о тех начальниках, которые находятся при делах касательных до государственной казны, кто из них накопил до десяти дел не решенных, и кто промедлил не решением дела, два или еще три года. После испытаний имеют о таковых присылать в Пекин три одинакие ведомости, одну в *Джургань* [*коллегию*] *чинов*, другую в *Ухери бе байчара ямунь* [Приказ, который чинит всякие по делам изыскивания, *прокурорский*], третью в *ко* [контору прокуроских дел] *Джурганя чинов*. О превосходных же и похвальных по службам начальниках доносить они должны Государю особливыми докладами, и Государь для поощрения соизволяет жаловать таковых одеждами.

Чинить испытания чиновным людям, которые служат в Пекине

Производить испытания статским чинам в Пекине служащим по прошествии каждых тести лет во второй луне.

Начинаются испытания подчиненным от судей своих; по испытаниях имеют судьи о каждом испытанном в ведомостях писать, как велено писать о находящихся во областях испытанных чинах, дела каждого и поступки, добр или худ, годен быть при должности или негоден; ведомости такие отсылать они должны в *Джургань* [*коллегию*] *чинов*, в *Ухери бе бай чара ямунь* [Приказ, который чинит всякие по делам изыскивания, *прокурорский*], и в *ко* [контору прокуроских дел] *Джурганя чинов*, сии имеют вообще свои по ведомостям испытания производить, и когда найдут в ведомостях, что пропущен такой человек, которого испытать следовало, или включен, которого не следовало испытовать, должны писать на них судей обвинения; но прежде каждое из сих трех присудствие должно полученную ведомость рассмотреть особо, имея тогда ворота свои за печатью, а по рассмотрении съехавшися три в одно место, должны совокупно рассмотреть и свесть в ведомостях написанное. По окончании испытаний, те всех присудственных мест начальники, которые имеют на руках своих печати, должны съехаться в *Джургань чинов*, и тут по испытаниям, лицем к липу переговоривши, написать доклад к Государю; на сей случай производства и перемены мест чиновных остановишь до оказания *бана*.[1]

Вин[ов]ных судить по окончании всего до испытания касающегося.

Испытании чинить тем, которые при должностях находятся меньше полу года времени, по прежней должности, а которым исполнилося полгода, тем по настоящей должности.

Амбани [сановники] вышних трех клас[с]ов в Пекине находящиеся, и еще *дзунды* [цзунду – губернаторы] и *сюн*[*ь*]*фы* [вице-губернаторы] должны как о службах, так и о винах и погрешностях своих доносить Государю на письме сами; подобно сему и те *амбани*, кои находятся в указных по делам, или по отпускам, или по болезням отсудствиях, должны доносить так о себе Государю приехавши в Пекине сами же.

О рассматривании и различали чиновных людей, которые служат в Пекине

Кроме чинимых в Пекине досмотров над чиновными людьми, бываемых чрез пять лет, повелевает иногда Государь имянным указом сделать различение между ими по службам и качествам; установления на сие хотя никакого и нет, однако требует пристойность объявишь здесь оное.

Государь *Шунь джя* [Шунь-чжи, 1644-1661 гг. пр.] в 10-м году [1653 г.] правления своего изволил написать в имянном указе своем так, что *амбанев*

---

[1] *Бан* – называется та доска, которую вывешивают с написаными имянами экзаминованых, для публики.

вышних трех клас[сов] изволяет сам Его Величество рассмотреть и различить, а над протчими различения сделать имеют судии и начальства по своим присудственным местам особливо, нет ли где престарелых и болезненных, которые должностей своих исправлять не могут; нет ли такого жития и поступок людей, которых всяк осуждает; есть ли достойные ко употреблению во внешние области; различении сделать имеют судии и начальства по самой справедливости, не продолжая времени далее пяти дней, дабы извинении и упросы не поднялися.

Еще от Его Величества повеление было сделать различение над *дзундами* и *сюньфами*, начавши со вступлений; их на начальства оные, рассмотреть какие по учиненным от них докладам были следствия, и какие по посланным к ним указам были исполнения, справедливо ли похваляли подчиненных своих или обвиняли, окончили или нет дела им порученные, есть или нет по землям и селениям доброе что или злое; а на реках и по провозам хлеба и протчего пользы какие или вредности; искоренил или нет, кто из них воров у себя и разбойников; строго ли отыскивает беглецов области своей и ушельцов, в своем ли состоит у него положении и целости казна государственная, нет ли у него под пытками и истязаниями страждущих безвинно. Оное все рассматривают *джургани*, каждая по своему месту и по должности своей, и по том усмотреное вписывают в одну тетрать, и вообще по прочтении тетрати, и справедливом рассужлении, заключают мнение свое о каждом достоин ли быть на своем месте.

Такие различении происходили при Государе *Канси* [1661-1722 гг.].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ [11-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

Об отставках

Амбаням [вельможам], которые просят об отставке состаревшися, оказует Государь при увольнениях от служб милости отменные, или повышая их чинами, или определяя получать им прежние оклады жалованья, или жалует подводами на возращения до домов и природных мест их, или же жалует еще, одеждами, портищами, стихами и сочинениями написанными Его Величества рукою; также иногда из высочайшей милости жалует детей или внучат их чинами *хафанскими* [чиновничьими]; иногда соизволяет посылать людей к ним с осведомлениями о здравии их и пребывании, желая ведать спокойное ли им пребывание; иногда доверяет по часту доносить Его Величеству о состоянии земель, где живут, и уездов.

При отставках таким начальникам, которые имеют сверх настоящих чинов чины наследственные, давать полные оклады жалованья, а таким, которые не имеют наследственных чинов давать половинные оклады жалованья, но милость такую первым и последним оказывать тем из них, кои имеют не меньше 60-ти лет от роду.

Отставки болезненным

Давать отставки болезненным по прошениям, когда по освидетельствованиям письменные уверения *Джургань* [*коллегию*] *чинов* получит, но естьли после окажутся лжи из того и притворства, то просителей за притворства лишать чинов, а свидетельствователей за ложные уверения отдавать к жестокому суду.

Сроки на порученные дела ко исполнениям

Для воздержания чиновных людей от лености и небрежения в должностях их, полагаются им ко исполнениям порученных дел сроки.

Джургани [коллегии] и *ямуни* [приказы] получа по имянным указам дела для рассуждений и советов, имеют доносить Государю об них с рассуждениями и советами сво- ими в десяти днях, а по получении дел из присудственных мест доносить имеют Государю о исполнениях своих в дватцети днях, когда дела требуют доношений к Государю. Что касается до важных и больших дел по казне государственной, по истязаниям и наказаниям больших исследований требующих, которых на срок окончить не можно, имеют доносить Государю о притчинах невозможностей заблаговременно.

Во областях находящимся всем начальствам на дела порученные по имянным указам полагать ко исполнениям сроки, смотря по качествам дел и по рассмотрениям мест, разные, по 3 месяца, по 4, по 5, по 6 и по 7 месяцев; а ежели случатся такие дела, которых на сроки исполнить не возможно, о притчинах дел оных имеют *дзунды* [цзунду – губернаторы] и *сюнь фы* [сюньфу – вице-губернаторы] доносить обстоятельно Государю с прошениями отсрочиваний ко исправлениям.

Для присылания из областей в Пекин требуемых справок и ведомостей, полагать сроки по расстояниям мест, считая с таких чисел как требования на места свои доходить могут, по 4, по 5, по 6 и по 7 месяцев, а когда где в срок не возможно будет сделать справки какой или ведомости, то туда прибавить срочное время на исправление, ежели и за сим не пришлется откуда справка или ведомость, наказывать не исправных начальников вычетами из жалованья по сему; за один месяц двух месяцев жалованья; за два шести, за три девяти, за четыре и пять вычетом одного года жалованья, а за половину года наказать снятием одного чина, за год снятием двух чинов, ежели прошло неисправлению больше двух лет, лишать всех чинов. Но естьли неисправность начальника меньше одного месяца, оставить ему вину такую без взыскания.

Так наказывать и Пекинских начальников за не исправления на сроки дел к докладам подлежащих.

К заменам проступок могут принимаемы быть услуги

Дабы всех чиновных людей, которые находятся в службах, как услуги, так и проступки были памятны, и дабы как награждения, так и наказания им были постоянны, полагаются на оное в государстве законы весьма ясные; кто

проступился по должности своей, у того снимается *джерги*[1], или чин, или убавляется число жалованья вычетом, а ежели окажется, что он или до проступки своей явен был трудом и ревностию, или после проступки заслужил хвалу и милость государеву, возвращается ему оное, чего лишен был, и бывает по прежнему при должности своей.

Как возвращаются *джерги*

Те чиновные люди, которые лишившися *джерги*, находятся в прежних своих должностях, могут просить о возвращении *джерги*, прослужа добропорядочно три года; состоящие в вышних степенях сами, а состоящие в нижних степенях чрез судей своих; по прошениях возвращаются оные от *Джурганя чинов* с дозволения Государева. Кто по лишении одной *джерги*, в трех годах еще одной *джерги* лишится, того лишение числить однакож со дня второго лишения, на три года, а ежели в трех сих годах за проступок наказан будет вычетом жалованья, то вычет начинать со одного дня с вторым лишением *джерги*. Но когда окажет поспешность во исправлении дела важного, до казны касающегося, или на срок сыщет разбойника, то простить его во всем с дозволения Государева. Ежели по какому прошению возвращено будет *джерги* или жалованье, не учиня надлежащей справки, то тому, кто доклад Государю подавал, не давать один год жалованья; равное наказание и таким вышним начальникам, которые по справедливым прошениям подчиненных своих, не будут представлять Государю о возвращении им *джерги* или жалованья, делая обиды им и нападки; еще оное наказание полагается и таким, которые просили Государя о возвращении себе *джерги* или жалованья, утая вины и проступки свои.

Как возвращаются чины

Когда в *джургане* случится под судом такой чиновной, с которого снят один чин, еще, естьли обвинен он по притчине таких дел, которые имел, будучи в прежней должности, то в докладе писать об нем оное отделенно, и упоминая ясно за какое дело следует снять с него чин или *джерги*; для того, что по взнесении доклада останется записка такая в *данзе* (в журнале).

Когда окажется после решения какого дела, что должно возвратить кому чин, то не возвращая оного, учинить верную справку с делами по прежней должности его, и ежели сыщется вина, за которую следует еще чин снять с него, остановится на сем, и не возвращать чина по решению.

Возвращая снятые чины, возвращать купно и прибавленные к чинам *джерги*, которые сняты были.

Доносить о подчиненных чиновных людях, которые окажутся по должностям порочные и не достойные

Вышних начальников, которые будут по страстям и производим доно-

---

[1] *Джерги* бывают двух родов, жалуют оные чиновным за услуги: одна на чин, и называется *нонгиха джерги*, та есть *прибавленная нота*. Другая на жалованье, и называется *эджехе джерги*, то есть *памятная нота*. О сем объяснено пространнее в алфавите под словом *джерги*.

сить о подчиненных своих честных и не мздоприимных, называя не честными и мздоприимными, а лакомых и непотребных будут прикрывая и утаевая, отдавать к суду и наказанию.

Дзунду [цзунду – губернаторы] и *сюнь фу* [вице-губернаторы] имеют друг за другом поступки примечать, когда один из них поступил на лакомство и взяток, другой должен донесть на него непременно; а ежели один из них для дружбы и лицеприятия утаит и не донесет о другом, то не разбирая того, что в одном городе жили оба или нет, снять с одного за не донесение три *джерги*, и употребить его к другим делам; у старших начальников за не донесение *дзундам* и *сюньфам* о подчиненных начальниках таких, которые падки на взятки и корысти, снимать *джерги*. У тех, кои находятся с лакомыми и корыстолюбивыми в одних городах, по три *джерги*, а у тех, кои в разных с оными городах находятся, по одному *джерги*, определяя их к другим делам.

О ДОНОСАХ

Правительство имеет таких людей, на которых возлагается должность изыскивать по судам, решениям, и поступкам всякие неправды; и таких на которых должность возлагается разбирать суды, решения, и поступки начальников, ежели кто из оных донесет Государю на мздоприимного и хищного начальника справедливо два, или же и одно дело, а из всего описания дел, в доносе учиненного, сыщутся по другим делам поклепы его на мздоприемного и неправды, то однакож в вину ему сего не ставить. Ежели же кто из оных производя над винным судиею суд, вмещает в дело какую либо неправду, с того снять одну *джерги*, а кто из них к защите виноватого по дружбе, или же напротив ко отмщению правому человеку, по злобе напишет в докладе на которого ниесть из таких обвинение ложное, того лиша всех чинов отдать под суд в [коллегию] *Бейдере джургань*[1] [судная коллегия, которая оным преступникам чинит жестокое наказание].

Кто не о тайном деле взнесет к Государю тайной доклад, с того снять две *джерги*, и определить его к другим делам.

О ЧЕЛОБИТЬЯХ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЮТ ИЗЪЯСНИТЬ, ЧТО ОБВИНЕНЫ В СУДАХ, НЕ БУДУЧИ ВИНОВАТЫМИ

С такими челобитными могут просители являться в приказе *Тун джен сы*, и в приказе *Тункень* [*ямунь*, кит. ямэнь] [Приказ бубна, в нем принимаются жалобы они всяких людей приносимые к самому Государю]. А кто с такою челобитною станет на колени пред Государем, и по следствию окажется, что написал в ней не законно, у того за первой раз сделать вычет из жалованья десяти месяцов, а за другой снять две *джерги*. Кто не законное челобитье подает в приказ такой, (из двух оных) у того за первой раз сделать вычет из жалованья шести месяцов, за второй снять с того одну *джерги*. Кто в челобитной присовокупит к делу непристойной вымысел, и темную привязан-

[1] Коллегия исследований: подобна Юстиц коллегии.

ность, того отдать под суд, снявши с него одну *джерги*, и употребя его к другим делам.

Кто будет просить в помянутых приказах, что обвинен судом напрасно, и что оправдания от него в том суде не принято, у того прошение такое имеют приказы принять, и естьли окажется проситель прав, то должны за не принятие оправдания наказать судящих вычетами из жалованья по шести месяцев; а естьли подлинно виноват, то уже еще наказать самого просителя вычетом из жалованья шести месяцев.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ [12-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О МАЛОВАЖНЫХ ВИНАХ И ПРОСТУПКАХ

Ежели усмотрено будет в присланной к Государю *биоу* [доношении, реляции], или в поданном Государю о приездах ко двору Его Величества для большого *симнень* [экзамена], *данзе*[1] [журнала], что, или есть какое противоречие, или не написано надлежащего чего, или пропущены какие слова, или написаны слагательства какие и извинения не дельные, или оказано нужному чему медленность и продолжение, или за не посланием *биоу* с верным и надежным человеком, потеряна была *биоу*, и тем учинена к получению остановка, наказать того, от кого прислана *биоу*, или подан *данзе*, вычетом за год жалованья. А когда явится, что на *биоу* или на *данзе* печать приложена не прямо или переворотом, или не приложена печать, или писано худо и неправильно, или не подписано имя и чин, или подрано, или помарано, наказать его вычетом за шесть месяцев жалованья.

За описки и всякие неисправности и погрешности, оказавшиеся во взнесенных к Государю докладах наказывать виноватых вычетами за месяц жалованья.

За потеряние сочинения подписаного судьями, снять с виноватого одну *джерги*.

За списание украдкою и разглашение такого имянного указа, которой еще не сообщен куда следует, у того, кто на руках имел оной, вычесть за шесть месяцев жалованье, а того, кто списал или разгласил, отдать под суд.

За не приложение печати на докладе[2], где написан год, месяц и число вычету из жалованья один месяц.

За приложение не той печати, коя по делу следует, вычету три месяца из жалованья.

За приложение прежде времени на белой бумаге печати такой, коя служит к крепостям, или к поручительствам, или каким ни есть уверениям, вычету один год из жалованья.

---

[1] *Биоу* – доношение, реляция: *симнень* – испытание, экзамен: *данзе* – журнал.
[2] Тиснят суриком или чернилами.

Дзунду [цзунду – губернатор] и *сюнь фу* [вице-губернатор] суть главнейшие начальники во областях, ежели кто из них явится столь не исправен и не радетелен, что ни малых по своим землям польз и выгод не делает, и тем приводит крестьян и изнурение и изнемо- жение, до того, что не возмогая они платить поземельные оклады и оброки, оставляют пашни свои, и прочь бегут, того лишить чинов, и отдать под жестокой суд. Так за оное лишать чинов *доу* [*изыскателя и исправителя*], и *фу* [воеводы города первой степени] называемых начальников.

Кто против имянного указа выбрал к делам и удостоил мздоприимного и непотребного человека, того отдать под жестокой суд.

Градоначальника за произвольное отсудствие из своего уезда наказать вычетом жалованья за год.

Вышнего начальника за отзыв из города начальников стражей, естьли ни одного из них в городе не оставил, наказать так же вычетом жалованья за год.

Во области на места таких начальников, которые пали в вины и преступления, определять других достойных людей не отлагая времяни.

Погрешности и оплошности учиненные по следственным делам не умышленно

За написание доброго человека беглым, за написание раба свободным, или свободного рабом, и за не сделание определения о наказании винного лишением чина или *джерги*, наказывать следователей вычетами жалованья за год.

За имении, ежели сделано определение владеть не тому человеку, до которого следует, и за приговор к наказанию невиноватого человека, так чтоб лишить его чина или *джерги*, наказывать следователей вычетами жалованья за полгода.

Доносить по должностям о исполнении дел

За не присылание к начальству своему о деле *боула* (рапорта), вычет жалованья за год, а естьли и прислан *боула* к начальству, но по оплошности не сходен с делом, вычету за полгода жалованья.

Кто будучи начальником, получа от подчиненного о деле *боула*, не донес главному своему начальнику, наказать его вычетом жалованья за год; равное ему наказание, естьли не примет *боула* от подчиненного, слагая на другого начальника, которой под ним в одной должности состоит.

За не донесение куда надлежит о опорожнившемся месте вычету жалованья за год.

О чиновных, которые живут в праздности

У таких чиновных, которые от прежних должностей отставлены, и живут без всяких причин праздно, долгое время только по сожалению прежних должностей своих, и по досаде, что отставлены, снимать по одной *джерги*, определяя к делам; а тех начальников, которые по должности не изыскивали

их и не высылали к службам, наказывать за них вычетом за год жалованья: *дзундам* [цзунду – губернаторам] и *сюнь фам* [вице-губернаторам] за них в наказание полагается вычету жалованья за полгода.

О чиновных, которые не исполняют должностей своих

Когда явятся в присутственных местах из судей или из подчиненных чиновных такие люди, одни, которые не дожидался окончания делам, и сваливая дела к товарищам манжурам, рано выезжают; другие, которые упражнялся в гульбах и пиршествах приезжают поздо; третьи, которые или по ласкательствам и лицеприятиям, или по снаровкам и похлебствам, медленностями и протяжениями производимых деле скоро не оканчивают, то имеют доносить Государю о подчиненных судии, а о судьях *ко* [прокурорах], *доу* [*изыскателях и исправителях*], и по доношениям наказывать всех таких негодных лишениями чинов их.

Не отсылать к справкам таких дел, которые решить должно

Наказывать за не решения вычетами жалованья, у подчиненных чиновных по шести, а у судей по три месяца.

О делах следуемых от *дзунды* [цзунду – губернаторов] и *сюнь фы* [сюньфу – вице-губернаторов] к доношениям Государю, по которым они должны вместе советовать.

Когда они с общего совета пришлют к Государю о деле доношение такое, в котором решительного их на то дело положения не окажется, наказать их вычетами жалованья по шести месяцев.

Когда *дзунду* [цзунду – губернатор] донесет Государю о таком деле, по которому имевши с *сюнь фом* [сюньфу – вице-губернатором] совет, не учинил исследования, то вместе с ним наказать и *сюнь фуя* [сюньфу] вычетом жалованья шести месяцев, естьли сей под тем доношением имя свое подписал.

Ежели *дзунду* с *сюнь фом* пришлют к Государю общее доношение, в котором явится против дела не сходство, судить их к наказаниям, различая качества вин ими оказанных, по сему, когда следует одному, которой доношению основателем, лишение всех чинов, то с другого, которой под доношением только имя подписал, снять четыре *джерги*, определя к другому делу; когда с первого следует снять все *джерги*, определя к другому делу, то с последнего снять одну *джерги*, оставя на прежнем месте; когда следует с первого снять одну *джерги*, оставя на прежнем месте, то не давать последнему за год жалованье; когда первому следует не давать жалованье за год, сделать у последнего вычет жалованье за полгода; когда вычет у первого за полгода, сделать у последнего вычету три месяца; когда три месяца у первого вычету, простить последнего в погрешении его.

Без рассудка не докладывать Государю

Ежели *дзунду* [цзунду – губернатор] или *сюнь фу* [вице-губернатор]

пришлет к Государю вторичной доклад о таком деле, о котором следствия производить не велено, снять с него *джерги*, оставя на прежнем месте.

Не выключать без имянных указов служащих сверх штата чиновных

Ежели *дзунду* [цзунду – губернатор] или *сюнь фу* [вице-губернатор] не испросивши от Государя дозволения, выключит подчиненного чиновного, которой служит сверх штата, не давать ему за год жалованье.

Не наказывать подчиненных чиновных телесными наказаниями и не бесчестить

Ежели вышней начальник не донеся Государю о вине подчиненного нижнего *хафаня* [чиновника], своевольно накажет его телесным наказанием и бесчестием, не давать ему за год жалованье; а естьли подчиненной чином не меньше *джихяня* [чжисянь[1] – воевода меньшой статьи], снять с него две *джерги* и определить к другому делу.

Не представлять ко определениям людей лакомых и мздоприимных

Ежели кто самопроизвольно представит ко определению и производству в чин, такого человека, которого не велено к делам определять вечно, лишить того всех чинов.

Не брать от просителей по делам подарков

За подарки того, кто дарил, и того кто принимал, лишать чинов, и отдавать обеих под следствии, дабы сведать по каким делам и причинам подарки шли, а хотя кто от просителя предлагаемые подарки и не взял, но тогда не объявил об них где надлежит, и открылося оное после, наказать однакож того вычетом жалованья за год.

Кто из *хафанев* [чиновников] во угодность и ласкательство вышнему начальнику утаит и не донесет где надлежит о том, что в местах его ведения присланной от него вышнего начальника человек брал от людей нападками и угрозами деньги или вещи, того лишить всех чинов.

Кто из городских и уездных начальников, не имея казенного дела, будет ездить к вышнему своему начальнику с поклонами, и кто находяся в уездном городе или месте каком, будет приезжать в столичной (губернской) город к *дзунде* [цзунду – губернатору] или другому какому начальнику на поздравления с подносными вещами, и тем делать по снисканиям и пронырствам своим желаемые себе способы, таких людей лишать всех чинов.

Кто из *дзундов* [цзунду – губернаторов] или *сюньфов* [сюньфу – вице-губернатор] будет присылать в уездные города ближних подчиненных себе людей под видом исследований дел, и кто из вышних начальников велит подчиненным своим ходить к себе в дом побочными воротами для доносов и переносов слов по делам, таких лишать всех чинов.

---

[1] [知縣 кит. *чжӣсянь* – начальник уезда. – *Прим. ред.*].

Ежели *дзунду* или *сюньфу*, или *доу* [*изыскатель и исправитель*] при отъезде своем из Пекина к порученной власти, будет чинить разъезды к верховным *амбаням* [вельможам] и другим большим господам Пекинским, снискуя дружбы и приязни; нежели кто из та- ковых чинов будет от своего места, где на власти находится, присылать к большим господам людей с подарками и с поздравлениями, лишать таковых всех чинов, а и самим верховным *амбаням* и большим господам за не объявление сего наказание полагается такое же. Когда вышеписанных чинов людей слуги или дети, или меньшие братья, или подчиненные будут ходить в домы *амбанев* и других больших господ, а они хозяева про сие, что приходят, знать не будут, то слуг их *амбанев*, и господ, которые оных пускать будут в домы, (не имея дозволений) казнить смертию, с хозяев же (с *амбаней* и господ) снимать по две *джерги* за несведание; а тем, кои от людей вышеписанных чинов ходили в домы (*амбанев* и господ), полагается наказание такое, слугам так же смертная казнь, а подчиненным, естьли чиновные – лишение всех чинов, а не чиновные – смертная же казнь. Верховных *амбанев* и больших господ Пекинских, которые вышеписанных чинов людей при отъездах их будут дарить меховыми одеждами, или конями, или вещьми какими, или же будут давать им писцов или прислужников, и делать что либо, как только им угодно, лишать всех чинов; за не объявление оного там же равно наказывать и самих тех чиновных. Ежели вышние начальники, находящиеся в городах или уездах учинивши не указные с людей какие либо сборы, будут посылать оные к Пекинским верховным вельможам и другим господам, то как их посылателей, так и принимателей лишать без разбору всех чинов, и лишая отдавать под суд и исследование. Кто из городовых и уездных начальников будет с крестьян сборы (чего-либо) чинить под предлогом таким, будто бы для довольствования проезжающих с государевыми делами начальников съестными припасами, наказать такого, как мздоприимного и лакомого начальника, и за не изыскание сего наказать по законам и вышних начальников, которые долг имеют лакомых таковых изыскивать.

Не чинить на властях, будучи прославлений и угроз

Ежели где начальники, будучи людьми властными, держать станут при себе родственников или друзей таких, которые самовольными языками будут расславливать людям могущества их, и тем производить угрозы и обманы в людях, лишать таковых начальников всех чинов; так наказывать их и за шетунов и бездельников, за гадателей, за комедиантов, и за подобных таскающихся игроков, когда будут их пересылать в другие города и уезды, или же выпускать из своих мест вон, давая письменные отпуски.

Ко [прокуроры], и *доу* [*изыскатели и исправители*] сих двух названий чиновные люди носят должности доносить Государю о незаконных делах и о порочных поступках начальниками и властелинами чинимых; ежели кто из них, имея в себе к какому порочному делу сокровенную страсть, и будет

прилагать старание о произведении того дела по желанию своему в действо, будет чинить где и в чем нужда к делу такому перепросы и напоминания, будет расславлять себя из далека, сколь по должности велик и силен, будет страхи и угрозы внушать или пересылать к *дзундам* [цзунду – губернаторам], *сюнь фам* [сюньфу – вице-губернаторам] и подобным чинам; такого, когда по делу окажется, лишить всех чинов, и ли[цо] отдать под обстоятельное исследование.

Ежели дети или меньшие братья верховных *амбанев* [вельмож], или *коев* [ко – прокуроров], или *доуев* [доу – *изыскателей и исправителей*], или других вышних начальников будут обижать страхами и угрозами уездных начальников, и *сюнь фы* [сюньфу – вице-губернаторы] имеют наказывать их по законам, когда подлинно так оказываться будет, но донеся прежде Государю; а буде они в Пекине поступать так будут, то лишать чинов отцов их за не строгое содержание их и потачку при всем оном, лишать за них чинов *дзундов* [цзунду – губернаторов] и *сюнь фов* [сюньфу – вице-губернаторов], естьли, находя их подлинно виноватыми, не будут доносить об них Государю.

Кто из сих чинов *ко*, *доу*, устремлялся к корысти, напишет по прошению чьему в докладе привод какой на пользу просителя, к делу не приличной; и кто из них составя со многими общество, употребит по делу какому во вред другим хитрой вымысел; лишать таких людей всех чинов, и отсылать их в *Джургань* [*коллегию*] *исследований* для наказания, когда оное в подлинности оказываться на них будет. Кто из них получивши себе по законной притчине отпуск на время, будет принимать где ни есть казне следуемые деньги вместо других людей, или вступать в челобитческие дела, и тем, крестьянам и протчим подлым людям будет чинить обиды и разорения; и кто из них будучи в отпуску, и разъезжая по городам и уездам к *дзундам* и *сюнь фам*, будет оказывать собою страхи и делать угрозы людям: таким наказание равное с вышеписанным, когда по доношениям доказательства будут: а ежели о доказательных таких поступках их не будут доносить городские и уездные начальники *дзундам* и *сюнь фам*, или, *дзунды* и *сюнь фы* Государю, то и сих всех за укрывательства вместе с ними судить жестоким образом.

Не упражняться в пиршествах, в гульбах и потехах

Ежели кто из городовых начальников в таких прохладах и веселостях будет упражняться, и за тем накопленые дела исправлять будет в ночные часы, лишить такого всех чинов.

О займах

Кто из вышних начальников возьмет в заем от подчиненного начальника деньги или вещь какую, судить его как мздоприимца.

О казенных *пай* [1]

Кто будучи на власти, даст в противность законного положения родст-

[1] *Пай*: билет.

веннику своему своевольно написаной *пай*[1]; того лишить всех чинов.

О ПРИЕМЕ ЧЕЛОБИТЕН

Илхи хафань должен исправлять дела, когда начальником, которой казенную печать на руках имеет, отмечены и ему поручены бывают, и для того, естьли он своевольно примет от подателя челобитную, снять с него одну *джерги*, употребя к другой должности. А ежели держатель печати утаит такой поступок его, и после о сем откроется, наказать за утаение самого держателя печати вычетом жалованья за год.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯНАДЕСЯТЬ [13-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ЧИНАХ,
ДАВАЕМЫХ ЗАСЛУЖЕННЫМ *АМБАНЯМ* [ВЕЛЬМОЖАМ]

В начале нашего Манжурского правительства установлено награждать *амбанев* [сановников] услуги оказавших, достоинствами или чинами, даваемыми им с тем, да и родовые от них наследники воспользуются оными, и ради сего на качества услуг их, даны тогда достоинствам и чинам названья, расположенные на степени и клас[с]ы.

Ныне даются наследникам достоинства или чины такие по прошениям их, и по верным и доказательным справкам собираемым от *гузай амбанев* [вельможа военный, правящий знамем, то есть генерал правящий дивизиею], рассмотря в *джургане* [коллегии] при том данные предкам их *акдулара битхе* [чтец], и доложивши от *джурганя* Государю.

На прежних *акдулара битхе* приписываешь имяна наследников которым даются достоинства или чины, *Дорги ямунь* [верховный совет]:

ДОСТОИНСТВА

Гун 1 степени, *гун* 2 степени, *гун* 3 степени.

Хеу (*хоу – прим. ред.*) 1 степени, *хеу* [хоу] 2 степени, *хеу* [хоу] 3 степени.

Бо 1 степени, *бо* 2 степени, *бо* 3 степени.[2]

Чины

1 клас[с]а старшего.

1 степени *дзинкини хафань* [*настоящий начальник*, чин наследственный].

2 степени *дзинкини хафань*.

2 степени *дзинкини хафань*.

2 клас[с]а старшего.

1 степени *асхани хафань* [*приданный начальник*, чин наследственной].

2 степени *асхани хафань*.

---

[1] [牌 кит. *пáй* – 1) номерная дощечка; указатель, бирка, знак… – *Прим. ред.*].

[2] Можно уподоблять достоинства оные так: *гуна* – графом старшим, *хеу* (*хоу – прим. ред.*) – графом младшим, *бо* – бароном.

3 степени *асхани хафань*.

3 клас[с]а старшего.

1 степени *адаха хафань* [*приданный начальник*, чин наследственный].

2 степени *адаха хафань*.

3 степени *адаха хафань*.

4 клас[с]а старшего.

байталабуре хафань [*начальник к употреблению*, чин наследственной].

5 клас[с]а старшего.

туашара хафань.

О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ЧИНАХ, ДАВАЕМЫХ МАНЖУРСКОГО, МУНГАЛСКОГО, УДЖЕНЬЧОХАЙСКОГО РОДОВ ЛЮДЯМ[1]

Детям и внучатам *бейзев* (князей) таких, которые пришли в наше подданство с владениями своими, давать чины наследственные по нижеписанному, рассматривая, не были ли они прежде в винах и подозрениях.

Детям и внучатам[2] пришедших волею и умерших на войнах и в болезнях, *Сим от колена* до *колена чин бесперерывной*.

Пришедших неволею, умерших на войнах, *сим на чины 5 раз*.

Умерших в болезнях, *сим 3 раза*.

Бывших на сражениях первыми, и при том победителями;

Бравших города неприятельские.

Сим от колена до колена чин бесперерывной.

Таких, которые доносили о бунтах, о[б] изменах, о других важных преступлениях государственных.

Сим на чины, *пристойных услугам званий 6 раз*.

Пришедших волею без владений своих,

Умерших на войнах, *сим 4 раза*.

Умерших в болезнях, *сим 2 раза*.

Пришедших неволею без владений.

Умерших на войнах, *сим 2 раза*.

Умерших в болезнях, *сим 1 раза*.

Детям и внучатам иноплеменников таких, которые будучи не чиновными, на приступах или на сражениях оказали себя первыми, и умерли, давать чины наследственные два раза; а детям и внучатам таких иноплеменников, которые будучи чиновные, ловили шпионов и на войнах умерли, давать чины один раз.

ПО СКОЛЬКУ РАЗ ДАВАТЬ ЧИНЫ НАСЛЕДНИКАМ ОДНОГО РОДА

Чины *дзинкини хафань* [*настоящий начальник*]

1 степени 14 раз.

---

[1] Манжурск. *уджень чоха* – тяжелое войско; для любопытства посмотреть в алфавите.

[2] То есть наследникам одного колена: и чин дается одному рядовому. На их языке под сими словами *дети* и *внучата*, разумеются наследники по одному колену рядовые.

2 степени 13.
3 степени 12.

Чин *асхани хафань* [*приданный начальник*]

1 степени 10 раз.
2 степени 9.
3 степени 8.

Чин *адаха хафань* [*приданный начальник*]

1 степени 6 раз.
2 степени 5.
3 степени 4.

Чин *байталабуре хафань* [*начальник к употреблению*]. 2 раза.

Чин *туашара хафань* [*начальник призрения*, чин наследственной]. 1 раз.

Чину наследственному такому, которой получен в самом начале нашего правительства, быть для наследников, от колена до колена неразрывным, ежели к наследникам переходил от начала до ныне 15 раз.

Давать чины наследственные детям и внучатам манжур новых, таких, которые разных природ; которые от колен до колене со усердием приносили казне нашего правительства своя *албани*[1]; которые переселилися со всеми своими людьми из своих мест в наши места, называемые *Нингута*, *Ула*[2]; и которые служили у нас равно как наши старые манжуры.

При давании чинов наблюдать преимущества, времен подданства, и лет служеб.

Происходящих от родов святых великих мужей на наследственные достоинства возводить имеют две *джургани* – [коллегия] *благочиния*, [коллегия] *чинов*; *Джургань благочиния* возводимого представляет Государю, а *Джургань чинов* с дозволения Государева утверждает его достоинство.

Давать наследственные чины за военные услуги

Наше правительство дает чины тем, которые во времена успокоений четырех стран, на войнах и сражениях услуги оказывали, рассмотреть качества услуг, и качествам составивши по разборам степени, от *Джурганя* [*коллегии*] *военной*, и доложивши по том обстоятельно Государю от *Джурганя* [*коллегии*] *чинов*.

Разбор услугам и награждение чинов наследственных

Следующим чиновным людям давать в награждение для наследников их по одному чину *туашара хафань* [*начальник призрения*] называемому, смотря на количества *шушхе*.[3]

---

[1] *Албань*: значит ясак или подать.
[2] Сии урочища близко Нерчинска.
[3] *Шушхе*: можно назвать знаком засвидетельствования; он есть маленькая продолговатая дощечка, сделанная из камыша, имеет на себе вырезанные слова, раскрашенная и лакированная; такие знаки даются для памяти услуг к награждениям, бывают разные по степеням.

гузай амбаню[1], *туй джангину*[2], *галай амбаню*[3], *мыйрень джангину*[4],	когда 1 степени 2 *шушхе*, а 2, 3, 4, 5 степеней по 1-му *шушхе*.
куаранде[5], *джалань джангину*[6], *сула джангину* [7], *гапшихянь хе*[8].	когда 1 степени 3 *шушхе*, а 2, 3, 4, 5 степеней по 1-му *шушхе*.
гапшихянь джуань де[9], *баяра джуань де*[10], *фунде бошке*.[11]	когда 1 степени 4 *шушхе*, а 2, 3, 4, 5 степеней по 1-му *шушхе*.

У кого из людей оных чинов к получению чина *туашара хафань* [*начальник призрения*], не достанет оказанного числа *шушхе*, того имя с числом *шушхе* вписать в памятную книгу. Что касается до главных военачальников и до товарищей их советников, то о сих судить к награждениям по числам *шушхе* преимущественнее предписанных первых чинов.

РАЗБОР УСЛУГАМ ОКАЗАННЫМ НА ПРИСТУПАХ К НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ КРЕПОСТЯМ

За города таким людям, которые на стены лазили, и на стенах действовали, давать наследственные чины по нижеписанному.

ЗА ГОРОДА 1 СТЕПЕНИ

Первому, 2-му и 3-му человеку, чин *адаха хафаня* [*приданного начальника*].

4-му, чин *байталабуре хафаня* [*начальника ко употреблению*], и чин *туашара хафаня* [присматривателя].

---

[1] *Гузай амбань* – вельможа правящий знамем, то есть, генерал правящий дивизиею, чин 1 клас[с]а старшего.

[2] *Туй джангин* [чжанцзин] – [начальник], управляет частью воинов их гвардии: чин 2 старшего клас[с]а.

[3] *Галай амбань* – [вельможа], управляет частью проворных воинов конных гвардии их, на правом или левом крыле. Чин 2 клас[с]а старшего.

[4] *Мыйрень джангин* [чжанцзин] – *мыйрень* значит “плечо”, а *джангин* – “начальник”. Чин воинской 2 клас[с]а старшего.

[5] *Куарань да* – можно назвать квартермистром [квартирмейстером].

[6] *Джалань джангин* [чжанцзин] – чин полковника их.

[7] *Сула джангин* [чжанцзин] – чин запасного полковника.

[8] *Гапшихянь хя*, отборной и проворной воин, и которой носит на шляпе или на шапке павлинное или лазоревое перо; есть такой у них корпус, из которого бывают телохранители при *хане* их.

[9] *Гапшихянь джуань да* – можно назвать десятником или капралом проворных воинов, таких, которые перьев как предписанные не носят, и из которых есть особой корпус весьма почтенн[ы]й.

[10] *Баяра джуань да*, десятник или капрал их гвардии.

[11] *Фунде бошку*, порутчик их.

5-му, чин *байталабуре хафаня* [*начальника ко употреблению*].

6-му, чин *туашара хафаня* [присматривателя].

Такому, которой приступ чинил с лестницею, чин *байталабуре хафаня* [*начальника ко употреблению*].

Такому, которой на приступе успешные на стену лезть места указывал, чин *туашара хафаня* [присматривателя].

Такому, которой под стеною будучи, стрельбу произвел, чин *туашара хафаня* [присматривателя].

За города 2 степени

Первому, чин *адаха хафаня*.

2-му, чин *байталабуре хафаня*, и чин *туашара хафаня*.

3-му, чин *байталабуре хафаня*.

4-му, чин *туашара хафаня*.

Такому, которой приступ чинил с лестницею, чин *байталабуре хафаня*.

Такому, которой на приступе успешные на стену лезть места указывал, чин *туашара хафаня*.

За города 3 степени

Первому, чин *байталабуре хафаня*, и чин *туашара хафаня*.

2-му, чин *байталабуре хафаня*.

3-му, чин *туашара хафаня*.

Такому, которой приступ чинил с лестницею. чин *туашара хафаня*.

Такому, которой на двух приступах успешные на стены места указывал, ежели два города тем взяты, чин *туашара хафаня*.

(Буде один город взят, то записать услугу его в памятной книге).

За города 4 степени

Первому, чин *байталабуре хафаня*.

2-му, чин *туашара хафаня*.

Такому, которой приступ чинил с лестницею, чин *туашара хафаня*.

Такому, которой на двух приступах успешные на стены места указывал, и ежели два города тем взяты, чин *туашара хафаня*.

(Буде один город взят, то записать услугу его в памятной книге).

За города 5 степени, которые без лестниц взяты

Первому человеку, которой на стену взошел, чин *туашара хафаня*.

Начальнику, которой два города взял, чин *туашара хафаня*.

(А буде один город взял, записать имя его в памятной книге).

О убиенных на стенах неприятельских

Детям и внучатам[1], таких людей военных, которые во времена приступов, на стенах неприятельских убиты, давать чин *байталабуре хафаня*.

О сражавшихся с неприятелями на водах.

Таким, которые на корабли неприятельские вскакивали, давать на-

[1] То есть наследниках по одному колену.

следственные чины по нижеписанному.

За корабль 1 степени

Первому человеку, чин *байталабуре хафаня*.

2-му, чин *туашара хафаня*.

3, 4, 5, имяна записывать в памятной книге.

За корабль 2 степени

Первому, чин *туашара хафаня*.

2, 3, 4, имяна записывать в памятной книге.

За корабль 3 степени

Первого, 2, 3, имяна записывать в памятной книге, для будущего награждения, с тем, что кто первым будет три раза, тому дать чин *хафаня* [офицера].

О убиенных на баталиях

Давать детям и внучатам их наследственные чины по нижеписанному:

военачальника, *хебей амбаня*[1]	по два чина, *байталабуре* [*хафаня*] [*начальника ко употреблению*] и *туашара* [*хафаня*] [присматривателя].
туй джангина[2], *мыйрень джангина*[3]	по одному чину *байталабуре* [*хафаня*].

Протчих всех *хафанев* [офицеров] детям и внучатам по одному чину *туашара* [*хафаня*].

О военных *уджень чоха*[4], которые города взяли пушками

Давать таким военным наследственной чин *туашара хафаня* [присматривателя], посему: *гузай амбаню* [*вельможе правящем знамем*, то есть генералу, командующему дивизиею, чин 1 класса старшего] и *мыйрень джангину* [*начальник плеча*, чин воинский 2 класса старшего] за 3 города; *джалань джангину* [полковнику] и *нируй джангину* [ротному начальнику, т.е. капитану] за 4 города; *фунде бошке* [порутчику] за 5 городов.[5]

О слугах панцырниках[6]

Ежели слуга панцырник сделает такую услугу, за которую достоин будет *хафан*ского [офицерского] чина; то господин его должен представить об нем, где надлежит, так как велено начальникам представлять о своих подчи-

---

[1] [*Хебей амбань* (*хэбэй амбань*) – (*маньчж.*) думный вельможа, советник [верховного совета]. – *Прим. ред.*].

[2] *Туй джангин* [чжанцзин] – [начальник], управляет частью воинов их гвардии.

[3] *Мыйрень джангин* [чжанцзин] – “начальник плеча”; чин воинской 2 клас[с]а старшего.

[4] *Уджень чоха*: тяжелое войско состоящее в [в]ос[ь]ми *гуза*, то есть в [в]ос[ь]ми дивизиях, из природных китайцев, таких, которые перешли к манжурам в те времяна, когда они еще не владели Китайским государством.

[5] Бывшим на приступах с пушками, *нируй джангин*, начальник роты, капитан их; а протчие чины изъяснены выше сего, и в алфавите.

[6] О *денщиках*: у всех офицеров их есть денщики даже и у статских, которые числятся под [в]ос[ь]ми *гуза* (знамёнами – *прим. ред.*).

ненных, которые во время приступов к городам на стены лазили и на стенах становились.

О ВОЗНОСИТЕЛЬНЫХ ТИТЛАХ ДАВАЕМЫХ *БИТХЕЙ ХАФАНЯМ* (СТАТСКИМ ЧИНАМ)[1]

О военных писано по *Джургане* [*коллегии*] *военной*.

Возносительные титлы установлено давать *битхей* чинам (статским) по особливым от Государя милостивым указам.

1-му класу на 3 колена.

2-му и 3-му на 2 колена,

4-му, 5-му, 6-му на 1 колено,

тем, которые 8 и 9 клас[с]а, давать титлы для самих только.

Названия тит[у]лам:

1 класа – *Вельможа*, *правительству вспомогатель*.

2 класа – *Вельможа*, *правительству полезен*.

3 класа – *Вельможа*, *правительству услужен*.

4 класа – *Вельможа*, *по должности старатель*.

5 класа – *Вельможа*, *в должности сосудом*.

6 класа – *Начальник*, *должности рачитель*.

7 класа – *Начальник*, *должности исполнитель*.

8 класа – *Начальник по должности поступает*.

9 класа – *Начальник*, *в должность входит*.

Названия тит[у]лам для бабок, матерей и жен:

1 класа, бабкам, матерям, женам, *женщина праведная*.

2 класа, бабкам, матерям, женам, *женщина праведная*.

3 класа, бабкам, матерям, женам, *женщина благоразумная*.

4 класа, матерям, женам, *женщина усердная*.

5 класа, матерям, женам, *женщина миролюбивая*.

6 класа, матерям, женам, *женщина кроткая*.

6 класа, матерям, женам, *женщина смиренная*.

Нет возносительных тит[у]л[ов] и *фуннехень*[2] для преступников и всяких злых обоего рода людей, и для женщин, которые вдовами в замужства вступили. Брать назад *фуннехень* [патенты] от таких, которые за мздоприимства и протчие поганые дела чинов лишены, а от таких, которые по должностям будучи в делах завязаны, чинов лишены, назад *фуннехень* не отбирать.

Кто полученного *гаумина*, или *чимина*[3] лишится против чаяния своего, или от воды, или от огня, или от воров, или от потеряния случайного, тому по прошению вновь дать оной, доложивши Государю. Кто в заклад положит оной, того лишить чинов. У кого оной от небрежения явится червями исто-

---

[1] Возносительные титла пишут в возношениях *фуннехень* называемых, у них *фуннехени* даются обоим полам, мужескому и женскому; но даются не по производствам в чины, а случайно по милостивым указам.

[2] Патентов.

[3] Патенты: одни на вышние. другие на нижиние чины.

чен, или сыростью поврежден, или изодран, или измаран, того наказать вычетом жалованья шести месяцев.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ [14-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О ЧИНАХ ДАВАЕМЫХ *ТУСЫЯМ*[1] ПО НАСЛЕДСТВАМ

Тусы (вожди туземцев[2] – *прим. ред.*) находятся во областях *Хугуан*, *Сычуань*, *Гун си*, *Юньнань*, *Гуйджеу* (Гуйчжоу – *прим. ред.*), им даются чины и поручаются власти городские и уездные со вступления на престол Государя *Шуньджи* (Шуньчжи в 1644 г. – *прим. ред.*), и о тех, коим следует по наследствам давать чины и власти, *дзунды* [цзунду – губернаторы] и *сюнь фы* [сюньфу – вице-губернаторы] справляются с родовыми их книгами, собирают о службах их от вышних начальников, которым они подчинены бывают, письменные (с приложенными печатьми) засвидетельствования и уверения, и с тем доносят об них *джурганю* [коллегии], а *джургань* записывая доношении в книги, утверждает чины и власти их образцовыми указами, каковые отсылаются к *дзундам* [цзунду] и *сюнь фам* [сюньфу] для вручения *тусыям* [тусы].

Название *тус*[*ы*] служит наследникам чином наследственным, получает его сын наследник, не меньше 15-ти лет от роду имеющий, когда по взнесенному к Государю докладу об нем указ последует, а до того времяни *туские* дела исправляют люди рода такого наследника.

Когда *тус*[*ы*] за бунт или измену казнен смертию, в то время дается чин сей в наследство избранному из покорившихся добровольно индейцев (туземцев – *прим. ред.*).

Дзунды [цзунду] и *сюнфы* [сюньфу] должны писать на таких начальников больших, которые будут по корыстям закрывать индейских (туземных – *прим. ред.*) *тусов* нападения на китайские селения; и когда окажутся такие закрыватели, лишать их всех чинов; и отдавать под строгие суды; за утаения же оного отдавать под строгие суды вместе с начальниками и самих *дзундов* [цзунду – губернаторов] и *сюнь фов* [сюньфу – вице-губернаторов].

---

[1] *Тусы* – князьки индейц[ев] (туземцев–инородцев – *прим. ред.*), китайцы называют индейцев *миоузами*, и пишут в историях своих, что покорены оные, и в подданство к ним приведены славным, премудрым и добродетельным фило[с]офом и воеводцем их *Кунминь* называемым, которой жил в начале второго столетия по рождестве Христове, и которого индейцы с тех времен по ныне обожают, сооружая в честь ему капищи, и восстановляя кумиры. [**Чжугэ́ Лян** (кит. 諸葛亮; 181-234 гг.), имя в быту **Кунми́н** (кит. 孔明) – китайский полководец и государственный деятель эпохи Троецарствия (*Саньго*) в южнокитайском государстве Шу. Он заключил союз с Восточным У, и отправлся в 225 году в поход против южных племён, чтобы местные кланы не могли при их поддержке организовать восстание. Чжугэ Лян семь раз победил их предводителя Мэн Хо, что обеспечило безопасность южных границ государства Шу. – *Прим. ред.*].

[2] [土司 кит. *тӯсы̄* – 1) (родовой) старшина инородческого племени, тусы, вождь (*в имперском Китае – глава местной администрации в районах с некитайским населением*); 2) тусы, вождество (*административно-территориальная единица под управлением тусы, вождя*). – *Прим. ред.*].

Как скоро услышат *дзунды* [цзунду] и *сюнь фы* [сюньфу], что индейцы (туземцы – *прим. ред.*) грабежи делают где, и нападения в селениях китайцев, тотчас должны писать о том к Государю, и отправлять войска, рубить и искоренять их грабителей и нападателей.

Для *тусов* [тусы] установлены места и должности, быть в городах и селениях воеводами и разными чинами, и быть в *дженях*[1] начальниками разных чинов.

Во области *Хугуан* – 11 мест.

Во области *Сычуань* – 31 место.

Во области *Гуанси* – 79 мест.

Во области *Юньнань* – 83 места.

Во области *Гуйджеу* [Гуйчжоу] – места.[2]

ЧАСТЬ ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ [15-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О ПИСЦАХ *ЛИ ЮАНЬ* НАЗЫВАЕМЫХ, И О ДРУГИХ НИЖНИХ СЛУЖИТЕЛЯХ[3]

От начала нашего Манжурского правительства употребляющимся по всему государству во всех присудственных местах, и при всех начальствах *ли юаням* и разным нижним служителям Китайцам положенного числа не было, а ныне по скольку человек и каких служителей где иметь, установлено расписание.[4]

---

[1] *Джень* [чжэнь]: можно назвать гарнизонным лагерем неподвижным; построены домами для салдат их и офицеров вне города: такие лагери у них при всех знатных городах: в Академии художеств есть им модель.

[2] В оригинале есть названия местам, *дженям* и чинам, но я не написал их, что ни мало не нужны к любопытству.

[3] Сия часть о не рангованых служителях: *ли юани* их, бывают из природных китайцев, и подобны здешним копеистам несколько; тамо подьячие настоящие называются *битхежи* и все рангованые, и состоящие в класах; *битхежия* называют прозвищем, и всегда придают к прозвищу *лоуе* (господин). *Битхежи* такое к себе почтение от нижних служителей имеет, что как скоро, приехавши в приказ, сел на свое место, слуга подает ему трубку с табаком, с кухни служитель становит на стол пред него чашку с чаем; по сем приходит к нему из того покоя, где шкафы с делами, *ли юань* оной, получить приказ, какое дело ему подать. Вот должность *ли юанев*, по приказаниям дела приносить, относить, и иметь в шкафах порядочно. Тамо все приказные кроме судей начиная от *ицихяра хафаней* (от обер-секретарей) в присудственных местах обедают, и всегда в одиннадцатом часу садятся; кухни содержатся из особых положенных сумм из казны *гун фей* называемых, а судьи у них приезжают после обеда. *Ли юаням* помянутым установлено служить в сем звании пять лет, экзаминуют их по представлениям от команд к произвождениям, экзамены различают их на 4 степени, *ли юаня* 1-й степени производят в *хафани* (в офицерской чин) 8 клас[с]а старшего. *Ли юаня* 2-й степени в *хафани* 9 клас[с]а старшего. *Ли юаня* 3-й степени в *хафани* 9 клас[с]а младшего. *Ли юаня* 4 степени определяют простым начальником нерангованым к пристойной должности.

[4] В расписании все разные названия служителей, и многие названия властей показаны на китайском языке, литерами манжурскими. И за сим, что мне ни перевесть, ни изъяснить оного не возможно, и что особливо приложенные к расписанию некоторые установления не служат к любопытству, оставил я часть сию праздною в оригинале.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ [16-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *чинов*

О *СИНАХАНЬ*[1] [О ТРАУРЕ]

Наше Манжурское правительство ко управлению поднебесные имеет первым основанием наблюдать и воздавать почитание родителям и старейшим братиям, и ради сего всякого начальника, в случаях смерти отца или матери и ближних родственников его, по которым носить он должен глубокой *синахи*[2] для отправления печальных обрядов и поминовений, от должности отлучает; а начальнику, которой состоит в *гуза*, дает на исправление печальных и погребательных обрядов положенное время; по исправлении же, хотя повелевает ему ездить в присудственное место к должности своей, однако еще для исполнения трех годового *синахи*, дает свободу от бываемых при дворе и в других местах всяких общественных собраний.

Положены на глубокой *синахань* [траура] сроки.

На начальной обряд и месяц.

На исполнение всего благочиния 3 года.[3]

Служить родителям престарелым.

Всяких начальников, которые имеют престарелых дедов или бабок, отцов или матерей, отпускать для служения им и присмотру до скончаний жизней их, в домы, буде братий и других детей при них нет, и буде имеют они от роду себе более 70-ти лет.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ [17-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

Под ведением и управлением сей *Джургани* [коллегии *доходов*] состоят всего государства крестьяня, пашни, денежные, хлебные, и всякие доходы и расходы; привозы и отвозы хлеба, сборы, оклады, пошлины с соли и пошлины раз- ных родов, жалованье и содержание войска и всех чиновных и не чиновных разных званий служащих людей.

В сей *джургане* 14 *сы*[4] [управлений] отправляют дела 14 областей, и называются, Гяннаньская [Цзяннань], [Су]джеуская [Сучжоу], Гянсинская [Цзянси], Хугуанская, Фугянская [Фуцзянь], Шан[ь]дунская, Сансиская [Шаньси], Хонаньская [Хэнань], Шансиская [Шэньси], Сычуан[ь]ская, Гуандунская, Гуансиская, Юньна[нь]ская, Гуйджеуская [Гуйчжоу].

Каждая *сы* имеет *ицихяра хафаня*, *айжилаку хафаня*, *эджеку хафаня*.[5]

---

[1] *Синахань*: траур.

[2] *Синахи*: траурное платье, они носят белое а не черное.

[3] В оригинале ниже сего следуют по материи сей постановления на просрочки и на подобные мелочи, не служащие к любопытству, за сим оставил я оные без перевода.

[4] *Сы* – экспедиции. [司] кит. *сы̄* – *сущ.* 1) департамент, отдел; управление; приказ. – *Прим. ред.*].

[5] Обер-секретаря, секретаря, протоколиста.

Дела касающиеся до денежной и хлебной казны, которая собирается в государстве по установленным окладам от пашен и оброков, разделены по оным 14-ти *сы*.

Исправления дел о пашенных землях и людях [в]ос[ь]ми знамен[1] установлены восемь *сы*, в которых чиновники от [в]ос[ь]ми знамен манжуры.

При трех казенных кладовых палатах уставлено быть таким начальникам, которые содержат на руках своих печати; и велено кладовые с золотом, с серебром, с шелковыми материями, с мехами, с бумагою пищею, и с протчими вещами, поручать на порознь.

Росписание делам в 14-ти *сы* исправляемым, отделенным и совокупным.

В Гяннанской [Цзяннань]	
будженсыя Гянсуского [Цзянсу], *будженсыя* Ангойского [Аньхой], *дусыя* Гяннанского [Цзяннань],	отделенные.
Приказа Гяннинских [Цзяннин[2]] шелковых фабрик, Приказа Суджеуских [Сучжоу] шелковых фабрик, О пошлинах с мелкого камыша во[3] всей Гяннанской области.	совокупные.
В Джегянской [Чжэцзян]	
будженсыя Джегянского [Чжэцзян] *дусыя* Джегянского [Чжэцзян]	отделенные.
Приказа Ханджеуских [Ханчжоу] шелковых фабрик	совокупные[4]

ЧАСТЬ ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ [18-я]
по *Джуране* [*коллегии*] *доходов*, *содержит описание городам* (*1-е*).

С начала наши Манжурские государи престольным градом имели *Мукдень*[5] [Мукден].

В Пекин преселился государь *Шунджи* (Шуньчжи, 1644-1661 гг. пр. – *прим. ред.*) и в [1-м] году государствования Его Величества [1644 г.], когда правительство Манжурское в нем основано и утверждено[6], установлен для сборов по всему государству с пашен и оброков денежной и хлебной казны закон, города и уезды области Пекинской ведать шести *джурганям* [коллегиям], а городам и уездам всех протчих областей быть под ведомствами на-

[1] Смотреть в алфавите [слово] *гуза*.

[2] [江寧 *устар.* Цзяннин (*ныне г. Нанкин* 南京市 *в провинции Цзянсу* 江苏). – *Прим. ред.*].

[3] Тонкой и мягкой камыш, из которого цыновки делают.

[4] В оригинале росписание такое продолжается до конца сей части, в нем, как видно, ничего нет любопытного.

[5] *Мукдень*: значит возвышение, смотреть в алфавите [*манчжур.* Мукден – город в провинции Ляонин. – *Прим. ред.*].

[6] В 1644 году: в сем году царствовать он начал.

чальстве *будженсы*[1] названных.

Города трех степеней по названиям таким: *фу*[2], *джеу* (чжōу[3] – *прим. ред.*), *хянь* (сянь[4] – *прим. ред.*).

РОСПИСАНИЕ ОБЛАСТЯМ И ГОРОДАМ

ПЕКИН. *Область Пекинская называется Джи ли* [Чжили][5].

В ней: городов *фу* называемых – 9;

джеу (чжоу – *прим. ред.*) – 20;

хянь (сянь – *прим. ред.*) – 112.

Сия область прилегла к межам: на востоке – Шан[ь]дунской, на востокоюге (юго-востоке – *прим. ред.*) – Шан[ь]дунской, на юге – Хонанской [Хэнань], на западоюге (юго-западе – *прим. ред.*) – Хонанской [Хэнань], на западе – Сансиской [Шаньси], на западосевере (северо-западе – *прим. ред.*) – Сансиской [Шаньси], на севере – Мунгалской степи (монгольской – *прим. ред.*), на востокосевере (северо-востоке – *прим. ред.*) – Фунтян[ь]ской.[6]

ВО ОБЛАСТИ МУКДЕНСКОЙ

городов: *фу* – 2; *джеу* [чжоу] – 2; *хянь* [сянь] – 7.

Сия область прилегла: на востоке – к морю, на востокоюге (юго-востоке – *прим. ред.*) – к Корейскому королевству, на юге – к морю, на востокоюге – к морю, на западе – к воротам *Шанахай*[7], на западосевере (северо-западе – *прим. ред.*) – к Мунгалской степи, на севере – к Мунгалской степи, на востокосевере (северо-востоке – *прим. ред.*) – к Амуру реке.

ВО ОБЛАСТИ ГЯННАНСКОЙ [Цзяннань]

городов: *фу* – 14; *джеу* [чжоу] – 17; *хянь* [сянь] – 96.

Сия область прилегла на востоке – к морю, на востокоюге – к морю

---

[1] [布政寺 кит. *бу̀чжэ̀нсы – ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[2] [府 *ист.* фу – областной центр, город областного значения (*существовал до 1912 г.*). – *Прим. ред.*].

[3] [州 *чжōу* – окружной центр (*адм. единица до 1911 г.*). – *Прим. ред.*].

[4] [縣 *сянь* – уезд (*админ. единица*). – *Прим. ред.*].

[5] [直理 кит. *чжи́лй – Чжили*, название китайской провинции Хэбэй с 1912 по 1928 годы. После основания в XIV веке империи Мин земли в районе Нанкина были подчинены напрямую императорскому Двору стали называться «Чжили» («Непосредственно управляемыми»). После того, как в 1421 году столица страны была перенесена в Пекин, земли в районе Пекина также были подчинены напрямую Двору. Для различия двух регионов старые Чжили стали называть «Нань Чжили» («Южные непосредственно управляемые земли»), а новые – «Бэй Чжили» («Северные непосредственно управляемые земли»). После того, как в XVII веке китайские земли были завоёваны **маньчжурами** и вошли в состав империи Цин, «Южные непосредственно управляемые земли» были преобразованы в обычную провинцию (получившую название Цзяннань), а у северных было убрано уточнение «Северные». После Синьхайской революции 1911 года эти земли были преобразованы в обычную провинцию, сохранившую название «Чжили». В 1928 после победы сил Гоминьдана столица была перенесена в Нанкин, а провинция Чжили переименована в Хэбэй. – *Прим. ред.*].

[6] *Фунь тянь*: провинция Мукденской области, то есть та провинция, в которой манжурских *хан*ов прежн[и]й столичн[ы]й город *Мукдень* [маньчжур. *Мукден – прим. ред.*].

[7] *Шанахай*: сии ворота в долгой славной стене, где близко введена оная в восточное море.

великому, на юге – Джегянской [Чжэцзян], на западоюге – Гянсиской [Цзянси], на западе – Хугуанской, на западосевере – Хонанской [Хэнань], на севере – Шан[ь]дунской, на востокосевере – Шан[ь]дунской; к межам [всех областей].

Во области Джегянской [Чжэцзян]

городов: *фу* – 11; *джеу* [чжоу] – 1; *хянь* [сянь] – 75.

Сия область прилегла на востоке – к берегу морскому, на востокоюге – к берегу морскому, на юге – Фугянской [Фуцзянь], на западо-юге – Фугянской [Фуцзянь] и Гянсиской [Цзянси], на западе – Гяннанской [Цзяннань], на западосевере – Гяннанской [Цзяннань], на севере – Гяннанской [Цзяннань], на востокосевере – Гяннанской [Цзяннань]; к межам [всех областей].

В области Гянсиской [Цзянси]

городов: *фу* – 13; *джеу* [чжоу] – 1; *хянь* [сянь] – 77.

Сия область прилегла к межам на востоке – Джегянской [Чжэцзян], на востокоюге – Фугянской [Фуцзянь], на юге – Гуандунской, на западоюге – Хугуанской, на западе – Хугуанской, на западосевере – Хугуанской, на севере – Гяннанской [Цзяннань], на востокосевере – Гяннанской [Цзяннань].

Во области Фугянской [Фуцзянь]

городов: *фу* – 15; *джеу* [чжоу] – 16; *хянь* [сянь] – 109.

Сия область прилегла к межам на востоке – Гянсиской [Цзяньси], на востокоюге – Гуандунской, на юге – Гуансиской, на западоюге – Гуйджеуской [Гуйчжоу], на западе – Сычуаньской, на западосевере – Шансиской [Шэньси], на севере – Хонанской [Хэнань], на востокосевере – Гяннанской [Цзяннань].

Во области Фугянской [Фуцзянь (Фучжоу [?] – *прим. ред.*)]

городов: *фу* – 9; *джеу* [чжоу] – 1; *хянь* [сянь] – 60.

Сия область прилегла на востоке – к морю, на востокоюге – к морю, на юге – к морю, на западоюге (юго-западе – *прим. ред.*) – Гуандунской, на западе – Гянсиской [Цзянси], на западосевере (северо-западе – *прим. ред.*) – Гянсиской [Цзянси], на севере – Джегянской [Чжэцзян], к межам [всех областей]; на востокосевере – к морю.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ [19-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*, *содержит описание городов* (2-е)

Во области Шан[ь]дунской

городов *фу* называемых 6; *джеу* [чжоу] – 15; *хянь* [сянь] – 89.

Сия область прилегла на востоке – к морю, на востокоюге [юго-востоке] – к морю, на юге – Гяннанской [Цзяннань], на западоюге [юго-западе] – Хонанской [Хэнань], на западе – Джилиской[1] [Чжили], на западосевере – Джилиской [Чжили], на севере – Джилиской [Чжили], на востокосевере – к

[1] *Джили*: называется Пекинская область.

Фынтяньской[1] [Фэнтянь], к межам [этих областей].

Во области Сансиской [Шаньси]

городов *фу* – 5; *джеу* – 19; *хянь* [сянь] – 78.

Сия область прилегла к межам, на востоке – Джилиской [Чжили], на востокоюге – Хонанской [Хэнань], на юге – Хонанской [Хэнань], на западоюге – Шансиской [Шэньси], на западе – Шансиской [Шэньси], на западосевере – Мунгалской [монгольской] степи, на севере – Мунгалской степи, на востокосевере – Джилиской [Чжили].

Во области Хонанской [Хэнань]

Городов *фу* – 8; *джеу* [чжоу] – 12; *хянь* [сянь] – 95.

Сия область прилегла к межам, на востоке – Гяннанской (Цзяннань – *прим. ред.*), на востокоюге – Гяннанской, на юге – Хугуанской, на западоюге – Хугуанской, на западе – Шансиской [Шэньси], на западосевере – Сансиской [Шаньси], на севере – Джилиской [Чжили] и Сансиской [Шаньси], на востокосевере – Джилиской и Шан[ь]дунской.

Во области Шансиской [Шэньси]

городов *фу* – 8; *джеу* [чжоу] – 21; *хянь* [сянь] – 96.

Сия область прилегла к межам, на востоке – Сансиской [Шаньси], на востокоюге – Хонанской [Хэнань] и Хугуанской, на юге – Сычуан[ь]ской, на западоюге – Западных *татар*, на западе – Западных *татар*[2], на западосевере – Мунгалской [монгольской] степи, на севере – Мунгалской степи, на востокосевере – Мунгалской степи.

Во области Сычуанской

городов: *фу* – 12; *джеу* [чжоу] – 21; *хянь* [сянь] – 97.

Сия область прилегла к межам, на востоке – Хугуанской, на востокоюге – Гуйджеуской, на юге – Гуйджеуской [Гуйчжоу], на западоюге – Юньнан[ь]ской, на западе – Западных *татар*, на западосевере – Западных *татар*, ни севере – Шансиской [Шэньси], на северовостоке – Шансиской [Шэньси].

Во области Гуандунской[3]

городов: *фу* – 10; *джеу* [чжоу] – 9; *хянь* [сянь] – 78.

Сия область прилегла на востоке – к великому морю, на востокоюге – к великому морю, на юге – к великому морю, на западоюге – к великому морю, на западе – к Гуандунской меже, на западосевере – к Хугуанской меже, на севере – к Гянсинской меже [Цзянсин], на востокосевере – к Фугянской меже [Фуцзянь].

Во области Гуансиской [Гуаньси]

городов: *фу* – 12; *джеу* [чжоу] – 45; *хянь* [сянь] – 50. Тус[ы][1] – 8.

---

[1] *Фын тянь* [Фэнтянь]: называется Мукденская область, где манжурской столичн[ы]й город *Мукдень* [Мукден]. [奉天 кит. *фэ̀нтя̄нь* – …2) *уст. назв.* г. Шэньян 瀋陽 (маньчжур. Мукден; *город в провинции Ляонин*). – *Прим. ред.*].

[2] Тамо разные княжества таких *татар*, которые махометаны (мусульмане – *прим. ред.*).

[3] *Гуандун* – европейцы называют Кантоном.

Сия область прилегла к межам. На востоке – Хугуанской, на востокоюге – Гуандунской, на юге – Гуандунской, на западоюге – Аннан[ь]ской, на западе – Юннан[ь]ской, на западосевере – Гуйджеуской [Гуйчжоу], на севере – Хугуанской, на востокосевере – Хугуанской.

ВО ОБЛАСТИ ЮНЬНАН[Ь]СКОЙ

городов: *фу* – 20; *джеу* [чжоу] – 35; *хянь* [сянь] – 26.

Сия область прилегла к межам на востоке – Гуансиской, на востокоюге – Гуансиской, на юге – Аннан[ь]ской, на западоюге – к южному морю, на западе – к Хубейской [Хубэй], на западосевере – Западных *татар*, на севере – Сычуаньской, на востокосевере – Гуйджеуской [Гуйчжоу].

ВО ОБЛАСТИ ГУЙДЖЕУСКОЙ [Гуйчжоу]

городов: *фу* – 12; *джеу* [чжоу] – 11; *хянь* [сянь] – 19.

Сия область прилегла к межам на востоке – Хугуанской, на востокоюге – Гуансиской, на юге – Гуансиской, на западоюге – Гуансиской, на западе – Юньнан[ь]ской, на западосевере – Юньнан[ь]ской, на севере – Сычуан[ь]ской, на востокосевере – Сычуан[ь]ской.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТАЯ [20-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*, *содержит описание пашенным землям* (1-е)

Следует описание: сколько по государству и в каких местах мерою и пашен, и какие по количествам и качествам земель и пашен установлены законы, для окладов и сборов в казну, для изыскиваний и межеваний земель, для прибавлений пашен и убавлений, для вскрытии земель новых, и призывов крестьян к вспаханиям, для учинений свобод крестьянам от платежей полных окладов, для поощрений крестьян к собственным их работам, для отпущений им окладов и оброков, и для вспомоществований им раздачами хлеба из казенных амбаров во времена злополучные и неурожайные; сверх оного, следует описание землям [в]ос[ь]ми *гуза*, приписанным к слободам их и деревням, сколько где по указной мере, пашен, кладей с соломою[2], огородов и лугов.

О МЕРАХ ПАШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

По смете, учиненной в 18 году царствования *хана Шунь*[*ч*]*жи* [1661 г.] оказался в Пекинской, Мукденской, и под ведомствами *будженсыев* [бучжэнсы][3] во всех протчих областях земель пашенных мерою – 5 493 576 *кин* [цин], 40 *му*, 3 *фунь* [фэнь], 7 *ли*.[4]

---

[1] *Тусы* – индейские (туземные – *прим. ред.*) княжества.

[2] У них лошадей кормят сечкою.

[3] [布政寺 кит. *бу̀чжэ̀н сы̀ – ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] *Кин* [цин]: один *кин* имеет российских сажен в ширину 500, в длину 3000, составляет 6 квадратных верст [頃 кит. *цйн* –1) цин (*мера земельной площади:* а) *равная 100* 市畝 *рыночным му, около*

По смете учиненной в 24-[м] году [1685 г.] царствования *хана* *Канси* [1661-1722 гг. прав.] оказалося в Пекинской Мукденской, и под ведомствами *будженсыев* [бучжэнсы] во всех протчих областях земель пашенных мерою 6 078 430 *кин* [цин], 1 *му*, 9 *фунь* [фэнь], 8 *ли*, 8 *хоу*.[1]

Область *Джили* [Чжили] (то есть Пекинская) имеет в уездах своих, земель пашенных мерою:

В Шуньтяньском – 60 272 *кин* [цин], 5 *му*, 9 *фунь* [фэнь], 6 *ли*, 3 *хоу*.

В Юнпинском – 18 666 *кин* [цин], 50 *му*, 4 *ли*, 7 *хоу*.

В Боудинском – 51 868 *кин* [цин], 20 *му*, 6 *фунь* [фэнь], 2 *ли*.

В Хогянском [Хоцзян] – 57 600 *кин* [цин], 61 *му*, 4 *фунь* [фэнь], 8 *ли*, 2 *хоу*.

В Дженьдинском [Чжэньдин] – 126489 *кин* [цин], 59 *му*, 5 *фунь* [фэнь], 6 *ли*.

В Шуньдеском [Шуньдэ] – 52 270 *кин* [цин], 75 *му*, 3 *фунь* [фэнь], 5 *ли*.

В Гуанпинском – 63090 *кин* [цин], 44 *му*, 3 *фунь* [фэнь].

В Дайминском [Дамин] – 79 694 *кин* [цин], 30 *му*, 6 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 8 *хоу*.

В Янькинском [Яньцин] – 743 *кин* [цин], 61 *му*, 4 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 8 *хоу*.

В Боуаньском – 2747 *кин* [цин], 38 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 1 *ли*, 3 *хоу*.

Область Мукденская имеет в уездах пашен мерою:

В Фунтяньском [Фэнтянь] – 1819 *кин* [цин], 17 *му*, 8 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 8 *хоу*.

В Гиньджеуском [Цзиньчжоу] – 1298 *кин* [цин], 32 *му*, 8 *фунь* [фэнь].

Во всех протчих областях под ведомствами *будженсыев* пашен мерою.

В Гяннанской [Цзяннань]:

под *будженсы*ем [бучжэнсы] *Гянсиским* [Цзянси] – 675 153 *кин* [цин], 99 *му*, 4 *фунь* [фэнь], 5 *ли*;

под *Ангойским* [бучжэнсы Анхоя] – 354 274 *кин* [цин], 31 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 8 *ли*.

В Джегянской [Чжэцзян] – 448 565 *кин* [цин], 76 *му*, 1 *фунь*[фэнь].

6,667 га, или 66,670 кв. метров)… – *Прим. ред.*]. *Му*: сто *му* в одном *кине* [цзин], одна *му* имеет российских сажень ширину 5, в длину 30. Составляет 150 квадратных сажен [畝 кит. *мỳ* – *сущ.* 1) му (*мера земельной площади, равная 60 квадратным чжан* 丈 , *что соответствует приблизительно 0,07 га (667 кв. метров, 7 соток)*)…; где 丈 кит. *чжàн* – 1) чжан (*китайская сажень, равна 3,33 метра*)… – *Прим. ред.*]. У них на пашенные земли в древние времена положенной закон такой: 900 *му* мерою земли отдается на 8 дворов крестьянских, с тем, что каждой двор взявши из 900 *му* по 100 *му* про себя, должны все восемь дворов вообще, прежде сработать девятое сто *му* земли, которое между [в]осмьюстами *му* в средине, и которое называется *чахань ужинь*, колодезная пашня для казны государственной.

Фунь [фэнь]: десять *фунь* [фэнь] в одной *му* – составляет 15 квадратных сажен [分 кит. *фэ̄нь* – одна десятая часть числа, 10%; фэнь (*название меры, равной одной десятой различных мер, напр. таких, как* 寸 *чжàн*, 畝 *мỳ*…). – *Прим. ред.*].

Ли: десять *ли* в одном *фунь* – составляет 1 1/2 квадратной сажени.

Хоу: десять *хоу* в одной *ли* – составляет 3/20 квадратной сажени.

И так 5 493 576 *кин*, 40 *му*, 3 *фунь*, 7 *ли*. Составляют Российских квадратных 32 961 468 верст 55 1/2 сажен.

[1] Российских квадратных 36 470 580 верст, 298 1/2 сажен.

В Гянсиской [Цзянси] – 451 610 *кин* [цин], 71 *му*, 3 *фунь* [фэнь], 2 *ли*, 3 *хоу*.

В Хугуанской под *буджeнсы*ем [бучжэнсы] *Хубейским* [Хубэй] – 542 418 *кин* [цин], 16 *му*, 7 *фунь*[фэнь], 5 *ли*.

Под *буджeнсы*ем [бучжэнсы] *Хунанским* [Хунань] – 138 923 *кин* [цин], 81 *му*, 5 *фунь* [фэнь].

В Фу[цз]ян[ь]ской – 111 995 *кин* [цин], 48 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 4 *ли*, 6 *хоу*.

В Шан[ь]дунской – 925 268 *кин* [цин], 40 *му*, 4 *ли*, 5 *хоу*.

В Сансиской [Шаньси] – 445 220 *кин* [цин], 36 *му*, 4 *фунь* [фэнь], 6 *хоу*.

В Хонанской [Хэнань]– 572 106 *кин* [цин], 20 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 5 *хоу*.

В Шансиской [Шэньси] под *буджeнсы*ем [бучжэнсы] *Сиан*[ь]*ским* – 291 149 *кин* [цин], 6 *му*, 4 *фунь* [фэнь], 2 *ли*, 8 *хоу*. Под *буджeнсы*ем [бучжэнсы] *Гунчанским* – 101 087 *кин*, 67 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 8 *ли*.

В Сычуан[ь]ской – 17 260 *кин* [цин], 18 *му*, 7 *фунь* [фэнь], 1 *ли*, 8 *хоу*.

В Гуандунской – 302 392 *кин* [цин], 55 *му*, 9 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 2 *хоу*.

В Гуансиской – 78 024 *кин* [цин], 51 *му*, 3 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 1 *хоу*.

В Юннан[ь]ской – 64 817 *кин* [цин], 66 *му*, 9 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 5 *хоу*.

В Гуйджеуской [Гуйчжоу] – 9 597 *кин*, 11 *му*, 4 *фунь* [фэнь].

Оклады получаемые в казну с пашенных земель серебром и хлебом

В государстве нашем земли пашенные расположены по добротам и степеням, и на них оклады установлены и утверждены законами от век и на веки, непременяемыми и неподвижными; хотя не одинакие числа окладов получает казна в каждой (почесть) год, но по таким случаям, когда в каких местах или вновь пашни разведены и посевы собраны бывают, или напротив, готовые пашни с посевами нечаянно по злосчастиям каким либо испортятся, или истребятся; ради чего правительство принуждено бывает всегда для сборов с крестьян окладов пашенных, разбирать пашен и посевов прибыли по качествам и количествам от успешных содействий разбирать; пашен и посевов убыли по качествам и количествам, оказавшимся от случившихся злополучий, и делать распоряжения по местам пристойные, по временам сходственные. Сверх оного по старым установлениям собиралися оклады с крестьян деньгами (серебром) летом, хлебом осенью; но как роды и названия посевов суть разные, то и были в сметах и платежах в казну великие затруднения; ради сего сделан закон для сборов обоих окладов совокупной во едино, которым у крестьян в платежах и сносах окладов затруднения пресеклися, а собирателям и принимателям оных, легко сталося сборы и недоборы по книгам видеть.

По смете, учиненной в 18-[м] году царствования государя *Шунджи* [Шунь-чжи, 1661 г.] оказалося получаемого в казну со всех областей по окладам положенным на пашни годового серебра и хлеба, всего серебра

21 576 006 *янь*, 3 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 6 *хоу*.[1]

Хлебом 6 749 165 *хуле* (**мешков** – *прим. ред.*), 1 *хязе*, 1 *моро*, 5 *го*, 5 *джо*.[2]

По смете учиненной в 20-[м] году царствования *хана Канси* [1681 г.], оказалося *будженшиями* [бучжэнши] получаемого в казну со всех областей по окладам положенным на пашни годового серебра и хлеба, как ниже сего явствует на числах, всего серебром 1 444 972 *янь*, 8 *дзиха*, 6 *фунь* [фэнь], 6 *ли*, 3 *хоу*.

Хлебом 4 331 131 *хуле*, 9 *хязе*, 1 *моро*, 8 *го*, 5 *джо*.

Соломы – 98 312 снопов (связок).[3]

Во области Пекинской с уездов:

с Шунтянского [уезда] – серебра 132 231 *янь*, 6 *дзиха*, 3 *фунь* [фэнь], 1 *ли*, 6 *хоу*; просы желтой – 217 *хуле*, 9 *хязе*, 1 *моро*, 8 *го*, 1 *джо*; гороху – 2998 *хуле*, 3 *хязе*, 2 *моро*, 3 *го*, 3 *джо*; семя разного – 49 *хуле*, 3 *хязе*, 4 *моро*, 5 *го*; соломы – 230 *снопов*;

с Юннанского – серебра 50 153 *янь*, 8 *дзиха*, 3 *фунь* [фэнь], 1 *ли*, 6 *хоу*; просы желтой 11 785 *хуле*, 4 *хязе*, 8 *моро*, 5 *го*, 6 *джо*; гороху – 2 284 *хуле*, 4 *хязе*, 6 *моро*, 3 *го*, 8 *джо*; соломы – 86 366 *сноп*.

с Боудинского – серебра 218 668 *янь*, 7 *дзиха*, 1 *фунь* [фэнь], 5 *ли*;

с Хогянского [Хоцзян] – серебра 218 103 *янь*, 9 *дзиха*, 1 *ли*, 6 *хоу*; просы желтой – 435 *хуле*, 9 *хязе*, 3 *моро*, 3 *го*; гороху – 21 *хуле*, 7 *хязе*, 1 *моро*, 4 *го*;

с Джендинского [Чжэндин] – серебра 553 432 *янь*, 2 *дзиха*, 7 *фунь* [фэнь];

с Шундеского [Шундэ] – серебра 165 341 *янь*, 5 *дзиха*, 9 *фунь* [фэнь], 2 *ли*, 5 *хоу*;

с Гуанпинского серебра – 223 793 *янь*, 9 *дзиха*, 3 *фунь* [фэнь];

с Дайминского [Дамин] – серебра 432 022 *янь*, 3 *дзиха*, 8 *фунь* [фэнь]; просы желтой – 42 *хуле*, 1 *хязе*, 2 *моро*, 7 *го*; пшеницы – 42 *хуле*, 1 *хязе*, 2 *моро*,

---

[1] *Янь*: рубль их, весу 8 золотников; *дзиха*: гривна их, весу 4/5 золотника; *фунь* [фэнь]: копейка их, весу 2/25 золотника; в *фуне* [фэнь] десять *ли*, весу 1/125 золотника; в *ли* десять *хоу*, весу 1/1250 золотника. И так 21 576 006 *янь*, составляет российского весу 44 950 $^{1}/_{80}$ пуда.

[2] В лексиконе их написано, что меры хлебу установил первоначальный их *хуан-ди* [император], то есть Царь Царей, *Юсюнши* [Хуан-ди] (которой был за 2708 лет до рождества Христова), начиная от 1200 зерен черно[го] прос[а] *ира* называемо[го], котор[ое] величиною против здешней перловой крупы, и назвал они толикое число зерен *джо*, то есть счепоть [щепоть], [撮 кит. *цō* – 1) брать двумя (тремя) пальцами, брать в щепоть; брать ничтожное количество (*чего-л.*)… *сущ.* 1) щепотка; горстка… – *Прим. ред.*], со установления его все меры хлебу употреблялись, даже и ныне употребляются непременяемо, кроме числа зерен, по сему: *джо* [цо] – счепоть [щепоть] такая, что двумя перстами, указательным и средним, вздымать хлеб на ладонной стороне; *го* – горсть такая, что одною рукою на ладоне вздымать хлеб приклоня персты; *моро* – чаша, в ней десять *го*: горстей; *хязе* – четверик их, в нем десять *моро*, чаш; *хуле* – четверть их, в ней десять оных *хязе* четвериков, *сиоу ду* называемых, а двойных *хязе*, называемых *дун ду* – пять. И так 6 749 465 *хуле* составляет Российских не меньше кажется 4 851 178 четвертей.

[3] Серебра 24 449 724 *янь*, составляет российского весу 50936 $^{37}/_{40}$ пуда.
Хлеба 4 331 131 *хуле*, составляет российских не меньше кажется 3 113 000 $^{13}/_{32}$ четвертей.

7 *го*;

с Яньканского [Яньцан] серебра – 862 *янь*, 1 *дзиха*, 4 *фунь* [фэнь], 5 *ли*;

с Боуанского – 1 797 *янь*, 5 *дзиха*, 4 *хоу*.

В ОБЛАСТИ МУКДЕНСКОЙ с уездов:

с Ф[э]энтян[ь]ско[го уезда] – серебра 5 457 *янь*, 5 *дзиха*, 3 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 7 *хоу*;

с Гинджеуского [Цзинчжоу] – серебра 3 894 *янь*, 9 *дзиха*, 8 *фунь* [фэнь], 4 *ли*.

В ГЯННИНСКОЙ [Цзяннин][1] ОБЛАСТИ:

от Гянсуского сбирателя: серебра – 3 680 192 *янь*, 1 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 8 *ли*; пшена – 359 810 *хуле*, 4 *хязе*, 4 *моро*, 9 *го*; пшеницы – 521 *хуле*, 6 *хязе*, 9 *моро*, 3 *го*; гороху – 5239 *хуле*, 5 *хязе*, 9 *моро*, 7 *го*.

Еще от Аханского сбирателя, серебра – 1 441 325 *янь*, 5 *дзиха*, 1 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 7 *хоу*.

В ДЖЕГЯНСКОЙ [Чжэцзян]:

серебра – 2 618 416 *янь*, 2 *дзиха*; пшена – 1 337 512 *хуле*, 2 *хязе*, 4 *моро*, 9 *го*. Еще пшена, которое покупается на серебро и в Пекин привозится 8 260 *хуле*.

С ГЯНСИСКОЙ [Цзянси]:

серебра – 1 743 245 *янь*, 8 *дзиха*, 9 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 1 *хоу*; пшена – 925 423 *хуле*, 4 *хязе*, 1 *моро*, 9 *го*.

С ХУГУАНСКОЙ:

серебра – 923 288 *янь*, 8 *дзиха*, 2 *фунь* [фэнь], 3 *ли*.

С ХОНАНСКОЙ [Хэннань]:

серебра – 517 092 *янь*, 2 *дзиха*, 8 *ли*; пшена – 65366 *хуле*, 8 *моро*.

С ФУГЯНСКОЙ [Фуцзянь]:

серебра – 762706 *янь*, 6 *дзиха*, 1 *фунь*, 5 *ли*, 6 *хоу*; пшена – 104 829 *хуле*, 5 *хязе*, 1 *моро*, 2 *го*.

С ШАН[Ь]ДУНСКОЙ:

серебра – 2 818 019 *янь*, 5 *дзиха*, 9 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 5 *хоу*; пшеницы – 35 546 *хуле*, 6 *хязе*, 9 *моро*, 2 *го*, 4 *джо*; пшена – 470 688 *хуле*, 1 *хязе*, 2 *моро*, 5 *го*, 2 *джо*; хлеба – 731 *хуле*, 2 *хязе*, 9 *моро*, 9 *го*, 8 *джо*.

С САНСИСКОЙ [Шаньси]:

серебра – 2 368 831 *янь*, 1 *дзиха*, 1 *фунь*, 6 *ли*, 8 *хоу*; хлеба – 59 737 *хуле*, 8 *хязе*, 2 *моро*, 7 *го*, 4 *джо*; соломы 5708 снопов.

С ХОНАНСКОЙ [Хэнань]:

серебра 2606004 *янь*, 5 *фунь*, 5 *ли*.

С ШАНСИСКОЙ [Шэньси]:

от Сиан[ь]ского сбирателя: серебра – 1 315 012 *янь*, 3 *дзиха*, 2 *фунь* [фэнь],

---

[1] [江寧 кит. *цзянни́н* – Цзянни́н (букв. «речное спокойствие») – район города Нанкин провинции Цзянсу. – *Прим. ред.*].

9 *ли*; хлеба – 170 922 *хуле*, 7 *хязе*, 6 *го*, 1 *джо*; соломы 5983 снопа;

от Гунчанского сбирателя: серебра – 153 520 *янь*, 9 *дзиха*, 1 *фунь*, 4 *ли*, 5 *хоу*; хлеба – 47 617 *хуле*, 7 *хязе*, 8 *моро*, 9 *го*, 3 *джо*; соломы – 334 снопа.

С Сычуан[ь]ской:

серебра – 32 211 *янь*, 8 *дзиха*, 6 *фунь* [фэнь], 7 *ли*, 2 *хоу*; пшена – 1215 *хуле*, 5 *хязе*, 4 *моро*, 1 *го*, 4 *джо*.

С Гуандунской:

серебра – 127 793 *янь*, 2 *фунь* [фэнь], 8 *ли*, 7 *хоу*; пшена – 300 647 *хуле*, 6 *хязе*, 6 *моро*, 4 *го*, 9 *джо*.

С Гуансиской:

серебра – 293604 *янь*, 8 *дзиха*, 3 *фунь* [фэнь], 9 *ли*; пшена – 221 718 *хуле*, 6 *хязе*, 6 *моро*, 3 *го*.

С Юннан[ь]ской:

серебра – 99 182 *янь*, 1 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 8 *хоу*; хлеба – 203 360 *хуле*, 6 *моро*, 8 *го*, 1 *джо*.

С Гуйджеуской [Гуйчжоу]:

серебра – 53 512 *янь*, 8 *дзиха*, 7 *фунь* [фэнь]; хлеба – 58535 *хуле*, 7 *хязе*, 3 *моро*. За крупу грешневую пшена – 853 *хуле*, 2 *хязе*; за пшено *ханду* пшена – 94 *хуле*.[1]

Установления на пашенные земли окладов

Понеже как доброты земель и пашен бывают неравные, так и окладам на них следует быть разным, ради сего законом в глубокой древности утвержденным располагаются земли и оклады на три степени и на десять частей; здесь все мелкости земель и сборов описать было неудобно, за тем, что как разностей и мелкостей их весьма много, то соблюдая верность в дробных счислениях и сметах, затмиться и ошибиться можно весьма скоро; сему в пример служит по книге всех сборов то, что есть такие уезды, в которых разных земель и сборов до шестидесять и семидесять, по причине оного описание следует тем только окладам на земли, которые написаны в книге 20-го года царствования Государя *Канси*, содержащейся в *джургане* (в коллегии сей).

Оклады, с пашенных земель для казенных сборов

В Пекинской области с каждой *му*[2] не по равному числу: серебра от 4-х *ли*, 7-ми *хоу* – до 2-х *дзиха*, 4-х *фунь* [фэнь], 9-ти *ли*, 7 ми *хоу*. Пшена от 2 *го*, 2 *джо* – до 1 *хязе*, 2 *моро*. Гороху от 3 *джо* – до 6 *джо*, серебра за солому от 1 *ли*, 6 *хоу* – до 3 *фунь*, 6 *ли*, 2 *хоу*.

С приданых пашенных земель с каждой *му* не по равному числу, серебра от 8 *ли*, до 1 *дзиха* 8 *фунь* 5 *хоу*. Пшена от 3 *го*, 6 *джо* – до 2 *моро* 1 *го*, 5 *джо*. Гороху от 6 *джо* – до 6 *моро*, 2 *го*, 4 *джо*. Серебра за солому от 3 *ли* –

---

[1] За пшено с водяной пашни берут пшеном получаемым с пашни обыкновенной.

[2] Мера земли имеет в ширину 5, а в длину 30 сажен российских. О всех таких мерах показано в Алфавите под словом *кин* [цин].

до 2 *фунь* [фэнь], 7 *ли*, 8 *хоу*.

С таких земель, которые не в числе мерных пашенных земель, и в которых луга для паств (пасьбы – *прим. ред.*), рыбные ловли, и разные посевы, не по равному числу собирается серебра от 1 *ли* – до 7 *дзиха*, 2 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 1 *хоу*. Пшеницы до 6 *моро*. Просы *шушу*[1] до 1 *моро*.

В Мукденской области с каждой *му* серебра по 3 *фунь* [фэнь].

В Гяннанской [Цзяннань] области с каждой *му*, не по равному числу.

От мокрых пашен[2] Гансуских [Цзянсу], пшена за равное меривание от 3 *моро* – до 3 *хязе*, 7 *моро*, 5 *го*; серебра от 9 *ли*, 7 *хоу* – до 1 *дзиха*, 4 *фунь* [фэнь], 1 *ли*, 1 *хоу*; пшена и гороху настоящих от 1 *моро*, 4 *го*, 7 *джо* – до 1 *хязе*, 9 *моро*, 2 *го*, 6 *джо*; пшеницы от 2 *чоу*[3] до 3 *джо*;

От сухих пашен Гянсуских [Цзянсу]: пшена за равное меривание от 3 *моро*, 5 *го* – до 8 *хязе*, 5 *моро*, 6 *го*; серебра от 3 *фунь* [фэнь], *8 ли*, 6 *хоу* – до 3 *дзизха*, 3 *фунь*, 3 *хоу*; пшена и гороху настоящих от 7 *го*, 3 *джо* – до 4 *хязе*, 1 *моро*, 9 *джо*; пшеницы от 1 *чоу* до 8 *джо*.

От таких земель, которые в горах, в буераках, и на берегах по рассмотрениям и сметам. Пшена за равное меривание от 4 *го*, 7 *джо* – до 3 *хязе*, 3 *моро*, 5 *го*; серебра от 7 *ли* – до 1 *дзиха*, 4 *фунь*, 5 *хоу*; пшена и гороху настоящих от 3 *го*, 4 *джо* – до 1 *хязе*, 6 *моро*, 5 *го*, 2 *джо*; пшеницы от 1 *джо* – до 3 *джо*.

От анбаров (амбаров – *прим. ред.*) за каждую перегородку серебра от 5 *фунь* [фэнь], 7 *хоу*, до 1 *дзиха*, 2 *ли*, 4 *хоу*; пшена и гороху от 5 *моро*, 5 *джо* – до 1 *хязе*, 2 *моро*, 6 *го*, 3 *джо*; пшеницы от 1 *джо* – до 2 *джо*.

От мокрых пашен Ангойских [Анхой], серебра от 1 *фунь*, 5 *ли* – до 1 *дзиха*, 6 *ли*. Пшена от 2 *го*, 1 *джо* – до 7 *моро*, 1 *го*. Пшеницы от 5 *джо* – до 8 *джо*. Гороху от 8 *джо* – до 9 *го*, 1 *джо*.

От сухих пашен Ангойских [Анхой], серебра от 8 *ли*, 9 *хоу* – до 6 *дзиха*, 3 *фунь*. Пшена от 7 *го*, 9 *джо* – до 5 *моро*, 9 *го*. Пшеницы от 8 *джо* – до 2 *го*, 2 *джо*.

От прудовых пашен, серебра от 1 *фунь* [фэнь], 9 *ли* – до 4 *фунь* [фэнь], 4 *ли*. Пшена от 4 *го*, 7 *джо* – до 7 *го*, 8 *джо*. Пшеницы от 1 *джо* – до 2 *джо*.

От пашен таких гор, на которых трава ростет, с каждого места, серебра по 8 *фунь* [фэнь], 3 *ли*.

От шелку с каждой *янь* по оценке; серебра по 3 *фунь* [фэнь], 2 *ли*.

В Джегянской [Чжэцзян] области с каждой *му* не по равному числу.

От мокрых пашен: серебра от 3 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 2 *хоу* – до 1 *дзиха*, 4 *фунь*, 3 *ли*.

---

[1] *Шушу* – проса (просо – *прим. ред.*) красноватая, крупна против средней величины гороху, стебель, на котором ростет, толст и высок не меньше сажени, колос ее подобен метле, ею кормят птиц домашних, употребляют в деревнях и люди в пищу.

[2] Водяными они называют (т.е. заливные поля – *прим. ред.*).

[3] Десять *чоу* в одной *джо*.

От сухих пашен: серебра от 1 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 7 *хоу* – до 8 *фунь*, 2 *ли*, 5 *хоу*; пшена от 9 *джо* – до 1 *хазе*, 9 *моро*, 6 *го*, 7 *джо*.

От гор: серебра от 6 *сы*[1] – до 3 *фунь*, 7 *ли*; пшена от 6 *чоу* до 5 *моро*, 2 *го*, 4 *джо*.

От болотных мест: серебра от 1 *фунь*, 5 *ли*, 1 *хоу* – до 7 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 3 *хоу*; пшена от 1 *го*, 5 *джо* – до 4 *го*, 2 *джо*.

В Гянсиской области [Цзянси]: от мокрых и сухих пашен[2], от гор, от прудов, с каждой не по равному числу: серебра от 2 *ли*, 1 *хоу* – до 1 *дзиха*, 1 *фунь* [фэнь], 4 *хоу*; пшена от 6 *го* – до 3 *моро*, 9 *го*, 4 *джо*.

От Хубе[й]ских мест: летнего оклада, ячменю и пшеницы с каждой *му* от 6 *чоу* – до 2 *хязе*, 9 *моро*, 1 *го*, 4 *джо*. За пшеницу с каждой *хуле* серебра от 3 *дзиха*, 1 *фунь* [фэнь], 2 *ли*, 4 *хоу* – до 2 *янь*, 8 *дзиха*, 8 *фунь* [фэнь], *9 ли*, 4 *хоу*.

Осеннего оклада, хлеба с каждой *му* от 1 *джо* – до 2 *хязе*, 7 *моро*, 8 *го*, 2 *джо*. За хлеб с каждой *хуле* [мешка с хлебом] по оценкам серебра от 5 *дзиха*, 1 *фунь* [фэнь], 7 *ли* – до 2 *янь*, 9 *дзиха*, 7 *фунь* [фэнь], 4 *ли*, 1 *хоу*.

От Хунаньских мест: летнего оклада ячменю и пшеницы с каждой *му* от 2 *джо* – до 4 *моро*, 1 *джо*. За пшеницу с каждой *хуле* по оценкам серебра от 2 *дзиха*, 4 *фунь* [фэнь], 9 *ли*, 9 *хоу* – до 6 *дзиха*.

Осеннего оклада, хлеба с каждой *му* от 2 *го*, 4 *джо* – до 1 *хязе*, 4 *моро*, 6 *го*.

За хлеб с каждой *хуле* [мешка с хлебом] по оценкам серебра от 3 *дзиха*, 7 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 5 *хоу* – до 1 *янь*, 8 *дзиха*, 4 *фунь*, 4 *хоу*.

В Фугянской области [Фуцзянь] с каждой *му* не по равному числу – серебра от 7 *ли*, 5 *хоу* – до 2 *дзиха*, 9 *хоу*.

От присовокупленых *вейшо*ских [гарнизонных][3] казенных пашен[4]: серебра от 4 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 5 *хоу* – до 5 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 7 *хоу*.

В Шансиской области с каждой *му* не по равному числу, серебра от 1 *фунь*, до 1 *дзиха*, 2 *фунь* [фэнь].

От присовокупленых *вейшо*ских [гарнизонных] пашен: серебра от 1 *фунь* [фэнь], 5 *ли* – до 5 *фунь* [фэнь], 8 *ли*, 5 *хоу*.

От пашен, которые состоят сверх положенной меры: серебра от 1 *фунь* [фэнь], до 1 *дзиха*, 2 *фунь* [фэнь].

От пашен, которые на островах оставленых прежде сего втуне: серебра от 5 *фунь* [фэнь], 5 *хоу* – до 5 *фунь* [фэнь], 6 *ли*, 4 *хоу*.

---

[1] Десять *сы* в одной *хоу*.

[2] Одни в воде на земли бывают, другие на суше.

[3] [衛所 кит. *вэйсо̀* – *ист*. 1) вэй и со (*пункты расположения районных – 5600 чел. – и местных – 1120 чел. – войсковых гарнизонов, дин. Мин*; *также система организации территориальных войсковых частей*); 2) военно-этапные сторожевые пункты (*1-го и 2-го разряда, для охраны перевозок хлебного налога по Великому каналу, дин. Цин*). – *Прим. ред.*].

[4] Гарнизонные.

От пашен, которые находятся в трех уездах сих – *Дзинань* [Цзинань], *Яньджеу* [Яньчжоу], *Дунчан*: пшеницы от 1 *джо* до 4 *го*, 3 *джо*.

Еще от пашен пяти уездов – *Дзинань* [Цзинань], *Яньджеу* [Яньчжоу], *Дунчан*, *Цинджеу* [Цинчжоу], *Лайджеу* [Лайчжоу]: пшена от 1 *го*, 9 *джо* – до 3 *моро*, 6 *джо*.

Еще от пашен уезда *Дзиме* [Цзимэ] – хлеба по 6 *моро*, 6 *го*.

В Сансиской [Шаньси] области с каждой не по равному числу – серебра от 1 *фунь*, 3 *хоу* – до 2 *дзиха*, 5 *фунь*, 4 *ли*; хлеба от 5 *джо* – до 3 *моро*, 5 *го*.

От пашен, которым названия переменены: серебра от 1 *фунь* [фэнь] – до 1 *дзиха*, 2 *фунь*; хлеба от 1 *моро*, 9 *го*, 1 *джо* – до 6 *моро*, 8 *го*.

От пашен казенных: серебра от 9 *ли*, 3 *хоу* – до 6 *фунь*, 9 *ли*, 9 *хоу*; хлеба 1 *моро*, 8 *джо*, 8 *джо*, – до 8 *моро*, 1 *го*, 5 *джо*.

В Хонанской [Хэнань] области с каждой *му* не по равному числу: серебра от 1 *ли*, 4 *хоу* – до 1 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 5 *ли*.

От пашен *вейшо*ских [гарнизонных] присовокупленых: серебра от 7 *ли*, 9 *хоу*, до 1 *дзиха*, 8 *ли*.

В Шансиской [Шэньси] области с каждой *му* не по равному числу:

от мест Сианьских: серебра от 7 *хоу* – до 1 *дзиха*, 9 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, 9 *хоу*; хлеба от 1 *го*, 2 *джо* – до 1 *хязе*.

от пашен шелковичных дерев – серебра по 2 *янь*, 3 *дзиха*, 8 *фунь*, 1 *ли*, 7 *хоу*; хлеба по 1 *хязе*, 5 *моро*, 7 *го*, 2 *джо*.

от пашен вейшоских [гарнизонных] присовокупленых: серебра от 2 *ли* до 9 *фунь* [фэнь], 8 *ли*; хлеба от 1 *моро*, 5 *го*, до 3 *хязе*.

от пашен, которым названия перемены: серебра от 6 *ли*, 9 *хоу*, до 7 *фунь* [фэнь], 5 *ли*, *хоу*; хлеба от 4 *моро*, 3 *го*, 5 *джо*, до 1 *хязе*, 4 *моро*, 8 *го*, 3 *джо*.

от мест Гунчанских: серебра от 2 *хоу*, до 1 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 4 *хоу*; хлеба от 3 *джо* – до 8 *моро*, 1 *го*, 1 *джо*.

От пашен *вейшо*ских [гарнизонных] присовокупленых: серебра от 1 *ли*, 2 *хоу* – до *6 ли*; хлеба от 5 *моро* – до 6 *моро*.

От пашен, которым названия переменены: серебра от 4 *ли*, 8 *хоу* – до 6 *фунь*, 7 *ли*, 1 *хоу*; хлеба от 2 *го*, 2 *джо* – до 1 *моро*, 4 *го*, 2 *джо*.

В Сычуан[ь]ской области от мокрых и сухих пашен с каждой *му* не по равному числу, хлеба от 6 *го*, 3 *джо* – до 1 *моро*, 3 *джо*, но есть и такие места, с которых собирается по 1 *хуле*. За хлеб с каждой *хуле* [мешка с хлебом] – серебра от 1 *янь*, 1 *дзиха*, 5 *фунь*, 2 *ли*, до 1 *янь*, 9 *дзиха*, 5 *фунь*, 6 *ли*, 8 *хоу*. Еще от хлеба с каждой *хуле* настоящего серебра от 3 *дзиха*, 6 *фунь*, 1 *ли*, 2 *хоу*, до 5 *дзиха*, 1 *фунь*, 9 *ли*, 1 *хоу*.

От земель низкой доброты, которые отданы под посевы: хлеба от 6 *моро* до 5 *хязе*, за хлеб с каждой *хуле* серебра от 2 *дзиха* – до 6 *дзиха*, 7 *фунь*, 2 *ли*.

В Гуандунской области от мокрых и сухих пашен с каждой *му* не по равному числу – серебра от 8 *ли*, 1 *хоу*, до 2 *дзиха*, 2 *фунь*, 3 *ли*, 2 *хоу*; пшена

от 6 *го*, 5 *джо* – до 2 *моро*, 2 *го*, 9 *джо*.

От тинной земли с каждого канала: серебра по 4 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь], 3 *хоу*.

От спусков вод с каждого пруда: серебра по 3 *дзиха*, 9 *фунь* [фэнь], 4 *ли*.

В Гуансиской области от пашен и от озер с каждой *му* не по равному числу: серебра от 9 *ли*, до 4 *фунь* [фэнь], 5 *ли*.

За пашни, и за платье стеганое на хлопчатой бумаге, которые даются крестьянам, исправляющим случающиеся четырех названий посылки: серебра от 2 *фунь* [фэнь], 7 *ли* – до 1 *дзиха*, 6 *фунь*; еще за серебро пшеном от 1 *моро*, 5 *го* – до 5 *моро*, 3 *го*.

За пшено с каждой *хуле* [мешка с хлебом]: серебра от 3 *дзиха* – до 2 *янь*; пшена настоящего от 6 *го* – до 5 *моро*, 3 *го*.

От присовокупленых *вей*ских[1] сырых и сухих пашен, серебра по 5 *фунь* [фэнь]; еще за серебро пшеном от 7 *моро*, до 2 *хязе*. За пшено с каждой *хуле* серебра от 3 *дзиха*, 5 *фунь* [фэнь] – до 6 *дзиха*; пшена настоящего от 5 *моро*, 3 *го* – до 1 *хязе*.

От присовокупленых сырых и сухих пашен *Тусы* [2]: серебра от 3 *фунь* [фэнь], 6 *ли*, до 2 *дзиха*; за серебро пшеном от 5 *моро* – до 1 *хязе*; за пшено с каждой *хуле* [мешка с зерном] от 4 *дзиха*, 8 *фунь* [фэнь] – до 6 *дзиха*; пшена настоящего от 1 *хязе* – до 2 *хязе*.

От присовокупленых сырых и сухих пашен: серебра по 3 *фунь* [фэнь], 6 *ли*; за серебро пшена по 2 *хязе*; за пшено с каждой серебра от 4 *дзиха* – до 2 *янь*.

В Юннан[ь]ской области с каждой *му* по равному числу от сухих пашен вышней доброты, хлеба по 1 *хязе*, 7 *моро*, 9 *го*, 3 *джо*.

От сухих пашен средней доброты: хлеба по 8 *моро*, 3 *джо*.

От сухих пашен нижней доброты: хлеба по 5 *моро*, 7 *го*, 8 *джо*.

От сырых пашен вышней доброты: хлеба по 2 *моро*, 9 *го*, 4 *джо*.

От сырых пашен средней доброты: хлеба по 2 *моро*, 5 *го*, 4 *джо*.

От сырых пашен нижней доброты: хлеб по 1 *моро*, 7 *го*, 4 *джо*.

От присовокупленых сырых и сухих пашен казенных: хлеба по 9 *моро*, 4 *го*, 3 *джо*.

Особливо за летнюю и осеннюю пшеницу и пшено принимается серебром не по равному числу.

В Гуй[ч]ж[о]уской области с каждой *му* не по равному числу: серебра от 2 *фунь* [фэнь], до 8 *дзиха*; хлеба от 1 *моро*, 9 *го* – до 5 *хязе*, за грешневые крупы с каждого *хуле* [мешка с хлебом] пшеном по 5 *хязе*.

---

[1] Гарнизонных.

[2] Индейских (туземных – *прим. ред.*) князьков.

О размерениях и межеваниях пашенных и протчих земель

Какие по государству нашему во всех областях и уездах места и пашни имеют виды, межи, и доброты, а при том, в каких каждая область и каждой уезд состоит четырех своих межах и границах, все оное можно видеть в старых китайских записных книгах от глубокой древности из века в век переходимых; при нашем же правительстве происходило по сему следующее.

Установления

Где явятся о местах сумнительства, тамо учинить размерения при глазах таких начальников, у которых содержатся казенные печати.

Мерять уездные пашни *бегунàми*, а *гуза*ские веревками.[1]

Где количества окладов с пашнями сходны, тамо впредь не чинить отмен никаких.

Где явится пашням убыль против положенного числа, тамо воеводы обще с крестьянскими старостами имеют земли перемерять, и сделать с положением сходство, но по окончании жатвы, и без обиды крестьянам.

Где окажется так, что пашни есть, а окладов нет, или, оклады есть, но пашен нет, то сделать размер и соображение справедливое.

Начальникам, до которых принадлежать будут размеривания земель, за учиненные, по оному просрочки и медленности, за неясные доношения, за не присылки держаных записок, и за недельные отрицательства полагается в наказание вычет жалованья, городским и уездным за год, а главным за шесть месяцев.

Для верных и обстоятельных осмотров, таких пашенных земель, кои запущены и пропадают в туне, высылать некорыстолюбивых и искусных начальников, дабы в том как утаек и упущений, так и напрасных с крестьян сборов не происходило.

О заведений новых пашен

Какие от правительства нашего о вскрытии праздных и запущеных земель, и о заведении вновь пашен в разных местах, сделаны установления, а при том с какими увещаниями и поощрениями, вспомоществованиями и свободами установления обнародованы были, всему тому следует ниже сего описание.

В первое то время, когда наше правительство основано[2] для вскрытия порожних земель и для посевов на оных, определено от правительства на каждую *ниру*[3] по десяти мужиков, и по три быка казенных, сделаны ради собирания и хранения хлеба анбары и закромы, и определены к тому ради записки и сметы приходов и расходов начальники и пахари.

---

[1] *Уездные* под ведомствами воевод, а *гузаские* под ведомствами дивизий их манжурских. *Бегун* – машина для меряния.

[2] Когда они – манжуры на своей природной земле жили, которая называется ныне Мукденскою областью.

[3] Роту.

В первом году при Государе *Шунджи*[1] [Шуньчжи, 1644 г.] определено запущеные пашни, которым хозяев нет, для хлебопашества раздавать скита- ющимся крестьянам, и еще служащим начальникам и простым военным людям, а которым хозяева есть, выдавать хозяевам для посевов быки и семяна, и за все такие земли не брать окладов в казну три года.

Во втором году [1645 г.] определено за вспаханные вновь пашни, которые запущены были, не брать в казну с наймов пошлины один год.

В 6-[м] году [1649 г.] определю вдонеся о всем оном Государю, наложить на пашни такие законные оклады; а прежде всего оного никаких с таких крестьян окладов, оброков и сборов произвольно не брать. Что касается по сему определению до разностей уездных начальников, в поощрениях крестьян таких, в сметах количеств земель пашенных, в рачениях, искуствах и поступках, то учинить сему рассмотрение, и по рассмотрении имена достойных внесть в ту записную книгу, в которую обыкновенно при конце года вписываются по свидетельствованиям [по испытаниям, по экзаменам] имяна всех достойных людей чины имеющих.

В 8-[м] году [1651 г.] определено селить охочих людей для хлебопашества за *Шанахай* называемыми воротами[2] на удобных местах, где оказалось запущеных земель великое множество.

В 12-[м] году [1655 г.] определено от новозаведенных в Государстве пашен с начала три года собирать в казну хлеб по урожаям так: от пашен, для которых из казны даны были крестьянам быки и семена, брать от трех частей одну часть; а от пашен, которые завели крестьяна своими быками и семянами, брать в первой год от десяти одну часть, во второй и третей годы от трех по одной части. По прошествии же трех лет быть таким пашням на общем узаконении.

Осужденых за вины и преступления в работы посылать в те места, где пашни заводить следует, назначивши по количествам земель сроки на заведения пашен, а по заведениях, отпускать их на волю, таких, которые при оных пашнях остаться пожелают, оставлять по желаниям к доставлению им вечного довольствия.

В 24-[м] году [государя *Канси*][3] выданы военным людям для заведения, на *Сахалянь уласких*[4] местах пашен быки и семяна.

В 25-[м] году [государя *Канси*][5] велено завесть пашни в *Мукденской* области[6] мерою всего 24 065 *цимари*[1] и еще в *Мергенских* местах[2] мерою

---

[1] В 1644 [году].

[2] *Шанаха*: крепость и ворота в большой чудной стене на востоке, где дорога лежит к манжурскому старому столичному городу *Мукдень* [Мукден] называемому.

[3] [Император Ши-цзу царствовал под девизом правления *Шуньчжи* в 1644-1662 гг. – поэтому у него не было 24-и 25-го годов правления. – *Прим. ред.*].

[4] Сахалянь Ула: Амур река.

[5] [См. прим. выше – *Прим. ред.*].

[6] Манжурская земля природная близко *Амура* реки.

1989 *цимари* казенным коштом, и для сего отправлены туда вельможи с подчиненными людьми.

ПООЩРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ПО ЗАВЕДЕНИЯМ ПАШЕН

В 1-м году царствования *Канси* [1661 г.] определено за вскрытия праздных и запущеных земель, и за заведения в одном году пашен в разных местах, давать начальникам в награждение по мерам земель *джерги* каждому, как следует.

Дзундам [цзунду] и *сюньфам* [сюньфу]

(губернаторам и вице-губернаторам – *прим. ред.*):

За не меньше 18 000 *кин*, *нонгиха джерги* 1. *эджехе джерги* 1.

За не меньше 12 000 *кин*, *нонгиха джерги* 2 [3],

Доулиям [доули – *изыскателям и исправителям*],

джифуям[чжифу – правителям областей][4]::

За не меньше 4000 *кин*, *нонгиха джерги* 1. *эджехе джерги* 1.

За не меньше 6000 *кин*, *нонгиха джерги* 2.

Городовым воеводам:

За не меньше 400 *кин*, *нонгиха джерги* 1. *эджехе джерги* 1.

За не меньше 600 *кин*, *нонгиха джерги* 2.

Вейшоским [вэйсо – гарнизонным] начальникам[5]:

За не меньше 150 *кин*, *нонгиха джерги* 1. *эджехе джерги* 1.

За не меньше 200 *кин*, *нонгиха джерги* 2.

Ежели найдутся в уездах или в вейшоских местах запущеные земли не вспаханы вновь в один год времени, за сие не давать жалованья *доуям*, *фуям*, воеводам, вейским начальникам за год.

Ежели найдутся такие запущеные земли, которые вновь вспаханы были, но после опять запущены, то за сие от Дзундов и от Сюньфов полученые ими прежде за вспахания оных все *джерги* отнять, и еще остановить у них годовое жалованье; от *доуев* [доу – *изыскателей*], от *фуев* [воевод городов первой степени] отнять по одному клас[с]у и остановить жалованье; от воевод, от вейских [вэй][6] начальников отнять по три кла[с]са, остановить жалованье; но дать им однако же на вспахание оных земель годовое время, и когда до остатка земли вспашут, принять сие в замен наказаний, а естьли и в годовое время не окончат своего вспахания, то уже *дзундов* и *сюньфов* [губернаторов и вице-губернаторов] лишать по одному клас[с]у и по одному

---

[1] *Цимари*: смотреть в алфавите.

[2] На *Амур* же реке.

[3] *Кин* и *джерги*: смотреть в алфавите.

[4] [知府 кит. *чжӣфӯ* – начальник округа, правитель области. – *Прим. ред.*].

[5] Гарнизонным.

[6] [衛 кит. *вэй* – *сущ.* 1) охрана, стража; караул; …3) *ист.* вэй (*военно-адм. единица Китая с гарнизоном в 5600 чел., дин. Мин*); гарнизон, форт; военное поселение, сторожевой пост (*см.* 衛所). – *Прим. ред.*].

году жалованья, *доуев* и *фуев* лишать по два класа и употреблять их к другим делам, воевод и вейшоских [гарнизонных] начальников, лишать по гор[ю] чина, и употребить к другим делам. Равно сему наказывать и таких начальников, которые после вспаханий новых земель в должности вступали, и по вступлениях опять запустили оные; а по сему однако разуметь и о главных над сими вступившими начальниках. За ложные о таких пашнях доношения снимать у *дзундов* и *сюньфов* [губернаторов и вице-губернаторов] по два клас[с]а и по году жалованья; у *доуев* [доу – *изыскателей*], *фуев* [воевод городов первой степени] – по четыре класа и употребить их к другим делам; а воевод и вейшоских [гарнизонных] начальников лишать всех чинов.

Составлять на одних местах деревни из 20, 30, 40 и 50-ти дворов крестьянских, велеть крестьянам делать в пашенных работах друг другу вспоможения, а вместо больных и умерших велеть им обработывать пашни общими силами.

Охотников[1] за потаптания пашенных посевов, чиновных отдавать под суд к наказанию, а не чиновных сечь плетьми по 80 ударов, а сверх того как с чиновных, так и с не чиновных брать за каждую *цимари*[2] потоптаной пашни по три *янь* серебра платы хозяевам тех пашен.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ,
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О случающихся посевам повреждениях и не урожаях

Милосердое правительство по случающимся на посевах повреждениям и не урожаям, за важной долг себе почитает, сыскивать ко избавлению жалких крестьян надежные способы, и для того входя в тонкое и подробное рассуждение, как во времена гибелей от наводнений, от засух, от саранчей, от градов и от протчего посевам случившихся, доношения о том и сведения получать, какие осмотры тому чинить, в чем лготы крестьянам сделать, не видны ли притчины к сложениям с них и всех окладов, а еще, нет ли крайностей к раздачам им из казны хлеба, установило такие законы, которые основаны по сожалению о крестьянах на щедрости великой, так что они и в случаях голодных годов обыкновенного жития своего не лишаются.

О доношениях и осмотрах

О случившихся на пашнях вредах помянутых главные начальники доносить имеют Государю в каких случилися местах, какие имянно, каким посевам на скольких мерах земли, описывая при сем, положения мест и качества земель обстоятельно и верно. Начальным сведениям и доношениям о вредах быть от уездных начальников к главным начальникам, а осмотрам и описаниям по таким доношениям, быть от искусных не мздоприимных началь-

[1] Которые ездят с собаками или ястребами.
[2] Мера земли *манжурская*, имеет 900 квадратных сажен российских.

ников, которых изберут и употребят с малым числом при них людей главные начальники. Имеют как нижние и средние, так и главные начальники по должностям своим исполнять оное в возможной скорости; а за упущения по должностям времени, полагаются им начальникам наказания следующие:

Ежели не больше половины месяца времени, вычету жалованья за 6 месяцев;

Ежели не больше месяца, вычету жалованья за год;

Ежели больше месяца, снять одну *джерги* и определить к другим делам;

За два месяца, снять две *джерги* и определить к другим делам;

За три месяца, лишить всех чинов.

Крестьянам на начальников, которые не будут доносить о их поврежденных от предписанных случаев посевах, дозволяется бить челом с ясными доказательствами, в приказе *Тункень ямунь* [ямэнь].[1]

СВОБОДЫ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ПЛАТЕЖЕЙ ОКЛАДОВ И ОБРОКОВ

Крестьяна получали от Государей милостивые свободы от платежей окладов и оброков в разные времена и разнообразные, многие по одним щедротам их Величеств, а многие по притчинам случившихся напастей, наводнений, засух, саранчей, еще градов, бурь, стуж, землетрясений и подобного; но как за изобилием разных щедрот, так и за изобилием разных притчин описывать многие различные свободы трудно, то написаны здесь некоторые свободы, единственно для оказания бываемого к народу милосердия законом на всегда служащего.

В **первом году царствования** Государя *Шунджи*[2] [Шунь-чжи, 1644 г.] определено дать свободы от служб, от платежей податей и оброков, и от платежей за наймы пашен Пекинским и Пекинской области людям по нижеследующему:

Таким, которые в том году [1644 г.] в Пекине жили и принуждены стались переселиться на другие места, свобода от платежей податей и от служб на три года.

Таким, которых семейства тогда разлучены стались, свобода от платежей податей и от службе на один год.

Таким, у которых проходившие войска хлеб на пашнях потоптали и смяли, свобода от платежей наймов за земли и податей половинной суммы того года.

Таким и которые живут на северной стороне большей реки, свобода от платежей наймов заземли приписаные к городам, и от платежей окладов казенные пашни положенных, одной части из трех за тот год

Еще определено сложить с крестьян во всем государстве те трех родов сборные подати, которые наложены на них во время *Минского*[3] правления, и

---

[1] Приказ *Бубна*.

[2] 16[4]4 год, когда манжуры овладели Китаем.

[3] *Мин* называлось правление китайское пред манжурским бывшее.

отпустить им платежи в казну за покупаемой хлеб, котор[ы]й привозим был водою чрез слюзы (шлюзы – *прим. ред.*);

Свободу дать крестьянам живущим близко северных крепостей, которые изнурены были во время бывшего смятения, и у которых пашни побиты были градом, от окладных платежей в казну, кои мало оного претерпели, тем от половины, а кои много, от тех и малой платы не требовать.

С земель всех [в]ос[ь]ми *гуза* как податей и служб, так хлеба, соломы и холста, не требовать от сего времяни вечно.

Во **втором году** [1645 г.] определено:

Отпускать крестьянам области *Санси* [Шаньси] половину платежа сего года в казну за наемные пашни, понеже оная область ныне только приобретена.

Отпустить двум уездам в области *Гяннань* [Цзяннань] весь платеж в казну такой, которой следовал по учиненному в конце *Мин*ского правления определению сбирать с крестьян серебром за лошадей сверх положенных окладов.

В **третьем году** [1646 г.] определено:

Отпустить крестьянам ведомства *Янь суйских* крепостей, у которых хлеб на пашнях побит был градом, да саранчою поеден, половину оброков и податей за сей год.

Отпустить всем в государств крестьянам все недоимки разных родов.[1]

Раздачи из казны хлебом и серебром *саламе* называемые[2]

Во **втором году царствования** Государя *Шунджи* [Шуньчжи, 1645]:

Для тех [в]ос[ь]ми *гуза* пашен, которые водою смыты сталися, велено выдать из казны на каждую *цимари*[3] земли по одному *хуле* [мешку с зерном] пшена.

Велено раздать *мунгалам*, которые живут в степи, числятся под [в]ос[ь]ми *гуза*, и за неурожаем на пашнях хлеба претерпевают голод, по рассмотрению пристойное число хлеба, накупивши казенным серебром из селений на межах лежащих, а при том смотреть, чтоб те голодные *мунгалы* за межи свои впускаемы не были.

Велено по притчине случившегося в кочевных местах бедствия давать из казны тамошним людям пшено, на каждой месяц по 1-му *хязе* человеку.

Велено тем нижних званий людям, которые служат при домах *ванов*, *бейлев*, *бейзев*, *гунов* царской крови, и у которых пашни смыты сталися водою, выдать из казны по толикому числу пшена, по коликому закон оказыва-

---

[1] Следуют в оригинале еще в разных годах учинение крестьянам свободы от платежей в казну, подобные предписанным.

[2] *Саламе*: раздача всем по равной части.

[3] Мера земли *манжурская*, имеет 900 квадратных сажен российских.

ет.[1]

Во области *Гянси* [Цзянси] были наводнения и засухи, по притчине сего велено для избавления тамошней народ от голоду, выпустить из казенных анбаров три тысячи *хуле* пшена на продажу дешевою ценою.

В пятом году [1648 г.]:

Велено во всем государстве *серемшеме* начальникам[2] следуемое из казны за смытые водою пашни пшено получать по сему: одним, которые семейства свои оставили в Пекине, из Пекинских анбаров [амбаров]; другим, которые семейства свои при себе имеют, из тамошних анбаров, где находятся.

В [в]ос[ь]мом году [1651 г.]:

По притчине случившихся в трех областях *Гяннань* [Цзяннань], *Джегян* [Чжэцзян], *Шан*[ь]*дун*, частых наводнений велено учинить следуемую тамошним бедным крестьянам из казенных анбаров раздачу хлеба в скорости; а *шузаям*[3] тамошним, кои бедны, раздать велено собранной доходе с наймов приписанных к училищам.

В девятом году [1652 г.]:

По сожалению о находящихся в Пекине бедных людях, что много голодуют и зябнут, установлено раздавать таким жидкую кашу у пяти городских стен, начиная с 11-[й] луны, и продолжая до половины 4-[й] луны каждого года[4], и в каждой день отпускать из казны к каждой стене по 4 *хуле* [мешка с зерном] пшена, и еще по 2 *янь*[5] серебра.

По притчинам неурожаев, при раздачах людям из казны пшена делать числам людей верные сметы, и при том для раздач наблюдать лета, малолетных, так что того, кому не меньше 7-ми лет от роду, числить на равне с большим человеком, а того, кому меньше 6-ти, а свыше 4-[х] лет, числить половинным против большого человека. Кроме оного не включать к получению пшена казенного таких людей, которые пришлые и наемные.

Выдано из казны на раздачу бедным людям, состоящим под [в]ос[ь]ми *гуза*, в манжурские и мунгалские *ниру* (роты) китайки толстой (вид материи – *прим. ред.*) по 6-ти кусков, бумаги хлопчатой по 600 *гинь* [цзинь], пшена по 100 *хуле*, в *уджен чоха* [тяжёлого войска] *ниру* [роты] китайки толстой по 30-ти кусков, бумаги хлопчатой по 300 *гинь* [цзинь], пшена по 50 *хуле* [мешков с зерном] на каждую *ниру* [роту].

В одиннатцатом году [1654 г.]:

Выдано из казны состоящим под [в]ос[ь]ми *гуза* людям, по притчине

---

[1] Закон смотреть здесь в первой статье. У них указом сделаное единожды, служит образцом и законом на всегда.

[2] Гарнизонным.

[3] *Шузай*: такой студент, которой получил чрез экзамен чин, не состоящей еще в класах, а оказующей однако малую официю.

[4] С ноября, всего полшеста месяца, у них числа по луне, не сходны с нашими церковными.

[5] *Хуле*: их четверть, а *янь* их рубль.

случившегося на пашнях их наводнения, хлеба на каждую *ниру* [роту], манжурскую и мунгалскую по 200 *хуле* [мешков с зерном], китайскую, называемую *уджен чоха* [тяжёлого войска], по 100 *хуле*, и велено начальникам разделять оной подчиненным по рассмотрению.

По особливому имянному указу роздано во области Пекинской обнищавшим крестьянам серебра, из суммы сохраняемой в 4-[х] *джурганях* [коллегиях] 160 000 *янь*, из суммы двора государева накопленой умеренностию и воздержанием 80 300 *янь*.

В двенатцатном году [1655 г.]:

Для раздачи бедным людям в Пекине жидкой каши прибавлен, [к прежде писанному установлению 9-[го] года] еще месяц времени; и велено вельможам подать мнение для бедных людей, чтоб сделать подобное милосердие к ним во всем государстве.

Из суммы двора Государева, которая накоплена умеренностию и воздержанием, роздано бедным крестьянам Пекинского уезда 30 000 *янь*.

В четвертом надесять году [14-м] [1657 г.]:

Из суммы двора Государева роздано войнам осми *гуза* и бедным крестьянам Пекинского уезда 10000 *янь*.

В осмом надесять году [18-м] [1661 г]:

Установлено всем городовым и уездным начальникам в не урожайные года, где когда недостаток в хлебе случится, собирать богатых людей, особливо купцов, и объявлять им указом, чтоб готовой за употреблением хлеб свой выпускали на народ в продажу, не отлагая времени.

Для раздачи в Пекине у пяти городовых стен бедным людям жидкой каши, прибавлено еще 3 месяца[1], и чтоб каша приуготовляема и раздаваема была исправно, велено обделать такие места порядочно с оградами, и быть при раздачах тем начальникам, которые называются городовые досмотрщики.[2]

ПООЩРЕНИЕ К БЛАГОДЕЯНИЯМ

ДОСТАВЛЯЕМЫМ К РАЗОРЕНЫМ ЛЮДЯМ

Нечиновным людям, которые раздавать будут разореным от неурожаев крестьянам на исправление хлеб свой или серебро, давать за 50 *хуле* хлеба, или за 100 *янь* серебра *бяни*[3]; за 100 *хуле* хлеба [мешков с зерном], или за 200 *янь* серебра *дзинзе* девятого клас[с]а[4], за раздачи же свыше сего давать чины

---

[1] С ноября до сентября, можно примерно почесть.

[2] В ограде двои вороты, в одни бедные с чашками входят, в другие выходят, не останавливаяся, по тому что кладут им в чашки кашу уполовниками, когда приходят.

[3] *Бянь*: доска лаковая с золотыми буквами, похвалу на прославление значущими, с печатью, которую вешают над воротами.

[4] *Дзинзе* [цзинцзе]: чиновной знак, по фигуре можно назвать шишкою, подобен шашке, носят на шапках и шляпах, бывают оные для различия рангов разных видов, делаются из золота и меди (и одни студентские) из серебра и олова, вставливают в них камни и стекла, бывают и без камней и стекол у людей нижних степеней; шишка должна быть такого цвета, какого ранг требует. [旌節 кит. *цзӣнцзе́* – 1) верительный флажок и бирка (*посланца*); 2) верительный жезл посла; посол. –

хафанские [чиновничьи] за уряд, прибавляя оные по количествам щедростей, и не выступая из благопристойности.

Чиновных людей за оказанные к разорившимся от неурожаев крестьянам вспомоществования награждать по сему.

За 1000 *янь* серебра, или за 2000 *хуле* хлеба одну *нонгиха джерги*.[1]

За 500 *янь* серебра, или за 1000 *хуле* хлеба две *эджехе джерги*.

За 250 *янь* серебра, или за 500 *хуле* хлеба одну *эджехе джерги*.

О награждениях за оное, которые следует учинить свидетельствованым философам, предлагать к рассуждению в те времена, когда они получавши чины, при должностях будут.

Награждать по оному еще, молодых людей, которые из приятных видов и умных обращений своих являют себя получившими воспитание похвальное, за 300 *янь* серебра, или за 600 *хуле* хлеба принимать к наукам в училище *Годзыгянь* [гоцзыцзянь].[2]

Богатых крестьян:

за 300 *янь* серебра, или за 600 *хуле* хлеба чиновными знаками 9 клас[с]а.

за 400 *янь* серебра, или за 800 *хуле* хлеба чиновными знаками 8 клас[с]а.

Дзунды [цзунду – губернаторы] и *сюньфы* могут вспомоществования такие делать, не помышляя о награждениях себе.

ДЕРЕВНИ И ПАШНИ [В]ОС[Ь]МИ *ГУЗА*

В начале нашего Манжурского, правительства к дому Царского Величества для всегдашних расходов заведены деревни, из которых ныне состоят одни во области Мукденской, другие Пекинской, под ведомствами, одни Главного дворцового приказа, другие *Джурганя* [*коллегии*] *благочиния*, и приказов *Гуанлусы*[3] и *Шанлин юань*. Какие ж по тем деревням учреждены для приходов и расходов постановления, о сем, понеже ясно показано в описаниях каждого *ямуня*, в сей части умолчено, а писано только о таких деревнях и землях, которые пожалованы и приписаны к *ванам* и другим царской крови людям, к заслуженым вельможам, к вельможам и нижним чиновным [в]ос[ь]ми (*гуза*) знамен, и еще к *ванам* внешней области (Мунгалской земли). Ниже сего видно будет, в которых годах каким (из оных) людям пожалованы деревни, в которых местах и по коликому числу каких земель мерою.

При сем то знать должно, что во времяна неурожайные выдается на земли такие из казны хлеб по пристойному числу.

Прим. ред.].

[1] Смотреть изъяснение в алфавите под [термином] *джерги*.

[2] [國子監 кит. *го́цзы́цзя̀нь* – Гоцзыцзянь (*букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне - музей в Пекине*). – *Прим. ред.*].

[3] [光禄寺 кит. *гуа̄нлу̀сы̀* – Пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци,VI в.* …). – *Прим. ред.*].

О ДЕРЕВНЯХ И ЗЕМЛЯХ ПОЖАЛОВАНЫХ *ВАНАМ*, И ПРОТЧИМ ЦАРСКОЙ КРОВИ ДОСТОИНСТВА ИМЕЮЩИМ

В первое время, когда правительство наше твердое основание возымело, велено *ванам*, *бейлам*, *бейзам* и *гунам* восстановить для себя деревни в двух уездах, в *Гинджеуском* [Цзинчжоу] по одной и в *Ганджеуском* [Цзанчжоу] по одной, а протчие сих уездов все деревни возвратить к правительству.

С начала царствования Государя *Шунджи* [Шуньчжи, после 1644 г.] приписаны к деревням *ванов*, *бейлев*, *бейзов* и *гунов* земли мерою не до равному числу: к большим деревням от 120 до 70-ти *цимари*[1];

к половинным деревням от 60-ти до 40 *цимари*;

для огородов от 25-ти до 10 *цимари*.

Сверх сего к *ванам* еще приписаны огороды:

старшему – 10;

младшему – 7.

К каждому огороду земли мерою по 30-ти *цимари*.

Установлено за *ванами*, *бейлами*, *бейзами* и *гунами* быть землям по наследствам доставшимся не отъемлемым.

В 7-[м] году установлены [1650 г.] разные дачи:

Огородные земли:	
гунджe [гунчжу][2]	60 *цимари*,
дочере *вана* старшего	30 *цимари*,
дочере *вана* младшего,	по 25 *цимари*.
дочере *бейлы*,	
дочере *бейзы*,	
*ван*ам и протчим сверх прежних дач огороды:	
вану старшему	8.
вану младшему	5.
бейле	4.
бейзе	3.
гуну	2.
К каждому огороду земли мерою	по 30-ти *цимари*.

И от сего времени быть таким дачам впредь для всех тех людей, кото-

[1] *Цимари*: мера земли, имеет квадратных 900 сажен российских.

[2] [公主 кит. *гӯнчжӯ* – 1) дочь императора, принцесса; королевна; царевна; принцесса крови, великая княжна… 2) дочь владетельной особы, княжна, царевна, королевна (*о замужних или помолвленных*). – *Прим. ред*.].

рые на оные достоинства возвождаемы будут.

Огородные земли мерою:		
джангину [начальнику]	1 статьи	40 *цимари*.
	2 статьи	30.
	3 статьи	20.
	4 статьи	10.

ПАШЕННЫЕ ЗЕМЛИ В РАЗНЫХ УЕЗДАХ,
ПРИ КОТОРЫХ ЕСТЬ ПАХАТНЫЕ КРЕСТЬЯНЯ

Уксуням [*хан*ским родичам] 8-ми *гуза*, то есть [в]ос[ь]ми знамен[1]:

знамя желтого с каймою	610 *цимари*.
знамя желтого	1 776.
знамя белого	600.
знамя красного	20 736.
знамя белого с каймою	28 619.

Чиновным и рядовым военным людям [в]ос[ь]ми знамен земли в Пекинской области:

[*знамёна*]	*цимари*:
Знамя желтого с каймою	393 890.
Знамя желтого	392 396.
Знамя белого	346 608.
Знамя красного	206 785.
Знамя белого с каймою	257 405.
Знамя красного с каймою	217 595.
Знамя синего	285 610.
Знамя синего с каймою	235 188.

Особливо данные некоторым земли, называемые *яфани* [огроды и сады]:

	цимари:
Управитель дома Государева	8.
Управитель дома *вана* старшего	6.
Управитель дома *вана* младшего, *бейлы*, *бейзы*, *гуна*	5.

Пахатным мужикам, которые живут при пашнях достоинства и чины имеющих людей, состоящих под осми знаменами, в оклад на содержание

[1] *Уксун*, *гуза*: смотреть в алфавите. В оригинале узды и деревни написаны.

вместо прежде выдаваемого хлеба каждому человеку земли по 6-ти *цимари*.

Вышним чинам [в]ос[ь]ми знамен, начиная с *мейрень джангина* [военный чин 2-го класса] земли *яфань*ской [садовой и огородной] по 30-ти *цимари*, *хаха*йской[1] по 2 *цимари*.

Нижним чинам [в]ос[ь]ми Знамен начиная с *джалань джангина* [начальника полка] земли *хаха*йской по 2 *цимари*.

От простых воинов, которые будут объявлять о себе, что данных земель пахать не могут, челобитья не принимать.

На отмежеванных к [в]ос[ь]ми знаменам и к разным людям землях, те места, где бывают ярманки, оставлять для крестьян и купцов свободными по прежнему.

От сего времени дворов и пашен крестьянских более не приписывать ни к кому, и не трогать вечно, оставя на прежнем положении.

Понеже ныне на разданные и приписаные земли числа мер узаконены, того ради впредь тех земель как ни кому не давать и никуда не приписывать, хотя бы число мужиков и прибавилося, так и не отбирать назад, хотя бы число мужиков и убавилося; сверх сего не прибавлять земель тем, которые чинами повышаемы будут, и не отбирать земель после покойников оставшиеся, и у таких, которые чинов лишены будут.

Данным и приписаным землям быть не продажным.[2]

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ [22-я]
О пашнях казенных, которые называются *вейшоские*[3]

С начала нашего Манжурского правления для заведения на порожних землях новых пашен поселены в разных местах военные люди слободàми, и слобóды такие названы по положению мест одни *вей* [вэй], другие *шо*; некоторые из таких слобод по времени приписаны, как пристойность требовала, с людьми и с пашнями к *будженским* ведомствам [бучжэнсы][4], и по сему как меры земель, так и сборы с пашен приписанных писаны выше сего в 20-той части под ведомствами *будженсыев*, соединенно с протчими землями и сборами, а в сей части описаны меры земель и сборы с пашен *вей* [вэй] и *шо* оставшихся в начальном положении, как следует.

По смете, учиненной в 24-[м] году [1684 г.] царствования Государя *Канси* оказалося во всех областях:

казенных пашен мерою 307 872 *кин* [цин], 51 *му*, 6 *фунь* [фэнь], 3 *ли*, 6 *хоу*;

---

[1] Смотреть в Алфавите. ХАХА [маньчж.]: мера земли, имеет в себе 4500 квадратных сажен. *Хаха* называется и пахатн[ы]й крестьянин.

[2] Кроме оного всего есть описание в оригинале приписаным к [в]ос[ь]ми знаменам для лошадей лугам.

[3] *Вейшо*: значит *слободы* тех китайцев, которые будучи военнослужащими не регулярными пашут землю, и при пашнях живут; есть однакож над ними офицеры.

[4] [布政寺 кит. *бу̀чжэ̀н сы̀ – ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

с оных пашен получаемого серебра 428 503 *янь*, 3 *дзиха*, 7 *фунь*, 7 *ли*;
хлеба – 820 785 *хуле*, 3 *хязе*, 9 *моро*, 4 *го*, 6 *джо*;
соломы 19 553 снопа.
На оных пашнях пахарей 334 458 человек.
С пахарей получаемого серебра 75 161 *янь*, 2 *дзиха*, 4 *фунь* [фэнь], 8 *хоу*.[1]
О таких казенных пашнях, которые называются училищными.

Установлено быть пашням училищным для исправления жертвоприношений и для подаяния *шузаям*[2] от доходов получаемых с земель пашенных: жертвоприношения такие, которые бывают в каждом году весною и осенью, а *шузаям* таким, которые бедны и содержать себя не могут из пашенных земель, одни от век на оное установленные, другие ко вспомоществованиям жалованные в разных годах не по одному числу мерою, ныне по смете оказалося во всем государстве такой пашенной земли, мерою – 3 717 *кин* [цин].

От наймов получаемого за нее серебра – 22 666 *янь*, хлеба – 17 137 *хуле* [мехков с зерном].

Медных *цянь*[3] 41 313.[4]

Земли *тусыев*[5]

Все *тусы*, которых земли смежны с нашими землями, с тех времян, как покорены и в подданство здешнее приведены, содержатся на обуздании ежегодного с земель своих платежа, платят они в казну оклады, положенные за наем земель, серебром и хлебом, а меры земель их и количества окладов включены с протчими нашими землями и окладами в описания по областям смежным, те, которые выше сего 20-я часть содержит.

Пашни не окладные и свободные от платежей в казну всяких

Пашням в Пекине при всех жертвенниках и при всех храмах царственных, и пашням во всех областях при всех жертвенниках и при всех храмах и

---

[1] По сем следует в оригинале описание на все области порознь, сколько в которой пашен таких мерою, и по скольку с которой получается и казну от пашен серебра и хлеба числом, но как напереди в той части такой формы описания на переводе есть, то сие я почитая для любопытства уже излишним, оставил без перевода.

[2] *Шузай* – студент.

[3] *Цянь*: не инако назвать пристойно, как денежкою, она из желтой меди, величиною равна нашей денежке, на средине имеет диру четырегранную. У китайцев золотой и серебреной монеты нет, вместо монеты цену составляет у них вес золота и серебра, состоящей в слитках и кусках, рубль их называется *лана*, гривна *чин*, копейка *фунь*; в *лане* российского весу 8 золотников. Ежели положить золотник серебра по 20 копеек, то стоит 1 *лана* 1 рубль 60 копеек, а на 1 *лану* променивается обыкновенно медных китайских денежек *цянь* называемых 790. И так когда на 1 рубль получил 5 золотников серебра, то на 5 золот. могу выменять медных китайских *цянь* 498. Из сего видно, что медной китайской *цяни* меньше нашей полушки.

[4] Ниже сего в оригинале следует подробное описание по областям и порознь такое, о каком пред сим в ремарке изъяснено.

[5] *Тусы*: князьки диких индейцев (туземцев – *прим. ред.*).

кладбищах находящимся, которые по узаконениям и особливым указам от всех платежей в казну свободны, мера оказана как ниже следует:

Во областях:

В Пекинской – 19 *кин* [цин], 24 *му*.

В Мукденской – 1 *кин* [цин], 41 *му*.

В Гянсуской [Цзянсу] – 108 *кин* [цин], 84 *му*.

В Аньгое [Аньхой] – 15 *кин* [цин], 13 *му*.

В Джегянской [Чжэцзян] – 76 *кин* [цин], 54 *му*.

В Гянсиской [Цзянси] – 14 *кин* [цин], 13 *му*.

В Фугянской [Фуцзянь] – 510 *кин* [цин], 55 *му*.

В Шан[ь]дунской – 98 *кин* [цин], 96 *му*.

В Сансиской [Шаньси] – 38 *кин* [цин], 67 *му*.

В Хонанской [Хэнань] – 101 *кин* [цин], 74 *му*.

В Шансиской [Шэньси] – 16 *кин* [цин], 23 *му*.

В Сычуане – 15 *кин* [цин], 19 *му*.

О ЗЕМЛЯХ, КОТОРЫЕ ОТДЕЛЕНЫ ПОТОМКАМ СВЯТЫХ И ПРОСВЯЩЕННЫХ МУЖЕЙ, И С КОТОРЫХ НИКАКИХ СБОРОВ В КАЗНУ НЕТ

Жертвенной пашни, которая называется *Янь шен гун* [яньшэнгун][1] мерою – 2157 *кин* [цин], 50 *му*.

При сей пашне, земли под кладбищем и под рощею – 18 *кин* [цин], 27 *му*.

Земли под храмом и под всем при храме строением 3 *кин* [цин], 7 *му*.

Крестьян – 500 семей.

Служек – 115 семей.

При училище, называемом «*Училище 4*-[*х*] *фамилий*» – пашни на учеников 50 *кин* [цин].

Жертвенной пашни у потомков таких мужей, которые собою возобновили святость прославленных святых мужей, мерою – 50 *кин* [цин].

При сей пашне, под кладбищем 3 *кин* [цин], 33 *му*.

Под храмом и строением при нем – 92 *му*.

Крестьян – 10 семей, приворотников – 4 семьи, при храме сторожей – 7 семей, служек – 25 семей.

Жертвенной пашни у потомков таких мужей, которые оказали себя подражателями святым прославленным мужам, мерою – 51 *кин* [цин], 60 *му*.

При сей пашне, под кладбищем 10 *кин* [цин], 15 *му*.

Под храмом и строением при нем – 39 *му*.

При храме сторожей – 37 семей.

Жертвенной пашни у потомков таких мужей, которые оказали собою следы святых прославленных мужей, мерою – 51 *кин* [цин], 15 *му*.

---

[1] [衍聖公 кит. *яньшэ̀нгӯн* – продолжатель рода Совершенномудрого (*титул прямых потомков Конфуция*). – *Прим. ред.*].

При сей пашне, под кладбищам – 4 *кин* [цин], 31 *му*.

Под храмом и строением при нем – 1 *кин* [цин], 30 *му*.

Крестьян – 32 семьи, при храме сторожей – 25 семей, приворотников – 5 семей.

Жертвенной пашни у потомков таких мужей, которые были просвещенные и славные философы, мерою 65 *кин* [цин], 38 *му*.

При сей пашни, под кладбищем – 9 *кин* [цин], 50 *му*.

Под храмом и строением при нем – 68 *му*.

Сторожей – 46 семей.

Прибавочной земли к кладбищу снятого *Кундзы* (*Кунцзы* –Конфуция), мерою сверх положенного числа – 11 *кин* [цин], 14 *му*.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ [23-я]
по *Джургане* [*коллегии*] доходов,
содержит описание пахотным крестьянам

Число всем крестьянам

В начале нашего правительства всем по государству пахатным крестьянам учинена верная опись, и имя каждого крестьянина вписано в общую книгу а после, когда оказалося в государстве между всеми ими, как много от времени до времени уродившихся, так и великая разнь по возрастам и летам, по старостям молодостям, каждого года в убылях и прибылях происходившая: и сверх того немало таких из них нашлося, которые с мест на места переселялся, сделан для вернейшей описи крестьянам и счисления закон особой, по которому окладам, сборам с них, и службам их явилося уравнение, а прописям имян их, и отбытиям их от сборов и служб последовало пресечение. Ныне по всем в государстве областям как оклады на пашни, так и сборы с крестьян разные. В одной области оклады трех степеней, сборы девяти родов, в другой сборы одного рода; в одной оклады и сборы по мере пашен, в другой почислу пахарей; а есть и такие области, что и в одной оклады положены и сборы бывают по местам и уездам не одинакие; но разнь такая для крестьян по собственностям их полезна, и они, чрез многие годы наблюдая и исполняя положения, состояниями своими довольны.

По смете учиненной в 18-м году царствования Государя *Шунджи* [Шунь-чжи, 1661 г.] оказалося во всех областях пахатных крестьян, числом – 2 168 609 мужиков.

По смете учиненной в 24-м году царствования Государя *Канси* [1684 г.] оказалося во всех областях крестьян числом 23 417 448 мужска пола.

Во области *Джили* [Чжили – Пекинской] по уездам, число крестьян:

В *Шунтянь*	35 131	мужиков.
Юнпин	964 510	

В *Боудин*	454 382	
Хогя [Хоцзя]	237 163	
Дженьдин [Чжэньдин]	1 131 790	
Шунде	188 080	
Гуанпин	312 270	
Даймин	588 658	
Янькин [Яньцин]	7 418	
Боуянь	5 484	
Фыньтянь [Фэньтянь]	13 171	
Гиньджеу [Цзиньчжоу]	13 056	

В ПРОТЧИХ ОБЛАСТЯХ ПОД ВЕДОМСТВАМИ *БУДЖЕНСЫЕВ* [бучжэнсы][1]

В *Гяннанской* [Цзяннань] число крестьян:

под *Гянсуским* [Цзянсу] 2 857 750 мужиков,

под *Ангуйским* [Аньхой] 1 314 431.

Кроме сих двух чисел людей есть в оных местах, мужики такие, с которых платежей в казну нет, по тому, что одни из них на казенных пашнях, другие на провозах хлеба казенного, употребляются.

В *Гянсиской* [Цзянси] 2 126 470 мужиков.

В сем числе таких крестьян, которые платят за соль серебром пошлину в казну 847 959 человек.

под *Хубеским* [Хубэй]	440 040	мужиков.
под *Хунаньским*	309 812	

В *Фугяньской* [Фуцзянь] 1 395 102 мужика.

В сем числе таких крестьян, которые платят в казну за соль пошлину серебром 716 889 человек.

в *Шан*[ь]*дунской*	2 110 973	мужиков.
в *Сансиской* [Шаньси]	1 649 666	
в *Хонанской* [Хэнань]	1 432 376	
в *Шаньсиской* [Шэньси]	2 241 714	
под *Гуанским*	273 292	
в *Сычуаньской*	18 509	мужиков.
в *Гуандунской*	1 119 400	

[1] [布政寺 кит. *бу̀чжэ̀н сы̀ – ист.* департамент по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

и в сем числе женского пола:	15 175	
в *Гуансиской*	179 444	мужиков.
в *Юньнан*[*ь*]*ской*	158 557	
в *Гуйджеуской* [Гуйчжоу]	13 699	

Получаемое в казну серебро с мужиков.

По смете, учиненной в 18-м году царствования Государя *Шунджи* [Шуньчжи, 1661 г.], оказалося получаемого в казну во всех областях по окладам положенным на мужиков годового:

всего серебра 3 008 900 *янь*;

хлеба – 12 570 *хуле* [мешков с зерном].

По смете, учиненной в 24-м году царствования Государя *Канси* [1884 г.], оказалося получаемого в казну во всех областях по окладам положенным на мужиков годового:

всего серебра 3 136 932 *янь*;

хлеба – 12715 *хуле*.

Производить справки и счисления о пахатных крестьянах

Для справок исчислении всех в Государстве пахатных крестьян, времян установленных преже сего не было, собираны справки, и деланы были счислении об них, случайно, чрез три года, чрез пять, и чрез десять лет однажды, а ныне установлено производить об них справки исчисления чрез каждые пять лет один раз; но как находится не мало таких из них людей, которые переходят из своих жилищ на другие места жить, то для призыву и возвращения их на природные места служат здесь установления особенные, и по обстоятельствам таким пристойные, как ниже сего видны будут.

Имеют производить справки и счислении пахатным крестьянам, те городовые начальники, у которых печати казенные.

Книгам быть по прежнему установлению.

Тех людей, коим от роду не ниже 60-ти лет, из окладов выключать, а тех, коим не меньше 16-ти лет от роду, включать в оклады.

О людях каждой слободы и деревни сделавши уравнительное и верное убылым и прибылым счисление, оказывать в книгах ясно, сколько готовых людей на окладах, и по скольку с каждого человека числом серебра окладного в казну за год приходить будет, и с них таких ведомости отсылать в *джургань* [коллегию]; а за утайки по сему и лжи всякие быть наказаниям для ви[новн]ых по уложенной книге.

В трех областях *Гянси* [Цзянси], *Фугянь* [Фуцзянь] и *Гуандун* оказуются по окладным книгам разные сборы в казну серебром по числу душ за соль,

да еще за женщин[1], но как в протчих областях в окладных книгах и слова сего, *за женщин*: нет, то ныне определено присовокупить в оных трех областях сбор за соль к сбору с крестьян пашенных, и собирать с них оба сборы совокупно, расположивши уравнительно, а сбор за женщин оставить без отмены.

Когда в уезде каком по справке и счислению окажется у уездных начальников прибылых пахарей не меньше 2000 человек, то сие почесть ревностным их, и главных над ними начальников старанием общим, и по сему имяна всех по уезду тому начальников, даже и имяна, *дзунды* [цзунду – губернатора], *сюнфы* [сюньфу – вице-губернатора], *будженшия* [бучжэнши][2], вписать в книгу для памяти такой их услуги.

О пахарях справкам и счислениям полагается сроку один год, с тем, чтоб оконченые и полные ведомости при конце года взносимы были пред Государя.

О СКИТАЮЩИХСЯ ПО РАЗНЫМ ОБЛАСТЯМ И УЕЗДАМ ЛЮДЯХ

Где найдутся скитающиеся других областей или уездов люди, тамо верстать их с живущими на собственных местах крестьянами одинакими окладами, давношних, кои уже поселилися, как скоро окажутся, а новых, поселивши верстать, когда пять лет исполнится.

О таких чиновных и богатых людях, которые из милосердия поселять будут бедных людей на своих коштах, доносить Государю с мнениями какого кто награждения достоин.

Имяна городовых и уездных начальников, которые поселят скитающихся людей числом от одной тысячи до пяти тысяч человек, вписывать в памятные книги, означая под имянами сколько коими человек поселено, дабы услуги их не были забыты. Доносить Государю и о *дзундах* [цзунду] и *сюнфах* [сюньфу], сколько у коих во областях всех людей поселено, с мнениями, чего и за что достойны.

Во областях *Гяннань* [Цзяннань], *Джегянь* [Чжэцзян], *Фугянь* [Фуцзянь], *Гуандун*, всех тех людей, которые прежде жили на приморских местах, а ныне переведены во внутрь областей на жилые места, имеют *дзунды* [цзунду] и *сюнфы* [сюньфу], поселять порядочным образом сами, давая им дворы

---

[1] Конечно написан сбор, то есть пошлина за женщин таких, которые содержатся у них в вольных домах или трактирах для принятия и увеселения заежжих мущин [купцов больше], по тому, что в оных областях есть торговые порты, особливо же в *Гуандунском*, торги бывают великие; европейцы сей порт называют немо *кантоном*, и удивительно, что они слов китайских правильно, как наши Российские люди, не пишут. Но областям у китайцев есть много похвальных корпусов таких, в которых воспитываются девочки сироты, от бедных родителей, и несчастно родившиеся зазорные: содержат корпусы почтенные вдовы не молодых лет, на сборных и общественных коштах, и обучают их читать и писать, экономии, искусным рукоделиям, пению и музыке, и благонравию, а по возрасте установляют им высокие цены по достоинствам, и каждой достоинства и цену пишут на билете: по билетам покупают их от вдов богатые и высоких чинов и достоинств люди в побочные жены [чаще]: многим из таких девиц случается быть матерями знатных особ.

[2] [布政使 кит. *бу́чжэ́ний – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

и пашни, снабжая их к житию всеми потребностями, не отлагая ни мало времяни, и не полагался ни в чем на своих подчиненных.

Отставных начальников, которые приежжают в другие области пожить несколько времени, высылать в прежние их жилища по силе закона; а где найдется так, что такие начальники, заехавши в какую область, завели пашни, и живя несколько времени, умерли тамо, после же их дети и внучата живут при пашнях, и как с пашенных земель, так и с пахатных мужиков платят в казну по записной книге оклады, то им детям и внучатам таких начальников, давать волю, оставаться тамо при пашнях, и выежжать поселяться или на отчизне, или на других местах по желаниям.

Всех скитающихся во области *Сычуань* бедных людей возвращать по желаниям на отчизны их казенным коштом, давая хлеб, суда, телеги, и поручая нарочным начальникам.

Всем доброхотным начальникам, большим и малым, статским и военным, находящимся в службах, которые вывозить будут бедных скитающихся людей из области *Сычуань*, на отчизны, своим коштом, награждение следующее.

За людей не меньше 100 семей 1 *джерги* памятная.

Не меньше 400 семей 1 *джерги* прибавленая.

Не меньше 500 семей, 2 *джерги* прибавленых.

Не меньше 600 семей, 3 *джерги* прибавленых.

Не меньше 700 доложить Государю.

Таких бедных людей имеют уездные начальники при поселениях снабжать всем потребным к житию достаточно.

О СЧИСЛЕНИИ ПАХАТНЫХ КРЕСТЬЯН [В]ОС[Ь]МИ *ГУЗА*

Установлено каждой *ниру* [роте] иметь пахатных крестьян по 200 человек.

Счисление о прибылых пахатных крестьянах производить чрез каждые три года однажды: при счислениях, таких из прибылых крестьян мужиков, которые вошли в указную меру, вписывать в установленную с начала для вписывания всех мужиков записную книгу, а которых за старостию или слабостию или малолетством не следует вписывать в книгу, тех отсылать для досмотров в указные места. Всех таких господ, которые утаевать будут прибылых у себя пахатных крестьян, отдавать к суду, и с ними начальников тех *нир* [рот], в коих они числятся, судишь за допущение к утайкам, а крестьян утаенных включать в Государственную книгу.

Купленых мужиков, еще недорослей вписывать в собственные их *ниру*.

Не жить ни кому в отдаленном месте от своей *ниру* [роты].

Недорослям быть до 18 лет от роду каждого, и прежде сих лет не дозволять им чинить разделы в имениях.

Слуг, которые на приступах к неприятельским городам оказывали такие услуги, что взлазили на городовые стены, писать вольными, и числить их

особыми семействами, а братьям и дядьям их [по отцах] родным давать свободы на выкупы себя от господ своих.

Крестьян пахотных, которые при новых манжурах вошли в подданство здешнее, включить в общество старых здешних крестьян, составивши из них особую *ниру* [роту].

Из двух пахатных крестьян, которые приписные к домам *ванов* и подобных им [принцев], брать одного в служащие панцырники [в с[о]лдаты].

Кто для услуги своей пожелает набрать людей, чтоб составить из них особую *ниру* [роту], тот может набрать их только из приписных к своему дому, а ежели при том будет набирать людей от родственников своих, то должно ему заменить им набранных своими людьми.

О ПРОДАЖАХ И О ПОКУПКАХ ЛЮДЕЙ

Слугою и невольником становится человек от покорения своего, и для того тому господину, которому он покорившимся сделался, есть воля продать его другому господину.

Продавать и покупать людей только в торговых местах своей *гуза* [*знамени* – дивизии].[1]

Кто в продажных людях разлучать будет отца с сыном, брата с братом родных, мужа с женою, того со всем семейством и родом включить в казенную на платежи окладов установленную книгу.

Кто в продажных людях, которые взяты им в полон, разлучит мужа с женою, того наказать телесным наказанием, сведя разлученых жить обоим в одном месте.

Не быть китайцам продажными в степные места.

Кто из людей корельства корейского, приехавших сюда с данью, при возврате своем назад, возьмет с собою тайно здешнего человека, и на пути обыскан с ним явится, того наказать вместо плетей доправлением с него серебра в казну по числу *насле́гов* (сельских поселений [?] – *прим. ред.*) сколь далеко отъехал; а того корейца, которой прикрывал сей поступок своего корейца, казнить смертью.[2]

На покупных людей крепости писать в тех начальствах, под которыми продавцы числятся, свидетелей принимать от стороны продавца родственников и соседов его; крепости записывать в книги, прикладывать к ним печати и подписывать их своими руками имеют начальники пошлин. Каждой из сих начальников по совершении каждой крепости, должен о совершении оной доносить в *Джургань* [*коллегию*] *доходов*; а сия *джургань* по доношению имеет сообщить к *сюнфе* [сюнфу – вице-губернаторам] для объявления в том уезде и деревне, откуда проданой человек. Ежели начальник по совершении крепости не будет доносить о сем в *джургань* оной [коллегии доходов] в де-

[1] Под которою числится.
[2] Значит кажется, казнить самого посланника.

сяти днях, не давать ему жалованье год времени. А буде и по прошествии десяти дней доносить не будет, снять с него одну *джерги*.

Манжурского и мунгальского двух родов людям не быть продажными ко китайцам.

Ни каким начальникам не покупать людей в тех областях, в которых при делах находятся.

Кто из китайцев сам себя продавать будет, на того крепость совершишь по законному установлению, но взявши с него о самопроизволении его сказку, и по сказке, упомянувши в крепости произволение его точными словами его.

ПОЗВОЛЕНИЕ НА ВЫКУПЫ

Полоненых на войнах людей, которые просить будут у господ своих свободного жития, принося за себя выкупные платы, никому не держать в неволе.

Всяких невольников выкупать дозволяется родственникам их, установляя цены выкупов общим двух сторон соглашением.

Для оставшихся семейств от изменников и бунтовщиков государственных нет выкупов.

Крепостных своих людей всем господам отпускать дозволяется, но чтобы записывали о сем в *Джургане* [*коллегии*] *доходов*.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ [24-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О податях и службах крестьянских (1)

В государстве как подати, так и службы налагаются на крестьян по закону следующему от глубочайшей древности; подати по мерам и качествам пашенных земель, службы по временам и количествам пахатных мужиков; в следствие сего наше правительство те государственные записные книги, в которых все оное; заключается, имело старание исправить и утвердить, по исправлении же и утверждении, определило составить из них образцовые частные листы для сведения народного, которые потом составлены, напечатаны и во всех местах обнародованы, под названием: *образец чистой*: а как по сим образцам утайки и закрывательства явно могут быть вскрываемы, на сие сделаны законы, по которым во всем и поступать должно; и которые ниже сего видны будут.

ИСПРАВЛЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ТОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КНИГИ, КОТОРАЯ ПОД НАЗВАНИЕМ *КНИГА ПОЛНАЯ*

В 3-м году царствования Государя *Шунджи* [Шунь-чжи, 1646 г.], государственная полная книга, с держащая все подати и службы крестьянские, обнародована по высочайшему повелению; пред начатием ее, даны были имянные указы избранным вельможам, которыми велено, одним из них обще

с *Джургань* [*коллегию*] *доходов* сделать годовые ведомости и сметы о казне всякого рода по всем присудственным местам в Пекине находящимся, сколько где какой казны бывает в приходе и росходе, и сколько в настоящее время на лицо есть, сколько в росход итти следует, и сколько остаться должно; другим из них ездить по всем областям, начавши с Пекинской, и сделать такие же годовые ведомости и сметы о казне денежной и хлебной, по скольку чего с каких пашен в казну брать, сколько чего отправлять куда надлежит, и сколько чего на местах оставлять следует; Пекинские ведомости собирать им к себе от всех присудственных мест, а областные от всех *сюньфов* [вице-губернаторов]. *Амбани* [сановники] книгу такую составивши с великим прилежанием и осторожностию, взносили к Государю, и Государь по рассмотрении утвердить ее соизволил.

Установлено *дзундам* [цзунду – губернаторам] и *сюньфам* [сюньфу – вице-губернатрам] собирать с уездов ведомости в конце каждого года: сколько, где в году вскрыто праздной земли мерою под пашни, и сколько, где людей прибавилося; по ведомостям им вписывать прибылые пашни и людей в *Полную книгу*. И вписывая доносить о сем *Джургане* [*коллегии*] *доходов*, которая имеет должность людей за оное, или награждать для поощрения, или наказывать за нерадение по своему рассмотрению.

Присылаются к Государю от всех областей чрез каждые пять лет *желтые ведомости*, в которых означено по уездам сколько где каких пашен, и сколько где душ людей налицо есть, перечнями: Такие ведомости хранятся в Государевой кладовой палате.

В 6-м году [1649 г.] сочиненные для податей и службе крестьянских образцовые листы под названием: *образец чистой*: напечатаны и вручены каждому *будженсыю* [бучжэнши][1], каждому уездному начальнику, и каждому крестьянину во всем государстве, в листах таких означены каждого уезда качества пашен на три степени, *вышнее* (высшее – *прим. ред.*), *среднее*, *нижнее*, числа сумм окладных, настоящих и мелочных всякого рода; названия деревень и слобод, имяна пахарей, меры пашен, числа всех пахатных мужиков, суммы сколько где серебром и хлебом собрать надлежит, сколько где пахарей умерших и беглых, и сколько каких степеней пашенных земель мерою в праздности и запустении.

Начальники уездные имеют начинать ежегодные сборы с крестьян, предваривши их уведомлением прежде полного месяца времени до начинания, раздавши всем им за месяц времени образцовые листы; *Джургань* [*коллегия*] *доходов* имеет наблюдать по доношениям как о раздаче крестьянам листов, так и о верных с них сборах, сходственность против установлении.

Сюньфы [сюньфу – вице-губернаторы] имеют о таких иногда оказав-

---

[1] [布政使 кит. *бу́чжэ́нший* – *ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

шихся начальниках, которые хотя малое что с крестьян брали против образцовых листов, доносить самому Государю.

Начальники уездные имеют раздавать образцовые листы крестьянам пред новым годом в первых числах 11 луны, а о сборах доносить в *Джургань* [*коллегию*] *доходов* в такие следующие времена.

Из области Пекинской	в конце 12 луны.
Шан[ь]дунской,	в конце 1 луны (нового года).
Сансиской [Шаньси],	
Хонанской [Хэнань]	
Гяннанской [Цзяннань],	в половине 2 луны.
Джегянской [Чжэцзянь]	
Гянсиской [Цзянси],	в конце 2 луны.
Хугуанской,	
Шансиской [Шэньси]	
Фугянской [Фуцзянь],	в половине 3 луны.
Гуандунской	
Сычуан[ь]ской,	в конце 3 луны.
Гуансиской	

За просрочки таких положении наказания следующие:

начальникам уездным

за 1 месяц вычесть за 2 месяца жалованья,

за 2 месяца за 6 месяцев,

за 3 месяца за 1 год,

за 4 и 5 месяцев снять 1 *джерги*,

за 6 и 7 месяцев снять 2 *джерги* и определить к другим делам.

Сыям [*сы* – (начальникам) экспециций], *доуям* [изыскателям], *фуям* [фу – начальникам областных городов], *дусыям* [дусы – малым казначеям][1]:

за каждой месяц вычету за месяц жалованья,

за 4 и 5 месяцев, вычету жалованья за 6 месяцев,

за 6 и 7 месяцев, убавить одну часть жалованья, оставя при прежней должности.

Шубаням[2]:

за 1 месяц, отрешишь,

за не меньше 3 месяцев, отдать в казенную работу,

---

[1] Названия начальникам в алфавит посмотреть.

[2] Подьячие нерангованые из природных китайцев [書辦 кит. *шӯбань – уст.* писец, письмоводитель (*в присутствии*, *приказе*). – *Прим. ред.*].

за не меньше полугода, написать в пограничные воины.

Ежели в Пекинских присудственных местах окажется в присланных из подчиненных мест записных книгах или *боулах* (в репортах) неисправности такие: *пропущено что* нужное, *или удвоено*; *число не верно*, *или сумма*; *лишнее внесено*, *или надобного недостает*; имя *или название не написано*; то тех подчиненных начальников, от коих книги или *боула* присланы будут, наказывать за каждую такую неисправность вычетами жалованья за 3 месяца: а главных их начальников, тех, чрез руки которых шли книги или *баула*, наказывать вычетами жалованья за месяц.

НАКАЗАНИЯ УЕЗДНЫМ НАЧАЛЬНИКАМ ЗА УТАЕНИЯ МЕР НА ПАШЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

За утайку меньше одного *кина* [цин], не давать один год жалованья.

За утайку больше одного *кина* [цин], снять 1 *джерги* и определить к другой должности.

За утайку больше 2-х *кин* [цин], лишать всех чинов.

Кто утая вписаную к казне пашню, не объявит сего о себе, того лишать всех чинов.

С *джифуев* [чжифу][1] за не изыскания утаенных пашен снимать по 1 *джерги*, определяя к другим должностям; *сыев*, *доуев* лишать за сие по одному году жалованья; а *сюнь фов*, за сие лишать по половине года жалованья.

Кто отдаст кому либо землю вспахать без платежа в казну денег, снять с того одну *джерги*, определя к другой должности, а главных его начальников по сему лишать одного года жалованья.

Кто цену положит на пашню недостаточную, или без указа из *джургани* продаст пашню, того лишить одного года жалованья, а главных его начальников лишить половины года жалованья.

Кто не скоро положит пену на пашню, у того убавить две части жалованья, принуждая положить цену в тоже время, когда наказуется, и не давать полного жалованья, покуда не исправится., а главных его начальников за сие лишить половины года жалованья.

НАКАЗАНИЯ ВОИНАМ И КРЕСТЬЯНАМ ЗА УТАЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ ПАШЕННЫХ	
Меры	***Наказания***
От 1 *му* до 9 *му*	40 ударов толстыми батогами.
От 10 *му*	40 ударов оными, и сажать в *селхень* на 3 месяца[2].

[1] [知府 кит. *чжӣфӯ* – начальник округа, правитель области. – *Прим. ред.*].

[2] Колотка деревянная на шею, на подобие шахматной доски: в средине вырезано, складывают и замыкают на шее.

От *кина*	40 ударов оными и на 3 года в работу казенную.
Старостам за неусмотрение	40 ударов и на 3 месяца в *селхень*.
ХАФАНЯМ [ЧИНОВНИКАМ] СТАТСКИМ И ВОЕННЫМ ЗА УТАЙКИ ЗЕМЕЛЬ ПАШЕННЫХ НАКАЗАНЬЯ	
Меры	***Наказания***
От 1 *му* до 9 *му*:	снять 4 *джерги* и определить к другой должности.
От 10 *му*:	лишить всех чинов.
От 1 *кина*:	лиша всех чинов, и взявши *джолигань*[1] за 100 ударов толстых батогов, не определять к делам вечно.
ФИЛОЗОФАМ за оное:	
От 1 *му* до 9-ти:	лишить названия филозофского.
От 10 *му*:	взять *джолигань* [2] за 100 ударов толстых батогов.
От 1 *кина*:	лиша названия филозофского, взявши *джолигань* за 100 ударов толстых батогов, вечно никуда не определять.

Все утаенные пашни приписывать к казенным для получения в казну окладов.

НАКАЗАНИЯ УЕЗДНЫМ И *ВЕЙСКИМ* [ВЭЙ] НАЧАЛЬНИКАМ ЗА НЕ ИЗЫСКИВА[НИЕ] УТАЕНЫХ ЗЕМЕЛЬ	
Меры	***Наказания***
Когда не достает 2 *кин* [цин]:	снять 4 *джерги* и определить к другой должности.

[1] *Джолигань*: пеня, штраф.
[2] [См. выше].

От 2 *кин* [цин]:	лишить всех чинов.
Доуям [изыскателям], *фуям* [фу – начальникам областных городов], *дусыям* [дусы – малым казначеям] за такие неизыскивания:	
Когда недостает 5 *кин* [цин]:	снять 2 *джерги*, определя к другой должности.
От 5 *кин* [цин]:	снять 4 *джерги* и определить к другой должности.
Наказания *дзундам*, *сюньфам* и *будженсыям* за оное:	
Когда недостает 10 *кин* [цин]:	снять 1 *джерги*.
От 10 *кин* [цин]:	снять 2 *джерги* и еще не давать жалованья за год.

НАГРАЖДЕНИЯ ЗА ИЗЫСКАНИЯ УТАЕНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Начальникам уездным:

от 100 *кин* [цин], дать 1 *эджехе джерги*,
от 200 *кин* [цин], дать 2 *эджехе джерги*,
от 300 *кин* [цин], дать 3 *эджехе джерги*,
от 400 *кин* [цин], дать 4 *эджехе джерги*,
от 500 *кин* [цин], дать 1 *нонгиха джерги*.

Доуям [изыскателям], *фуям* [фу – начальникам областных городов], *дусыям* [дусы – малым казначеям]:

от 200 *кин* [цин], дать 1 *эджехе джерги*,
от 400 *кин* [цин], дать 2 *эджехе джерги*,
от 600 *кин* [цин], дать 3 *эджехе джерги*,
от 800 *кин* [цин], дать 4 *эджехе джерги*,
от 1000 *кин* [цин], дать и *нонгиха джерги*.

Дзундам [цзунду], *сюньфам* [сюньфу], и *будженсыям* [бучжэнши]:

от 500 *кин* [цин], дать 1 *эджехе джерги*,
от 1000 *кин* [цин], дать 2 *эджехе джерги*,
от 1500 *кин* [цин], дать 3 *эджехе джерги*,
от 2000 *кин* [цин], дать 4 *эджехе джерги*,
от 2500 *кин* [цин], дать 1 *нонгиха джерги*.

Кто имея у себя утаеную землю, сам донесет про себя, что в сем виновен, владея ею не больше года времяни, того простить и не наказывать.

Каким образом собирать по окладам подати и оброки с крестьян

Правление государственное имея число всем окладам положенным на крестьян узаконенное, и ведая, что во времяна сборов могут происходить крестьянам разные тревоги с обидами от собираний единственно беспорядочных, входит в рассуждения по сему тонкие и подробные, и установляет законы на порядках основанные, как следует:

Быть во всех присудственных местах, от которых происходят сборы податей и оброков, письменным *пиоу*[1], в билете: (1) написать число оклада следуемого за пашни и за мужиков, (2) написать число срока для отдачи, (3) наложить на билет печать[2], (4) перерезать такой билет по полам, и одну половину отдать тому человеку, которой платить будет оклад, для знака; а другую оставить в шкафе кладовой палаты, для заготовления к справке; сверх того иметь в каждой деревне записные сему тетрати; итак Во времена сборов явно будет по билетам, откуда получены или еще не получены оклады.

Всегда пред начатием сбора имеет *буджeнсы* [бучжэнши][3] разослать к уездным начальникам расписания следуемым к получению окладам за своею печатью, а начальники имеют возвращать оные приписавши свои доставления окладов для уверения.

Во всех областях при сборах окладов принимать в казну серебром семь, медными деньгами три части, от десяти частей.

Уездные начальники имеют пред сборами окладов вписывать имена людей в книги по уездам и жилищам, и, вписавши суммы окладов, сколько от какой деревни следует в казну, сличать обще с отдатчиками, дабы находя сходства, после легко было обеим сторонам как отдавать, так и принимать в казну законные оклады.

Быть отдачам и приемам окладов всегда в одних надлежащих *ямунях* при глазах самих судей, где и хранению быть в казенных сундуках, для приемов и хранения казны в каждом *ямуне* [ямэнь – приказе] иметь по две книги записные, в которые вписывать приходы по примеру государственной окладной книги, которая называется, *Книга полная*: *поспешные* прежде, *медленные* после, понеже узаконяется здесь и приемам так действительно быть, что бы поспешные приемы, обходя по собственным временам рядом округи, препятствуемы приемами медленными не были.

При приемах серебра вес и гири употреблять всегда данные от *джурганя* [коллегии].

Ежели начальник, принявши в казну от крестьянина оклад, не бу-

---

[1] Билетам.

[2] Тиснят печатью на письме суриком намазаною: на ней изображено буквами название присудственного места.

[3] [布政使 кит. *бу́чжэ́ний – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

дет давать ему в приеме *пиоу*[1] за казенною печатью, лишить такого начальника всех чинов, и отдать еще под исследование. Есть ли *сы* [(начальники) экспедиций], *доу* [*изыскатели*], *фу* [начальники областных городов] из лицеприятия к нему прикрывали такой поступок его, лишить и их всех чинов; а естьли *дзунду* [цзунду – губернаторы] и *сюньфу* [вице-губернаторы] делали потачки ему в своевольствах, то и с них за оказавшейся оной поступок его снять по пяти *джерги*, и перевесть их к другим делам.

Всех таких начальников, которые будут казенные деньги, собранные с крестьян по окладам, переводить в место других сумм на росходы, и для сего числить ложно в недоимках, и которые будут чинить прибавочные с крестьян сборы, собою выдуманые, лиша всех чинов, бросать под жесточайшие исследования; за них, и всех *сы* [(начальники) экспедиций], *доу* [*изыскатели*], *фу* [начальники областных городов] судей, которые утаевая, не доносили о таких столь злых поступках их, лишать всех чинов; с *дзундов* и *сюнь фов*, естьли по лицеприятиям мимо ушей оное пуская, не доносили Государю, снимать по пяти *джерги* и переводить на другие должности.

НАЧИНАТЬ СБОРЫ ОКЛАДНЫЕ В УКАЗНЫЕ ВСЕГДА СРОКИ

В 4-[й] луне в трех частях сбора две части кончить, а в 8-[й] луне кончить весь сбор; кто из начальников в противность сему ранее сбор начнет ко обеспокоеванию жалких крестьян, или паче сего, без всякого разбора и отделения недостатка в сборе оказавшегося, будет мучить крестьян побоями, наказать такого немилосердого по обвинению *сюньфы* [сюньфу – вице-губернатора] судом по указам.

СВОБОДА ОТ ПЛАТЕЖА В КАЗНУ ТАКОГО ОКЛАДА,
КОТОР[Ы]Й НАЗЫВАЕТСЯ *ХАХА*[2]

Крестьянину, которой имеет от роду свыше 70 лет, дать одного *хаха* на прокормление, и все подати и службы протчие сложить с него.

В Пекине с торговых людей и с извощиков никаких служеб и сборов не требовать вечно.

Пекинским начальникам свобода 1-му клас[с]у:
хлеба с 30 *хуле* [мешков с зерном], *хаха*[3] с 30 человек.
2 клас[с]у:
хлеба с 24 *хуле*, *хаха* с 24 человек.
3-клас[с]у:
хлеба с 20 *хуле*, *хаха* с 20 человек.
4 клас[с]у:
Хлеба с 16 *хуле*, *хаха* с 16 человек.
5 клас[с]у:
хлеба с 14 *хуле*, *хаха* с 14 человек.

---

[1] *Пиоу*: квитанция, билет.
[2] Мужичей.
[3] [*Хаха* называется и пахатный крестьянин].

6 клас[с]у:
хлеба с 12-ти *хуле*, *хаха* с 12-ти человек.
7 клас[с]у:
хлеба с 10-ти *хуле*, *хаха* с 10-ти человек.
8 клас[с]у:
хлеба с 8-ми *хуле*, *хаха* с 8-ми человек.
9-му клас[с]у:
хлеба с 6-ти *хуле*, *хаха* с 6-ти человек.

Всем в протчих всех областях у дел находящимся начальникам свобода против росписания по половинному числу.

Учителям, философам, студентам, чины имеющим – свобода, хлеба по 2 *хуле*, *хаха* по 2 человека.

Служащим низких званий людям свобода хлеба по 1 *хуле*, *хаха* по 1-му человеку.

Всем наказаным, которые чинов лишены, нет свободы.

Со всех областей от пахатных *хаха* [мужиков], собираемых в казну денег в году: в Пекин привозится серебра 21 938 627 *янь* 8 *дзиха*; на местах оставляется серебра 6 289 155 *янь* 3 *дзиха*.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ ПЯТАЯ [25-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О податях и о службах крестьянских (2)

О ИСПЫТОВАНИИ НАЧАЛЬНИКОВ
ИСПРАВНЫ ЛИ В ДОЛЖНОСТЯХ СВОИХ

Джургань [*коллегия*] *доходов*, имея в своем ведении и управлении всю хлебную и денежную казну государственную, почитает себе за самое важное правило испытовать начальников, исправны ли в должностях своих; смотрит счеты и сметы их казне, следующие к доношениям Государю, в положенные ли приходят сроки; тем, у которых казна окажется в полном сборе, чинит поощрения, а тем, у которых явятся в казне недостатки, производит наказания, содержит на обое правосудие строго, входя во все обстоятельства и во всякие подробности; и на конец неисправности и помешательства исправляет и установляет на стройности и на обыкновенном порядке.

Ведомости и счеты о казне сочинять годовые верно, чтоб суммы от сумм отделяемы были ясно, начинаются ведомости от начальников уездных, сии отсылают оные в *фу*, *фу*, рассмотря и поверя их, отсылает к *будженсыю* [бучжэнши – казначей, который собирает подати и оброки], а *будженсы* разобравши в тонкость, и поверя обще с своею ведомостью, отсылает в *джургань* [коллегию], *джургань* у себя рассмотревши оные и уверяся исправностию, полагает решительное во всем оном окончание. А дабы от начала до конца ведомости сочиняемы и отсылаемы были от мест до мест без всяких медленностей и остановок, сие возлагается на *дзундов* [цзунду – губернато-

ров] и *сюнфов* [сюньфу – вице-губернаторов] к надзиранию, они долг имеют усматривая неисправности, доносить Государю на неисправных судей и начальников, обвиняя их прямо в чем не исправны.

Для присылания из всех областей в *джургань* каждого года счетов полагаются сроки в последующем году по сему:

из Пекинской,	в конце 4 луны.
Шан[ь]дунской,	
Сансиской [Шаньси],	
Хонанской [Хэнань],	
Шан[ь]сиской,	
из Гяннанской [Цзяннань],	в половине 5 луны.
Джегянской [Чжэцзян],	
Гянсиской [Цзянси],	
Хугуанской	
из Фугянской [Фуцзянь],	в конце 3 луны.
Сычуан[ь]ской	
из Гуандунской,	в половине 6 луны.
Гуансиской,	
Гуйджеуской [Гуйчжоу],	
Юньнан[ь]ской	

Уездным начальникам, которые оброки и подати в казну доставлять будут в свое время исправно, полагаются в награждение *джерги* по сему.

Меньше 50 000 *янь* серебра (невступно) 1 *эджехе*.

Больше 50 000 [1],	2 *эджехе*[2].
а меньше 100 000:	
Больше 100 000:	3 *эджехе*.
ДОУЛИЯМ [*изыскателям и исправителям*]:	
больше 100 000,	2 *эджехе*.
а меньше 200 000,	
Больше 200 000	3 *эджехе*.

[1] Когда толикое число и больше.

[2] [Привилегия, так называются и даваемые от Государя их указы на чины наследственные, и еще даваемые указы при отправлении на поручаемые коммисии].

СЮНЬФУЯМ [сюньфу], *БУДЖЕНСЫЯМ* [бучжэнши]:	
меньше 800 000:	1 *эджехе*.
Больше 500 000,	2 *эджехе*.
а меньше 1 000 000:	
Больше 1 000 000,	1 *нонгиха*.[1]

ЧАСТЬ ДВА ДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ [26-я]
по *Джургане*[*коллегии*] *доходов*

О ПРИВОЗЕ К ПЕКИНУ КАЗЕННОГО ХЛЕБА[2]

По восстановления нашего Манжурского правительства в Пекине, утверждено заходом привозить к Пекину хлеб воденым путем, в каждом году от двух сторон восточной и южной для довольствования военных и статских служащих людей жалованьем; хлеб называется, один *настояще меряной*, другой *перемеряной*, первой входит в анбары Пекинские, последней входит в анбары *Тунжеуские*.[3]

Каждого года число привозимого хлеба из шести областей утверждено 4 000 000 *хуле* (мешков).[4]

Числу оному от вскрываемых вновь пашен бывает приращение, а от запустевших земель происходят оценки и замены по временам и случаям, иногда убавочные, иногда прибавочные.

Число хлеба *настояще меряное*:	3 300 000 *хуле*
из области *Гяннанской* [Цзяннань]	1 500 000
Джегянской [Чжэцзян]	600 000
Гянсиской [Цзянси]	400 000
Хугуанской	250 000
Шан[*ь*]*дунской*	280 000
Хонанской [Хэнань]	270 000
Число хлеба *перемеряное*:	700 000 *хуле*
из области *Гяннанской* [Цзяннань]	294 400
Джегянской [Чжэцзян]	30 000
Гянсиской [Цзянси]	17 000

[1] *Эджехе*, *нонгиха*, смотреть в алфавите.
[2] Пшена сорочинского.
[3] *Тунджеу* (Тунчжоу –*прим. ред.*) – город, от Пекина в расстоянии верст пяти российских: тут река и слюзы (шлюзы – *прим. ред.*).
[4] Смотреть в алфавите *хуле*.

Шан[*ь*]*дунской*	95 600
Хонанской [Хэнань]	110 000.

Получает казна еще каждого года с шести *фу*, *Суджеуской* [Сучжоу] и других по 34 440 *хуле* [мешков] за известь и камни.

Начальники у провоза хлеба	
дзунду [цзунду – губернаторов]	1.
доули [*изыскателей и исправителей*]	7.
смотрителей меряния	34.
провозителей	6.

Сроку для меры хлеба 2 месяца, 11-[й] и 12-[й] месяцы.

Употреблять в провозах хлеба и в строениях судов, служащих людей *вейшоских* (гарнизонных).

На строение одного судна такого, которое употребляется на внешних реках, положено 85 *янь* серебра, а такого, употребляется которое на внутренней реке (к Пекину), положено 198 *янь* серебра.

Мешки готовить имеют *гинги* (досмотрщики).

Класть в каждое судно хлеба 150 *хуле* [мешков].

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ [27-я]
по *Джургане* [*коллегия*] *доходов*

О провозе хлеба

Число судов для провозу хлеба 10 170.

Сроку на каждое судно для употребления 10 лет.

О ежегодно привозимом в Пекин белом пшене.[1]

Привозится пшено такое для двора Государева и для жалованья некоторым особам по случающимся имянным указам.

В дворцовой *цан*[2] белого, чистого, мелкого пшена – 1282 *хуле* [мешков].

В дворцовой *Гуюн гу* белого пшена – 82452 *хуле*.

К приказу столовых и протчих припасов, белого и крупного пшена 66 980 *хуле*.

В дворцовой *Дзю цу гюй* [цзюцуцзюй] белого и крупного пшена 12 200 *хуле*.

Для *ванов* белого, мелкого, и крупного пшена 10 000 *хуле*.

К приказу *Дзун жинь фу* [цзунжэньфу][3], к *джурганям* [коллегиям] и

[1] О пшене сорочинском; у них пшено сие пяти разных родов.

[2] *Ц*[*а*]*н*: магазеин (склад – *прим. ред.*). [倉 кит. *цāн – сущ.* 1) житница, закром, амбар; кладовая, склад…; 藏 кит. *цáн – гл.* …2) прятать; хранить, сберегать; запасать, копить… *сущ.* 藏 кит. *цзàн* – 1) склад; кладовая; хранилище; амбар; сокровищница…].

[3] [宗人府 кит. *цзӯнжэ́ньфӯ* – министерство по делам Двора (*эпохи Мин–Цин*). – *Прим. ред.*].

ямуням [ямэнь – приказам] крупного белого пшена 32 890 *хуле*.

К *Хи шен шо* [сишэншо] крупного пшена 125 *хуле* [мешков с зерном].

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТ ОСЬМАЯ [28-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О *ЦАНАХ*[1] И ЗАКРОМАХ ОПИСАНИЕ (1).

В *цанах* по всему государству построенных хранится хлеб для содержания войск, и для избавления крестьян и всех жалких людей в случившиеся неурожаи и голоды; ко всем *цанам* определяются начальники главные и подвластные, еще хранители и присматриватели; как разбирать их и испытывовать, суть на сие законы, как о приемах им и выдачах счеты и сметы делать, и какие ведомости по тому к Государю присылать, суть на сие положения. Сверх таких обыкновенных *цанов* есть еще по государству *цаны* с хлебом запасные на случаи необычайные, великой поспешности требующие; такие *цаны* называются *чан пин* [всегда полные].

Пекинских *цанов* – 8.

Тунджеуских[2] – 3.

В Пекинских *цанах* закромов 340; в каждом закроме хлеба 12 000 *хуле*.

В *Тунджеуских цанах* закромов 141, в каждом закроме хлеба 10 000 *хуле* [мешков].

Цанов, находящихся при реках на берегах – 8, в них хлеба близко – 230 000 *хуле*.

Цанов находящихся в разных по государству уезда *уездах* городах 380.

ЧАСТЬ ДВАДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ [29-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О *ЦАНАХ* И ЗАКРОМАХ ОПИСАНИЕ (2)

Цанов, находящихся в разных по государству местах: *вейских* [вэй][3] – 692, в сем числе есть запасные *цаны*, для необычайных случаев, которые называются *чан пин* [всегда полные].[4]

---

[1] О магазейнах (складах – *прим. р*. [См. прим. выше].

[2] Город близко Пекина.

[3] *Вей* [вэй]: гарнизон, ландмилиция. [衛 кит. *вэй – сущ*. 1) охрана, стража; караул; …3) *ист.* вэй (*военно-адм. единица Китая с гарнизоном в 5600 чел., дин. Мин*); гарнизон, форт; военное поселение, сторожевой пост (*см.* 衛所). – *Прим. ред*.].

[4] Всех магазейнов значится числом 1 191, и во оригинале оных двух частей 28 и 29 росписаны все магазейны с названиями, и все провинции и уезды, где находятся магазейны с названиями же, какое каждой магазеин и каждое место собственное название имеет.

ЧАСТЬ ТРИДЕСЯТАЯ [30-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

О казенных кладовых палатах[1] описание (1)

В Пекине:

Палата золота и серебра; в ней хранится присылаемое из областей, собираемое от крестьян, настоящее и мелочное серебро, еще золото, жемчуг и яшма.

Палата камок и мехов; в ней хранятся присылаемые из областей шелковые и бумажные материи, меха и из льна деланые вещи.

Палата красок и бумаге; в ней хранятся присылаемые из областей краски, лекарственные коренья, и разные произрастения странные и потребные, бумаги разных *родов*.

Палата *Лисин ку* называемая; в ней хранятся шелковые материи, и еще давношних годов краски, разных колеров бумаги, и подобные сему вещи.

Палата *Гуюнь ку*; в ней хранится присылаемое из двух областей *Гянанской* [Цзяннань] и *Джегянской* [Чжэцзян] самое чистейшее и белейшее поспелое пшено сорочинское, и в ней делаются для двора и для всех присудственных мест белые и желтые восковые свечи, разные благоуханные свечи, и масло семянное.

Палата *Ченюн ку* [чэнъюнку]; хранится в ней получаемое от заводов серебро, шелк, и тонкие шелковые материи, настоящие и за оброки по ценам принимаемые, еще давношняя бумага.

Палата *Гядзы ку* [цзяцзыку]; хранятся в ней присылаемые вещи из областей, чай, воск, олифа, медь деланая желтая и красная, киноварь, порошки к краскам, олово и подобные вещи.

Палата *Идзы ку* [ицзыку]; в ней хранятся присылаемые из областей бумажные и льняные материи, и давношние шелковые материи, шелки, бумаги хлопчатые, льны, свечи благовонные.

При оных палатах начальники и служители:

ицихяра[2] *хафань* [чиновник] с печатьми	3
айжилаку[3]	3
казначеев	6
витхеши	24
помощников	32
знателей доброты вещей	130

[1] Их палаты называть пристойнее дворами.
[2] [Обер-секретарский чин, 5 старшего класса].
[3] [Секретарский чин, 5 младшего класса].

прислужников	8
мастеров	45
скопцов при палате *Гуюнь ку*	6

Присылаемые из других Государств дары хранятся в трех кладовых палатах, придворной Пекинской, придворной *Мукденской* и *Джурганя* [*коллегии*] *доходов*.

Число всех по государству во областях находится казенных кладовых палат 780.[1]

ЧАСТЬ ТРИДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ [31-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

ОПИСАНИЕ КЛАДОВЫМ КАЗЕННЫМ ПАЛАТАМ (2).

Установлено привозить из областей в Пекин к двору Государеву вещи собираемые с крестьян по оброкам только такие, каких в Пекине в продаже не случается, а за случающиеся брать с них серебром; по сему устоновлению исполнение зависит от *Джурганя* [*коллегии*] *доходов*, и ниже сего следует описание таким вещам, которые каждого года присылаются к сей *джургане* из всех областей в натуре.

Из области Пекинской:

хлопчатой бумаги 17 332 *гинь*[2] [цзинь] 15 *янь*.[3]

белого семя *малангу*[4]	500	*хуле*
рогов бычьих	61	пар
дерева желтого крепкого	2420	*гинь* [цзинь]
Из *Гяннанской* [Цзяннань] от *будженсыя* первого:		
китаек мягких	27868	концов
гюанзе[5] желтой и белой	154	куска
гюанзе из шелку диких червей	13	кусков
гюанзе из желтого шелку	2	куска
гюанзе из сырцу	193	куска
китайки лосченой трехниточной	2498	концов

[1] В оригинале росписаны все палаты с названиями, какое каждая палата, [а сей том и каждой город где палата] название собственное имеет.

[2] *Гинь* [цзинь]: китайской их фунт; в нем наш фунт с четвертью. [斤 кит. *цзйнь* – 1) полкило, цзинь (*китайский фунт*; *10 лянов/500 граммов в Китае и Малайзии, 16 лянов/600 граммов в Гонконге, Сингапуре, на Тайване и др.*) – *Прим. ред.*].

[3] *Янь*: имеет 8 золот[ников] наших.

[4] *Малангу*: семя подобное несколько льняному; из него делается изрядное масло.

[5] *Гюанзе*: материя подобная тафте тонкой.

китайки лосченой двухниточной	2498	концов
белил чистейших	2524	*гинь* [цзинь]
краски темной	1136	
краски синей	2068	
желтой деланой меди	2993	
красной деланой меди	6310	
олова	5238	
олифы	6628	
воску желтого	12694	
тонкого чаю	7484	
травеных сердечек[1]	500	
белой пенки	16284	
сурику	1594	
вохры	242	*гинь* [цзинь]
воску белого	150	
клею рыбьего	810	
железа деланого	2665	
квасцов	3706	
Из Гяннанской [Цзяннань] от *будженсыя* второго:		
гюанзе сырцовой	286	кусков
гюанзе из чистого шелку	47	кусков
китайки *асу* называемой	300	кусков
гуанзе из шелку диких червей	1	кусок
гуанзе из шелку пошлинного	12	кусков
сурику	1235	*гинь* [цзинь]
вохры	62	
олифы	5789	
олова	7076	
воску желтого	10761	
чаю тонкого	11237	

[1] Светильни их.

пеньки белой	14820	*гинь* [цзинь]
клею рыбьего	1177	
свинцу	704	
лисиц	21	лист
бумаги толстой	16481	
железа деланого	68214	*гинь* [цзинь]
белого воску	350	
белил чистейших	2214	
меди желтой деланой	2173	
меди красной деланой	3126	
квасцов	2250	
Из Джегянской [Чжэцзян]:		
хлопчатой	200	*гинь* [цзинь]
белого	5000	
желтого	4000	
ханши[1]	500	кусков
красной земли	1186	*гинь* [цзинь]
меди желтой деланой	1064	
воску желтого	7264	
чаю средней доброты	120	коробов
чаю высокой доброты	7476	*гинь* [цзинь]
железа деланого	67116	
Из Гянсиской [Цзянси]:		
китайки	5496	концов
воску желтого	4158	*гинь* [цзинь]
воску белого	7790	
сурику	589	
квасцов	109	
олова	2028	
меди красной деланой	1060	

[1] Шелковая материя самая тонкая.

олифы	2028	
красной травы	80	
Из Хугуанской:		
воску желтого	1837	*гинь* [цзинь]
еще воску желтого	1837	
краски красной	70	
Из Фугянской [Фуцзянь]:		
сурику	328	*гинь* [цзинь]
красной земли	1215	
белого воску	9678	*гинь* [цзинь]
желтого воску	5578	
олифы	1450	
меди желтой деланой	502	
олова	2029	
свинцу	55157	
чаю высокой доброты	4717	
лекарственного корню *чень хянь* [чэнь сянь]	100	
инбирю [имбирю] самого доброго	500	
Из Шан[ь]дунской:		
китайки белой широкой	2300	концов
лекарства *хуан дань*[1]	10 786	*гинь* [цзинь]
воску желтого	6360	
цветков с дерев *хуанзе*[2]	4440	
клею водяного	2751	
меди желтой деланой	693	
меди красной деланой	1702	
хлопчатой бумаги	10 492	
рогов бычьих	976	пар
белой *малангу*[1]	550	*хуле* [мешков]

[1] Я слышал, что лекарство сие из псовой желчи.
[2] *Хуанзе*: у нас называют гороховое дерево.

жил бычьих	600	*гинь* [цзинь]
цветков *дзи*[2] [цзи]	2000	
Из Сансиской [Шаньси]:		
гюанзе сырцовой	500	кусков
гуанзе из шелку червей диких[3]	300	
желтой меди деланой	866	*гинь* [цзинь]
олова	1839	
воску желтого	283	
клею водяного	2749	
квасцов	2263	
бумаги большой	250 000	листов
Из Хонанской [Хэнань]:		
китайки широкой	4000	концов
хлопчатой бумаги	3523	*гинь* [цзинь]
лекарства *хуан дань*	2754	
квасцов	678	
белил самых чистых	126	
свинцу	56012	*гинь* [цзинь]
меди красной деланой	1860	
меди желтой деланой	1053	
жил бычьих	195	
воску желтого	5375	
белого семя *малангу*	150	*хуле* [мешков]
рогов бычьих	470	*пар*
Из Гуандунской:		
воску белого	11867	*гинь* [цзинь]
чаю высокой доброты	4701	
клею рыбьего *гуанского*	2080	
клею рыбьего	926	

[1] Семя подобное несколько льняному.
[2] *Дзи* [цзи]: у нас называющие петушьи гребешки.
[3] *Гюанзе*: подобна тонкой тафте.

воску желтого	13919	
олова	5709	
сурику	1450	
земли красной	515	
дерева красного	9	штук
каждая штука имеет долины по 4 аршина росс[ийского], а тяжести по 200 *гинь*.		
дерева белого	9	штук
каждая штука имеет долины по 3 аршина 3/4 росс[ийского], а тяжести по 150 *гинь*		
Из Гуансиской:		
меди неделаной	10218	*гинь* [цзинь]
клею рыбьего	980	
железа деланого	16613	

Из трех областей Пекинской, Шан[ь]дунской и Хонанской за лисицы присылать в *джургань* [колленгию] деньги, а в замен покупать лисицы в Пекине.

О МЕДНЫХ ДЕНЬГАХ

Медные деньги составляют собою образ царственного правления, основанного на благоустройности, и служат всему народу пользою общественною.

В Пекине два денежные двора под ведомством *Джурганя* [*коллегии*] *доходов*, а во областях у каждого *будженсыя* [бучжэнши][1] в ведомстве по одному денежному двору.

В одной медной деньге весу одна *дзиха*[2], принимать в казну и выдавать из казны медные деньги, ценя против одного *фуня* [фэнь] серебра семь медных денег, а в народе ходить медным деньгам ценя[т]ся против серебра, и променивался на серебро по добротам (по пробам) серебра вольными ценами.[3]

На медной деньге одна сторона имеет четыре слова букв китайских [иероглифов], значущие *название Государя*, *драгоценность всем* [4]; другая

[1] [布政使 кит. *бу̀чжэ̀нший – ист.* комиссар (начальник департамента) по гражданским и финансовым делам (*дин. Мин и Цин*). – *Прим. ред.*].

[2] *Дзиха* имеет российского весу 4/5 золотника, а *фунь* 2/25 золотника.

[3] Серебро у них казенное самой вышней доброты, чистое без примесу, а народное, то есть торговое, разных низких доброт и проб с примесами.

[4] Китайцы имя своего Государя не знают. У них и никого кроме слуги имянем назвать не можно, называют прозвищами, придавая чиновному слово господин, нечиновному брат, и другие почтительные разные слова. Название себе каждой Государь принимает при восшествии своем на престол такое, какого от век ни один, Государь не имел, и года царствования своего пишет с

гая сторона имеет два слова букв манжурских, значущие название денежного двора.

О МЕДИ И СВИНЦЕ

К рудокопанию меди и свинца белого и черного определять по три начальника, двух уездных и главного *доули* [*изыскателя и исправителя*]; людей желающих копать медь и свинец допускать к копанию, от сего промысла брать с них в казну меди и свинцу две части из десяти частей; записывать оное в книгу, и доносить об оном куда надлежит в четыре знатные время года, а остальные восемь частей имеют те люди волю продавать по временным торговым ценам. Не дозволять копать где есть могилы. Когда где при рудокопании, меди и свинца не явилось, или оказалось такое место, кое к рудокопанию негодно, то *дзунду* [цзунду – губернаторы] и *сюньфу* [вице-губернаторы] имеют оное от рудокопания отставить, донеся о сем обстоятельно Государю. За медь и свинец, получаемые в казну двумя частьми из десяти частей от крестьян, награждение начальникам такое:

Доулию [доули] за каждые 100 000 *гинь* [цзинь] дать 1 *эджехе джерги*, а за каждые 400 000 *гинь* [цзинь] дать 1 *нонгиха джерги*.

Уездному начальнику за каждые 50 000 *гинь* [цзинь], дать 1 *эджехе джерги*, а за каждые 20 000 *гинь*, [цзинь] дать 1 *нонгиха джерги*.

А ежели получат они в казну меди и свинцу еще больше оных чисел, то представлять их к большим награждениям.

Ежели кто из начальников окажется по рудокопным местам в лихоимстве, или в притеснении людей, такого осуждать к наказанию жестокому.

Места из коих выходит медь и свинец, дозволяется копать хозяевам, в чьих дачах окажутся руды такие; но прежде о желании своем руды копать, должны они подавать в присутственных местах объявлении. А когда где хозяин места руду копать не в состоянии, то дозволяется копать желающим того уезда людям, с объявления в присудственном месте; ежели в котором уезде мастеров и работников к рудокопанию нет, дозволяется нанимать из соседнего уезда. Кто пришед за межу, отважится копать руду воровски в чужом месте, и кто из людей присудственных месте отважится наглостьми и притеснениями не допускать к рудокопанию таких людей, которым копать руду дозволено, таковых наказывать как великих озорников и грабителей.

О ПРИНИМА[НИИ] В КАЗНУ И О ВЫДАВАНИИ ИЗ КАЗНЫ МЕДНЫХ ДЕНЕГ СОВОКУПНО С СЕРЕБРОМ

При серебре медные деньги принимать в казну от крестьян, и употреблять из казны в выдачи всем служащим людям жалованья, полагая всегда в десяти частях, серебра семь частей, медных денег три части; по отправлениях же из мест надлежащих сумм серебра в Пекин, деньги оставлять в соб-

---

принятым названием так, например название ему *Канси*, пишет царствования Государя *Канси* (то есть Государя [девиза правления] “Тишины и Покоя”) такого то года.

ственных местах для выдач и употреблений. *Дзунды* [цзунду – губернаторы] и *сюнфы* [сюньфу – вице-губернатору] имеют собирать из подвластных мест от начальников ведомости, сколько где в году серебра, и сколько медных денег в казну принято, и из казны в выдачи употреблено, и в казне на лицо состоит; ведомости такие собравши, имеют они справляться сходны ли и верны ли; по сходствам и верностям имеют из всех ведомостей составлять полные свои ведомости, и присылать оные в *джургань* [коллегию] при конце каждого года; кто по сему положению явится неисправен, о том донесть Государю.

ЧАСТЬ ТРИДЕСЯТЬ ВТОРАЯ [32-я]
по *Джургане доходов*

Установления на пошлины, о соли

Соль в нашем государстве состоит по местам своим во управлении присудственных мест, *сы* называемых; судьи тех *сы* подчинены *сюньфам*, а в некоторых местах по близостям *будженсыям* и *доулиям*[1]; к пошлинам с соли посылаются начальники *баичаме туара*.[2] И во всех областях соль выпускается и в продажу идет по выписям и билетам[3]; а пошлина с соли принимается по числу выписей и билетов; при том назначены места, в которых выписи и билеты уничтожаются. А как по случаям и обстоятельствам пошлина с соли в потребных местах временами бывает снимаема, убавляема, прибавляема; то такие перемены при оказанных установлениях ниже сего описаны, и служат навсегда образцами и законами ясными.

По смете, учиненной в 24-[м] году царствования Государя *Канси* [в 1684 году], выходит в государстве одного года на соль число выписей 4 372 023 листов; число билетов 31 350 листов; а принимается в казну с выписей и билетов в году пошлин за соль серебром 3 882 683 *янь*.

Соль *Шан*[*ь*]*дунская*

Дела о соли исправляют три присудственные места, *сы* называемые.

Места, из которых соль выходит: *Юньяньские*, *Биньлоские*, *Гиоулайские*.

Соловарни (солеварни – *прим. ред.*):

Юнь ли, Вань гя [ваньцзя], Хай дзан [хайцзан], Ден нин [дэннин], Синь ян, Фу го, Юн фу, Си ю, Ши хо, Тоу ло, Лу кеу [луцоу], Пу тай.[4]

От сей соли пошлина:

По смете, учиненной в 24-[м] году царствования Государя *Канси* [в 1684 г.], в Шан[ь]дунской области выходит число выписей и билетов 446 444;

---

[1] *Сюньфу* – вице губернатор; *будженсыя* – казначей; *доули* – изыскатель, исправитель.

[2] *Баичеме туара* – изыскатели, присматриватели. Ч[е]рез год сменяют их новыми.

[3] Назвал я лист с половинною печатью билетом, а лист с числом веса соли выписью; ниже сего видна будет форма для листов.

[4] В государстве мест, из которых озерная обыкновенная и льдяная соль выходит, 140, кроме колодцев 1182.

а принимается в казну с выписей и билетов пошлин серебром 142 87*2 янь* на год.

Соль сия продается в городах названий таких:

Дзинань [Цзинань], Яньджеу [Яньчжоу], Дунчан, Цинджеу [Цинчжоу], Лиджеу [Личжоу], Деньджеу [Дэньчжоу], Сюйджеу [Сюйчжоу], Суджеу [Сучжоу], Гуйде [Гуйдэ].

В 1-[м] году царствования Государя *Шунджи* [Шуньчжи, 1644 г.] определено на соль выпускать выписей 463 737 листов; а брать в казну пошлины с каждой выписи серебром по 2 *дзиха* 5 *ли*; билетов выпускать 94 047 листов, а брать в казну пошлины с каждого билета серебром но 1 *дзиха*, 8 *ли*, 3 *хоу*.

В 11-[м] году [1654 г.] определено убавить число выписей 233 737 листов, и по числу сему пошлину.

В 12-[м] году [1655 г.] определено выпускать еще число выписей 15 000 листов, и пошлину брать по установлению.

В 13-[м] году [1656 г.] определено прибавить число выписей 80 000 листов, и пошлину брать по установлению.

В 14-[м] году царствования Государя *Канси* [1674 г.] определено прибавить пошлин на каждой лист выписи, и на каждой лист билета по 5 *фунь* [фэнь] серебра.

В 16-[м] году [1676 г.] определено прибавить пошлин за прибавочной вес соли на каждую выпись по 4 *фунь* [фэнь], а на кажд[ы]й билет по 3 *фунь* [фэнь] серебра.

В 18-[м] году [1678 г.] определено прибавить пошлин на кажд[ы]й билет по 6 *фунь* [фэнь] серебра.

В том же году определено по числу работников выпускать еще число выписей 31 181 лист; число билетов 9 405 листов, и пошлину брать с листов по установлению.

В 24-[м] году [1684 г.] определено прибавленную пошлину на каждую выпись по 5 *фунь* [фэнь] серебра не брать.[1]

ЧАСТЬ ТРИДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ [33-я]
по *Джургане* [*коллегии*] *доходов*

Установления на пошлины, о соли

Привозить в Пекин соль к следующим начальствам каждого года:

к кладовой палате *Гюнь* [цзюнь] соли белой	241 666	*гинь*

[1] Здесь описана соль *Шан*[ь]*дунская*, а соль других многих по местам и урочищам своим названий, описана в сей 32 части, и в первой половине 33 следующей части, по каждому названию своему особенно; подобным образом, как описана сия Шан[ь]дунская соль с названиями, мест, в которых соль родится; соловарен, в коих соль варят; городов, где соль продавать велено; а при том со определениями о соли в разных годах бывшими. Я переведя одно описание о *соли Шан*[ь]-*дунской*, оставил протчие без перевода, дабы ими любопытному читателю не наскучить.

к запасному дворцу *Ней гуань* [нэйгуань] белой	62 000	[цзинь][1]
черной	72 500	
к приказу *Гуанлусы*[2] белой и черной	142 000	
льдяной	10 000	
мелкой как пыль	1 200	

Выдавать всем чины *хафаня* имеющим[3] соль, начиная от *ван*ов, в год по стольку *гинь* [цзинь], по скольку кто серебра *янь* получает.[4]

Листы о соли печатать от *Джурганя* [*коллегии*] *доходов* суриком по медным доскам за благовремянно в каждом году один раз; а отправлять с оными к местам начальников *байчаме туара* [5] ежегодно новых.

ОБРАЗЕЦ ЛИСТА О СОЛИ

Лист о соли, данной от *Джурганя* [*коллегии*] *доходов*.

Получая *Джургань доходов* о соли доношении из солен[н]óго приказа *такой* области, и рассматривая при том как касательные до соли установления для *такой* сы [экспедиции], *такого* места Государем утвержденные, так и всякие учреждения во все место ко исполнениям давно отсюда разосланые, напечатала о числе веса соли листы, такие, которые поручаются на двоякие статьи, в которых означены для соли места, куда возить, где продавать, и которые даются купцам в знак дозволенной продажи соли.

СТАТЬИ:

1. *Такая* сы [экспедиция], *такое* место дает всякому купцу для продажи соли лист с половинною печатью, вписавши в другой лист для получения соли число веса соли, и с тем отпускает от себя купца, когда за листы с него полная плата получена бывает.[6]

2. Купец должен развозить соль по местам на продажу, имея при себе следуемой лист; а ежели найдется он с солью, без следуемого листа, отобрать от него соль, признавши за не указную, и его отдать под суд. Буде купец по распродаже соли не возвратит в надлежащее место следуемого листа в пяти днях, наказать его толстыми батогами 60 ударов; буде он воровским образом станет соль продавать по старому листу, осудить к такому наказанию, какое положено за воровскую соль. Кто напишет воровской лист, тому отрубить голову.

Сии две статьи служат д[*ля*] *всех областей*.

3. Места для соли, куда возить и где продавать.

---

[1] *Гинь* [цзинь] – фунт их; в нем весу российской фунт с четвертью [см. ранее].

[2] [光禄寺 кит. *гуа̄нлу́сы* – пиршественный приказ, ведомство банкетов (*с дин. Сев. Ци,VI в. …*). – *Прим. ред.*].

[3] Рангованным [т.е. чиновникам].

[4] *Янь рубль* их (т.е. крупная монета – *прим. ред.*); имеет весу 8 золотников.

[5] [Изыскатель, присматриватель].

[6] Можно назвать, лист с половинною печатью билетом, а лист с числом веса соли выписью.

Такая область: *такой фу* [губерния], *такой джеу* [чжоу – область] *или хянь* [уезд], *такой город*, *такой вей* [вэй гарнизон], *такой ин* [лагерь], *пу* [ямской пункт], *и подобные места*.[1]

4. Отвозить казенную соль на означенные места в кулях[2], полагая 200 *гинь* [цзинь] в один куль для каждого следуемого листа; в *пиянях*[3] [заставах], мимо которых соль везена будет, для освидетельствования числа весу соли, вытаскивать из кулей кули и перевешивать; и ежели найдется лишняя воровская соль, отобрать такую соль, и того человека, которой везет соль, отослать к начальнику тутошнего уезда под исследование. У купца, которой будет казенную соль продавать, на провозе мимо тех мест, которые лежат от *Яньдзы гяна* (реки Янцзы-*цзян – прим. ред.*), до Хонанского [хэнаньского] *Сянъяна* и *Денджи* [Дэнчжи] все уездные начальники осматривают следуемые листы; и ежели найдут, что на листах нет *пиянских* заставных печатей на учиненные досмотры соли, то купца наказавши тонкими батогами 50 ударов, отсылают с солью назад к досмотрам.

Сия статья служит в листах для соли двух хан*ских мест*.

Сей лист дан купцу *такому*, в знак дозволения соль продавать.

СЕМЬ СТАТЕЙ ОБНАРОДОВАННЫХ ЗАКОНОВ,

КОТОРЫЕ ПРИДАЮТСЯ К ЛИСТАМ ОСОБЕННО

1. Кто из тех людей, которые в оградах соль варят, вывезет из ограды потаенно оставшую от настоящего числа соли соль, или сваря соль самопроизвольно продаст, того удавить титивою; а кто из соседей узнавши про произвольное сварение соли, не донесет, того бивши толстыми батогами 100 ударов, написать в воины.

2. Начальники страж должны тех людей, которых с воровскою солью поймают, отсылать к уездным начальникам для исследования. Наказание за воровскую соль установлено такое: самых винных людей казнить смертию; суда их, или телеги и скот брать в казну; указателей, куда весть соль, сводчиков к продажам соли, укрывателей соли, и дозволителей класть у себя соль на время, бивши по 100 ударов толстыми батогами, писать в воины, и отсылать в такие места, где худой воздух; работников, которые соль носили и укладывали, бивши по 100 ударов толстыми батогами, писать в воины. Кто сам о вине своей донесет, того не наказывать. Простому человеку, которой человека с воровского солью схватит, дать в награждение 10 *янь* серебра. Начальники, которые у отпусков соли, должны людей с воровскою солью поимавши, отсылать к уездным начальникам для исследования, а самим отнюдь не расспрашивать их и не следовать; уездному начальнику, которой будет следовать такое дело несправедливо по пристрастию, и винного оправя выкупит,

---

[1] Область, губерния – *фу*; провинция – *джеу* [чжоу]; и *хянь* – воеводство; *вей* – селение гарнизонное; *ин* – лагерь неподвижн[ы]й; *пу* – селения почт и ямов.

[2] Соль возят у них по большой части водяным путем.

[3] На заставах.

такое наказание, какому винной достоин.

3. Всякого звания военных и других наглых и забиячных людей, которые усилием своим не будут допускать досмотрщиков на суда, в которых воровская соль, бить толстыми батогами по 100 ударов; и еще, военным и простых бивши ссылать в такие места, где воздухе худ, написавши в тамошние военные, а *хафанской* чин имеющих, наказавши по силе уложения, от служб отрешать.

4. Кто будет на провозе красть казенную соль, или взявши несколько соли, вмешает в соль на обмен песок или землю, того наказать против того, как велено наказать простого человека по цене украденой им вещи, более одною степенью; а за кражу соли купцовой наказания, по сему, но не удвоеное одною степенью. Купца, которой в купленую из казны соль будет вмешивать песок или землю, бить толстыми батогами 80 ударов.

5. Таким людям, которые будучи с казенною солью, иметь будут при себе на провозе соли оружие, и таким, которые будучи жителями в соленых анбарах, с оружием придут к сладке казенной соли в анбары, смертная казнь.

6. Кто будет покупать воровскую соль для употребления своего, тому наказание меньше продавца одною степенью; а кто купя такую соль, будет развозить и продавать, тому смертная казнь.

7. Казенную соль от всех мест возить велено на казенных судах, и для того содоваров и работников, естьли будут класть оную на. другие суда, наказывать как за воровскую соль.

Установления о соли разные

Соль у купцов осматривать по следуемым листам, в каждое годовое время один раз[1], полагая на каждой следуемой листе в соли 200 *гинь* [цзинь], в кулях и веревках 20 *гинь* [цзинь].

За усмотреную лишнюю соль брать в казну с одного *гиня* соли, по одному *фунь* [фэнь] серебра.

В присудственные по соли места не впускать подчиненных служащих людей, когда купцы допущены будут.

Не допускать буйственных сильных людей к соли, листы брать и места захватывать.

Не допускать купцов и лавошников цены на соль установлять.

Начальники *байчаме туара* [изыскатели, присматриватели] должность имеют строго наблюдать, чтоб не было по соли от прибыльщиков и барышников обид и угнетений крестьянам, чтоб продавцы соли не имели потаенных соглашений в продаже, с теми людьми, которые цены сводят, и чтоб по оному насилия, угрозы и протчие злодеяния не происходили.

По соли всякие челобитья и дела, выключая уголовные, судить и решить в соленых приказах в близостях находящихся.

---

[1] Четыре раза в году, весною, летом, осенью, зимою.

На торговых соленых судах иметь письменные знаки, на носах вырезаные.

Начальники *даши* называемые имеют смотреть, чтоб соловары соль варили во всякое время столько весом, сколько когда следует сварить, и по месячно о соли, сколько сварено, доносить в *сы* [экспедиции].

Соловарням быть в ограде, сделаной из кошта казенного; ворота тамо отпирать и запирать по приказаниям начальников определяемых; заставлять соловаров вареную соль складывать, и дозволять купцам торговаться о соли в ограде. В домах и вне ограды оказавшуюся соль почитать воровского, и виновников такой соли наказывать по закону. Купец получивши лист на соль должен купить и накладывать соль в ограде при глазах начальника ограды, которой потом вывесть дозволяет.

На проездах соленых суден брать в *фуданях*[1] пошлину с одних суден, кроме соли; естьли начальник сверх пошлинного числа коснется взятка, наказать его как нарушителя государственного узаконения.

Когда в продаже неуказной соли приведен будет под суд большой купец, то весьма обстоятельно дело такого рода исследовать, были или нет люди, которые продажу таили, которые в торгу сводчиками были, и которые по дороге мимо своего места соль такую пропускали; полное исследование оного зависит от Солен[н]óй *сы* [экспедиции] и от *доу* [присудственное место изысканий и поправлений]; сии должны всех виноватых в деле оказать и порознь решительные о них обвинения заключить; ежели напротив, *сы* и *доу* с согласия не окажут в деле виноватых всех, наказать и самих их вместе с виноватыми.

Исключаются из сей статьи малые торгаши, которые покушаются продавать неуказную соль, нося на себе.

Бедным людям в пищу выпускать беспошлинно соли до сорока *гинь* [цзинь].

Соловаров не допускать к таким людям, которые служат в *Соляной сы* [экспедиции].

Делам посоли, во упущениях пошлин на провозах в *фуданях*[2], и на открытиях продаж в гостиных дворах, быть в *Джургане* [*коллегии*] *доходов*, а делам по неуказной воровской соли, в неимениях листов, быть в *Джургане* [*коллегии*] *исследований*.

Начальники *байчаме туара* [изыскатели, присматриватели] должность имеют ездить в ограды для соловаров (солеваров – *прим. ред.*), и справедливо размерять их земли, чтоб сильные люди не могли к обидам владать землями их.

Уездных начальников, которые не осмотрительно упускать будут во-

---

[1] В крепостьцах где заставы, то есть в таможнях.
[2] [См. выше].

енных и других разных людей развозить не указную соль по местам и распродавать, наказывать снятиями степеней за один раз одной, за два раза двух, оставляя на местах и должностях для выслуг на срок, что естьли кто из них в году поимает человека с неуказною солью один раз, возвратить ему одну степень, два раза поимает, две возвратить: на против, по происшедшим на него в таких случаях трем справедливым жалобам, лишить его всех чинов.

Полковникам, которые неосмотрительно допускать будут воинов к развозам и распродажам неуказной соли, повелено их ловить, и определено о допущениях полковниками учиненных доносить Государю, и наказывать за сие полковников снятиями степеней, за один раз одной, за два раза двух, оставляя на властях для выслуг на срок, что естьли кто из них поимает воина один раз, возвратить тому одну степень, а два две: но ежели три раза такие люди поимаемы будут других сторон людьми, лишать полковников всех чинов.

Уездных начальников к награждению за поимки с неуказною солью вписывать в книгу памяти по сему:

за 3 раза – заметить раз, за 6 – два, за 9 – прибавить одну степень.

Определено выпускать указную соль на судах за границы *Тяньдзинскую* [Тяньцзин] и *Дагускую* по особливым для пропусков листам, даваемым от солен[н]ых *байчаме туара* [изыскателей, присматривателей] начальников (сверх настоящих солен[н]ых листов) за казенными печатьми, приписывая на выпусках в листах числа людей, сколько когда выпускается.

Уездного начальника, которой принудит крестьян к сбору денег для покупки листа на соль, лишить всех чинов; а тех начальников, которым он подчинен, да которые при соли находятся, естьли увидя такой его поступок молчать будут, судить и наказывать.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА[1]

[1] Продолжение будет в 20-м выпуске сборника «Проблемы истории общества, государства и права» 2024 года.

Список трудов Евгения Ивановича Кычанова[1] по истории государства и права народов Китая и Центральной Азии

Переводы законодательных актов:

Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101-1113) / Пер. Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2005. № 1 (2). – С. 5-34.

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Пер. Е.И. Кычанова. В 4-х кн. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987-1989. – 464 с., 704 с., 620 с., 674 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 1–4).

Си Ся фа дянь — Тянь-шэн нянь гай цзю дин синь люйлин (ди 17 чжан) 西夏法典 — 天盛年改舊定新律令 (Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (главы 1–7)) / Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫 俄譯; пер. на кит. яз. Ли Чжун-саня 李 仲三 漢譯; ред. пер. Ло Мао-кунь 羅 矛昆 校訂. – Иньчуань 銀川 : Нинся жэньминь чубаньшэ 寧夏人民出版社, 1988. – 212 с.

Новые законы тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангут., введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2013. – 501 с. (Памятники письменности Востока. CXL).

---

[1] Мы сделали выборку из большого научного наследия Евгения Ивановича Кычанова, собрав здесь его работы по истории китайского, тангутского и монгольского государства и права. Составлено по: Библиография научных трудов доктора исторических наук, провессора Евгения Ивановича Кычанова / Сост. В.П. Зайцев // Тангуты в Центральной Азии: сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Вост. лит., 2012. – С. 15-57; *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. – М.: Восточная литература, 2008. – Кн. I. – С. 768-769; Библиография научных трудов доктора исторических наук, проф. Е.И. Кычанова / Сост. В. П. Зай- цев // Тангуты в Центральной Азии: Сб. ст. в честь 80-летия проф. Е. И. Кычанова. – М.: Вост. лит., 2012. – С. 15-57; *Попова И. Ф.* Стало судьбой… // Там же. С. 3-14; *Popova I.F.* Evgenij Ivanovich Kychanov (1932-2013). The Life of Tangut Studies Pioneer // Central Asiatic Journal. – 2014. – Vol. 57. – P. 1-13; Евгений Иванович Кычанов, доктор исторических наук, профессор (22.06.1932 – 24.05.2013) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option= com_personalities&Itemid =74&person=71 (дата обращения: 20.05.2023).

Исследования Е.И. Кычанова по истории китайского, тангутского и монгольского государства и права

1959

Кычанов Е.И. Государственное устройство Си Ся // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А.А. Жданова, № 281. Сер. востоковедческих наук. Вып. 10: История и филология Китая. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – С. 103-115.

Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // Страны и народы Востока. Выпуск I. География, этнография, история. – М.: ИВЛ, 1959. – С. 204-212.

Кычанов Е.И. Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов // Советская этнография. –1959, июль-август. – № 4. – С. 110-115.

1960

Кычанов Е.И. Государство Си Ся (982–1227). Автореф. … канд. ист. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: ЛГУ, 1960. – 20 с.

Кычанов Е.И. Государство Си Ся (982–1227 гг.). Дис. … канд. ист. наук / Науч. рук. ст. науч. сотрудник, канд. ист. наук З.И. Горбачева; АН СССР, Ин-т востоковедения, Ленингр. отд-ние. – Л., 1960. – [1], [1], 372, [5], [1], [2] л.

Кычанов Е.И. Сведения источников XII в. о чжурчжэнях, монголах и татарах // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений [Подсекция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. Сообщения]. – Иркутск: [б. и.], 1960. – С. 27-30.

1961

Кычанов Е.И. Из истории буддизма в государстве Си Ся // Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. – М.: ИВЛ, 1961. – С. 140-157, 254-255.

Кычанов Е.И. К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // Вопросы филологии и истории стран Советского и Зарубежного Востока. – М.: ИВЛ, 1961. – С. 148-160.

1962

Кычанов Е.И. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Т. 15). – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. – С. 146-153.

1963

Горбачева З.И., Кычанов Е.И. Тангутские рукописи и ксилографы. Список

отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Предисловие Н.И. Конрада. М.: ИВЛ, 1963. – 173 с.

Кычанов Е.И. Государство кара-китаев // История Киргизии. – Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1963. – Т. I. – С. 120-126.

Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Известия Акад. наук Кирг. ССР. Сер. общественных наук. Т. V. Вып. 1 (история). – Фрунзе: Изд-во Акад. наук Кирг. ССР, 1963. – С. 59-65.

1964

Кычанов Е.И. Дальний Восток в XIII–XVI веках / Е.И. Кычанов, Э.В. Шавкунов // Материалы по древней истории Сибири = Древняя Сибирь. Материалы к I тому Истории Сибири. – Улан-Удэ: [б. и.], 1964. – С. 639-648.

Кычанов Е.И. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо) / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). – М.: Наука, 1964. – 9, [1] с.

Kychanov E.I. On the problem of Tangut ethnogenesis (Topa–Weimin–Wamo) / VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (Moscow, August 1964). – M.: “Nauka” Publ. House, 1964. – 14, [1], [1] p.

1965

Кычанов Е.И. Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана // Краткие сообщения Института народов Азии. № 76: Материалы к хронике Советского востоковедения. История Монголии и Китая. – М.: Наука, ГРВЛ, 1965. – С. 154-165.

Кычанов Е.И. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии. № 69: Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1965. – С. 180-196, 210-218.

1966

Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Вып. 2: Сибирский археологический сборник (Материалы по истории Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. – С. 269-281.

1968

Кычанов Е.И. Государство кара-киданей // История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – С. 140-142.

Кычанов Е.И. Дальний Восток в XIII–XVI вв. / Е.И. Кычанов, Э.В. Шавкунов // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти тт. Т. 1: Древняя Сибирь. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 402-408.

Кычанов Е.И. К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР: Материалы секции истории дооктябрьского периода, археологии, этногра-

фии и филологии народов Дальнего Востока IV Дальневосточной научной конференции [Владивосток, 5-9 октября 1965 г.] (Труды. Серия историческая / Дальневосточный фил. им. В.Л. Комарова АН СССР; Т. VI). – Владивосток: [б. и.], 1968. – С. 179-185.

Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. – М.: Наука, ГРВЛ, 1968. – 353, [3] с., [1] вкл. с картой.

Кычанов Е.И. Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 года. – Ленинград, 1968. – С. 55-58.

1969

Кычанов Е.И. Из истории экономики тангутского государства Ся (982-1227 гг.) // Страны и народы Востока. Выпуск VIII. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – С. 113-121.

Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Ч. 1. / Пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского.– М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 607, [1] с. (Памятники письменности Востока; XXV, [1])

Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Ч. 2 / Пер. с тангутского, вступ. ст. и прилож. К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 271, [1] с. (Памятники письменности Востока; XXV, [2]).

1970

Кычанов Е.И. «Гимн священным предкам тангутов» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 217-231.

Кычанов Е.И. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба – Вэймин – Вамо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3-10 августа 1964 г.). Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IX. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 440-445.

Кычанов Е.И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1970. – С. 46-61.

Кычанов Е.И. О некоторых тангутских наименованиях соседних народов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Апрель 1970 года. – М.: ГРВЛ, 1970. – С. 87-89.

1971

Кычанов Е.И. Из истории Приамурья и Приморья в первой половине XVIII в. // [Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока]. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1971. – С. 60-63.

Кычанов Е.И., *Лубо-Лесниченко Е.И.* Монетное обращение в Хара-хото (по материалам находок) // Страны и народы Востока. Выпуск XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азия. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – С. 49-54.

Кычанов Е.И. Тангуты и Запад // Страны и народы Востока. Выпуск X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – С. 157-162.

Kyčanov E.I. A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto / E.I. Kyčanov // Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1971. – T. XXIV. – Fasc. 2. – P. 189-201.

Kyčanov E.I. Les guerres entre les Sung du Nord et le Hsi-Hsia / E.I. Kyčanov; [Traduit du russe par F. Aubin] // Études Song = Sung Studies: in memoriam Étienne Balazs. Série I: Histoire et Institutions, [n°] 2 / éditées par F. Aubin. – [Paris; La Haye]: Mouton & Co, [1971]. – P. 103-118, 102 (carte "La zone des hostilités entre les Sung et les Hsi-Hsia").

1972

Кычанов Е.И. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1969 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 229-243.

Кычанов Е.И. Что такое «Новые законы»? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1972. – С. 93-98.

1973

Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. – М., Наука, ГРВЛ, 1973. – 142, [1], [1] с., с илл.

Кычанов Е.И. Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология) (Труды ИИАЭНДВ; Т. IX). – Владивосток: [Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока], 1973. – С. 136-142.

Кычанов Е.И. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии (Международный симпозиум в Улан-Баторе) / Е.И. Кычанов, Э.А. Новгородова // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 6. – С. 219-223.

Кычанов Е.И. Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке» (1190) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: Наука, ГРВЛ, 1973. – С. 22-25.

Kychanov E.I. Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) / XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July 16-22, 1973). Papers Pre-

sented by Soviet Scientists. – M.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1973. – 16 p.

1974

Кычанов Е.И. Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 309-326.

Кычанов Е.И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии = Төв Азийн иргэншилд нүүдэлчдийн роль (Олон улсын симпозиумын хэрэглэ-гдэхүүн) = Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia (A record of papers and discussions of the International UNESKO symposium). – Улан-Батор: ШУАХ = Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Үйлдвэр, 1974. – С. 165-170.

Кычанов Е.И. Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (автоаннотации и краткие сообщения). – М.: ГРВЛ, 1974. – С. 22-25.

Кычанов Е.И. Тангутские пайцзы // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири (Материалы по истории Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С. 266-270.

Кычанов Е.И. Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 193-203.

Kychanov E.I. On the Slaves and Servants in the Tangut Encyclopedia *A Sea of Meanings Established by the Saints* // The Countries and Peoples of the East: Selected Articles / Editors Yu.V. Maretin and B.A. Valskaya; translated from the Russian by I.A. Gavrilov and P.F. Kostyuk. – M.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1974. – P. 209-214.

1975

Кычанов Е.И. О некоторых наименованиях городов и местностей бывшей территории тангутского государства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). Часть 1. – М.: ГРВЛ, 1975. – С. 47-51.

Кычанов Е.И. Прецедент и кодекс в дальневосточном праве (на примере тангутского права) // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – С. 99-103.

Кычанов Е.И. Тангуты о Китае (по тангутским первоисточникам) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века (История и культура

востока Азии; Т. III). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – С. 143-147.

Кычанов Е.И., *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры (Культура народов Востока: материалы и исследования). – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – 319 с. с ил.

1976

Кычанов Е.И. Изгнание (*и-сян*) в кодексе династии Тан (VII в.) // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1976. – С. 102-107.

Kychanov E.I. Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) // Etudes tibetaines / Actes du XXIXe Congres international des Orientalistes, Paris, Juillet, 1973. Section organisee par Ariane Macdonald. – Paris: L'Asiatheque, 1976. – P. 29-42.

Кытянофу Э.И. クィチャノフ・エ・イ [Кычанов Е.И.]. Сэйка-но сякай тайсэй-ни кансуру син-сирē 西夏の社会体制に関する新史料 [Новые исторические материалы по общественной структуре Си Ся] / Э.И. Кытянофу エ・イ・クィチャノフ [Е.И. Кычанов]; Яку: Катō Кю̄дзō 訳: 加藤九祚 (Пер. Катō Кю̄дзō) // Рицумэйкан бунгаку 立命館文學. – 1976年。第1-2 月号。第367-368号 = The Ritsumeikan Bungaku. January–February 1976. Serial Numbers 367–368. – Киото: Рицумэйкан дайгаку дзимбун гаккай 立命館大学人文学会, 1976. – С. 119-123.

1977

Кычанов Е.И. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 139-145.

Кычанов Е.И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. / Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 46-61.

Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе *дунган* // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Часть 1. – М.: ГРВЛ, 1977. – С. 31-38.

Кычанов Е.И. О принципе средневекового китайского права «*гуань дан*» (по материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. [Ч.] 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 92-98.

Кычанов Е.И. Тангутский *гвон* // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Октябрь 1977 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 35-39.

Кычанов Е.И. Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото //

Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – С. 146-152.

1978

Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе *дунган* // Советская этнография. – 1978, март–апрель. – № 2. – С. 95-99.

Кычанов Е.И. Правовое положение наложниц в средневековом Китае (VII–X вв.). (По материалам Танского кодекса) // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 181-187.

Kychanov E.J. Tibetans and Tibetan Culture in the Tangut State Hsi Hsia (982–1227) // Proceedings of the Csoma de Kőros Memorial Symposium: Held at Matrafured, Hungary, 24-30 September 1976 / Ed. by L. Ligeti (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIII). – Budapest: Akademiai Kiado, 1978. – P. 205-211.

1979

Кычанов Е.И. Значение термина «*сэ*» 色 в VII–X вв. (по материалам «Сун син тун») // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С. 112-117.

Кычанов Е.И. Социальная группа отроков в Тангутском государстве // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1978 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С. 106-110.

1980

Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII вв. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980 (История и культура востока Азии). – С. 136-148.

Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980 (Серия «Страны и народы»). – 189, [2], [1] с.

Кычанов Е.И. Правовое регулирование трудовых повинностей в государстве Си Ся (XII–XIII вв.) // Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. II. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 31-36.

Кычанов Е.И. Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах // Страны и народы Востока. Выпуск XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 137-146.

Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования) / Ответственный редактор Е.И. Кычанов; АН СССР. Институт востоковедения. – М.: ГРВЛ, 1980. – 405 [1]с.

Kyčanov E.I. Buddhism and State in Hsi Hsia from juridical aspect // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1980. – T. XXXIV. – Fasc. 1-3. – P. 105-111.

1981

Кычанов Е.И. Ирригационное хозяйство Си Ся (правовой аспект) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1979. Часть 1 (1). – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 121-125.

Кычанов Е.И. Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. // Общество и государство в Китае. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 75-94.

Кычанов Е.И. Понятие “простой человек” в кодексе «Сун син тун» // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 145-152.

Кычанов Е.И. Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.) // Социальные организации в Китае: сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 43-52.

Кычанов Е.И. Тангутская рукопись № 4189 // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974 г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С. 154-158.

1982

Кычанов Е.И. Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 108-113.

Кычанов Е.И. Международный симпозиум «Трансформация китайского права от Тан до Мин» // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 3. – С. 143-144.

Кычанов Е.И. О системе набора на военную службу в тангутском государстве Си Ся // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 39-47.

Кычанов Е.И. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века. Сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 28-62.

Кычанов Е.И. Служба складов в Тангутском государстве // Страны и народы Востока. Выпуск XXIII. Дальний Восток (История, этнография, культура). – М.: Наука, ГРВЛ, 1982. – С. 62-68.

Кычанов Е.И. Тангутские законы XII в. о семье и браке в Си Ся // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. – T. XXXVI. – Fasc. 1-3. – P. 321-333.

1983

Кычанов Е.И. Договор займа по тангутскому праву // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Часть

1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 153-157.

Кычанов Е.И. Кодекс Тангутского государства XII в. // Народы Азии и Африки. – 1983. – № 2. – С. 118-126.

Кычанов Е.И. Кто такие *пхинга* и *нини*? (О двух группах лично несвободного населения в тангутском государстве) // История и культура Центральной Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 134-159.

Кычанов Е.И. Преступления против императора по традиционному китайскому праву // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 136-140.

Кычанов Е.И. Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.) // Письменные памятники и проблемы истории куль- туры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – С. 40-53.

1984

Кычанов Е.И. Дискуссия [в рамках круглого стола «Государство и право на Древнем Востоке» с обсуждением статьи В.А. Якобсона «Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока»] // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 2. – С. 99-101.

Кычанов Е.И. Земельные правоотношения и поземельный налог в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая: сб. ст. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 111-126.

Кычанов Е.И. Люди, принадлежавшие государю (государству). (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса (девиза царствования) Небесное процветание (1149–1169 гг.)»)// Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1976-1977. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 232-239.

Кычанов Е.И. Правовое положение арендаторов и наемных работников в эпоху Сун // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 38-43.

Kychanov E.I. From the History of the Tangut Translation of the Buddhist Canon // Tibetan and Buddhist Studies. Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Kőros. Vol. 1 / Ed. by L. Ligeti. – Budapest: Akademiai Kiado, 1984 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIX/1). – P. 377-387.

1985

Кычанов Е.И. Виды китайского законодательства до династии Юань (XIII в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983-1984. Часть I. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985. – С. 53-57.

Кычанов Е.И. Закон Тан о борьбе с хищениями людей // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная

научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю). Часть III. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985. – С. 48-53.

1986

Кычанов Е.И. Абахай / Ответственный редактор В.Е. Ларичев. – Новосибирск: СО «Наука», 1986. – 150 с.

Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.) / АН СССР. Институт востоковедения. – М.: ГРВЛ, 1986. – 264 с.

Кычанов Е.И. Тангуты о происхождении мира и человека // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1986. – С. 128-133.

1987

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1-7). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1987. – 704 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 2).

Кычанов Е.И. Государство жуаньжуаней // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1987 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – С. 109-115.

1988

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 1: Исследование. Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1988. – 464 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI).

Кычанов Е.И. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга вторая. – М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – С. 373-422.

1989

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 3: Факсимиле, перевод и примечания (главы 8-12). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1989. – 620 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 3).

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования: Небесное процветание (1149-1169). В 4-х книгах / Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. Книга 4: Факсимиле, перевод и примечания (главы 13-20). Ответственный редактор В.А. Якобсон. – М.: ГРВЛ, 1989. – 676 с. (Памятники письменности Востока. LXXXI, 4).

Кычанов Е.И. О переводе термина «бу» в старых китайских описаниях соседних с Китаем народов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1988 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С. 140-143.

1990

Кычанов Е.И. О ранней государственности у *киданей* // Центральная Азия и соседние территории в средние века – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 10-24.

1991

Кычанов Е.И. Заметки об аппарате управления государством в старом Китае // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989 г. Часть 1. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 185-188.

Кычанов Е.И. Император Великого Ся / Отв. редактор В.Е. Ларичев. – Новосибирск: СО «Наука», 1991. – 160 с. (Серия «Страны и народы»).

1993

Кычанов Е.И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 148-156.

Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания» / Редакционная коллегия В.М. Солнцев (председатель), Л.К. Герасимович, С.Г. Кляшторный (зам. председателя), Е.И. Кычанов, А.Г. Сазыкин, К.Н. Яцковская. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 343 с.

1995

Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; Школа-Пресс, 1995. – 272 с: ил.

Kychanov E. Unique Tangut Manuscripts on Moral and Ethical Regulations in the Tangut Society // Manuscripta Orientalia. – 1995, October. – Vol. 1. – No 2. – P. 3-8.

Kychanov E. Wen-hai Bao-yun: the Book and its Fate // Manuscripta Orientalia. – 1995, July. – Vol. 1. – No 1. – P. 39-45.

1996

Кычанов Е.И. Михаил Васильевич Воробьев (1922-1995) // Петербургское востоковедение. Выпуск 8. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – С. 669-672.

1997

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Ответственный редактор С.А. Школяр. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 319 с.

Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа / Изда-

ние текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарий и приложения Е.И. Кычанова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 330 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. IV).

1999

Кычанов Е.И. О некоторых проблемах национальной политики в КНР // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. 27-28 октября 1999 г. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 34-37.

Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане; 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 208 с.

2000

Кычанов Е.И. Ертонцийг эзэгнэн дагуулсан тэмужиний уйламьдрал. – Улаанбаатар, 2000.[1]

2002

Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI – XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / Перевод с монгольского, комментарий и исследование А.Д. Насилова; ответственный редактор Е.И. Кычанов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 160 с.

Кычанов Е.И. Галдан бошгот хааны тужай (Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане). – Улаанбаатар, 2002. – 201 с. (Перевод на монгольский язык).

2004

Кычанов Е.И. Властители Азии. – М.: Восточная литература, 2004. – 631 с.: ил.

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. Автореферат на соискание степени канд.и.н. / Научный руководитель Е.И. Кычанов. – СПб., 2004. – 25 с.

2005

Кычанов Е.И. М.В. Воробьев – Ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 23-34.

Кычанов Е.И. Карлук Боянь Цзундао – юаньский конфуцианец // Тюркологический сборник 2003-2004 (Тюркские народы в древности и средневековье). – М.: Восточная литература, 2005. – С. 145-150.

Кычанов Е.И., *Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М.: Восточная литература, 2005. – 351 с.

Кычанов Е.И. «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 1

---

[1] Перевод на монгольский язык монографии Е.И. Кычанова «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир».

(2). – С. 5-34.

2006

Кычанов Е.И. Билики Чингис-хана // Письменные памятники Востока. – 2006. – № 2 (5). – С. 210-216.

Кычанов Е.И. Источник по истории тибетского права в китайском переводе// Письменные памятники Востока. – 2006. – № 1 (4). – С. 239-243.

Кычанов Е.И., *Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 432 с. + 1 печ. л. ил.

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Ответственный редактор Е.И. Кычанов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 228 с.

2007

Кычанов Е.И. Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана // Mongolica-VII. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – С. 57-58.

2008

Кычанов Е.И. История тангутского государства. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 767 с.

Кычанов Е.И. Тангутские (Си Ся) источники о татарах // Mongolica-VIII. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 34-36.

Кычанов Е.И. Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. Сборник статей / Под ред. И.Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – С. 130-147.

2009

История Востока: в 6-ти тт. Т. 2: Восток в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. В числе авторов: О.Г. Большаков, М.В. Воробьев, С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, И.Б. Михайлова, И.В. Можейко, В.Л. Успенский. 5-е изд. М.: Восточная литература, 2009. – 716 с.: карты.

Кычанов Е.И. [Рецензия:] Ши Цзинь-бо. Си Ся шэхуй (Общество Си Ся) // Письменные памятники Востока. – 2009.– № 2 (11). – С. 251-253.

2010

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с.

«Новые законы» тангутского государства. Глава VI. Законы и нормы поведения. Введение, перевод с тангутского и комментарий Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2010.– № 2 (13). – С. 5-31.

2012

Документы из Хара-Хото о займе зерна / Предисловие и перевод с тан-

гутского языка Е.И. Кычанова // Письменные памятники Востока. – 2012. – № 2 (17). – С. 38-43.

Kychanov E. 葉甫根尼•克恰諾夫. Dunhuang as Part of the Tangut Empire (982-1227) 敦煌作為西夏王國疆域的一部分 (982-1227) // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research 敦煌學:第二個百年的研究視角與問題. – St. Petersburg: Slavia Publishers, 2012. – P. 127-130.

Кычанов Е.И. Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке // Письменные памятники Востока. – 2012. – № 1 (16). – С. 24-27.

Kychanov E. Irrigation in the Tangut State of Xi Xia (982-1227) // Talking about Dunhuang on the Riverside of the Neva 涅瓦河邊談敦煌 / Ed. by Takata Tokio 高田時雄編. Institute for Research in Humanities Kyoto University 京都大學人文科學研究所 . – 2012. – P. 1-19.

2013

Кычанов Е.И. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. – 2013. – № 1 (18). – С. 5-8.

Кычанов Е.И. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся) // Mongolica-X. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. – С. 58-64.

«Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Наука– Восточная литература, 2013. – 501 с. (Памятники письменности Востока; CXL)

2015

Kychanov E. Tangut Documents from Khara-Khoto concerning Loans of Grain (Translated and Edited by Kirill Solonin) // Written Monuments of the Orient. – 2015. – No. 1 (1). – P. 57-66.

2022

Кычанов Е.И. М.В. Воробьёв – Учёный // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 33-42.

Оглавление:

Попова И.Ф. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Русский Самородок …….. С. 3

ВОСПОМИНАНИЯ

Кычанов Е.И. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Первый раз в Китае (Предисловие и публикация Натальи Стругач) ……... С. 17

Богданов К.М. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Е.И. Кычанов о перспективах исследования материалов Тангутского фонда ИВР РАН ……. С. 36

Рыбаков В.М. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Не нужно быть богом …… С. 45

王 颖 *Ван Ин* (Иньчуань, *Китай*)
克恰诺夫西夏学成果的翻译与评介 ……... С. 52

Шаталов О.В. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Сплетая венок… ……. С. 64

Ши Шу (Харбин, *Китай*)
Памяти моего научного руководителя Евгения Ивановича Кычанова ……... С. 67

Суровень Д.А. (Екатеринбург, *Россия*)
Евгений Иванович Кычанов как историк права …… С. 69

ИССЛЕДОВАНИЯ

Кычанов Е.И. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования *Чжэнь-гуань* (1101–1113)» .. С. 137
Тангутский документ 1170 г. о продаже земли ……... С. 153
Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото ……... С. 162
Люди, принадлежавшие государю (государству) …….. С. 172

Попова И.Ф. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Наставление танского императора Тай-цзуна «Золотое зерцало» (*Цзинь цзин*) как «семейное поучение» …….…. С. 185
Тай цзун. «Золотое зерцало» / Пер. И.Ф. Поповой …… С. 204

Трощинский П.В. (Москва, *Россия*)
Право Китая в российской науке …….. С. 226

Рыбаков В.М. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Система нормативно-правовых актов династии Тан в раннесредневековом Китае …….. С. 244

Рыбаков В.М. (Санкт-Петербург, *Россия*)
ТАНСКИЙ КОДЕКС «ТАН ЛЮЙ ШУ И» О ДОЛЖНОСТНЫХ НАКАЗАНИЯХ ЧИНОВНИКОВ ……. С. 289

Рыбаков В.М. (Санкт-Петербург, *Россия*)
О ПРИНЦИПЕ ЗАЧЁТА РАНГОМ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ……. С. 308

Почекаев Р.Ю. (Санкт-Петербург, *Россия*)
СУД ПОСЛЕ СМЕРТИ: ДЕЛО АХМАДА БЕНАКЕТИ …… С. 315

ТАЙЦИН ГУРУНЬ И УХЕРИ КОЛИ,
то есть все законы и установления китайского (*а ныне манжурского*) правительства / Перевод с манжурского языка А. Леонтиева …….. С. 327

Список трудов Евгения Ивановича Кычанова по истории государства и права народов Китая и Центральной Азии ……... С. 494

Оглавление ……...…..... С. 509

Научное издание

Право народов Китая и Центральной Азии

Памяти Евгения Ивановича Кычанова
(1932-2013)

(историко-правовые исследования)

Сборник воспоминаний и научных трудов

Редакционная коллегия
РЫБАКОВ Вячеслав Михайлович
СМЫКАЛИН Александр Сергеевич
НАСИБУЛЛИН Рафил Ахнафович
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович

Составитель оригинал-макета, технический редактор
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович
Кафедра истории государства и права
тел.: 8 (343) 367-40-55
Уральский государственный юридический университет
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: igp@usla.ru

Подписано в печать 13.05.2024.
Формат бумаги 70 × 100/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 27,17. Заказ № 18596. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
Тел.: 8 (800) 300-16-00
www/alfaprint24.ru